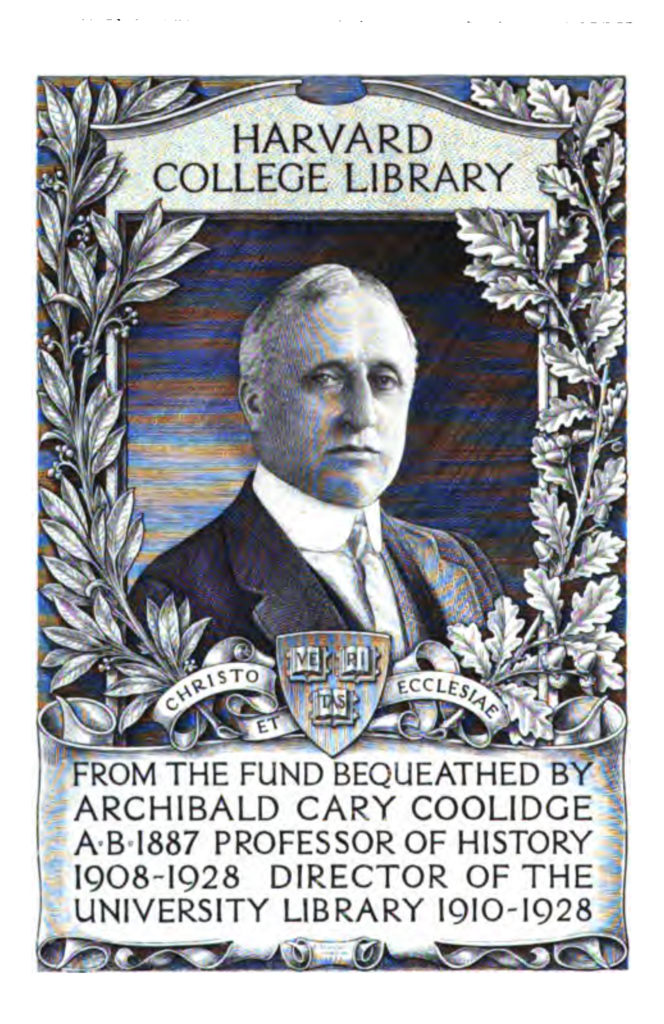

HARVARD
COLLEGE LIBRARY
CHRISTO
ET
ECCLESIAE
VE RI TAS
FROM THE FUND BEQUEATHED BY
ARCHIBALD CARY COOLIDGE
A·B·1887 PROFESSOR OF HISTORY
1908-1928 DIRECTOR OF THE
UNIVERSITY LIBRARY 1910-1928

РУССКАЯ МЫСЛЬ.

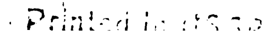
ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ.

5

АВГУСТЪ.

МОСКВА.
Типо-лит. Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°,

Никольская ул., собств. домъ.
1895.



ОГЛАВЛЕНІЕ.

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ.

КНИГА VIII.

МОСКВА.

1895.

Москва, типо-литогр. Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ХЛѢБЪ*).

(Романъ).

ЭПИЛОГЪ.

I.

Скитскіе старцы ѣхали уже второй день. Сани были устроены для ѣзды въ лѣсу, некованыя, безъ отводовъ, узкія и на высокихъ копыльяхъ. Когда выѣхали на настоящую твердую дорогу, по которой заводскіе углепоставщики возили изъ куреней на заводы уголь, эти лѣсныя сани начали катиться какъ по маслу и нѣсколько разъ перевертывались. Сконфуженная лошадь останавливалась и точно съ укоромъ смотрѣла на валявшихся по дорогѣ сѣдоковъ.

— Эхъ, Анѳимъ, не умѣешь ты править!

— А ты самъ попробуй, Михей Зотычъ, родимый мой.

— И попробую... Ты, значитъ, садись въ самый задъ, а я на облучокъ. Ну, вотъ такъ...

— Стой!... Вывалишь!... Держи правѣе!...

Сани раскатывались и крушеніе повторялось. Скитскіе старцы даже повздорили изъ-за этого обстоятельства и напрасно мѣнялись мѣстами, показывая свое искусство.

Дѣло дошло чуть не до драки, когда въ одномъ ложкѣ при спускѣ съ горы сани перевернулись на всемъ раскатѣ вверхъ полозьями, такъ что сидѣвшій назади Михей Зотычъ рѣдькой улетѣлъ прямо въ снѣгъ, а правившій лошадью Анѳимъ протащился, запутавшись въ возжахъ, саженъ пять на собственномъ чревѣ.

— Вѣдь, я тебѣ говорилъ: держи право! — кричалъ озлившійся Михей Зотычъ, съ трудомъ вылѣзая изъ снѣга.

— Ну, говорилъ?... Я и держу, а сани влѣво и отнесло...

---

*) *Русская Мысль*, кн. VII.

— Держу, держу!—передразнилъ его Михей Зотычъ.—Худая ты баба, вотъ что... Тебѣ кануны по упокойникамъ говорить, а не на коняхъ ѣздить.

— И ты хорошъ, заводскій варнакъ!—вскипѣлъ Анѳимъ.—Сколько разовъ-то вывалилъ самъ? Чья бы корова мычала, а твоя бы молчала... Самъ ты баба!...

— Нѣтъ, ты... Я говорю: держи право! А ты...

Скитники стояли посреди дороги, размахивая руками, стараясь перекричать другъ друга и совсѣмъ не замѣтили, какъ съ горки спустились пустые угольные коробья, изъ которыхъ выглядывали черныя отъ угольной пыли лица углевозовъ.

— Запали его въ ухо, дѣдко!—крикнула одна черная рожа.

— Ну, вали, другой дѣдко!... Экъ, орутъ, точно черти надъ кашей!

Первымъ опомнился Анѳимъ и даже испугался, когда, наконецъ, замѣтилъ черныя рожи углевозовъ,—настоящій чортовъ поѣздъ. Онъ сердито отплюнулся, а потомъ перекрестился.

— Охъ, навожденіе, Михей Зотычъ!—виновато бормоталъ онъ.—Прости, родимый, на скоромъ словѣ...

— Богъ тебя проститъ... А только ты, все-таки, вправо долженъ былъ держать... да.

Старики усѣлись и поѣхали. Михей Зотычъ продолжалъ ворчать, а старецъ Анѳимъ только встряхивалъ головой и вздыхалъ. Когда поѣздъ углевозовъ скрылся изъ виду, онъ остановилъ лошадь, слѣзъ съ облучка, подошелъ къ Михею Зотычу, наклонился къ его уху и шепотомъ заговорилъ:

— И что я тебѣ скажу, родимый мой...

— Ну, што?—тоже шепотомъ спрашивалъ Михей Зотычъ, озираясь по сторонамъ.

— А ты не замѣтилъ ничего, родимый мой? Мы-то тутъ споримся, да перекоряемся, да худыя слова выговариваемъ, а *онъ* насъ толкаетъ да толкаетъ... Я-то это давно примѣчаю, а какъ *онъ* швырнулъ тебя въ снѣгъ... А тутъ и самъ объявился въ прескверномъ образѣ... Ты думаешь, это углевозы ѣхали? Это *онъ* ѣхалъ съ своимъ сонмомъ, да еще посмѣялся надъ нами... Любо *ему*, какъ скитники вздорятъ.

Для Михея Зотыча все сдѣлалось ясно. Онъ тоже вылѣзъ изъ саней и бухнулъ въ ноги Анѳиму.

— Прости, отче, на скоромъ словѣ...

— Богъ тебя проститъ, Михей Зотычъ...

Оглядѣвшись, Аноимъ подмигнулъ и проговорилъ опять шепотомъ:

— Пусть *онъ* теперь ликуетъ, всескверный льстецъ... То-то давеча я замѣчаю, что держу вправо, а сани относитъ влѣво. А это *онъ* своей мерзкой лапой уцѣпитъ и тащитъ...

— А я слышалъ, какъ онъ когтемъ царапалъ,—шепотомъ же сообщалъ Михей Зотычъ,—въ томъ родѣ, какъ песъ въ двери скребется...

— Вотъ, вотъ... Посмѣялся *онъ* надъ нами, потому *его* время настало. Охъ, горе душамъ нашимъ!... Покуда лѣсомъ ѣхали, по снѣгу, такъ *онъ* не смѣлъ коснуться, а какъ выѣхали на дорогу, и началъ приставать... *Онъ* теперь вездѣ по дорогамъ шляется,—самое любезное для него дѣло.

Дальше скитники ѣхали молча и только переглядывались и шептали молитвы, когда на раскатахъ разносило некованыя сани. Они еще вывалились разъ пять, но ничего не говорили, а только опасливо озирались по сторонамъ. Въ одномъ мѣстѣ Аноимъ больно зашибъ руку и только улыбнулся. Охъ, не любитъ антихристъ, когда обличаютъ его лестныя козкованія!... Вонъ какъ ударилъ, и прямо по рукѣ, которая творитъ крестное знаменіе. На, чувствуй, старецъ Аноимъ!

Въ Кукарскій заводъ скитники пріѣхали только вечеромъ, когда начало стемняться. Время было разсчитано раньше. Они остановились у нѣкотораго доброхота Василія, у котораго изба стояла на самомъ краю завода. Старецъ Аноимъ внимательно осмотрѣлъ дымившуюся паромъ лошадь и только покачалъ головой. Вѣдь, кажется, скотина, тварь безсловесная, а и ту не пожалѣлъ *онъ*,—вотъ какъ упарилъ, точно съ возомъ, милая, шла.

— Знаменія въявь творятся,—шепотомъ сообщилъ Аноимъ своему спутнику, когда вошелъ въ избу.—Я лошадь-то рогожкой прикрываю, а она, милая, вся трясется со страху... Тоже чувствуетъ, хоша объяснить и не можетъ по своей безсловесности. Охъ, искушеніе, Михей Зотычъ!...

— А ты не малодушествуй... Не то еще увидимъ. Власть перваго звѣря царитъ, имя же ему шестьсотъ и шестьдесятъ и шесть... Не одною лошадью *онъ* теперь трясетъ, а всѣми потряхиваетъ, какъ в[illegible]никами. Стенанія и вопль многъ въ боголюбивыхъ народахъ, и[illegible]о и земля затворилась за наши грѣхи.

Доброхотъ Василій помѣстилъ гостей въ заднюю избу, чтобы никто не видѣлъ скитниковъ. Неровенъ часъ, и чужой человѣкъ н[illegible]ернется, да и бабешки тоже разнести могутъ.

— Ну, что, Васильюшко, какъ дѣла?—спрашивалъ Анѳимъ.

— И не говори, отецъ честной... Глаза бы не глядѣли. Скотинку теперь распродаемъ... Не то что скотинѣ, а самимъ жевать нечего. Пудикъ ржаной мучки за цѣлковый перешелъ еще объ Рождествѣ, а обѣщаютъ въ два вогнать.

— Ну, вамъ-то съ полугоря: фабрика прокормитъ.

— Работы сокращаютъ вездѣ по заводамъ... Вездѣ худо. Ужь какъ только народъ дотянетъ до осени... Бѣдуютъ вездѣ, а башкырь мретъ цѣлыми деревнями. Страсти разсказываютъ.

— Слышали мы про бѣду... Не первый годъ она копилась. Главное, народъ ослабѣлъ.

Михей Зотычъ только слушалъ и молчалъ, моргая своими красными вѣками. За двадцать лѣтъ онъ мало измѣнился, только сдѣлался ниже. И все такой же бодрый, хотя ужь ему было подъ девяносто. Онъ, попрежнему, сосалъ ржаныя корочки и запивалъ водой. Старецъ Анѳимъ оставался все такимъ же чернымъ жукомъ. Время для скитниковъ точно не существовало.

Разговоры съ доброхотомъ Василіемъ шли далеко за полночь, особенно когда зашла рѣчь о дешевомъ сибирскомъ хлѣбѣ.

— Вся надёжа у насъ теперь на него, на сибирскій хлѣбушко,— повторялъ убѣжденно Василій.— Только бы весны дождаться, когда рѣки пройдутъ... Тамъ, сказываютъ, пудикъ-то мучки стоитъ всего-на-все 17 копѣечекъ. Вотъ какое дѣло, честные отцы!

Скитники на брезгу́ уже ѣхали дальше. Свои лѣсныя сани они оставили у доброхота Василія, а у него въ замѣнъ взяли обыкновенныя пошевни, съ отводами и подкованными полозьями. Теперь ужь на раскатахъ экипажъ не валился на бокъ, и старики переглядывались. Надо полагать, *онъ* отсталъ. Побился-побился и бросилъ. Впрочемъ, теперь другіе интересы и картины захватывали ихъ. По дорогѣ то и дѣло попадали пѣшеходы, истомленные, худые, оборванные, съ отупѣвшимъ отъ истомы взглядомъ. Это брели изъ голодавшихъ деревень въ Кукарскій заводъ.

— Охъ, сердяги! — вздыхалъ Анѳимъ.— Кукарскимъ-то самимъ ѣсть нечего...

Голодные, очевидно, плохо разсуждали и плелись на заводы въ надеждѣ найти какой-нибудь заработокъ. Большинство — мужики, за которыми по деревнямъ оставались голодавшія семьи. По пословицѣ, голодъ въ міръ гналъ.

Самое сильное впечатлѣніе произвели первыя встрѣчи, и скитники роздали всѣ свои скитскіе подорожники. Дальше и помогать было нечѣмъ... Скитскіе старцы не представляли себѣ по чужимъ

разсказамъ бѣдствія въ такихъ размѣрахъ. Изъ деревень брела настоящая рабочая сила. Сердце поворачивалось смотрѣть на этихъ мужиковъ, которые не ѣли по два, по три дня. Молчаливыя муки написаны были на лицахъ, свѣтились лихорадочнымъ свѣтомъ въ глазахъ и каждое движеніе точно было связано этою голодною мукой. Въ одномъ мѣстѣ прямо на снѣгу лежалъ пластомъ молодой мужикъ, выбившійся изъ силъ. Скитники ѣхали и не могли ничѣмъ помочь.

Въ другомъ мѣстѣ скитники встрѣтили еще болѣе ужасную картину. На дорогѣ сидѣли двое башкиръ и прямо выли отъ голодныхъ коликъ. Страшно было смотрѣть на ихъ искаженныя лица, на дикіе глаза. Одинъ погнался за проѣзжавшими мимо пошевнями на четверенькахъ, какъ дикій звѣрь,—не было силъ подняться на ноги. Старецъ Анѳимъ струсилъ и погналъ лошадь. Михей Зотычъ закрылъ глаза и молился вслухъ.

— Что же это такое?—спрашивалъ Анѳимъ.—Послѣднія времена настали, Михей Зотычъ...

— И давно настали... Хлѣбушко извели на винище, а *онъ* отрыгнулъ желѣзомъ, ситцами, самоварами да блондами.

— А какъ ты полагаешь насчетъ орды? Вѣдь, тоже живая душа...

— Голодъ-то всѣхъ сравнялъ... *Онъ* всѣхъ донимаетъ и всѣ равны предъ *его* лицомъ.

Самую ужасную картину представляла башкирская деревня,—первая станція по заводскому тракту. Башкирія прилегала къ горамъ, а русскія поселенія уже шли дальше. Башкиры голодали и вымирали каждую зиму, такъ сказать, нормальнымъ образомъ, а теперь получалось нѣчто ужасное. Половина башкирскихъ избъ пустовала,—хозяева или вымерли, или разбрелись, куда глаза глядятъ. Нужно было покормить лошадь на постояломъ и скитники отправились посмотрѣть. Они въ первой же жилой избѣ натолкнулись на ужасающую картину: на нарахъ сидѣла старуха и выла, схватившись за животъ; въ углу лежала башкирка помоложе, спрятавъ голову въ какое-то тряпье,—несчастная не хотѣла слышать воя, стоновъ и плача ползавшихъ по избѣ голодныхъ ребятишекъ.

Михей Зотычъ побѣжалъ на постоялый дворъ, купилъ ковригу хлѣба и притащилъ ее въ башкирскую избу. Нужно было видѣть, какъ всѣ кинулись на эту ковригу, вырывая куски другъ у друга. Люди обезумѣли отъ голода и бросались другъ на друга, какъ дикіе звѣри. Михей Зотычъ стоялъ, смотрѣлъ и плакалъ... Слабъ человѣкъ, немощенъ, а велика его гордыня.

Возвращаясь на постоялый, скитники встрѣтили сельскаго старосту и пристали къ нему съ разспросами, чего смотритъ начальство.

— Какъ не смотрѣть, смотритъ начальство,—спокойно отвѣтилъ башкиръ.— Бульно хорошо смотритъ.

— А гдѣ у васъ обчественный магазинъ?

— Мало-мало посмотри...

Староста привелъ стариковъ къ общественному магазину, растворилъ двери, и скитники отступили въ ужасѣ: въ амбарѣ, вмѣсто хлѣба, сложены были закоченѣвшіе трупы замерзшихъ башкиръ.

— Это урядникъ на дорогѣ собиралъ,— объяснилъ невозмутимо башкиръ.— Урядникъ все смотритъ.

Вернувшись на постоялый дворъ, старецъ Анѳимъ заявилъ:

— Ну, Михей Зотычъ, поѣдемъ-ка мы назадъ въ скиты... Помирать, такъ помирать честно, у себя дома.

— Какъ знаешь честной отецъ. А я поѣду дальше... Мнѣ нельзя.

Анѳимъ только вздохнулъ и отринулъ накатившій малодушный стихъ

II.

Самыя ужасныя картины голода ыли именно въ «ордѣ». И безъ того башкиры вымираютъ во время зимнихъ голодовокъ, а тутъ вымирали вдвойнѣ. Помощи уже ни откуда не могло быть. Обыкновенно орда по зимамъ кормилась около русскихъ деревень, а теперь и тамъ ничего не было. Михей Зотычъ захватилъ съ собой всѣ свои капиталы и потихоньку творилъ тайную милостыню. Съ нимъ было до пятидесяти тысячъ, которыя онъ везъ на раздачу своимъ старовѣрамъ, но кругомъ стояла такая отчаянная нужда, что не было уже своихъ и чужихъ, а просто умиравшіе съ голоду. Денегъ старикъ не любилъ давать, а закупалъ, гдѣ только могъ, хлѣбъ и помогалъ натурой. Да и что значили въ такое время какія-нибудь пятьдесятъ тысячъ — капля въ морѣ. Море народной бѣды выступало изъ береговъ.

Скитники по краю Башкиріи, прилегавшему къ горамъ, проѣхали въ земли козачьяго оренбургскаго войска, гдѣ своихъ было достаточно. Михею Зотычу давно хотѣлось пробраться въ этотъ завѣтный край, о которомъ ходила красная молва. Главное, земли было вдоволь, по тридцати десятинъ на душу, и какой земли — черноземъ, какъ овчина. Особенно на-слуху были крѣпкія степныя

травы, росшія на солончакахъ. Всякая скотина отгуливалась здѣсь, какъ на коврѣ. Но первыя же станицы поразили скитниковъ своимъ убожествомъ, напоминавшимъ убогую башкирскую городьбу. Козачья лѣнь такъ и лѣзла въ глаза.

— Охъ, лѣнивы козаченьки! — повторялъ Михей Зотычъ, опытнымъ хозяйскимъ глазомъ оглядывая всякую мелочь. — Пожалуй, не далеко отстали отъ башкыръ-то.

— Есть лѣнца, — соглашался Аноимъ. — Неулежно живутъ. Нога за ногу задѣваетъ.

Въ одномъ мѣстѣ Михей Зотычъ возмутился до глубины души.

— Погляди-ка, Аноимъ, на козачью работу!

Аноимъ смотрѣлъ кругомъ на снѣжную поляну и ничего не понималъ.

— Не видишь? — злился Михей Зотычъ, останавливая лошадь.

Онъ вылѣзъ изъ саней, пошелъ въ сторону и принесъ нѣсколько сухихъ дудокъ, торчавшихъ изъ-подъ снѣга.

— Это какъ называется?

— У насъ дудкой медвѣжьей зовутъ.

— А што это обозначаетъ? Ахъ, Аноимъ, Аноимъ! Ничего-то ты не понимаешь, честной отецъ! Гдѣ такая дудка будетъ рости? На некошенномъ мѣстѣ... Значитъ, трава прошлогодняя осталась — вотъ тебѣ и дудка. Кругомъ скотина отъ безкормицы дохнетъ, а козачки некошенную траву оставляютъ... Охъ, бить ихъ некому!

Всѣ станицы походили одна на другую и вездѣ были одни и тѣ же порядки. Не хватало рукъ, чтобъ управиться съ землей, и некому ее было сдавать, — арендная плата была отъ 20-ти до 50-ти копѣекъ за десятину. Прямо смѣшная цѣна... Далеко ли податься до башкиръ, и тѣ вонъ сдаютъ поблизости отъ заводовъ по 3 рубля десятина. Козачки-то, пожалуй, похуже башкиръ оказали себя.

Станичники тоже голодали, а, главнымъ образомъ, нечѣмъ было кормить скотину, которую и продавали за безцѣнокъ.

— Охъ, вы бы лѣнь-то вашу куда-нибудь продали! — корилъ Михей Зотычъ. — Живете только однимъ годомъ, отъ урождая до урождая. Хоть бы солому-то оставляли скотинѣ... Вѣдь, годъ на годъ не приходится, миленькіе.

Огорчили станичники Михея Зотыча. Очень ужь лѣнивы и прямо отъ себя голодаютъ. Къ вину тоже очень припадошны, — башкиры хоть лѣнивы, да вина не пьютъ.

— Ну, тутъ и смотрѣть нечего, — рѣшилъ Михей Зотычъ. — Хлѣбъ-то тоже къ рукамъ. Владаютъ городомъ, а помираютъ голодомъ.

Причина козачьей голодовки была налицо: безпросыпная козачья лѣнь, кабаки и какая-то дѣтская беззаботность о завтрашнемъ днѣ. Если крестьянинъ голодаетъ отъ своихъ четырехъ десятинъ надѣла, такъ его и Богъ проститъ, а голодать да морить моромъ скотину отъ тридцати—прямо грѣшно. Конечно, жаль малыхъ ребятъ да скотину, а ничѣмъ не поможешь,—подъ лежачь камень и вода не течетъ.

Изъ станицъ Михей Зотычъ повернулъ прямо на Ключевую, гдѣ уже не былъ года три. Хорошаго и тутъ мало было. Народъ совсѣмъ выбился изъ всякой силы. Около десяти лѣтъ уже выпадали недороды, но покрывались то степнымъ хлѣбомъ, то сибирскимъ. Своихъ запасовъ уже давно не было и хозяйственное равновѣсіе нарушилось въ корнѣ. И тутъ пшеничники плохо пахали, не хотѣли удобрять землю и везли на рынокъ послѣднее. Всякій разсчитывалъ перекрыться урожаемъ, а земля точно затворилась.

— Ручки любитъ земелька-то матушка!—вздыхалъ Михей Зотычъ.—Черная земелька родитъ бѣленькій-то хлѣбецъ и черныхъ ручекъ требуетъ... А пшеничники позазнались малымъ дѣломъ. И черному бы хлѣбцу рады, да и его не родилъ Господь... Охъ, миленькіе, отъ себя страждете!... Лакомство-то свое, видно, подороже всего, а вотъ Господь и нашелъ.

Эти строгія теоретическія разсужденія разлетались прахомъ при ближайшемъ знакомствѣ съ дѣломъ. Конечно, и пшеничники виноваты, а съ другой стороны выдвигалась масса такихъ причинъ, которыя уже не зависѣли отъ пшеничниковъ. Первое дѣло, своя собственная темнота одолѣвала, тотъ душевный гладъ, о которомъ говоритъ Писаніе. Пришли волки въ овечьей шкурѣ и воспользовались мглой... По закону разорили цѣлый край. И какъ все просто: комаръ носу не подточитъ.

Въ Суслонъ пріѣхали ночью. Только въ одномъ поповскомъ домѣ свѣтился огонекъ. Гдѣ-то ревѣла голодная скотина. Во многихъ мѣстахъ солома съ крышъ была уже снята и ушла на кормъ. Вотъ до чего дошло! Вѣяло отъ всего зловѣщею голодною тишиной. На встрѣчу вышла голодная собака, равнодушно посмотрѣла на пріѣзжихъ, понюхала воздухъ и съ голодною зѣвотой отправилась въ свою конуру.

— И песъ передъ хлѣбомъ смиряется,—подумалъ Михей Зотычъ, припоминая старинную поговорку.

Емельянъ уѣхалъ съ женой въ Заполье, а на мельницѣ оставался одинъ Симонъ. Въ первую минуту старикъ не узналъ сына,—такъ онъ измѣнился за этотъ короткій срокъ.

— Ну, здравствуй, сынокъ.

— Здравствуй, тятенька.

— Вотъ пріѣхалъ посмотрѣть, какъ вы тутъ поживаете.

— А ничего... Вездѣ одно и то же.

— Видѣлъ, милый, что ничего... Хоть шаромъ покати... да. Чисто живете, однимъ словомъ. Давно мельница-то стоитъ?

— А съ осени... Нечего молоть. Вотъ ждемъ сибирскаго хлѣба.

— Ждите, миленькіе... Только какъ бы онъ мимо рта не проѣхалъ. Очень ужь вы любите дешевку-то.

Отца Симонъ принялъ довольно сухо. Прежняго страха точно и не бывало. Михей Зотычъ только жевалъ губами и не спрашивалъ, гдѣ невѣстка. Наталья Осиповна видѣла въ окно, какъ подъѣхалъ старикъ, и нарочно не выходила. Не велико кушанье,—подождетъ. Михей Зотычъ сейчасъ же сообразилъ, что Симонъ находится въ полномъ рабствѣ у старой жены, и захотѣлъ ее проучить.

— Ну, спасибо, сынокъ, за хлѣбъ-соль,—заявилъ онъ, поднимаясь.

— Папаша, куда вы?—спросилъ Симонъ.—Наташа сейчасъ выйдетъ.

— Какая Наташа?

— Жена Наташа.

— Ну, и пусть выходитъ, когда проспится. Прежде-то снохи свекоровъ за ворота выскакивали встрѣчать, а нынче свекоры должны ихъ ждать, какъ барынь... Нѣтъ, это ужь не модель, Симонъ Михеичъ. Я вотъ тебѣ загадку загну: сноху привели и трубу на крышу поставили. Прощай, миленькій!

Старикъ Анѳимъ, распрягавшій лошадь, нисколько не удивился, когда пришелъ Михей Зотычъ и велѣлъ снова запрягать. Онъ привыкъ къ выходкамъ ндравнаго старика. Что же, ѣхать, такъ ѣхать.

— Вотъ какъ нынче въ гости къ дѣткамъ пріѣзжаютъ! — объяснялъ Михей Зотычъ, выѣзжая съ мельницы. — Пожалуйте почаще мимо-то.

Наталья Осиповна выглядывала на гостей изъ-за косяка и говорила:

— Съ Богомъ... Губа толще—брюхо тоньше.

Симонъ чувствовалъ себя постоянно виноватымъ передъ женой, а теперь еще больше. Но Наташа не взъѣлась на него, а только прибавила:

— Будетъ ломаться-то старымъ чертямъ... Въ чужой вѣкъ живутъ. Нѣтъ, видно, не прежнія времена.

Скитники переночевали у какого-то знакомаго Михею Зотычу

мужичка. Голодъ чувствовался и въ Суслонѣ, хотя и въ меньшей степени, чѣмъ въ окрестныхъ деревняхъ. За то суслонцевъ одолѣвали сосѣди. Каждое утро подъ окнами проходили вереницы голодающихъ. Михей Зотычъ сидѣлъ все утро у окна, подавалъ купленный хлѣбъ и считалъ голодныхъ.

— Охъ, Боговы работнички, не хорошо!—шамкалъ онъ.— Привелъ Господь съ ручкой идти подъ чужими окнами... Вотъ до чего лакомство-то доводитъ! Видно, который и богатъ мужикъ, да безъ хлѣба—не крестьянинъ. Такъ-то, миленькіе!... Охъ, нужда-то выучитъ, какъ калачи ѣдятъ!

Старецъ Анѳимъ молчалъ всю дорогу, не желая поддаваться бѣсовскому смущенію, а тутъ накинулся на Михея Зотыча.

— Што это ты дребезжишь, какъ худой горшокъ? Чужую бѣду руками разведу... А того не подумаешь, что кого осудилъ, тотъ грѣхъ на тебѣ и взыщется. Уменъ больно!

— А ежели правда?

— Правда-то ко времю... Тоже вонъ хлѣбъ не ростетъ по снѣгу. Такъ и твоя правда... Видно, мужикъ-то уменъ, да міръ дуракъ. Не величайся чужою бѣдой... Божье тутъ дѣло.

Михей Зотычъ смущенно умолкъ. Терпѣливъ былъ Анѳимъ, а какъ прорветъ—удержу нѣтъ.

— Ну, прости на скоромъ словѣ, честной отецъ, — покорно проговорилъ Михей Зотычъ.

— Мнѣ-то чего тебя прощать, скрипуна, а вотъ ты ложкой кормишь, да стеблемъ глаза колешь.

— Охъ, согрѣшилъ, честной отецъ!

Смиренія у Михея Зотыча, однако, хватило не надолго. Онъ узналъ, что въ домѣ попа Макара устраивается «голодная столовая», и отправился туда. Ему все нужно было видѣть. Попъ Макаръ сильно постарѣлъ и былъ весь сѣдой. Онъ два года назадъ похоронилъ свою попадью Луковну и точно весь засохъ съ горя. Въ первую минуту онъ даже не узналъ стараго благопріятеля.

— Вы насчетъ земства?—спрашивалъ старикъ Михея Зотыча.—Ахъ, да что же это я!... Во-первыхъ, здравствуй, Михей Зотычъ, а, во-вторыхъ, будь гостемъ.

— Спасибо, спасибо, батя... Вотъ зашелъ провѣдать тебя. Какъ вы тутъ поживаете?

— А плохо, Михей Зотычъ. Какъ попадья померла, такъ и пошло все вверхъ дномъ. Теперь вонъ голодъ... При попадьѣ-то с голодѣ и не слыхивали, а какъ она померла...

— Сказываютъ, казна будетъ кормить?

— Наѣхали земскіе... Какъ же!... У меня сняли на дворѣ избу подъ столовую. Земская барышня пріѣхала, а потомъ Ермилычъ орудуетъ... Онъ, вѣдь, нынче тоже по земству.

«Земскою барышней» оказалась Устинька, которая пріѣхала съ какими-то молодыми людьми устраивать въ Суслонѣ столовую для голодающихъ. Мельникъ Ермилычъ въ качествѣ земскаго гласнаго помогалъ. Онъ уже цѣлое трехлѣтіе «служилъ» въ земствѣ и лѣзъ изъ кожи, чтобы чѣмъ-нибудь выдвинуться. Конечно, онъ поступалъ, во всемъ руководствуясь совѣтами Замараева.

Появленіе скитскаго старца въ голодной столовой произвело извѣстную сенсацію. Молодые люди приняли Михея Зотыча за голодающаго, пока его не узнала Устинька.

— Михей Зотычъ, какъ вы-то сюда попали?—удивлялась она, здороваясь со старикомъ.

— А мимо ѣхалъ, красавица. Ѣхалъ, да и заѣхалъ. Эти молодцы-то поповичи будутъ?

— Нѣтъ, студенты. Сами пріѣхали. Вотъ двое фельдшерами будутъ, а другіе такъ, помогать.

— Такъ, такъ... Дай Богъ. А я думалъ, поповичи, потому бойки больно.

Какъ разъ въ этотъ моментъ подвернулся Ермилычъ, одѣтый уже по-городски—въ «спинжакѣ», въ крахмальную сорочку и штаны на выпускъ.

— А, Михею Зотычу, сорокъ одно съ кисточкой!—бойко поздоровался онъ.

— Здравствуй, здравствуй, миленькій.

— Завернулъ поглядѣть, какъ мы будемъ народъ кормить? Все, братъ, земство орудуетъ... Отъ казны способіе выхлопотали, отъ партикулярныхъ лицъ имѣемъ тоже. Какъ же!... Теперь вотъ здѣсь будемъ кормить, а тамъ деньгами.

— Такъ, такъ... Отъ денегъ-то народъ и въ раззоръ пошелъ, а вы ему еще денегъ суете. Отъ вашихъ денегъ и голодъ.

— Какъ же это такъ, Михей Зотычъ?—смутился Ермилычъ.

— А вотъ такъ... Ты подумай-ка своимъ-то умомъ. Жили раньше безъ денегъ и не голодали, а какъ узнали мужички, какія такія деньги бываютъ,—ну, и вышелъ голодъ. Ну, теперь-то понялъ?

Ермилычъ только чесалъ въ затылкѣ, а Михей Зотычъ хлопнулъ его по плечу и вышелъ.

III.

Вернувшись домой, Михей Зотычъ опять долженъ былъ каяться въ «скоромъ словѣ», а честной отецъ Анѳимъ опять началилъ его.

— Это *онъ* тебя подтыкаетъ на скорыя-то слова, Михей Зотычъ... Мірское у тебя на умѣ. А ты думай про себя, что хуже ты всѣхъ,—вотъ *ему* и нечего будетъ съ тобой дѣлать. А какъ ты погордился, *онъ* и проскочитъ.

— Не могу я умирить себя. Давѣ это меня Ермилычъ ушибъ... Все у нихъ деньги на умѣ.

— Расширился, сказываютъ, Ермилычъ-то... Въ ростъ деньги даетъ мужикамъ, а самъ все за безцѣнокъ скупаетъ. Ему несутъ со всѣхъ сторонъ, а онъ беретъ... Тоже ремесло незавидное. Да еще хвалится: я, гритъ, всѣхъ васъ кормлю.

— Не къ добру распыхался.

Изъ Суслона скитники поѣхали внизъ по Ключевой. Михей Зотычъ хотѣлъ посмотрѣть, что дѣлается въ богатыхъ селахъ. Вездѣ было то же уныніе, какъ и въ Суслонѣ. Народъ потерялъ голову. Изъ-подъ Заполья вверхъ по Ключевой быстро шелъ голодный тифъ. По дорогѣ попадались безцѣльно бродившіе по уѣзду мужики,—все равно, работы нигдѣ не было, а дома сидѣть не у чего. Болѣе малодушные уходили изъ дому, куда глаза глядятъ, чтобы только не видѣть голодавшія семьи.

За Суслономъ разсажались по Ключевой такія села, какъ Роньжа, Заево, Бакланиха. Нѣкоторыя избы уже пустовали,—семьи разбрелись, какъ послѣ пожара. Михей Зотычъ купилъ муки у попа Макара и раздавалъ фунтами и просто пригоршнями. Бабы такъ и рвали съ причитаньемъ и плачемъ.

Когда старцы уже подъѣзжали къ Жулановскому плёсу, ихъ нагналъ Ермилычъ, катившій на парѣ своихъ собственныхъ лошадей. Дорожная кошевка и вся упряжка были сдѣланы на купеческую руку, а самъ Ермилычъ сидѣлъ въ енотовой шубѣ и бобровой шапкѣ. Онъ что-то крикнулъ старикамъ и махнулъ рукой, обгоняя ихъ.

— Ко мнѣ заѣзжайте, старички!—донеслось уже издали.

— Ловко катается,—замѣтилъ Анѳимъ.—Въ Суслонѣ сказывали, что онъ ѣздитъ на своихъ, а съ земства получаетъ прогоны. Чиновникъ тоже. Теперь съ попомъ Макаромъ дружитъ... Тотъ тоже хорошъ: хлѣба большія тысячи лежатъ, а онъ цѣну выжидаетъ. Злобятся мужички на попа-то... И куда, подумаешь, копитъ: одинъ, какъ перстъ.

— Вотъ и ты осудилъ,—поймалъ его Михей Зотычъ.—Хоша онъ и не нашъ попъ, а, все-таки, на немъ санъ... Взыскъ-то съ тебя вдвое.

— И то согрѣшилъ, Михей Зотычъ... Согрѣшилъ, родимый. Народъ-то болтаетъ,—ну, и я за другими.

— А ты подержи языкъ-то за зубами. Заѣдемъ, што ли, къ Ермилычу на мельницу? Надо на него поглядѣть дома-то.

— И то завернемъ. Коня хоть покормимъ.

Мельница Ермилыча была уже въ виду, когда на встрѣчу скитникамъ попалъ скакавшій безъ шапки мужикъ.

— Охъ, не ладно, родимые!—крикнулъ онъ на скаку.—Въ Суслонъ... въ волось... Охъ, не ладно!

Подъѣзжая уже къ самой мельницѣ, скитники замѣтили медленно расходившуюся толпу. У крыльца дома стояла взмыленная пара, а самъ Ермилычъ лежалъ на снѣгу, раскинувъ руки. Снѣгъ былъ утоптанъ и покрытъ кровяными пятнами.

— Охъ, не ладно!—повторилъ Анѳимъ слова скакавшаго мужика.

Остановивъ сани, скитники подошли къ убитому, который еще хрипѣлъ. Вся голова у него была залита кровью, а одинъ глазъ выскочилъ изъ орбиты. Картина была ужасная. На крыльцѣ дома показался кучеръ и началъ дѣлать скитникамъ какіе-то таинственные знаки. Начинавшая расходиться толпа опять повернула къ мѣсту убійства.

— Уѣзжайте по добру по здорову!—уже крикнулъ кучеръ.— Разстервенился народъ.

— Ну, насъ-то это не касаемо,—спокойно отвѣтилъ Михей Зотычъ.—Кто сдѣлалъ, тотъ и отвѣтъ дастъ.

Толпа все надвигалась. Послышался чей-то одинокій голосъ:

— Ребята, да, вѣдь, это старичонко съ Прорыва!

— Онъ!... Братцы, это Колобовъ!... Онъ первую крупчатку поставилъ и всѣхъ насъ разорилъ. Его работа.

— Онъ наколдовалъ, старичонко, голодъ-то!... Ишь какъ ловко присунулся!

Толпа загалдѣла вся разомъ и двинулась къ мельникову дому. Задніе подталкивали переднихъ. Анѳимъ забрался въ сани и умолялъ Михея Зотыча уѣзжать.

— Не боюсь я дурачковъ,—спокойно отвѣтилъ упрямый старикъ.

Толпа продолжала наступать и когда передніе окружили Михея Зотыча, Анѳимъ не вытерпѣлъ и понукнулъ лошадь. Кто-то хо-

тѣлъ загородить ему дорогу, кто-то хватался за поводья, но лошадь была ученая и грудью пробила живую стѣну. Мелькнули только искаженныя злобой лица, сжатые кулаки. Кто-то сдернулъ съ Анѳима шапку. Полетѣла въ догонку толстая палка. Все это случилось такъ быстро, что Анѳимъ опомнился только за околицей.

Оглянувшись, Анфимъ такъ и обомлѣлъ. По дорогѣ бѣжалъ Михей Зотычъ, а за нимъ съ ревомъ и гикомъ гналась толпа мужиковъ. Анѳимъ видѣлъ, какъ Михей Зотычъ сбросилъ на ходу шубу и прибавилъ шагу, но старость сказывалась и онъ началъ уставать. Вотъ уже совсѣмъ близко разъяренная, обезумѣвшая толпа. Анѳимъ даже раскрылъ глаза, когда изъ толпы вылетѣла пара лошадей Ермилыча и какой-то мужикъ, стоя въ кошевой на ногахъ и размахивая возжами, налетѣлъ на Михея Зотыча.

— Господи, прости раба твоего Михея!—взмолился Анѳимъ, погоняя лошадь.

Къ своему ужасу онъ слышалъ, что пара уже гонится за нимъ. Лошадь устала и плохо прибавляла ходу. Гдѣ же одной уйти отъ пары? Анѳимъ уже слышалъ приближавшійся топотъ и, оглянувшись, увидѣлъ двухъ мужиковъ въ кошевкѣ. Они были уже совсѣмъ близко и что-то кричали ему. Анѳимъ началъ хлестать лошадь возжами.

— Эй, не гони! Лошадь изведешь!—кричалъ кто-то сзади.

А топотъ былъ все ближе. Вотъ уже совсѣмъ насѣдаютъ. Даже слышно, какъ тяжело храпитъ закормленный коренникъ.

— Стой!

Анѳимъ продолжалъ отчаянно хлестать лошадь возжами, когда кошевка поровнялась съ нимъ.

— Стой, отчаянный! Лошадь изведешь!

Анѳимъ только сейчасъ узналъ голосъ Михея Зотыча. Да, это былъ онъ, цѣлъ и невредимъ. Другой мужикъ лежалъ ничкомъ въ кошевкѣ и жалобно стоналъ.

— Вотъ такъ погостили!—добродушно смѣялся Михей Зотычъ, останавливая взмыленныхъ лошадей.—Нечего сказать, ловко!

Лежавшій въ кошовкѣ кучеръ продолжалъ стонать.

— Охъ, убили!... Смертынька моя!

— Ну-ка, покажи, какой тебѣ гостинецъ достался?—спокойно говорилъ Михей Зотычъ.

— А плечо у меня...какъ саданетъ Гришка Уметовъ оглоблей.

Михей Зотычъ осмотрѣлъ ушибъ, затекавшій багровымъ пузыремъ, ощупалъ, цѣла ли кость, и рѣшилъ:

— Ничего, заживетъ... Твое счастье, что по шубѣ пришлось, а то остался бы безъ руки.

Молодой парень-кучеръ сѣлъ въ кошевкѣ и зарыдалъ истерически.

— Разстервенились, варнаки!... Дядя-то Егоръ съ полѣномъ за мной гнался... Это, кричитъ, змѣй, а не племянникъ!... А тутъ подвернулся Гришка Уметовъ... Ка-акъ саданетъ...

Парень долго не могъ успокоиться и время отъ времени начиналъ причитать какъ-то по-бабьи. Собственно своимъ спасеньемъ Михей Зотычъ обязанъ былъ ему. Когда били Ермилыча, кучеръ убѣжалъ и спрятался, а когда толпа погналась за Михеемъ Зотычемъ, онъ окончательно струсилъ: убьютъ старика и за него примутся. Въ отчаяніи онъ погналъ на лошадяхъ за толпой, какъ-то пробился и, догнавъ бѣжавшаго Михея Зотыча, на всемъ скаку подхватилъ его въ свою кошевку.

— Кабы не твоя догадка, такъ лежать бы мнѣ рядышкомъ съ Ермилычемъ, — спокойно соображалъ Михей Зотычъ. — Спасибо, выручилъ.

Расщедрившись, старикъ добылъ два мѣдныхъ пятака и сунулъ ихъ за пазуху рыдавшему спасителю.

— На, пригодятся, миленькій.

Когда кучеръ немного успокоился, скитники узнали, какъ было все дѣло съ Ермилычемъ.

— Злобились раньше на него наши мужички, — разсказывалъ кучеръ, охая и ощупывая ушибленное мѣсто. — Давно́ злобились потому какъ онъ всю округу забралъ въ лапы, не тѣмъ будь помянутъ покойникъ... Всѣ у него были въ долгу, какъ рыба въ сѣти. За его-то денежки, окромя проценту, еще отрабатывать приходилось. Дастъ подъ закладъ два рубля, вычтетъ впередъ проценту сорокъ восемь копѣекъ, да еще отрабатывай ему въ страду. А тутъ въ голодъ-то онъ и совсѣмъ лютовать началъ... Что хошь бери, а только не дай съ голоду помереть. На-послѣдяхъ онъ и удумалъ штуку... Суслонскому-то попу Макару зазорно самому хлѣбъ въ четыре дорога продавать, — ну, онъ черезъ Ермилыча, а Ермилычу опять свой процентъ съ поповскаго хлѣба идетъ. Мужички-то тошнѣе того озлобились... Ну, какъ мы пріѣхали сегодня изъ Суслона-то мужички и окружили... «Опять, грятъ, за поповскимъ хлѣбомъ ѣздилъ, кровопивецъ?» Оно бы ничего, ежели бы Ермилычъ не выпивши былъ... Учалъ онъ мужичковъ ругать, а потомъ выхватилъ левольвертъ и учалъ левольвертомъ грозить... Тутъ ужь дядя Егоръ какъ саданетъ его стягомъ... Потомъ всѣ бросились и

давай рвать, какъ волки. Дыхануть одинова не успѣлъ... А дядя Егоръ разстервенился и на меня. «Одной свиньи, кричитъ, мясо!»... Ну, я и убѣгъ въ сѣни. А тутъ вы, какъ на грѣхъ, подъѣхали... Я-то обозначалъ вамъ, штобъ уѣхали, а вы толчетесь около Ермилыча... Охъ, смертынька моя!... Зря человѣка порѣшили... Потомъ опомнятся, какъ начальство наѣдетъ. Не свой братъ... Охъ, ущемило у меня въ плечѣ, Михей Зотычъ!

Опасность налетѣла такъ быстро и такъ быстро пронеслась, что скитники опомнились и пришли въ себя только вечеромъ, когда пріѣхали въ свою раскольничью деревню и остановились у своихъ. Анѳимъ всю дорогу оглядывался, ожидая погони, но на ихъ счастье въ деревнѣ не нашлось ни одной сытой лошади, чтобы догонять скитниковъ. Михей Зотычъ угнетенно молчалъ и заговорилъ только, когда улеглись спать.

— Анѳимъ... ты спишь?

— Нѣтъ.

— А, вѣдь, давѣ-то былъ у смерти конецъ.

— Совсѣмъ конецъ приходилъ, Михей Зотычъ.

Колобовъ только тутъ припомнилъ, какъ предательски поступилъ съ нимъ честной отецъ — бросилъ на растерзаніе, а самъ угналъ.

— Анѳимъ, развѣ это порядокъ, чтобъ угонять?

— А ежели ты уперся, какъ пень?

— Трусу ты спраздновалъ, честной отецъ... Ахъ, не хорошо! Кабы не догадливый кучеръ... Охъ, горе душамъ нашимъ!

— Борзость свою хотѣлъ показать, Михей Зотычъ.

Припомнивъ всѣ обстоятельства, Михей Зотычъ только теперь испугался. Старикъ сѣлъ и началъ креститься, чувствуя, какъ его всего трясетъ. Безъ покаянія бы померъ, какъ Ермилычъ... Видно, за родительскія молитвы Господь помиловалъ. И то сказать, отъ своей смерти не посторонишься.

— Анѳимъ, а ворота заперты?

— Заперты.

— Точно какъ будто на улицѣ шумъ?

— Блазнитъ тебѣ, Михей Зотычъ. Перекрестись, да спи.

Михей Зотычъ не могъ заснуть всю ночь. Ему все слышался шумъ на улицѣ, топотъ ногъ, угрожающіе крики и онъ опять трясся, какъ въ лихорадкѣ. Разъ десять онъ подкрадывался къ окну, припадалъ ухомъ и вслушивался. Все было тихо, онъ крестился и опять напрасно старался заснуть. Еще въ первый разъ въ жизни

смерть была такъ близко, совсѣмъ на носу, и онъ трепеталъ, несмотря на свои девяносто лѣтъ.

— Анѳимъ, ты спишь?

Анѳимъ притворился спящимъ и ничего не отвѣчалъ.

Потомъ Михею Зотычу сдѣлалось страшно уже не за себя, а за другихъ, за потемнѣвшій разумъ, за страшное звѣрство, которое дремлетъ въ каждомъ человѣкѣ. Убитому лучше—разъ потерпѣть, а убивцы будутъ всю жизнь казниться и муку мученическую принимать. Хуже всякаго звѣря человѣкъ, когда Господь лишитъ разума.

— Господи, помяни ненавидящія насъ!... Анѳимъ, ты спишь? Господи, умири раба твоего Анѳима!

IV.

Въ домѣ Стабровскаго царило какое-то гнетуще-грустное настроеніе, хотя по логикѣ вещей и должно было бы быть наоборотъ. На святкахъ вышла замужъ Дидя, и съ этимъ моментомъ кончились отцовскія заботы Стабровскаго. Женихъ явился изъ Польши, откуда его направили безконечныя польскія тёти. Онъ даже приходился какимъ-то отдаленнымъ родственникомъ Стабровскому и пріѣхалъ какъ свой человѣкъ. Молодой, красивый инженеръ ѣхалъ въ далекую Сибирь съ широкими планами обновить мертвую страну разными предпріятіями. Тёти предупредили Стабровскаго, что панъ Казиміръ Ярецкій можетъ составить отличную партію для Диди. Старикъ громко расхохотался надъ этимъ предположеніемъ. Конечно, Дидя женщина и въ свое время должна пройти свой женскій кругъ, но помириться на какомъ-то Ярецкомъ... Дидя хотя и не совершенство, но она еще такъ мало видѣла людей и легко можетъ сдѣлать ошибку въ своемъ выборѣ. Вообще, эта комбинація не входила въ планы Стабровскаго. Онъ мечталъ завершить образованіе Диди поѣздкой за границу, чтобы показать дочери настоящую жизнь и настоящихъ людей. Въ сущности, Дидя, все-таки, провинціалка и ничего не знаетъ, а тамъ раскроются новые горизонты и наберется для сравненія новый матеріалъ. Но эта предполагаемая поѣздка все не устраивалась. Съ одной стороны, свои дѣла не пускали, а съ другой—какъ-то неловко было оставить больную жену. Тащить ее за границу тоже не приходилось, потому что домашнихъ удобствъ и привычекъ ничто не могло ей замѣнить, никакая заграница, она уже была въ такомъ возрастѣ, когда тяжелы всякія перемѣны. Такъ дѣло и тянулось изъ года въ годъ, тѣмъ болѣе, что и Дидя еще была слишкомъ молода.

Къ молодому пану Казиміру Стабровскій отнесся довольно холодно, какъ относятся къ дальнимъ родственникамъ, а Дидя съ перваго раза взяла надъ нимъ верхъ и безъ стѣсненія вышучивала каждый его шагъ. Стабровскій успокоился, потому что изъ такой комбинаціи, конечно, ничего не могло выйти. Самъ по себѣ панъ Казиміръ былъ не глупъ, держалъ себя съ тактомъ, хотя въ немъ и не было того блестящаго ума, который выдвигаетъ людей изъ толпы. Стабровскому казалось, что въ молодомъ панѣ тѣ же черты вырожденія, какія онъ со страхомъ замѣчалъ въ Дидѣ. Впрочемъ, въ данномъ случаѣ старикъ уже не довѣрялъ самому себѣ,—въ извѣстномъ возрастѣ начинаетъ казаться, что прежде было все лучше, а особенно лучше были прежніе люди. Это дань возрасту, результатъ собственнаго истощенія.

По всей вѣроятности, панъ Казиміръ уѣхалъ бы въ Сибирь съ своими широкими планами, еслибъ его не выручила маленькая случайность. Еще послѣ пожара, когда было уничтожено почти все Заполье, Стабровскій началъ испытывать какое-то смутное недомоганье. Какая-то тяжесть въ головѣ, бродячая боль въ конечностяхъ, ревматизмъ въ лѣвой рукѣ. Все это передъ Рождествомъ разрѣшилось первымъ ударомъ паралича, даже не ударомъ, а ударцемъ, какъ вѣжливо выразился докторъ Кацманъ.

— Это первое предостереженіе, докторъ,—спокойно замѣтилъ Стабровскій, когда пришелъ въ себя.—Зачѣмъ себя обманывать?... Я понимаю, что съ такимъ ударцемъ можно протянуть еще лѣтъ десять-пятнадцать, но, все-таки, скверно. Пѣсенка спѣта.

Стабровскаго пріятно поразило то вниманіе, съ какимъ ухаживала за нимъ Дидя. Она ходила за нимъ, какъ настоящая сидѣлка. Стабровскій не ожидалъ такой нѣжности отъ холодной по натурѣ дочери и былъ растроганъ до глубины души. И потомъ, Дидя дѣлала все такъ спокойно, увѣренно, какъ совсѣмъ взрослая, опытная женщина.

Организмъ у Стабровскаго былъ замѣчательно крѣпкій, и онъ быстро оправился. Всякое выздоровленіе, хотя и относительное, обновляетъ человѣка и Стабровскій чувствовалъ себя необыкновенно хорошо. Именно этимъ моментомъ и воспользовалась Дидя. Она какъ-то вечеромъ читала ему, а потомъ положила книгу на колѣни и проговорила своимъ спокойнымъ тономъ, иногда возмущавшимъ его:

— Папа, ты не любишь Казиміра, я это знаю.

— Не то, чтобы совсѣмъ не люблю, Дидя, а такъ, вообще... Есть люди особенные, выдающіеся, сильные, которые дѣлаютъ свое

время, даютъ имя цѣлой эпохѣ, и есть люди средніе, почти безформенные.

— Вотъ именно къ такимъ среднимъ людямъ и принадлежитъ Казиміръ, папа. Я это понимаю. Вѣдь, эта безличная масса необходима, папа, потому что безъ нея не было бы и выдающихся людей, въ которыхъ, говоря правду, я какъ-то плохо вѣрю. Какъ мнѣ кажется, время таинственныхъ принцевъ и еще болѣе таинственныхъ принцессъ прошло.

— Дидя, а иллюзіи? Вѣдь, въ жизни иллюзія — все... Отними ее—и ничего не останется. Жизнь въ томъ и заключается, что постепенно падаетъ эта способность къ иллюзіи, падаетъ свѣтлая молодая вѣра въ принцевъ и принцессъ, понижается вообще самый appetitus vitae... Это—печальное достояніе насъ, стариковъ, и мнѣ прямо больно слышать это отъ тебя. Ты начинаешь съ того, чѣмъ обыкновенно кончаютъ.

Дѣвушка посмотрѣла на отца почти съ улыбкой сожалѣнія, отъ которой у него защемило на душѣ. У него въ головѣ мелькнула первая тѣнь подозрѣнія. Начало не обѣщало ничего хорошаго. Прежде всего, его обезоруживало насмѣшливое спокойствіе дочери.

— Ты что-то хочешь сказать мнѣ, Дидя?

— Да.

— Предъидущее служило подготовленіемъ?

— Да.

Наступила неловкая пауза, и Стабровскій со страхомъ посмотрѣлъ на дочь. Вотъ когда началось то, чего онъ такъ боялся! До сихъ поръ она принадлежала ему, а теперь...

— Дидя, ты влюблена? — тихо спросилъ онъ, чувствуя, какъ весь начинаетъ холодѣть.

— Нѣтъ.

Она засмѣялась. Онъ облегченно вздохнулъ. Она наклонилась къ нему, поцѣловала и проговорила:

— Папа, я не способна къ этому чувству... да. Я знаю, что это бываетъ и что всѣ дѣвушки мечтаютъ объ этомъ, но, къ сожалѣнію, я рѣшительно не способна къ такому чувству. Назови это уродствомъ, но, вѣдь, бываютъ люди глухіе, хромые, слѣпые, вообще, калѣки. Значитъ, по анологіи, должны быть и нравственные калѣки, у которыхъ недостаетъ самыхъ законныхъ чувствъ. Какъ видишь, я совсѣмъ не желаю обманывать себя. Вѣдь, я тоже *средній* человѣкъ, папа... У меня умъ перевѣшиваетъ все, и я впередъ отравляю всякое чувство.

— А ты не ошибаешься?

— Опять спасительная логика средняго человѣка, папа... Вмѣсто иллюзіи, здѣсь является довольно грустный житейскій разсчетъ.

— Дидя, ты меня пугаешь...

— Поговоримъ, папа, серьезно... Я смотрю на бракъ, какъ на дѣло довольно скучное, а для мужчины и совсѣмъ тошное. Вѣдь, бракъ для мужчины—это лишеніе всѣхъ особенныхъ правъ, и твои принцы постоянно бунтуютъ, отравляютъ жизнь и себѣ, и женѣ. Для чего мнѣ мужъ герой? Мнѣ нуженъ тотъ нормальный средній человѣкъ, который терпѣливо понесетъ свое семейное иго. У себя дома, вѣдь, нѣтъ ни героевъ, ни геніевъ, ни особенныхъ людей, и въ этомъ по-моему секретъ того крошечнаго, углового эгоизма, который мы называемъ семейнымъ счастьемъ.

Разсудительность Диди тяжело подѣйствовала на Стабровскаго, — вѣдь, это своего рода холодный и безпринципный развратъ. Съ другой стороны, она совершенно застрахована отъ обыкновенныхъ женскихъ слабостей, хотя такія сдержанныя натуры иногда и кончаютъ очень плохо.

Долго раздумывалъ Стабровскій и такъ, и этакъ, а, главное, о томъ, что не сегодня-завтра онъ можетъ умереть и Дидя останется совершенно на произволъ судьбы. Конечно, панъ Казиміръ заставляетъ желать многаго, чтобы сдѣлаться приличнымъ совершенствомъ, но, все равно, другого выбора нѣтъ. Старикъ плохо помнилъ, какъ далъ свое согласіе на этотъ бракъ, а черезъ недѣлю послѣ свадьбы уже проклиналъ себя. Гдѣ у него были глаза? Вѣдь, панъ Казиміръ, прежде всего, глупъ, да еще самонадѣянно глупъ, а потомъ онъ получилъ въ замѣнъ ума порядочную дозу самой нехорошей мелкой хитрости и, наконецъ, онъ золъ, какъ маленькое безсильное животное. Стабровскій возненавидѣлъ зятя и просто не могъ выносить его присутствія. Въ довершеніе всего, Дидя, умненькая, разсудительная и холодная, какъ маленькая змѣйка, ничего этого не видѣла и, кажется, была счастлива, что связала свою жизнь съ этимъ вырождающимся ничтожествомъ.

Разъ у Стабровскаго съ зятемъ разыгралась довольно крупная сцена. Старика больше всего поразило то, что присутствовавшая при этомъ Дидя упорно молчала, она была согласна съ мужемъ и только изъ вѣжливости не противорѣчила отцу. Ясно, что произошла перемѣна подданства. Результатомъ этой сцены былъ второй, уже настоящій ударъ, уложившій Стабровскаго на три мѣсяца въ постель. У него отнялась вся правая половина, скосило лицо и долго не дѣйствовалъ языкъ. Именно въ такомъ безпомощномъ состояніи его и застала голодная зима. И было достаточно трехъ мѣ-

сяцевъ, чтобы все, что подготовлялось цѣлою жизнью, разомъ нарушилось. Произошло нѣчто вродѣ отложенія подданныхъ. Прежде всего, распалось соглашеніе винокуровъ, и Стабровскій пересталъ получать отступное; потомъ въ банкѣ, видимо, на Стабровскаго поставили крестъ и не считали нужнымъ даже отвѣчать на его письма; наконецъ, отдѣльныя лица, обязанныя ему всѣмъ, проявили самую черную неблагодарность. Особенно типичнымъ примѣромъ такихъ отношеній былъ тотъ, когда Галактіонъ отказался не только платить взятыя у Стабровскаго пятьдесятъ тысячъ, но даже отказался пріѣхать для личныхъ объясненій.

— Зачѣмъ я поѣду къ нему?—удивлялся Галактіонъ съ прямолинейностью настоящаго мошенника.—Пусть г. Стабровскій лучше посчитаетъ, сколько я ему доставилъ барышей, когда трепался по кабакамъ...

И другіе были не лучше: Штоффъ, Мышниковъ, свои собственные служащіе и лучше всѣхъ, конечно, былъ зять, ждавшій его смерти, какъ воскресенія. О, какъ всѣхъ теперь понималъ Стабровскій и какъ понималъ то, что вся его жизнь была одною сплошною ошибкой!

Сознаніе вернулось, но говорить правильно Стабровскій не могъ. Онъ подыскивалъ или забывалъ слова и говорилъ совсѣмъ не то, что желалъ. Это доводило его до слезъ. Все понимать и не имѣть возможности все объяснить — что можетъ быть хуже? Болѣзнь развила въ немъ страшную подозрительность,—онъ теперь не вѣрилъ даже родной дочери. Изъ всѣхъ окружающихъ онъ отдавалъ предпочтеніе деревянной миссъ Дудль, которая была всегда одинакова, да еще Устинькѣ, которая приходила навѣщать его почти каждый день. Дѣвушка приносила съ собой неистощимый запасъ печальныхъ новостей.

— Если бы вы только могли видѣть, Болеславъ Брониславичъ!—говорила Устинька со слезами на глазахъ. — Голодающія дѣти, голодающія матери, старики, отцы семействъ... Развивается голодный тифъ.

— Да?—равнодушно удивлялся Стабровскій.—И я тоже голоденъ... А что значитъ: ѣсть?... Меня доктора заставляютъ ѣсть.

Въ другой разъ Стабровскій сказалъ Устинькѣ:

— Они голодны? Какое счастье!... Еслибъ я могъ быть голоднымъ!

Онъ даже приподнялся на подушкѣ и со слезами на глазахъ объяснилъ свою мысль:

— Я постоянно голоденъ, но не могу ѣсть... И это даже не

голодъ въ собственномъ смыслѣ, а это... это... это... Ахъ, я все готовъ былъ бы отдать за то, чтобы быть такимъ голоднымъ, какъ ваши голодные!... Я имъ завидую.

Это былъ какой-то сумасшедшій бредъ, и Стабровскій только по сдержанно-грустному выраженію лица Устиньки догадывался, что онъ говоритъ что-то невозможное, старался поправиться и окончательно запутывался въ собственныхъ словахъ.

Устинька въ отчаяніи уходила въ комнату миссъ Дудль, чтобъ отвести душу. Она только теперь въ полную мѣру оцѣнила эту простую, но твердую женщину, которая въ каждый данный моментъ знала, какъ она должна поступить. Миссъ Дудль совсѣмъ сжилась съ семьей Стабровскихъ и разсчитывала, что, въ случаѣ смерти старика, перейдетъ къ Дидѣ, у которой могли быть свои дѣти. Но получилось другое: деревянную англичанку безъ всякой причины возненавидѣлъ панъ Казиміръ, а Дидя по своей привычкѣ и не думала ее защищать.

— Они выгонятъ меня изъ дому, какъ старую водовозную клячу,—спокойно предусматривала событія миссъ Дудль.—И я не довела бы себя до этого, если бы мнѣ не было жаль мистера Стабровскаго... Безъ меня о немъ всѣ забудутъ. Мистеръ Казиміръ ждетъ только его смерти, чтобы получить всѣ деньги... Дидя будетъ еще много плакать и тогда вспомнитъ обо мнѣ.

— Миссъ Дудль, если вы почему-нибудь вздумаете — переѣзжайте прямо ко мнѣ, — предлагала нѣсколько разъ Устинька. — Право, мы проживемъ вмѣстѣ недурно.

Миссъ Дудль каждый разъ удивлялась и даже цѣловала Устиньку. Эти поцѣлуи походили на прикладываніе мраморной плиты. И, все-таки, миссъ Дудль была чудная дѣвушка и Устинька училась, наблюдая эту выдержанную англійскую миссъ.

V.

Послѣ пожара прошло пять лѣтъ и Заполье выстроилось за-ново. Отъ стараго города осталось очень немного. Показались пустыри, на которыхъ некому было строиться. Въ общемъ городъ получилъ новенькій видъ и, пожалуй, былъ красивѣе стараго. Этотъ пожаръ докончилъ разореніе того средняго купечества, которое составляло силу стараго города. Повидимому, была и торговля, и промышленность, но все это являлось какимъ-то призракомъ. Теперь вся жизнь строилась на кредитѣ: дома строили въ кредитъ, промысла въ кредитъ, торговля въ кредитъ. Свободныхъ капиталовъ

не было, какъ раньше. Пожаръ разорилъ даже такихъ капиталистовъ, какъ Евграфъ Огибенинъ и старикъ Луковниковъ. Это были послѣдыши запольскаго разоренія. На ихъ мѣстѣ возникали новыя состоянія буквально изъ ничего, какъ на растительномъ перегноѣ ростутъ грибы: во главѣ стояли банковскіе воротилы — Мышниковъ, Штоффъ и Галактіонъ, а изъ-за ихъ широкихъ спинъ выдвигались совсѣмъ уже темные люди, какъ бывшій писарь Замараевъ, сладкій братецъ Прасковьи Ивановны Голяшкинъ.

Разореніе ушло далеко въ степь. Киргизъ Шахма держался только банкомъ, Сашка Гороховъ разорился и спился, винокуръ Прохоровъ хотя и держался, но тоже былъ въ худыхъ душахъ. У банка была какая-то задача систематически разорять все.

Вскорѣ послѣ пожара старикъ Луковниковъ привелъ въ порядокъ свои дѣла и пришелъ къ печальному открытію, что онъ разоренъ безповоротно. Всѣ капиталы съѣла мельница, дававшая въ послѣдніе годы дефицитъ около тридцати тысячъ рублей, да еще къ этому слѣдовало прибавить мертвый капиталъ, затраченный на нее и не дававшій процента, платежи по банковскимъ ссудамъ и т. д. Доходные годы не могли покрыть этихъ дефицитовъ, а только на время отдаляли неминучую бѣду. Все дѣло заключалось только въ томъ, чтобы выиграть время и дождаться, когда какой-нибудь одинъ годъ дастъ сотни тысячъ дивиденда. Но для этого нужны были новыя средства, а кредитъ уже кончался. Луковникова удивляло больше всего то, что всѣ другіе знали его дѣла, пожалуй, лучше, чѣмъ онъ самъ. Это выяснилось особенно точно, когда ему пришлось закладывать мельницу въ запольскомъ банкѣ.

— Мы собственно такими операціями не занимаемся, — заявилъ Штоффъ, къ которому обратился Луковниковъ.—Вамъ всего лучше обратиться куда-нибудь въ другой банкъ.

— Время дорого, Карлъ Карлычъ.

Тяжело было Луковникову обращаться именно въ запольскій банкъ, гдѣ воротилъ всѣми дѣлами Мышниковъ, но дѣлать нечего— нужда загнала. Банковское правленіе долго тянуло это дѣло, собирало какія-то справки и, наконецъ, состоялось рѣшеніе выдать подъ мельницу ссуду въ тридцать тысячъ рублей.

— Господа, да, вѣдь, она мнѣ стòитъ больше трехсотъ тысячъ!—взмолился Луковниковъ.—Вѣдь, вы всѣ хорошо это знаете.

— Отчего вы не обратились въ другой банкъ, Тарасъ Семенычъ?— объяснилъ Драке, по своему обыкновенію, вопросомъ.— Развѣ мы кому-нибудь даемъ больше? Вообще, вы, значитъ, недовольны?...

Пришлось помириться на этой суммѣ, чтобы заткнуть кое-какія кредитныя дыры. Кредиторы точно сговорились и наступали на Луковникова все тѣснѣе.

Закладъ мельницы оттянулъ окончательное разореніе на очень небольшое время. Явился первый протестованный вексель, когда-то выданный еще покойному Нагибину, а это вызвало закрытіе банковскаго кредита и объявленіе несостоятельности. Назначенъ былъ конкурсъ и все имущество поступило уже въ его вѣдѣніе. Тяжелѣе всего Луковникову было то, что ему не пришлось дослужить послѣдняго трехлѣтія городскимъ головой и выйти даже изъ состава гласныхъ. Все рушилось какъ-то разомъ. Старикъ въ какихъ-нибудь полгода совершенно посѣдѣлъ, какъ-то опустился и принялъ тотъ недоумѣвающій видъ, какъ и всѣ другіе «конкурсные». У него теперь явились какіе-то необычайные планы, дѣтскіе разсчеты и еще болѣе дѣтскія надежды. Главное, что̀ его мучило, это—Устинька, которая изъ богатой невѣсты превратилась въ нищую. Эта послѣдняя мысль ѣла старика день и ночь.

— Перестань, пожалуйста, папа,—уговаривала его Устинька.—Не сто̀итъ даже и говорить о такихъ пустякахъ... Будетъ день—будетъ и хлѣбъ.

— Ахъ, Устинька, Устинька, ничего ты не понимаешь!

— Нѣтъ, папа, отлично понимаю. Ну, скажи, пожалуйста, для чего намъ много денегъ: вѣдь, ты два обѣда не съѣшь, а я не надѣну два платья?... Потомъ, много ли богатыхъ людей на свѣтѣ, да и вопросъ, счастливѣе ли они отъ своего богатства?

Когда домъ и все имущество были описаны, Устинька наняла небольшую квартирку въ три комнаты и переѣхала въ нее съ отцомъ и старою нянькой Матреной. Дѣвушка была совершенно счастлива, что можетъ на свои средства содержать отца,—она зарабатывала уже около пятидесяти рублей въ мѣсяцъ, потому что, кромѣ переводовъ въ *Запольскомъ Курьерѣ,* занимала еще мѣсто секретаря этой газеты. Къ Луковниковымъ же переселился въ качествѣ квартиранта и Ечкинъ, выпущенный изъ острога «по недостатку уликъ». Устинька сама предложила ему квартиру, отплачивая ему за то добро, которое онъ сдѣлалъ ей, когда опредѣлилъ къ Стабровскимъ. Тюремное, почти годовое заключеніе подѣйствовало на Ечкина самымъ разрушающимъ образомъ. Изъ цвѣтущаго и жизнерадостнаго мужчины онъ сразу превратился въ подержаннаго джентльмена, точно весь вылинялъ. Главное, что его погубило, это—невозможность выѣхать изъ Заполья. И все изъ-за дурацкаго дѣла объ отравленіи Нагибина. Кредиторы заперли его въ За-

польѣ, какъ охотники обкладываютъ въ берлогѣ дикаго звѣря, обязавъ подпиской о невыѣздѣ. А что могъ сдѣлать Ечкинъ въ этомъ разоренномъ городѣ?

У Ечкина, попрежнему, роились тысячи плановъ, онъ ждалъ какихъ-то спасительныхъ сроковъ, писалъ безъ конца кому-то и куда-то безконечныя дѣловыя письма и не думалъ сдаваться.

— У тебя, какъ у лисы, тысячи думушекъ,—добродушно шутилъ надъ нимъ Луковниковъ.—Оба, братъ, мы съ тобой, какъ въ сказкѣ лиса, попали банковской бабѣ на воротникъ... У банка-то одна думушка!

Устинька очень рада была Ечкину, который развлекалъ отца и не давалъ ему задумываться. Они какъ-то особенно близко сошлись между собой и по вечерамъ дѣлились своими планами.

— Мнѣ всего двѣ недѣли подождать, — по секрету сообщалъ Ечкинъ, подмигивая,—а тамъ...

— И мнѣ тоже, Борисъ Яковличъ... Всего двѣ недѣли тоже!

И они ждали свои двѣ недѣли, какъ дѣти. Устинька должна была выслушивать этотъ бредъ и соглашаться.

Нагибинское дѣло остановилось въ неопредѣленномъ положеніи. За недостаткомъ уликъ былъ выпущенъ и Полуяновъ. Выпущенный раньше Ліодоръ нѣсколько разъ являлся къ слѣдователю съ новыми показаніями и его опять сажали въ острогъ, пока не оказывалось, что все это ложь. Все вниманіе слѣдователя сосредоточивалось теперь именно на Ліодорѣ, который казался ему то психически-ненормальнымъ человѣкомъ, то отчаяннымъ разбойникомъ, смѣявшимся надъ нимъ въ глаза. Въ послѣдній разъ Ліодора къ слѣдователю отправилъ самъ Харитонъ Артемьичъ.

— Явите божескую милость, ваше высокоблагородіе, г. слѣдователь второго участка,— заявлялъ старикъ.— Самъ привелъ къ вамъ разбойника... Онъ стравилъ Нагибина. Ужь повѣрьте родному-то отцу.

— Дѣйствительно, я,—равнодушно соглашался Ліодоръ.

Онъ даже разсказалъ цѣлую исторію этого отравленія, пока слѣдователь не догадался отправить его на испытаніе въ больницу душевно-больныхъ. Отецъ тоже былъ ненормаленъ и радовался, какъ ребенокъ, что еще разъ избавился отъ сына.

— Туда ему и дорога, разбойнику! — повторялъ онъ, крестясь.—Онъ и меня стравитъ.

Вообще, въ Запольѣ появился цѣлый рядъ тронувшихся людей, какъ Малыгинъ съ сыномъ, бывшій исправникъ Полуяновъ и Луковниковъ съ Ечкинымъ. У каждаго былъ свой пунктикъ.

Разоренію Луковникова предшествовала романическая исторія Устиньки съ Галактіономъ. Это было что-то нелѣпое, почти невозможное, еслибъ оно не было на самомъ дѣлѣ. Устинька относилась къ Галактіону съ гадливымъ презрѣніемъ и въ глаза высказывала, за что его принимаетъ. Но Галактіона это не остановило. Его такъ и тянуло въ домъ къ Луковникову. Онъ являлся подъ всевозможными предлогами, чтобы хоть издали увидѣть своего красиваго молодого врага. Галактіона охватила самая тяжелая страсть, страсть пожилого человѣка, терявшаго голову. Тутъ уже не было ни молодыхъ разсчетовъ, ни сдержанности, ни самолюбія. Одно желаніе охватывало всего человѣка: видѣть ее. Галактіонъ еще до пожара заявилъ Харитинѣ, что любитъ Устиньку и женится на ней во что бы то ни стало. Харитина къ этому откровенному признанію отнеслась совершенно равнодушно. Она слишкомъ устала жить... Что же, пусть женится, если нравится.

Сама Устинька страшно перепугалась, когда открыла истинную причину частыхъ визитовъ Галактіона. Онъ показался ей просто сумасшедшимъ человѣкомъ, и она всячески старалась избѣгать его. Каждый звонокъ заставлялъ ее вздрагивать. Въ свою редакцію она бѣжала такъ скоро, точно кто за ней гнался. И, все-таки, она часто встрѣчала Галактіона. Онъ, какъ мальчишка, по цѣлымъ часамъ поджидалъ ее на улицѣ, бродилъ по вечерамъ, какъ тѣнь, подъ окнами редакціи *Запольскаго Курьера*, гдѣ она занималась, и былъ счастливъ, когда могъ раскланяться съ ней хоть издали. Устинька боялась какой-нибудь грубой выходки, открытаго нападенія, но все дѣло ограничивалось молчаливымъ преслѣдованіемъ. Послѣднее ее успокоивало и она даже набралась столько храбрости, что разъ остановилась на улицѣ, дождалась провожавшаго ее издали Галактіона и очень рѣзко заявила ему:

— Вы меня компрометируете, Галактіонъ Михеичъ... У васъ свои взрослыя дочери и, кажется, ужь вамъ-то должно быть стыдно. Я васъ презираю.

Галактіонъ только смотрѣлъ на нее и молчалъ. Онъ весь былъ въ этомъ взглядѣ и его молчаніе было краснорѣчивѣе всякихъ словъ. Устинька повернулась и почти бѣгомъ бросилась домой. Она не стала пить чай, хотя отецъ и Ечкинъ каждый вечеръ ждали ея возвращенія, какъ было и сегодня, а прошла прямо въ свою комнату, заперлась на крючокъ и бросилась на кровать. Ее душили безсильныя слезы. Галактіонъ казался ей какимъ-то проклятымъ человѣкомъ, который тѣнью бродилъ по городскимъ улицамъ. Вѣдь, онъ довелъ до мертваго запоя нелюбимую жену, онъ разыгралъ ро-

ланъ съ Прасковьей Ивановной, онъ теперь мучилъ несчастную Харитину... И всѣ эти женщины за что-то любили этого проклятаго человѣка, ждали его ласковаго взгляда, улыбались ему счастливыми улыбками и потомъ проклинали.

Ночное раздумье привело Устиньку къ рѣшенію. Она должна была, какъ это ни тяжело, объясниться съ Галактіономъ. Вообще, получилась самая глупая и нелѣпая исторія.

Объясненіе произошло въ квартирѣ Харченки, куда Галактіонъ пришелъ навѣстить дѣтей.

— Что вамъ отъ меня нужно?—рѣзко спросила дѣвушка.

— Ничего,—виновато отвѣтилъ Галактіонъ.

— Въ такомъ случаѣ, вы понимаете, что ваше преслѣдованіе меня по пятамъ—мерзость... За меня даже заступиться некому и вы пользуетесь моею беззащитностью. Ко всѣмъ хорошимъ качествамъ, о которыхъ я вамъ уже говорила, вы присоединяете новое.

— А если мнѣ тошно, Устинья Тарасовна? Можетъ быть, впору руки на себя наложить.

— Скажите, пожалуйста, вы, должно быть, повторяете это всѣмъ женщинамъ, имѣвшимъ неосторожность увлекаться вами? Я не изъ такихъ.

Галактіонъ, вообще, имѣлъ такой несчастный видъ, что приготовившаяся его разнести дѣвушка немного растерялась. Некого было даже бранить.

— Меня удивляетъ ваша безсовѣстность,—говорила она, напрасно стараясь разсердиться.—Да, полная безсовѣстность.

— Если бы вы меня не ненавидѣли, Устинья Тарасовна, я давно сдѣлалъ бы вамъ предложеніе.

— Не смѣйте этого говорить, несчастный!... Вы годитесь мнѣ въ отцы!

— Устинья Тарасовна, когда съ вами случится *это*, тогда вы меня вспомните. Есть такіе роковые люди.

Послѣ этого откровеннаго объясненія, происходившаго вскорѣ послѣ пожара, Галактіонъ на время оставилъ дѣвушку въ покоѣ. Но затѣмъ онъ неожиданно явился прямо въ домъ къ Луковникову, когда Устинька была одна.

— Я сейчасъ уйду, Устинья Тарасовна... Пожалуйста, не бойтесь меня. Я пришелъ предложить помощь Тарасу Семенычу.

— Я скажу папѣ, чтобъ онъ просто не принималъ васъ.

— Но, вѣдь, онъ разорится?

— Это васъ не касается.

Галактіонъ молча поклонился и вышелъ. Это была послѣдняя

встрѣча. И только когда онъ вышелъ, Устинька поняла, за что такъ любили его женщины. Въ немъ была эта покрывающая широкая мужская ласка, та скрытая сила, которая неудержимо влекла къ себѣ,—такимъ людямъ женщины умѣютъ прощать все, потому что только около нихъ чувствуютъ себя женщинами. Именно такою женщиной и почувствовала себя Устинька.

VI.

Первые приступы голода начались еще съ осени, когда былъ съѣденъ первый хлѣбъ. Урожай былъ настолько скуденъ, что въ большинствѣ случаевъ не собрали сѣмянъ. Тяжелая крестьянская бѣда обложила все. Остановилась, прежде всего, всякая торговля. Купцы сидѣли въ пустыхъ лавкахъ. Промыслы тоже встали. Нигдѣ никакой работы, а впереди цѣлая голодная зима. Продовольственныхъ капиталовъ совсѣмъ не оказалось, считавшіеся на бумагѣ хлѣбные магазины стояли пустыми. Положеніе, вообще, было вполнѣ безвыходное. Уже съ осени, по первымъ заморозкамъ Заполье очутилось въ какомъ-то маломъ осадномъ положеніи. Въ городъ со всѣхъ сторонъ брели толпы голодающихъ,—это былъ авангардъ страшной голодной арміи. Городское управленіе рѣшительно не знало, что дѣлать. Въ городѣ тоже начинался свой собственный голодъ, а тутъ толпы нищихъ изъ уѣзда. Никакихъ спеціальныхъ суммъ на удовлетвореніе страшно разгоравшейся бѣды не было, на частную благотворительность совсѣмъ нельзя было разсчитывать, а оставалось одно земство, которое должно было заботиться о своемъ уѣздѣ. «Ступайте въ земскую управу»,—предлагали голоднымъ. Послѣ Луковникова городскимъ головой былъ избранъ Мышниковъ, изображавшій собой «маленькаго губернатора», какъ вышучивалъ *Запольскій Курьеръ*. Новый городской голова принималъ всевозможныя мѣры, чтобъ оградить свои владѣнія отъ вторженія голодающихъ, и ничего не могъ подѣлать.

Запольское земство еще послѣ уборки хлѣба раннею осенью представило губернскому земскому собранію подробный докладъ о положеніи дѣла. Докладъ писалъ Харченко, толково и обстоятельно. Требовалась настоятельная правительственная помощь. Экстренное земское собраніе рѣшило хлопотать о милліонной ссудѣ, но это ходатайство было опротестовано губернаторомъ, приславшимъ своего чиновника особыхъ порученій для разслѣдованія дѣла на мѣстѣ. Чиновникъ пріѣхалъ въ Заполье и узналъ отъ Мышникова, что голодъ придуманъ *Запольскимъ Курьеромъ*, а въ дѣйствительности

есть только недородъ. Въ этомъ смыслѣ губернаторомъ и было рѣшено и ссуда была понижена на семьдесятъ процентовъ, а *Запольскому Курьеру* сдѣлано соотвѣтствующее внушеніе. Мышниковъ острилъ, называя эту газету «голодной». Наступившая зима показала, что дѣло обстоитъ совсѣмъ не смѣшно и что необходимы энергическія мѣры. Такъ какъ нужно было что-нибудь говорить, всѣ толковали о дешевомъ сибирскомъ хлѣбѣ. Только бы дождаться весны, когда вскроются рѣки. Довѣренные крупныхъ уральскихъ хлѣботорговцевъ еще съ осени уѣхали въ Сибирь и закупали тамъ громадныя партіи. Много толковали о тюменскихъ и екатеринбургскихъ купцахъ, сосредоточивавшихъ всѣ свои силы на сибирскомъ хлѣбѣ. Въ Запольѣ оставался одинъ крупный мучникъ, старикъ Луковниковъ, да и тотъ какъ разъ разорился. Его вальцовая мельница, стоившая до четырехсотъ тысячъ, ушла съ торговъ всего за тридцать. Ее купила компанія Замараева, Голяшкина и Ермилыча. Это были дѣльцы уже новой формаціи, смѣнившіе старое степенное купечество. Они спекулировали на чужомъ разореніи и быстро шли въ гору.

— Не все банку денежки-то огребать,—говорилъ Замараевъ.— Надо и протчимъ народамъ что-нибудь оставить на зубокъ.

Со смертью Ермилыча компанія осталась изъ двухъ, и Замараевъ высчиталъ, что наживетъ на этомъ тысячъ двадцать. Конечно, жаль Ермилыча, хорошій былъ человѣкъ, а опять и деньги тридцать тысячъ не лишнія. Собственно хлѣбомъ Замараевъ началъ заниматься «изъ-за руки», благодаря Ермилычу, устроивавшему въ Запольѣ разныя хлѣбныя «коммиссіи». Особенныхъ барышей отъ этихъ порученій не было, но и себѣ не въ убытокъ. Когда начались недороды, Замараевъ воспользовался случаемъ и нѣсколько разъ надулъ Ермилыча, утаивъ львиную долю прибыли. Впрочемъ, и самъ Ермилычъ нѣсколько разъ обувалъ Замараева на обѣ ноги и только глупо хихикалъ, когда тотъ начиналъ ругаться. Эти маленькія недоразумѣнія не мѣшали большой дружбѣ и Замараевъ искренно жалѣлъ безвременно погибшаго друга.

— Отъ своей доброты погибъ,—говорилъ Замараевъ со вздохомъ.— Конечно, жалѣлъ бѣдноту,— ну, и одолжалъ, а доброта вотъ какъ отрыгнулась.

Свое дѣло Замараеву окончательно надоѣло. Съ грошами приходится возиться и при этомъ какъ будто низко. Вонъ банкъ обдираетъ на чистоту и всѣ благородные, потому что много берутъ, а, онъ, Замараевъ, точно какой искаріотъ. Всѣ даже пальцами указываютъ.

— Тоже вотъ отъ доброты началось, — вздыхалъ онъ. — Не

бойсь, мужички въ банкъ не идутъ, а у меня точно къ явленной иконѣ народъ претъ.

Дѣйствительно, замараевская касса осаждалась каждое утро цѣлою толпой крестьянъ. Закладывался настоящій деревенскій мужикъ, тащившій въ городъ самовары, конскую сбрую, полушубки, бабьи сарафаны и вообще свое мужицкое «барахлò», какъ называлъ Замараевъ этотъ отдѣлъ закладовъ. Нужно отдать справедливость, онъ принималъ эти вещи изъ участія къ захватившей деревню бѣдности, а настоящаго коммерческаго разсчета съ барахлòмъ не могло быть. Бывшій волостной писарь отлично понималъ ту отчаянную деревенскую нужду, которая закладывалась у него послѣдними потрохами. Купеческія и господскія денежки легкія, какъ и пожитки, а тутъ выбрасывалось мужицкое добро, точно поднималась тяжелая почвенная вода. Особенно негодовала жена Замараева, потому что отъ этого мужицкаго добра «очень ужъ тяжелый духъ по всему дому идетъ».

— Ничего ты не понимаешь, Анна,—усовѣщивалъ ее Замараевъ.—Конешно, я имъ благодѣтель и себѣ въ убытокъ балансъ дѣлаю: за тридцать-то шесть процентовъ въ годъ мнѣ и самому никто не дастъ двугривеннаго. А только, вѣдь, и на мнѣ крестъ есть... Понимаешь?

Выпущенный изъ тюрьмы Полуяновъ теперь занимался у Замараева въ кассѣ. Съ нимъ опять что-то дѣлалось—скучный такой, строгій и ни съ кѣмъ ни слова. Единственнымъ удовольствіемъ для Полуянова было хожденіе по церквамъ. Онъ и съ собой приносилъ какую-то церковную книгу въ старинномъ кожаномъ переплетѣ, которую и читалъ потихоньку отъ свободности. О судахъ и законахъ больше не было и помину, несмотря на отчаянное приставанье Харитона Артемьича, приходившаго въ кассу почти каждый день, чтобы поругаться съ зятемъ.

— Пора о душѣ тебѣ позаботиться, — совѣтовалъ Полуяновъ.

— Ну, это ужь попы знаютъ... Ихнее дѣло. А ты, Илья Ѳирсычъ, какъ переметная сума: сперва продалъ меня Ечкину, а теперь продаешь Замараеву. За Ечкина въ острогѣ насидѣлся, а за любезнаго зятя въ самую отдаленную каторгу уйдешь на вѣчное поселенье... Вѣрно тебѣ говорю.

Замараевъ не обращалъ вниманія на ругань богоданнаго тятеньки и только время отъ времени повторялъ:

— Тятенька любезный, всѣ мы подъ Богомъ ходимъ и дадимъ отвѣтъ на страшномъ пришествіи, а вамъ, дѣйствительно, пора бы на счетъ души соображать. Другіе-то старички вонъ каждодневно,

напримѣръ, въ церковь, а вы, прямо сказать, только сквернословите.

Банковскіе воротилы были въ страшной тревогѣ, т.-е. Мышниковъ и Штоффъ. Они совѣщались ежедневно, но не могли придти ни къ какому результату. Дѣло въ томъ, что ихъ компаніонъ по пароходству Галактіонъ держалъ себя самымъ страннымъ образомъ и каждую минуту можно было ждать, что онъ подведетъ. Сначала Штоффъ его защищалъ, а потомъ, когда Галактіонъ отказался платить Стабровскому, онъ принужденъ былъ молчать и слушать. Даже Мышниковъ, разорившій столько людей и всегда готовый на новые подвиги,—даже Мышниковъ трусилъ.

— Утопитъ онъ насъ, вотъ посмотри!—увѣрялъ онъ Штоффа.—Вѣдь, теперь какой моментъ—онъ сразу вылѣзетъ въ милліонъ, а тогда его ужь не достанешь.

— Д-да... вообще... Однимъ словомъ, чортъ его знаетъ, что у него на умѣ. Главное, какъ-то прячется ото всѣхъ.

Недоразумѣніе выходило все изъ-за того же дешеваго сибирскаго хлѣба. Компаньоны разсчитывали сообща закупить партію, перевезти ее по вешней водѣ прямо въ Заполье и поставить свою цѣну. Теперь, благодаря пароходству, хлѣбный рынокъ окончательно былъ въ ихъ рукахъ. Положимъ, что наличныхъ средствъ для такой громадной операціи у нихъ не было, но, вѣдь, можно было покредитоваться въ своемъ банкѣ. Дѣло было вѣрнѣе смерти и обѣщало страшные барыши.

— Тюменскіе купцы вонъ уже зафрахтовали пароходы на всю навигацію,—сообщилъ Штоффъ.—Хлѣбъ закупили отъ 17 до 23 к. за пудъ, а продавать хотятъ по 2 рубля. Это ужь безсовѣстно.

— Конечно, безсовѣстно... Мы будемъ продавать по полтора рубля.

— Другими словами, отъ каждаго пуда возьмемъ полтину убытка. Ну, да ужь какъ быть, надо послужить міру.

Да, все было разсчитано впередъ и даже процентъ благодѣянія на народную нужду и вдругъ прошелъ слухъ, что Галактіонъ самостоятельно закупилъ гдѣ-то въ Семипалатинской области милліонную партію хлѣба, закупилъ въ свою голову и даже не подумалъ о компаньонахъ. Новость была ошеломляющая, которая валила съ ногъ всѣ разсчеты. Штоффъ полетѣлъ въ Городище, чтобъ объясниться съ Галактіономъ.

— Это правда?—спрашивалъ онъ послѣ нѣкоторыхъ предисловій.

— Да,—коротко отвѣтилъ Галактіонъ.

— А какъ же мы-то?

— Вы получите, что причтется на вашу долю за фрахтъ.

— Ну, это, братъ, стара штука!... Дудки!...

— А контрактъ? Вѣдь, контрактъ-то самъ Мышниковъ писалъ: тамъ только и говорится о фрахтѣ, а о совмѣстныхъ закупкахъ товара ничего не сказано, да и капиталовъ такихъ нѣтъ.

— Капиталъ мы достанемъ.

— Объ этомъ раньше надо было подумать, а теперь поздно. Я взялъ весь фрахтъ на себя.

— Галактіонъ, есть у тебя совѣсть? Т.-е. тьфу... Какая тамъ совѣсть! Вѣдь, ты тогда пропалъ бы, если бы мы тебя не выручили, а теперь что дѣлаешь?

— Вы свой кусочекъ хлѣба съ масломъ и получите. Достаточно вы поломались надо мной, а забыли только одно: пароходы-то, все-таки, мои... да.

— Послушай, да тебя разстрѣлять мало!... На свои деньги веревку куплю, чтобы повѣсить тебя. Вотъ такъ кусочекъ хлѣба съ масломъ! Проклятый ты человѣкъ, вотъ что. Гдѣ деньги взялъ?

— Это ужь мое дѣло. Вѣдь, я не спрашиваю, гдѣ вы деньги берете. Однимъ словомъ, намъ нечего разговаривать.

Вернувшись въ Заполье, Штоффъ резюмировалъ Мышникову свое мнѣніе:

— Это... это геніальный мерзавецъ! Все такъ предусмотрѣть... Нѣтъ, это, наконецъ, свинство!

Мышникова больше всего занималъ вопросъ о томъ, откуда Галактіонъ могъ достать денегъ. Вѣдь, на худой конецъ нужно двѣсти-триста тысячъ.

— Нѣтъ, ты считай!—кричалъ Штоффъ, начиная рвать рѣдѣвшіе волосы.—Положимъ, что ему обойдется по 25 коп. пудъ—милліонъ пудовъ, значитъ, 250 тысячъ. Хорошо. Фрахтъ—15 к. съ пуда, ну, накладныхъ расходовъ клади 10 коп.—итого 500 тысячъ. Такъ? Положимъ, что онъ дастъ за 250 тысячъ процентовъ изъ 25—итого $62^1/_2$ тысячи. Всего, слѣдовательно, онъ затрачиваетъ сумму въ 560 тысячъ. Такъ? А выручитъ полтора милліона, если пуститъ хлѣбъ по нашей цѣнѣ, значитъ, голенькій милліонъ въ карманѣ. Нѣтъ, это чортъ знаетъ что такое!

Дальше сдѣлалось извѣстнымъ, что Галактіонъ арендовалъ мельницу отца въ Прорывѣ, потомъ ведетъ переговоры относительно вальцовой мельницы Замараева и Голяшкина и что, наконецъ, предлагаетъ земству доставить хлѣбъ по 1 р. 70 к. Все Заполье теперь только и говорило о Галактіонѣ. Онъ сдѣлался геро-

емъ дня, котораго ждали столько лѣтъ. Еще ничего подобнаго не видали въ Запольѣ и самый банкъ съ его операціями являлся какою-то дѣтскою игрушкой. Слава Галактіона выросла въ нѣсколько дней, какъ снѣговой комъ. Поднялись всѣ аппетиты и тайныя вожделѣнія ухватить свою долю. Но дорогъ былъ моментъ: другихъ пароходовъ не было, и Галактіонъ желѣзною рукой захватилъ весь хлѣбный рынокъ.

Самое скверное было то, что Мышниковъ и Штоффъ очутились въ смѣшномъ положеніи, и всѣ на нихъ указывали пальцами. Вѣдь, они спасли Галактіона, когда онъ погибалъ съ своими пароходами, а теперь должны были смотрѣть и ожигаться.

Мышниковъ теперь даже старался не показываться на публикѣ и съ горя проводилъ все время у Прасковьи Ивановны. Онъ за послѣдніе годы сильно растолстѣлъ и тянулъ вмѣстѣ съ ней мадеру. За бутылкой вина онъ каждый день обсуждалъ вопросъ, откуда Галактіонъ могъ взять деньги. Всѣ богатые люди на перечетъ. Стабровскій выученъ и не дастъ, а больше не у кого. Не припряталъ ли старикъ Луковниковъ? Да нѣтъ, не такой человѣкъ.

— Рѣшительно негдѣ взять такой суммы!—повторялъ Мышниковъ, изнывая отъ желанія раскрыть тайну Галактіона.—Вѣдь, ужъ, кажется, мы-то знаемъ, у кого и сколько денегъ... да.

— Умный человѣкъ—вотъ главная причина,—язвила Прасковья Ивановна.—Я всегда это говорила.

— Да ты же и меня тогда подвела дать денегъ Галактіону на его проклятые пароходы.

— А зачѣмъ дурацкій контрактъ написалъ?

Въ довершеніе всего, въ *Запольскомъ Курьерѣ* появилась анонимная статья «о трехъ благодѣтеляхъ». Въ ней подробно разсказывалась исторія пароходной компаніи, а роль Мышникова и Штоффа выставлялась въ самомъ комическомъ видѣ. Это была месть Харченка.

VII.

Начиная съ осени Устинька была завалена работой, особенно когда начали открываться столовыя для голодающихъ и новые врачебные пункты. Немного было мѣстной интеллигенціи, но она горячо откликнулась на народное бѣдствіе, особенно молодежь. Рабочія руки были страшно дороги, да и было ихъ немного. Первые опыты съ кормленіемъ голодающихъ производились въ Запольѣ и скоро выработался опредѣленный типъ такихъ столовыхъ, а по нимъ уже открывались столовыя въ уѣздѣ. Нужда была такъ велика, а сред-

ства такъ ничтожны, да и тѣ съ величайшимъ трудомъ добывались главнымъ образомъ изъ Россіи. Въ Запольѣ благотворителемъ оказался только Стабровскій, на средства котораго было открыто до двадцати столовыхъ, а остальные богачи очень туго поддавались на просьбы о помощи. Устинька теперь часто бывала у Стабровскаго, который давалъ ей средства, не говоря, откуда они.

Чѣмъ больше шло время къ веснѣ, тѣмъ сильнѣе росла нужда, точно пожаръ. Разъ, когда Устинька вернулась домой изъ одной поѣздки по уѣзду, ее ждала записка Стабровскаго, кое-какъ нацарапанная карандашомъ: «Дорогой другъ, заверните сегодня вечеромъ ко мнѣ. Можетъ быть, это вамъ будетъ непріятно, но васъ непремѣнно желаетъ видѣть Харитина. Ей что-то нужно сказать вамъ, и она нашла самымъ удобнымъ, чтобъ объясненіе происходило въ моемъ присутствіи. Я совѣтую вамъ повидаться съ ней».

«Что ей нужно отъ меня? — подумала дѣвушка, испытывая непріятное чувство, — она никогда не любила Харитину.—Какая-нибудь глупость».

Она сама не пошла бы на это объясненіе, если бы не настойчивый совѣтъ Стабровскаго. Старикъ не будетъ даромъ совѣтовать.

Непріятное чувство усиливалось по мѣрѣ того, какъ Устинька подходила къ дому Стабровскаго. Что ей за дѣло до Харитины и какое могло быть между ними объясненіе? У дѣвушки явилась даже малодушная мысль вернуться домой и написать Стабровскому отказъ, но она преодолѣла себя и рѣшительно позвонила.

Харитина сидѣла въ кабинетѣ Стабровскаго, одѣтая вся въ черное, точно носила по комъ-то трауръ. Исхудавшее блѣдное лицо все еще носило слѣды недавней красоты, хотя Устинька въ первый моментъ рѣшительно не узнала прежней Харитины, цвѣтущей, какой-то задорно красивой и вѣчно веселой. Дамы раскланялись издали. Самъ Стабровскій былъ сильно взволнованъ.

— Вы хорошо сдѣлали, что пришли,—обрадовался онъ, крѣпко пожимая руку Устиньки.—Да, хорошо. Ахъ, что они дѣлаютъ, что дѣлаютъ! Вѣдь, это же ужасно, это безчеловѣчно!

Устинька чувствовала на себѣ упорный и тяжелый взглядъ Харитины и плохо понимала, что говорилъ Стабровскій.

— Представьте себѣ, Устинька, — продолжалъ старикъ. — Вѣдь, Галактіонъ получилъ вездѣ подряды на доставку *дешеваго* сибирскаго хлѣба. Другими словами, онъ получитъ самъ около четырехсотъ процентовъ на затраченный капиталъ. И еще благодѣтелемъ будетъ считать себя. О, если бы не моя болѣзнь,—сейчасъ же полетѣлъ бы въ Сибирь и привезъ бы хлѣбъ на плотахъ!

Харитина молчала, опустивъ глаза.

— А другіе еще хотятъ больше получить, — какъ-то стоналъ Стабровскій, тяжело ворочаясь въ своемъ креслѣ. — Это называется снимать рубашку съ нищаго... да!

Когда Стабровскій немного успокоился, Устинька проговорила, обращаясь къ гостьѣ:

— Болеславъ Брониславичъ писалъ мнѣ, что вы желаете меня видѣть.

Харитина вздрогнула и отвѣтила не сразу. Голосъ у нея былъ такой слабый, съ какою-то странною хрипотой.

— Да. Видите ли, я... т.-е. я хочу сказать...

Она умоляюще посмотрѣла кругомъ своими широко раскрытыми сѣрыми глазами, точно искала какой-то невидимой помощи.

— Я знаю, что вы меня не любите... да, — выговорила она, наконецъ, дѣлая надъ собою усиліе, — и не пошли бы, еслибъ я сама васъ пригласила. А мнѣ такъ нужно васъ видѣть.

Стабровскій, нахмурившись, разсматривалъ свои ногти.

— Вы слышали, что сейчасъ говорили про Галактіона Михеича, а онъ совсѣмъ не такой, т.-е. не злой.

— Мнѣ это рѣшительно все равно, какой онъ, — отозвалась Устинька съ удивившею ее самоё рѣзкостью.

— Можетъ быть, я ошибаюсь, — еще мягче заговорила Харитина, глядя прямо въ глаза Устинькѣ. — Но я совсѣмъ ушла оттуда, изъ Городища... т.-е. онъ меня прогналъ... да.

— Пожалуйста, увольте меня отъ этихъ подробностей. Я рѣшительно не понимаю, къ чему вы все это говорите.

— Дѣло въ томъ... да... въ томъ, что Галактіонъ Михеичъ... однимъ словомъ, мнѣ его жаль. Пропадетъ онъ окончательно. Всѣ его теперь бранятъ, другіе завидуютъ, а онъ не такой. Вотъ хоть и это дѣло, о которомъ сейчасъ говорилъ Болеславъ Брониславичъ. Право, я только не умѣю всего сказать, какъ слѣдуетъ.

Наступила неловкая пауза. Стабровскій закрылъ глаза, стараясь не смотрѣть на сумасшедшую гостью. Ему казалось, что она ненормальна.

— Я жду, — проговорила Устинька.

Харитина посмотрѣла на нее и проговорила сдавленнымъ голосомъ:

— Отчего вы не хотите идти за него замужъ? Онъ былъ бы другой, повѣрьте мнѣ... Вѣдь, онъ сходитъ съ ума вотъ уже три года.

— Немного странный вопросъ, Харитина Харитоновна, — съ

улыбкой отвѣтила Устинька.—И, право, мнѣ трудно отвѣчать на него. Мы, кажется, не понимаемъ другъ друга. Просто, не желаю. Онъ мнѣ не нравится.

— Онъ? Галактіонъ Михеичъ?—въ какомъ-то ужасѣ прошептала Харитина.

— Да, Галактіонъ Михеичъ. Даже больше, чѣмъ не нравится. Говоря откровенно, я его презираю... Онъ по натурѣ нехорошій человѣкъ.

— Не правда!—рѣзко проговорила Харитина и даже вся выпрямилась.

— Потомъ, мнѣ странно, что спрашиваете меня именно вы.

— Да, вѣдь, я ушла совсѣмъ и никогда больше не увижу его.

— И я тоже постараюсь никогда съ нимъ не встрѣчаться.

Устинькѣ показалось, что Харитина чуть-чуть улыбнулась и посмотрѣла на нее злыми глазами. Она не вѣрила ей.

— Думаю, что мы достаточно все выяснили и поэтому кончимте, пожалуйста,—заговорила Устинька, наблюдая Стабровскаго.—Кажется, довольно сказано.

Харитина поднялась, протянула руку Стабровскому и, простившись съ Устинькой поклономъ, вышла изъ кабинета. Благодаря худобѣ, она казалось выше, чѣмъ была раньше.

— Это приходило само несчастіе,— проговорилъ Стабровскій, глядя на дверь.—А знаете, Устинька, она была дивно хороша вотъ сейчасъ, здѣсь, хороша своимъ женскимъ героизмомъ.

— Я такихъ женщинъ не понимаю. Кажется, такой безцѣльный героизмъ относится къ области эстетики, а въ дѣйствительной жизни онъ просто неудобенъ.

— Не говорите. Кстати, я вызвалъ васъ на это свиданіе вотъ почему: все равно, она разыскала бы васъ и Богъ знаетъ, чѣмъ все могло кончиться. Я просто боялся за васъ. Такія женщины, какъ Харитина, въ такомъ приподнятомъ настроеніи способны на все.

— Что же она могла сдѣлать со мной?

— Мало ли что: облить кислотой, выстрѣлить изъ револьвера. Она ревнуетъ васъ къ этому Галактіону. Замѣтьте, что она продолжаетъ его любить безъ ума и дошла до того, что наслаждается собственнымъ униженіемъ. Кстати, она опять сходится съ своимъ мужемъ.

— Съ Полуяновымъ? Это тоже изъ области дивнаго героизма?

— Пожалуй, если хотите. Она хочетъ хоть этимъ путемъ подогрѣть въ Галактіонѣ ревнивое чувство. На всякій случай, мой

совѣтъ: вы поберегайтесь этой особы. Чѣмъ она ласковѣе и скромнѣе, тѣмъ могутъ быть опаснѣе вспышки.

Стабровскій въ послѣднее время часто мѣнялъ съ Устинькой тонъ. Онъ то говорилъ ей *ты*, какъ прежде, когда она была ребенкомъ, то переходилъ на дѣловое *вы*. Когда Устинька уходила, Стабровскій пошутилъ:

— Устинька, смотрите, въ самомъ дѣлѣ не влюбитесь въ Галактіона. Въ немъ, дѣйствительно, есть что-то такое, что нравится женщинамъ, а сейчасъ онъ уже окончательно на геройскомъ положеніи. Для меня лично, впрочемъ, онъ теперь совсѣмъ опредѣлившійся негодяй.

Отъ Стабровскаго Устинька вышла въ какомъ-то туманѣ. Ее сразу оставила вся выдержка. Она шла и краснѣла, припоминая то, что говорилъ Стабровскій. О, только онъ одинъ понималъ ее и съ какою вѣжливостью старался не дать этого замѣтить! Но она уже давно научилась читать между строкъ и понимала больше, чѣмъ онъ думалъ. Въ сущности, сегодняшнее свиданіе съ Харитиной было ея экзаменомъ. Стабровскій, наконецъ, убѣдился въ томъ, чего боялся и за что жалѣетъ сейчасъ ее. Да, только онъ одинъ будетъ знать ея дѣвичью тайну.

Вернувшись домой, Устинька заперлась въ свою комнату, бросилась на постель и долго плакала. Умъ говорилъ одно, а сердце другое. Получался ошеломлявшій ее разладъ. Плакала слабая женщина, платившая дань своей слабости. Устинька не умѣла даже сказать, любитъ она Галактіона или ненавидитъ. Но она много думала о немъ, особенно въ послѣднее время, и жалѣла себя. Именно, только съ такимъ мужемъ она могла быть счастливой, еслибъ онъ не имѣлъ за собой тяжелаго прошлаго и этого ужаснаго настоящаго. Да, это была сила и сила не дюжинная. Для сравненія у Устиньки было сейчасъ достаточно матеріала. Хорошихъ людей много, но всѣ они такіе безсильные. Все только на языкѣ, въ теоріи, въ области никогда не осуществимыхъ хорошихъ чувствъ. Можетъ быть, и хороши они только потому, что ничего не стоили своимъ владѣльцамъ. Устинька перебирала всѣ свои хлопоты по голодному дѣлу и не могла не придти къ заключенію, что все такъ мало и неумѣло сдѣлано, ничего не подготовлено, какъ-то вяло и пассивно. А если бы за это же дѣло взялся Галактіонъ... о, онъ одинъ съумѣлъ бы прокормить цѣлый уѣздъ, создать работу, найти приложеніе даромъ пропадавшимъ силамъ и вдохнуть мужскую энергію!

Именно это и понималъ Стабровскій, понималъ въ ней ту энергичную сибирскую женщину, которая не удовлетворится одними

словами, которая для дѣла пожертвуетъ всѣмъ и будетъ своему мужу настоящимъ другомъ и помощникомъ. Тутъ была своя поэзія, поэзія силы, широкаго размаха энергіи и неудержимаго стремленія впередъ.

Стоило Устинькѣ закрыть глаза, какъ она сейчасъ видѣла себя женой Галактіона. Да, именно, жена, то, изъ чего складывается нераздѣльный организмъ. О, какъ хорошо она умѣла бы любить эту упрямую голову, заполоненную такими смѣлыми планами! Сильная мужская воля направлялась бы любящею женскою рукой, и все дѣлалось бы, какъ прекрасно говорили старинные русскіе люди, *по душѣ*. Все по душѣ, по глубокимъ внутреннимъ тяготѣніямъ къ правдѣ, къ общенародной совѣсти. Именно, вѣдь, тѣмъ и хорошъ русскій человѣкъ, что въ немъ еще живетъ эта общая совѣсть и что онъ не потерялъ способности стыдиться. Вотъ съ побѣднымъ шумомъ грузно работаетъ пароходная машина, впереди движущеюся дорогой развертывается громадная рѣка, точно безконечная лента къ какому-то приводу, зеленѣетъ строгій хвойный лѣсъ по берегамъ, мелькаютъ рѣдкія селенія, затерявшіяся на широкомъ сибирскомъ привольѣ. Хорошо. Бодро. Свѣтло. Жизнь полна. Это— счастье.

И вдругъ ничего нѣтъ!... Нѣтъ, прежде всего, любимаго человѣка. И другого полюбить нѣтъ силъ. Все кончено. Радужный туманъ свѣтлаго утра сгустился въ темную грозовую тучу. А любимый человѣкъ несетъ съ собой позоръ и разореніе. О, онъ никогда не узнаетъ ничего и не долженъ знать, потому что не достоинъ этого! Есть святыя чувства, до которыхъ не должна касаться чужая рука.

Харитина не успокоилась и нѣсколько разъ приходила къ Лунковниковымъ, пока не поймала Устиньку.

— Что вамъ, наконецъ, нужно отъ меня? — разсердилась дѣвушка.

Но съ Харитиной трудно было говорить. Она рыдала, ломала руки и вообще сумасшествовала.

— Ради Бога, скажите: любите вы его? — приставала Харитина.—Ну, немножечко, чуть-чуть?... Развѣ можно его не любить?

— Я не желаю съ вами говорить.

— А я васъ ненавижу, всю ненавижу! Вы всѣ меня обманываете!

Потомъ Харитина опять начинала плакать, цѣловала руки Устиньки и еще больше неистовствовала. Дѣвушка, наконецъ, собралась съ силами и смотрѣла на нее, какъ на сумасшедшую.

Разъѣзжая по уѣзду, Устинька познакомилась въ раскольничьихъ семьяхъ съ совершенно новымъ для нея типомъ женщины,— это были такъ называемыя чернички. Онѣ добровольно отказывались отъ замужства и посвящали свою жизнь обученію дѣтей и разнымъ душеспасительнымъ подвигамъ. Причинъ для такого черничества въ тяжеломъ складѣ народной жизни было достаточно, а на первомъ планѣ, конечно, стояло неудовлетворенное личное чувство. Устинька сначала разсматривала этихъ черничекъ съ любопытствомъ, потомъ жалѣла ихъ и, наконецъ, пришла къ убѣжденію, что, вѣдь, и она, Устинька, тоже въ своемъ родѣ черничка, интеллигентная черничка.

Этимъ все разрѣшалось и все дѣлалось ясно. Устинька совершенно опредѣлилась, какъ опредѣлился, по словамъ Стабровскаго, Галактіонъ.

VIII.

Вахрушка съ ранняго утра принимался «за чистоту», т.-е. все обметалъ, теръ щеткой, наводилъ лоскъ суконкой, обдувалъ и даже въ критическихъ случаяхъ облизывалъ языкомъ. Это было цѣлое священнодѣйствіе. Но событія послѣдняго времени совершенно лишили его необходимаго душевнаго равновѣсія и онъ уже не испытывалъ прежняго наслажденія отъ наведенія чистоты. Дѣло въ томъ, что помѣстилъ его въ банкъ на службу Галактіонъ, на котораго онъ молился, а теперь у Галактіона вышли «контры» съ Штоффомъ и самимъ Мышниковымъ. Конечно, Вахрушка маленькій человѣкъ и ни въ чемъ не былъ виноватъ, а, все-таки, страшно. Вдругъ Павелъ Степанычъ скажетъ: «ну-ка, ты, такой-сякой, Галактіоновъ ставленикъ!» У Вахрушки впередъ уходила душа въ пятки и онъ трепеталъ за свой постъ, вѣроятно, больше, чѣмъ какой-нибудь министръ или президентъ. Въ самомъ дѣлѣ, извольте-ка: сдѣлался человѣкомъ вполнѣ и вдругъ опять пожалуйте въ прежнее ничтожество. Мысленно Вахрушка перебиралъ всѣ подходящія мѣста и находилъ одно, что другого такого мѣста, какъ банковскій швейцаръ, даже и не бываетъ.

«Ну, что же, поцарствовалъ, надо и честь знать, — уныло резонировалъ Вахрушка, чувствуя, какъ у него даже «чистота» не выходитъ и орудія наведенія этой чистоты сами собой изъ рукъ валятся.—Спасибо голубчику Галактіону Михеичу, превознесъ онъ меня за родительскія молитвы, а впередъ ужь, что Господь пошлетъ».

Главнымъ образомъ, Вахрушку съѣдала затаенная алчба: онъ копилъ деньги и чѣмъ больше копилъ, тѣмъ жаднѣе дѣлался.

Именно въ одно изъ такихъ утръ, когда Вахрушка съ мрачнымъ видомъ сидѣлъ у себя въ швейцарской, къ нему заявился Михей Зотычъ, одѣтый странникомъ, какимъ онъ его видѣлъ въ первый разъ, когда въ Суслонѣ засадилъ по приказанію Замараева въ темную.

— Ну, здравствуй, служба! Каково прыгаешь?

— Ухъ, какъ ты меня испугалъ, Михей Зотычъ!

— Видно, грѣховъ накопилъ, вотъ и пугаешься всего. Ну, что же, денежный грѣхъ на богатаго. Вотъ и я зашелъ тебя провѣдать, Вахрушка.

— Куда опять наклался-то, Михей Зотычъ?

— А дѣльце есть, милый. Иду на свадьбу: женится медвѣдь на коровѣ. Ну-ка, угадай?

— Охъ, не выкомуривай ты со своими загадками, Михей Зотычъ! Какъ это ты учнешь свои загадки загадывать, такъ меня даже въ потъ кинетъ.

— Не любишь, миленькій? Забрался какъ мышь подъ копну съ сѣномъ и шире тебя нѣтъ, а того не знаешь, что нѣтъ мошны—есть спина. Ну-ка, отгадай другую загадку: стоитъ голубятня, летятъ голуби со всѣхъ сторонъ, клюютъ зерно, а сами худѣютъ.

— Будетъ тебѣ, Михей Зотычъ. Не хочешь ли чайку?

— Чайку, да табачку, да зелена винца? Въ самый это мнѣ разъ. Уважилъ, однимъ словомъ. Охъ, всѣ мы выхлебали въ чаю Ваньку голаго!

Михей Зотычъ любилъ помудрить надъ простоватымъ Вахрушкой и, натѣшившись вдоволь, заговорилъ уже по-обыкновенному. Вахрушка зналъ, что онъ не спроста пришелъ, и впередъ боялся, какъ бы не сболтнуть чего лишняго. Очень ужь хитеръ Михей Зотычъ, продастъ и выкупитъ на одномъ словѣ. Ему бы по настоящему въ банкѣ сидѣть да съ купцами-банкрутами разговаривать.

— Ты, сказываютъ, нынче по скитамъ душу спасаешь?—политично завелъ Вахрушка разговоръ.

— Около того. Душу-то спасалъ, а тутъ вдругъ захотѣлъ сибирскаго дешеваго хлѣбца отвѣдать... да. Сынокъ Галактіонъ Михеичъ всѣхъ, сказываютъ, удоволилъ.

— Пригналъ первый караванъ изъ Сибири и по рублю семи гривенъ все продалъ. Большія тысячи наживаетъ.

— Умный онъ у меня, Галактіонъ-то. Сердце радуется.

— И точно умный, Михей Зотычъ.

Вахрушка приперъ двери, оглядѣлся и заговорилъ шепотомъ:

— Другіе-то рвутъ и мечутъ, Михей Зотычъ, потому какъ Галактіонъ Михеичъ свою линію впередъ всѣхъ вывелъ. Ужъ на что уменъ Мышниковъ, а и у того неустойка вышла супротивъ Михея Зотыча. Истинно сказать, министромъ быть. Деньги теперь прямо лопатой будетъ огребать, а другіе-то поглядывай на него да ожигайся. Можно прямо сказать, что на настоящую точку Галактіонъ Михеичъ вышли.

— Вотъ, вотъ. Всѣ завидуютъ... да.

Михей Зотычъ пожевалъ губами, поморгалъ и прибавилъ:

— Дурачки вы всѣ, Вахрушка.

— Это по какой такой причинѣ, Михей Зотычъ?

— А по такой. Все деньги, вездѣ деньги, всѣ такъ и прячутся за деньги, а того не понимаютъ, что богача-то съ его деньгами убогій своимъ хлѣбомъ кормитъ.

— Ничего я не понимаю въ этакихъ дѣлахъ, Михей Зотычъ. Мы-то на двугривенные считаемъ.

— Вотъ и насчитали цѣлый голодъ.

Михей Зотычъ поворчалъ, поглумился, а потомъ началъ разсказывать про свою поѣздку изъ скитовъ. Вахрушка въ тактъ разсказа только вздыхалъ и качалъ головой. Охъ, пришла бѣда всѣмъ крещенымъ,—такая бѣда, что и не выговоришь!

— Посмотрѣлъ я достаточно,— продолжалъ Михей Зотычъ.— Самого чуть не убили на мельницѣ у Ермилыча. «Ты,—кричатъ мужички,—разорилъ насъ!» Вотъ какое дѣло-то выходитъ. Озвѣрѣлъ народъ. Охъ, худо, Вахрушка!... А помочь нечѣмъ. Вотъ вы гордитесь деньгами, а пришла бѣда, васъ и нѣтъ. Такъ-то.

Потомъ Михей Зотычъ принялся ругать мужиковъ - пшеничниковъ, оренбургскихъ козаковъ и башкиръ,—всѣ пропились на самоварахъ и гибнутъ отъ прикачнувшейся легкой копѣечки. А главное—работать по-настоящему разучились: помажутъ сохой—вотъ и вся пахота. Не удобряютъ земли, не блюдутъ скотинку и все такъ-то. Съ одной стороны легкія деньги, а съ другой—своя лѣнь подпираетъ. Какъ же тутъ голоду не быть?

— Ну, это ужь ты врешь, Михей Зотычъ!—азартно вступился Вахрушка.—И даже понимать по-настоящему не можешь.

— Нно-о?

— Я тебѣ говорю. Ты вотъ свой интересъ понимаешь въ лучшемъ видѣ, а мужика не знаешь.

— А вотъ и знаю!... Почему, скажи-ка, по ту сторону горъ,

гдѣ и земля хуже, и народъ бѣдный, и аренды большія,—тамъ народъ не голодуетъ, а здѣсь все есть, всего Богъ надавалъ и мужикъ-пшеничникъ голодуетъ?... У васъ тамъ Строгановы берутъ за десятину по 8 рубл. аренды, а въ козачьихъ земляхъ десятина стоитъ всего 20 копѣекъ.

Старики жестоко разспорились. Въ Вахрушкѣ проснулся дремавшій пахарь, ненавидѣвшій въ лицѣ Михея Зотыча эксплуататора-купца. Оба кричали, размахивали руками и говорили другъ другу дерзости.

— Ты вотъ уменъ, разсчиталъ всю крестьянскую бѣду на грошики,—оралъ Вахрушка.—Зубы у себя во рту сперва сосчитай... Можетъ, Господь милость свою посылаетъ: на, очувствуйся, сообразись, а ты на щетахъ хочешь сосчитать эту самую бѣду. Тутъ все дѣло въ душѣ... Понялъ теперь? Отчего богатая земля перестала родить? Отчего или засуха, или ненастье? Ну-ка, прикинь... Все отъ души идетъ. А ты поѣшь дорогого-то сибирскаго хлѣбца, поголодуй, поплачь, повытряси дурь-то, которая накопилась въ тебѣ, и сойдетъ все, какъ короста въ банѣ. И тотъ виноватъ у тебя, и этотъ виноватъ, а взять не съ кого. Всѣ виноваты, а все отъ души.

— И орда мретъ отъ души, по-твоему?

— И у орды своя душа, и свой отвѣтъ... А только настоящаго правильнаго крестьянина ты, все-таки, не понимаешь. Тебѣ этого не дано.

Сбитый съ позиціи Михей Зотычъ повернулъ на излюбленную скитскую тему о царствующемъ антихристѣ, который уловляетъ прельщенныя души любезныхъ своихъ слугъ гладомъ, но Вахрушка и тутъ нашелся.

— Это вамъ про антихриста-то старухи-скитницы на печкѣ наврали. Кто его видѣлъ?

— Я его видѣлъ... т.-е. не видѣлъ, а бѣжалъ онъ за мной, когда я ѣхалъ сюда изъ скитовъ. За сани хватался.

— Ну, плохой антихристъ, который будетъ по дорогамъ бѣгать! Къ настоящему-то сами всѣ придутъ и сами поклонятся. На, радуйся, всѣ мы твои, какъ рыба въ неводу... Гладъ-то будетъ душевный, а не тѣлесный. Понялъ?

Увлекшись этимъ богословскимъ споромъ, Вахрушка, кажется, еще въ первый разъ за все время своей службы не видалъ, какъ пріѣхалъ Мышниковъ и прошелъ въ банкъ. Онъ опомнился только, когда къ банку, сломя голову, прискакалъ на извощикѣ Штоффъ и, не раздѣваясь, полетѣлъ наверхъ.

— Здѣсь Павелъ Степанычъ?

— Никакъ нѣтъ-съ, Карлъ Карлычъ.

— Врешь ты, старое чучело! Негдѣ ему быть.

Черезъ минуту онъ уже выходилъ вмѣстѣ съ Мышниковымъ. Банковскіе дѣльцы были ужасно встревожены. Еще черезъ минуту весь банкъ уже зналъ, что Стабровскій скоропостижно умеръ отъ удара. Разсердился на миссъ Дудль, которая неловко подала ему какое-то лѣкарство, раскрылъ ротъ, чтобы сдѣлать ей выговоръ, и только захрипѣлъ.

— Господи, помилуй насъ, грѣшныхъ!—повторялъ Вахрушка, откладывая широкіе кресты.—Хоть и латынскаго закону былъ человѣкъ, а, все-таки, крещеная душа.

— Главное, что безъ покаянія свой конецъ принялъ,—задумчиво отвѣчалъ Михей Зотычъ.—Охъ, горе душамъ нашимъ!

— Не до тебя, Михей Зотычъ,—грубо остановилъ его Вахрушка.—Шелъ бы ты своею дорогой, куда наклался.

— И то пора, миленькій... Прости на скоромъ словѣ, ежели што.

— Ну, Богъ тебя проститъ, только уходи.

Михей Зотычъ вышелъ на улицу, остановился на тротуарѣ, посмотрѣлъ на новенькое зданіе банка, покачалъ головой и проговорилъ:

— Ничего, крѣпкая голубятня налажена... Много слѣдовъ входящихъ, а мало исходящихъ.

Штоффъ и Мышниковъ боялись не смерти Стабровскаго, которая не являлась неожиданностью, а его зятя, который могъ захватить папки съ банковскими дѣлами и бумагами. Больной Стабровскій не оставлялъ банковскихъ дѣлъ и занимался ими у себя на дому.

Въ домѣ Стабровскаго происходилъ ужасный переполохъ. Банковскихъ дѣльцовъ встрѣтила Устинька, заплаканная, жалкая, растерявшаяся. Дѣвушка никакъ не могла помириться съ мыслью, что теперь лежалъ только холодѣвшій трупъ Стабровскаго, не имѣвшій возможности проявить себя ни однимъ движеніемъ. Еще утромъ человѣкъ былъ живъ, что-то разсчитывалъ, на что-то надѣялся, могъ радоваться и негодовать, а теперь уже ничего было не нужно. Для Устиньки это была еще первая смерть близкаго человѣка, и она въ первый разъ переживала всѣ ощущенія, которыя вызываются такими событіями. Поднялось разомъ что-такое огромное, безпощадное, передъ которымъ всѣ были равны по своему ничтожеству. Въ сущности, вѣдь, никто не думаетъ о собственной смерти, вели-

кодушно предоставляя умирать другимъ. Въ смерти есть неумолимая правда.

Въ кабинетѣ были только трое: докторъ Кацманъ, напрасно старавшійся привести покойнаго въ чувство, и Дидя съ мужемъ. Устинька пошла за банковскими дѣльцами и съ ужасомъ услышала, какъ говорилъ Штоффъ Мышникову:

— Необходимо все опечатать... Папки съ банковскими бумагами у него всегда лежали въ лѣвомъ ящикѣ письменнаго стола, а часть въ несгораемомъ шкафу. Необходимо принять всѣ предосторожности.

Мышниковъ ничего не отвѣтилъ. Онъ боялся смерти и теперь находился подъ впечатлѣніемъ того, что она была вотъ здѣсь. Онъ даже чувствовалъ, какъ у него мурашки идутъ по спинѣ. Да, *она* пронеслась здѣсь, дохнувъ своимъ леденящимъ дыханіемъ.

— Я боюсь,—признался онъ Штоффу, останавливаясь у дверей кабинета.—Ступай ты одинъ.

Устинька слышала эту фразу и поняла: вѣдь, всѣ чувствовали себя какъ-то неловко, точно были всѣ виноваты въ чемъ-то.

Панъ Казиміръ отнесся къ банковскимъ дѣльцамъ съ высокомѣрнымъ презрѣніемъ, сразу измѣнивъ прежній тонъ безличной покорности. Онъ уже чувствовалъ себя хозяиномъ. Дидя только повторяла настроеніе мужа, какъ живое зеркало. Между прочимъ, встрѣтивъ миссъ Дудль, она дерзко сказала ей при Устинькѣ:

— Это вы уморили отца... да. Можете считать съ этого дня себя вполнѣ свободной.

Англичанка ничего не отвѣтила, а только чопорно поклонилась. Устиньку возмутила эта сцена до глубины души, но когда Дидя величественно вышла изъ комнаты, миссъ Дудль объяснила Устинькѣ съ счастливою улыбкой:

— Не нужно обращать вниманія на ея выходки... да. Она въ такомъ положеніи.

— Въ какомъ?—не понимала Устинька.

— Она беременна.

Смерть смѣнялась новою жизнью.

Въ передней на стулѣ сидѣлъ Ечкинъ и глухо рыдалъ, закрывъ лицо руками. Около него стояла горничная и тоже плакала, вытирая слезы концомъ передника.

IX.

Стоялъ уже конецъ весны. Выпадали совсѣмъ жаркіе дни, какіе бываютъ только лѣтомъ. По дорогѣ изъ Заполья къ Городищу

шли три путника, которыхъ издали можно было принять за богомоловъ. Впереди шла въ короткомъ ситцевомъ платьѣ Харитина, повязанная, по-крестьянски, простымъ бумажнымъ платкомъ. За ней шагали Полуяновъ и Михей Зотычъ. Старикъ шелъ бодро, помахивая длинною черемуховою палкой, съ какою водятъ стада пастухи.

— Слава Богу, тепло стоитъ, — повторялъ Полуяновъ, просматривая по сторонамъ зеленѣвшіе посѣвы.— И травка, и хлѣбушко ростутъ. Скотина, по крайней мѣрѣ, отдохнетъ.

— Много ли ея осталось, этой скотины?—спрашивалъ Михей Зотычъ.—Которую прикололи и сами съѣли, а другую пораспродали.

Странники внимательно осматривали каждое поле и оцѣнивали его. Рѣдко гдѣ попадалась хорошая пахота, и зерно посѣяно коекакое и кое-какъ. Не хватало лошадей на настоящую пахоту, да и пахали голодныя руки. Въ большинствѣ случаевъ, всходы были неровные, островами и плѣшинами, точно волосы на головѣ у человѣка, только что перенесшаго жестокій тифъ. И трава росла такъ же, точно не могла собраться съ силами. Впрочемъ, ближе къ рѣкѣ Ключевой, гдѣ разлеглись заливные луга, травы были совсѣмъ хорошія. Любо было смотрѣть на эту зеленую силу; рѣка катилась точно въ зеленой шелковой рамѣ. Дорога была пыльная и Харитина уже давно устала, но шла черезъ силу, чтобы не задерживать другихъ. Она даже сама не знала, куда они идутъ. Просто, Илья Ѳирсычъ велѣлъ идти и она повиновалась съ какою-то ожесточенною покорностью. Ей доставляло теперь какое-то мучительное наслажденіе презирать самоё себя. Одно слово «мужъ» чего стòитъ... И она шла, какъ овца, которую тащили на бойню. Полуяновъ изрѣдка презрительно смотрѣлъ на нее и сразу подтягивался, точно припоминая что-то. Онъ ненавидѣлъ даже тѣнь, которая колеблющимся и расплывающимся пятномъ двигалась по дорожной пыли за Харитиной.

— Скоро ужь Гороховъ мысъ,— проговорилъ Михей Зотычъ, когда они сдѣлали полпути и Харитина чуть не падала отъ усталости.— Надо передохнуть малость.

— Важные господа всегда отдыхаютъ,— сурово отвѣтилъ Полуяновъ.

Гороховъ мысъ выдавался въ Ключевую зеленымъ языкомъ. Пріятно было свернуть съ пыльной дороги и брести прямо по зеленой сочной травѣ, такъ и обдававшей застоявшимся тяжелымъ ароматомъ. Вышли на самый берегъ и сдѣлали привалъ. Напротивъ,

черезъ рѣку, высились обсыпавшіеся красные отвѣсы крутого берега, подъ которымъ проходила старица, т.-е. главное русло рѣки.

Харитина упала въ траву и лежала безъ движенія, наслаждаясь блаженнымъ покоемъ. Ей хотѣлось вѣчно такъ лежать, чтобы ничего не знать, не видѣть и не слышать. Тяжело было даже думать,—мысли точно сверлили мозгъ.

— Ужь лучше нашей Ключевой, кажется, на всемъ свѣтѣ другой рѣки не сыщешь,—восторгался Михей Зотычъ, просматривая плёсо изъ-подъ руки.—Божья дорожка—сама везетъ...

Полуяновъ ничего не отвѣтилъ, продолжая хмуриться. Видимо, онъ былъ не въ духѣ и присутствіе Харитины его раздражало, хотя онъ самъ же потащилъ ее. Онъ точно сердился даже на рѣку, на которую смотрѣлъ изъ-подъ руки съ какимъ-то озлобленіемъ. Подъ солнечными лучами гладкое плёсо точно горѣло въ огнѣ.

Харитина думала, что старики отдохнутъ, закусятъ и двинутся дальше, но они, повидимому, и не думали уходить. Очевидно, они сошлись здѣсь по уговору и чего-то ждали. Скоро она поняла все, когда Полуяновъ сказалъ всего одно слово, глядя внизъ по рѣкѣ:

— Идетъ...

Лежавшій на травѣ Михей Зотычъ встрепенулся. Харитина взглянула внизъ по рѣкѣ и увидѣла поднимавшійся кудрявый дымокъ, который таялъ въ воздухѣ длиннымъ султаномъ. Это былъ пароходъ... Значитъ, старики ждали Галактіона. Первымъ движеніемъ Харитины было убѣжать и куда-нибудь скрыться, но потомъ она передумала и осталась. Не все ли равно?

Пароходъ двигался вверхъ по рѣкѣ очень медленно, потому что тащилъ за собой на буксирѣ нѣсколько барокъ съ хлѣбомъ. Полуяновъ сидѣлъ неподвижно въ прежней позѣ, скрестивъ руки на согнутыхъ колѣняхъ, а Михей Зотычъ нетерпѣливо ходилъ по берегу, размахивалъ палкой и что-то разговаривалъ съ самимъ собой.

Пароходъ приближался. Можно уже было разсмотрѣть и черную трубу, выкидывавшую черную струю дыма, и разгребавшія воду красныя колеса, и три барки, тащившіяся на буксирѣ. Сибирскій хлѣбъ на громадныхъ баржахъ доходилъ только до Городища, а здѣсь его перегружали на небольшія барки. Михея Зотыча безпокоила мысль о томъ, ѣдетъ ли на пароходѣ самъ Галактіонъ, что было всего важнѣе. Онъ снялъ даже сапоги, засучилъ штаны и забрелъ по колѣна въ воду.

Пароходъ подходилъ уже совсѣмъ близко. Пароходная прислуга столпилась у борта и глазѣла на стоявшаго въ водѣ старика.

— Эй, стой! — крикнулъ Михей Зотычъ.

— Мы не бере-омъ пассажировъ! — отвѣтилъ въ рупоръ кто-то съ капитанской рубки.

— Лодку подавай!

У колеса показался самъ Галактіонъ, посмотрѣлъ въ бинокль, узналъ отца и застопорилъ машину. Колеса перестали буровить воду, изъ трубы вылетѣлъ клубъ бѣлаго пара, отъ парохода быстро отдѣлилась лодка съ матросами.

— Давно бы такъ-то,— замѣтилъ Михей Зотычъ, когда лодка ткнулась носомъ въ берегъ.— Илья Ѳирсычъ, садись...

Матросы узнали Харитину и не знали, что дѣлать,—брать ее или не брать.

— Забирай всѣхъ, — приказывалъ Михей Зотычъ. — Слава Богу, не чужіе люди.

Садясь въ лодку, Полуяновъ оглянулся на берегъ, гдѣ оставалась и зеленая трава, и вольная волюшка. Онъ тряхнулъ головой, перекрестился и больше ни на что не обращалъ вниманія.

— Вотъ мы, слава Богу, и домой пріѣхали,— говорилъ Михей Зотычъ, карабкаясь по лѣсенкѣ на пароходъ.— Хорошій домокъ: сегодня здѣсь, завтра тамъ.

Галактіонъ протянулъ руку, чтобы помочь отцу подняться, но старикъ оттолкнулъ ее.

— Оставь... Ужь я какъ-нибудь самъ взберусь.

Старикъ, наконецъ, взобрался и помогъ подняться Полуянову и Харитинѣ, а потомъ уже обратился къ Галактіону:

— Ну, теперь здравствуй, сынокъ... Принимай дорогихъ гостей.

Галактіонъ уже предчувствовалъ недоброе, но сдержалъ себя и спокойно проговорилъ:

— Пожалуйте, папаша, въ мою каюту. Тамъ будетъ прохладнѣе.

— Нѣтъ, ужь мы здѣсь, — протестовалъ Полуяновъ, выдвигаясь впередъ.

— Ну, говори,—подталкивалъ его Михей Зотычъ.

— Ужь такъ и быть скажу.

— А я васъ не желаю здѣсь слушать,—заявилъ Галактіонъ.

Всѣ гурьбой пошли въ капитанскую каюту, помѣщавшуюся у праваго колеса. Матросы переглядывались. И Михей Зотычъ, и Полуяновъ, и Харитина были извѣстные люди. Каюта была крошечная, такъ что гости едва размѣстились.

— Судить тебя пришли, сынокъ,—заявилъ Михей Зотычъ.— Н , Илья Ѳирсычъ, ты попервоначалу.

Галактіонъ стоялъ у двери блѣдный, какъ полотно, и старался не смотрѣть на Харитину.

— И скажу...—громко началъ Полуяновъ, дѣлая жестъ рукой.— Когда я жилъ въ ссылкѣ, вы, Галактіонъ Михеичъ, увели къ себѣ мою жену... Потомъ я вернулся изъ ссылки, а она продолжала жить. Потомъ вы ее прогнали... Куда ей дѣваться? Она и пришла ко мнѣ... Какъ вы полагаете, пріятно это мнѣ было все переносить? Бѣдный я человѣкъ, но месть я затаилъ-съ... Сколько лѣтъ питался одною злобой и, можно сказать, жилъ ею одной. И бѣдный человѣкъ желаетъ мстить.

Полуяновъ тяжело перевелъ духъ. Галактіонъ продолжалъ молчать. У него даже губы побѣлѣли.

— Но, вѣдь, бѣдному человѣку трудно мстить,— продолжалъ Полуяновъ.—Это могутъ позволить себѣ только люди со средствами... И опять бѣдному человѣку трудно разбогатѣть. И я все думалъ, и даже просилъ Бога... Помните вы, Галактіонъ Михеичъ, старика Нагибина? Что же я говорю,—вмѣстѣ тогда на свадьбѣ у Симона были... да-съ. Такъ вотъ тогда мнѣ на этой свадьбѣ и пришла мысль-съ... да-съ... И я оную мысль воспиталъ и взлелѣялъ... вотъ какъ дѣтей воспитываютъ: все одно думаю, все одно думаю. Помните, что тогда старикъ отказалъ Натальѣ Осиповнѣ въ приданомъ?... Она тоже затаила злобу на родителя. Хорошо-съ... А старикъ живучій... Однимъ словомъ, мы и отравили его по взаимному соглашенію съ Натальей Осиповной, т.-е. отравилъ-то я, а деньги забрала она и мнѣ вручила за чистую работу нѣкоторую часть. И ловко я все устроилъ, такъ ловко, что, кажется, никакіе бы слѣдователи въ мірѣ не нашли концовъ. Самъ производилъ дознанія и знаю порядокъ, что и къ чему. Тутъ еще Ліодоръ много помогъ, потому что въ конецъ запуталъ слѣдователя. Впрочемъ, что же я вамъ разсказываю,— вѣдь, вы это и безъ меня отлично знаете.

— Ничего я не знаю!—рѣзко отвѣтилъ Галактіонъ.—А вы съ ума сошли!

— Нѣтъ, не сошелъ и имѣю документъ, что вы знали все и знали, какія деньги брали отъ Натальи Осиповны, чтобы сдѣлать закупку дешеваго сибирскаго хлѣба. Вѣдь, знали... У меня есть ваше письмо къ Натальѣ Осиповнѣ. И теперь, представьте себѣ, являюсь я, напримѣръ, къ прокурору и все, какъ на ладони. Вмѣстѣ и въ острогѣ будемъ сидѣть, а Харитина будетъ по два калачика приносить,—одинъ мужу, другой любовнику.

— Ну, что, сынокъ, доволенъ?—спрашивалъ Михей Зотычъ

Галактіонъ посмотрѣлъ на него и отвѣтилъ съ улыбкой:

— Никогда этого не будетъ, папаша...

Старикъ вскочилъ, посмотрѣлъ на сына безумными глазами и, поднявъ руку съ раскольничьимъ крестомъ, хрипло крикнулъ:

— Если ты не боишься суда земного, такъ есть судъ Божій... Ты кровь христіанскую пьешь... Люди мрутъ голодомъ, а ты съ ихняго голода милліоны хочешь наживать... Для того я тебя зародилъ, вспоилъ и вскормилъ?... Будь же ты отъ меня навсегда проклятъ!

Харитина тихо вскрикнула и закрыла лицо руками. Галактіонъ вздрогнулъ именно отъ этого слабаго женскаго крика и сдѣлалъ движеніе выйти, а потомъ повернулся и сказалъ:

— Харитина Харитоновна, мнѣ нужно сказать вамъ два слова... Выйдите на минутку.

Когда Харитина подошла къ нему, онъ наклонился къ ея уху и прошепталъ:

— Кланяйся той... Устинькѣ...

Когда Полуяновъ выходилъ изъ каюты, онъ видѣлъ, какъ Галактіонъ шелъ по палубѣ, а Харитина о чемъ-то умоляла его и крѣпко держала за руку. Потомъ Галактіонъ рванулся отъ нея и бросился въ воду. Отчаянный женскій крикъ покрылъ все.

Черезъ часъ на Гороховомъ мысу лежалъ холодный трупъ Галактіона.

Д. Маминъ-Сибирякъ.

МАРЧЕЛЛА*).

Романъ мистрисъ Уордъ.

IX.

— Не хотите ли вы сѣсть поближе къ окну? Мы гордимся своимъ осеннимъ ландшафтомъ,— сказала миссъ Рэборнъ Марчеллѣ, взявши ея верхнюю кофточку и откладывая въ сторону.—Леди Винтербурнъ запоздала, но она непремѣнно будетъ: она никогда не нарушаетъ своихъ обѣщаній.

Марчелла придвинула стулъ къ окну и любовалась роскошнымъ паркомъ, прилегающимъ къ зáмку. Она была въ нервномъ возбужденіи и не особенно разговорчива, но миссъ Рэборнъ, перекинувшись съ ней лишь нѣсколькими фразами о погодѣ и о дорогѣ изъ Меллора, уже успѣла вывести свое заключеніе.

«О, она съ характеромъ несомнѣнно и черезъ-чуръ манерна для молодой дѣвицы, но чрезвычайно изящна!»

Сестра лорда Максвеля была прекрасная женщина, внимательно и заботливо относившаяся къ крестьянамъ его имѣнія; среди выродившейся торійской партіи она сохраняла цѣльность торійскихъ традицій. Братъ и внукъ были для нея олицетвореніемъ идеала, и она никогда, ни по какому поводу не могла съ ними поссориться. Впрочемъ, она присвоивала себѣ и нѣкоторыя права надъ ними. Такъ, она считала своимъ естественнымъ правомъ оберегать ихъ и руководить ими въ сношеніяхъ съ женщинами, гдѣ, какъ извѣстно, мужчины легко теряютъ голову. Поэтому она уже много лѣтъ, въ интересахъ Альда, зорко присматривалась ко всѣмъ окрестнымъ молодымъ дѣвицамъ.

Теперь, несмотря на, повидимому, спокойную и развязную болтовню съ Марчеллой, миссъ Рэборнъ, въ сущности, сгорала отъ лю-

*) *Русская Мысль*, кн. VII.

бопытства и тревожныхъ догадокъ по отношенію къ этой миссъ Бойсъ. Хотя Рэборны вообще производили впечатлѣніе очень несообщительныхъ людей, и хотя братъ и Альдъ никогда не оказывали ей прямаго довѣрія, тѣмъ не менѣе, она всегда была посвящена во всѣ ихъ дѣла. Такъ, мы уже знаемъ, что она не сдѣлала визита новымъ владѣльцамъ Меллора; въ данномъ случаѣ она прекрасно поняла, что таково желаніе ея брата, а потомъ вдругъ лордъ Максвель началъ намекать, что было бы очень мило съ ея стороны заѣхать къ этимъ бѣднымъ дамамъ, которымъ, вѣроятно, очень тяжело жить въ постоянномъ общеніи съ господиномъ Ричардомъ Бойсомъ, и даже было бы недурно пригласить мать и дочь въ замокъ къ завтраку. Миссъ Рэборнъ не потребовала никакихъ объясненій и немедленно послала записку мистрисъ Бойсъ.

Хотя Альдъ считалъ преждевременнымъ сообщать миссъ Рэборнъ о своихъ чувствахъ, но она знала, что онъ очень много говорилъ о миссъ Бойсъ и ея матери съ лэди Винтербурнъ, единственною женщиной, съ которой онъ былъ откровененъ. Кромѣ того, она слышала, что Гардены отзывались о ней, какъ о замѣчательной, только, какъ казалось миссъ Рэборнъ, не особенно симпатичной дѣвушкѣ. И вотъ, послѣ всего этого, она видитъ эту дѣвушку въ гостиной зàмка, видитъ, что Альдъ съ утра въ нервномъ и озабоченномъ настроеніи, вспоминаетъ, что лордъ Максвель, уѣзжая, очень заботился вернуться вò-время къ завтраку, къ которому онъ просилъ пригласить только лэди Винтербурнъ и больше никого. Понятно, что миссъ Рэборнъ была насторòжѣ.

Что касается Марчеллы, то хотя она сознавала, что за ней наблюдаютъ, и старалась держать себя съ достоинствомъ,—она не могла скрыть живого любопытства, съ которымъ она смотрѣла на обстановку большого аристократическаго дома, и старалась составить себѣ понятіе о томъ, какъ живутъ въ этомъ домѣ и, главнымъ образомъ, какъ живетъ Альдъ Рэборнъ. Она очень мало была знакома съ жизнью того сословія, къ которому принадлежала; богатые дома и знатные люди были ей совершенно неизвѣстны. Она всматривалась теперь въ этотъ новый міръ глазами студентки и художницы и старалась не быть ослѣпленной и подавленной; но, въ то же время, она чувствовала невольное тяготѣніе къ этому блеску и власти, которая съ нимъ связана. На ряду съ этимъ она сознавала свое полное равенство и, такъ сказать, родство съ этими людьми, и хотя она открыто презирала отличія происхожденія, но, въ сущности, не согласилась бы лишиться этого преимущества въ глазахъ свѣта.

Теперь она помнила совѣтъ матери — держать себя гордо, и отсюда, вѣроятно, произошла та натянутость, которую замѣтила миссъ Рэборнъ.

«Однако, гдѣ же мужчины?» Марчеллу уже начали сердить и утомлять безконечные вопросы о томъ, что̀ ей нравится и не нравится, о ея талантахъ, друзьяхъ, о Меллорѣ и здѣшней природѣ вообще и т. д., которыми безъ передышки забрасывала ее миссъ Рэборнъ, какъ вдругъ, къ ея великому удовольствію, дверь отворилась и лакей доложилъ:

— Лэди Винтербурнъ!

Очень высокая и тонкая дама, вся въ черномъ, вошла въ комнату.

— Я опоздала, дорогая, — сказала она миссъ Рэборнъ, — но дорога отратительная, а съ лошадьми, которыхъ мнѣ только что подарилъ Эдуардъ, ужасная возня. Я сказала кучеру, чтобы въ слѣдующій разъ онъ закуталъ ихъ въ одѣяла и уложилъ въ постель, а я предпочту идти пѣшкомъ.

— Отъ васъ это станется, моя милая,— сказала миссъ Рэборнъ, цѣлуя ее,—мы васъ достаточно знаемъ! Миссъ Бойсъ, лэди Винтербурнъ.

Когда она сѣла около миссъ Рэборнъ, контрастъ между ними былъ поразительный. Миссъ Рэборнъ была небольшого роста, наклонна къ полнотѣ и любила ярко и пестро одѣваться. Головной уборъ ея былъ сдѣланъ изъ свѣтлаго шелковаго платка и обшитъ золотою тесьмой; на шеѣ у ней висѣло множество побрякушекъ на золотыхъ цѣпочкахъ; на рукахъ были надѣты всевозможные браслеты, по большей части старомодные, подаренные на память какими-нибудь уѣхавшими друзьями или родственниками; платье было красное. Вся ея фигура дышала энергіей, подвижностью и добродушнымъ здравымъ смысломъ.

Лэди Винтербурнъ, наоборотъ, была одѣта съ ногъ до головы въ черное, безъ всякихъ украшеній; лицо и голова производили впечатлѣніе строгаго, правильнаго рисунка изъ двухъ цвѣтовъ— чернаго и бѣлаго. Держалась она чрезвычайно прямо, глубокіе черные глаза, подъ бѣлыми пышными волосами, смотрѣли куда-то вдаль; вся фигура ея была исполнена какого-то трагическаго величія, казалось, вотъ она встанетъ и заговоритъ, какъ трагическая актриса. Но, въ то же время, у ней просвѣчивало выраженіе женской, даже дѣтской слабости и безпомощности; въ этой важной барынѣ и сильной личности было что-то неувѣренное, робкое и нерѣшительное.

— Вы недавно въ Меллорѣ?—заговорила она густымъ, пѣвучимъ контральто.

— Около семи недѣль, а мой отецъ и мать живутъ здѣсь съ мая мѣсяца.

— Вамъ, конечно, нравится это старое мѣсто?

— О, да, очень!—сказала Марчелла, смущаясь странною манерой лэди Винтербурнъ устремлять глаза на собесѣдника и смотрѣть пристально, но ничего не видѣть.

— Я тамъ очень давно не была, Агнета,—обратилась лэди Винтербурнъ къ хозяйкѣ,—лѣтъ двадцать. Я даже не знаю, видѣла ли я вашу мать, миссъ Бойсъ,—я въ то время очень часто уѣзжала изъ дома. Впрочемъ, однажды я видѣла ее.

Она вдругъ остановилась, и яркая краска выступила на ея блѣдныхъ щекахъ. Взглянувши на Марчеллу, она подумала, какъ бы не сказать чего-нибудь неловкаго, и, дѣйствительно, тотчасъ вспомнила, что она видѣла мистрисъ Бойсъ въ судѣ, въ послѣдній день громкаго процесса, въ которомъ былъ замѣшанъ Ричардъ Бойсъ,—мистрисъ Бойсъ, закрытая густымъ вуалемъ, сидѣла около мужа, ожидая приговора. Начиная вспоминать этотъ случай, лэди Винтербурнъ остановилась, и нѣсколько минутъ прошло въ замѣшательствѣ.

— Къ сожалѣнію, мистрисъ Бойсъ, кажется, не особенно крѣпкаго здоровья,—сказала миссъ Рэборнъ, наклоняясь надъ своимъ вязаньемъ,—а то мы бы имѣли удовольствіе видѣть ее сегодня у насъ.

Снова наступила пауза. Лэди Винтербурнъ опять навела свои глаза на Марчеллу.

— Я надѣюсь, вы пріѣдете ко мнѣ,—сказала она, наконецъ,—и мистрисъ Бойсъ тоже?

Тембръ голоса у нея былъ очень мягкій и нѣжный, несмотря на низкій тонъ, и Марчелла, взглянувши на нее, поддалась очарованію.

— Съ удовольствіемъ,—сказала она, и лицо ея оживилось и загорѣлось чувствомъ.—Мама никуда не выѣзжаетъ, но я къ вамъ пріѣду, если вы меня пригласите.

— Такъ пріѣзжайте въ слѣдующій вторникъ,—живо сказала лэди Винтербурнъ,—пріѣзжайте къ чаю, а назадъ я васъ отвезу. Мистеръ Рэборнъ мнѣ много говорилъ о васъ. Онъ говоритъ, что вы много читаете.

Торжественный тонъ послѣднихъ словъ и пристальный серьезный взглядъ разсмѣшили Марчеллу. Когда улыбка озарила ея лицо, обѣ дамы нашли ее чрезвычайно красивой.

— Откуда онъ знаетъ? Я съ нимъ почти не говорила о книгахъ.

— Хорошо, вотъ онъ придетъ, я и спрошу его,—сказала лэди Винтенбурнъ, улыбаясь.—Но я помню несомнѣнно, что онъ это говорилъ.

Теперь, въ свою очередь, лицо Марчеллы покрылось яркимъ румянцемъ. Альдъ Рэборнъ переходилъ комнату, поздоровался съ лэди Винтербурнъ и черезъ минуту она почувствовала его руку въ своей.

— Не правда ли, Альдъ, вы мнѣ говорили, что миссъ Бойсъ много читаетъ?—сказала лэди Винтербурнъ.

Лэди Винтербурнъ знала Альда Рэборна съ дѣтства и была его дальнею родственницей, поэтому называла его просто по имени.

Альдъ улыбнулся.

— Мнѣ кажется, я сказалъ, что миссъ Бойсъ похожа на васъ и на меня въ этомъ отношеніи,—тоже имѣетъ слабость къ чтенію. Однако, я очутился подъ перекрестнымъ допросомъ!

— Я вовсе не могу сказать, чтобъ я много читала,—сказала Марчелла,—правда, въ послѣднее время больше, но я никогда не дочитываю книги до конца; у меня не хватаетъ терпѣнія.

— А вамъ хотѣлось бы поскорѣе до всего дойти?—сказала миссъ Рэборнъ.

— Конечно! Есть тысяча вещей, которыя хотѣлось бы сдѣлать, но не хватаетъ времени.

— Да, въ молодости всегда такъ чувствуешь,—сказала лэди Винтербурнъ, вздыхая, — а вотъ, когда состаришься, поневолѣ приходится себя ограничивать. Когда мнѣ было двадцать лѣтъ, я не могла себѣ представить, что подъ старость я буду такою невѣждой и неудовлетворенной.

— Вы чувствуете такъ потому, что вы еще очень молоды душой, лэди Винтербурнъ,—сказалъ Альдъ, улыбаясь.—Право, вы моложе многихъ изъ насъ! Я чувствую себя бодрымъ и юнымъ, совсѣмъ школьникомъ, какъ только увижусь съ вами.

— Я не знаю, почему это вамъ такъ кажется, Альдъ,—сказала лэди Винтербурнъ, вздыхая. Затѣмъ она взглянула на сидящую около нея парочку, на оживленное сіяющее лицо Альда, обращенное къ темной фигурѣ дѣвушки, держащей себя скромно и съ достоинствомъ.

Лэди Винтербурнъ вдругъ обратилась съ какимъ-то вопросомъ къ миссъ Рэборнъ, и онѣ завели между собой разговоръ о безчисленной роднѣ.

— Не хотите ли вы пойти посмотрѣть наши гобелены?—ска-

залъ Альдъ Марчеллѣ, предложивши предварительно нѣсколько вопросовъ о погодѣ и о переѣздѣ изъ Меллора.—Я увѣренъ, что они вамъ понравятся, а, между тѣмъ, дѣдъ мой долженъ сейчасъ вернуться. Онъ разсчитывалъ быть дома раньше, но собраніе оказалось очень важнымъ и затянулось, такъ что онъ задержался.

Марчелла встала, и они вмѣстѣ направились къ противуположной сторонѣ комнаты, гдѣ висѣлъ во всю стѣну знаменитый коверъ времени итальянскаго возрожденія.

— Какая красота! — воскликнула Марчелла, восхищаясь.— Какое наслажденіе имѣть подобную вещь у себя!

Альдъ любовался ея восторгомъ.

— Я былъ увѣренъ, что вамъ понравится. Это моя любимая вещь съ дѣтства, съ тѣхъ поръ, какъ мать откопала его гдѣ-то на чердакѣ. По правдѣ сказать, я даже предпочитаю его любой картинѣ.

— Какіе чудные цвѣты! — сказала Марчелла, поглощенная рисункомъ.—Посмотрите: ирисъ, лиліи... Это мнѣ напоминаетъ, какъ въ дѣтствѣ я всегда мечтала имѣть побольше цвѣтовъ. Вы знаете, я училась въ пансіонѣ въ такой части Англіи, гдѣ мало цвѣтовъ. Мы обыкновенно гуляли вдвоемъ съ одною подругой, и я находила возлѣ дороги то тамъ, то здѣсь по цвѣточку, и какіе жалкіе, плохенькіе! Я негодовала на сухую, безплодную почву и въ утѣшеніе себѣ придумывала такія страны, гдѣ росли прелестные цвѣты,—совершенно такіе, какъ здѣсь,—думаешь, вотъ стòитъ только протянуть руку и рвать, рвать ихъ безъ конца! Очень плохо жить въ пансіонѣ тому, у кого мало денегъ. Вы никогда ничего не имѣете вдоволь. То вамъ не хватаетъ цвѣтовъ, то мало пуддинга, то, наконецъ, нѣтъ приличныхъ платьевъ.

Глаза у ней искрились, языкъ развязался. Ей не только пріятно было чувствовать себя около него, окруженною атмосферой поклоненія и почитанія, но она испытывала и высокое художественное наслажденіе.

— Подождите до мая, и подснѣжники на вашихъ поляхъ протянутъ къ вамъ свои головки,—сказалъ онъ, смѣясь.—А я сейчасъ сидѣлъ въ своей комнатѣ и придумывалъ, что̀ бы вамъ показать. Въ этомъ домѣ очень много цѣнныхъ вещей, и вы, конечно, ими заинтересуетесь, потому что вы артистка. Но, разумѣется, не утомляйте себя: смотрите, сколько вамъ захочется. Вы, кажется, около четверти часа разговаривали съ моей теткой, не правда ли?—спросилъ онъ, совершенно другимъ тономъ.

Значитъ, все время, пока Марчелла знакомилась съ миссъ Рэ-

борнъ, онъ зналъ, что она тутъ, и нарочно не выходилъ, изъ личныхъ соображеній. Марчелла почувствовала, что кровь бросилась ей въ лицо.

— Миссъ Рэборнъ была очень любезна,—сказала она нерѣшительно, но черезъ минуту прибавила съ обычною своею прямотой:—Да, она была любезна, но, все-таки, она мнѣ не нравится; я думаю, что и я ей не понравилась,—я не въ ея вкусѣ.

— Вы говорили ей о своихъ общественныхъ и политическихъ теоріяхъ?

— Нѣтъ, нѣтъ еще... Но я не увѣрена, какъ будетъ дальше, я иногда не могу сдержаться; мнѣ кажется, вы скоро раскаетесь, что отрекомендовали меня.

— Неужели вы такая задорная? Но, вѣдь, тетка моя удивительно кроткое существо,—она мухи не обидитъ. Она заботится обо всѣхъ—и своихъ, и чужихъ. Единственно, кого она преслѣдуетъ, это маленькихъ дѣвочекъ изъ нашей дворни, которыя носятъ перья на шляпахъ.

— Какъ!—вскричала Марчелла съ негодованіемъ.—Почему же имъ не носить перьевъ на шляпахъ? Это ихъ украшеніе, то же, что для васъ гобелены!

— Да, но если у нихъ при этомъ нѣтъ башмаковъ?—спросилъ онъ мягко, слегка прищурившп глаза.—Безъ башмаковъ можно схватить простуду и умереть, что, конечно, хуже, чѣмъ ходить безъ перьевъ.

— Но почему же онѣ не могутъ имѣть и башмаки, и перья?... У васъ и гобелены, и картины,—она обернулась и обвела глазами комнату,—и этотъ роскошный домъ, и паркъ. О, я скорѣе думаю, что у миссъ Рэборнъ слишкомъ много перьевъ!

— Можетъ быть, вы и правы,—сказалъ онъ другимъ тономъ, причемъ глаза его затуманились, какъ будто это напомнило ему его постоянную внутреннюю борьбу.—Однако, вы меня поставили въ затруднительное положеніе. Я хотѣлъ вамъ показать наши перья. Я думалъ, что они вамъ понравятся, а вы меня пристыдили.

— Какой вздоръ!—воскликнула Марчелла.—Развѣ вы забыли, какъ я говорила вамъ, что я люблю дѣтей за то, что они ластятся ко мнѣ?

Они оба засмѣялись; вдругъ Альдъ обернулся:

— А, вотъ и дѣдъ мой!

Затѣмъ онъ нѣсколько отошелъ и слѣдилъ за тѣмъ, какое впечатлѣніе произведетъ Марчелла на лорда Максвеля. Онъ замѣтилъ

что тотъ подходилъ довольно церемонно, затѣмъ вдругъ въ его голубыхъ глазахъ мелькнулъ огонекъ: очевидно, наружность Марчеллы, ея манеры, полныя достоинства, произвели на него благопріятное впечатлѣніе.

— Вы позволите мнѣ замѣтить, что вы чрезвычайно похожи на вашего дѣда,—сказалъ лордъ Максвель, когда они всѣ сидѣли за завтракомъ, Марчелла по лѣвую сторону отъ него, а леди Винтербурнъ по правую.—Онъ былъ однимъ изъ моихъ ближайшихъ друзей.

— Я очень мало о немъ знаю,—сказала Марчелла,—кромѣ того, что̀ я почерпнула изъ старыхъ писемъ. Я его почти не помню.

Лордъ Максвель не поддержалъ этой темы, но всячески старался вызвать Марчеллу на разговоръ. Онъ разсказалъ много интереснаго о Меллорѣ и его прошломъ, о предкахъ Марчеллы, игравшихъ роль въ исторіи, и, вообще, какъ показалось Альду, его дѣдъ старался тонко и деликатно дать Марчеллѣ понять, что она принята въ ихъ кругъ, какъ полноправный членъ, и такимъ образомъ успокоить наболѣвшія чувствительныя струны, о которыхъ онъ, конечно, догадывался.

Марчелла держала себя, можетъ быть, черезъ-чуръ гордо, бойко и непринужденно отвѣчая на вопросы: смущенія или застѣнчивости не было и слѣда. Альдъ слѣдилъ за дѣдомъ, наблюдалъ за тѣмъ, какъ его быстрый, критическій взглядъ время отъ времени скользилъ по Марчеллѣ: Альду было хорошо извѣстно, что лордъ Максвель каждую черту, тонъ голоса, жестъ примѣриваетъ къ тому идеальному образу, какимъ, по его мнѣнію, должна быть жена Рэборна.

Въ настоящій моментъ Альдъ перешелъ уже изъ перваго фазиса страсти — безсознательнаго, стихійнаго чувства, во второй— періодъ тревогъ и сомнѣній. Марчелла, сидѣвшая теперь у него въ домѣ, казалась ему не ближе, а дальше отъ него. Она была неприступна въ своемъ гордомъ величіи. Куда дѣвалась та милая и наивная довѣрчивость, съ которою она отнеслась къ нему тогда, во время прогулки? Какъ бы вернуть это опять?

Между тѣмъ, разговоръ перешелъ къ мѣстной злобѣ дня—плохому урожаю, низкимъ цѣнамъ, послѣдовательному изъ года въ годъ разоренію фермеровъ, застою на деревенскихъ рынкахъ.

— Совершенно не знаю,—сказалъ лордъ Максвель,—какъ бы помочь народу нынѣшнюю зиму, избавить его отъ нищенства. Самое легкое средство, конечно, давать деньги. Наши отцы раздавали

каменный уголь и одѣяла и считали свое дѣло сдѣланнымъ. Но мы не можемъ на этомъ успокоиться.

— Конечно, нѣтъ,—сказала леди Винтербурнъ, вздыхая.—Это такою тяжестью лежитъ на душѣ. Прошлая зима была какимъ-то кошмаромъ. Какіе ужасы разсказывались, какія лица вамъ встрѣчались, а, между тѣмъ, мы всѣ жертвовали. И какъ разъ въ это время Эдуардъ купилъ мнѣ соболій мѣхъ. Я умоляла его этого не дѣлать, но онъ надо мной смѣялся.

— Хорошо, моя милая, — сказала миссъ Рэборнъ, — но если никто не будетъ покупать соболей, въ другомъ мѣстѣ будутъ люди бѣдствовать,—въ Россіи или у Гудзонова залива. Нужно подумать и объ этомъ. О, не говори, пожалуйста, Альдъ! Я знаю, ты скажешь, что это вздоръ, а я это называю здравымъ смысломъ.

Альдъ лишь слегка улыбнулся: онъ давно предоставилъ своей теткѣ разсуждать какъ ей угодно по политической экономіи. Кромѣ того, въ настоящую минуту онъ былъ всецѣло занятъ Марчеллой.

— Совершенно вѣрно говоритъ лордъ Максвель,—сказала леди Винтербурнъ, — что прежде всѣ удовлетворялись такимъ образомъ дѣйствій. А, вѣдь, наши бабушки были очень добрыя женщины. Я не понимаю, почему это мы гораздо больше ихъ хлопочемъ о народѣ и, тѣмъ не менѣе, испытываемъ угрызенія совѣсти, которыхъ онѣ совсѣмъ не знали.

Она выпрямилась, на глаза ея легла тѣнь.

— Я увѣренъ, что миссъ Бойсъ насъ не одобряетъ. Я кое-что слышалъ о взглядахъ миссъ Бойсъ,—сказалъ лордъ Максвель, снисходительно улыбаясь и желая вызвать ее на разговоръ.

Она сидѣла, слегка наклонивши голову, ея тонкіе пальцы нервно теребили хлѣбъ. На его вызовъ она отвѣтила нѣсколько испуганнымъ взглядомъ. Она отлично понимала, что передъ ней крупный магнатъ въ своемъ родовомъ имѣніи и умудренный опытомъ практическій дѣятель, снисходящій къ фантазіямъ молодой дѣвушки. Но она напустила на себя храбрости.

— Что вы обо мнѣ слышали?—спросила она.

— Вы знаете, что вы насъ всѣхъ пугаете, — сказалъ лордъ Максвель вѣжливо, уклоняясь отъ ея вопроса.—Какъ разъ въ настоящее время намъ очень неудобно допустить пропагандистку противуположныхъ воззрѣній.

Миссъ Рэборнъ насторожилась и бросила на миссъ Бойсъ бѣглый, непріязненный взглядъ, который замѣтила одна леди Винтербурнъ.

— О, я, вѣдь, не радикалка! — сказала Марчелла слегка пре-

зрительнымъ тономъ.—Люди нашего лагеря не составляютъ особой политической партіи. Мы беремъ то, что намъ подходитъ, отовсюду.

— И вы крѣпко держитесь вашихъ убѣжденій? — спросилъ лордъ Максвель.

— Да. Во всякомъ случаѣ, мои чувства, моя совѣсть заставляютъ меня ихъ держаться.

— Но не разсудокъ? — спросилъ лордъ Максвель, смѣясь.— Въ такомъ случаѣ вы очень мало отличаетесь отъ большинства изъ насъ.

— Нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ!—воскликнула Марчелла; слова лорда Максвеля задѣли ея самолюбіе.—Я исповѣдую свои принципы и по разсудку, и по совѣсти. Только злополучное пристрастіе къ комфорту и къ привилегированному положенію въ обществѣ, недостойная слабость, иногда заставляютъ меня колебаться и измѣнять моимъ убѣжденіямъ. Изъ-за этого мои лондонскіе друзья считали меня измѣнницей.

— Неужели вы дѣйствительно думаете, что міръ можно заново перестроить? Неужели, по-вашему, то, что желательно, то и возможно?

— Я знаю только одно,—сказала она послѣ нѣкотораго молчанія,—что съ теперешними порядками невозможно примириться. Положеніе лондонскихъ бѣдняковъ ужасно; но здѣсь, въ деревнѣ, еще хуже. Неужели возможно, чтобъ это рабство и нищета, это изувѣченіе тѣла и духа продолжалось всегда?

— Неужели вы въ самомъ дѣлѣ думаете, милая барышня,—мягко заговорилъ лордъ Максвель,—что если завтра мы раздѣлимъ поровну все имущество, сила естественнаго неравенства не разрушитъ на другой же день всю нашу работу и не вернетъ намъ нашихъ бѣдняковъ?

Это замѣчаніе, стиль котораго Кравены окрестили бы «газетнымъ жаргономъ», вызвало у Марчеллы легкую презрительную усмѣшку. Она начала отвѣчать лорду Максвелю очень горячо и умно, обнаруживая большое знакомство съ техническими терминами и богатую память. Затѣмъ, поощряемая любезнымъ вниманіемъ лорда Максвеля и его замѣчаніями, она погрузилась въ исторію, говорила о рабочемъ законодательствѣ, о новомъ законѣ о бѣдныхъ, и все тѣмъ же выразительнымъ и живописнымъ языкомъ и, какъ казалось глубоко шокированной миссъ Рэборнъ, съ полнымъ пренебреженіемъ къ манерамъ и скромности, подобающимъ молодой дѣвицѣ въ чужомъ домѣ.

Альдъ время отъ времени вступалъ въ разговоръ, стараясь осторожно отвлечь ее; но она была слишкомъ возбуждена, чтобы незамѣтно уклониться въ сторону: ей захотѣлось все высказать.

— Ну, хорошо,—сказалъ лордъ Максвель, наконецъ, покоробившись отъ нѣкоторыхъ ея фразъ, несмотря на всю свою сдержанность. — Я вижу, вы держитесь того же мнѣнія, какъ и тотъ авторъ, книгу котораго я просмотрѣлъ вчера: «англійскіе землевладѣльцы всегда отличались низкимъ и коварнымъ стремленіемъ пользоваться чужими несчастьями»... Да, мой милый Альдъ, мы съ тобой осуждены и безповоротно!

Максвель, который личнымъ своимъ вліяніемъ и дѣятельностью обезпечивалъ благосостояніе цѣлаго округа въ теченіе почти сорока лѣтъ, сверкающими глазами посмотрѣлъ на внука. Миссъ Рэборнъ сидѣла безмолвная. Леди Винтербурнъ смотрѣла на Марчеллу въ упоръ разсѣяннымъ взглядомъ; на ея блѣдныхъ щекахъ выступили красныя пятна.

Марчелла вдругъ какъ бы спохватилась, взглянула на Альда и заговорила упавшимъ и дрожащимъ голосомъ:

— Конечно, я вамъ кажусь очень смѣшной. Правда, я очень непослѣдовательна, я себя ненавижу за это. Очень часто мнѣ кто-нибудь говоритъ совершенно противуположное моимъ воззрѣніямъ, и я съ нимъ соглашаюсь. Въ Лондонѣ мнѣ говорили всегда, что я держусь мнѣній своего послѣдняго собесѣдника. Но, вѣдь, отъ этого не измѣняется мое *чувство:* оно остается неприкосновеннымъ.

И она обратилась къ лорду Максвелю, какъ бы призывая его въ свидѣтели:

— Когда я иду изъ нашего дома въ деревню и вижу жилища, въ которыхъ живетъ народъ; когда ѣду комфортабельно въ каретѣ и тутъ же подъ дождемъ идетъ женщина, въ лохмотьяхъ, грязная и усталая, едва волоча ноги послѣ трудового дня; когда человѣкъ сознаетъ, что подъ старость у него не будетъ никакихъ правъ, останется одно—разсчитывать на благотворительность, а мы, имущій классъ, еще ожидаемъ отъ него благодарности за это, и когда я представлю себѣ, что каждый изъ нихъ въ годъ сдѣлаетъ гораздо болѣе полезной работы, чѣмъ я во всю свою жизнь,—тогда я чувствую, что въ нашей системѣ есть какой-то крупный изъянъ, что все устроено какъ-то неправильно!—и ея голосъ зазвенѣлъ страстнымъ одушевленіемъ.—И если я не смогу хоть сколько-нибудь измѣнить эти порядки въ теченіе своей жизни, я буду считать свою жизнь безплодно прожитой.

На всѣхъ сидѣвшихъ за столомъ эти слова произвели ошелом-

ляющее дѣйствіе. Лордъ Максвель взглянулъ на миссъ Рэборнъ и прочелъ выраженіе испуга на ея лицѣ.

Да, вотъ такъ энергичная дѣвушка! Съумѣетъ ли Альдъ ужиться съ такою сильною личностью, съ такими страстными чувствами, съ этими горящими глазами?

Вдругъ леди Винтербурнъ заговорила своимъ низкимъ груднымъ голосомъ:

— Я никогда не могла бы такъ хорошо выразиться, какъ вы, миссъ Бойсъ, но я вполнѣ согласна съ вами. Могу даже сказать, что всю свою жизнь я думала такъ же.

Марчелла, еще вся трепещущая отъ волненія, быстро повернулась къ ней съ благодарнымъ взглядомъ.

— И, въ то же время,—сказала лэди Винтербурнъ, причемъ тонъ голоса ея изъ трагическаго перешелъ въ смущенный и нерѣшительный,—какъ и вы говорите, есть одна непослѣдовательность. Прежде я была очень небогата, до тѣхъ поръ, пока Эдуардъ не получилъ титула лорда, и я вовсе не цѣню этого титула; но я бы не желала, чтобы мои дочери вышли замужъ за бѣдняковъ; и сама я не могу себѣ представить, какъ бы я стала жить безъ горничной и безъ экипажа. Эдуардъ пользуется этимъ и спрашиваетъ меня, что̀ бы я выбрала: теперешніе порядки или постоянный равномѣрный доходъ для всѣхъ, даже для богачей, не больше 400 фунтовъ въ годъ.

— Совершенно достаточно, чтобы вести хозяйство въ одномъ изъ вашихъ маленькихъ станціонныхъ домиковъ,—сказалъ лордъ Максвель, смѣясь.—Я даже думаю, что вамъ хватило бы на горничную.

— Да, вамъ смѣшно,—горячо заговорила лэди Винтербурнъ,—мужчины всегда такъ относятся. Но тутъ совершенно не до смѣха, когда вы чувствуете, что по совѣсти вы согласны съ своими противниками. Вамъ хотѣлось бы быть солидарной съ людьми вашего сословія, но вы не можете. Припомните, какъ было въ старое время. Моя бабушка, женщина необыкновенной доброты, однажды ѣхала по деревнѣ, и одинъ рабочій, немножко выпившій, прошелъ мимо и не поклонился. Она остановилась, послала своихъ людей и велѣла заковать его въ кандалы. Затѣмъ она, какъ ни въ чемъ не бывало, поѣхала домой обѣдать и вечеромъ читала молитвы, какъ всегда, считая, что она исполнила свой долгъ. Если бы мы еще имѣли право прибѣгать къ кандаламъ, мой милый другъ,—сказала она, положивши свою тонкую руку, сверкавшую брилліантами, на плечо лорда Максвеля,—мы бы съ вами не въ состояніи были имъ

пользоваться. Сохраняя свое мѣсто и положеніе, мы утратили сознаніе своего *права*. Въ прежнее время всякія затрудненія высшій классъ подавлялъ силою.

— И теперь будетъ такъ же,—сухо сказалъ лордъ Максвель,— если начнется насиліе. Какъ только дѣло дойдетъ до серьезнаго нападенія на собственность, вы увидите, что̀ будетъ съ этими реформаторскими теоріями. И, разумѣется, не мы,—не землевладѣльцы или капиталисты,—разрушимъ ихъ. Это сдѣлаютъ сотни и тысячи людей небольшого достатка, которымъ есть, что терять, и которые дрожатъ за свои крохотныя сбереженія; я думаю, что эти люди возстанутъ противъ друзей миссъ Бойсъ и при случаѣ по-звѣрски расправятся съ ними.

— Можетъ быть, вы и правы,—сказала Марчелла, волнуясь.— Я не знаю, удастся ли намъ что-нибудь сдѣлать. Но, во всякомъ случаѣ, развѣ возможно удовлетворяться существующими порядками? Развѣ возможно желать, чтобъ они оставались неизмѣнными? На какіе ужасы вы наталкиваетесь въ Лондонѣ! А здѣсь — эти хижины, нищенская заработная плата, и этотъ нелѣпый культъ барской охоты, и, какъ естественное послѣдствіе его, браконьерство.

Миссъ Рэборнъ нетерпѣливо двинула стуломъ; но лордъ Максвель спокойно продолжалъ чистить грушу, и миссъ Рэборнъ осталась на мѣстѣ. Почему онъ допускаетъ такіе разговоры? Это неслыханная вещь!

Лордъ Максвель усмѣхнулся.

— Милая барышня,—заговорилъ онъ шутливо,—неужели вы серьезно считаете героями браконьеровъ? Вамъ придется разочароваться. Представь себѣ, Альдъ, Уэсталь разсказалъ мнѣ сегодня утромъ, что онъ со своими людьми изъ силъ выбивается, чтобы поймать одну ловкую шайку браконьеровъ, которая появляется, по его мнѣнію, изъ Оксфорда, на двухколескѣ, ночью или рано утромъ; удивительно хитрыя бестіи ускользаютъ изъ-подъ рукъ. Но теперь онъ думаетъ, что напалъ на слѣдъ одного соучастника: это одинъ крестьянинъ изъ Меллора, по имени Гордъ; мнѣ кажется, что онъ у насъ не работаетъ.

— Гордъ?—воскликнула Марчелла испуганно.—Нѣтъ, это невозможно!

Лордъ Максвель удивленно посмотрѣлъ на нее.

— Развѣ вы знаете какого-нибудь Горда? Мнѣ кажется, что въ Меллорѣ очень много браконьеровъ.

— Если это такъ, то это происходитъ отъ того, что народъ бѣ-

денъ и голоденъ,—сказала Марчелла, стараясь говорить спокойно, но будучи не въ состояніи овладѣть собой.—Что же касается Горда, то я не могу этому повѣрить ни въ какомъ случаѣ. Но если бы даже это была правда, развѣ можно ихъ винить? Эти люди находятся въ такой крайности—съ прошлой зимы и до настоящаго времени они сидятъ безъ работы. Вы помните,—обратилась она вдругъ къ Альду,—я говорила вамъ о нихъ? Я какъ разъ сегодня хотѣла просить васъ, не можете ли вы имъ помочь?

Прежняя самоувѣренность покинула ее, она готова была плакать, и въ ея тонѣ чуялось безконечно-доброе женское сердце.

Онъ наклонился къ ней, и миссъ Рэборнъ, взглянувъ на него, къ ужасу своему догадывалась, почему у него необычно горятъ щеки и блестятъ глаза.

— Развѣ онъ до сихъ поръ безъ работы?—спросилъ Альдъ.— И васъ это огорчаетъ? Конечно, я ему дамъ работу: я хочу сдѣлать нѣкоторыя измѣненія въ сѣверной части парка, и я непремѣнно возьму его, дайте только мнѣ его адресъ.

— И скажите ему, чтобъ онъ не попадался Уэсталю,—сказалъ лордъ Максвель мягко,—а за прошлое его преслѣдовать не будутъ.

— А если его семья дѣйствительно въ нуждѣ,—прибавила миссъ Рэборнъ холоднымъ тономъ,—то есть очень много людей, которые готовы имъ помочь. Нѣтъ никакой надобности воровать.

— А, благотворительность!—сказала Марчелла съ презрительною гримасой.

— По-вашему, это еще худшее преступленіе, чѣмъ браконьерство,—сказалъ лордъ Максвель, смѣясь.—Это все крупные и важные вопросы. Отложимъ ихъ: можетъ быть, чашка кофе укрѣпитъ наши нервы. Агнета, можно вставать изъ-за стола?

X.

Лордъ Максвель затворилъ дверь за Альдомъ и Марчеллой, которые пошли осматривать картинную галлерею, и вернулся въ гостиную къ дамамъ. Онъ нервно проводилъ рукой по волосамъ— этотъ жестъ выдавалъ его внутреннее волненіе.

— Мнѣ хотѣлось бы знать ваше мнѣніе объ этой молодой особѣ —сказалъ онъ, подсаживаясь къ нимъ.

— Она мнѣ нравится, — немедленно сказала лэди Винтербунъ.—Правда, она еще очень незрѣла и эксцентрична, разсуждаетъ часто необдуманно, но все это съ годами пройдетъ. Повторяю, она мнѣ нравится, и мы съ ней будемъ друзьями.

Миссъ Рэборнъ всплеснула руками въ знакъ величайшаго недоумѣнія.

— Она необыкновенно дерзка, самодовольна и неблаговоспитанна!—горячо проговорила она.—Я увѣрена, что у нея нѣтъ никакихъ принциповъ, а объ ея религіозныхъ убѣжденіяхъ мнѣ страшно и подумать! Неужели это типъ современной дѣвушки?

— Послушай, милая,—перебилъ ее лордъ Максвель,—лэди Винтербурнъ нашъ старинный другъ; мы можемъ быть передъ ней откровенны, но мнѣ не хотѣлось бы, чтобы ты сказала что-нибудь, въ чемъ бы тебѣ пришлось раскаяться. Ты знаешь, Альдъ рѣшилъ жениться на этой дѣвушкѣ.

Лэди Винтербурнъ молчала, она уже и раньше догадывалась объ этомъ. Но миссъ Рэборнъ была въ большомъ волненіи: она то брала свое вязанье, то опять бросала его и, наконецъ, спросила задыхающимся голосомъ:

— Какъ это случилось? Гдѣ онъ съ ней познакомился?

— У Гарденовъ. Повидимому, она съ перваго раза произвела на него впечатлѣніе, и теперь онъ твердо стоитъ на своемъ рѣшеніи. Но она можетъ отказать ему; онъ говоритъ, что неувѣренъ въ ея согласіи.

— О!—воскликнула миссъ Рэборнъ и презрительно пожала плечами, желая выразить крайнюю степень недовѣрія. Затѣмъ спицы быстро и нервно запрыгали у нея въ рукахъ, и вдругъ она заговорила въ большомъ волненіи:—Что онъ нашелъ въ ней? Правда, она очень красива, но...—она не находила словъ.—Пусть бы Альдъ вспомнилъ свою мать! Какъ же можно—эту невоспитанную, самоувѣренную... Она даже тебя поучала, Генри, какъ будто у тебя нѣтъ другого дѣла, какъ только выслушивать болтовню подобной дѣвчонки. О, нѣтъ, нѣтъ, я не могу этого переварить, дайте срокъ! И потомъ ея отецъ—какой позоръ и стыдъ! Увѣряю тебя, Генри, она принесетъ съ собой несчастіе.

Лордъ Максвель былъ смущенъ. Напрасно онъ не подготовилъ Агнету заранѣе.

— Авось этого не случится, Агнета. Будемъ надѣяться,—сказалъ онъ.—Но, во всякомъ случаѣ, ты должна помнить, что Альдъ не мальчикъ, и я не могу принуждать его. Я понимаю неудобства положенія и изложилъ ихъ Альду. Но барышня произвела на меня гораздо болѣе благопріятное впечатлѣніе, чѣмъ на тебя.

Миссъ Рэборнъ ничего не отвѣтила, но продолжала вязать дрожащими руками. Лэди Винтербурнъ было очень жаль своихъ старыхъ друзей.

— Подождите немного,—сказала она, слегка касаясь своею рукой руки миссъ Рэборнъ.—Безъ сомнѣнія, она считала необходимымъ, прежде всего, выложить передъ нами свои взгляды. Въ ея положеніи это совершенно понятно. Но несомнѣнно, вы узнаете и другія ея стороны. И неужели вы изъ-за этого разорвете съ Альдомъ?

— Мы должны помнить,—сказалъ лордъ Максвель,—что Альдъ нисколько не зависитъ отъ меня. У него есть свои собственныя средства, и онъ можетъ завтра же уѣхать отъ насъ.

Онъ остановился и посмотрѣлъ на сестру; у ней выкатилась слеза, которую она поспѣшно вытерла.

— Надо еще разъ пообстоятельнѣе обсудить дѣло,—сказалъ лордъ Максвель.—Лэди Винтербурнъ, вы, пожалуйста, останьтесь.

— А они, можетъ быть, теперь какъ разъ окончательно рѣшаютъ между собой!—воскликнула миссъ Рэборнъ въ ужасѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ еще,—сказалъ лордъ Максвель, улыбаясь.— Но, конечно, мы должны быть къ этому готовы.

Между тѣмъ, виновница всѣхъ этихъ тревогъ покойно сидѣла въ креслѣ въ картинной галлереѣ и время отъ времени взглядывала на знаменитые портреты Гольбейна. Она была молчалива, и Альдъ, видимо, тревожился этимъ.

— Не находите ли вы, что я была груба съ вашимъ дѣдомъ?— вдругъ спросила она.

— Грубы?—сказалъ онъ, встрепенувшись.—Совсѣмъ нѣтъ. Нисколько. Неужели вы думаете, что мы, землевладѣльцы, сдѣланы изъ такого хрупкаго матеріала, что не можемъ выдержать и легкаго нападенія?

— Ваша тетка, несомнѣнно, находитъ меня грубой,—сказала Марчелла.—И это правда. Но эта роскошная обстановка просто раздражаетъ меня. Въ Меллорѣ у насъ все изветшало и развалилось. Крыша протекаетъ; у нашей большой залы нѣтъ ставней, и мы не въ состояніи ихъ сдѣлать, также какъ мы не можемъ отдать вычистить картины. Я могу заботиться о нашемъ домѣ, какъ я забочусь о деревнѣ. Но здѣсь...

И, посмотрѣвши вокругъ, она выразительно пожала плечами.

— Ахъ, опять дѣло дошло до нашихъ «перьевъ»!—сказалъ онъ, смѣясь.—Но постойте. Вѣдь, вы сами говорите, что новый строй не можетъ наступить немедленно; должна быть какая-нибудь переходная ступень, и, очевидно, пока государство еще не взяло въ свои руки старые замки со всѣмъ ихъ содержимымъ, теперешт-

ніе собственники обязаны беречь ихъ, чтобы государственная собственность не оказалась расхищенной.

Его слова и вся манера обхожденія съ ней незамѣтно покоряли ее. За нимъ чувствовалась сила зрѣлаго и широко-образованнаго человѣка, потѣшавшагося надъ ея крайними увлеченіями. Но его подтрунивація совсѣмъ не задѣвали ея чувствительнаго самолюбія, такъ какъ въ основѣ его отношенія къ ней лежала несомнѣнная симпатія, которая сглаживала и смягчала всѣ рѣзкости и разногласія. При другихъ онъ казался ей застѣнчивымъ, нерѣшительнымъ и связаннымъ, но теперь, когда они остались одни, онъ принялъ болѣе естественный и развязный тонъ.

— Предположимъ,—начала она, продолжая разговоръ,—что вы доживете до той поры, когда государство отберетъ у васъ вашу собственность, примиритесь вы съ этимъ или будете считать нарушеніемъ права и станете сопротивляться?

— Все будетъ зависѣть отъ того, какъ вы и ваши друзья поведете дѣло въ переходное время: вы меня можете убѣдить или же раздавить силою.

— О, нѣтъ!—воскликнула она.—Никакого насилія не будетъ. Только мы заставимъ васъ постепенно повышать заработную плату. Мы, конечно, не можемъ оттолкнуть отъ себя капиталистовъ, будь они землевладѣльцы или фабриканты. Мы только находимъ, что вы черезъ-чуръ много себѣ берете,—вы должны довольствоваться меньшимъ.

— Пожалуйста, только не затягивайте этого процесса,—сказалъ онъ, смѣясь,—иначе намъ придется очень плохо. Люди, которые должны будутъ жить въ своихъ имѣніяхъ при пониженной вами рентѣ и прибыли, должны будутъ пережить очень тяжелое время, пока государство не завладѣетъ окончательно ихъ имуществомъ.

— Да, это будетъ ваше первое испытаніе! А подумайте о рабочемъ, съ пятерыми маленькими дѣтьми, при заработкѣ въ 12 шиллинговъ въ недѣлю, подумайте о надрывающихся отъ работы лондонскихъ женщинахъ!

— Да, конечно, нужно подумать о нихъ,— сказалъ онъ серьезно.

Наступило молчаніе.

— Нѣтъ!—сказала Марчелла и поднялась съ кресла.—Не будемъ думать о нихъ. Мнѣ иногда кажется, что все это печалованіе о бѣдныхъ у меня и у другихъ—одна рисовка. Вернемся лучше къ картинамъ. Какъ вы думаете, Тиціанъ плохо платилъ своимъ [illegible]-

мощникамъ и обогащался на ихъ счетъ? Очень возможно. И, тѣмъ не менѣе, эта Магдалина будетъ доставлять наслажденіе еще много вѣковъ.

Они обошли картинную галлерею и поднялись наверхъ въ галлерею фамильныхъ портретовъ. Здѣсь поражала роскошь костюмовъ, бархатъ, бриллiанты. Вдругъ Марчеллѣ пришло въ голову:

«Современемъ и я попаду въ ихъ число. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, если я захочу, я буду госпожей въ этомъ домѣ».

Сердце у ней забилось сильнѣе, въ глазахъ потемнѣло. Мечты и фантазіи вихремъ пронеслись у нея въ головѣ. Она воображала себя женой будущаго пэра,—какъ бы тамъ ни было, лорду Максвелю было за семьдесятъ лѣтъ,—украшенною фамильными бриллiантами, распоряжающеюся въ этомъ большомъ домѣ и въ принадлежащихъ ему обширныхъ земляхъ. Какая власть! Какое положеніе! Какое невѣроятное превращеніе! Она—замарашка и демократка! Какъ много путей открывается для ея общественной дѣятельности! Одно только досадно, что въ ея общественныя мечты постоянно будетъ вплетаться это дурацкое, но непреодолимое пристрастіе къ шелковымъ платьямъ и драгоцѣннымъ каменьямъ вмѣстѣ съ кокетливымъ представленіемъ о своей красотѣ и изяществѣ въ такой роскошной обстановкѣ. Она постарается побороть въ себѣ это, и если выйдетъ замужъ, то исключительно ради общественныхъ цѣлей. Ея друзья не будутъ имѣть права осуждать ее.

Затѣмъ она взглянула на своего собесѣдника. Этимъ человѣкомъ можно гордиться; современемъ, конечно, она и полюбитъ его.

«Онъ будетъ всегда моимъ другомъ, и я буду руководить имъ Онъ очень уменъ и много знаетъ, но его положеніе его связываетъ, и я помогу ему стать выше положенія. Мы многихъ можемъ сдѣлать счастливыми!»

— Не хотите ли заглянуть въ эту комнату?—сказалъ онъ нерѣшительнымъ голосомъ.—Это мой кабинетъ. У меня есть нѣкоторые портреты, которые мнѣ хотѣлось бы показать вамъ, если вы позволите.

Она слегка покраснѣла и пошла за нимъ; они остановились передъ портретомъ его матери. Онъ сталъ ей разсказывать о своихъ родителяхъ, просто и свободно, и она чувствовала, что этотъ человѣкъ не сталъ бы выкладывать свои задушевныя воспоминанія передъ тѣмъ, къ кому не испытывалъ бы исключительнаго и глубокаго довѣрія. И она почувствовала приливъ симпатіи къ нему: какъ онъ добръ, какъ деликатенъ въ своихъ чувствахъ! Ему вполнѣ можно ввѣрить свою судьбу.

— А это кто?—сказала она, рванувшись къ его письменному столу и схвативши фотографическую карточку Голлена.

— Это мой самый близкій другъ. Я увѣренъ, вы слыхали его имя: Эдуардъ Голленъ.

Она была поражена.

— Какъ! Голленъ? тотъ самый Эдуардъ Голленъ, который въ прошломъ мѣсяцѣ организовалъ стачку рабочихъ въ Нотингамѣ и который часто читаетъ публичныя лекціи?

— Тотъ самый. Мы старые друзья по университету. Я очень многимъ обязанъ ему, и онъ, несмотря на лихорадочную дѣятельность, не забываетъ старыхъ друзей. Мы съ нимъ переписываемся. Хотя мы съ нимъ расходимся по многимъ пунктамъ, но это не мѣшаетъ нашей дружбѣ.

— О чемъ вы находите писать? — спросила она удивленно.— Я думаю, что въ наше время никто не пишетъ писемъ, а только коротенькія дѣловыя записки.

— Онъ пишетъ мнѣ, главнымъ образомъ, объ общественныхъ вопросахъ. Вы знаете, вѣроятно, что онъ посвятилъ себя общественной дѣятельности, хлопочетъ о нѣкоторыхъ реформахъ и иногда спрашиваетъ у меня совѣтовъ и помощи.

Марчелла широко раскрыла глаза. Это была неожиданная новость для нея. Она стала вспоминать то, чтò слышала о Голленѣ, о его значеніи въ рабочемъ движеніи. Она припоминала, что ея лондонскіе друзья считали его сильнымъ, но опаснымъ человѣкомъ; онъ стоялъ за компромиссъ, признавалъ частную собственность, хотя и придавалъ большое значеніе коллективнымъ формамъ и корпоративнымъ организаціямъ.

Они поговорили о Голленѣ, затѣмъ Марчелла подошла къ полкамъ, стала разсматривать книги и напала какъ разъ на богатое собраніе политико-экономическихъ сочиненій. Это была новая неожиданность. Альдъ никогда не выказывалъ претензіи на спеціальное знакомство съ тѣми вопросами, которые она часто поднимала въ разговорѣ съ нимъ, а, между тѣмъ, у него она нашла цѣлую спеціальную библіотеку. Она вытащила нѣсколько книгъ, перелистала ихъ и была смущена массой отмѣтокъ и замѣчаній на поляхъ: она никогда такъ внимательно не штудировала книгъ. Это было я первое соприкосновеніе съ тщательною и добросовѣстною культурой.

— Почему вы никогда не говорили мнѣ, что вы спеціально занимаетесь этими вопросами?— сказала она обиженнымъ голосомъ.— Вамъ за завтракомъ, навѣрное, показалось, что я говорила много вздора?

— Почему? Мнѣ всегда очень пріятно, что вы интересуетесь этими вопросами. Это такъ рѣдко можно встрѣтить въ женщинѣ.

Онъ досталъ одну книгу и сталъ показывать ей просто и дружески, какъ товарищу. Но ее что-то томило внутри, и она не могла вернуть прежняго самоувѣреннаго и рѣшительнаго тона. Она отвѣчала разсѣянно и поторопилась сказать, что ей пора домой.

— Я сейчасъ позову вашу дѣвушку,—сказалъ онъ.— Но вы позволите мнѣ проводить васъ до дому?

Она согласилась довольно церемонно, но внутренняя дрожь пробѣжала по ней. Вдругъ ей показалось, что онъ окончательно закрѣпляетъ положеніе.

Они сошли внизъ, и Марчелла стала прощаться. Миссъ Рэборнъ холодно и съ достоинствомъ подала ей руку. Лэди Винтербурнъ задержала ея руку въ своей и напомнила ей обѣщаніе пріѣхать къ нимъ въ слѣдующій вторникъ, а лордъ Максвель съ старомодною галантностью провелъ Марчеллу подъ руку до дверей.

— Пожалуйста, пріѣзжайте опять,—сказалъ онъ, улыбаясь.— Хотя мы старые отсталые тори, но, право, мы не такъ дурны, какъ о насъ думаютъ.

И онъ внимательно посмотрѣлъ на нее. Она сконфужена и смущена! Неужели они уже порѣшили между собой? Или Альдъ думаетъ теперь дорогой окончательно переговорить съ ней?

Когда они вышли, лордъ Максвель продолжалъ думать о нихъ. Когда Альдъ женится, переѣдетъ ли онъ въ свое имѣніе на другомъ краю графства, или же они будутъ жить съ ними, стариками, здѣсь? Какъ, въ такомъ случаѣ, установятся отношенія съ сестрой? Самъ лордъ Максвель былъ склоненъ къ оптимизму и, во всякомъ случаѣ, по его мнѣнію, такая опредѣленная личность съ самостоятельнымъ образомъ мыслей гораздо лучше, чѣмъ ничтожество. Правда, она нѣсколько эксцентрична, фантазерка и, пожалуй, черезъ-чуръ тщеславна, но, безъ сомнѣнія, она измѣнится, когда будетъ женой Альда. У Альда очень сильный характеръ, да и семья своимъ вліяніемъ сгладитъ ея рѣзкости, и жена Альда станетъ украшеніемъ этого стараго гнѣзда.

Лордъ Максвель былъ такъ озабоченъ, что не въ состояніи былъ отвѣчать на массу писемъ, лежавшихъ на его столѣ. Онъ представлялъ себѣ обоихъ молодыхъ людей въ этотъ чудный яркій день вдвоемъ, среди буковыхъ деревьевъ. Какъ поздно Альдъ переживаетъ всѣ эти ощущенія! Дѣдъ его въ двадцать лѣтъ уже былъ опытнѣе его.

Между тѣмъ, Альдъ и Марчелла шли по дорогѣ къ Меллору. Марчелла, вначалѣ задыхавшаяся отъ волненія, овладѣла собой и вела связный разговоръ. Она спрашивала его мнѣнія о будущихъ выборахъ, о томъ, сколько митинговъ онъ намѣренъ держать въ недѣлю, на какіе города и мѣстечки онъ разсчитываетъ. Она слышала, что нѣкоторые города, которые онъ считаетъ своими, выберутъ радикала, какихъ бы обѣщаній ни сулили имъ консерваторы. Неужели онъ унизится до такой степени, что приметъ поддержку консервативной лиги? Вѣдь, извѣстно, что она подкупаетъ своихъ избирателей виномъ, пивомъ и пряниками.

Такъ цѣлый залпъ вопросовъ, замѣчаній, возраженій посыпался на Альда.

— Теперь я скоро узнаю виды на выборы и другой партіи, — продолжала она.— Мистеръ Уартонъ завтра будетъ у насъ завтракать.

— Гарри Уартонъ? — спросилъ онъ съ изумленіемъ. — Вѣдь, мистеръ Бойсъ вотируетъ не за него; вашъ отецъ консерваторъ, поскольку мнѣ извѣстно?

Первымъ актомъ мистера Бойса по пріѣздѣ въ Меллоръ, пока еще онъ разсчитывалъ на реабилитацію въ мѣстномъ обществѣ, было пожертвованіе въ консервативную лигу, такъ что Альдъ не сомнѣвался въ его принадлежности къ консервативной партіи.

— Неужели во всемъ нужно соображаться съ политикой? — спросила она слегка презрительнымъ тономъ.—Неужели не полагается даже накормить радикала?

Онъ на минуту нахмурился, оскорбленный въ своей щепетильной, философски-воспитанной привычкѣ къ послѣдовательности.

— Вы напоминаете мнѣ,—сказалъ онъ, улыбаясь и краснѣя,— до какой степени выборы перепутываютъ наши политическія и нравственныя воззрѣнія. Въ такомъ случаѣ, Уартонъ старый другъ вашей семьи?

— Папа увидалъ его въ первый разъ лишь на прошлой недѣлѣ,—наивно отвѣтила она.—Теперь онъ хочетъ ему предложить пробыть у насъ нѣкоторое время, и хотя, конечно, онъ не будетъ вотировать за него, но надѣется, что Уартонъ будетъ имѣть успѣхъ.

Рэборнъ сдвинулъ брови.

— Да, онъ будетъ имѣть блестящій успѣхъ, — отрывистымъ голосомъ заговорилъ онъ.—Додгсонъ не надѣется пересилить его. Уартонъ увлекательный ораторъ, очень умный человѣкъ и не скупится на обѣщанія избирателямъ. Вамъ, миссъ Бойсъ, онъ долженъ

показаться очень интереснымъ. Онъ въ своемъ имѣніи устроилъ ферму на артельныхъ началахъ. Въ прошломъ году онъ началъ издавать рабочій листокъ,—вы, навѣрное, читали его; мнѣ кажется, что вы ссылались на него. Онъ ратуетъ за все то, чего добиваетесь и вы, — расширеніе правъ самоуправленія, національизація земли, прогрессивный подоходный налогъ, уничтоженіе капиталистовъ и землевладѣльцевъ и тому подобное. Въ нашихъ деревняхъ онъ пріобрѣтаетъ все больше и больше сторонниковъ. Повидимому, онъ имѣетъ очень большое вліяніе на народъ.

— А вамъ онъ не нравится. Это звучитъ въ каждомъ вашемъ словѣ,—сказала Марчелла.

Онъ пытался подбирать умѣренныя выраженія, несмотря на то, что въ душѣ его кипѣли ненависть и ревнивыя подозрѣнія на счетъ Уартона.

— Я зналъ его съ дѣтства. Онъ родственникъ Ливенамъ и часто бывалъ тамъ въ прежнее время. Онъ очень блестящій и способный человѣкъ.

— Ваше «но» будетъ, должно быть, очень нелестное,—вставила она,—вы такъ долго не рѣшаетесь сказать его.

— Въ такомъ случаѣ, я потороплюсь сказать, что признаю его таланты, но не уважаю его,—горячо произнесъ онъ.

— Извѣстно, что такъ всегда отзываются о сильномъ сопернцкѣ. Это установившаяся формула.

Это замѣчаніе уязвило Альда, тѣмъ болѣе, что онъ вполнѣ сознавалъ справедливость ея обвиненія въ предубѣжденіи. Онъ не могъ относиться безпристрастно къ этому человѣку, особенно теперь, когда онъ узналъ, что Марчеллѣ предстоитъ познакомиться съ нимъ.

— Мнѣ очень жаль, что вы считаете меня такимъ лицемѣромъ,—сказалъ онъ, смотря на нее страдальческимъ и возбужденнымъ взглядомъ.

Она не отвѣчала, и они шли нѣкоторое время молча. Подъ вліяніемъ чудной природы Альдъ вдругъ почувствовалъ въ себѣ твердость приступить къ рѣшительному объясненію.

Инстинктивно она обернулась къ нему въ то время, когда онъ готовился заговорить, и, встрѣтивши его взглядъ, она слегка поблѣднѣла.

— Догадываетесь ли вы, почему мнѣ такъ горько, когда вы не согласны со мной? — сказалъ онъ, хватая на-лету слова, какія подвертывались. — Почему каждое ваше слово имѣетъ для меня значеніе? Потому, что я лелѣю надежды, мечты, отъ которыхъ за-

виситъ счастье всей моей жизни. Если вы примете эти чувства, эту преданность, которую вы во мнѣ возбудили, и если вы сами можете довѣриться мнѣ, вы увидите, что я никогда не буду несправедливымъ или пристрастнымъ къ кому бы то ни было, или не буду сочувствовать тому, чему вы не симпатизируете... Скажите, могу я высказать все, что у меня на душѣ, или я черезъ-чуръ самонадѣянъ?

Щеки ея залились густымъ румянцемъ; она отвернулась. Опьяняющее, восторженное чувство своей побѣды охватило ее, но только на одно мгновеніе: тотчасъ ей стало жаль его, что онъ такъ глубоко, самоотверженно привязался къ ней, а она не могла ему отвѣчать тѣмъ же.

— Вы совсѣмъ не знаете меня,—живо заговорила она.—Вамъ только кажется, что вы знаете. Вы не можете себѣ представить, какая я неровная. Я буду надоѣдать вамъ, мучить васъ, просто приведу въ отчаяніе.

Въ его спокойныхъ сѣрыхъ глазахъ вспыхнулъ огонекъ.

— Пойдемте и сядемъ на эти сухіе пни; здѣсь намъ никто не будетъ мѣшать. А мнѣ такъ много нужно сказать вамъ,— сказалъ онъ ласково, но въ тонѣ его голоса, хотя и мягкомъ, было что-то повелительное.

Она повиновалась, внутренно дрожа. Она не испытывала къ нему страстнаго чувства, но ее охватило волненіе передъ важнымъ и рѣшительнымъ моментомъ.

Онъ провелъ ее нѣсколько шаговъ, посадилъ на пень, а самъ бросился на траву возлѣ нея. Когда онъ смотрѣлъ на ея живописную фигуру среди осенней листвы, на ея наклоненную голову, на ея возбужденное и слегка испуганное лицо, счастье наполнило его. Онъ взялъ ея руку, она не противилась, сжалъ въ своихъ рукахъ и, наклонившись, прикоснулся къ ея рукѣ сначала лбомъ, потомъ губами. Ея рука дрожала, но она не отнимала ее. Смѣсь волненія и самообладанія въ ней глубоко трогали его. При своей рыцарской скромности онъ ничего другого не требовалъ, ни о чемъ большемъ не мечталъ.

Полчаса спустя они сидѣли все на томъ же мѣстѣ. За это время они о многомъ переговорили и серьезно, и шутя.

Онъ разсказывалъ ей о томъ, какое впечатлѣніе она произв а на него въ первый разъ, какъ его удивили ея взгляды, чувств , стремленія, совершенно необычныя въ женщинахъ его круга. Са о собою разумѣется, что онъ умолчалъ о томъ, какъ въ первое вре я ея разговоры потѣшали или раздражали его. Онъ вспоминалъ и -

ворилъ только о своихъ чувствахъ симпатіи, наслажденія, восторга, о томъ, съ какою радостью онъ можетъ утолить теперь свою духовную жажду у свѣжаго источника ея чувства. Въ началѣ она привлекла его оригинальностью и смѣлостью рѣчи.

— Теперь же мнѣ дороже всего ты сама,—вдругъ сказалъ онъ въ страстномъ одушевленіи.—О, я не могу еще свыкнуться съ этою мыслью! Дай мнѣ руку и скажи еще разъ, что это дѣйствительно вѣрно, что мы съ тобой вмѣстѣ пойдемъ впередъ, что ты всегда будешь меня вдохновлять, помогать мнѣ.

И когда она протянула руку, она должна была ему позволить напечатлѣть первый поцѣлуй, который принадлежалъ теперь ему по праву. Хотя она при этомъ сконфузилась и отошла отъ него, онъ нашелъ это вполнѣ натуральною дѣвическою стыдливостью.

Затѣмъ они продолжали разговоръ и мало-по-малу онъ раскрылъ ей свою душу. Теперь только впервые она заглянула въ его внутреннюю жизнь, которую онъ такъ искусно прикрывалъ спокойною и безстрастною внѣшностью. Онъ говорилъ о своей жизни въ Кембриджѣ, о своемъ другѣ Голленѣ, о горячемъ желаніи употребить всю свою силу и вліяніе, чтобы содѣйствовать водворенію новаго и лучшаго общественнаго устройства; подобно Голлену, онъ вѣрилъ въ возможность этого, только не такъ рѣшительно и безусловно, какъ тотъ. Теперь своею ближайшею задачей онъ считалъ введеніе какихъ-нибудь существенныхъ реформъ въ обширныхъ имѣніяхъ дѣда и плодотворную дѣятельность въ качествѣ члена парламента. Вѣроятно, ей часто казалось, что онъ безпечно и невнимательно относится къ ввѣренному ему управленію имѣніями. Но это не такъ: его парализуетъ чисто-теоретическое безсиліе рѣшить, какой наиболѣе правильный путь.

Она тоже высказывалась искренно и свободно. Ей хотѣлось все снять съ своей совѣсти.

— Конечно, будутъ говорить, — заговорила она съ какою-то нервною торопливостью, — что я выхожу за васъ ради вашего положенія и состоянія. До нѣкоторой степени это правда... Подождите! Не прерывайте меня!... Конечно, я бы не вышла за васъ, еслибъ я васъ не любила. Но вы мнѣ доставляете широкую возможность дѣйствовать. И я откровенно говорю, что воспользуюсь этою возможностью. Подумайте хорошенько, прежде чѣмъ рѣшиться. Я никогда не могу быть покорною и послушною женой. По-моему, женщина должна свято охранять свою собственную индивидуальность, будь она замужемъ или нѣтъ. Подумали ли вы о томъ, что я буду счи-

тать себя вправѣ иногда дѣлать то, что вамъ непріятно, что можетъ шокировать вашимъ родственниковъ?

— Ты будешь совершенно свободна, — сказалъ онъ увѣреннымъ тономъ,—я все обдумалъ.

— А мой отецъ? Онъ болѣнъ и требуетъ заботъ и преданности. Я не соглашусь ни на какой бракъ, который бы потребовалъ отъ меня отречься отъ отца.

— Преданность и состраданіе я считаю самыми святыми чувствами въ мірѣ,—сказалъ онъ, нѣжно цѣлуя ея руку.—Будь спокойна, моя дорогая красавица!

Опять оба замолчали, она погрузилась въ свои мысли, онъ былъ полонъ захватывающаго, безконечнаго счастья. Солнце уже склонялось къ вечеру, подулъ свѣжій вѣтерокъ.

— Мнѣ пора домой,— сказала она, вставая.— Моя горничная давно уже дома, и мама безпокоится. Кромѣ того, я должна сказать имъ.

— Я доведу тебя до воротъ, и ты спросишь отца, можно ли мнѣ повидать его сегодня вечеромъ.

По мѣрѣ того, какъ они выходили изъ лѣса, деревья начали рѣдѣть, и вскорѣ показалась большая дорога. На нѣкоторомъ разстояніи она увидала молодого человѣка, который перешелъ на лѣсную дорогу и шелъ на встрѣчу къ нимъ. Онъ вертѣлъ тростью и напѣвалъ пѣсенку. Онъ шелъ безъ шапки и вѣтеръ разбросалъ его каштановые кудри. Марчелла подняла глаза и была поражена молодымъ, сіяющимъ видомъ его. Альдъ остановился отъ изумленія.

Незнакомецъ замѣтилъ ихъ и, узнавши Альда, улыбнулся и подошелъ къ нему, протягивая руку.

— Мнѣ не судьба встрѣчаться съ вами, Рэборнъ. Послѣднія двѣ недѣли мы все ходимъ по слѣдамъ другъ друга и не сталкиваемся. Надѣюсь, что мы вполнѣ мирно будемъ бесѣдовать?

— Миссъ Бойсъ, кажется, вы не знакомы съ мистеромъ Уартонъ,—сказалъ Альдъ холодно,—позвольте вамъ представить.

Живые и проницательные голубые глаза молодого человѣка при имени Марчеллы устремились на нее съ любопытствомъ. Затѣмъ онъ поклонился съ утрированною вѣжливостью и прошелъ съ ни и нѣсколько шаговъ до дороги.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Прошло три мѣсяца.

Мистрисъ Бойсъ сидѣла у окна въ гостиной и шила, стараясь докончить работу при быстро сгущавшемся сумракѣ. Это было въ послѣднихъ числахъ декабря. Марчелла вернулась изъ деревни раньше обыкновеннаго, такъ какъ къ чаю должны были пріѣхать гости.

— Ну, что же, Марчелла, устроили вы съ лэди Винтербурнъ ваши классы?—спросила мистрисъ Бойсъ.

— Да, намъ удалось собрать 10 или 11 молодыхъ женщинъ; ни одна изъ старухъ не согласилась къ намъ присоединиться,— сказала Марчелла.—Лэди Винтербурнъ слышала объ одномъ хорошемъ мастерѣ, и я думаю, что съ будущей недѣли мы начнемъ. На три мѣсяца мы обезпечены деньгами.

Несмотря на усталость, глаза ея возбужденно блестѣли. Въ каждомъ ея движеніи, въ каждой чертѣ сквозила энергія мыслящаго и дѣятельнаго существа.

— Гдѣ же вы взяли денегъ?

— Мистеръ Рэборнъ намъ далъ,—сказала Марчелла коротко.

Мистрисъ Бойсъ слегка пожала плечами.

— Ну, а потомъ, куда вы дѣнете свои издѣлія?

— Лэди Винтербурнъ знаетъ одну лавку въ Лондонѣ, которая соглашается брать у насъ товаръ, если будетъ хорошо выходить. Впрочемъ, мы и не разсчитываемъ покрывать всѣ расходы.

Марчелла довольно неохотно давала матери объясненія. Вмѣстѣ съ лэди Винтербурнъ онѣ задумали оживить и усовершенствовать мѣстное производство плетенія изъ соломы, съ каждымъ годомъ приходившее все въ большій упадокъ. Женщины, работавшія рутиннымъ способомъ и зарабатывавшія лишь нѣсколько пенсовъ въ недѣлю, должны обучиться болѣе тонкой и дорогой работѣ, напримѣръ, плетенію мужскихъ и дамскихъ шляпъ, что, конечно, должно повысить ихъ заработокъ.

— Вы не разсчитываете покрывать свои расходы?—повторила мистрисъ Бойсъ.—Какъ? Никогда?

— Какъ же иначе? Мы будемъ платить отъ 12 до 14 шиллинговъ въ недѣлю каждой работницѣ. Мы должны купить матеріалъ, оплатить помѣщеніе, а, между тѣмъ, цѣны очень низкія, въ торговлѣ застой.

Мистрисъ Бойсъ разсмѣялась.

— Понимаю. На сколько же работниковъ вы разсчитываете?

— О, какъ придется! Около двухсотъ въ трехъ деревняхъ. Ахъ, какъ это должно оживить, возродить всю ихъ жизнь!—воскликнула Марчелла: внутренній огонь, одушевлявшій ее, прорывался противъ ея воли.

— Знаетъ ли Альдъ, куда вы запутываете его деньги?

Марчелла покраснѣла.

— Само собою разумѣется. Это мой «выкупъ»—вотъ и все.

— А какъ онъ смотритъ на это дѣло?

— Конечно, онъ считаетъ насъ очень непрактичными,—сказала Марчелла нетерпѣливо.—Но при современномъ положеніи вещей всякая забота о людяхъ сопряжена съ большими затратами.

— Да, счастлива ты, что у него туго набитый кошелекъ,—сказала мистрисъ Бойсъ.—Но я полагаю, Марчелла, ты не захочешь, чтобъ онъ все истратилъ на соломенное плетенье. Онъ вчера сказалъ мнѣ, что купилъ домъ на Hertford Street.

— Мы будемъ жить совершенно просто,—быстро проговорила Марчелла.

— Какъ? Безъ экипажа?

Марчелла колебалась.

— Правда, собственныя лошади сберегаютъ время. И если приходится много ѣздить, то это выйдетъ не дороже извощика.

— А ты собираешься много выѣзжать? Лэди Винтербурнъ говорила мнѣ, что она представитъ тебя ко двору въ маѣ.

— Это миссъ Рэборнъ!—воскликнула Марчелла.—Она увѣряетъ, что это необходимо, иначе вся ихъ родня будетъ скандализована. Но ты можешь себѣ представить...

И лицо ея приняло недовольное выраженіе.

— Какъ это тебѣ пріятно! — договорила за нее мистрисъ Бойсъ.—По правдѣ сказать, я этого не понимаю. Обыкновенно молодыя женщины любятъ нарядные туалеты, любятъ занимать блестящее положеніе и играть видную роль. Вѣдь, ты тоже не склонна къ аскетизму, Марчелла?

Марчелла нахмурилась.

— Всякій по-своему приспособляется къ обстоятельствамъ, — гордо проговорила она.— Одни ихъ игнорируютъ, другіе имъ подчиняются.

— Я не хочу думать, что ты будешь игнорировать свои обстоятельства, моя милая! Это было бы очень неблагоразумно съ твоей стороны. Знаешь, сколько ты будешь получать, выйдя замужъ за

Рэборна? Двѣ тысячи фунтовъ въ годъ — въ твое исключительное распоряженіе.

— Это слишкомъ много,—сказала Марчелла, понизивъ голосъ.

— Онъ сказалъ, что желаетъ доставить тебѣ полную свободу жить своею собственною жизнью и осуществлять свои проекты, а для проектовъ это вовсе немного, моя милая. Я совѣтую тебѣ приберегать эти деньги для себя. Трать изъ нихъ на собственныя нужды, но не на нужды другихъ людей.

Марчелла замѣтила у матери необычное волненіе при послѣднихъ словахъ.

— Кстати,—заговорила опять мистрисъ Бойсъ,—надѣюсь, что ты поможешь Рэборну вести подготовительныя хлопоты передъ выборами.

— Онъ знаетъ,—сказала она,—что я не согласна съ нимъ во многихъ пунктахъ. Онъ чрезвычайно занятъ биллемъ о крестьянахъ-собственникахъ, а я совершенно противъ крестьянской собственности. Это шагъ назадъ.

— Это досадно. Онъ мнѣ говорилъ, что проведеніе этого билля будетъ его главнымъ дѣломъ въ новомъ парламентѣ. Послушай, Марчелла, вѣдь, онъ лучше тебя знаетъ деревню и нужды крестьянъ?

— Дѣло вовсе не въ знаніи, мама, а въ принципѣ. Я сама не знаю, но тѣ, которымъ я слѣдую, знаютъ. Есть двѣ различныя точки зрѣнія на вещи, и я предупреждала Альда, какой точки зрѣнія я держусь, такъ что онъ шелъ на это.

— Неужели ты думаешь, что Альдъ могъ обсуждать вопросъ о женитьбѣ такъ же спокойно, какъ ты?

Марчеллу передернуло.

— Это, наконецъ, невыносимо, мама! Уже не въ первый разъ ты говоришь такъ, какъ будто я устраиваю какую-то недобросовѣстную аферу, заключаю выгодную сдѣлку. Это черезъ-чуръ гадко. Пусть другіе такъ думаютъ, но не ты.

Голосъ оборвался у нея, и на глазахъ выступили слезы.

— Ты не поняла меня, моя милая,—сказала мистрисъ Бойсъ болѣе мягкимъ голосомъ.—Я немножко удивляюсь на тебя, но никогда мнѣ и въ голову не приходили такія мысли. Я увѣрена, что ты любишь Альда.

— Да, конечно, мама!— истерическимъ голосомъ крикнула Марчелла.

— Если ты идешь,—сказала мистрисъ Бойсъ минуту спустя,—

Она вскочила.

— Ахъ, это вы, мистеръ Уартонъ!

— Пожалуйста, не вставайте,—сказалъ онъ, дѣлая движеніе рукой, какъ бы желая остановить ее.—Во-первыхъ, я думалъ, что въ комнатѣ никого нѣтъ. Вашъ лакей занялся моими вещами, которыхъ у меня безчисленное количество, а я прошелъ одинъ дальше; затѣмъ я увидалъ васъ, огонь и эту комнату: какая чудная гармонія, словно музыка! Преступленіе нарушать ее.

Марчелла сконфузилась.

— Я не слыхала звонка,—сказала она холодно.—Сейчасъ придетъ мама.

— Я знаю, что вы не слыхали, какъ я вошелъ. Это-то и пріятно. Это показываетъ, сколько есть на свѣтѣ очаровательныхъ вещей, которыхъ никто не видитъ. А какое прелестное это мѣстечко,—чудесный старинный домъ, особенно при этомъ слабомъ освѣщеніи! Въ прошлый разъ я видѣлъ его при яркомъ солнечномъ свѣтѣ.

— Да, но я предпочла бы имѣть побольше свѣта,—сказала Марчелла.

— Развѣ вамъ не кажется, что имѣть чего-нибудь слишкомъ мало лучше, чѣмъ слишкомъ много?

Онъ опустился на стулъ у чайнаго стола и смотрѣлъ веселымъ вопросительнымъ взглядомъ на Марчеллу, когда она передавала ему чашку. Онъ нѣсколько смущалъ ее. Въ предъидущіе раза его ясные глаза смотрѣли не такъ свободно, а рѣзкія манеры были не такъ развязны. Волей-неволей она начала съ любопытствомъ присматриваться къ нему.

— Въ такомъ случаѣ, Меллоръ понравится вамъ: у насъ все чего-нибудь не хватаетъ...Передать вамъ что-нибудь?—спросила его Марчелла, такъ какъ онъ всталъ и глазами искалъ чего-то на столѣ.

— Мнѣ нужно сахару.

— Но я вамъ положила больше, чѣмъ обыкновенно,— сказала она, засмѣявшись.—Скажите, вы такъ же легко нарушаете и другіе свои принципы? А я только что собиралась сказать вамъ, что можно, если хотите, убавить огня въ каминѣ.

— Огня,—повторилъ онъ, пожимаясь отъ холода и подходя къ камину.—Знаете ли вы, какой ужасный вѣтеръ гуляетъ у насъ здѣсь на этихъ холмахъ? И подумать только, что въ этакую погоду завтра вечеромъ мнѣ предстоитъ три митинга!

— Кто любитъ народъ, тотъ не обращаетъ вниманія на вѣтеръ.

Онъ улыбнулся, затѣмъ принялся за чай и лепешки, аппетитно смакуя каждый кусокъ.

— Конечно, если бы только народъ былъ поближе къ намъ. Одинъ кровожадный человѣкъ желалъ, чтобъ у народа была одна голова, а я бы желалъ, чтобы у него было одно ухо. Къ несчастью, только при этомъ условіи можно доказать ему нелѣпость того, что̀ ему теперь напѣваютъ съ разныхъ сторонъ. Скажите, мистеръ Рэборнъ изобразилъ вамъ меня въ неособенно привлекательномъ видѣ?

Онъ подался впередъ по направленію къ ней; его ясные глаза смотрѣли открыто и бойко.

Марчелла удивилась.

— Съ какой стати?—сказала она коротко.—Вѣдь, я не консерва̀торка.

— Вы не консерва̀торка?—сказалъ онъ радостно.—Не можетъ быть! Значитъ, вы читаете мои рѣчи?

И онъ указалъ на нумеръ мѣстной газеты, лежавшій на столѣ.

— Иногда,—сказала Марчелла, смутившись.—У меня такъ мало времени.

Онъ улыбнулся.

— О, безъ сомнѣнія! Когда совершится торжественный обрядъ?

— Я вовсе не объ этомъ говорю,—сказала Марчелла съ досадой.—Лэди Винтербурнъ и я—мы задумали устроить нѣсколько мастерскихъ въ деревнѣ. И вотъ по этому поводу мы хлопочемъ, пишемъ, обсуждаемъ съ утра до вечера.

— Ахъ, да, и объ этомъ слышалъ! Неужели вы серьезно думаете, что можно чего-нибудь достигнуть этими мелочами?

Выраженіе его лица и тонъ голоса измѣнились при этихъ словахъ: онъ смотрѣлъ на нее проницательнымъ, слегка презрительнымъ взглядомъ.

— Я понимаю, что̀ вы хотите сказать,—сказала Марчелла медленно.—Вы добиваетесь крупныхъ перемѣнъ и отвергаете все то, что можетъ примирить народъ съ высшимъ классомъ. Но, вѣдь, это нелѣпость. Вы очень и очень долго не дождетесь своего. А, вѣдь, пока нужно же народу какъ-нибудь жить, питаться и одѣваться.

— Вы бы гораздо лучше сдѣлали, еслибъ открыли отдѣленіе аграрной уніи,—сказалъ онъ рѣшительно.—Что хорошаго покровительствовать какой-то вымирающей промышленности? Все это ребячество!

— Все, что вы говорите, для меня не новость,—сказала Марчелла нетерпѣливо.—Все это я слышала въ Лондонѣ; вѣдь, я была членомъ общества вентуристовъ.

Его серьезность моментально исчезла. Онъ быстро поставилъ чашку, подошелъ къ ней и съ радостною улыбкой протянулъ ей руку.

— Неужели? Вѣдь, и я тоже. Теперь мы можемъ пожать другъ другу руки, какъ товарищи. Но какъ это неожиданно! А что Рэборнъ, какъ онъ къ этому относится?

— Ничего! Пожалуйста, не думайте, онъ столько же заботится о бѣдныхъ, какъ и мы съ вами. Только онъ идетъ другою дорогой, но не мѣшаетъ мнѣ идти моей.

— О, это вполнѣ на него похоже! Вы знаете, мы съ нимъ знакомы съ дѣтства, постоянно встрѣчались у Ливеновъ. Только онъ меня не любитъ. Это очень досадно; мнѣ хотѣлось бы, чтобъ онъ былъ обо мнѣ лучшаго мнѣнія.

И тотчасъ лицо его приняло грустное выраженіе. Онъ сложилъ руки на колѣняхъ и сидѣлъ, понуривши голову.

Марчелла съ любопытствомъ слѣдила за нимъ.

Прошло нѣсколько минутъ молчанія.

— Вы не хотите мнѣ помочь. Вы мнѣ не сочувствуете. Это очень не любезно съ вашей стороны. Развѣ это не плачевная судьба—всегда любить и цѣнить тѣхъ, которые васъ ненавидятъ?

— Такъ и вы платите имъ тѣмъ же,—сказала она, смѣясь.

Онъ поднялъ брови.

— А это уже измѣна. Я призываю въ свидѣтели вашего предка,—и онъ указалъ на висѣвшій противъ него портретъ,—что я готовъ былъ восхищаться Рэборномъ, а вы меня отговариваете. А теперь,—и онъ энергично придвинулъ къ ней свой стулъ,—познакомимся другъ съ другомъ поближе, пока никого нѣтъ. Знаете ли вы, что я издаю *Голосъ Труда*?

Марчелла кивнула утвердительно головой.

— Вы читаете газету?

— Да, я ее получаю.

— А, вотъ въ чемъ дѣло!—воскликнулъ онъ.—Теперь я понимаю, почему мнѣ попалось здѣсь въ деревнѣ нѣсколько нумеровъ. Вы давали ее читать крестьянину, по имени Гордъ?

— Да.

— Жена его васъ боготворитъ, вы были ихъ добрымъ а[illegible]-ломъ. Вотъ видите, я знаю кое-что про васъ. Хорошо; теперь к[illegible]ъ вы находите мою газету? Не укажете ли вы мнѣ, какъ улучш[illegible]ь это изданіе? Я знаю, что нужно внести свѣжую струю, и я дума[illegible], что я это устрою. О, мы потолкуемъ съ вами объ этомъ, обя[illegible]-

тельно! А теперь я похвастался, что знаю кое-что о васъ, но мнѣ хотѣлось бы и васъ спросить, знаете ли вы что-нибудь обо мнѣ?

Оба разсмѣялись. Марчелла хотѣла отвѣчать серьезно.

— Да, кажется, у васъ есть земля?

— Вѣрно! — подтвердилъ онъ. — Я — линкольнширскій помѣщикъ. У меня около пяти тысячъ акровъ, какъ разъ столько, чтобы не быть богачомъ, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣть возможность пускаться въ кое-какія затѣи. У меня, напримѣръ, устроена кооперативная ферма. Я вложилъ въ нее порядочную сумму денегъ и отказался отъ ренты на первое полугодіе. Какъ видите, не особенно выгодное предпріятіе. Но современемъ оно будетъ давать доходъ. А пока мнѣ страшно нужны деньги для моихъ плановъ. Хочу устроить такъ, чтобы газета давала барыши и чтобъ я могъ бросить адвокатуру.

— Вы адвокатъ?

— Да, три года тому назадъ я сдѣлался адвокатомъ, въ угоду матери. Слышали вы что-нибудь о моей матери?

— Нѣтъ, ничего.

— Такъ спросите лорда Максвеля, — сказалъ онъ, смѣясь. — У нихъ было нѣсколько столкновеній; она сохранила о немъ хорошія воспоминанія, но онъ, кажется, наоборотъ. Да, мою мать многіе считали сумасшедшей, можетъ быть, это и правда, но я любилъ ее.

Онъ продолжалъ улыбаться, но при послѣднихъ словахъ что-то трогательное послышалось въ его голосѣ, и онъ заглядывалъ ей въ глаза съ простодушною жаждой сочувствія.

— Развѣ это такая рѣдкость? — спросила она, сдерживая улыбку и вообще стараясь скрывать проявленія своихъ чувствъ, чтобы не быть перетолкованной.

— Да, такъ, какъ мы любили другъ друга, — это рѣдкость. Мой отецъ умеръ, когда мнѣ было десять лѣтъ. Мать не хотѣла отдавать меня въ школу и я былъ постоянно при ней, я раздѣлялъ всѣ ея интересы. Она была горячая, необузданная женщина, но она жила настоящею жизнью.

Онъ вздохнулъ. Марчеллѣ хотѣлось спросить его, жива ли его мать, но ее остановила боязнь вторить ему въ закидываніи вопросами.

Наступило молчаніе.

— Скажите, пожалуйста, — сказала она вдругъ, — почему вы нападаете на мое соломенное плетеніе? Развѣ ваша кооперативная ферма не такой же палліативъ?

Моментально выраженіе его лица измѣнилось. Онъ опять поры-

висто двинулъ стуломъ и смотрѣлъ на нее живыми и смѣлыми глазами.

— Я не могу объяснить вамъ этого теперь. Потребовалось бы очень долго говорить. Но вотъ что: на будущей недѣлѣ здѣсь въ деревнѣ я созову митингъ для пропаганды идеи о націонализаціи земли. Мы попытаемся организовать здѣсь отдѣленіе рабочаго союза. Вы придете?

Марчелла колебалась.

— Пожалуй,—сказала она.

Опять наступило молчаніе. Потомъ Марчелла подняла глаза и встрѣтила его взглядъ, устремленный на нее. Тотчасъ какъ бы искра взаимной симпатіи пробѣжала между ними. Марчелла видѣла передъ собой открытое, пріятное, дѣтски-простодушное лицо и необыкновенно ласковые, пытливые, въ душу заглядывающіе глаза.

— Барышня!—послышался голосъ изъ-за двери.

Марчелла поспѣшно встала. Въ дверяхъ стояла горничная мистрисъ Бойсъ. Марчелла быстро подбѣжала къ ней.

— Что случилось?

— Барыня приказали сказать, что онѣ не выйдутъ. Баринъ заболѣли, и барыня послали за докторомъ Кларкомъ. Но васъ просятъ остаться здѣсь и разливать чай.

— Что же съ папой?

— Приступъ болей. Безъ доктора ничего нельзя сказать опредѣленнаго.

Въ эту минуту послышался звонокъ.

— А, это Альдъ!—сказала Марчелла съ облегченіемъ и выбѣжала изъ залы встрѣчать его.

II.

Какъ только Альдъ увидалъ Марчеллу, тотчасъ остановилъ своихъ спутниковъ въ передней, а самъ прошелъ дальше. Марчелла подбѣжала къ нему.

— Папа заболѣлъ! — сказала она скороговоркой. — Мама послала за докторомъ Кларкомъ. Она просила меня не входить наверхъ и пить безъ нея чай.

— Ахъ, какъ это непріятно! Нельзя ли чѣмъ-нибудь помо ь? Можно воспользоваться моею лошадью.

— Нѣтъ, все уже сдѣлано, за докторомъ отправились. Я не знаю, почему, но у меня было предчувствіе, что папа заболѣет .

Она была блѣдна и взволнована. Они шли дальше, забывш о

другихъ гостяхъ. Когда они проходили черезъ темный коридоръ, Альдъ нагнулся и быстро поцѣловалъ у ней руку. Въ этомъ поцѣлуѣ вылилось горячее, страстное чувство,—все, что накопилось у него въ душѣ за время разлуки.

— Дорогая моя, не безпокой себя. Можетъ быть; тебѣ непріятно видѣть чужихъ людей? Хочешь, я сейчасъ отправлю назадъ Голлена и Ливена?

— О, нѣтъ! Уартонъ здѣсь гдѣ-то сидитъ. А гдѣ Голленъ? Я совсѣмъ и забыла о немъ.

Альдъ пошелъ и позвалъ ихъ. Голленъ и Ливенъ, догадываясь, что произошло что-то необычное, стали разсматривать картины.

Голленъ подошелъ и пожалъ Марчеллѣ руку. Оба они съ особеннымъ интересомъ осматривали другъ друга. «Она держитъ въ своихъ рукахъ судьбу моего друга, достойна ли она этого?» — думалъ Голленъ. А Марчеллѣ хотѣлось понравиться ему, но она боялась его критики, и потому держала себя сдержанно.

Но какъ только онъ заговорилъ своимъ пріятнымъ, мелодическимъ голосомъ, Марчеллѣ вдругъ показалось, какъ будто она съ съ нимъ давно знакома, и она сразу почувствовала себя съ нимъ свободно.

Узнавши о болѣзни мистера Бойса, Голленъ выразилъ сочувствіе, а Ливенъ, стоявшій сзади, сказалъ:

— Надѣюсь, что вы не будете съ нами церемониться, миссъ Бойсъ. Отошлите насъ немедленно назадъ.

— Нѣтъ, войдите, пожалуйста!—сказала она, улыбаясь и протягивая ему руку: этотъ юный атлетъ, пріѣхавшій только что изъ Оксфорда домой на рождественскіе праздники, былъ ея любимцемъ.—Я вамъ дамъ чаю, а вы должны развлекать меня разсказами о томъ, сколько дичи вы настрѣляли за эту недѣлю. Я думаю, ничего не оставили въ живыхъ?

Они всѣ пошли въ гостиную. Какъ только Марчелла схватилась за ручку двери, на лѣстницѣ опять показалась горничная. Марчелла подбѣжала къ ней.

— Папѣ лучше,—сказала она, вернувшись съ повеселѣвшимъ лицомъ.—Мама не сойдетъ внизъ, а васъ проситъ не безпокоиться и веселиться въ свое удовольствіе.

— Постараемся, — сказалъ Ливенъ, потирая руки, — съ помощью чая. Миссъ Бойсъ, скажите, пожалуйста Альду и мистеру Голлену, чтобъ они не толковали о политикѣ, когда меня берутъ съ собой. Они меня совершенно измучили, и я прошу у васъ защиты.

Смѣясь и болтая, вся группа вошла въ гостиную.

— Господи, какъ этотъ лѣшій сюда попалъ?—сказалъ Ливенъ потихоньку Альду.

У камина, задомъ къ огню, стоялъ Уартонъ и смотрѣлъ на входящихъ со своею обычною смѣлою улыбкой.

— Мистеръ Голленъ, вы знакомы съ мистеромъ Уартономъ?—спросила Марчелла.

— Да, мы встрѣчались нѣсколько разъ въ общественныхъ собраніяхъ, — сказалъ Голленъ, протягивая руку, которую Уартонъ потрясъ съ жаромъ. Альдъ съ обычнымъ своимъ безстрастнымъ видомъ протянулъ ему три пальца,—манера, которую онъ унаслѣдовалъ въ семьѣ и которая очень вредила его репутаціи. Что же касается Ливена, то онъ слегка кивнулъ головой радикальному кандидату и тотчасъ бросился на стулъ, въ дальнемъ углу комнаты.

— Съ Франкомъ мы сегодня встрѣчаемся уже не въ первый разъ,—сказалъ Уартонъ, улыбаясь.

— Да, я пытался уничтожить хоть часть того вреда, который онъ сдѣлалъ, — рѣзко проговорилъ юноша. — Представьте себѣ, миссъ Бойсъ, прохожу я сегодня мимо одной изъ нашихъ деревень и застаю его среди кучки крестьянъ: онъ набиваетъ имъ голову всякимъ вздоромъ по поводу законовъ объ охотѣ и о злоупотребленіяхъ помѣщиковъ,—безъ сомнѣнія, онъ разумѣлъ моего отца.

Уартонъ попробовалъ было протестовать.

— Молчи! Конечно, ты разумѣлъ насъ! Когда онъ ушелъ, я вскочилъ на телѣгу и тоже сказалъ рѣчь. Я спросилъ крестьянъ, развѣ они почти всѣ не принимаютъ участія въ нашихъ большихъ охотахъ и не получаютъ столько же удовольствія, какъ и мы? Я знаю, что учитель и почтальонъ всегда просятъ позволить имъ нести патроны, и вся деревня поднимается на ноги. Я спрашивалъ ихъ потомъ, развѣ они не получаютъ кроликовъ круглый годъ, развѣ у нихъ нѣтъ братьевъ и сыновей, которые служатъ при охотѣ и получаютъ хорошее жалованье? Неужели имъ лучше будетъ жить, если вся дичь будетъ перебита и если подобные господа,—онъ указалъ на Уартона,—возьмутся управлять ими? И представьте, я убѣдилъ ихъ. Они одобрительно покачивали головами и смѣялись. Знаете, старикъ Додгсонъ хочетъ просить меня говорить вмѣсто него въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. И я съумѣю провести своего кандидата,—это ужь будьте покойны!

— А развѣ тебѣ въ Итонѣ не задали уроковъ на праздники? — спросилъ Уартонъ, смѣясь.

Юноша вспыхнулъ, но быстро оправился и задорно отвѣчалъ:

— Я еще въ прошломъ году кончилъ въ Итонѣ, что̀ тебѣ очень хорошо извѣстно. Вотъ если бы на нынѣшніе праздники мнѣ задали прошлогоднее сочиненіе *О демагогахъ*, я бы славно прохватилъ вашего брата, ей-Богу, а то въ прошломъ году корпѣлъ, корпѣлъ, просидѣлъ всю ночь и едва написалъ полторы страницы.

Всѣ засмѣялись, Уартонъ первый. Затѣмъ всѣ задвигали стульями и подсѣли къ столу. Одинъ Уартонъ оставался въ сторонѣ въ позѣ наблюдателя. Голленъ тоже занимался наблюденіями: онъ съ любопытствомъ слѣдилъ за хозяйкой и ея женихомъ—своимъ другомъ. Онъ былъ въ меланхолическомъ настроеніи. Его связывала съ Альдомъ такая тѣсная дружба, что извѣстіе о помолвкѣ его друга произвело на него тяжелое, болѣзненное впечатлѣніе: что-то обрывалось, на прежнія отношенія накладывалась крышка.

Красота Марчеллы, о которой онъ много слышалъ, несомнѣнно поражала, но больше всего потому, что еще не вполнѣ развернулась и обѣщала въ будущемъ полный расцвѣтъ. Вообще, подводя итогъ своимъ наблюденіямъ надъ Марчеллой, онъ очертилъ ее словами: незрѣлая, неустановившаяся. Но какъ увлеченъ Альдъ, какъ онъ слѣдитъ за каждымъ ея движеніемъ, ловитъ малѣйшее желаніе! Ему даже стало обидно за достоинство своего друга. Кромѣ того, ему показалось, что и Марчелла тяготится этимъ поклоненіемъ и обожаніемъ; по крайней мѣрѣ, онъ не замѣтилъ въ ея обращеніи съ Альдомъ никакого оттѣнка нѣжности или вниманія, и тогда въ душу его закралось первое подозрѣніе, что тутъ что-то неладно.

— Вы можете говорить, что угодно,—вдругъ сказала Марчелла съ одушевленіемъ,—но вы никогда не убѣдите меня, что запретительные законы объ охотѣ не отягчаютъ еще больше жизни въ деревнѣ и не обостряютъ вражды между сословіями.

Это замѣчаніе вызвано было шумною болтовней Франка Ливена, который находился въ самомъ разгарѣ спортсменскихъ увлеченій и не могъ ни о чемъ говорить, кромѣ охоты; исключеніе составляло еще обсужденіе способовъ, какъ бы его ненавистному кузену преградить доступъ въ парламентъ.

Франкъ смолкъ. А Альдъ, стоя сзади Марчеллы, сказалъ, наклонившись къ ней:

— Право, не сто̀итъ объ этомъ много безпокоиться.

— Я не могу иначе,—живо проговорила Марчелла и покраснѣла, такъ какъ замѣтила, что глаза всѣхъ устремлены на нихъ.

— Послушайте, миссъ Бойсъ,—началъ опять Ливенъ,—пойдете какъ-нибудь гулять со мною. Я съумѣю васъ убѣдить такъ же, какъ я обработалъ тѣхъ молодцовъ въ деревнѣ. Право, я съу-

мѣю; только вы мнѣ не даете случая. Это очень нехорошо съ вашей стороны.

— Ахъ,—сказала Марчелла, поднявши плечи,—что вы знаете объ этомъ! Это все равно, что азартнаго игрока, когда ему везетъ, спрашивать, имѣетъ ли онъ право выигрывать. У меня гораздо больше средствъ составить объ этомъ правильное мнѣніе. Я могу судить безпристрастно и принять во вниманіе тысячу вещей, которыхъ вы никогда и не замѣтите. Я пріѣхала сюда со стороны, и первое, что меня поразило здѣсь, это то, что весь механизмъ законодательства и общественныхъ порядковъ какъ будто и существуетъ только для того, чтобъ оберегать вашихъ фазановъ. Полиція существуетъ для того, чтобы ловить браконьеровъ, судьи—чтобы судить ихъ. Если вы удовлетворяете свои спортсменскіе инстинкты, васъ всѣ находятъ прекраснымъ молодымъ человѣкомъ, всѣ васъ хвалятъ. Но если сынъ сапожника вздумаетъ удовлетворять свои, тотчасъ всѣ его называютъ негодяемъ и воромъ, полиція и судъ немедленно принимаются за него.

— Но, вѣдь, я не краду у него цыплятъ!—воскликнулъ юноша.— Зачѣмъ же онъ крадетъ у меня фазановъ? Я за все плачу: за яйца, за насѣдокъ, за кормъ, нанимаю прислугу, чтобы ходить за цыплятами. Почему же ему нужно позволить брать мою собственность, а если я возьму его, то попаду въ тюрьму?

— Но общественное благо должно стоять выше частныхъ интересовъ,—возразила Марчелла.

Она закинула руку за спинку стула, и вся ея гибкая фигура выражала столько одушевленія и возбужденія, что Голленъ обратилъ на это вниманіе и нѣсколько удивился, такъ какъ разговоръ не давалъ повода къ такой разгоряченности.

— Если вы думаете, миссъ Бойсъ, что отмѣна законовъ объ охотѣ будетъ принята съ удовольствіемъ въ странѣ, вы жестоко ошибаетесь,—сказалъ Ливенъ.—Даже вы, мистеръ Голленъ, не думаете этого, не правда ли?

— Не знаю,—сказалъ Голленъ со своею спокойною улыбкой.— Я скорѣе думаю, что въ общемъ народъ будетъ доволенъ. Хотя нѣкоторые фермеры терпѣливо сносятъ эти законы, но большинство возмущается.

— Конечно,—горячо поддержала Марчелла.—Я недавно разговаривала съ однимъ изъ нашихъ фермеровъ. Онъ говоритъ, что еслибъ онъ не посылалъ съ ранняго утра сторожить свои поля, когда зерно начинаетъ наливаться, то все было бы уничтожено фазанами Винтербурновъ. «Почему же вы не жалуетесь инспектору?» —

сказала я ему. — «О, барышня, — возразилъ онъ мнѣ, — вотъ я живу здѣсь тридцать два года и постоянно замѣчалъ, что Винтербурны всегда правы!»

Марчелла раскраснѣлась и саркастическимъ взглядомъ смотрѣла на Ливена; но Голленъ не могъ отдѣлаться отъ непріятнаго подозрѣнія, что этотъ сарказмъ назначается по другому адресу. Альдъ сидѣлъ, слегка наклонивши голову. Однажды во время разговора Голленъ замѣтилъ, какъ онъ поднялъ свои сѣрые глаза на Марчеллу, но она не замѣтила этого и вообще, повидимому, совсѣмъ не обращала на него вниманія. Между тѣмъ, взглядъ Альда выражалъ столько муки, замѣшательства и вмѣстѣ нѣжности и мольбы, что Голлену стало безконечно жаль его.

— Миссъ Бойсъ, а вотъ Альдъ, навѣрное, тоже несогласенъ съ вами, — сказалъ Ливенъ, надѣясь въ немъ найти поддержку.

— Не правда ли, Альдъ, ты, вѣдь, не думаешь, что будетъ лучше, если мы завтра же откажемся отъ охоты? Да, точно также, какъ я не думаю, что будетъ лучше, если мы завтра же откажемся отъ золотой посуды и фальшивыхъ волосъ, — сказалъ Альдъ спокойно. — Разорится много золотыхъ дѣлъ мастеровъ и парихмахеровъ.

— Вы дѣлаете удареніе на словѣ «завтра». Я съ вами согласна, — сказала Марчелла. — Нельзя во имя реформы отнимать заработокъ у ни въ чемъ неповинныхъ людей. Но вопросъ въ томъ, съ чего начать реформу. Я думаю, что законы объ охотѣ являются самымъ вопіющимъ злоупотребленіемъ, и на нихъ надо прежде всего направить ударъ.

— Я еще не вполнѣ увѣренъ въ этомъ, — сказалъ Альдъ. — Мнѣ лично запретительные законы объ охотѣ не представляются привлекательною формой собственности, но они очень тѣсно связаны съ другими формами, такъ что мнѣ нужно еще выяснить, къ чему приведетъ это нападеніе. Но, во всякомъ случаѣ, за того фермера, о которомъ вы говорили, я бы заступился такъ же горячо, какъ и вы.

Голленъ подмѣтилъ нетерпѣливое подергиваніе рта у Марчеллы. Чай убрали, и Марчелла отошла отъ стола и сѣла на старинный диванъ у камина; Альдъ послѣдовалъ за нею. Голленъ уловилъ въ полумракѣ, какъ Рэборнъ искалъ руки Марчеллы, спрятанной въ складкахъ ея платья, какъ она слегка сопротивлялась, потомъ уступила, и Голленъ порадовался и этой ничтожной побѣдѣ своего друга.

— Мы много разъ обсуждали эти вопросы съ Альдомъ, — ска-

залъ Голленъ, обращаясь къ Марчеллѣ.—Вы не можете себѣ представить, какъ онъ внимательно относился къ моимъ мнѣніямъ, хотя я и не охотникъ, и не землевладѣлецъ. Для меня несомнѣнно одно, что ограничительные законы объ охотѣ создаютъ преступленія. Земледѣльческая жизнь представляется мнѣ гораздо проще промышленной, и мнѣ кажется, тамъ легче установить хорошія братскія отношенія. Между тѣмъ, эти законы раздражаютъ и ожесточаютъ народъ, такъ какъ дѣлаютъ охоту привилегіей одного класса. Говорятъ, что страсть къ охотѣ намъ врождена. Можетъ быть, это и есть переживаніе какого-нибудь примитивнаго инстинкта у насъ, сѣверянъ, но, въ такомъ случаѣ, почему же богатые не хотятъ допустить его и у бѣдныхъ? У меня есть нѣкоторые мечты и планы на этотъ счетъ. Я не разъ излагалъ ихъ Альду, но мнѣ не удалось склонить его.

— Это невозможно! — воскликнулъ Ливенъ, будучи не въ состояніи больше сдерживаться.— Знаете ли вы, миссъ Бойсъ, какіе это мечты и планы? Это чистое сумасшествіе, увѣряю васъ,— хотя это и дерзко съ моей стороны, но я не могу иначе. Онъ хочетъ, чтобъ Альдъ уступилъ большой кусокъ земли въ имѣніи лорда Максвеля рабочимъ для охоты! Какъ вамъ это нравится? Онъ даже говоритъ, что не видитъ, почему бы также не позволить имъ разводить фазановъ. Къ чести Альда я долженъ сказать, что онъ не идетъ такъ далеко, хотя онъ и не особенно строгій консерваторъ. Кромѣ того, какъ это нелѣпо! Они утверждаютъ, что охота отупляетъ насъ и, въ то же время, желаютъ и рабочихъ подвергать той же опасности. Но мы не будемъ за это отвѣчать. У насъ есть свои пороки, мы свыклись съ ними; но не будемъ же мы ихъ прививать другимъ: это недостойно насъ.

Ливенъ, какъ затравленный дикій звѣрокъ, закусилъ удила. Марчелла отъ души хохотала, а Голленъ положилъ ему на плечо руку и нѣжно поглаживалъ его, какъ запарившуюся лошадь.

— Да, помню, я не могъ себѣ уяснить практическихъ подробностей плана Голлена,— сказалъ Альдъ, скрививши ротъ.— Такъ, мнѣ хотѣлось бы знать, кто будетъ платить за право охоты, какъ подѣлить дичь между многими охотниками и какимъ образомъ люди, зарабатывающіе отъ 12 до 14 шиллинговъ въ недѣлю, будутъ содержать сторожа? Затѣмъ я спросилъ мѣстнаго священника, какъ онъ думаетъ, къ чему это приведетъ. «Да,—сказалъ онъ,—на первый день они перебьютъ всю дичь, а на другой день перессорятся и передерутся между собой. Поголовная рѣзня — вотъ къ чему приведетъ это!» Это, конечно, мелочи, подробности.

Голленъ слегка покачалъ головой.

— Я, все-таки, продолжаю утверждать, — сказалъ онъ, — что съ помощью нѣкоторой практической изобрѣтательности можно устроить это дѣло.

— А я могу подтвердить вашу мысль примѣромъ, — сказалъ Уартонъ, обращаясь къ Голлену. — Около трехъ лѣтъ тому назадъ подобная идея была осуществлена въ моемъ имѣніи и очень удалась.

— Слышите, слышите? — воскликнула Марчелла. — Я знаю, что многое можно сдѣлать, если только захотѣть. Я всегда это чувствовала.

Она слегка повернулась къ Альду, потомъ тотчасъ рванулась впередъ, внимательно прислушиваясь къ тому, что еще скажетъ Уартонъ. Ея глаза разгорѣлись, вся фигура выражала одушевленіе.

— Да у него тамъ нечего было стрѣлять! — воскликнулъ Франкъ Ливенъ.

— Напротивъ, — сказалъ Уартонъ, улыбаясь, — мое имѣніе лежитъ какъ разъ въ странѣ, извѣстной своими куропатками.

— Какъ должны быть благодарны тебѣ твои сосѣди! — воскликнулъ неугомонный юноша.

Но Уартонъ не обратилъ на это вниманія. Онъ изложилъ, на какихъ основаніяхъ онъ устроилъ поочередную охоту фермеровъ въ своемъ имѣніи.

— Но, — продолжалъ онъ, — законы объ охотѣ, какъ справедливо замѣтилъ мистеръ Рэборнъ, составляютъ только часть общей системы земельныхъ и вообще имущественныхъ правъ, — это я собираюсь подробнѣе изложить на митингѣ, на которомъ вы обѣщали быть.

И онъ взглянулъ на Марчеллу своими улыбающимися глазами. Марчелла почувствовала, что при этихъ словахъ Альдъ, державшій ея руку въ своей, стиснулъ ее; затѣмъ тотчасъ всталъ и отошелъ.

— Неужели вы пойдете на его митингъ, миссъ Бойсъ? — спросилъ Ливенъ съ ужасомъ.

Марчелла нѣсколько мгновеній колебалась, досадуя на неумѣстную болтливость Уартона, затѣмъ покраснѣла и характернымъ жестомъ откинула назадъ голову.

— Почему же мнѣ не идти къ тѣмъ, къ которымъ я принадлежу по своимъ убѣжденіямъ?

Наступило неловкое молчаніе. Затѣмъ Голленъ поднялся.

— Не позволите ли вы намъ посмотрѣть вашъ домъ? Мнѣ Альдъ много про него разсказывалъ.

Когда вслѣдъ затѣмъ они проходили по пустыннымъ комнатамъ, въ сопровожденіи неуклюжаго Вильяма съ лампой въ рукѣ, Марчелла и Альдъ оказались позади всѣхъ. Какъ только они остались вдвоемъ, она тотчасъ почувствовала, что между ними произошелъ какой-то разладъ. Онъ обращался съ ней попрежнему, но отъ тонкаго чутья Марчеллы не ускользнула нѣкоторая принужденность и натянутость въ его поведеніи. Внезапно приливъ раскаянія овладѣлъ ею. Она порывисто бросилась къ нему и положила руку къ нему на плечо.

— Я была не особенно любезна съ тобой,—забормотала она.— Право, это не намѣренно. Я не знаю, почему я всегда противорѣчу, спорю, когда ты такъ добръ ко мнѣ, такъ необыкновенно добръ!

Альдъ быстро обернулся. Съ глубокимъ вздохомъ радостнаго облегченія онъ привлекъ ее къ себѣ горячо, страстно. Прежде обыкновенно, когда они оставались вдвоемъ, Марчелла была очень сдержанна и нерѣшительна, а онъ, со своими деликатными рыцарскими чувствами, не требовалъ ничего больше, но чрезвычайно цѣнилъ всякій новый шагъ къ сближенію съ ея стороны и, казалось, особенно любилъ ее за ея цѣломудренное чувство, довольствуясь короткими мгновеніями вспышекъ. Но сегодня онъ не отпускалъ ее и, къ удивленію, и она не находила въ себѣ протеста.

— Ну, пусти же меня! — сказала она, наконецъ, стараясь высвободиться изъ его объятій.

— Нѣтъ,—задыхаясь, проговорилъ онъ и крѣпко сжалъ ея руку. — Пойдемъ и сядемъ. Они могутъ побыть одни.

Онъ посадилъ ее на кресло, а самъ сталъ передъ ней на колѣни.

— Послушай, развѣ это хорошо,— заговорилъ онъ дрожащимъ голосомъ,— ты мнѣ не сказала, что обѣщала пойти на митингъ къ тому человѣку, и я услыхалъ это въ первый разъ отъ другихъ, а, между тѣмъ, на мой митингъ ты постоянно отказываешься придти?

— Что же, ты намѣренъ запретить мнѣ идти?—быстро проговорила она.

На мгновеніе она почувствовала, что почти желаетъ, чтобъ онъ сказалъ «да»,—это было бы для нея освобожденіемъ.

— Ни въ какомъ случаѣ,—сказалъ онъ рѣшительно.— Это противорѣчило бы нашему договору. Но, вѣдь, ты сама, навѣрное, догадываешься, чего мнѣ нужно. Вѣдь, ты не можешь думать, что я равнодушно отношусь къ митингамъ, гдѣ я говорю къ народу, который меня знаетъ съ дѣтства,—вѣдь, ты видишь, что я душу свою вкладываю въ общественную дѣятельность. Подумай только, какъ мнѣ тяжело не раздѣлять съ тобой такую важную сторону

моей духовной жизни. Я знаю, знаю, что ты скажешь, что ты предупреждала меня объ этомъ, что ты держишься иныхъ убѣжденій. Но понимаешь, тутъ есть и другія стороны, помимо солидарности воззрѣній,—многое такое, что можетъ быть полезно и поучительно для насъ обоихъ, если только мы не будемъ такъ разъединяться, такъ чуждаться другъ друга.

Онъ остановился, всматриваясь въ выраженіе ея лица, а на нее опять нахлынула волна раскаянія, она вспоминала объ его незлобіи, великодушіи и преданности.

— Когда ты говоришь въ слѣдующій разъ?—почти шепотомъ спросила она. Въ полумракѣ ея гибкая фигура, нѣжный голосъ и мягкій, добрый взглядъ дѣйствовали на него магически.

— Въ слѣдующую пятницу. Голленъ и тетка Агнета придутъ.

— Голленъ не будетъ говорить за тебя?—спросила она.

— Ну, этого нельзя сказать! Онъ оказалъ мнѣ незамѣнимую поддержку при проведеніи моего билля. Если я не назову себя консерваторомъ, онъ завтра же будетъ вотировать за меня. Знаешь что, мнѣ кажется они идутъ назадъ?

— Постой минутку!—сказала она, притянувши его къ себѣ, потомъ опять отступивши отъ него, какъ бы опасаясь вновь возбудить въ немъ приливъ страсти.—Мнѣ нужно сказать тебѣ: не давай мнѣ такъ много денегъ; правда, это черезъ-чуръ много. Представь себѣ, что я буду ихъ тратить на такія вещи, которыхъ ты не одобряешь?

— Нѣтъ, ты этого не будешь дѣлать,—весело сказалъ онъ.

Она пыталась продолжать разговоръ, но онъ не хотѣлъ и слышать.

— Я вообще стою за свободу рѣчи,—сказалъ онъ шутливо,—но иногда бываетъ необходимо лишить слова, и я лишаю тебя.

При этомъ онъ нѣжно поцѣловалъ ее.

Черезъ нѣсколько секундъ показались и остальные. Альдъ и Марчелла присоединились къ нимъ и всѣ направились въ гостиную.

— Рэборнъ, вы завтра принимаетесь за хлопоты?—спросилъ Уартонъ.

— Вѣроятно,—отвѣтилъ Альдъ сухо.

Марчелла, которую непріятно задѣлъ этотъ тонъ, обернулась и увидѣла такое выраженіе лица у Альда, которое ей до сихъ поръ было совершенно незнакомо. Она предположила, что это есть высокомѣріе, свойственное прирожденному аристократу по отношенію къ выскочкѣ.

Моментально вспыхнулъ весь задоръ ея пылкой натуры, и она почувствовала неудержимое стремленіе оказать Уартону вниманіе и расположеніе.

III.

— Какъ я люблю этотъ упадокъ и разрушеніе! — сказалъ Уартонъ, входя въ старинную, заброшенную библіотеку.—Такъ и хочется снять весь свой парадъ и приняться за простое ремесло — штукатура, плотника, маляра. Какіе мы, въ сущности, непригодные къ жизни люди! Несмотря на самое горячее желаніе, мы бы съ вами не могли исправить здѣсь ни пола, ни потолка.

— Я пыталась что-нибудь устроить, — сказала Марчелла съ грустью,—достала доску и гвоздей и хотѣла забить вотъ эту щель, но гнилое дерево только обламывалось еще дальше; папа разсердился и сказалъ, что, вмѣсто того, чтобы поправлять, я только порчу. Потомъ я протерла и подклеила нѣкоторыя изъ этихъ книгъ, но...

— Но не такъ хорошо, хотите вы сказать, какъ это сдѣлалъ бы какой-нибудь мальчишка-подмастерье у переплетчика, — сказалъ Уартонъ.—Ужасно подумать, до какой степени мы, высшіе классы, пустой и праздный народъ!

— Почему вы постоянно напираете на это? — живо спросила Марчелла. Она провела его по всему дому и въ это время разъ двадцать задавала себѣ вопросъ, нравится онъ ей или нѣтъ.

— Потому что я сегодня передъ завтракомъ просмотрѣлъ отчетъ министерства торговли, именно главы о бирмингамской промышленности. Боже, какую массу знанія, искусства и изобрѣтательности обнаруживаютъ эти люди, которыхъ мы называемъ «низшимъ классомъ»!

— Позвольте, неужели образованіе и умственная работа ничего не стòятъ?—сказала Марчелла съ оттѣнкомъ ироніи.

— Я очень благодаренъ міру, что онъ такъ думаетъ, — сказалъ Уартонъ,—что онъ цѣнитъ мою умственную работу. Благо намъ всѣмъ, что этотъ предразсудокъ крѣпко держится въ людяхъ.

— Хорошо, искусный ремесленникъ самъ о себѣ позаботится. Но чтò бы сталъ дѣлать темный деревенскій людъ безъ нашей культурной помощи, безъ нашего попеченія о немъ?

— О, благотворительность! —воскликнулъ Уартонъ. — Предъидущее поколѣніе съ Карлейлемъ во главѣ хотѣло рѣшить всѣ общественные вопросы съ помощью благотворительности. Но наши

требованія идутъ гораздо дальше. Современное общество желаетъ отдѣлаться отъ нашихъ требованій, выполняя то, чего добивался Карлейль.

— Неужели вы не придаете никакого значенія благотворительности? Развѣ вы не находите, что она подмазываетъ колеса?

— *Вы* такъ думаете, потому что вы—женщина, а женщины созданы для благотворительности и для аристократической жизни.

— Вы воображаете, что такъ хорошо знаете женщинъ?—сказала она горячо.—Я всегда замѣчала, что люди съ такими претензіями чаще всего ошибаются.

— Нѣтъ, напримѣръ, я знаю васъ лично настолько, чтобъ утверждать, что вы...

Онъ замялся.

— Ну, договаривайте, договаривате!

— Хорошо. Что вы умѣете примирять непримиримое. Это — незамѣнимая черта, она васъ далеко поведетъ.

— Благодарю васъ,—сказала Марчелла.—Значитъ, вы считаете меня двуличной?

— Ничего подобнаго, — заговорилъ онъ болѣе мягкимъ тономъ.—Но перейдемте въ теплую комнату, миссъ Бойсъ. Я вижу, что вы дрожите.

Они перешли въ небольшую гостиную, въ которой топился каминъ, и сѣли у огня.

— Я скажу, что̀ я разумѣлъ,—началъ Уартонъ,—только, пожалуйста, не обижайтесь. Вы—демократка и скоро будете лэди Максвель. Такія сочетанія можно встрѣтить только у женщинъ. Онѣ могутъ мириться съ этимъ, потому что у нихъ много фантазіи и мало логики.

Она вспыхнула.

— А вы,—сказала она, задыхаясь,—радикалъ и помѣщикъ. Какая же тутъ разница?

Онъ засмѣялся.

— Да, но я не обладаю этимъ талантомъ,—я не могу сразу осѣдлать двухъ лошадей, какъ вы, и, притомъ, совершенно добросовѣстно. Вотъ въ чемъ разница. Послѣдствіе же этого то, что сословіе, къ которому я принадлежу, отъ меня отрекается,—всѣ ненавидятъ меня, а вы съумѣете примирить въ себѣ эти противуположности: половину времени вы будете дѣйствовать какъ лэди Максвель, а остальную половину—какъ демократка и членъ общества ве[illegible]туристовъ. И это сообщитъ вамъ силу. Мы, мужчины, неспособны на это.

— Вы хотите сказать,—спросила она рѣзко,—что вы отказались отъ роскоши и отъ всѣхъ преимуществъ своего сословія?

— Это совсѣмъ другое дѣло. Это моя частная, индивидуальная обстановка. Лишь общественныя воззрѣнія и поведеніе человѣка принимаются во вниманіе. И въ этомъ отношеніи я не сохранилъ никакихъ старыхъ связей и друзей,—всѣ отвернулись отъ меня, какъ вы могли замѣтить это вчера. И такъ, мое сословіе отказалось отъ меня, а это обезсиливаетъ меня.

— Значитъ, вы сожалѣете объ этомъ?

— Ни въ какомъ случаѣ! Каждый изъ насъ выбираетъ себѣ въ жизни такую дорогу, которая болѣе всего его удовлетворяетъ и доставляетъ ему наибольшую степень наслажденія. Мать учила меня воспринимать жизнь драматически, а такъ какъ теперь въ Англіи нигдѣ не разыгрывается драмы, то я и забавляюсь великою траги-комедіей рабочаго движенія. Это меня возбуждаетъ, напрягаетъ, интересуетъ! Ради Бога, сидите смирно, миссъ Бойсъ!

Къ своему великому удивленію, она увидала, что онъ вскочилъ и наклонился къ ней; она взглянула внизъ и увидала, что уголокъ ея легкаго чернаго платья загорѣлся, и онъ тушилъ его руками. Испугавшись, что огонь пойдетъ дальше, она рванулась, чтобы встать, но онъ энергичнымъ движеніемъ руки пригнулъ ее опять къ стулу.

— Не двигайтесь; сейчасъ все будетъ кончено. Не бойтесь, вы не сгорите.

И черезъ минуту она увидала большую прожженную дыру въ платьѣ, а онъ стоялъ около, улыбался и носовымъ платкомъ обвязывалъ пальцы на лѣвой рукѣ.

— Вы обожгли себѣ руки, мистеръ Уартонъ?

— Немножко.

— Я сейчасъ побѣгу и принесу вамъ чего-нибудь,—что вамъ нужно?

— Немножко прованскаго масла, если найдется, и тряпочку, но, пожалуйста, не тревожьтесь.

Черезъ минуту Марчелла уже вбѣжала съ различными медикаментами въ рукахъ. Щеки у нея горѣли и глаза блестѣли.

— Хотите, я вамъ перевяжу?

— Пожалуйста,—сказалъ Уартонъ ласково.

Она старалась перевязывать, но пальцы плохо слушались ея,—близкое соприкосновеніе съ нимъ нѣсколько возбуждало ее.

— Готово!—сказала она, улыбаясь.—Скажите, вамъ не очень больно?

— О, нѣтъ, пустяки! Все это залечится гораздо скорѣе, чѣмъ ваше платье.

— Ахъ, да! мое платье—въ жалкомъ видѣ. Я пойду и переодѣнусь.

Она пошла, но тотчасъ же обернулась и сказала съ особымъ, своеобразнымъ смѣхомъ:

— А, вѣдь, вы мнѣ спасли жизнь!

— Хорошо, что я оказался здѣсь, а то вы бы потеряли присутствіе духа,—даже съ *вами* могло бы это случиться,— и тогда опасность была бы серьезна.

Она протянула ему руку.

— Я глубоко благодарна вамъ, повѣрьте.

Съ комическою галантностью онъ низко поклонился.

— Могу ли я разсчитывать на вознагражденіе?

— Конечно. Что вы хотите?

— Возьмите меня съ собой въ деревню. Я знаю, что вы собираетесь идти. Въ два часа я долженъ ѣхать въ Видрингтонъ, но до этого вы еще успѣете показать мнѣ вашихъ бѣдныхъ.

Марчелла согласилась, поднялась наверхъ, чтобы переодѣться, и нѣсколько разъ порывалась просить мистрисъ Бойсъ пойти съ ними. Она была взволнована и не могла отдѣлаться отъ смутнаго чувства, что она допустила слишкомъ много и вела себя оскорбительно по отношенію къ Альду. Но какъ и въ чемъ, она не могла отдать себѣ яснаго отчета. Но ко всему этому какъ-то противъ воли примѣшивалось желаніе, чтобы Уартонъ не уѣзжалъ на цѣлый день.

Но не успѣли они пройти и половины пути до деревни, какъ всѣ смущавшія ея чувства исчезли. Незамѣтно для самой себя, она такъ была занята своимъ спутникомъ, что совершенно потеряла способность контролировать свои душевныя движенія. Однако, она замѣтила, что онъ сталъ съ ней развязнѣе и смѣлѣе, какъ будто опираясь на то, что̀ между ними произошло. Онъ на тысячу ладовъ оскорблялъ ея гордость, достоинство, ея вкусы, такъ что ей приходилось все время держаться въ оборонительномъ положеніи. О[нъ] разспрашивалъ ее о деревнѣ, о занятіяхъ жителей, объ ихъ до[хо]дахъ и далъ ей понять, что она, въ сущности, ничего не знаетъ, н[е] понимаетъ тѣхъ соціальныхъ вопросовъ, о которыхъ берется т[р]актовать, и совсѣмъ не проникла въ жизнь тѣхъ людей, съ ко[то]рыми постоянно соприкасается.

Особенно безпощадно нападалъ онъ на ея благотворительную

дѣятельность. На Марчеллу болѣзненно дѣйствовала его разрушительная критика, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, страннымъ образомъ между ними все возростала взаимная интимность. И въ обществѣ Альда Марчелла временами чувствовала себя умственно ниже его, но за то какъ потомъ онъ возмѣщалъ это чувство поэтическою идеализаціей ея личности, возведеніемъ самыхъ простыхъ добрыхъ стремленій ея на степень высокихъ и благородныхъ порывовъ! Подъ напоромъ саркастическихъ вопросовъ Уартона, Марчелла чувствовала, что она готова дойти до бѣшенства и отчаянія, готова разразиться рыданіями, какъ ребенокъ. За то, когда они дошли до деревни и встрѣчавшіеся крестьяне сердечно привѣтствовали ее,— съ какимъ лихорадочнымъ наслажденіемъ она старалась показать свою силу и вліяніе этому человѣку,—доктринеру и педанту, неспособному чувствовать поэзію старинныхъ патріархальныхъ деревенскихъ отношеній!

Они зашли въ хижину мистрисъ Джелисонъ. Марчелла старалась уговорить ее вступить въ устроенные ею и мистрисъ Винтербурнъ профессіональные классы для обученія новымъ способамъ плетенія, но встрѣтила въ мистрисъ Джелисонъ рѣшительный отпоръ: она не хотѣла мѣнять пріемы мастерства, которые практиковала всю жизнь, не хотѣла также сбывать свои издѣлія никому другому, кромѣ своего постояннаго скупщика.

Затѣмъ они вошли въ хижину Горда. Хижина была полна ѣдкаго дыма: въ каминѣ только тогда была тяга, когда была отворена дверь. Но мистрисъ Гордъ предпочитала дымъ холодному вѣтру, тѣмъ болѣе, что маленькій сынъ ея былъ боленъ. Когда Уартонъ вошелъ въ эту маленькую, низенькую каморку и окинулъ ее наблюдательнымъ взглядомъ, кровь бросилась въ лицо Марчеллѣ, такъ какъ обѣ эти лачуги, мистрисъ Джелисонъ и Горда, принадлежали ея отцу и были обложены высокою арендною платой.

Пока Марчелла разговаривала съ мистрисъ Гордъ, Уартонъ взялъ на руки больного ребенка и забавлялъ его, выдѣлывая разныя фигурки изъ бумаги.

Затѣмъ они пошли дальше и, приблизившись къ жилищу Паттона, Марчелла сказала:

— Сюда мнѣ удобнѣе идти одной... Теперь, увидавши мою филантропическую дѣятельность и хижины, принадлежащія моему отцу, вы, мнѣ кажется, должны считать меня лицемѣркой.

— Вы такъ думаете? Знаете ли вы, какія чувства вы во мнѣ возбудили? Неужели вы думаете, что я сказалъ бы вамъ то, что вы отъ меня слышали, еслибъ я не считалъ васъ избранною нату-

рой? Вамъ предназначена великая будущность. Когда встрѣчаешь на своемъ пути орудіе судьбы, то такъ и хочется употребить всѣ усилія, чтобы, по своему разумѣнію, изострить и направить его.

Радостно взволнованная и сконфуженная, Марчелла подала ему руку. Быстрымъ шагомъ отправился онъ по направленію къ станціи; легкая улыбка не сходила съ его лица.

«Вотъ наивная дѣвушка!»—сказалъ онъ про себя.

А. М.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ГУБЕРНАТОРСКАЯ РЕВИЗІЯ.

(Повѣсть).

I.

Земскій начальникъ Сергѣй Викторовичъ Думчинъ, вмѣсто того, чтобы просмотрѣть рѣшенія волостныхъ судовъ, лежалъ на тахтѣ и читалъ *Каина* Байрона. Между окномъ и притворенною ставней бился и жужжалъ шмель. Въ полосѣ солнечныхъ лучей, тянувшихся въ комнату, волновался табачный дымъ. Было жарко. Подъ окнами чирикали воробьи и гдѣ-то около сада меланхолично и однотонно выбивалъ свои три звука удодъ.

Вчитываясь въ монологи Люцифера, Сергѣй Викторовичъ испытывалъ пріятное мозговое ощущеніе, вѣроятно, похожее на опьяненіе гашишемъ.

Люциферъ, носясь съ Каиномъ въ «синевѣ пустыни безпредѣльной», разсказывалъ ему:

«Земля нова не болѣе, чѣмъ жизнь;
А жизнь была, когда еще мы оба,
Ни ты, ни я, и даже ни одна
Изъ видимыхъ вещей не появлялись.
Предметы есть, которымъ нѣтъ конца.
Однако же, они не безначальны,
Хотя такими признаютъ себя,
Не вѣдая того, что прежде были
Малютками, какой вотъ ты теперь.
Разрушились громаднѣйшія вещи,
Чтобъ къ жизни путь открыть другимъ вещамъ,
Столь маленькимъ, что мы не можемъ даже
Вообразить, представить ихъ себѣ»...

Вмѣстѣ съ Каиномъ Сергѣй Викторовичъ былъ охваченъ пытливостью и вдумывался въ каждую мысль. Досадовалъ только, что стихи такъ мало выразительны.

«Столь маленькимъ, что мы не можемъ даже», — повторилъ онъ,—неужели это стихъ, а не рубленая проза? Или это: «разрушились громаднѣйшія вещи». Еще «разрушились» и «громаднѣйшія» куда ни шло, но «вещи».

Онъ отложилъ книгу и старался подобрать опредѣленіе значительнѣе и возвышеннѣе.

Взглядъ его былъ устремленъ на старинную французскую гравюру подъ стекломъ, висѣвшую надъ шкафомъ съ книгами. Но Сергѣй Викторовичъ не видѣлъ ни дамъ въ широкихъ платьяхъ съ фижмами, ни кавалера въ чулкахъ и туфляхъ, сообщавшаго, должно быть, придворную сплетню. Фантазія Думчина, нѣжась, витала тамъ, гдѣ «свѣтлыя, блестящія массы» катились, «какъ листья въ влагѣ рѣкъ, текущихъ черезъ рай».

Не найдя сильнаго и поэтическаго слова для замѣны «вещей», онъ снова взялъ книгу. Въ это время на дворѣ залаяли собаки и послышался мягкій стукъ колесъ по песку.

— Крёстный ѣдетъ! — раздался на дворѣ голосъ Вити, семилѣтнаго сына Думчина.—Лиза! Крестный ѣдетъ!

Сергѣю Викторовичу показалось, что онъ и Каинъ сразу упали на землю.

Черезъ минуту экипажъ подъѣзжалъ къ крыльцу, дѣтскіе голоса смѣшались съ лаемъ собакъ и съ крикомъ кухарки, отгонявшей ихъ.

— Здравствуйте, здравствуйте!—Можно было догадаться, что крестный Вити вылѣзаетъ изъ тарантаса.

Сергѣй Викторовичъ поднялся съ тахты и сконфуженно началъ прятать книгу въ шкафъ.

— Къ вамъ Петръ Сысоичъ,—пробасилъ письмоводитель, появляясь въ дверяхъ.

— Слышу.

— Я уйду обѣдать.

— Уходите.

Сергѣй Викторовичъ стоялъ за открытою дверцей шкафа и не выглянулъ оттуда.

Переднюю отъ кабинета отдѣляла еще небольшая прихожая, гд[illegible] и занимался письмоводитель. Спрятавъ книгу, Сергѣй Викторо[illegible]ичъ открылъ окно и увидѣлъ, какъ Петръ Сысоевичъ поднимался на крыльцо, Витя и Лиза вцѣпились въ него и о чемъ - то бол[illegible]и, а горничная Наташа вытаскивала изъ экипажа чемоданчикъ и [illegible]улекъ. Сергѣй Викторовичъ взялъ коробку съ табакомъ, скру[illegible]ь папиросу, вложилъ ее въ широкій камышевый мундштукъ и,

закуривая, опять посмотрѣлъ въ окно. Старый, запыленный тарантасъ, запряженный въ пару кляченокъ, двинулся по направленію къ конюшнѣ. Оттуда на встрѣчу уже шелъ кучеръ Думчина.

— Привезъ, привезъ, — слышалось изъ передней, — и вамъ гостинца привезъ, и мамѣ. А папа дома? Не уѣхалъ никуда? А я думалъ, что ужь и не застану его.

Сергѣй Викторовичъ счелъ необходимымъ выйти, встрѣтить старика. Петръ Сысоевичъ Карасенковъ, инспекторъ народныхъ училищъ, былъ родной дядя жены Думчина по отцу и крестный Вити.

— Здравствуй, голубчикъ! — крикнулъ онъ Сергѣю Викторовичу, стаскивая съ себя драповое, порыжѣвшее отъ времени пальто.—Я къ тебѣ, голубчикъ, съ огромною новостью!... Да ты ужь, чай, знаешь, а?

— Ничего не знаю.

Сергѣй Викторовичъ стоялъ въ дверяхъ и ждалъ, когда тотъ освободится отъ пальто.

— Ну, какъ не знаешь? Неужели же не знаешь? Ну, вотъ! Я такъ и думалъ, что... я такъ и думалъ, что... что я первый...

Пальто онъ уже снялъ, но никакъ не могъ повѣсить на вѣшалку, нѣсколько разъ поднимался на цыпочки и срывался.

— Дай я повѣшу,—и Сергѣй Викторовичъ двинулся къ нему на помощь.

— Да не безпокойся, родной... Ну, повѣсь.

— Папа, дѣдушка Петя опять привезъ намъ гостинца. Что-жь намъ съ нимъ дѣлать, право? Мы не просили, — говорила Лиза, стараясь казаться благонравною дѣвочкой и не спуская глазъ съ кулька.

— Я такъ, голубчикъ, и думалъ, что первый привезу тебѣ новость.

— Какая новость? — равнодушно спросилъ Сергѣй Викторовичъ.

— Важная, голубчикъ, чрезвычайно важная! Ну, здравствуй!

Петръ Сысоевичъ и здороваясь, и прощаясь цѣловался такъ крѣпко, какъ будто выражалъ глубокое сочувствіе по поводу внезапно постигшаго несчастія. Продѣлывалъ онъ это долго и серьезно. Сергѣй Викторовичъ зналъ его слабость и терпѣливо подставлялъ то одну, то другую щеку. Еслибъ отвѣтить такимъ же поцѣлуемъ, то тотъ немедленно прослезился бы.

На этотъ разъ Петръ Сысоевичъ мялъ Думчина въ объятіяхъ какъ-то ужь особенно торжественно.

— Здравствуй, родной,—сказалъ онъ еще разъ, покончивши съ обрядомъ цѣлованія и оглядываясь, не забылъ ли по разсѣянности еще кого-нибудь обнять.

— Такъ неужто же ничего не знаешь?

— Не знаю, о чемъ ты говоришь.

— Такъ пойдемъ, пойдемъ.

Они двинулись къ прихожей.

— Папа крестный! А кулекъ... что съ нимъ дѣлать?—спросилъ Витя.

— Ахъ, да, кулекъ? А отдай его Наташѣ. Пусть она распоретъ... я, голубчикъ, самъ зашивалъ его... и вытащитъ все. Коробки-то для васъ, а балыкъ мамѣ пусть отдастъ. Чудесный балыкъ получилъ изъ Ростова,—обратился онъ къ Сергѣю Викторовичу,— ужь извини, не утерпѣлъ, привезъ... Да скажи, — опять отошелъ онъ къ Витѣ, уже взвалившему кулекъ на плечи,—чтобъ къ обѣду кусочекъ отрѣзали.

Въ прихожей онъ столкнулся съ письмоводителемъ и, поздоровавшись съ нимъ за руку, остановился, точно собираясь что-то сказать. У того было всегда такое лицо, какъ будто всякій соберется его ни за что, ни про что обидѣть, и онъ безсиленъ бороться съ явною несправедливостью.

— Какъ изволите поживать, многоуважаемый Петръ Сысоевичъ?—спросилъ онъ, жалобно поднимая брови.

— Благодарю, голубчикъ Масловскій. Вотъ собираюсь встрѣчать...

Сергѣю Викторовичу становилось не по себѣ. То возился старикъ съ пальто, то цѣловался, то отдавалъ распоряженія насчетъ кулька, теперь съ этимъ начнетъ болтать.

— Пойдемъ же,—сказалъ онъ нетерпѣливо и взялъ Петра Сысоевича подъ руку.

Они пошли въ кабинетъ, а Масловскій посмотрѣлъ имъ вслѣдъ и склонилъ голову на бокъ,—дескать, меня, маленькаго человѣка, легко обидѣть, но я всѣмъ прощаю.

Карасенковъ, войдя въ кабинетъ, сразу опустился на тахту, раскинувъ обѣ руки и выдвинувъ впередъ кругленькое брюшко. Ему было уже за пятьдесятъ. Маленькіе и умные глаза напоминали сорочьи; круглое лицо, съ бритымъ подбородкомъ и сѣроватыми щетинистыми усами съ рыжинкой, теперь было грязно отъ пыли и пота. Волосъ на головѣ было такъ много и съ такою незначительною сѣдиной, что по нимъ никакъ нельзя было дать 50 лѣтъ. И

когда ему говорили: «Какъ это вы, Петръ Сысоичъ, сохранили волосы?»—онъ съ увлеченіемъ отвѣчалъ:

— Очень просто, родной: рѣдко мылъ голову и почти никогда не причесывался. Да-а, — съ убѣжденіемъ, какъ бы не допуская противорѣчій, говорилъ онъ, — единственное средство сохранить волосы—не безпокоить ихъ. Повѣрьте мнѣ. Посмотрите на мужиковъ,—у всѣхъ копна копной.

Усѣвшись на тахту, онъ съ облегченіемъ вздохнулъ:

— Фу!... Такъ неужто ты, голубчикъ, не слыхалъ, что надняхъ здѣсь будетъ губернаторъ?

— Губернаторъ? Зачѣмъ?

Сергѣю Викторовичу показалось, что глазки дядюшки скользнули въ сторону.

— Для ревизіи, голубчикъ, для ревизіи. Какъ это, право, странно, что тебѣ не дали знать! Да ты давно ли получилъ почту? Вчера?

— Да, можетъ быть, это опять утка, какъ и въ прошломъ году, — отвѣтилъ Сергѣй Викторовичъ, оставляя его вопросъ безъ вниманія.

— Нѣтъ, голубчикъ, какая ужь тутъ утка.

— Въ прошломъ году то же говорили...

— Я не говорилъ, я тебѣ не говорилъ. Я зря не люблю. Да вотъ тебѣ, на что лучше. Прочти.

Онъ полѣзъ въ боковой карманъ сюртука. На немъ былъ черный засаленный сюртукъ, застегнутый только на одну верхнюю пуговицу, и сѣвшія парусиновыя брюки, за которыми виднѣлись рыжія голенища.

— Да я и безъ того... это ужь навѣрное, — бормоталъ онъ, вытаскивая какую-то записную книжку, гдѣ помѣщалось письмо.— На-ка, голубчикъ, прочти.

Сергѣй Викторовичъ развернулъ большой листъ почтовой бумаги съ знакомымъ бланкомъ канцеляріи губернатора.

— Читай громко, громко, голубчикъ.

Чиновникъ особыхъ порученій при губернаторѣ сообщалъ Петру Сысоевичу, что «его превосходительство господинъ начальникъ губерніи» во время ревизіи желаетъ побывать и въ школахъ и что въ виду этого не сочтетъ ли г. инспекторъ народныхъ училищъ удобнымъ пребывать въ уѣздѣ при проѣздѣ его превосходительства?

Пока Сергѣй Викторовичъ читалъ, Петръ Сысоевичъ повторялъ за нимъ:

— Ага, видишь? Побывать... Ага! Пребывать... Вѣришь теперь? Желаетъ побывать и проситъ пребывать... Все-таки, это очень деликатно съ его стороны, какъ ты находишь?

Когда Сергѣй Викторовичъ возвращалъ письмо, ему опять показалось, что глазки Петра Сысоевича нырнули безъ всякой надобности въ его жилетъ и уставились на черной шелковой тесьмѣ отъ часовъ.

«Боится за меня»,—мелькнула у Думчина мысль.

— Да, конечно. Странно, что меня не извѣщаютъ, — сказалъ онъ.

— Удивительно странно. Просто непонятно. Всѣ знаютъ, всѣ оповѣщены.

Сергѣй Викторовичъ подошелъ къ окну. Масловскій тихо, понуривъ голову, шелъ черезъ дворъ.

— Платонъ Николаичъ!—крикнулъ Думчинъ.

Тотъ остановился.

— Сегодня бумагъ никакихъ не приносили?

— Какихъ же бумагъ? Господи! Вы же знаете...

— Ну, хорошо, хорошо!

Сергѣй Викторовичъ отошелъ отъ окна.

— Развѣ я скрываю бумаги?—договорилъ Масловскій уже про себя и пошелъ дальше.

— Я, голубчикъ, какъ только получилъ это письмо, сейчасъ же пошелъ къ исправнику. Надо же мнѣ было узнать маршрутъ его превосходительства. Вѣдь, это хорошо написать тамъ въ городѣ: пребывайте, молъ. А гдѣ же пребывать? Я готовъ, а куда же мнѣ ѣхать? Вотъ я и пошелъ къ исправнику. А тотъ еще третьяго дня укатилъ въ уѣздъ. Я искать его помощника. Надо же мнѣ, понимаешь, толку добиться. Уѣздъ-то изъ конца въ конецъ полтораста верстъ. Я не боюсь. Что же мнѣ? У меня все слава Богу. Вѣдь, вотъ только что окончилъ экзамены, такъ я знаю. У меня, голубчикъ, учителя такіе молодцы—прямо на подборъ. Ты просто не повѣришь, что за народъ. Съ такою это они любовью, съ такимъ сознаніемъ...

Петръ Сысоевичъ любилъ своихъ учителей, какъ родныхъ. Сергѣй Викторовичъ зналъ, что если его не перебить, то онъ будетъ расхваливать ихъ до самаго обѣда.

— Ну, и что-жь тебѣ сказалъ помощникъ исправника?

— А? Да, помощникъ исправника? Да ничего не сказалъ. Путалъ что-то, такъ я и не понялъ. Онъ у насъ, голубчикъ, ненормальный какой-то. Я давно говорю, что ненормальный. И знаешь?—

Петръ Сысоевичъ понизилъ голосъ. — Это съ тѣхъ поръ, какъ у него жена умерла отъ дифтерита. Поди-жь ты! Полиція, а какая чувствительность! — У Петра Сысоевича заблестѣли слезы на глазахъ. — А, въ сущности, Господь наказалъ. Въ городѣ гнѣздо заразы, а они хоть бы палецъ о палецъ ударили, вотъ они и...

— Значитъ, вы не знаете маршрута? — опять перебилъ его Сергѣй Викторовичъ.

— Ну, вотъ еще! Развѣ я поѣхалъ бы къ тебѣ, не разузнавши доподлинно? У этого я узналъ только, что Гвоздевъ, исправникъ то-есть, поѣхалъ въ Осташково и Алексѣевку. Вотъ съ этимъ ничтожнымъ запасомъ свѣдѣній двинулся я къ предсѣдателю управы, къ Максиму Гавриловичу... Кланяется тебѣ и жена его вамъ кланяется... Максимъ Гавриловичъ сидитъ мрачный. По правдѣ сказать, голубчикъ, важничаетъ онъ ужасно. Хочетъ, понимаешь, передо мной показать, что̀ мнѣ, молъ, губернаторъ! Я, молъ, самъ съ усамъ.—Петръ Сысоевичъ захихикалъ, все его туловище заколыхалось, но, точно вспомнивъ, что моментъ слишкомъ серьезенъ, онъ сразу пересталъ смѣяться. — Сидитъ у окна и пьетъ содовую изъ сифона. Представь, говоритъ, совсѣмъ ужь уложился ѣхать въ Крымъ, какъ вдругъ—не угодно ли?—извольте разъѣзжать *съ нимъ* по всему уѣзду. Думаю, говоритъ, все-таки, въ Крымъ, пусть кто-нибудь изъ членовъ встрѣчаетъ *его*. Тутъ жена вышла. Тоже этакъ подпускаетъ важности. У меня, говоритъ, нервы, надо покупаться въ морѣ, совсѣмъ, говоритъ, не во̀-время эта ревизія. Пресмѣшная она, голубчикъ. Корчитъ изъ себя аристократку и думаетъ, что весь аристократизмъ заключается въ нервахъ. Но я, знаешь, началъ уговаривать. Не хорошо, говорю. Теперь, говорю, не то, что прежде. Это, говорю, ужь прошло, что земство пренебрегало администраціей... Прикажи-ка, голубчикъ, дать мнѣ кваску.

Сергѣй Викторовичъ не ждалъ такого перехода и не сразу понялъ.

— А то не безпокойся, я самъ...

— Ахъ, да! Это ты мнѣ говоришь?

Наташа накрывала столъ въ столовой. Сергѣй Викторовичъ отдалъ распоряженія и возвратился.

— Ну-съ?

— Ну, я его уговорилъ. Да онъ и самъ... такъ только ломался... ужасно важничаетъ. Я даже замѣтилъ потомъ, что и карету его уже выкатили и мыли. Вотъ отъ него-то, голубчикъ, я и узналъ маршрутъ. Ну, а ты теперь слушай да мотай на усъ.

Сергѣй Викторовичъ, сидя у письменнаго стола, снова придвинулъ къ себѣ табакъ и закурилъ папиросу.

Онъ не отдавалъ себѣ отчета, волнуется или нѣтъ, но чувствовалъ, что къ нему подступаетъ ощущеніе, которое заставило его особенно страдать. Это бывало постоянно передъ тѣмъ, какъ ему приходилось проявлять энергію въ дѣлахъ по службѣ. Онъ прекрасно зналъ, что̀ долженъ дѣлать и чего требуютъ отъ него не только служебное положеніе, но и всѣ окружающіе, начиная отъ властей и кончая женой съ дѣтьми, зналъ, какъ поступилъ бы на его мѣстѣ всякій порядочный дѣлецъ. Но, въ то же время, онъ твердо былъ увѣренъ и въ томъ, что ничего этого не сдѣлаетъ. Онъ былъ безконечно равнодушенъ и къ дѣлу, и ко всѣмъ отношеніямъ и связамъ, и, кромѣ того, какъ разъ, когда ему надо было напрягать извѣстныя усилія, въ него словно забирался бѣсъ упрямства, котораго онъ не могъ побороть.

Горничная внесла на подносѣ стаканъ квасу.

— А! Вотъ спасибо! Холодненькій?

Петръ Сысоевичъ, кряхтя, приподнялся.

— Прямо со льда. Барыня велѣли сказать, что сейчасъ придутъ. Онѣ въ городѣ были.

Выпивъ, Петръ Сысоевичъ крякнулъ.

— Ахъ, вотъ хорошо! Спасибо, родная!

Горничная ушла; онъ досталъ платокъ и отеръ лицо.

— Ну, такъ слушай, голубчикъ. Сойдетъ онъ на станціи Осташково восьмого числа.

Сергѣй Викторовичъ невольно посмотрѣлъ на стѣнной календарь.

— Пятое сегодня, пятое,—подсказалъ Петръ Сысоевичъ.—Со станціи, вѣроятно, проѣдетъ къ самому Осташкову, къ Георгію Николаевичу. Хоть и молоденекъ онъ, а, все-таки, предводитель. Тамъ, вѣроятно, кофе. Потомъ въ деревню. Тамъ у меня, ты знаешь, школа. Но тамъ замѣчательная учительница. Просто, голубчикъ, замѣчательная. И очень начитанная. Вотъ только не знаю, не пріѣхала ли къ ней мать. Собиралась къ ней мамаша изъ Москвы. Такъ, понимаешь, могли онѣ въ классѣ кровать поставить или столовую себѣ устроить.

— Изъ Осташкова, конечно, въ Алексѣевку? — спросилъ Думчинъ.

— Конечно, конечно, въ Алексѣевку! Что-жь, тутъ рукой подать, полторы версты. Здѣсь, значитъ, твоя волость, потомъ станъ,

больница, земская почта, а, главное, конечно, ты же понимаешь, родной мой, волость...

Думчинъ посмотрѣлъ на него. Петръ Сысоевичъ старался выдержать взглядъ, но глаза у него безпомощно заморгали и успокоились только тогда, когда шмыгнули въ сторону.

«Конечно, безпокоится за меня,—опять подумалъ Сергѣй Викторовичъ,—и даже про школу свою забылъ въ Алексѣевкѣ. Значитъ, наслышанъ».

— А изъ Алексѣевки,—продолжалъ Карасенковъ съ какимъ-то насиліемъ надъ голосомъ, — прямымъ трактомъ... мм... въ Перерву.

И онъ сдѣлалъ видъ, что ему ужасно надоѣдаетъ звенѣвшій надъ ухомъ комаръ.

— Всего 14 верстъ. Тамъ, значитъ, опять волость у тебя, а у меня школа. Но и въ Алексѣевкѣ, и въ Перервѣ у меня учителя... ну, прямо тебѣ скажу—хоть преподавай въ гимназіи,—заговорилъ онъ бодро, точно утѣшая Сергѣя Викторовича своими образцовыми школами.—Да что гимназіи! Въ гимназіяхъ легче.

— А изъ Перервы?

— А изъ Перервы, братъ, adieu! — Петръ Сысоевичъ даже вскочилъ съ тахты. — До свиданія, ваше превосходительство! Въ сосѣдній уѣздъ. Понимаешь, родной мой? Значитъ, у тебя только двѣ волости, а у меня три школы. И маршрута никогда не мѣняетъ,— у него правило. Онъ этихъ неожиданностей терпѣть не можетъ. Вообще я тебѣ скажу...

Дверь изъ гостиной, смежной съ кабинетомъ комнаты, распахнулась и въ кабинетъ быстро вошла Лидія Артемьевна. Это была очень полная, румяная брюнетка, лѣтъ подъ 30. Ея мать была армянка, отецъ хохолъ. Къ его фамиліи «въ» присоединили только при дѣдѣ Лидіи Артемьевнѣ, въ семинаріи, а до того они были просто Карасенко. Во внѣшности Лидіи Артемьевны сохранилась южанка: большіе, круглые, черные глаза, прямой носъ, густыя брови, волосы черные, какъ эбеновое дерево. По всему лицу разливался матовый румянецъ, который теперь былъ еще сильнѣе отъ того, что Лидія Артемьевна прошла по жарѣ отъ огорода къ дому. Несмотря на 30 лѣтъ, на вискахъ и на щекахъ изъ-подъ румянца темнѣлъ пушокъ мелкихъ волосъ, что̀ многіе сравнивали съ персикомъ. Она знала это и считала одною изъ своихъ прелестей. Другую прелесть она видѣла въ полнотѣ и не разъ ловила, какъ мужчины, видѣвшіе ее въ первый разъ, переглядывались между собой, съ улыбкой подмигивая на ея бюстъ. Она даже сообщила объ этомъ

какъ-то мужу, но онъ закатилъ ей сцену и обозвалъ многими вульгарными прозвищами. Она и тутъ была довольна, такъ какъ объяснила это ревностью со стороны мужа.

Дома Лидія Артемьевна ходила безъ корсета, чего Сергѣй Викторовичъ совершенно не выносилъ, но не говорилъ ей, а она и не догадывалась.

— Дядичка, здравствуй!—сказала она сильнымъ mezzo-soprano.

— Здравствуй, моя милая! Здравствуй, голубушка!

Петръ Сысоевичъ сразу растаялъ и приступилъ къ торжественному обряду цѣлованія.

Сергѣй Викторовичъ взглянулъ на цѣлующихся и почему-то вдругъ вспомнилъ прелестный образъ Ады, жены Каина, и слова его:

«Что казалось мило
Мнѣ издали, то дѣлалось милѣй,
Когда къ тому я больше приближался.
Сестра моя милѣй казалась—Ада».

Онъ подавилъ глубокій вздохъ и сталъ смотрѣть въ окно, крѣпко затягиваясь табакомъ.

— Важнѣйшія новости, Лидуся! Къ намъ губернаторъ ѣдетъ!—началъ Петръ Сысоевичъ, снова опускаясь на тахту.

— Губернаторъ? Да не можетъ быть? Зачѣмъ? Куда ѣдетъ? Когда?

Лицо у нея просіяло отъ любопытства и удовольствія, что̀ очень смутило Петра Сысоевича. Онъ думалъ, что она, прежде всего, испугается за мужа. А Лидія Артемьевна сняла со стула валявшуюся на немъ фуражку мужа, положила ее на письменный столъ, а сама сѣла, разставивъ ноги и упершись ладонями въ колѣни.

— Какъ зачѣмъ? Какая ты наивная! Ѣдетъ ревизовать нашъ уѣздъ.

— Что-жь ты мнѣ ничего не говорилъ? — обратилась она къ мужу.

— Я самъ только что узналъ,—отвѣтилъ тотъ, стряхивая пепелъ на полъ.

Въ другое время Лидія Артемьевна разсердилась бы, но теперь была слишкомъ охвачена любопытствомъ, такъ что только быстро встала и подала мужу пепельницу, стоявшую на столикѣ около тахты.

— Когда-жь онъ пріѣзжаетъ? Гдѣ остановится? Навѣрное, у Осташковыхъ?—закидывала она дядю вопросами, пока переносила пепельницу. Потомъ она снова усѣлась въ прежнюю позу.

Петръ Сысоевичъ повторилъ ей маршрутъ губернатора.

— А будетъ ли онъ ночевать въ нашемъ уѣздѣ—не знаю.

— Значитъ, и тебя будетъ ревизовать?—опять обратилась она къ мужу.

— То-есть какъ это меня?

— Ну, тамъ твои волости... почемъ я знаю.

— Очевидно.

— Батюшки! Надо пересмотрѣть твое платье! Мундиръ-то я третьяго дня вычистила. Ужасный ты салигошка. Весь мундиръ былъ въ сальныхъ пятнахъ. Да бѣлье надо отобрать почище.

— Что-жь, я раздѣваться буду для губернатора?

— Все равно. Мало ли что можетъ случиться? Выкупаться онъ захочетъ.

— Если губернаторъ захочетъ купаться, такъ и мы всѣ должны полѣзть въ воду?

— Я думаю, а то какъ же?—и она вопросительно посмотрѣла на Петра Сысоевича.

Тотъ недоумѣвающе поднялъ брови, какъ бы соображая, слѣдуетъ ему купаться съ губертаторомъ или можно обойтись и безъ этого.

— Вздоръ какой!—произнесъ Сергѣй Викторовичъ.

— Да, разумѣется, въ этомъ нѣтъ необходимости, — сказалъ Петръ Сысоевичъ. Однако, подумалъ, что не мѣшаетъ на всякій случай заштопать кое-что изъ бѣлья, которое онъ захватилъ вмѣстѣ съ вицъ-мундиромъ. Оно у него все не совсѣмъ цѣло.

— Ну, да, вѣдь, лучше въ парадныхъ случаяхъ надѣвать хорошее бѣлье, а не худое. Да это, наконецъ, не твое дѣло. Ну, разсказывай же, дядя, разсказывай. Какъ это онъ будетъ ревизовать? Онъ одинъ пріѣдетъ или съ женой? Впрочемъ, что это я за глупости спрашиваю? Поѣдетъ его жена па ревизію!

Лидія Артемьевна расхохоталась.

Петръ Сысоевичъ тоже покатился.

— Однако, кто-нибудь съ нимъ будетъ?

— Конечно. Чиновники.

— Навѣрное, съ нимъ будетъ Авдѣевъ, этотъ красивый, высокій, широкоплечій, съ бородкой. Помнишь, Сережа? Мы видѣли его въ театрѣ.

Ея глаза вообще имѣли способность быстро мѣнять выраженіе, — жесткое, почти злое, на довѣрчивое и доброе, надменное на игривое. Сейчасъ, при воспоминаніи объ Авдѣевѣ, она посмотрѣла такъ, какъ будто мужъ тогда въ театрѣ приревновалъ ее къ чинов-

нику губернатора,—съ холоднымъ заигрываніемъ. Она вообще считала мужа очень ревнивымъ, хотя на самомъ дѣлѣ этого вовсе не было. И если ему не нравилась какая-нибудь высказанная ею пошлость, то она объясняла его негодованіе именно ревностью.

Онъ зналъ, что, при имени Авдѣева, котораго она находила «удивительнымъ мужчиной», она посмотритъ на него заигрывающимъ взглядомъ, и нарочно смотрѣлъ въ окно.

— Авдѣевъ, Авдѣевъ,—повторилъ Петръ Сысоевичъ.—Навѣрное, онъ. Онъ же мнѣ и написалъ.

— Онъ тебѣ написалъ? Ну-ка, покажи, покажи!

Подчеркнутымъ любопытствомъ она думала отомстить мужу за то, что онъ не обратилъ вниманія на ея игривый взглядъ.

— Ахъ, какой у него красивый почеркъ!—разсматривала она письмо.—Прелесть! Вотъ ужь именно мужской, крупный, ровный. Должно быть, съ характеромъ человѣкъ. И какъ мило пишетъ!

Петръ Сысоевичъ повторялъ за нею: «Да, красивый, красивый»... «мужской совершенно»... «О, еще съ какимъ характеромъ!»

— Пишетъ мило и безграмотно,—откликнулся Сергѣй Викторовичъ.

— Отчего же безграмотно? Я не вижу никакой ошибки,—протянула Лидія Артемьевна, снова бросая на мужа тотъ же взглядъ.

А Петръ Сысоевичъ и за Думчинымъ повторилъ: «Безграмотно, да... побывать, пребывать — это, все-таки, того... не по-пушкински!»—вдругъ съострилъ онъ и первый расхохотался.

— Развѣ что не по-пушкински,—замѣтила Лидія Артемьевна, возвращая письмо.—Такъ, вѣдь, не всѣ же у насъ столько времени даромъ тратятъ на литературу, какъ мой Сергѣй Викторовичъ. Чего ты покраснѣлъ?—вдругъ спросила она мужа.

— Ахъ, оставь, пожалуйста!—рѣзко сказалъ Сергѣй Викторовичъ, бросилъ мунштукъ на столъ и зашагалъ по кабинету.

Но онъ, дѣйствительно, покраснѣлъ, сконфузился, какъ мальчикъ, уличенный въ шалости. Литература была для него, кажется, единственнымъ предметомъ, которому онъ отдавался совершенно искренно. Лидія Артемьевна же относилась къ ней до послѣдней степени равнодушно, бралась за книгу только когда уже рѣшительно нечего было дѣлать, и никогда ни одной не дочитала. На этой почвѣ между мужемъ и женой часто происходили столкновенія, въ особенности въ первое время женитьбы. Сначала Сергѣю Викторовичу казалось, что онъ одержалъ надъ женой побѣду. При разговорѣ о литературѣ она уже молчала, какъ бы отдавая ей извѣстную дань уваженія. Иногда въ обществѣ даже поддерживала разго-

воръ о новомъ романѣ. Но потомъ, какъ-то незамѣтно, все пошло назадъ. Лидія Артемьевна злилась на Сергѣя Викторовича, если его нельзя было оторвать отъ книги или если онъ былъ разсѣянъ, и она понимала, что всѣ мысли его еще тамъ, въ только что прочитанномъ. Она выходила изъ себя, говорила ему рѣзкости. Его равнодушіе ко всему, что наполняло ея жизнь, она объясняла чтеніемъ, его бездѣятельность, апатію, отсутствіе честолюбія, наконецъ, холодное отношеніе къ ней самой, какъ къ женщинѣ,—все это она сваливала на вліяніе книгъ. Часто между ними происходили крупныя сцены, но потомъ онѣ прекратились, такъ какъ Сергѣй Викторовичъ отмалчивался. Если она внезапно входила въ кабинетъ въ то время, когда мужу, по всѣмъ предположеніямъ, надлежало заниматься служебными дѣлами, и заставала его на тахтѣ съ книгой, то она, ничего не говоря, уходила, хлопнувъ дверью такъ, что дребезжали стекла на подсвѣчникахъ.

Въ минуты болѣе спокойныя Лидія Артемьевна рѣшалась серьезно поговорить съ мужемъ. Сдержанно и чрезвычайно логично доказывала она ему, что можно увлекаться и книгами, но нельзя же человѣку служащему и занятому имѣніемъ въ 600 десятинъ, отцу двухъ дѣтей, забыть все ради забавы,—разумной, полезной, но все же забавы. Вѣдь, еслибъ онъ былъ писатель или, по крайней мѣрѣ, собирался стать имъ, но не можетъ же онъ считать себя писателемъ, напечатавши одну статью философскаго характера! Да она и никогда не видитъ его съ перомъ. Пусть отдаетъ литературѣ досугъ, пусть займется сначала дѣломъ, а потомъ ужь принимается за книги,—она уже не требуетъ вниманія къ себѣ.

Послѣ такихъ объясненій Сергѣй Викторовичъ чувствовалъ себя придавленнымъ и нѣкоторое время боролся съ собой. Но, въ концѣ-концовъ, дошелъ до того, что читалъ тайкомъ отъ жены, обманывалъ ее; садился за столъ, бралъ дѣла, а подъ нихъ подкладывалъ интересную книгу, или ждалъ счастливаго времени, когда жена уѣзжала куда-нибудь.

Съ тѣхъ поръ при одномъ имени писателя или литературнаго произведенія онъ краснѣлъ, чувствуя себя лжецомъ и воромъ.

II.

Когда подали соусъ изъ молодого картофеля, запеченнаго въ сметанѣ, Лидія Артемьевна, положивъ дѣтямъ, встала изъ-за стола и вышла въ буфетъ, чтобы приготовить салатъ къ цыплятамъ. До обѣда она не успѣла сдѣлать этого,— очень ужь забрала ее интересная уѣздная новость.

Въ буфетѣ на столѣ все было уже готово для салата. Стояла чашка, лежали листья сорваннаго самой Лидіей Артемьевной и вымытаго кухаркой желтаго съ крапинками салата «форель», тутъ же сметана, сваренныя яица, судокъ съ уксусомъ, масломъ, горчицей и солью, мелко накрошенный зеленый лукъ... Искусство хозяйки заключалось въ пропорціи. Деревянныя ложка и вилка были скрѣплены между собой на подобіе ножницъ.

Занятая дѣломъ, Лидія Артемьевна упорно думала объ одномъ: отчего Сергѣй Викторовичъ кажется ей сегодня такимъ страннымъ? Его разсѣянность, задумчивость и какую-то кривую, фальшивую усмѣшку — терпѣть она не могла ее — она уже научилась понимать. Но сегодня въ его настроеніи что-то новое. Никогда не пьетъ больше одной рюмки водки, а сейчасъ выпилъ съ дядей четыре. И четвертую самъ предложилъ. Взвинченъ какъ-то, нервничаетъ и, опять-таки, нѣтъ-нѣтъ, да и задумается.

— Баринъ сегодня почты не получалъ? — спрашиваетъ она стоящую около нея Наташу.

— Нѣтъ. Даже Платона Николаевича спрашивали, какъ вашъ дяденька пріѣхали.

Кромѣ ожиданія губернатора, ничего новаго не случилось. Какимъ образомъ пріѣздъ губернатора можетъ возбуждать такое настроеніе? Ревность къ Авдѣеву, въ самомъ дѣлѣ? Было бы черезъчуръ глупо и не похоже на Сергѣя Викторовича. Авдѣева Лидія Артемьевна видѣла всего разъ, когда онъ поздоровался съ мужемъ, проходя по партеру театра. Можно было пошутить, но къ серьезной ревности повода не было. Нѣтъ, Авдѣевъ здѣсь не причемъ. Такъ что же? Самая ревизія?

Лидія Артемьевна перестала мѣшать салатъ и, прищурившись, посмотрѣла вверхъ, гдѣ жалобно стонала муха, попавшая въ паутину.

— Сколько разъ говорила, чтобы каждый день снимали паутину! — дѣлаетъ она замѣчаніе, думая совсѣмъ о другомъ.

Самая ревизія...

И вдругъ ее ожгла мысль. Краска залила ей лицо. Какъ у полнокровной, сейчасъ же застучало въ вискахъ.

Растрата! Можетъ быть, онъ растратилъ какія-нибудь общественныя деньги?

Она бросила салатъ и двинулась къ столовой, чтобы сразу, неожиданно, спросить, справедливо ли ея предположеніе? Дяди она не стѣсняется. Онъ все равно, что родной отецъ. Но въ темномъ коридорчикѣ она останавливается, чтобы сообразить хорошенько.

— Уже и готово? — слышитъ она вопросъ Наташи.

Какія глупости!

— Нѣтъ еще, погоди.

Лидія Артемьевна возвращается и снова принимается мѣшать салатъ.

Можетъ ли такая чепуха придти въ голову? Когда онъ могъ растратить? Всѣ его расходы ей извѣстны. Развѣ когда ѣздитъ въ съѣздъ? И, все-таки, она знаетъ, сколько онъ тамъ расходуетъ. Вино онъ не любитъ. Женщины?

Лидія Артемьевна даже улыбнулась.

Какія женщины? Откуда? Да и что-что, а ужь измѣну она давно бы почувствовала. Нѣтъ, онъ ей вѣренъ,—за это она поручится головой. Въ карты онъ не играетъ. Да, наконецъ, если бы что и случилось, зачѣмъ ему было бы воровать, когда онъ можетъ утаить изъ арендныхъ денегъ за землю, изъ полученныхъ за проданный хлѣбъ, тайкомъ отъ нея взять въ банкѣ дополнительную ссуду? А она еще недавно провѣряла съ мужемъ денежныя дѣла.

Нѣтъ, тутъ и не въ растратѣ дѣло.

Лидія Артемьевна возвращается въ столовую. Походка у нея быстрая. По пути къ своему мѣсту она поправила завернувшійся воротникъ на парусиновой блузѣ сына и сдѣлала замѣчаніе дочери, чтобы та не болтала ногами. Петръ Сысоевичъ разсказываетъ, какъ архіерей, во время своего проѣзда, дѣлалъ въ школахъ экзамены по Закону Божію и придирался къ ученикамъ земскихъ школъ. Будто бы онъ спрашивалъ сначала, какая школа—земская или церковно-приходская и въ зависимости отъ отвѣта старался доказать, что въ земскихъ дѣло преподаванія стоитъ хуже, чѣмъ въ церковно-приходскихъ.

Петръ Сысоевичъ волновался, какъ всегда, когда разговоръ касался его излюбленнаго дѣтища. Это дѣлало его очень симпатичнымъ. Сергѣй Викторовичъ смотрѣлъ на него съ обычнымъ грустнымъ взглядомъ. Онъ уже курилъ. Лидія Артемьевна нашла, что онъ сталъ спокойнѣе. Глядя на него, она продолжала думать все о томъ же. Вдругъ она спросила такъ же неожиданно для мужа, какъ и для себя самой:

— Сережа, а у тебя въ волостяхъ все исправно? Ты не боишься губернаторской ревизіи?

Сергѣй Викторовичъ чуть вздрогнулъ, густо-густо покраснѣлъ и бросилъ страдальческій взглядъ на дѣтей. Онъ совсѣмъ не нашелся, что отвѣтить, нарочно уронилъ салфетку и какъ бы съ напряженіемъ поднималъ ее. Лидія Артемьевна долго смотрѣла на

него, потомъ перевела свой взглядъ на Петра Сысоевича. Тотъ, оборвавъ свой разсказъ на полусловѣ, до того растерялся, что началъ ѣсть въ большомъ количествѣ соль, набирая ее изъ солонки на кончикъ ножа. Глаза его забѣгали и не могли найти мѣста. Дѣти, не понимая томительнаго молчанія, но чуя какую-то бѣду, застыли, глядя на мать, а у Вити начали навертываться слезы на глазахъ.

Лидія Артемьевна похолодѣла.

— Какой странный и, главное, очень ужь неожиданный вопросъ!— сказалъ, наконецъ, медленно Сергѣй Викторовичъ.

Лидія Артемьевна закусила губу, отломила кусочекъ хлѣба и завертѣла шарикъ. Но тотчасъ же отбросила его, сѣла глубже на стулѣ, прислонилась къ спинкѣ и съ злою улыбкой уставилась на мужа.

Наташа, стуча башмаками, подавала Петру Сысоевичу цыплятъ. Отъ конфуза онъ взялъ маленькое крылышко, а когда горничная повернула къ нему салатникъ, то, желая поправиться, онъ наложилъ себѣ полтарелки салата.

«Вѣдь, вотъ надо бы мнѣ теперь говорить что-нибудь, нельзя въ такихъ случаяхъ молчать,—думалъ онъ,—а что я скажу? Ахъ, Господи Боже мой! Что-жь мнѣ сказать?»

Сергѣй Викторовичъ отказался отъ жаренаго и налилъ себѣ большой стаканъ краснаго вина. Блюдо было поставлено около Лидіи Артемьевны. Она положила по куску дѣтямъ и снова откинулась къ спинкѣ стула, глядя уже въ окно.

— Мухи-то такъ и лѣзутъ въ наливку,—сказалъ, наконецъ, Петръ Сысоевичъ, накрывая рюмку наливки кускомъ чернаго хлѣба.—«Нѣтъ, ужь лучше я буду молчать»,—тутъ же подумалъ онъ, не найдя ни въ комъ поддержки.

— Ну, и что же?—какъ-то рѣшительно спросилъ Сергѣй Викторовичъ.—Чѣмъ же окончились экзамены архіерея?

Петръ Сысоевичъ почувствовалъ нѣкоторое облегченіе и снова приступилъ къ разсказу.

А Лидія Артемьевна все старалась догадаться, что̀ непріятнаго можетъ случиться съ ревизіей волостей? Надо допытать мужа. Если, въ самомъ дѣлѣ, растрата, то это еще легко поправить. Но какимъ образомъ? Нѣтъ, не растрата. Просто, у него, вѣроятно, страшный безпорядокъ. Но ужь несомнѣнно что-то скверное есть. Она узнаетъ, она всѣхъ выспроситъ, къ самому Сергѣю Викторовичу пристанетъ какъ съ ножомъ къ горлу. Не вмѣшайся-ка она теперь въ его дѣла, такъ онъ и себя, и всю семью погубитъ.

Лидія Артемьевна уже не разспрашивала, гдѣ будетъ обѣдать губернаторъ, кто и какъ выѣдетъ ему на встрѣчу, не дѣлала предположеній, какъ будетъ вести себя съ губернаторомъ Марья Алексѣевна, жена предводителя. Ревизія, казавшаяся ей до обѣда интереснѣйшимъ развлеченіемъ, начинала уже пугать, вызывать разныя безпокойныя мысли.

Петръ Сысоевичъ усталъ и отъ волненій, и отъ дороги, и мечталъ поскорѣе «на боковую».

Наташа подала Сергѣю Викторовичу почту.

— Кто принесъ? — спросилъ онъ.

— Писарь.

Сергѣй Викторовичъ отбросилъ газеты, проглядѣлъ только адреса трехъ пакетовъ и остановился на четвертомъ.

— Скажи писарю, чтобъ онъ не уходилъ,— распорядилась на всякій случай Лидія Артемьевна.

— Дожидается,— отвѣтила Наташа.

Всѣ сидѣли тихо, смотря, какъ Сергѣй Викторовичъ распечатываетъ пакетъ и читаетъ бумагу.

— Вотъ! — произнесъ онъ передъ этимъ.

— Ну, вотъ, вотъ! — обрадовался Петръ Сысоевичъ.

Наташа гремѣла посудой и получила отъ барыни замѣчаніе.

— Вставайте,— тихо сказала Лидія Артемьевна дѣтямъ.

Тѣ тихонько поднялись, осторожно поцѣловали у матери руку и пошли къ отцу. Онъ, не отводя глазъ отъ бумаги, подставилъ имъ щеку. Дѣти шепнули что-то по пути Наташѣ и какъ только вышли изъ столовой, такъ тотчасъ же дали свободу голосамъ.

Лидія Артемьевна придвинула къ столу стулъ и въ ожиданіи смотрѣла на мужа. Петръ Сысоевичъ взглянулъ на нее слипавшимися отъ усталости глазками и тоже подсѣлъ.

— Ну-ка, ну-ка! — произнесъ онъ.

Сергѣй Викторовичъ прочелъ громко:

«Господину земскому начальнику такого-то уѣзда, такой-то губерніи, Сергѣю Викторовичу Думчину. По порученію его превосходительства господина начальника губерніи («начальника губерніи»,—повторилъ Петръ Сысоевичъ), имѣю честь извѣстить васъ («вотъ видишь?»), что между седьмымъ и десятымъ числами сего іюня его превосходительство, проѣздомъ по губерніи, будетъ ревизовать подвѣдомственныя вамъ волости Алексѣевскую и Іеревинскую. Примите и проч. Чиновникъ по особымъ порученіямъ при и т. д. Авдѣевъ».

— Я же говорилъ,— радовался Петръ Сысоевичъ,— говорилъ, что онъ всѣхъ извѣщаетъ. Не можетъ быть, чтобы только тебя...

— А отъ какого числа? — спросила Лидія Артемьевна.

— Да, отъ какого числа? — подхватилъ Карасенковъ.

— 31 мая, — отвѣтилъ Сергѣй Викторовичъ и, взглянувъ на конвертъ, прибавилъ: — почтовый штемпель 1 іюня.

— Хороши у тебя порядки, что четыре дня не доставляютъ самой важной бумаги! — сказала Лидія Артемьевна, складывая салфетку.

— Да, четыре дня, все-таки... — повторилъ меланхолично Петръ Сысоевичъ.

— Позови ко мнѣ писаря,— сказалъ Сергѣй Викторовичъ Наташѣ и, забравъ газеты и бумаги, ушелъ.

Петръ Сысоевичъ началъ цѣловать племянницу, благодаря за обѣдъ.

— Пойдемъ, дядя, я сведу тебя въ твою комнату, — сказала она, освободившись отъ объятій.

— Да, да, пойдемъ, я таки усталъ,— признался онъ конфузливо.

Въ домѣ было двѣ комнатки для гостей. Одна изъ нихъ — спеціальная для Петра Сысоевича.

III.

Думчину только мѣсяцъ назадъ, въ маѣ, минуло 37 лѣтъ. Мужики называли его,—за глаза, разумѣется,—лядащимъ, а жена—это уже прямо въ лицо—кисляемъ. Самъ онъ не имѣлъ о себѣ яснаго представленія. То ему казалось, что онъ умнѣе и даровитѣе всѣхъ окружающихъ, чаще же относился къ себѣ съ презрѣніемъ, какъ къ существу, совершенно непригодному для жизни. Въ послѣднемъ случаѣ онъ очень страдалъ, полагая, что если бы былъ муравьемъ, то давно уже былъ бы убитъ и съѣденъ самими же муравьями.

На видъ онъ былъ не моложе и не старше своего возраста, несмотря на сильно серебрившіеся волосы и лицо—желтое, землистаго цвѣта, какъ у больныхъ печенью, но съ чертами очень красивыми. Большіе, темные глаза, прямой, широкій носъ, открытые, довольно полные губы, все лицо—пріятнаго овала, уши маленькія, породистыя, волосы мягкіе, — жена, въ минуты нѣжности, называла ихъ шелковыми. Выраженіе глазъ неизмѣнно одно: вдумчивое и милое. Фигура не крупная и съ наклонностью къ полнотѣ.

Онъ окончилъ курсъ въ Московскомъ университетѣ по юридическому факультету. Своего состоянія имѣлъ всего десятинъ двѣсти. Восемь лѣтъ назадъ женился на дочери землевладѣльца изъ дворянъ, что еще до сихъ поръ зовутъ себя помѣщиками, и взялъ за нею имѣніе въ 400 десятинъ,—конечно, заложенныхъ.

Жена же уговорила его и пойти въ земскіе начальники.

Тогда очень много разсуждали о значеніи новаго института и всѣ по-разному. Лидіи Артемьевнѣ собственно нравилось то, что земскій начальникъ, все-таки, «начальникъ». Мужъ чувствовалъ, что ее гложатъ честолюбивые замыслы, и мысленно иронизировалъ, называя ее лэди Макбетъ. Но убѣждать его взялся тогда и предводитель Георгій Николаевичъ Осташковъ, и—главное—Петръ Сысоевичъ. Первый уговаривалъ потому, что дворянъ въ уѣздѣ было очень мало, а, въ сущности, ему было все равно. Что же касается Петра Сысоевича, то достаточно было взглянуть на его благодушное брюшко, чтобы ни минуты не сомнѣваться въ самыхъ добрыхъ и чистыхъ намѣреніяхъ инспектора народныхъ училищъ. Притомъ же, если онъ и не слылъ за человѣка шестидесятыхъ годовъ, то избѣгалъ такой репутаціи только изъ осторожности, какъ избѣгалъ всякой опредѣленной репутаціи. Вообще же онъ былъ за относительную свободу, относительную человѣчность и—если бесѣдовалъ съ людьми строгими—относительно противъ розги.

Онъ говорилъ мужу племянницы разныя хорошія вещи, что умный и добрый человѣкъ долженъ примѣняться къ условіямъ жизни, что, пользуясь властью земскаго начальника, умный и добрый человѣкъ можетъ дѣлать много прекраснаго, пріучать мужика къ порядку и чувству законности и насаждать по деревнямъ миръ и благополучіе.

Бесѣды эти шли за обѣдомъ. Лидія Артемьевна и тогда уже была превосходною хозяйкой, а когда Петръ Сысоевичъ хорошо и вкусно ѣстъ, то думаетъ, что и весь міръ только о томъ и мечтаетъ, чтобы хорошо и вкусно ѣсть.

Лидія Артемьевна, съ своей стороны, ставила еще и то на видъ, что имѣнія приносятъ мало дохода, управляющимъ Сергѣй Викторовичъ оказался плохимъ, а земскому начальнику полагается, кромѣ присущаго сану почета, еще и жалованье, а у нихъ двое дѣтей, скоро придется начинать ихъ «воспитаніе».

Послѣдній аргументъ былъ, кажется, самымъ сильнымъ. Ничто не доставляло Думчину бóльшихъ угрызеній совѣсти, какъ то, что у него есть дѣти. Никогда онъ не забывалъ, что они родились исключительно по его винѣ, родились на свѣтъ въ то время, когда

человѣчество еще такъ далеко отъ счастья, когда вся жизнь человѣческая—только сплошная цѣпь угнетающихъ душу вопросовъ. Онъ боялся даже думать о дѣтяхъ и ихъ воспитаніи. Если, въ силу вещей, онъ вложилъ въ нихъ частицу самого себя, то, по его мнѣнію, ничего путнаго они не могли ждать отъ будущаго.

Онъ послушался жены и дяди, хотя и зналъ, что поступаетъ глупо.

Съ тѣхъ поръ прошло три года. Никто не подводилъ итоговъ дѣятельности Сергѣя Викторовича, тѣмъ не менѣе, по всему уѣзду говорили, что онъ самый безпорядочный земскій начальникъ.

Въ волостяхъ скоро начали, попрежнему, хозяйничать писаря. Двое изъ нихъ страдали періодическимъ запоемъ, одинъ былъ умный пройдоха, а одинъ, хотя и порядочный малый, да чахоточный и раздражительный.

Изъ четырехъ старшинъ только на одного—въ Перервинской волости—можно было положиться, но и тотъ жилъ отъ Перервы въ 15 верстахъ и, стало быть, не имѣлъ возможности относиться къ дѣлу добросовѣстно. Въ одной волости старшиною былъ кулакъ, въ другой—мужикъ честный, но апатичный и до крайности робкій, а въ четвертой—именно въ Алексѣевской—старшина полгода назадъ былъ удаленъ Думчинымъ отъ должности за растрату, новый же оказался такъ феноменально глупъ, что съ нимъ ни о чемъ нельзя было столковаться. Надѣвши цѣпь, онъ всѣми силами старался только о томъ, чтобъ говорить какъ можно меньше. Когда къ нему обращались съ вопросомъ, онъ вытягивалъ грудь, втягивалъ въ носъ усы, необыкновенно напоминавшіе два торчащихъ пера, соединенныхъ острыми концами, и упорно молчалъ, предоставляя догадываться объ его сужденіи по движенію бѣлковъ вытаращенныхъ глазъ.

— Ты что же все молчишь?—спрашивали его, когда онъ былъ безъ цѣпи и на сто шаговъ отъ волости,—раньше онъ ни за что бы не отвѣтилъ.

Но и тутъ онъ былъ не краснорѣчивъ:

— Потому старшина должонъ... по мановенію... Значитъ, все [illegible]іятно... Чего еще?

Очевидно, онъ считалъ себя призваннымъ въ качествѣ оракула. За необыкновенную молчаливость и важность его и выбрали.

Старосты у Думчина не имѣли на своихъ односельчанъ никакого вліянія. Въ той же Алексѣевкѣ мостъ черезъ оврагъ, наполнявшійся весной бурливымъ потокомъ, былъ начатъ два года на-

задъ и до сихъ поръ не оконченъ потому, что алексѣевцы не исполняли принятаго на себя обязательства доставлять матеріалъ.

Съ общественными запашками тоже дѣло шло вяло.

Изъ мужиковъ, при встрѣчѣ съ господами, снимали шапки только старики. Молодежь же съ любопытствомъ оглядывала проѣзжавшій мимо экипажъ, но руки равнодушно держала за спиной.

Если къ Думчину поступали жалобы отъ землевладѣльцевъ, что рабочіе, въ виду хорошаго урожая, нарушали условія, бросали работу и уходили въ другія мѣста, гдѣ имъ давали больше, то онъ, вмѣсто того, чтобы по просьбѣ челобитчика «приказать» или «устыдить», входилъ въ разсмотрѣніе дѣла «по существу» и въ результатѣ всегда рекомендовалъ хозяевамъ увеличить наемную плату. Въ послѣднее же время онъ и этого не дѣлалъ, а просто оставлялъ жалобы безъ всякаго разсмотрѣнія. Онъ убѣдился, что рабочіе во всѣхъ случаяхъ неправы формально и правы во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, а на свои совѣты онъ только получалъ отъ господъ землевладѣльцевъ дерзкія письма, иногда даже съ угрозой донести о «дѣйствіяхъ господина земскаго начальника господину начальнику губерніи».

Наконецъ, по уѣзду разсказывали, что Думчинъ держитъ себя съ мужиками такъ, какъ будто онъ передъ ними въ чемъ провинился. Одинъ уѣздный остроумецъ нарисовалъ его въ мундирѣ, но безъ панталонъ, съ веригами на босыхъ ногахъ и въ дурацкомъ колпакѣ.

Говорили, что передъ наглецами онъ опускаетъ глаза, словно чего стыдится, а если вдругъ вскипитъ и накричитъ на людей, то послѣ ходитъ съ угнетенно-виноватымъ видомъ.

Когда обнаружилось, что алексѣевскій старшина проворовался, то Думчинъ удалить-то его удалилъ отъ должности, однако, суду не предалъ, а недостающіе сто рублей пополнилъ, тайкомъ отъ жены, изъ собственнаго кармана.

Мужики рѣшили, что онъ былъ въ сообщничествѣ со старшиной.

Теперь, въ виду предстоящей ревизіи, Сергѣй Викторовичъ зналъ, что надо отдавать извѣстныя распоряженія, осмотрѣть вс[illegible] книги по волостямъ, придать имъ хоть внѣшній порядокъ, но за[illegible]думывался надъ этимъ съ такою тоскливою гримасой, какъ буд[illegible] у него были колотья въ боку и лихорадочный пароксизмъ.

Писарь, доставившій почту, былъ изъ села, лежащаго внѣ марш[illegible]рута губернатора, но онъ сообщилъ, что становой пріѣзжалъ вчер[illegible] и къ нимъ, очень шумѣлъ, выбралъ 10 лучшихъ лошадей и уве[illegible]

ихъ въ Алексѣевку. Кромѣ того, велѣлъ бросить всѣ работы, а чистить дороги и улицы, строить «тріумфальныя арки». Отъ себя уже мужики, настроенные на торжественный пріемъ, рѣшили готовить и хлѣбъ-соль.

Думчинъ слушалъ все это съ тѣмъ же выраженіемъ тоски на лицѣ. Затѣмъ написалъ двѣ записки одинаковаго содержанія и поручилъ доставить старшинамъ Алексѣевской и Перервинской волостей. Онъ написалъ:

«Завтра рано утромъ буду. Пожалуйста, будь и ты и писарь на мѣстахъ».

Писарь ушелъ, а Сергѣй Викторовичъ сидѣлъ у стола, въ ожиданіи, что сейчасъ войдетъ жена и пойдетъ сцена, длинная, скучная семейная сцена, съ рѣзкостями и упреками, а, главное, совершенно безполезная.

Жена не шла долго. Сергѣй Викторовичъ зналъ, что она сидитъ въ комнатѣ дяди и обо всемъ допрашиваетъ старика.

Въ комнатахъ было тихо, только въ столовой жалобно мяукала кошка, оставленная, по случаю поразившей всѣхъ новости, безъ обѣда.

Наконецъ, послышались, какъ всегда, быстрые шаги Лидіи Артемьевны. Войдя въ кабинетъ, она плотно притворила за собой дверь.

Лидія Артемьевна все еще не могла отдѣлаться отъ неожиданности,—до сихъ поръ ей казалось, что по службѣ у мужа какъ-то даже невозможны «упущенія», какъ выразился только что Петръ Сысоевичъ. Жизнь мужа шла, въ ея представленіи, сама собой, а служба—сама собой. Въ жизни онъ былъ вялъ, скученъ, хмуръ и задумчивъ, а на службѣ наблюдалъ, что̀ дѣлаютъ Масловскій, старшины, старосты и писаря. Въ жизни его несносный характеръ былъ тѣмъ непріятнѣе, чѣмъ больше она хотѣла любить его. Но могло ли ей придти въ голову, что и на службѣ его упрямство и философія принесутъ вредъ? Конечно, еслибъ она подозрѣвала что-нибудь подобное, то давно бы вмѣшалась въ его служебныя занятія. Почему-жь она знала? Она заботилась, чтобы платье у него всегда было чистое, чтобъ въ дорогу ему были приготовлены пирожки, вареныя яйца, цыплята, подушки, бѣлье. Когда онъ возвращался изъ съѣзда, куда ѣздилъ разъ въ мѣсяцъ, въ два, она разспрашивала о томъ, что ее интересовало: какъ тамъ относились къ нему сослуживцы, какъ держалъ себя съ нимъ предсѣдательствовавшій въ съѣздѣ предводитель—начальникомъ или добрымъ знакомымъ,—кто велѣлъ кланяться ей, а кто нѣтъ. Если чутье подсказывало

ей, что такой-то былъ врагомъ Сергѣя Викторовича, то она искренно ненавидѣла этого такого-то и отъ души желала всего дурного и ему, и женѣ его, и дѣтямъ. Это ли не доказательство привязанности къ мужу?

Дядя наговорилъ ей самыхъ ужасныхъ вещей. Чуть ли даже не вся ревизія начальника губерніи затѣяна ради одного Думчина. И пахнетъ это позорною отставкой.

Лидія Артемьевна терпѣть не могла слезъ. Въ критическія минуты она любила быстро составлять планъ дѣйствій. Но въ этотъ разъ она была такъ поражена неожиданностью, что долго ничего не могла придумать. Однако, пока Петръ Сысоевичъ, изнемогая отъ усталости, разсказывалъ ей подробности надвигавшейся грозы, въ ея головѣ, все-таки, сложился планъ.

Прежде всего, заставить мужа энергично готовиться къ ревизіи,—слезами, упреками, чѣмъ бы то ни было, но заставить. Потомъ,—и это она считала главнымъ,—завтра же отправиться къ m-me Осташковой и «навязаться» гостить у нея во все время пребыванія губернатора. Всякій начальникъ—человѣкъ. Видя передъ собой и за завтракомъ, и за обѣдомъ услужливую, но грустную жену подчиненнаго, губернаторъ проникнется сожалѣніемъ и къ самому подчиненному и, по крайней мѣрѣ, ослабитъ ударъ.

Какъ Петру Сысоевичу ни хотѣлось спать, онъ такъ былъ очарованъ планомъ племянницы, что долго цѣловалъ ее.

— Такъ, Лидуся, такъ. Если твой мужъ самъ не хочетъ спасти себя, то мы его спасемъ. Богъ милостивъ.

Засыпая спустя четверть часа, онъ прислушивался къ громкому разговору въ кабинетѣ.

Она говорила мужу «вы». Сергѣй Викторовичъ ненавидѣлъ этотъ переходъ отъ «ты» на «вы» въ минуты раздраженія жены.

На вопросъ, поставленный ребромъ, что̀ онъ думаетъ предпринять, Сергѣй Викторовичъ отвѣчалъ: «ничего». Лидія Артемьевна разразилась гнѣвною тирадой. Онъ не смѣетъ забывать, что у него жена и дѣти. Не всякая согласится жить съ опозореннымъ мужемъ. Послѣ такого скандала ни ему, ни ей нельзя будетъ никуда «носъ показать». Наконецъ, интересно знать, почему онъ такъ категорически отвѣчаетъ: «ничего»?

— Потому что это глупо, потому что это чиновничьи уловки, ложь, и, притомъ, совершенно безполезная, потому что..

Лидія Артемьевна спѣшила возразить:

— Ничего глупаго не вижу въ томъ, что̀ дѣлаютъ всѣ. Вы вовсе не умнѣе всѣхъ; дядя не глупѣе васъ, у него, къ тому

же, школы въ образцовомъ порядкѣ, однако же, волнуется и готовится къ ревизіи. И какая же въ этомъ ложь? Вамъ нужно только потрудиться двое сутокъ, не спать ночей, чтобъ исправить упущенія,—пустила она словечко, слышанное отъ дяди.— Если энергично взяться за дѣло, то губернаторъ останется вполнѣ доволенъ.

— Ты говоришь такъ потому, что ничего не понимаешь.

— Такъ не даромъ же онъ предупреждаетъ васъ заблаговременно! Онъ, какъ бы сказать, деликатно даетъ вамъ возможность поправиться.

— Никакой деликатности въ этомъ не вижу. Была ему охота деликатничать съ нами! Какъ человѣкъ умный, онъ просто понимаетъ, что въ два дня можно поправить мелочи, а къ мелочамъ все равно не стòитъ придираться. Тамъ же, гдѣ все дѣло ведется скверно, и въ два мѣсяца ничего не подѣлаешь. Наконецъ, ему нельзя не предупреждать. Онъ не въ городъ ѣдетъ, гдѣ всякаго служащаго можно вызвать въ четверть часа.

— Значитъ, у васъ дѣла въ такомъ безнадежномъ видѣ, что ихъ все равно не поправить?—съ отчаяніемъ вскрикнула Лидія Артемьевна.

Сергѣй Викторовичъ помолчалъ, но жена видѣла по его лицу, что онъ не подтверждаетъ молчаніемъ, а какъ бы не находитъ формы для отвѣта.

— Извольте говорить мнѣ прямо. Не смѣйте сочинять. Должна же я знать, чтò меня ожидаетъ.

Онъ какъ-то провелъ ладонью, сжимая, по всему лицу, отчего волоса на бровяхъ и на бородѣ спутались, и сказалъ:

— Хорошо. Я постараюсь отвѣтить тебѣ точно. Только выслушай внимательно.

И онъ началъ говорить. Точно на него налетѣла минута крайней рѣшимости. Какъ будто онъ ставилъ въ это время вопросъ обо всемъ своемъ существованіи, дѣлалъ послѣднее напряженіе для того, чтобы окончательно рѣшить, есть ли у него хоть слабая надежда уцѣпиться за жизнь. И чѣмъ больше онъ говорилъ, тѣмъ сознательнѣе чувствовалъ, что отвѣтъ жены будетъ отвѣтомъ на вопросъ: быть или не быть? Пойметъ она его, отзовется сочувственно—все пойдетъ по-хорошему, она станетъ его другомъ, поможетъ разсѣять копошившійся въ его душѣ мракъ, а не захочетъ понять—все будетъ кончено.

— Чтò тебя ожидаетъ, я не могу сказать, не знаю,—говорилъ

онъ, нервно впиваясь ногтями въ ладони,—но главный вопросъ не въ томъ, благополучно ли сойдетъ ревизія.

— Какъ это?

— Постой, не перебивай меня. Не въ этомъ главный вопросъ. Вникни, пожалуйста, и пойми меня хорошенько. У твоего дяди дѣло простое и ясное. Надо учить ребятъ грамотѣ—вотъ и все. Стало быть, надо добиться такихъ условій, при которыхъ эти мальчики и дѣвочки могли бы лучше выучиться. У меня не то. У меня или нѣтъ никакого дѣла, или же оно такъ сложно, что его нельзя выполнить. Нельзя, невозможно. Все зависитъ отъ точки зрѣнія. Вонъ баронъ Брандтъ живетъ припѣваючи и, можетъ быть, у него все въ порядкѣ, потому что онъ въ своихъ занятіяхъ не видитъ никакого дѣла. Призванъ быть начальникомъ и начальствуетъ совершенно такъ же, какъ командовалъ эскадрономъ въ своемъ полку. Дальше этого онъ ничего не видитъ. Я такъ не могу, не могу. Мнѣ поручили не эскадронъ для военной выправки и не ребятъ для обученія грамотѣ, мнѣ поручена опека надъ десятками тысячъ взрослыхъ людей, семейныхъ, женатыхъ, дѣдовъ и отцовъ, со всею ихъ жизнью. Вникни въ эти слова: «со всею ихъ жизнью». Только подумай, что̀ это значитъ. Вся мужицкая жизнь моего участка съ площадью круга радіусомъ въ 30 верстъ поручена мнѣ. Вся ихъ жизнь—это значитъ всѣ столкновенія ихъ личностей, страстей, невѣжества съ благоразуміемъ, права собственности съ жалостью къ неимущимъ, тружениковъ съ тунеядцами, которые, все-таки, требуютъ, чтобы ихъ кормили, людей честныхъ съ хитрыми и наглыми, мужей съ женами, отцовъ съ дѣтьми, сыновей съ матерями, братьевъ между собою, пойми хорошенько, всѣ вопросы семейные, общинные, сосѣдскіе, нравственные, матеріальные,—словомъ, все, что только создаетъ человѣческое существованіе, все это въ тѣхъ книгахъ, между строками и буквами, которыя вотъ г. начальникъ губерніи будетъ ревизовать. Думала ты объ этомъ когда-нибудь? Нѣтъ, конечно.

— Нѣтъ, и вообще странно это,—вставила Лидія Артемьевна.

— Странно? Я тебѣ скажу больше. Я самъ объ этомъ прежде не думалъ. Да зачѣмъ далеко ходить? Ну, вотъ, возьмемъ любое.

Сергѣй Викторовичъ взялъ со стола первое попавшееся дѣло.

— Вотъ! Что тутъ такое? Нѣмцы жалуются, что мужики тако[й] то деревни протоптали проѣзжую дорогу черезъ ихъ засѣян[н]. поле. Ну, вотъ!—и онъ положилъ бумаги на мѣсто.—Поручи это б[а]рону Брандту. Пріѣхалъ бы къ мужикамъ и сказалъ бы, что ес[ли] они не прекратятъ ѣздить черезъ поле нѣмцевъ, то онъ вызове[тъ]

черезъ исправника батальонъ солдатъ. Да еще выдастъ на нихъ исполнительные листы за убытки. А поди-ка дознайся до настоящей сути, и окажется, что нѣмцы вспахали дорогу и заставили мужиковъ сосѣдней деревни дѣлать крюкъ въ 10 верстъ, чтобы объѣзжать ихъ поля. Они, все-таки, виноваты? Самоуправство? А что-жь имъ дѣлать? Ждать, пока я разберу ихъ жалобу, а съѣздъ утвердитъ? Тогда ужь и лѣто пройдетъ, а они все будутъ колесить 10 верстъ лишнихъ. Ну, хорошо. Какъ бы ни рѣшить это дѣло, но надо устранить подобныя столкновенія впредь. Какимъ образомъ? Обратиться въ управу,—давайте, ради Бога, опредѣленныя дороги. А управа отвѣтитъ: давайте денегъ, за вашими волостями 20 тысячъ недоимокъ. Ну, и ступайте, собирайте деньги. Сидоровъ! Подавай 18 рублей.—Нѣту.—Тащи корову.—Извольте.—А жена Сидорова уже схватилась за грабли, а сосѣди тоже уже тащатъ свои рогатины, а сидоровскія дѣти—пять-шесть малышей—ревмя-ревутъ. Поди-ка, возьми у него корову. Вотъ тебѣ и заколдованный кругъ изъ-за одного, только одного дѣла. А доберись-ка еще поглубже и увидишь, что мужики этой деревни завидуютъ благосостоянію нѣмецкихъ колонистовъ, что если не дорогу, такъ они придумаютъ что-нибудь новое. Учи ихъ нравственности, «чувству законности», какъ выражался твой дядя. Долженъ, такъ плати. А тебѣ, Лидіи Артемьевнѣ Думчиной, заплатилъ твой родственникъ, занявшій въ крайнюю минуту 500 рублей? И тебѣ, все-таки, его жалко. Ты говоришь: пропащій онъ человѣкъ, несчастливецъ. Когда я окунулся во всѣ эти вопросы съ головой, я,—прямо тебѣ говорю,—запутался. Вникни, что̀ я долженъ былъ испытывать, вникни. Я хотѣлъ быть только справедливымъ. Понимаешь? «Только». А это «только» оказалось самымъ невозможнымъ. Одинъ пустой вопросъ рождаетъ десять новыхъ, каждый изъ десяти еще по десятку; потомъ вдругъ покажется, что вотъ-вотъ нашелъ нить, ухватишься за нее, а она приводитъ опять къ самому первому вопросу. Новый заколдованный кругъ. Спрашиваешь самого себя, какъ бы ты поступилъ, и видишь, что всѣ эти люди нисколько не хуже тебя и что ты знаешь ничуть не больше ихъ. А вопросы ростутъ, мысли ширятся...

Сергѣю Викторовичу вдругъ стало совѣстно. Ему показалось, что въ глазахъ жены блеснула насмѣшка. Онъ заговорилъ еще нервнѣе, почти крикливо:

— Можетъ быть, это все нелѣпо. Надо жить, дѣйствовать, а не разсуждать. Но я такой, я съ собой ничего не могу подѣлать. И страдалъ гораздо больше, чѣмъ ты думаешь. Я хочу, чтобы ты по-

няла именно это. Въ послѣднiй разъ въ жизни говорю съ тобой такъ. Ни съ кѣмъ никогда такъ откровенно. Все одинъ... съ своими мученiями.—Онъ словно потерялъ нить и этимъ еще больше мучился и чувствовалъ, что чѣмъ больше нервна его рѣчь, чѣмъ менѣе убѣжденности въ тонѣ, тѣмъ больше отходитъ отъ него та, передъ которой онъ теперь такъ изливался, боролся съ собой.—Да, происходитъ какой-то отвратительный, чисто-физiологическiй процессъ,—какъ бы найдя нить, быстро заговорилъ онъ,—пока мозги работаютъ, все тѣло устаетъ, энергiя изсякаетъ, апатiя забирается даже въ душу. Въ то же время, начинаешь презирать себя за безсилiе. А жизнь точно издѣвается надъ тобой. Когда говоришь съ мужиками, такъ кажется, что всѣ они въ душѣ смѣются: «Ахъ, молъ, ты взялся опекать насъ, учить насъ уму-разуму,—ну, посмотримъ, посмотримъ! Видно, ты еще не знаешь, что такое жизнь, такъ она тебѣ покажетъ себя!» И стыдно станетъ. И точно кто-то шепчетъ: «врачу, исцѣлися самъ!» Да, говори, что хочешь, Лидочка, ругай меня, смѣйся,—онъ готовъ былъ расплакаться отъ наплыва жалости къ самому себѣ.—Я самъ презираю себя. Если захочешь язвить меня, я тебѣ буду подсказывать. Никто не съумѣетъ высмѣять меня лучше, чѣмъ я самъ. Какой же я начальникъ, когда я самъ себя въ грошъ не ставлю, спрашиваю себя: да и по какому праву ты начальствуешь? Чѣмъ ты его прiобрѣлъ? Тѣмъ, что изучилъ по Пухтѣ римское право? Или тѣмъ, что дѣвушка, имѣвшая 400 десятинъ, сдѣлала глупость и вышла за тебя замужъ? Ахъ, Боже мой! Ну, да что тутъ еще!—вдругъ оборвалъ онъ.—Я тебѣ все сказалъ. Должна же ты понять.

Онъ отошелъ къ окну и, морщась отъ набѣжавшихъ на глаза слезъ, смотрѣлъ, какъ черезъ дворъ, понуря голову, двигался къ дому Масловскiй. Въ продолженiе своей рѣчи Сергѣй Викторовичъ не переставалъ курить.

Лидiя Артемьевна долго молчала. Не то, чтобъ она разбиралась во всемъ слышанномъ, ей казалось, что рѣшительно ничего новаго мужъ не сказалъ, и ей не хотѣлось бы теперь произнести что-нибудь обидное для него. Одно она понимала ясно, что ни малѣйшей симпатiи онъ въ ней не возбудилъ. Замѣтила и слезы его, но, благодаря этому, стала еще холоднѣе. Лидiя Артемьевна увлекалась толко тѣмъ, что физически сильно и красиво. Пусть человѣкъ будетъ полонъ пороковъ, но если онъ силенъ и бодръ, она всегда на его сторонѣ.

Сергѣй Викторовичъ зналъ это и, пока она молчала, онъ быстро соображалъ, что всѣ его выстрѣлы пропали даромъ. Жалость—чу

ство совершенно не знакомое его женѣ. Онъ вдругъ почему-то вспомнилъ, что она велѣла продать старую клячу и не могла безъ улыбки восхищенія смотрѣть на сильнаго молодого жеребца, вспомнилъ, что по ея же приказу вырублены всѣ старыя ивы на берегу рѣки. Быстро мелькнуло воспоминаніе и о томъ, какъ она любила мужа, когда чувствовала въ немъ хорошаго, сильнаго мужчину, и съ какимъ «стальнымъ» взглядомъ слушала, когда онъ, бывало, разводилъ рацеи о томъ, что не слѣдуетъ строго судить людей или что во всякомъ есть что-нибудь человѣческое и это человѣческое дороже всего и т. д.

Всѣ эти мелочи пронеслись въ памяти Сергѣя Викторовича и онъ чуть ли не въ первый разъ совершенно ясно увидалъ, что между нимъ и женой цѣлая пропасть. Онъ уже досадовалъ, что такъ много говорилъ. Однако, замѣтилъ, что въ одномъ отношеніи результатъ объясненія былъ хорошъ: жена, по крайней мѣрѣ, не сердилась и не кричала.

Взглянувъ въ окно, Лидія Артемьевна увидѣла, какъ на крыльцо поднимается «согбенная фигура слюнтяя», какъ она назвала разъ письмоводителя мужа.

«Надо, однако, еще и этого прибрать къ рукамъ», — подумала она, вставая.

Да и пора было оставить мужа въ покоѣ, и надо же было, наконецъ, сказать ему что-нибудь утѣшительное. Молчаніе длилось черезъ-чуръ уже долго.

Она приблизилась къ Сергѣю Викторовичу и положила ему руку на плечо. Въ это время онъ какъ разъ затянулся табакомъ. Ея движеніе разбудило въ немъ ожиданіе чего-то хорошаго. Точно сквозь сонъ мерещились надежда на сочувствіе, ласка, какая-то любовь, захотѣлось какого-то счастья.

— Вотъ курить тебѣ надо поменьше,—сказала Лидія Артемьевна,—да и ходить побольше. Ты совсѣмъ не дѣлаешь моціона. А теперь, лучше всего, прилягъ и хорошенько поспи. Выспишься, какъ слѣдуетъ, встанешь, выкупаешься, освѣжишься и тогда увидишь, какъ у тебя закипитъ дѣло. Главное, надо подтянуться. Только два дня! Губернаторъ проѣдетъ и все кончится.

Она хотѣла подбодрить его тономъ, а онъ чувствовалъ, какъ будто его опускаютъ силой въ тинистую воду.

— Ну, ложись, а я пойду взгляну, гдѣ дѣти.

Когда она ушла, Сергѣй Викторовичъ тихо разсмѣялся.

Въ другую дверь вошелъ Масловскій.

— Что-жь это, правда, что ли, что губернаторъ ѣдетъ?—сказалъ онъ, по обыкновенію, обижаясь на какіе-то призраки.

— Да, восьмаго будетъ. Вы тамъ займитесь... Ну, что тамъ найдете нужнымъ. Да вотъ и эти бумаги возьмите.

Масловскій пожалъ плечами, какъ бы недоумѣвая, что̀ губернаторъ имѣетъ противъ него, Масловскаго, его жены и дѣтей?

Сергѣй Викторовичъ заперъ за нимъ дверь на ключъ, съ минуту постоялъ среди кабинета, потомъ досталъ изъ библіотеки *Каина* и повалился на тахту, стараясь забыть все, кромѣ «синевы пустыни безпредѣльной».

IV.

Около семи часовъ вечера исправникъ Гвоздевъ медленно спускался съ горы въ шарабанѣ по направленію къ усадьбѣ Георгія Николаевича Осташкова.

Большой двухъэтажный домъ предводителя дворянства блестѣлъ ослѣпительною бѣлизной на темномъ фонѣ громаднаго парка. Чистая, точно вымытая дождемъ, зеленая крыша, нѣсколько балконовъ и спущенныя маркизы надъ окнами верхняго этажа узорно разцвѣчивали домъ и дѣлали его издали похожимъ на красивую игрушку. Солнце заходило за̀ горой прямо противъ и бросало красноватые блики на стекла оконъ и верхушки деревьевъ. За паркомъ блестѣлъ обширный прудъ.

Справа, въ полуверстѣ, почти у первыхъ избъ деревни, стояла каменная, нештукатуренная церковь, прихотливой архитектуры. Она была окружена каменною же оградой и молодыми еще деревьями. За церковью бѣлѣлъ небольшой чистенькій домъ священника. По лѣвую же сторону дома, точно маленькій городокъ, раскинулись хозяйственныя постройки, мельница, громадныя стога.

Красноватый отблескъ солнца ложился и на куполы церкви, и на высокіе стога; вечеръ былъ тихій, по землѣ, точно рѣзвясь, перебѣгали какія-то тѣни, со стороны села неслись звуки возвращающагося стада, слышался колокольчикъ бугая, гдѣ-то надъ озеромъ прокричали гуси,—все кругомъ дышало такимъ отраднымъ покоемъ, что въ груди исправника еще сильнѣе заныло тревожное чувство.

Медленно подвигаясь, Гвоздевъ не переставалъ внимательно слѣдить, нѣтъ ли гдѣ ровчаковъ, тяжелыхъ выбоинъ. Ему хотѣлось, чтобы путь, по которому поѣдетъ начальникъ губерніи, былъ гладкій, какъ полированный. Въ общемъ дорога не особенно нравилась ему.

Село Осташково находилось въ семи верстахъ отъ желѣзно-дорожной станціи, и хотя въ двухъ верстахъ еще было большое село Алексѣевка, а въ Осташковѣ насчитывалось не болѣе 80 душъ, тѣмъ не менѣе, станція именовалась въ честь крупнѣйшаго землевладѣльца уѣзда, старика Осташкова. Онъ умеръ лѣтъ 10 назадъ. Изъ трехъ сыновей его старшій жилъ постоянно за границей, второй—зиму въ Петербургѣ, два мѣсяца слишкомъ въ Крыму и только мѣсяца полтора въ деревнѣ. Всѣми же имѣніями, по довѣренности братьевъ, управлялъ младшій братъ Георгій Николаевичъ. Здѣшнее имѣніе было родовое, не раздѣленное, а кромѣ него у каждаго брата было по имѣнію въ сосѣднихъ уѣздахъ. Всего осташковскихъ земель числилось больше 30 тысячъ десятинъ.

Гвоздевъ вынулъ часы на толстой золотой цѣпочкѣ, висѣвшей вдоль борта кителя. Ему хотѣлось пріѣхать къ предводителю послѣ обѣда. Онъ зналъ, что Осташковы обѣдаютъ поздно, его могли заставить ждать въ кабинетѣ или, еще хуже, на балконѣ. Надо было обойти обиду его самолюбію. По его разсчету, слѣдовало подъѣхать около половины восьмого. Въ его распоряженіи было еще съ полчаса. Онъ повернулъ лошадь и двинулся по направленію къ дому священника.

Гвоздеву надо было, чтобы начальникъ губерніи ѣхалъ веселый и всѣмъ довольный. Когда начальство въ хорошемъ настроеніи, оно снисходительнѣе къ грѣшкамъ подчиненныхъ. Поэтому исправникъ составилъ себѣ весь планъ проѣзда. Надо добиться встрѣчи какъ можно торжественнѣе. Гвоздевъ не любилъ осташковскаго священника, чувствовалъ, что его не уломаешь, да тотъ и уламывать не позволитъ, а такъ было бы хорошо, если бы встрѣтить начальника губерніи въ облаченіи, колькольнымъ звономъ и молебномъ!

Проѣзжая мимо церкви, Гвоздевъ опытнымъ взглядомъ узналъ, что здѣсь нѣтъ ни малѣйшихъ приготовленій. Онъ стиснулъ зубы; брань готова была сорваться съ языка. Мимо шелъ мужикъ.

— Эй, ты! Поди сюда!—крикнулъ онъ.

Мужикъ, старый, съ мѣшкомъ какой-то травы на спинѣ, оглянулся, недоумѣвая, кто его зоветъ.

— Поди сюда, чортъ!

Мужикъ поспѣшно сбросилъ мѣшокъ и подошелъ, снявъ шапку.

— Ты здѣшній?

— Здѣшній.

— Бѣги сейчасъ къ старостѣ, отыщи его и скажи, чтобъ онъ сейчасъ же шелъ ко мнѣ. Вотъ здѣсь, у ограды, чтобы подождалъ меня, понимаешь?

— Понимаю.

— Ты меня знаешь?

— А какъ же!

— Ну, и скажи, что господинъ исправникъ велѣлъ сейчасъ же быть здѣсь, около церкви. Да мѣшокъ оставь. Потомъ подберешь.

Отецъ Митрофанъ сидѣлъ у окна и читалъ *Свѣтъ*. Это былъ высокій, полный, лѣтъ 50, очень красивый священникъ, съ низкимъ, бархатнымъ баритономъ. Всѣ Осташковы его любили. Жена предводителя Марья Алексѣевна говорила про него, что онъ служитъ необыкновенно трогательно и невольно заставляетъ «сообщаться съ небомъ», а Георгій Николаевичъ не разъ шутилъ, что ему слѣдуетъ быть въ Москвѣ; тамъ въ него влюбились бы всѣ богатыя купчихи.

Увидѣвъ исправника, отецъ Митрофанъ отложилъ газету.

— Анненька!—крикнулъ онъ.

— Что, папаша?

На зовъ вышла хорошенькая, худенькая дочь отца Митрофана, въ простомъ ситцевомъ платьѣ.

— Исправникъ ѣдетъ и, кажется, къ намъ. Раздуй самоваръ.

— Хорошо.

— Василію Петровичу!—крикнулъ онъ, выходя на крыльцо, когда Гвоздевъ остановилъ лошадь.—Максимъ! Максимъ!—позвалъ онъ нараспѣвъ.

Изъ-за дома выбѣжалъ здоровый бѣлобрысый парень лѣтъ 20, въ красной рубахѣ.

— Возьми-ка лошадь у господина исправника.

— Здравствуйте, батюшка,—сказалъ Гвоздевъ, пожимая ему руку.

— Милости просимъ. Чаю хотите?

— Нѣтъ, покорнѣйше благодарю. Спѣшу къ Георгію Николаевичу.

— Ну, какъ знаете. Аннепька, не надо самовара! Садитесь же, гость будете.

Отецъ Митрофанъ говорилъ всегда громко и со всѣми весело. Глаза его, кажется, только во время службы были серьезны, а такъ они постоянно смѣялись. Густыя темныя брови при этомъ какъ-то вздрагивали около переносицы, а отъ угловъ глазъ складывались вѣера изъ морщинокъ. Онъ недолюбливалъ Гвоздева и зналъ, что и тотъ не очень расположенъ къ нему, но и съ нимъ велъ себя обычно добродушно и весело.

Гостиная, куда онъ ввелъ исправника, была меблирована чистенько-казенно. На окнахъ цвѣты, по стѣнамъ виды монастырей. Надъ диваномъ даже картина, въ которой по холмамъ, покрытымъ лѣсомъ, не трудно было узнать Святыя горы.

Исправникъ бросилъ въ фуражку одну перчатку, другую, бѣлую замшевую, оставляя на лѣвой рукѣ.

— Ну, разсказывайте, когда, что, гдѣ? Вчера мы видѣли, какъ вы тутъ скакали по деревнѣ, а когда, что—и не вѣдаемъ.

— Послѣ завтра, батюшка,—началъ Гвоздевъ, усаживаясь и придвигая плотную, широкую спину къ стѣнкѣ кресла.—Поѣздъ приходитъ ровно въ семь три четверти утра по нашему времени,—и онъ снова взглянулъ на часы, точно боясь не опоздать къ этому поѣзду.—Отъ станціи мы довеземъ его превосходительство въ двадцать минутъ, ручаюсь за каждую минуту. Если положить, что на выходъ изъ вагона и встрѣчу уйдетъ минутъ 10, ну, 15, то въ двадцать минутъ девятаго его превосходительство будетъ здѣсь.

— Ну, ну! Милости просимъ, милости просимъ!

Гвоздевъ досталъ изъ шароваръ серебряный портсигаръ.

— Вы позволите, батюшка?

— Позволю и себѣ предложить.

— Ахъ, пожалуйста! Не зналъ, что вы курите.

— Только когда предлагаютъ. Анненька, дай спички!

Анненька вошла со спичками такъ быстро, что, очевидно, слышала весь разговоръ. Гвоздевъ всталъ поздороваться.

Онъ вообще очень былъ занятъ тѣмъ, чтобы быть элегантнымъ, платье на немъ было чистое, пуговицы блестѣли, сапоги тоже, руки выхоленныя, очень полныя, на пальцахъ нѣсколько перстней съ бирюзой. Лицо, полное, одутловатое, видимо, содержалось въ чистотѣ; борода окладистая, подстриженная съ боковъ, рыжеватая,—Гвоздевъ считалъ себя блондиномъ,—и большая лысина, которою онъ почему-то очень гордился.

Усѣвшись снова, онъ сказалъ:

— Какъ ужь я писалъ вамъ, батюшка, его превосходительство, куда бы ни пріѣхалъ, прямо отправляется въ церковь.

— Какъ же, какъ же, слышалъ. И раньше того слышалъ.

— Я къ вамъ съ просьбой по этому случаю, батюшка.

— А ну-те-ка?

— Позвольте немножко похозяйничать у васъ.

Онъ ждалъ, не отвѣтитъ ли отецъ Митрофанъ сразу: «сдѣлайте одолженіе», тогда можно будетъ говорить съ нимъ смѣлѣе. Но тотъ молчалъ и ждалъ, улыбаясь.

— Въ какомъ смыслѣ?—сказалъ, не дождавшись, отецъ Митрофанъ.

— Хотѣлось бы, чтобы кругомъ церкви было посыпано песочкомъ, вообще привести въ надлежащій видъ.

— Что-жь, чудесно! Прикажите.

— Да-съ. Ну, а...—Гвоздевъ чуть замялся.—А вы какъ думаете встрѣчать его превосходительство?

У отца Митрофана брови надъ переносицей задрожали и глаза добродушно засмѣялись.

— Никакъ,—отвѣтилъ онъ.

Гвоздевъ двинулся на креслѣ.

— Однако же, все-таки...

— А то что-жь?

— Видите ли, батюшка, когда въ прошедшемъ году его превосходительство проѣзжалъ по восточной части уѣзда, то въ церквахъ повсюду, почти повсюду, батюшка, его встрѣчали колокольнымъ звономъ и служили молебенъ. И его это, какъ можно было догадаться, очень тронуло.

— Слыхалъ про это,—сказалъ отецъ Митрофанъ.

— Да-съ, такъ... Это, конечно, дѣло ваше, батюшка, но... не обидѣлся бы онъ.

— Не думаю, не думаю.

Гвоздева начинало злить и это спокойствіе, и эта добродушная улыбка.

— Такъ отчего же бы вамъ не сдѣлать, не оказать, такъ сказать, любезности?

— Василій Петровичъ! Какъ же я смѣю? У меня есть приказъ. Я могу встрѣчать молебномъ только особъ коронованныхъ. Чай, начальникъ губерніи знаетъ про это.

Гвоздевъ закусилъ лѣвый усъ и выпустилъ изъ носа струю дыма. Онъ въ сотый разъ подумалъ, нельзя ли какъ-нибудь провезти начальника губерніи прямо въ Алексѣевку, гдѣ священникъ казался ему посговорчивѣе этого.

— Однако, вы, все-таки, будете въ церкви?—спросилъ онъ, помолчавъ и окончательно рѣшивъ, что миновать Осташково нѣтъ возможности.

— Можетъ быть.—Отецъ Митрофанъ пожалъ плечами.

— Въ камилавкѣ и съ крестомъ?

Отецъ Митрофанъ ничего не отвѣтилъ, а только тихо засмѣялся въ носъ, не переставая смотрѣть исправнику въ лицо.

— Однако, церковь будетъ отперта, не придется посылать ...

вами? Вы понимаете, батюшка, что я долженъ разсчитать каждыя четверть часа.

— Конечно, конечно.

— А если его превосходительство пожелаетъ, чтобъ вы отслужили молебенъ?

— Въ этомъ я никому не смѣю отказать.

Гвоздевъ досталъ раздушенный платокъ и отеръ потъ со лба. Потомъ красивымъ движеніемъ онъ взялъ за козырекъ фуражку, переложилъ перчатку въ лѣвую руку и всталъ.

— Такъ я распоряжусь.

— Насчетъ песочка? Пожалуйста. До свиданія.

Они пожали другъ другу руки и исправникъ даже пошелъ, какъ вдругъ отецъ Митрофанъ остановилъ его.

— Да! Чуть было не забылъ! Вотъ что. Учитель тутъ у меня живетъ при малышахъ моихъ. Такъ передалъ онъ въ Алексѣевкѣ становому сколько-то тамъ... шесть рублей, кажется, за разрѣшеніе имѣть ружье. Малый поохотиться любитъ. Ну, вотъ больше полугода прошло, а получить разрѣшеніе изъ вашей канцеляріи онъ никакъ не можетъ.

— Неужели?—строго и дѣловито спросилъ Гвоздевъ.

— Да ужъ повѣрьте мнѣ. Два раза ходилъ онъ къ становому. Тотъ увѣряетъ, что задержка у васъ.

— Я наведу справку.

— Пожалуйста, Василій Петровичъ. Кончатся Петровки, захочетъ малый поохотиться, а правъ нѣтъ.

— Непремѣнно наведу справку. Будьте покойны. Имѣю честь кланяться.

— Желаю быть здоровымъ.

Исправникъ уѣхалъ, а отецъ Митрофанъ, все также улыбаясь, снова взялъ газету.

Староста, завидѣвъ шарабанъ, быстро двинулся на встрѣчу, снимая по пути шапку. Гвоздевъ остановился.

— Слушай, староста! Завтра я буду здѣсь въ обѣдъ, когда солнце на самомъ верху, понимаешь?

— Слушаю, ваше-ско-благородіе.

— Чтобъ къ этому времени кругомъ церкви, въ оградѣ, вездѣ было посыпано пескомъ,— медленно, отчеканивая каждое слово, произносилъ Гвоздевъ.—Понимаешь?

— Слушаю, ваше-ско-благородіе.

— Кругомъ церкви, въ оградѣ, вездѣ,—повторилъ исправникъ.—Понялъ?

— Слушаю, ваше-ско-благородіе.

— Значитъ, сегодня же, сейчасъ отбери подводъ пять и чтобъ до свѣта ѣхали за пескомъ. Далеко ли?

— Верстовъ пять будетъ, ваше-ско-благородіе.

— Такъ чуть свѣтъ, чтобъ ѣхали. Да смотри у меня, чтобъ къ 12 часамъ все было готово. Арка строится?

— Будетъ готова, ваше-ско-благородіе. Очень трудно съ народомъ, ваше-ско-благородіе.

— Это твое дѣло. Ты за все отвѣчаешь. Нечего въ затылкѣ чесать!—вдругъ прикрикнулъ онъ.—На то ты и староста, чтобъ управлять народомъ! Если завтра въ обѣдъ что-нибудь только будетъ не исполнено, я съ тобой раздѣлаюсь!

Старостѣ, какъ нарочно, именно въ эту минуту казалось, что никогда еще у него не чесался такъ затылокъ. Однако, онъ стоялъ, вытянувъ руки.

Въ это время мимо церкви лихо пролетѣли два велосипеда, одинъ за другимъ. Молодые люди, въ туфляхъ, чулкахъ, курткахъ и маленькихъ шапочкахъ, низко пригнулись къ колесу. Они пронеслись по направленію къ дому предводителя. Лошадь шарахнулась въ сторону, такъ что исправникъ не успѣлъ подобрать возжей. Староста подскочилъ и схватилъ ее подъ уздцы.

— Кто это такіе?—спросилъ Гвоздевъ.

— Не могу знать, ваше-ско-благородіе. Гостятъ у Георгія Николаевича.

— Вѣрно, товарищи молодого, Константина Иваныча,—больше про себя проговорилъ Гвоздевъ.

Староста не понялъ, но сказалъ:

— Такъ точно, ваше-ско-благородіе.

Гвоздевъ въ послѣдній разъ посмотрѣлъ на часы, повторилъ всѣ приказанія и повернулъ къ дому предводителя.

А староста крупно зашагалъ въ деревню, сильно размахивая руками и о чемъ-то громко разсуждая.

V.

Гвоздевъ не разъ хвалился, что у него есть «даръ психологіи».

— J'ai le don de la psychologie,—говорилъ онъ мѣстнымъ барынямъ, ослабѣвавшимъ подъ вліяніемъ французскаго діалекта.

Дарованіе это собственно заключалось въ томъ, что онъ не вѣрилъ ни въ какія хорошія побужденія и опошливалъ всѣ человѣческія отношенія. Въ чиновникѣ онъ всегда предполагалъ, прежде

всего, тайнаго взяточника, а если этого очевидно не было, то пьяницу, въ женщинѣ—скрытое желаніе измѣнить мужу, въ барышнѣ—единственную мечту выйти замужъ, въ моломъ человѣкѣ—любовь къ горничнымъ и т. д. Это все онъ называлъ «внутреннимъ міромъ» человѣка въ отличіе отъ внѣшней порядочности и «джентльменства».

На томъ же основаніи онъ считалъ «фальшивыми» всѣ произведенія классической литературы, говоря, что «древніе» авторы, какъ Шекспиръ и Шиллеръ, еще не знали людей, лишены были дара психологіи и принимали все внѣшнее и «напускное» за «суть».

И Гвоздевъ съумѣлъ внушить уваженіе къ своему таланту. Если въ городѣ появлялось новое лицо и жители терялись въ догадкахъ опредѣлить его личность, то многіе говорили:

— А вотъ подождемъ, что скажетъ нашъ исправникъ. Онъ ахъ какой мастеръ разбирать людей!

Но высшимъ проявленіемъ его таланта считались характеристики людей, стоящихъ выше его сферы. Изъ понятной предосторожности онъ рѣдко рисковалъ обращать свой проникновенный взоръ на людей «высшаго круга», однако, иногда рѣшался. Такъ, по уѣзду съ успѣхомъ циркулировали его «мѣткія замѣчанія» объ Осташковыхъ.

Георгію Николаевичу онъ далъ кличку «Подбашмакевичъ», говоря, что онъ находится подъ башмакомъ у жены. Марью Алексѣевну назвалъ «Чародѣйкой» и вралъ, что видѣлъ въ ея будуарѣ пузырьки съ жидкостью, которою она, 38-ми лѣтняя женщина, очаровываетъ своего 35-ти лѣтняго мужа. Въ мужской компаніи онъ въ циничныхъ анекдотахъ разсказывалъ объ отношеніяхъ между Георгіемъ Николаевичемъ и Марьей Алексѣевной. Говорилъ, что Георгій Николаевичъ терпѣть не можетъ сыновей жены отъ перваго брака — студента Костю и пажа Борю, но, разумѣется, «не показываетъ этого».

Когда ему возражали, что Марья Алексѣевна, во всякомъ случаѣ, женщина очаровательная и мужъ по сю пору влюбленъ въ нее, то Гвоздевъ говорилъ:

— Да-съ, это, такъ сказать, міръ внѣшній, а попробуйте проанализировать ихъ внутренній міръ. Я, батюшка, можно сказать, изучилъ людей.

И ему вѣрили, потому что всегда съ большею охотой вѣрятъ дурному, чѣмъ хорошему.

Это не мѣшало Осташковымъ пользоваться уваженіемъ, а уѣзд-

нымъ властямъ относиться къ предводителю даже съ нѣкоторымъ заискиваніемъ. Въ этомъ случаѣ импонировало и ихъ богатство, и еще больше — замкнутость ихъ жизни. Они не давали большихъ обѣдовъ, кромѣ дня престольнаго праздника, а въ именины всегда выѣзжали изъ деревни въ губернскій городъ или въ Крымъ.

Георгію Николаевичу, дѣйствительно, было всего 35 лѣтъ. Его любимымъ занятіемъ была политическая экономія и другія соціальныя науки. Не менѣе четырехъ часовъ въ день проводилъ онъ за книгами и записками въ своемъ обширномъ кабинетѣ съ двумя венеціанскими окнами, выходившими въ паркъ, съ огромною библіотекой, начавшей собираться еще съ конца прошлаго вѣка. Предводительство онъ принялъ на себя три года назадъ и смотрѣлъ на свою службу, какъ на отдыхъ отъ занятій. Уѣзжая въ земскія собранія, или въ съѣздъ, или въ воинскія присутствія, онъ и тамъ мечталъ скорѣе возвратиться домой и запереться въ кабинетѣ. Вліяніемъ въ уѣздѣ интересовался мало, находя, что оно невозможно безъ большой затраты времени, и, притомъ, мало полезной.

— Всѣ люди на виду,—говорилъ онъ губернатору, завтракая у него, какъ знакомый,—и, право, мало разнятся другъ отъ друга. Одинъ немного лучше, другой немного хуже, а, въ сущности, ни тотъ, ни другой не повернетъ колеса жизни въ обратную сторону.

Губернаторъ цѣнилъ давнее знакомство со всѣми Осташковыми еще по Петербургу, любилъ и Георгія Николаевича, но находилъ его самымъ ограниченнымъ и малодаровитымъ изъ всѣхъ братьевъ.

Несмотря на усидчивую работу, Георгій Николаевичъ ни разу не выступалъ публично въ качествѣ ученаго или публициста, если не считать двухъ проектовъ, въ видѣ докладовъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ о земледѣльческихъ отхожихъ промыслахъ. Судьбою этихъ докладовъ онъ очень интересовался и по поводу ихъ велъ оживленную переписку.

Кромѣ того, онъ до такой степени дорожилъ своимъ любимымъ дѣломъ, что избѣгалъ говорить о немъ съ не-спеціалистами. Каждое лѣто къ нему пріѣзжалъ товарищъ по лицею, молодой профессоръ, погостить недѣли на двѣ. Съ нимъ Георгій Николаевичъ спорилъ по цѣлымъ днямъ. Вообще же, если кто-нибудь въ земствѣ или въ губернскомъ съѣздѣ обращался къ нему съ вопросомъ по поводу его «ученыхъ трудовъ», то онъ отвѣчалъ уклончиво и спѣшилъ перемѣнить разговоръ. Это называли «гордостью».

Женился Осташковъ, когда ему не было и тридцати, въ Петербургѣ, на женщинѣ старше него, вдовѣ крупнаго чиновника, Марьѣ Алексѣевнѣ Бурятовой.

Она полюбила Осташкова второю и послѣднею, а, стало быть, и особенно тревожною любовью. Ея оба сына отъ перваго брака воспитывались въ Петербургѣ: старшій—въ университетѣ, младшій—въ Пажескомъ корпусѣ. То, что сыновья были при матери всего два-три мѣсяца лѣтомъ, да на праздникахъ зимой, очень облегчало ея отношенія къ Георгію Николаевичу. Она берегла его чувства и больше всего боялась, чтобы присутствіе сыновей не отравляло ихъ, напоминая объ ея первомъ мужѣ и о томъ, что она на два, на три года старше второго.

Все ея поведеніе съ Георгіемъ Николаевичемъ было отмѣчено робкою осторожностью и умнымъ разсчетомъ. Смѣлая и рѣшительная съ сыновьями, въ хозяйствѣ, въ управленіи домомъ и со всѣми своими личными связями, она прислушивалась къ мнѣніямъ и вкусамъ мужа и жертвовала всѣмъ для его покоя. Это дѣлало его въ семейной жизни балованнымъ, но это-то именно ей и нравилось. Хозяйка въ гостиной и въ столовой, она хотѣла быть рабой во внутреннихъ комнатахъ. Даже въ ласкахъ съ мужемъ она была осторожна, опасаясь, что излишнее проявленіе темперамента можетъ произвести отталкивающее впечатлѣніе.

Вѣроятно, поэтому Георгій Николаевичъ, любившій иногда произносить афоризмы, говорилъ:

— Поцѣлуй умной женщины дороже поцѣлуя всякой красавицы.

Несмотря на семилѣтнюю связь и разницу въ возрастѣ, онъ сохранилъ къ женѣ увлеченіе во всей первоначальной свѣжести. Онъ до сихъ поръ любовался ея статною фигурой съ широкими плечами и узкою таліей, ловкими, рѣшительными движеніями, красивымъ, низкимъ голосомъ. Марья Алексѣевна была только, что называется, недурна собой, но съ удивительно-моложавою фигурой и совсѣмъ молодыми линіями. За этимъ она слѣдила особенно строго и ближайшая ея горничная была отличною массажисткой, о чемъ Георгій Николаевичъ даже не имѣлъ понятія.

Гвоздеву пришлось ждать не болѣе двухъ минутъ, пока лакей докладывалъ о немъ. Онъ нерѣшительно вышелъ изъ гостиной на обширную террасу, окруженную цвѣтами въ кадкахъ. Здѣсь на столикахъ изъ японскаго камыша стояли не убранныя чашки кофе.

Отъ террасы въ глубь парка шла большая липовая аллея. Оттуда неслись шумные голоса. Гвоздевъ увидѣлъ группу молодежи, среди которой узналъ студента и пажа. Тутъ же были два молодыхъ человѣка, проѣхавшіе мимо него на велосипедахъ. Одинъ изъ нихъ особенно горячился. Гвоздевъ напрягъ слухъ, но ничего не понялъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, ни онъ, ни я не побили 38 минутъ.

— Я могъ побить, вы сами сказали...

— Нѣтъ, не правда. Вы налегли только на финишѣ.

— А я вамъ говорилъ,— басилъ какой-то офицеръ, въ которомъ Гвоздевъ, приглядѣвшись, узналъ воспитателя Бориса,—я говорилъ, что гидъ надо назначать больше.

— Да какой же результатъ заѣзда?—допрашивалъ нѣсколько разъ очень высокій голосъ пажа.

— Вы сочтите еще, что имѣли 35 саженъ впередъ.

Голоса раздавались въ перебивку или всѣ вмѣстѣ.

— Здравствуйте, Василій Петровичъ, — услыхалъ Гвоздевъ сзади себя голосъ хозяйки.

Онъ быстро повернулся.

Марья Алексѣевна была въ легкомъ платьѣ изъ crêpe de Chine, съ открытою шеей, красоту которой она знала. Вошла она на террасу легкою походкой.

Гвоздевъ осторожно пожалъ ея руку.

— Мужъ сейчасъ выйдетъ. Его отозвалъ зачѣмъ-то управляющій. Не хотите ли чашку кофе?

— Если позволите.

Когда она, вернувшись въ гостиную и увидѣвъ тамъ горничную, отдавала приказаніе, Гвоздевъ смотрѣлъ на ея красивую талію, перехваченную лентой, и на молодой торсъ, и мысленно повторялъ: «Чародѣйка, чародѣйка!»

— Садитесь, пожалуйста, — сказала она, вернувшись, сѣла сама и сложила на столѣ полуоткрытыя бѣлыя руки съ тонкими пальцами, вытянувъ ихъ впередъ. — Мужъ вчера получилъ отъ Дмитрія Павловича телеграмму (она произносила «тэлэграмму»). Онъ извѣщаетъ, что будетъ, какъ вы и говорили, восьмого утромъ.

Гвоздевъ чуть поклонился.

— Да, и онъ пишетъ: буду ли у васъ ночевать—не знаю, это зависитъ отъ того, куда меня повезутъ. Значитъ, онъ отдаетъ себя въ распоряженіе... ваше и...—она соображала, въ чье распоряженіе можетъ отдать себя губернаторъ и какъ бы ей не спутать имена, — и Максима Гавриловича, — вспомнила она предсѣдателя управы.

— Да-съ, это, такъ сказать, обыкновенная тактика его превосходительства.

— Вы, кажется, говорили, что изъ Перервы онъ поѣдетъ... —не могла вспомнить названія села,—въ другой уѣздъ.

— Да-съ, такъ предполагалось, но обстоятельства нѣсколько

измѣнились. И вотъ по этому поводу я и осмѣлился безпокоить васъ въ такой неурочный часъ.

— Гдѣ? На террасѣ?—послышался голосъ Георгія Николаевича.

Гвоздевъ всталъ. Вышелъ господинъ небольшого роста съ толстенькимъ животомъ, маленькими ногами на высокихъ каблукахъ, съ темными волосами, заброшенными наверхъ, нѣсколько торчащими и открывавшими уже лысину, темною безпорядочною бородкой и красивыми чертами лица.

Георгій Николаевичъ держался всегда чуть откинувшись назадъ, а когда садился, то постоянно забрасывалъ ногу на ногу. На немъ была пара изъ свѣтлой полосатой англійской фланели, что дѣлало его на видъ еще полнѣе. На губахъ у него всегда ютилась чуть насмѣшливая складка.

— Здравствуйте, Василій Петровичъ,—сказалъ онъ громкимъ груднымъ теноромъ.

— Мое почтеніе, Георгій Николаевичъ. А мы вотъ только что начали бесѣду, такъ сказать, хозяйственную. Это больше касается меня и Марьи Алексѣевны, чѣмъ васъ.

— Но, надѣюсь, я не помѣшаю?—сказалъ Осташковъ, обходя сзади стула жены и, едва замѣтно для гостя, пожавъ ее, по пути, за плечо. Марья Алексѣевна откинулась и подняла на мужа взглядъ скрытаго удовольствія и благодарности.

— О, конечно!

— Ну-съ, продолжайте, на чемъ остановились.

Гвоздевъ началъ разсказывать, обращаясь по очереди то къ Осташкову, то къ его женѣ, что планъ поѣздки господина начальника губерніи нѣсколько мѣняется.

— Несмотря на величайшую радость, которую доставляетъ его превосходительство своимъ посѣщеніемъ,—говорилъ онъ серьезно,—намъ, людямъ маленькимъ, все-таки, простительно желаніе,— онъ старался помягче и деликатнѣе скрасить слова улыбкой,—желаніе поскорѣе передать его превосходительство въ другой уѣздъ.

Марья Алексѣевна расхохоталась. Осташковъ никогда не смѣялся и только улыбнулся. Гвоздевъ продолжалъ опять почтительно-серьезно:

— Но, по моему крайнему разумѣнію, прежде всего, все-таки, у[illegible]обства и, такъ сказать, комфортъ его превосходительства. Это д[illegible] меня выше моихъ собственныхъ тревогъ, — сказалъ онъ уже с[illegible] такимъ подчеркиваньемъ, какъ будто рѣчь шла о спасеніи оте-ч[illegible]тва отъ нашествія двунадесяти языковъ.

Затѣмъ, стараясь говорить какъ можно цвѣтистѣе и вездѣ

вставляя свое «такъ сказать», онъ сообщилъ, что если губернаторъ уѣдетъ въ сосѣдній уѣздъ въ день своего пріѣзда, то удобнаго ночлега ему нельзя будетъ предложить ранѣе четырехъ часовъ утра. Въ виду этого онъ создалъ новую комбинацію, по которой, если хозяйка этого «Монплезира», — брякнулъ онъ, — не будетъ имѣть ничего противъ, его превосходительство вернется изъ Перервы въ Осташково, а утромъ выѣдетъ въ другой уѣздъ.

— Правда, по этому пути на сѣверъ есть волость, о которой земскій начальникъ господинъ Думчинъ не былъ предупрежденъ, но за то этотъ путь будетъ короче, чѣмъ если бы везти его превосходительство опять на Перерву. Такимъ образомъ, хотя его превосходительству и придется изъ Перервы сдѣлать обратно сюда лишнихъ 14 верстъ, за то ему будетъ предложенъ вечеръ въ прекраснѣйшемъ обществѣ и затѣмъ великолѣпный ночлегъ и утромъ онъ двинется въ дальнѣйшій путь, освѣженный тихимъ сномъ.

Онъ говорилъ такимъ тономъ, какъ будто оказывалъ новымъ планомъ истинное благодѣяніе губернатору и только изъ скромности не хотѣлъ, чтобъ это знали другіе. На самомъ дѣлѣ, онъ скрылъ настоящія побужденія такой перемѣны маршрута.

Осмотрѣвъ наканунѣ путь отъ Перервы до границы уѣзда, онъ нашелъ тамъ переправу черезъ рѣку въ такомъ скверномъ состояніи, что везти туда губернатора значило бы вызвать рядъ замѣчаній, да еще возбудить длиннѣйшую переписку и хлопоты. Объ этой злосчастной переправѣ онъ задумывался, когда было получено первое извѣстіе о ревизіи. Уѣзжая, онъ рѣшилъ, что осмотритъ ее на мѣстѣ, и, если ничего нельзя сдѣлать, то выдумаетъ предлогъ и повезетъ губернатора другимъ путемъ.

А тутъ еще подвернулись и другія соображенія. Въ селѣ, находящемся по новому пути, становымъ служитъ братъ его жены, давно ожидающій какого-нибудь отличія. И такъ какъ у всѣхъ становыхъ есть какіе-нибудь художественные таланты, то оказался таковой и у шурина Гвоздева. Онъ отличный скульпторъ и хотѣлъ къ проѣзду губернатора вылѣпить его бюстъ по фотографіи и или преподнести, или декорировать около тріумфальной арки.

Кстати, за одно ужь, хотѣлось Гвоздеву и подставить ножку Думчину. Онъ зналъ, что въ въ этой волости было особенно много бе[illegible]порядочнаго. Село это называлось «Сорочьимъ Гнѣздомъ» и Гвозде[illegible]ъ острилъ про Думчина, что въ «Сорочьимъ Гнѣздѣ» засѣлъ дяте[illegible].

— Распоряжайтесь, какъ вамъ нужно, — сказала Марья А[illegible]ксѣевна. — Мнѣ надо только знать, сколько человѣкъ будетъ ноч[illegible]вать у насъ.

Гвоздевъ сказалъ ей, что лично съ губернаторомъ будетъ два чиновника.

— Ну-съ, Максимъ Гавриловичъ, —пересчитывалъ Гвоздевъ.

— Ну, да, онъ ужь всегда у меня останавливается, —вставилъ Осташковъ.

— Петръ Сысоевичъ Карасенковъ.

— Я его не знаю,—нерѣшительно сказала Марья Алексѣевна, посмотрѣвъ на мужа.

— Очень милый старикъ, — твердо проговорилъ Осташковъ, кивнувъ ей головой, и, обернувшись къ Гвоздеву, прибавилъ:— если ему будетъ неудобно гдѣ-нибудь въ Алексѣевкѣ, будьте любезны, передайте ему наше приглашеніе.

— Онъ, вѣроятно, пріѣдетъ сегодня или завтра утромъ.

— Ну, значитъ, я его самъ увижу и скажу.

— Да, онъ, конечно, сочтетъ долгомъ заѣхать къ вамъ. Кто-жь еще? Вотъ и всѣ.

— Дмитрій Павловичъ, два чиновника, Максимъ Гавриловичъ и... какъ вы сказали?—повторила Марья Алексѣевна.

— Господинъ Карасенковъ, инспекторъ народныхъ училищъ.

— Ахъ, да, знаю,—вдругъ вспомнила она, узнавъ его оффиціальное положеніе,—конфузливый, славный такой!

— Вотъ, вотъ, превосходный господинъ! Да! Еще господинъ Думчинъ, земскій начальникъ,—протянулъ исправникъ.

Марья Алексѣевна опять посмотрѣла на мужа, какъ бы ожидая его мнѣнія. Онъ въ это время отиралъ пенснэ платкомъ и, щурясь, смотрѣлъ въ аллею, гдѣ все еще шумѣли по поводу велосипедной гонки. Только пажъ уже раскачивался, сидя на гамакѣ.

При имени Думчина Осташковъ чуть дернулъ угломъ рта.

— Врядъ ли,—началъ онъ и пріостановился.—Впрочемъ, какъ ему угодно. Онъ часто бываетъ въ Алексѣевскомъ, но...

— Онъ къ намъ почти не заглядываетъ,—тихо добавила Марья Алексѣевна, отведя уже взглядъ отъ мужа и складывая пальцы такъ, чтобы ногти однихъ,—длинные, красиво отточенные,—заходили за ногти другихъ.

Осташковъ, поводя бровями и морщась, надѣвалъ пенснэ.

— Во всякомъ случаѣ, онъ можетъ ночевать у насъ.

Гвоздевъ внимательно переводилъ взглядъ съ жены на мужа и об атно, стараясь разгадать ихъ отношеніе къ Думчину.

— Тяжелый человѣкъ Сергѣй Викторовичъ, — вставилъ онъ ос орожно, рѣшивъ, что попадаетъ въ тонъ.

Но Марья Алексѣевна не любила пересудовъ и нашла лучшимъ

сразу сократить гостя. Она поднялась, подошла къ краю террасы и крикнула въ аллею:

— Господа спортсмены!

Шумъ въ аллеѣ сразу стихъ. Кто-то произнесъ: «Madame!»

— Что-жь вы не идете обѣдать? Минутъ черезъ 10 вамъ ужь ничего не дадутъ.

Вся компанія двинулась къ террасѣ.

VI.

Насколько зимой въ усадьбѣ Осташковыхъ было тихо, настолько же лѣтомъ шумно. Старшій сынъ, юристъ, Константинъ Иванычъ, привозилъ съ собой одного или двухъ товарищей. Ему 19-й годъ, а на видъ онъ казался старше. Онъ очень быстро усвоилъ пріемы петербургской веселящейся молодежи. Одѣвался у лучшихъ портныхъ—для формы у военнаго, для фрака и лѣтняго платья—у статскаго. Былъ очень плотнымъ, упитаннымъ юношей, старался говорить хлестко, одинаково компетентнымъ тономъ какъ о лучшихъ конюшняхъ спортсменовъ и опереточныхъ пѣвицахъ и ихъ сложеніи, такъ и о государственныхъ вопросахъ. Часто критиковалъ министровъ и правительсто съ такимъ же легкимъ сердцемъ, съ какимъ усаживался за завтракъ, быстрымъ взглядомъ оцѣнивая искусство повара. Любилъ имѣть около себя такого товарища, на которомъ ему легко было бы изощрять остроуміе, подсмѣиваться надъ его невинностью или неопытностью, вышучивать его незнаніе свѣтскихъ обычаевъ. Онъ зналъ, что ему по совершеннолѣтіи достанется недурное состояніе отъ отца и еще лучшее отъ матери. По настоянію Георгія Николаевича, Марья Алексѣевна все, что имѣла отъ покойнаго мужа, записала на имя сыновей.

Несмотря на 19-ти лѣтній возрастъ, на Константинѣ Иванычѣ былъ уже опредѣленный отпечатокъ нахала и пошляка.

Георгій Николаевичъ очень недолюбливалъ его и почти никогда не разговаривалъ съ нимъ. Костя также не любилъ своего вотчима, но держалъ себя съ нимъ съ покорною почтительностью. Мать страдала и была строга съ сыномъ. Къ ней Костя относился такъ, какъ бы она была для него свѣтскою дамой, хозяйкой большого дома, гдѣ ему пріятно бывать. Разговаривая съ ней по-французски, онъ даже называлъ ее съ прекраснымъ акцентомъ «madame». Когда Марья Алексѣевна вышла замужъ, онъ рѣшилъ, что между нимъ и матерью все порвано. Не желая старить ее своею сыновнею привязанностью, онъ относился къ ней почтительно и «корректно» И

очень гордился своимъ поведеніемъ съ матерью, считая его верхомъ мудрости и свѣтской порядочности.

«Madame», однако, держала его въ рукахъ, заявивъ разъ навсегда, что отдастъ ему капиталы только тогда, когда захочетъ. Какъ единственная наслѣдница покойнаго Бурятова, она обставила свое желаніе и всѣми законными условіями.

Въ этомъ году Константинъ Иванычъ привезъ съ собой двухъ молодыхъ людей. Одинъ изъ нихъ долженъ былъ играть при немъ роль шута,—какой-то захудалый воспитанникъ академіи художествъ, золотушный, съ палевымъ цвѣтомъ волосъ, уже лѣтъ 28, рисовавшій во всѣхъ видахъ любовницъ Константина Бурятова и перебиравшій у него за портреты нѣсколько сотъ въ годъ.

— Я люблю его за имя,—говорилъ Бурятовъ.—Его зовутъ Вадимъ, excusez du peu! Вадимъ Самаркандовъ! Каково? Происхожденія онъ самаго родовитаго. Родился въ томъ Самаркандѣ, гдѣ много полегло нашихъ... не солдатъ, а червонцевъ. На его родословномъ гербѣ—пробка отъ бутылки. Это будущая знаменитость,—рекомендовалъ Бурятовъ пріятеля,—вотъ уже тридцать три года и три мѣсяца онъ пишетъ картину подъ названіемъ *Русалки въ бокалѣ Pomerie-sec*. Не правда ли, это идея? Въ его художественномъ воображеніи бокалъ шампанскаго наполненъ играющими русалками, эльфами и всякою веселою чертовщиной. У него есть и своя философская теорія. По ней современному пьяницѣ мерещатся не чортики, а хорошенькія, обнаженныя женщины. Вѣдь, знаете, художники всегда мечтаютъ о томъ, что̀ имъ недоступно.

Вадимъ Савельевичъ Самаркандовъ выслушивалъ шутки пріятеля съ такимъ видомъ, какъ будто въ это время думалъ совсѣмъ о другомъ, и только выпивши говорилъ Бурятову дерзости, разражаясь громовыми монологами противъ современной молодежи. Тогда Бурятовъ веселился еще больше и еще сильнѣе поддразнивалъ его, до тѣхъ поръ, пока дерзости не становились обидными. Тутъ уже Бурятовъ строго сдвигалъ брови и говорилъ:

— Но-но-но! Будетъ! А то я васъ и въ окно выброшу!

Самаркандовъ трусилъ.

— Да, вѣдь, я и себя ругаю,—говорилъ онъ,—не будь на свѣтѣ такихъ мерзкихъ тунеядцевъ, какъ я, не было бы и васъ.

Другой молодой человѣкъ, въ сущности, пріѣхалъ по приглашенію самой Марьи Алексѣевны. Съ Константиномъ Иванычемъ онъ не особенно ладилъ, но Марья Алексѣевна разсчитывала, что онъ можетъ имѣть вліяніе на него. Это былъ сынъ ея хорошей знакомой, вдовы сенатора, года два какъ окончившій курсъ по восточ-

ному факультету и служащій при дипломатическомъ корпусѣ. Немного блѣдный, всегда задумчивый, онъ дѣлалъ пріятное впечатлѣніе. Для здоровья онъ занимался гимнастикой и послѣ нея всегда нѣсколько оживлялся. Но стоило ему отдохнуть, какъ онъ умолкалъ, точно сразу старѣлъ на 10 лѣтъ. Любилъ читать французскіе романы и въ особенности стихи, причемъ вмѣстѣ съ Альфредомъ Мюссе увлекался и символистами и всегда горячо бралъ ихъ подъ защиту, если въ его присутствіи кто-нибудь осмѣивалъ ихъ. Изъ театровъ любилъ Михайловскій, гдѣ бывалъ каждую субботу. Выслушивалъ собесѣдника внимательно и терпѣливо и если не соглашался съ нимъ, то тихо и деликатно дѣлалъ возраженія.

— Очень мнѣ нравится этотъ Сабуровъ,—сказалъ про него Осташковъ женѣ.

— Ахъ, премилый! Мнѣ такъ досадно, что Костя не можетъ найти съ нимъ ничего общаго.

Но Костя говорилъ съ Сабуровымъ часто, всегда очень громко, стараясь, чтобы слышали всѣ, и немного свысока. Его любимою темой было упрекать Сабурова за отсутствіе рѣшительности и смѣлости убѣжденій.

— Если вы хотите стать дипломатомъ, то должны помнить, что время компромиссовъ и полумѣръ прошло и, дастъ Богъ, не вернется. Надо быть твердымъ и не-у-ко-сни-тель-нымъ. Voila le mot: неукоснительнымъ!

Въ такихъ случаяхъ Сабуровъ, заложивъ худыя и длинныя ноги такъ, что онѣ, казалось, могли нѣсколько разъ обернуться одна вокругъ другой, смотрѣлъ куда-то впередъ и почти никогда не возражалъ.

Совсѣмъ иныя чувства питалъ Осташковъ къ младшему сыну жены, Борису, пятнадцатилѣтнему пажу. Между ними завязалась даже ласковая, дружеская связь.

Симпатичный, смуглый, востроносый, съ простодушнымъ, чистымъ взглядомъ круглыхъ черныхъ глазъ, Борисъ былъ юнъ и веселъ, какъ мальчикъ, не думалъ о будущемъ, обожалъ мать и боготворилъ Осташкова, называя его, однако, Георгіемъ Николаевичемъ. Изъ всѣхъ въ домѣ онъ одинъ имѣлъ привилегію влетать въ кабинетъ вотчима во всякое время, безъ доклада, чтобы попросить о чемъ-нибудь или сообщить о какомъ-нибудь пустякѣ, или просто отъ усталости повалиться на диванъ, сказавъ Осташкову:

— Вы можете заниматься, Георгій Николаевичъ, я вамъ не буду мѣшать.

И затѣмъ черезъ пять минутъ засыпалъ дѣтскимъ сномъ.

Шалости у него были совершенно ребяческія: подойти сзади Георгія Николаевича и зажмурить ему глаза и потомъ нѣжно чмокнуть въ лобъ, или вдругъ, среди бѣла дня, пустить у него подъ окнами ракету. Любилъ заниматься фейерверками, отчего Георгій Николаевичъ звалъ его не иначе, какъ пиротехникомъ.

Они играли въ шахматы, часто вдвоемъ гуляли, при этомъ Боря становился тихъ и внимательно слушалъ вотчима.

Марья Алексѣевна радовалась, чувствуя, какъ онъ сближаетъ ее съ мужемъ.

«Компанію верхняго этажа»,—какъ ихъ всѣхъ назвали,—заканчивалъ воспитатель Бори, молодой подполковникъ генеральнаго штаба, лѣтъ 32-хъ, Василѐвичъ. Борисъ жилъ въ Петербургѣ у него. Марья Алексѣевна платила ему за это 1,500 рублей въ годъ. Лѣтомъ Василевичъ бралъ отпускъ и пріѣзжалъ въ Осташково, все утро занимаясь самъ. Марья Алексѣевна очень довѣряла ему, находя, что онъ и не балуетъ мальчика, и не стѣсняетъ его молодости, и постепенно готовитъ изъ него честнаго офицера.

Въ послѣдніе дни за обѣдами и ужинами только и разговора было, что о посѣщеніи губернатора. Это было въ своемъ родѣ выдающимся развлеченіемъ лѣта.

Столовая была высокая, въ шесть аршинъ, длинная комната съ пятью громадными окнами и двумя люстрами. Голоса въ ней раздавались звучно. Всѣ наперебой спѣшили предлагать разные проекты для увеселенія начальника губерніи, а, главное, каждому хотѣлось сказать что-нибудь остроумное, что заставило бы всѣхъ расхохотаться. Фантазія Бориса вертѣлась только около иллюминаціи и фейерверковъ. Онъ угрожалъ и бураками, и римскими свѣчами, и бенгальскими огнями.

— Пусть Вадимъ, excusez du peu, нарисуетъ вензель его превосходительства,—предложилъ Константинъ.—Вадимъ! Тряхни стариной! Долой русалокъ въ бокалѣ Пòмри, смастери вензелище, что-нибудь грандіозное!

Самаркандову пришло въ голову нарисовать особенную карту губерніи, чтобы рѣки обозначались въ видѣ змѣй, города въ видѣ разныхъ звѣрей, соотвѣтствующихъ характерамъ главныхъ представителей городскихъ властей, села и деревни—въ видѣ птицъ и т. д.

Эта мысль всѣмъ показалась остроумной и дала тему для цѣлаго обѣда. Припоминали разныхъ городскихъ головъ, предсѣдателей земскихъ управъ, исправниковъ, становыхъ и сравнивали ихъ со звѣрями и птицами.

— А губернскій, губернскій городъ?—закричалъ на весь столъ Боря, увлекаясь фантазіей художника.

— Губернскій?—протянулъ Самаркандовъ, обѣщая лицомъ и ужимкой какую-то остроту.—Губернскій мы изобразимъ въ видѣ...

— Льва, конечно,—строго перебила Марья Алексѣевна, стараясь предупредить глупую и неумѣстную шутку.

Самаркандовъ нахмурился, а Борисъ захлопалъ въ ладоши.

— Льва, конечно, льва! Правда, Георгій Николаевичъ?

— Тише, Борисъ!—получилъ онъ замѣчаніе отъ воспитателя.

Сабуровъ былъ молчаливѣе другихъ, но разрисовка карты и ему, любителю символовъ, понравилась.

— Только надо, чтобы фантазія создала болѣе изящныя параллели,—сказалъ онъ.—Грубости никогда не хороши.

Предлагалась для развлеченія губернатора и велосипедная гонка, и катанье по парку—кому въ шарабанѣ, кому въ кэбѣ, въ тюльбюри, верхомъ... Придумывались рѣчи и тосты.

Георгій Николаевичъ прислушивался къ шуткамъ съ обычною усмѣшкой, а Марья Алексѣевна слушала разсѣянно, думая о размѣщеніи гостей, о большомъ обѣдѣ, на который придется пригласить всѣхъ, кто только съѣдется, и учителей, и священниковъ.

Вечеромъ Георгій Николаевичъ и Марья Алексѣевна ходили по аллеѣ, причемъ онъ держалъ ее за талію, и обсуждали разныя детали пріема. Молодежь гдѣ-то рыскала, а въ залѣ, въ темнотѣ, Сабуровъ игралъ вальсы Шопена. Осташковы подходили, прислушивались, хвалили его и снова уходили въ глубь аллеи. Въ теченіе дня все время доносились извѣстія, что пріѣзжалъ въ деревню становой и распорядился дѣлать то-то, потомъ являлся исправникъ, потомъ исправникъ со становымъ ѣздили на станцію. По горѣ между Осташковымъ и Алексѣевкой то и дѣло скакали городовые, десятскіе, сотскіе. Тамъ гатили ровчаки по дорогѣ, тамъ строили арки, причемъ просили зелени изъ парка Осташковыхъ, тамъ красили крыши и т. д.

Отецъ Митрофанъ прислалъ спросить, не угодно ли будетъ Георгію Николаевичу воспользоваться хоромъ, прекрасно исполнявшимъ, подъ руководствомъ учителя дѣтей священника, нѣсколько нелегкихъ духовныхъ концертовъ. Георгій Николаевичъ попросилъ прислать хоръ, чтобы прослушать его раньше.

— Онъ любитъ музыку и пѣніе,—говорилъ Георгій Николаевичъ женѣ о губернаторѣ.—Не сыграешь ли и ты ему что-нибудь?

— Что же?

— А хоть бы этотъ трудный, но удивительно красивый концертъ Чайковскаго.

Марья Алексѣевна подумала.

— Нѣтъ, это будетъ немножко длинно. Притомъ же, я давно не играла его, а повторить некогда. Если онъ захочетъ, мы лучше сыграемъ ему что-нибудь съ Сабуровымъ въ четыре руки.

Два дня до пріѣзда у Марьи Алексѣевны сплошь были наполнены хлопотами. Надо было осмотрѣть комнаты для гостей и распредѣлить ихъ. Для губернатора было отведено три комнаты, одна для спальной, другая для уборной. Тутъ же небольшое помѣщеніе для его камердинера.

Затѣмъ Марья Алексѣевна занялась распредѣленіемъ службъ, переговоривъ со всѣмъ своимъ штатомъ прислуги,— кто долженъ былъ исполнять извѣстныя обязанности, кто наблюдать за ними.

Наконецъ, созвала молодежь и поручила однихъ гостей вниманію старшаго сына, другихъ — полковника, третьихъ — Сабурова. Даже Самаркандову дала дѣло. Каждому внушила, какъ вести себя, какъ занимать, угощать, слѣдить за тѣмъ, чтобы никому не было скучно или неудобно, предлагать купаться, гулять, играть въ карты.

Георгій Николаевичъ молча и издали любовался женой. Она такъ умѣла распоряжаться, не производя никакого шума, никого не безпокоя, и въ тонѣ у нея было столько авторитетности. Распоряжаясь, она, въ то же время, нисколько не утрировала, не дѣлала изъ посѣщенія губернатора чего-то необычайнаго.

Вл. Немировичъ-Данченко.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

ДАНТЕ.

Видѣніе.

Пророкъ съ душой восторженной поэта,
Чуждавшійся малѣйшей тѣни зла,
Одинъ, въ ночной тиши, вдали отъ свѣта,
Молился онъ,—и Тѣнь къ нему пришла,
Святая Тѣнь, которую увидѣть
Здѣсь на землѣ немногимъ суждено.
Тѣмъ избраннымъ съ ней говорить дано,
Что могутъ безкорыстно ненавидѣть—
И быть всегда съ Любовью заодно.

И долго Тѣнь безмолвіе хранила,
На Данте устремивъ пытливый взоръ.
И вотъ, вздохнувъ, она заговорила,
И вздохъ ея рѣчей звучалъ уныло,
Какъ вѣтра шумъ среди угрюмыхъ горъ.

«Зачѣмъ зовешь? Зачѣмъ меня тревожишь?
Тебѣ одно могу блаженство дать;
Ты молодъ, ты понять его не можешь:
Блаженство за другихъ душой страдать».
«Тотъ путь суровъ. Пустынею безлюдной
Среди песковъ онъ странника ведетъ.
Достигнетъ ли изгнанникъ цѣли чудной,
Иль, не дойдя, безсильно упадетъ?
«Осмѣянный глухой толпой людскою,
Ты станешь ненавидящихъ любить,
Питаться будешь пламенной тоскою,
Ты будешь слезы собственныя пить.

«И холодна, какъ ледъ, людская злоба!
Пытаясь тщетно цѣпи тьмы порвать,
Какъ ложа ласкъ, ты будешь жаждать гроба,
Ты будешь смерть, какъ друга, призывать».

И отвѣчалъ мечтатель благородный:
«Не страшенъ мнѣ бездушной злобы ледъ;
Любовью я согрѣю мракъ холодный.
Я въ путь хочу! Хочу идти впередъ!»

И долго Тѣнь безмолвіе хранила,
Печальна и страдальчески-блѣдна,
И въ небесахъ, изъ темныхъ тучъ, уныло
Взошла кроваво-красная луна.

И говорила Тѣнь:
«Себя отринуть,
Себя забыть—избраннику легко.
Но тѣхъ, съ кѣмъ жизнь связалъ, навѣкъ покинуть,
Отъ нихъ уйти куда-то далеко!
«Навѣкъ со всѣмъ, что дорого, разстаться,
Оставить свой очагъ, жену, дѣтей,
И много дней, и много лѣтъ скитаться
Въ чужой странѣ, среди чужихъ людей!
«Какая скорбь! И ты ее узнаешь.
И пусть тебѣ отчизна дорога,
Пусть ты ее, любя, благословляешь,—
Она тебя отвергнетъ, какъ врага.
«Придетъ ли день,—ты будешь жаждать ночи;
Придетъ ли ночь,—ты будешь ждать утра;
И всюду зло, и нѣтъ нигдѣ добра;
И скрыть нельзя заплаканныя очи!
«И ты поймешь, какъ горекъ хлѣбъ чужой,
Какъ тяжелы чужихъ домовъ ступени,
Поднимешься—въ борьбѣ съ самимъ собой,
И внизъ пойдешь—своей стыдяся тѣни.
«О, ужасъ! О, мучительный позоръ!
Выпрашиваетъ милостыню геній!»

И Данте отвѣчалъ, потупя взоръ:
«Я принимаю бремя всѣхъ мученій,

Но только пусть мнѣ будетъ суждено—
Въ живыхъ умахъ грядущихъ поколѣній
Взростить Любви нетлѣнное зерно».

И Тѣнь, склонясь и горестно рыдая,
Его своимъ отмѣтила перстомъ,—
И Данте въ путь пошелъ, изнемогая
Подъ никому невидимымъ крестомъ.

К. Бальмонтъ.

КАМО ГРЯДЕШИ? *)

(QUO VADIS).

Романъ изъ временъ Нерона.

Генрика Сенкевича.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

XXIII.

Виницій пришелъ въ себя отъ мучительной боли. Въ первую минуту онъ не могъ сообразить, гдѣ онъ и что съ нимъ дѣлается; въ головѣ у него былъ шумъ, глаза подернуты какимъ-то туманомъ. Но сознаніе мало-по-малу возвращалось къ нему и сквозь туманъ онъ увидалъ трехъ человѣкъ, склонившихся надъ нимъ. Двоихъ онъ узналъ,—одинъ былъ Урсъ, другой тотъ старикъ, котораго онъ свалилъ на земь, когда уносилъ Лигію. Третій, совершенно незнакомый ему, держалъ его руку, и, ощупывая ее отъ локтя до ключицы, собственно и причинялъ ему такую страшную боль, что Виницій, думая, что это составляетъ родъ какой-то пытки, проговорилъ сквозь стиснутые зубы:

— Убейте меня!

Но они, казалось, не обратили вниманія на его слова, точно не слыхали ихъ или считали за обычный стонъ страданія. Урсъ, со своимъ озабоченнымъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, грознымъ лицомъ варвара, держалъ въ рукахъ пукъ бѣлыхъ тесемокъ, а старикъ говорилъ человѣку, который нажималъ плечо Виниція:

— Главкъ, ты увѣренъ, что эта рана на головѣ не смертельна?

— Да, достойный Криспъ,—отвѣтилъ Главкъ.—Когда я былъ невольникомъ и служилъ во флотѣ, а потомъ жилъ въ Неаполѣ, то

---

*) *Русская Мысль*, кн. VII.

много излечилъ ранъ и на деньги, которыя приносило мнѣ это занятіе, выкупилъ себя и своихъ. Рана на головѣ легкая. Когда этотъ человѣкъ (онъ кивнулъ въ сторону Урса) отнялъ дѣвушку у молодого человѣка и оттолкнулъ его къ стѣнѣ, то онъ, при паденіи, очевидно, защитился рукой. Руку онъ вывихнулъ и сломалъ, но за то сохранилъ голову и жизнь.

— Не одинъ братъ уже пользовался твоею помощью, — отвѣтилъ Криспъ,—ты считаешься опытнымъ врачомъ. Поэтому я и послалъ за тобою Урса.

— Который по дорогѣ признался мнѣ, что еще вчера былъ готовъ убить меня.

— Прежде, чѣмъ тебѣ, онъ открылъ свое намѣреніе мнѣ, но я знаю твою любовь ко Христу и объяснилъ Урсу, что измѣнникъ не ты, а тотъ незнакомецъ, который хотѣлъ склонить его къ убійству.

— То былъ злой духъ, а я принялъ его за ангела, — со вздохомъ сказалъ Урсъ.

— Когда-нибудь ты разскажешь мнѣ это,—сказалъ Главкъ,— теперь мы должны думать о раненомъ.

Онъ началъ вправлять плечо Виницію, который, несмотря на то, что Криспъ опрыскивалъ ему водою лицо, ежеминутно лишался чувствъ. Впрочемъ, это обстоятельство было благопріятно для него: благодаря ему, онъ не чувствовалъ, какъ вправляли ему ногу, какъ забинтовывали сломанную руку, которую Главкъ сначала заключилъ въ двѣ вогнутыхъ дощечки, а потомъ быстро и сильно обвязалъ тесемками, чтобъ она оставалась неподвижной.

Послѣ операціи Виницій снова очнулся и увидалъ надъ собою Лигію.

Она стояла около его ложа и держала маленькое мѣдное ведро, въ которое Главкъ отъ времени до времени погружалъ губку и смачивалъ ею голову Виниція.

Виницій смотрѣлъ и глазамъ не вѣрилъ. Ему казалось, что это сонъ или горячка поставили передъ нимъ дорогое видѣніе, и только спустя нѣсколько минутъ нашелъ въ себѣ силы прошептать:

— Лигія...

При звукѣ его голоса ведро задрожало въ ея рукахъ, и она обратила на него глаза, полные грусти.

— Миръ съ тобой,—тихо отвѣтила она.

И она стояла съ протянутою рукой, съ лицомъ, полнымъ состраданія и жалости.

Виницій смотрѣлъ на нее такъ, какъ будто хотѣлъ насытить

ею свои глаза, чтобъ ея образъ остался передъ нимъ даже и тогда, когда онъ сомкнетъ рѣсницы. Онъ смотрѣлъ на ея поблѣднѣвшее и похудѣвшее лицо, на жгуты темныхъ волосъ, на убогій нарядъ работницы, смотрѣлъ такъ упорно, что подъ вліяніемъ его взгляда ея бѣлоснѣжный лобъ началъ покрываться румянцемъ. И Виницій подумалъ сначала, что онъ ее любилъ всегда, а, во-вторыхъ, что ея худоба и убожество—его дѣло, что это онъ изгналъ ее изъ дома, гдѣ ее любили, гдѣ ее окружали достатокъ и удобства, ввергнулъ ее въ эту нищенскую лачугу и одѣлъ въ этотъ плащъ изъ темнаго сукна.

А онъ хотѣлъ было нарядить ее въ драгоцѣннѣйшую парчу и всѣ сокровища міра, и его охватило изумленіе, тревога, сострадавіе и жалость,—такая, что онъ упалъ бы къ ея ногамъ, если бы могъ.

— Лигія,—сказалъ онъ,—ты не позволила убить меня.

Она кротко отвѣтила:

— Да возвратитъ тебѣ Богъ здоровье.

Для Виниція, который сознавалъ то зло, которое причинилъ ей раньше, и то, которое недавно собирался причинить, въ словахъ Лигіи заключался настоящій бальзамъ. Въ эту минуту онъ забылъ, что ея устами можетъ говорить христіанское ученіе, и чувствовалъ только, что это говоритъ любимая женщина и что въ ея отвѣтѣ слышится какая-то заботливость, какая-то нечеловѣческая доброта, которая потрясла его до глубины души. Какъ нѣсколько минутъ тому назадъ отъ боли, такъ теперь онъ ослабѣлъ отъ волненія. На него напала какая-то слабость, непреоборимая и сладкая. Онъ испытывалъ такое впечатлѣніе, какъ будто падалъ въ какую-то пропасть, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, чувствовалъ, что ему хорошо и что онъ счастливъ. Въ эту минуту слабости онъ думалъ, что надъ нимъ стоитъ божество.

Тѣмъ временемъ Главкъ кончилъ обмывать его голову и приложилъ къ ней цѣлительную мазь. Урсъ принялъ изъ рукъ Лигіи мѣдный сосудъ, а она, взявъ со стола заранѣе приготовленную чашу воды съ виномъ, приставила ее къ устамъ раненаго. Виницій жадно выпилъ ее и почувствовалъ огромное облегченіе. Послѣ перевязки боль его почти совсѣмъ прекратилась. Раны и ушибы начинали заживать. Онъ совсѣмъ пришелъ въ себя.

— Дай мнѣ еще пить,— сказалъ онъ.

Лигія съ пустою чашей ушла въ сосѣднюю комнату, а Криспъ, обмѣнявшись нѣсколькими словами съ Главкомъ, приблизился къ ложу и сказалъ:

— Виниций, Богъ не дозволилъ тебѣ совершить злое дѣло, но сохранилъ твою жизнь, чтобы ты опамятовался въ душѣ. Тотъ, передъ лицомъ Котораго человѣкъ есть прахъ, предалъ тебя, безоружнаго, въ наши руки, но Христосъ, въ Котораго мы вѣруемъ, повелѣлъ намъ миловать даже враговъ. Мы перевязали твои раны и, какъ сказала Лигія, будемъ молить, чтобы Богъ возвратилъ тебѣ здоровье, но дальше присматривать за тобою не можемъ. Оставайся въ мирѣ и подумай, прилично ли тебѣ и дальше преслѣдовать Лигію, которую ты лишилъ защитниковъ, у которой отнялъ родной домъ, и насъ, которые заплатили тебѣ добромъ за зло?

— Вы хотите покинуть меня?—спросилъ Виниций.

— Мы хотимъ покинуть этотъ домъ,—здѣсь мы можемъ подвергнуться преслѣдованію префекта города. Товарищъ твой убитъ, а ты, считающійся главнымъ между своими, лежишь раненый. Не по нашей винѣ произошло это, но на насъ могъ бы обрушиться гнѣвъ закона.

— Не бойтесь преслѣдованія,—сказалъ Виниций.—Я защищу васъ.

Криспъ не хотѣлъ ему сказать, что тутъ дѣло идетъ не только о префектѣ и полиціи, что они не довѣряютъ и ему и хотятъ обезпечить Лигію отъ его дальнѣйшихъ преслѣдованій.

— Господинъ,—сказалъ онъ,—вотъ таблички и стиль [1),—напиши своимъ слугамъ, чтобъ они пришли за тобою сегодня вечеромъ съ носилками и отнесли тебя домой, гдѣ тебѣ будетъ удобнѣе, чѣмъ среди нашей нищеты. Мы здѣсь живемъ у бѣдной вдовы; она скоро придетъ съ своимъ сыномъ, мальчикъ отнесетъ твое письмо, а мы всѣ должны будемъ искать новаго убѣжища.

Виниций поблѣднѣлъ. Онъ понялъ, что его хотятъ разлучить съ Лигіей, и что если онъ снова потеряетъ ее, то, можетъ быть, не увидитъ ее никогда въ жизни. Правда, ему было ясно, что между нимъ и ею произошло нѣчто серьезное, въ силу чего онъ, если хочетъ обладать ею, долженъ искать новыхъ путей, о которыхъ ему еще не было времени подумать. Онъ также понималъ, что ни скажи онъ этимъ людямъ,—пообѣщай имъ, напримѣръ, возвратить Лигію Помпоніи Грецинѣ,—они имѣютъ право не повѣрить ему и не повѣрятъ. Вѣдь, это онъ могъ сдѣлать давно: вмѣсто того, чтобы преслѣдовать Лигію, отправиться къ Помпоніи и обѣщать ей, что онъ отказывается отъ поисковъ,—въ такомъ случаѣ Пом-

---

1) Римляне писали на навощенныхъ дощечкахъ — tabella — заостреннымъ грифелемъ—stilus, grafium.

понія сама отыскала бы и взяла дѣвушку назадъ, въ свой домъ. Нѣтъ, онъ чувствовалъ, что никакія обѣщанія въ такомъ родѣ не въ силахъ удержать ихъ и никакая торжественная клятва его принята не будетъ, тѣмъ болѣе, что онъ не христіанинъ. Могъ ли бы онъ клясться безсмертными богами, въ которыхъ и самъ не очень вѣрилъ и которыхъ христіане считали злыми духами?

Онъ страстно желалъ примириться и съ Лигіею, и съ теперешними ея защитниками, но какимъ образомъ? Для этого нужно было время. Кромѣ того, ему необходимо было хоть нѣсколько дней видѣть ее. Какъ всякій обломокъ доски или весло кажется утопающему спасеніемъ, такъ и Виницію казалось, что въ теченіе этихъ дней онъ будетъ въ состояніи сказать ей что-то такое, что приблизитъ ее къ нему.

И, собравшись съ мыслями, онъ проговорилъ:

— Послушайте меня, христіане. Вчера я вмѣстѣ съ вами былъ въ Остраніи и слушалъ изложеніе вашего ученія; но еслибъ я и не зналъ его, ваши дѣйствія убѣдили бы меня, что вы—люди хорошіе и добрые. Скажите вдовѣ, которая живетъ въ этомъ домѣ, чтобъ она осталась въ немъ, вы оставайтесь также и мнѣ позвольте остаться. Пусть этотъ человѣкъ (онъ перевелъ взглядъ на Главка),— врачъ ли онъ, или просто умѣющій перевязывать раны,— скажетъ, можно ли меня переносить сегодня? Я болѣнъ, у меня сломана рука, въ теченіе нѣсколькихъ дней она должна оставаться неподвижной и поэтому я заявляю вамъ, что не тронусь отсюда, развѣ вы только силою вынесете меня отсюда.

Онъ остановился; его разбитой груди не хватало воздуха. Криспъ сказалъ:

— Господинъ, никто не употребитъ насилія противъ тебя, только мы унесемъ отсюда свои головы.

Непривыкшій къ сопротивленію молодой человѣкъ сморщилъ брови и отвѣтилъ:

— Дай мнѣ вздохнуть.

Черезъ минуту онъ заговорилъ:

— О Кротонѣ, котораго задушилъ Урсъ, никто не спроситъ; онъ сегодня долженъ былъ уѣхать въ Беневентъ, куда его пригласилъ Ватиній. Всѣ будутъ думать, что онъ уѣхалъ. Когда мы съ Кротономъ вошли сюда, насъ никто не видалъ, кромѣ одного грека, который былъ съ нами въ Остраніи. Я скажу вамъ, гдѣ онъ живетъ, приведите его ко мнѣ и я прикажу ему молчать, потому что онъ состоитъ у меня на жалованьи. Домой я напишу, что также уѣхалъ въ Беневентъ. Если грекъ далъ уже знать префекту, то я

заявлю ему, что Кротона убилъ я и что онъ сломалъ мнѣ руку. Сдѣлайте такъ, ради тѣней моего отца и матери, и вы останетесь здѣсь въ безопасности,—ни одинъ волосъ не спадетъ съ вашей головы. Приведите сюда поскорѣе грека; его зовутъ Хилонъ Хилонидъ.

— Да, вѣдь, съ тобою останется Главкъ, господинъ, и вдова; они оба будутъ ухаживать за тобою.

Виницій еще больше нахмурился.

— Обрати вниманіе, старый человѣкъ, на то, что я скажу тебѣ. Я обязанъ тебѣ благодарностью, ты кажешься мнѣ добрымъ и заслуживающимъ уваженія, но не говоришь мнѣ того, что таится на глубинѣ твоей души. Ты боишься, чтобъ я не вызвалъ своихъ невольниковъ и не приказалъ бы имъ похитить Лигію? Не такъ ли?

— Да, — съ оттѣнкомъ суровости отвѣтилъ Криспъ.

— Прими во вниманіе, что съ Хилономъ я буду разговаривать при васъ, при васъ напишу домой, что я уѣхалъ и что другихъ посланцевъ, кромѣ васъ, у меня потомъ не будетъ... Взвѣсь это самъ и больше не раздражай меня.

Онъ взволновался, лицо его исказилось гнѣвомъ и онъ продолжалъ въ раздраженіи:

— Неужели ты думаешь, что я буду скрывать, что хочу оставаться для того, чтобъ видѣть ее?... Это понялъ бы всякій дуракъ, хотя бы я и запирался. Но силою я теперь ее не буду уже брать болѣе... А тебѣ скажу еще кое-что. Если она не останется здѣсь, то своею здоровою рукой я сорву повязку съ больной головы, не буду принимать ни пищи, ни питья и да падетъ моя смерть на тебя и на твоихъ братьевъ. Зачѣмъ ты перевязывалъ мои раны, отчего не приказалъ убить меня?

Онъ поблѣднѣлъ отъ гнѣва и слабости. Лигія, которая изъ другой комнаты слышала весь разговоръ и которая была увѣрена, что Виницій сдѣлаетъ все, что обѣщаетъ, испугалась его словъ. Раненый и безоружный, онъ возбуждалъ въ ней сожалѣніе, а не страхъ. Со времени своего бѣгства, живя среди людей, погруженныхъ въ непрестанное религіозное упоеніе, размышляющихъ только о самопожертвованіи, самоотверженіи и безграничномъ милосердіи, она сама прониклась этимъ вѣяніемъ до такой степени, что оно замѣнило ей домъ, семью, утраченное счастье и обратило ее въ одн изъ тѣхъ дѣвъ-христіанокъ, которыя впослѣдствіи измѣнили старую душу міра. Виницій черезъ-чуръ сильно повліялъ на ея судьбу, черезъ-чуръ большую роль игралъ въ ея жизни, чтобъ она могла забыть о немъ. Она думала о немъ по цѣлымъ днямъ и не раз

просила Бога о такой минутѣ, когда, слѣдуя своему ученію, она могла бы заплатить ему добромъ за зло, милосердіемъ за преслѣдованіе, сломить его, завоевать для Христа, спасти. А теперь ей казалось, что именно такая минута наступила и что молитвы ея услышаны.

И она приблизилась къ Криспу съ вдохновеннымъ лицомъ и начала говорить такъ, какъ будто ея устами говорилъ кто-то другой:

— Криспъ, пусть онъ останется съ нами, и мы останемся съ нимъ до тѣхъ поръ, пока Христосъ не исцѣлитъ его.

Старый пресвитеръ, привыкшій во всемъ искать божественное вдохновеніе, видя эту экзальтацію, подумалъ, что устами Лигіи, можетъ быть, говоритъ высшая сила, сробѣлъ и поникъ сѣдою головой.

— Да будетъ такъ, какъ говоришь ты, — сказалъ онъ.

На Виниція, который все время не спускалъ глазъ съ Лигіи, это повиновеніе Криспа произвело странное и захватывающее впечатлѣніе. Ему показалось, что Лигія среди христіанъ играетъ роль какой-то Сивиллы [1]) или жрицы, которую окружаютъ почетъ и поклоненіе. И поневолѣ онъ самъ поддался тому же. Къ его любви теперь присоединилось какое-то опасеніе, при существованіи котораго самая любовь становилась чуть ли не дерзостью. Притомъ, онъ не могъ освоиться съ мыслью, что отношенія ихъ измѣнились, что теперь не она зависитъ отъ его воли, а онъ отъ воли ея; что онъ лежитъ больной, искалѣченный, пересталъ представлять собою наступательную силу и походитъ на какого-то безоружнаго ребенка, состоящаго подъ ея покровительствомъ. Для его натуры, гордой и самовольной, подобное отношеніе ко всякому другому казалось бы унизительнымъ, но къ Лигіи онъ чувствовалъ признательность, какъ къ своей госпожѣ. Чувства эти были незнакомы ему и день тому назадъ не могли бы умѣститься въ его головѣ; они и теперь поразили бы его, еслибъ онъ могъ отдать себѣ ясный отчетъ въ нихъ. Но теперь онъ не спрашивалъ, почему это такъ, какъ будто это было дѣломъ совершенно естественнымъ, и только сознавалъ себя счастливымъ, что остается здѣсь.

Онъ хотѣлъ благодарить ее съ признательностью и еще какимъ-то чувствомъ, до такой степени незнакомымъ ему, что онъ не могъ назвать его по имени, потому что это была простая покорность. Испытанный имъ восторгъ до такой степени исчерпалъ его

---

[1]) Sibylla, — это имя носили вѣщія, боговдохновенныя женщины, которыхъ относили къ разнымъ временамъ и народамъ.

силы, что онъ не могъ говорить и благодарилъ Лигію только глазами, въ которыхъ свѣтилась радость, что онъ остается при ней и будетъ имѣть возможность смотрѣть на нее завтра, послѣ-завтра, можетъ быть, долго. Правда, къ радости этой примѣшивалось опасеніе утратить то, что онъ нашелъ,—опасеніе настолько сильное, что когда Лигія опять подала ему воды и когда у него вспыхнуло желаніе схватить ея руку, онъ побоялся сдѣлать это,—онъ, Виницій, который на пиршествѣ у цезаря насильно цѣловалъ ее въ губы, а послѣ ея бѣгства обѣщалъ себѣ, что втащитъ ее за волосы въ кубикулъ или прикажетъ бичевать ее.

XXIV.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Виницій опасался, какъ бы какая-нибудь несвоевременная помощь извнѣ не смутила его радости. Хилонъ могъ сообщить объ его исчезновеніи префекту города, въ такомъ случаѣ вторженіе вигиловъ въ маленькій домикъ являлось очень правдоподобнымъ. Правда, въ головѣ Виниція мелькнула мысль, что тогда онъ могъ бы приказать схватить Лигію и запереть ее у себя въ домѣ, но онъ тотчасъ же почувствовалъ, что такъ поступить онъ не долженъ и не можетъ. Онъ былъ человѣкомъ самовольнымъ, самонадѣяннымъ и порядочно испорченнымъ, въ случаѣ надобности даже неумолимымъ, но онъ не былъ ни Тигеллиномъ, ни Нерономъ. Военная жизнь внушила ему извѣстное чувство справедливости и совѣсти настолько, что онъ понималъ, что такой поступокъ былъ бы чудовищно подлымъ. Онъ, можетъ быть, отважился бы на это въ припадкѣ злости здоровый, но теперь онъ былъ растроганъ и болѣнъ и ему нужно было только, чтобъ никто не становился между нимъ и Лигіей.

Съ удивленіемъ замѣтилъ онъ, что съ минуты, когда Лигія перешла на его сторону, ни она сама, ни Криспъ не потребовали отъ него никакихъ обѣщаній, какъ будто были увѣрены, что, въ случаѣ бѣды, ихъ охранитъ какая-то сверхъестественная сила. Виницій, въ головѣ котораго, съ тѣхъ поръ, какъ онъ слышалъ въ Остраніи поученія и разсказъ апостола, возможное начало сливаться съ невозможнымъ, также не былъ далекъ отъ предположенія, что это могло быть на самомъ дѣлѣ. Но, придя въ себя, онъ напомнилъ присутствующимъ, что говорилъ имъ о грекѣ, и снова потребовалъ, чтобы къ нему привели Хилона.

Криспъ согласился на это и рѣшено было послать Урса. Виницій, который въ послѣдніе дни часто, хотя и безъ всякой пользы,

посылалъ своихъ невольниковъ къ Хилону, подробно разсказалъ Лигіи, гдѣ онъ живетъ, потомъ, начертавъ нѣсколько словъ на табличкѣ, обратился къ Криспу:

— Я посылаю табличку потому, что это человѣкъ подозрительный и хитрый. Часто онъ приказывалъ моимъ людямъ отвѣчать, что его нѣтъ дома, въ особенности, когда у него не было для меня добрыхъ извѣстій и онъ опасался моего гнѣва.

— Мнѣ бы только найти, а то я ужъ приведу его, хочетъ ли онъ или не хочетъ,—отвѣтилъ Урсъ, взялъ плащъ и поспѣшно вышелъ изъ дома.

Найти кого-нибудь въ Римѣ было не легко, хотя бы при самыхъ точныхъ указаніяхъ, но Урсу въ такихъ случаяхъ помогалъ инстинктъ лѣсного человѣка, а также и хорошее знакомство съ городомъ, такъ что вскорѣ онъ очутился въ жилищѣ Хилона.

Грека онъ, однако, не узналъ. Передъ этимъ онъ видѣлъ его только одинъ разъ въ жизни, да и то ночью. Наконецъ, тотъ возвышенный и полный вѣры въ себя старецъ, который приказывалъ ему убить Главка, такъ былъ непохожъ на этого грека, скрюченнаго чуть ли не вдвое, что никто не могъ предположить ихъ тождества. Хилонъ сообразилъ, что Урсъ смотритъ на него, какъ на человѣка совершенно чужого, и оправился отъ перваго страха. Видъ таблички Виниція успокоилъ его еще больше. По крайней мѣрѣ, его не подозрѣвали, что онъ нарочно ввелъ молодого патриція въ засаду. Хилонъ подумалъ, притомъ, что христіане, очевидно, потому не убили Виниція, что не осмѣлились поднять руку на такую важную особу.

«Значитъ, въ случаѣ надобности, Виницій защититъ и меня,— сказалъ онъ самому себѣ,—не для того же онъ призываетъ меня, чтобъ убить».

И, набравшись храбрости, онъ спросилъ:

— Добрый человѣкъ, развѣ мой другъ, благородный Виницій, не прислалъ за мной носилокъ? Ноги у меня опухли и я не могу идти такъ далеко.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Урсъ,—мы пойдемъ пѣшкомъ.

— А если я откажусь?

— Не дѣлай этого, потому что ты долженъ идти.

— Я и пойду, но по собственному желанію. Иначе никто бы меня не принудилъ, потому что я человѣкъ свободный и другъ префекта города. Какъ мудрецъ, я обладаю различными средствами противъ насилія и умѣю обращать людей въ звѣрей и въ деревья. Но я пойду... пойду! Я только надѣну болѣе теплый плащъ и ка-

пюшонъ, чтобъ меня не узнали невольники той части города, иначе они будутъ останавливать меня на каждомъ шагу и цѣловать мои руки.

Онъ надѣлъ другой плащъ, на голову накинулъ широкій галльскій капюшонъ изъ опасенія, чтобы Урсъ не узналъ его, когда они выйдутъ на болѣе яркій свѣтъ.

— Куда ты ведешь меня?—спросилъ онъ Урса по дорогѣ.

— Въ Затибрскую часть.

— Я недавно въ Римѣ и никогда не былъ тамъ, но, вѣроятно, и тамъ живутъ люди, которые любятъ добродѣтель.

Но Урсъ, который былъ человѣкомъ наивнымъ и который слышалъ отъ Виниція, что грекъ былъ съ нимъ на кладбищѣ, а потомъ видѣлъ, какъ они вмѣстѣ съ Кротономъ входили въ домъ, гдѣ жила Лигія, остановился на минуту и сказалъ:

— Не лги, старый человѣкъ, сегодня ты былъ съ Виниціемъ въ Остраніи и потомъ у нашихъ воротъ.

— Ахъ, такъ это вашъ домъ находится за Тибромъ? Я недавно въ Римѣ и не знаю, какъ называются разныя части. Да, другъ мой! Я былъ у вашихъ воротъ и во имя добродѣтели заклиналъ Виниція не входить въ нихъ. Былъ я и въ Остраніи, но знаешь почему? Съ нѣкотораго времени я тружусь надъ обращеніемъ Виниція и хотѣлъ, чтобъ онъ услышалъ старѣйшаго изъ апостоловъ. Да проникнетъ свѣтъ въ его душу... и въ твою! Ты, вѣдь, христіанинъ,—желаешь ли ты, чтобъ правда торжествовала надъ ложью?

— Да,—покорно отвѣтилъ Урсъ.

Къ греку вернулась вся его храбрость.

— Виницій—человѣкъ могущественный и другъ цезаря,—сказалъ онъ.—Онъ еще часто внимаетъ внушенію духа зла, но если хоть одинъ волосъ спадетъ съ его головы, цезарь отомститъ всѣмъ христіанамъ.

— Насъ оберегаетъ высшая сила.

— Правильно, правильно! Но что вы намѣреваетесь дѣлать съ Виниціемъ?—съ новымъ безпокойствомъ спросилъ Хилонъ.

— Не знаю. Христосъ повелѣлъ быть милосерднымъ.

— Превосходно сказано! Помни объ этомъ всегда, иначе будешь ты жариться въ аду, какъ кишка на сковородѣ.

Урсъ вздохнулъ, а Хилонъ подумалъ, что съ этимъ человѣкомъ, страшнымъ во время перваго порыва, онъ всегда можетъ сдѣлать, что захочетъ.

И, желая знать, что̀ случилось при похищеніи Лигіи, онъ продолжалъ разспросы тономъ суроваго судьи:

— Что вы сдѣлали съ Кротономъ? Отвѣчай и не выдумывай.

Урсъ вздохнулъ во второй разъ:

— Тебѣ это скажетъ Виницій.

— Это значитъ, что ты пырнулъ его ножомъ или убилъ палкой?

— Я былъ безоруженъ.

Хилонъ не могъ не выразить своего удивленія нечеловѣческой силѣ варвара.

— О, чтобъ тебя Плутонъ!... То-есть я хотѣлъ сказать: да проститъ тебя Христосъ!

Нѣсколько времени прошло въ молчаніи, потомъ Хилонъ сказалъ:

— Я тебя не предамъ, не бойся вигиловъ.

— Я боюсь Христа, а не вигиловъ.

— Вѣрно. Нѣтъ грѣха большаго, чѣмъ убійство. Я буду молиться за тебя, но не знаю, поможетъ ли даже моя молитва, развѣ, если ты дашь клятву, что никогда въ жизни никого не тронешь пальцемъ.

— Я и такъ не убиваю преднамѣренно,—отвѣтилъ Урсъ.

Но Хилонъ, который желалъ обезпечить себя на всякій случай, не переставалъ осуждать поступки Урса и склонять его къ произнесенію обѣта. Разспрашивалъ онъ и о Виниціи, но лигіецъ на его вопросы отвѣчалъ неохотно и повторялъ, что отъ самого Виниція грекъ услышитъ все, что долженъ слышать. Разговаривая такимъ образомъ, они прошли все длинное разстояніе, отдѣляющее домъ грека отъ Затибрской части города. Сердце Хилона вновь начало безпокойно биться. Отъ страха ему показалось, что Урсъ начинаетъ смотрѣть на него алчнымъ взглядомъ. «Небольшое мнѣ утѣшеніе,—говорилъ онъ самому себѣ,—что онъ убьетъ меня ненамѣренно, и я, во всякомъ случаѣ, предпочиталъ бы, чтобъ его разбилъ параличъ, а съ нимъ вмѣстѣ и всѣхъ лигійцевъ... О, Зевсъ! сотвори это, если ты съумѣешь!» И онъ все тщательнѣе закутывался въ свой галльскій плащъ, повторяя, что боится холода. Наконецъ, когда они прошли уже сѣни и первый дворъ и очутились въ корридорѣ, ведущемъ въ садикъ, Хилонъ вдругъ остановился и сказалъ:

— Дай мнѣ вздохнуть, иначе я не буду въ состояніи говорить съ Виниціемъ и надѣлить его душеспасительными совѣтами.

Онъ остановился и хотя повторялъ себѣ, что никакая опасность не угрожаетъ ему, однако, при мысли вступить въ среду тѣхъ таинственныхъ людей, которыхъ видѣлъ въ Остраніи, онъ чувствовалъ,

что ноги его начинаютъ трястись. Изъ дома до его ушей доходило какое-то пѣніе.

— Что это такое?—спросилъ онъ.

— Ты говоришь, что ты христіанинъ, а не знаешь, что у насъ есть обычай послѣ пищи восхвалять нашего Избавителя,—отвѣтилъ Урсъ.—Миріамъ съ сыномъ, должно быть, возвратились, а, можетъ быть, съ ними пришелъ и апостолъ, потому что онъ каждый день навѣщаетъ вдову и Криспа.

— Проводи меня прямо къ Виницію.

— Виницій въ той же комнатѣ, гдѣ и всѣ. Въ домѣ только одна большая комната, остальныя только темные кубикулы, куда мы отправляемся спать. Войди; тамъ отдохнешь.

Они вошли. Въ комнатѣ было темно, вечеръ стоялъ пасмурный, зимній, а пламя нѣсколькихъ свѣтильниковъ не могло совсѣмъ разогнать мракъ. Виницій скорѣе почувствовалъ, чѣмъ узналъ въ закутанномъ человѣкѣ Хилона, а тотъ, увидавъ въ углу, на постели, Виниція, не обращая вниманія на другихъ, бросился прямо къ нему, какъ бы въ увѣренности, что тамъ ему будетъ безопаснѣе.

— О, господинъ! Отчего ты не послушалъ моего совѣта?—воскликнулъ онъ, складывая руки.

— Молчи и слушай!—сказалъ Виницій.

Онъ строго посмотрѣлъ прямо въ глаза Хилона и заговорилъ медленно и разстановисто, словно хотѣлъ, чтобы каждое его слово принималось какъ приказъ и разъ навсегда осталось въ памяти Хилона:

— Кротонъ бросился на меня, чтобы убить и ограбить меня, понимаешь? Тогда я убилъ его, а эти люди перевязали раны, которыя я получилъ въ борьбѣ съ нимъ.

Хилонъ сразу понялъ, что если Виницій говоритъ такъ, то развѣ въ силу какого-нибудь договора съ христіанами, и въ такомъ случаѣ хочетъ, чтобъ ему вѣрили. Онъ узналъ это по его лицу и въ одно мгновеніе, не оказавши ни сомнѣнія, ни удивленія, поднялъ глаза кверху и отвѣтилъ:

— Это былъ истинный негодяй, господинъ! Вѣдь, я предостерегалъ тебя, чтобъ ты не вѣрилъ ему. Всѣ мои поученія отскакивали отъ его головы, какъ горохъ отъ стѣны. Во всемъ Гадесѣ нѣтъ для него достойныхъ мукъ. Ибо кто не можетъ быть хорошимъ человѣкомъ, тотъ долженъ быть негодяемъ, а кому же труднѣе сдѣлаться хорошимъ, чѣмъ не негодяю? Но чтобъ нападать на своего благодѣтеля и господина столь великодушнаго... О, боги!..

Тутъ онъ вспомнилъ, что во время дороги называлъ себя христіаниномъ, и замолкъ.

Виницій сказалъ:

— Еслибъ не «сика» [2]), которая была со мной, онъ бы убилъ меня.

— Я благословляю минуту, въ которую посовѣтовалъ тебѣ взять ножъ.

Виницій обратилъ на грека пытливый взоръ и спросилъ:

— Что ты дѣлалъ сегодня?

— Какъ? развѣ ты не сказалъ мнѣ, чтобъ я молился за твое здоровье?

— И больше ничего?

— Я собирался навѣстить тебя, когда пришелъ вотъ этотъ добрый человѣкъ и сказалъ, что ты вызываешь меня.

— Вотъ табличка. Ты пойдешь съ нею ко мнѣ въ домъ, отыщешь моего отпущенника и отдашь ему табличку. На ней написано, что я уѣхалъ въ Беневентъ. Отъ себя Демасу скажи, что я уѣхалъ сегодня утромъ, такъ какъ получилъ настоятельное письмо отъ Петронія.

И онъ повторилъ съ удареніемъ:

— Уѣхалъ въ Беневентъ, понимаешь?

— Уѣхалъ, господинъ! Утромъ я простился съ тобою у Porta Capena, а съ минуты твоего отъѣзда мною овладѣла такая тоска, что если твое великодушіе не утолитъ ее, я затоскую до смерти, какъ несчастная жена Зеѳа съ горя по Итилѣ [3]).

Виницій, хотя больной и привыкшій къ ловкости грека, не могъ удержаться отъ улыбки. Притомъ, онъ былъ радъ, что Хилонъ налету понимаетъ его слова, и онъ сказалъ:

— Я припишу, чтобъ отерли твои слезы. Дай мнѣ свѣтильникъ.

Хилонъ, совершенно успокоившійся, всталъ, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по направленію камина и взялъ одинъ изъ свѣтильниковъ.

При этомъ движеніи капюшонъ свалился съ его головы и свѣтъ прямо упалъ на его лицо. Сидѣвшій на скамейкѣ Главкъ быстро подошелъ и остановился возлѣ грека.

— Ты не узнаешь меня, Цефасъ?—спросилъ онъ.

---

[2]) Sika—кинжалъ, портикъ.

[3]) Эдона, жена ѳивскаго царя Зеѳа, завидуя большому количеству дѣтей Ніобеи, рѣшила убить ея старшаго сына, но по ошибкѣ убила своего сына Итила. Зевсъ обратилъ ее въ соловья, непрестанно оплакивающаго свою потерю.

Въ голосѣ его было что-то до такой степени страшное, что всѣ присутствующіе вздрогнули.

Хилонъ поднялъ свѣтильникъ, но почти въ ту же минуту уронилъ его на полъ и простоналъ:

— Не я!... не я!... Сжалься!

Главкъ обратился въ сторону ужинающихъ и сказалъ:

— Вотъ человѣкъ, который продалъ и погубилъ меня и мою семью!

Его исторія была извѣстна и всѣмъ христіанамъ, и Виницію, который только потому не догадался, кто таковъ былъ Главкъ, что за постоянными обмороками и болью при перевязкѣ не слыхалъ его имени. Но для Урса эта короткая минута и эти слова Главка были чѣмъ-то вродѣ молніи, прорѣзавшей мракъ. Онъ узналъ Хилона, однимъ скачкомъ очутился возлѣ него, схватилъ его за плечи, и, перегнувъ назадъ, крикнулъ:

— Это онъ подговаривалъ меня убить Главка!

— Сжальтесь!—стоналъ Хилонъ,—я отдамъ вамъ... Господинъ!—закричалъ онъ, обращаясь къ Виницію,—спаси меня! Я довѣрился тебѣ, вступись за меня... Твое письмо... я отнесу... Господинъ, господинъ!

Но Виницій, который хладнокровнѣе всѣхъ смотрѣлъ на происходящее, во-первыхъ, потому, что всѣ дѣла грека были болѣе или менѣе извѣстны ему, а, во-вторыхъ, потому, что сердце его не знало милосердія, сказалъ:

— Заройте его въ саду. Письмо отнесетъ кто-нибудь другой.

Хилону эти слова показались послѣднимъ приговоромъ. Кости его начали трещать въ страшныхъ рукахъ Урса, на глазахъ отъ боли навертывались слезы.

— Ради вашего Бога! —взывалъ онъ,—я христіанинъ!... Pax vobiscum! Я христіанинъ, а если вы не вѣрите мнѣ, то окрестите меня еще одинъ разъ, два раза, еще десять разъ! Главкъ, это ошибка! Позвольте мнѣ говорить! Отдайте меня въ рабство! Не убивайте меня! Сжальтесь!...

Голосъ его, подавленный болью, слабѣлъ все больше и больше. Изъ-за стола поднялся апостолъ Петръ; съ минуту онъ покачивалъ своею бѣлою головой, глаза его были закрыты, но потомъ онъ открылъ ихъ и сказалъ среди тишины:

— Вотъ что сказалъ намъ Избавитель: «Если согрѣшитъ противъ тебя братъ твой, выговори ему, и если покается—прости ему. И если семь разъ въ день согрѣшитъ противъ тебя и семь разъ въ день обратится и скажетъ: каюсь,—прости ему!»

Потомъ наступило еще болѣе глубокое молчаніе.

Главкъ долго стоялъ съ лицомъ, закрытымъ руками, наконецъ, опустилъ ихъ и сказалъ:

— Цефасъ, да проститъ тебѣ Богъ обиду, нанесенную мнѣ, такъ, какъ я во имя Христа прощаю ее тебѣ.

А Урсъ, освободивъ плечи грека, добавилъ:

— Да будетъ Избавитель такъ же милостивъ ко мнѣ, какъ и я прощаю тебѣ.

Хилонъ упалъ на земь и, опершись на руки, поворачивалъ головою, какъ звѣрь, попавшій въ силки, оглядывается вокругъ и ждетъ, съ какой стороны придетъ смерть. Онъ еще не вѣрилъ ни глазамъ, ни ушамъ своимъ и не смѣлъ разсчитывать на прощеніе.

Но сознаніе мало-по-малу возвращалось къ нему, только его посинѣвшія губы еще дрожали отъ страха. Тогда апостолъ сказалъ:

— Иди съ миромъ!

Хилонъ всталъ, но еще не могъ говорить. Невольно онъ приблизился къ постели Виниція, какъ будто ожидая его покровительства. У него еще не было времени сообразить, что Виницій хотя и пользовался его услугами и былъ до нѣкоторой степени его сообщникомъ, собственно и осудилъ его, тогда какъ тѣ, кому онъ наносилъ зло, простили его. Мысль эта должна была послѣ придти ему въ голову. Теперь во взглядѣ его было только изумленіе и недовѣріе. Хотя онъ уже понялъ, что его простили, но, тѣмъ не менѣе, желалъ какъ можно скорѣе убѣжать отъ этихъ непонятныхъ людей, доброта которыхъ ужасала его почти такъ же, какъ ужаснула бы жестокость. Ему казалось, что останься онъ здѣсь дольше, то снова произойдетъ что-нибудь необыкновенное и, остановившись возлѣ Виниція, онъ проговорилъ прерывающимся голосомъ:

— Давай письмо, господинъ.

Схвативъ табличку, которую подалъ ему Виницій, онъ отвѣсилъ одинъ поклонъ христіанамъ, другой больному и, сторонкой, подвигаясь вдоль стѣны, вышелъ въ двери.

Въ саду его охватила темнота и страхъ снова поднялъ дыбомъ волосы на его головѣ. Онъ былъ увѣренъ, что Урсъ выйдетъ вслѣдъ за нимъ и убьетъ его. Онъ побѣжалъ бы, но ноги не слушались его, а черезъ нѣсколько минутъ онъ и совсѣмъ потерялъ самообладаніе, потому что Урсъ дѣйствительно предсталъ передъ нимъ.

Хилонъ упалъ лицомъ на земь и пробормоталъ:

— Урбанъ... во имя Христа...

Урсъ отвѣтилъ:

— Не бойся. Апостолъ приказалъ мнѣ вывести тебя за ворота, чтобы ты не заблудился въ темнотѣ, а если тебѣ измѣняютъ силы, то проводить до дома.

Хилонъ поднялъ голову.

— Что говоришь ты? Что?... Ты не убьешь меня?

— Нѣтъ, я не убью тебя, а если я сдавилъ тебя через-чуръ сильно и повредилъ тебѣ кости, то прости меня.

— Помоги мнѣ встать,— сказалъ грекъ.— Ты не убьешь меня? да? Проводи меня на улицу, а дальше я пойду одинъ.

Урсъ поднялъ его съ земли, какъ перышко, поставилъ на ноги и проводилъ черезъ темный проходъ на дворъ. Въ корридорѣ Хилонъ опять повторялъ про себя: «Все кончено!» —и только когда они очутились на улицѣ, немного успокоился и сказалъ:

— Дальше я пойду одинъ.

— Да будетъ съ тобою миръ!

— И съ тобою, и съ тобою!... Дай мнѣ вздохнуть!

Послѣ ухода Урса онъ, дѣйствительно, вздохнулъ всею грудью, провелъ рукою по груди, по бедрамъ, какъ бы желая убѣдиться, дѣйствительно ли онъ живъ, и быстро пошелъ впередъ.

Пройдя нѣсколько шаговъ, онъ остановился и сказалъ:

«Однако, отчего они не убили меня?»

И, несмотря на свои бесѣды съ Эвриціемъ о христіанскомъ ученіи, несмотря на разговоръ съ Урбаномъ у рѣки, несмотря на все, что онъ видѣлъ въ Остраніи,—Хилонъ не могъ найти отвѣта на этотъ вопросъ.

XXV.

Виницій также не могъ дать себѣ отчета въ томъ, что произошло сегодня, и въ глубинѣ души былъ удивленъ не меньше Хилона. Вѣдь, и съ нимъ самимъ эти люди обошлись точно также и, вмѣсто того, чтобъ отмстить за нападеніе, заботливо перевязали его раны. Это Виницій отчасти приписывалъ ихъ ученію, въ значительно большей степени вліянію Лигіи, а немного и своему значенію. Но ихъ поступокъ съ Хилономъ положительно превосходилъ его пониманіе о человѣческой способности прощать. И ему также невольно навязывался вопросъ: почему они не убили грека? Вѣдь, они могли бы сдѣлать это безнаказанно. Урсъ закопалъ бы его въ саду или ночью вынесъ бы на Тибръ, который въ то время ночных разбоевъ, производимыхъ самимъ цезаремъ, такъ часто выбрасывалъ на берегъ человѣческія тѣла, что никто даже и не доискива-

ся, откуда они берутся. Притомъ, по мнѣнію Виниція, христіане не только могли, но должны были убить Хилона. Правда, милосердіе не было чуждо міру, къ которому принадлежалъ молодой патрицій. Аѳиняне воздвигли ему даже алтарь и долгое время сопротивлялись противъ введенія въ Аѳинахъ состязаній гладіаторовъ. Бывало, и въ Римѣ побѣжденные получали помилованіе,—напримѣръ, Каликратъ, царь бретоновъ, который былъ взятъ въ плѣнъ при Клавдіи. Императоръ потомъ щедро одарилъ его и Каликратъ свободно жилъ въ Римѣ. Но месть за личныя обиды казалась какъ Виницію, такъ и всѣмъ остальнымъ справедливою и законною, а пренебреженіе этою местью было противно его душѣ. Положимъ, въ Остраніи онъ слышалъ, что нужно любить даже враговъ, но считалъ это какою-то теоріей, не имѣющею значенія въ жизни. И сейчасъ еще ему въ голову приходило, что Хилона, можетъ быть, не убили только потому, что теперь былъ праздникъ или луна находилась въ такой фазѣ, когда христіанамъ воспрещается убивать. Онъ слышалъ, что бываетъ такая пора, когда народамъ нельзя даже и войны начинать. Но почему, въ такомъ случаѣ, грека не отдали въ руки правосудія, почему апостолъ говорилъ, что если кто-нибудь семь разъ провинится, то ему нужно простить семь разъ, почему Главкъ сказалъ Хилону: «Да проститъ тебѣ Богъ, какъ я прощаю тебѣ»? А, вѣдь, Хилонъ оказалъ ему величайшую несправедливость, какую одинъ человѣкъ можетъ оказать другому. Сердце Виниція при одной мысли, какъ бы онъ поступилъ съ тѣмъ, кто, напримѣръ, убилъ бы Лигію, все взволновалось: не было такихъ мукъ, какими онъ не отмстилъ бы за нее! А Главкъ простилъ! И Урсъ простилъ также,—онъ, который дѣйствительно могъ бы убить кого угодно въ Римѣ, и, притомъ, совершенно безнаказанно, потому что затѣмъ ему нужно было только убить царя Неморенскаго лѣса и занять его мѣсто[1]). Развѣ тому, противъ кого не устоялъ Кротонъ, трудно было бы побѣдить отправляющаго должность жреца гладіатора, разъ до этой должности могъ достигнуть всякій, кто только убьетъ предъидущаго «царя»? На всѣ эти вопросы былъ только одинъ отвѣтъ: они не убиваютъ по какой-то добротѣ, настолько великой, что равной ей до сихъ поръ не было въ свѣтѣ, по безграничной любви къ людямъ, которая повелѣваетъ забывать о себѣ, о своихъ обидахъ, о своемъ счастьѣ и несчастьѣ и жить для другихъ. Какое вознагражденіе должны были получить

[1]) Въ Неморенскомъ лѣсу, близъ гор. Ариціи, въ 16 мил. отъ Рима, находился храмъ Діаны. Главнымъ жрецомъ (nemoralis rex) былъ бѣжавшій рабъ, отправлявшій сию должность до тѣхъ поръ, пока его не убьетъ другой рабъ.

эти люди, Виницій слышалъ въ Остраніи, но это не умѣщалось въ его головѣ. За то онъ чувствовалъ, что такая земная жизнь, сопряженная съ обязательствомъ отрекаться отъ всякаго наслажденія въ пользу другихъ, должна быть скучною и убогою. И вотъ въ томъ, что онъ думалъ о христіанахъ, на ряду съ величайшимъ изумленіемъ было и сожалѣніе, и словно оттѣнокъ презрѣнія. Ему представилось, что христіане, это—овцы, которыхъ раньше или позже съѣдятъ волки, а его римская натура не была способна чувствовать почтеніе къ тѣмъ, которые позволяютъ себя ѣсть. Но въ особенности его разозлила одна вещь,—это именно то, что послѣ ухода Хилона какая-то глубокая радость засіяла на лицахъ всѣхъ оставшихся. Апостолъ приблизился къ Главку, положилъ руку къ нему на голову и сказалъ:

— Христосъ побѣдилъ въ тебѣ.

Главкъ поднялъ кверху глаза, такіе довѣрчивые, полные такой радости, какъ будто на него излилось какое-то неожиданное счастье. Виницій, который могъ бы понять радость осуществленной мести, смотрѣлъ на него широко раскрытыми глазами, такъ, какъ смотрятъ на сумасшедшаго. Однако, онъ видѣлъ, и видѣлъ не безъ внутренняго негодованія, какъ потомъ Лигія прижала свои царственныя уста къ рукѣ этого человѣка, который по виду походилъ на невольника, и Виницію показалось, что порядокъ всего міра измѣняется. Потомъ пришелъ Урсъ и началъ разсказывать, какъ онъ вывелъ Хилона на улицу и просилъ прощенія за вредъ, который нанесъ его костямъ. Апостолъ благословилъ его, а Криспъ заявилъ, что для него этотъ день—день великой побѣды. Услышавъ объ этой побѣдѣ, Виницій совершенно потерялъ нить мыслей.

Но когда Лигія снова подала ему освѣжающій напитокъ, онъ задержалъ ея руку и спросилъ:

— Такъ и ты простила мнѣ?

— Мы—христіане. Намъ нельзя хранить гнѣвъ въ сердцѣ.

— Лигія,—сказалъ тогда Виницій,—кѣмъ бы ни былъ твой Богъ, я принесу ему гекатомбу и только потому, что онъ твой Богъ.

А она отвѣтила:

— Ты принесешь Ему жертву въ своемъ сердцѣ, когда узнаешь Его.

— Только потому, что онъ твой,—слабымъ голосомъ повторилъ Виницій.

И онъ сомкнулъ вѣки,—имъ вновь овладѣла слабость.

Лигія ушла, но вскорѣ вернулась, подошла близко къ Виницію и наклонилась надъ нимъ удостовѣриться, спитъ ли онъ. Виниці

почувствовалъ ея близость, и, открывъ глаза, улыбнулся, а она слегка положила руку на его рѣсницы, какъ будто желала усыпить его. Виниція охватило великое блаженство, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ почувствовалъ себя хуже. Такъ и должно было быть. Была уже поздняя ночь, а вмѣстѣ съ нею на Виниція напала горячка. Заснуть онъ не могъ и слѣдилъ за Лигіей взглядомъ, куда бы она ни двинулась. По временамъ онъ впадалъ въ какой-то полусонъ, въ которомъ онъ видѣлъ и слышалъ все, что дѣлалось вокругъ него, но въ которомъ дѣйствительность мѣшалась съ горячечными видѣніями. И ему казалось, что на какомъ-то старомъ, запущенномъ кладбищѣ возвышался храмъ въ формѣ башни, и что Лигія—жрица этого храма. Онъ не спускалъ съ нея глазъ, но видѣлъ ее на вершинѣ башни, съ лютнею въ рукахъ, всю озаренную свѣтомъ, подобную тѣмъ жрицамъ, которыя въ ночное время поютъ гимны въ честь луны и которыхъ онъ видѣлъ на Востокѣ. Самъ Виницій съ великимъ усиліемъ взбирался по винтовой лѣстницѣ, чтобъ похитить Лигію, за нимъ шелъ Хилонъ, который стучалъ зубами отъ страха и повторялъ: «Не дѣлай этого, господинъ, она жрица и Онъ отмститъ за нее». Виницій не зналъ, кто былъ Онъ, но, однако, понималъ, что совершаетъ святотатство, и также чувствовалъ непреоборимый страхъ. Но когда онъ дошелъ до балюстрады, окружающей вершину башни, вдругъ около Лигіи выросъ апостолъ съ серебряною бородой и сказалъ: «Не поднимай на нее руки, ибо она принадлежитъ мнѣ». И, сказавъ это, онъ пошелъ за нею по мѣсячному лучу, какъ бы по дорогѣ, къ небу, а Виницій протянулъ къ нему руки и началъ умолять, чтобъ они взяли его съ собою.

Онъ проснулся, опамятовался и началъ оглядываться вокругъ. Огонь на высокомъ очагѣ горѣлъ уже слабѣе, но давалъ еще много свѣта, христіане сидѣли и грѣлись,—на дворѣ и въ комнатѣ было довольно холодно. Виницій видѣлъ, какъ дыханіе въ видѣ пара выходило изъ ихъ рта. Въ серединѣ сидѣлъ апостолъ, у его колѣнъ, на низенькой скамейкѣ, Лигія, дальше Главкъ, Криспъ, Миріамъ, а по краямъ съ одной стороны Урсъ, съ другой Назарій, сынъ Миріамъ, молодой мальчикъ съ красивымъ лицомъ и длинными черными волосами, которые спадали ему на плечи.

Лигія слушала съ глазами, поднятыми къ апостолу, и всѣ головы были обращены къ нему, а онъ говорилъ что-то въ полголоса. Виницій началъ смотрѣть на него съ какимъ-то суевѣрнымъ страхомъ, чуть-чуть не меньшимъ того, который испытывалъ въ горячечныхъ видѣніяхъ. Ему пришло въ голову, что въ горячкѣ ему чудилась правда и что этотъ мастистый пришелецъ съ далекихъ

береговъ дѣйствительно отнимаетъ у него Лигію и ведетъ ее по какой-то незнакомой дорогѣ. Онъ былъ увѣренъ, что старецъ говоритъ о немъ, можетъ быть, совѣтуетъ, какъ разлучить съ нимъ Лигію. Виницію казалось вещью совершенно неправдоподобной, чтобы кто-нибудь могъ говорить о чемъ-нибудь другомъ, и, собравши всѣ свои силы, онъ началъ вслушиваться въ слова Петра. Но онъ ошибался совершенно. Апостолъ опять говорилъ о Христѣ.

«Они только Его именемъ и живутъ!»—подумалъ Виницій.

А старецъ разсказывалъ, какъ взяли Христа. Пришли солдаты и слуги священниковъ, чтобы взять Его. Когда Избавитель спросилъ, кого они ищутъ, они отвѣтили: «Іисуса Назорея!» Іисусъ говоритъ имъ: «Это Я!» Они пали на землю и не смѣли поднять на Него руки и только послѣ вторичнаго вопроса взяли Его.

Тутъ апостолъ замолкъ на минуту, потомъ протянулъ руку къ огню и сказалъ:

— Ночь была холодна, какъ теперь, но во мнѣ закипѣло сердце, я извлекъ мечъ, чтобы защищать Его, и отсѣкъ ухо раба первосвященника. И я защищалъ бы Его болѣе своей жизни, еслибъ Онъ не сказалъ мнѣ: «Вложи мечъ въ ножны. Неужели Мнѣ не пить чаши, которую далъ Мнѣ Отецъ?» Тогда воины взяли и связали Его.

Онъ приложилъ руки ко лбу и замолкъ, желая, передъ дальнѣйшимъ разсказомъ, справиться съ силою воспоминаній, но Урсъ не могъ выдержать, вскочилъ, поправилъ огонь такъ, что искры посыпались золотистымъ дождемъ, и воскликнулъ:

— Ну, будь что угодно, я бы...

Но онъ вдругъ оборвался, когда Лигія приложила палецъ къ губамъ. Было только видно, что онъ возмущается до глубины души, и хотя готовъ цѣловать ноги апостола, но не можетъ одобрить одного его поступка. Вотъ, если бы, скажемъ, при немъ, при Урсѣ, кто-нибудь поднялъ руку на Спасителя, и еслибъ онъ былъ съ Нимъ въ ту ночь, — ой, и полетѣли бы щепки отъ солдатъ и отъ слугъ первосвященника и отъ всей его челяди! У Урса даже глаза наполнились слезами при одной мысли о томъ,—и отъ горя, и отъ душевнаго разлада. Съ одной стороны, онъ не только самъ защищалъ бы Спасителя, но еще призвалъ бы на помощь лигійцевъ, молодцовъ къ молодцу, а съ другой—оказалъ бы Ему неповиновеніе и помѣшалъ бы искупленію міра.

Поэтому-то Урсъ и не могъ удержать слезъ.

Петръ, отнявъ руку ото лба, повелъ свой разсказъ дальше, но Виниція снова охватилъ горячечный полусонъ. То, что онъ слышалъ теперь, смѣшалось съ тѣмъ, что апостолъ разсказывалъ

прошлою ночью въ Остраніи, какъ Христосъ появился на берегу Тиверіадскаго озера. Виницій видѣлъ широко разлившуюся гладь, на ней рыбачью ладью, а въ ладьѣ Петра и Лигію. Самъ Виницій изо всѣхъ силъ плылъ за ними, но боль въ сломанной рукѣ мѣшала ему достигнуть до нихъ. Потомъ буря начала бросать волны ему въ глаза и онъ началъ тонуть, умоляющимъ крикомъ призывая къ себѣ на спасеніе. Тогда Лигія упала на колѣни передъ апостоломъ, тотъ повернулъ лодку и протянулъ весло. Виницій схватился за него, при помощи апостола и Лигіи вскарабкался въ лодку и упалъ на ея дно.

Потомъ ему представилось, что, приподнявшись, онъ увидалъ множество людей, плывущихъ за лодкой. Волны своею пѣной покрывали ихъ головы; у другихъ изъ омута виднѣлись только однѣ руки, но Петръ то и дѣло спасалъ утопающихъ и забиралъ ихъ въ лодку, которая словно по какому-то чуду все расширялась и расширялась. Вскорѣ ее наполняла цѣлая толпа, такая же, какая вчера собралась въ Остраніи, а потомъ и еще больше. Виницій удивлялся, какъ столько народу могло помѣщаться въ одной лодкѣ, и его взялъ страхъ, что она пойдетъ на дно, но Лигія начала успокоивать его и указала на какой-то свѣтъ, мелькавшій на далекомъ берегу, къ которому они плыли. Здѣсь бредъ Виниція снова смѣшался съ тѣмъ, что онъ слышалъ въ Остраніи изъ устъ апостола, какъ Христосъ появился надъ озеромъ. Теперь въ этомъ надбрежномъ огнѣ виднѣлась какая-то фигура, къ которой Петръ направлялъ свой руль. И по мѣрѣ того, какъ они приближались къ ней, буря утихала, поверхность воды сглаживалась, а свѣтъ усиливался. Толпа начала пѣть сладкій гимнъ, воздухъ наполнился запахомъ нарда, вода заискрилась радугой, какъ будто со дна озера просвѣчивали лиліи и розы, и, наконецъ, лодка мягко ударилась грудью о песокъ. Тогда Лигія взяла его за руку и сказала: «Пойдемъ, я поведу тебя!» И она повела его къ свѣту.

. . . .

Виницій снова очнулся, но видѣнія его исчезали медленно и онъ не сразу могъ окунуться въ дѣйствительность. Нѣсколько минутъ ему казалось, что онъ все еще стоитъ надъ озеромъ, что его окружаетъ толпа, посреди которой онъ, самъ не зная, для чего, началъ искать Петронія и удивлялся, что не находитъ его. Яркій огонь печки,—возлѣ нея уже никого не было,—совершенно отрезвилъ его. Оливковыя дрова лѣниво горѣли подъ розовымъ пепломъ, за то полѣнья пиніи, вѣроятно, недавно подброшенныя на уголья,

занялись веселымъ огонькомъ и при блескѣ его Виницій увидалъ Лигію. Она сидѣла недалеко отъ его постели.

Видъ Лигіи взволновалъ его до глубины души. Онъ помнилъ, что прошлую ночь она провела въ Остраніи, цѣлый день ухаживала за нимъ, а теперь, когда всѣ удалились на покой, она одна бодрствовала у его ложа. Легко было догадаться, что она утомлена,— она сидѣла неподвижно, съ закрытыми глазами. Виницій не зналъ, спитъ ли она, или погрузилась въ свои думы. Онъ смотрѣлъ на ея профиль, на опущенныя рѣсницы, на руки, сложенныя на колѣняхъ, и въ его языческой головѣ съ трудомъ начало возрождаться понятіе, что на ряду съ нагою, самоувѣренною и гордою своими формами красотой римской и греческой на свѣтѣ существуетъ какая-то другая, новая, удивительно чистая, и что въ этой-то красотѣ и живетъ душа.

Онъ не могъ рѣшиться на то, чтобы назвать ее христіанской, но, думая о Лигіи, не могъ ее отдѣлить отъ ея ученія. Онъ понималъ даже, что если всѣ другіе отправились спать, а Лигія одна,— она, которой онъ принесъ столько вреда,—сидитъ надъ нимъ, то собственно потому, что такъ повелѣваетъ это ученіе. Но подобная мысль, внушавшая ему удивленіе къ этому ученію, была, вмѣстѣ съ тѣмъ, и ненавистна для него. Онъ предпочиталъ бы, чтобы Лигія дѣлала такъ изъ любви къ нему, ради его лица, глазъ, пластическихъ формъ,—однимъ словомъ, ради того, почему вокругъ его шеи не разъ обвивались бѣлоснѣжныя руки гречанокъ и римлянокъ. Но вдругъ онъ почувствовалъ, что еслибъ она была такою, какъ другія женщины, то ему чего-то недоставало бы въ ней. Онъ удивился и самъ не зналъ, что̀ съ нимъ дѣлается, хотя и замѣтилъ, что и въ немъ начинаютъ пробуждаться какія-то новыя чувства и новые вкусы, чуждые міру, въ которомъ онъ жилъ до сихъ поръ.

Лигія раскрыла глаза и, видя, что Виницій смотритъ на нее, приблизилась къ нему и сказала:

— Я возлѣ тебя.

А онъ отвѣтилъ:

— Во снѣ я видѣлъ твою душу.

XXVI.

На другой день Виницій проснулся слабымъ, но безъ жара въ головѣ и безъ лихорадки. Ему показалось, что его пробудилъ звукъ голосовъ, но когда онъ открылъ глаза, Лигіи не было при немъ, — только Урсъ, наклонившись къ камину, разгребалъ сѣрую золу и

искалъ подъ нею жаръ. Наконецъ, онъ нашелъ неугасшій уголь и началъ раздувать его такъ, какъ будто дѣлалъ это не губами, а кузнечными мѣхами. Виницій, припомнивъ, что этотъ человѣкъ вчера придавилъ Кротона, осматривалъ съ интересомъ любителя арены, его гигантскую спину, похожую на спину циклопа, на руки и ноги, напоминающія колонны.

«Слава Меркурію, что онъ не свернулъ мнѣ шеи! — подумалъ про себя Виницій. — Клянусь Поллуксомъ! если и другіе лигійцы похожи на него, дунайскимъ легіонамъ можетъ представиться не легкая работа!»

А вслухъ онъ сказалъ:

— Эй, невольникъ!

Урсъ вытащилъ голову изъ камина и, улыбнувшись чуть не дружески, отвѣтилъ:

— Дай Богъ тебѣ, господинъ, добрый день и добраго здоровья, но я человѣкъ свободный, а не невольникъ.

Виницію, который хотѣлъ разспросить Урса объ отечествѣ Лигіи, слова эти доставили удовольствіе. Разговоръ съ человѣкомъ свободнымъ, хотя бы и простымъ, меньше оскорблялъ его римское и патриціанское достоинство, чѣмъ разговоръ съ невольникомъ, котораго ни законъ, ни обычай не признавали за человѣческое существо.

— Такъ ты не Авла?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, господинъ. Я служу Каллинѣ, какъ служилъ и ея матери, но по доброй волѣ.

Тутъ онъ снова всунулъ голову въ каминъ, раздулъ угли, на которые раньше набросалъ дровъ, и освободился опять.

— У насъ нѣтъ невольниковъ,—сказалъ онъ.

Виницій спросилъ:

— А Лигія гдѣ?

— Только что ушла, а я долженъ приготовить тебѣ завтракъ. Она сидѣла возлѣ тебя всю ночь.

— Отчего же ты не смѣнилъ ее?

— Она такъ хотѣла, а мое дѣло слушаться ее.

Тутъ брови его нахмурились и онъ прибавилъ черезъ минуту:

— Еслибъ я не слушалъ ее, ты бы, господинъ, не жилъ.

— Развѣ ты жалѣешь, что не убилъ меня?

— Нѣтъ. Христосъ не велѣлъ убивать.

— А Атацинъ, а Кротонъ?

— Я не могъ иначе,—пробормоталъ Урсъ.

И онъ съ жалостью посмотрѣлъ на свои руки. Очевидно, онѣ

остались языческими, несмотря на то, что душа приняла святое крещеніе. Потомъ онъ поставилъ горшокъ въ каминъ и вперилъ задумчивые глаза въ огонь.

— Это твоя вина, господинъ,—наконецъ, сказалъ онъ,—зачѣмъ ты поднималъ руку на нее, на царскую дочь?

Въ первую минуту въ Виниціи вспыхнула гордость, что этотъ варваръ осмѣливается не только такъ фамильярно говорить съ нимъ, но еще и упрекать его. Къ удивительнымъ и неправдоподобнымъ вещамъ, съ которыми онъ сталкивался ночью третьяго дня, прибавилась еще одна. Но онъ былъ слабъ, невольниковъ у него подъ рукою не было и онъ сдержался. Кромѣ того, ему хотѣлось узнать какія-нибудь подробности изъ жизни Лигіи.

И, успокоившись, онъ началъ разспрашивать о войнѣ лигійцевъ съ Ванніемъ и свевами.

Урсъ отвѣчалъ охотно, но не могъ прибавить многого къ тому, что Виницію когда-то сообщилъ Авлъ Плавтій. Урсъ не былъ въ битвѣ,—онъ сопровождалъ заложницъ до лагеря Ателія Гистера. Онъ зналъ только одно, что лигійцы побили свевовъ и язиговъ, но вождь и царь ихъ погибъ отъ вражеской стрѣлы. Вслѣдъ за этимъ лигійцы получили извѣстіе, что семноны зажгли лѣсъ на ихъ границѣ, и наскоро возвратились назадъ, чтобъ отмстить за эту обиду, а заложницы остались у Ателія, который въ первое время приказалъ воздавать имъ царскія почести. Потомъ мать Лигіи умерла. Римскій вождь не зналъ, что дѣлать съ ребенкомъ. Урсъ хотѣлъ возвратиться съ нимъ домой, но дорога была трудная, — повсюду блуждали звѣри и дикія племена. Потомъ онъ узналъ, что къ Помпонію явилось какое-то лигійское посольство и обѣщаетъ ему помощь противъ маркомановъ. Гистеръ отослалъ Урса и Лигію къ Помпонію. Оказалось, что пословъ никакихъ не было, — Урсъ и Лигія остались въ лагерѣ, откуда Помпоній привезъ ихъ въ Римъ, а послѣ тріумфа отдалъ царскую дочь Помпоніи Грецинѣ.

Виницію въ этомъ разсказѣ не были извѣстны только мелкія подробности, но онъ слушалъ его съ удовольствіемъ. Его родовой гордости льстило то, что достовѣрный свидѣтель подтверждалъ царское происхожденіе Лигіи. Какъ царская дочь, она при дворѣ цезаря могла занять положеніе, равное положенію дочерей самыхъ знатныхъ родовъ, тѣмъ болѣе, что народъ, предводителемъ котораго былъ ея отецъ, до сихъ поръ никогда не воевалъ съ Римомъ и могъ оказаться довольно опаснымъ, потому что, по свидѣтельству самого Ателія Гистера, обладалъ «неисчислимою силой» воиновъ.

Наконецъ, и Урсъ вполнѣ подтвердилъ это свидѣтельство, потому что на вопросъ Виниція отвѣтилъ:

— Мы сидимъ въ лѣсахъ, но земли у насъ столько, что никто не знаетъ, гдѣ конецъ лѣсу, и народу въ немъ много. Въ лѣсу стоятъ и города, очень богатые: что семноны, маркоманы, вандалы и квады ни награбятъ, мы все отнимемъ, а они не смѣютъ идти на насъ, только поджигаютъ наши лѣса, когда вѣтеръ дуетъ съ ихъ стороны. И мы не боимся ни ихъ, ни римскаго цезаря.

— Боги дали Риму владычество надъ землей, — сурово сказалъ Виницій.

— Боги, это—злые духи, — просто отвѣтилъ Урсъ, — а гдѣ нѣтъ Рима, тамъ нѣтъ и его владычества.

Онъ поправилъ огонь и продолжалъ какъ бы про себя:

— Когда цезарь взялъ Каллину къ себѣ во дворецъ, а я думалъ, что ее могутъ обидѣть тамъ, то хотѣлъ идти въ лѣса и призвать лигійцевъ на помощь царевнѣ. И лигійцы двинулись бы къ Дунаю, потому что они народъ хорошій, хотя и язычники. Я принесъ бы имъ и «добрую вѣсть»... Да, впрочемъ, и такъ когда-нибудь, когда Каллина возвратится къ Помпоніи, я поклонюсь ей, чтобъ она позволила мнѣ идти къ лигійцамъ, — Христосъ жилъ далеко отъ нихъ и они даже не слыхали о Немъ... Онъ зналъ лучше, гдѣ Ему нужно было родиться, но еслибъ Онъ увидалъ свѣтъ у насъ, въ лѣсу, то, навѣрное, мы не замучили бы Его, но ухаживали бы за Младенцемъ и заботились бы, чтобъ у Него не было недостатка ни въ дичинѣ, ни въ грибахъ, ни въ шкурахъ бобровыхъ, ни въ янтарѣ. И что̀ бы мы ни отбили у свевовъ или маркомановъ,—все бы отдали Ему, чтобъ Онъ жилъ въ роскоши и удобствѣ.

Онъ приставилъ къ огню похлебку, приготовленную для Виниція, и замолчалъ. Было видно, что его мысль блуждала по лигійскимъ лѣсамъ, и только когда похлебка закипѣла, онъ вылилъ ее въ плоскую миску, остудилъ и сказалъ:

— Господинъ, Главкъ совѣтуетъ, чтобы ты какъ можно меньше двигалъ даже своею здоровою рукой и потому Каллина приказала мнѣ кормить тебя.

Лигія приказала! Противъ этого невозможно было спорить. Виницію даже въ голову не приходило противиться ея волѣ, какъ будто она была дочерью цезаря или богиней. Онъ не обмолвился ни словомъ, а Урсъ, усѣвшись возлѣ его ложа, началъ черпать похлебку маленькою чаркой и подносить къ его губамъ. Дѣлалъ онъ это такъ заботливо, съ такимъ добрымъ выраженіемъ своихъ голубыхъ глазъ, что Виницій не вѣрилъ, чтобъ это былъ тотъ самый

страшный титанъ, который вчера задавилъ Кротона, свалился па него, Виниція, какъ буря, и сломилъ бы его, если бы на помощь ему не пришло великодушіе Лигіи. Молодой патрицій въ первый разъ въ жизни задумался надъ тѣмъ, что̀ можетъ твориться въ душѣ человѣка простого, слуги и варвара.

Урсъ оказался нянькой настолько же заботливой, насколько и неловкой. Чарка совершенно исчезала въ его геркулесовскихъ пальцахъ, такъ что для губъ Виниція пе оставалось мѣста. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ, гигантъ сильно опечалился и сказалъ:

— Эхъ! Легче зубра изъ осоки вытащить!

Виниція разсмѣшило смущеніе лигійца, но, тѣмъ не менѣе, заинтересовало его замѣчаніе. Онъ видѣлъ въ циркахъ страшныхъ зубровъ, которыхъ приводили изъ сѣверныхъ странъ и которые лишь однимъ слонамъ уступали по величинѣ и силѣ. Самые опытные «бестіаріи» [1]) со страхомъ боролись съ ними.

— Развѣ ты пробовалъ брать такихъ звѣрей за рога? — съ изумленіемъ спросилъ онъ.

— Пока мнѣ не минуло двадцати зимъ, то я боялся, — отвѣтилъ Урсъ, — а потомъ бывало.

И онъ снова принялся кормить Виниція еще болѣе неуклюже, чѣмъ прежде.

— Я долженъ буду попросить Миріамъ или Назарія, — сказалъ онъ, наконецъ.

Изъ-за занавѣски появилось блѣдное личико Лигіи.

— Я помогу тебѣ, — проговорила она и вышла изъ кубикула.

По всей вѣроятности, она собиралась ложиться спать, потому что волосы ея были распущены, а одежда состояла только изъ одной узкой туники, такъ называемой «capitium». Сердце Виниція живѣе забилось при ея видѣ, онъ началъ выговаривать ей, что она до сихъ поръ не подумала о снѣ, но Лигія весело отвѣтила:

— Я и хотѣла было ложиться, но пока замѣню Урса.

И, взявъ чарку, она сѣла на край ложа и начала кормить Виниція, который чувствовалъ себя, въ одно и то же время, и усмиреннымъ, и счастливымъ. Когда она наклонялась къ нему, на него вѣяло теплотою ея тѣла, ея распущенные волосы падали на его грудь и онъ блѣднѣлъ отъ волненія, но, несмотря на всю силу обънявшей его страсти, чувствовалъ, что это самое дорогое для него существо, въ сравненіи съ которымъ весь міръ ничего не стоитъ.

[1]) Bestiarii назывались тѣ, которые въ циркахъ вступали въ состязанія со звѣрями.

Прежде онъ желалъ обладать ею, теперь начиналъ любить всею душой. Когда-то, и въ жизни, и въ чувствѣ, онъ, какъ и всѣ современные ему люди, былъ слѣпымъ, безсознательнымъ эгоистомъ, котораго интересовала только собственная личность, а въ настоящую минуту начала интересовать и Лигія.

Черезъ минуту онъ отказался ѣсть, и хотя ея присутствіе доставляло ему необычайное наслажденіе, сказалъ:

— Довольно, пойди отдохнуть, божественная моя!

— Не называй меня такъ,— отвѣтила она,— мнѣ не годится слушать это.

Однако, она улыбнулась ему и сказала, что спать ей не хочется, утомленія она не чувствуетъ и спать не пойдетъ раньше, чѣмъ придетъ Главкъ. Виницій прислушивался къ ея словамъ, какъ къ музыкѣ, и сердце его волновалось все больше, наполнялось все большимъ восторгомъ, все большею благодарностью, а мысль напрягалась, какъ бы выразить эту благодарность.

— Лигія,—сказалъ онъ послѣ минуты молчанія,—я не зналъ тебя раньше, но теперь понимаю, что хотѣлъ достигнуть тебя неправильнымъ путемъ, и потому говорю тебѣ: возвратись къ Помпоніи Грецинѣ и будь увѣрена, что отнынѣ никто не подниметъ на тебя руку.

Лицо Лигіи сразу омрачилось.

— Я была бы счастлива, если бы могла хоть издали видѣть ее, но возвратиться къ ней уже не могу,— отвѣтила она.

— Почему?— съ удивленіемъ спросилъ Виницій.

— Мы, христіане, чрезъ Актею знаемъ, что̀ дѣлается на Палатинѣ. Развѣ ты не слышалъ, что цезарь послѣ моего бѣгства и передъ своимъ выѣздомъ въ Неаполь призывалъ Авла и Помпонію и, думая, что они помогали мнѣ, угрожалъ имъ своимъ гнѣвомъ? Къ счастью, Авлъ могъ отвѣтить ему: «Ты знаешь, господинъ, что ложь никогда не оскверняла мои уста, и вотъ, я клянусь тебѣ, что мы не помогали ея бѣгству и такъ же, какъ и ты, не знаемъ, что сталось съ ней». Цезарь повѣрилъ, а потомъ забылъ обо мнѣ, а я, по совѣту старшинъ, ни разу не писала матери, гдѣ я живу, чтобъ она смѣло могла сказать, что ничего не знаетъ обо мнѣ. Ты, Виницій, можетъ быть, не поймешь этого, но намъ нельзя лгать, хотя бы дѣло шло о нашей жизни. Наше ученіе таково и къ нему мы хотимъ приспособить наши сердца. Я не видала Помпоніи съ той минуты, какъ покинула ея домъ, а до нея лишь отъ времени до времени долетало смутное эхо, что я жива и нахожусь въ безопасности.

Горе прервало ея слова, глаза наполнились слезами, но вскорѣ она успокоилась и прибавила:

— Я знаю, что и Помпонія тоскуетъ по мнѣ, но у насъ есть радости, какихъ нѣтъ у другихъ.

— Да,— отвѣтилъ Виницій,— ваше утѣшеніе—Христосъ, но я не понимаю этого.

— Посмотри на насъ: для насъ нѣтъ разлуки, нѣтъ горя и страданій, а если они придутъ, то преображаются въ радость. И даже самая смерть,— для васъ она конецъ жизни, а для насъ только начало, обмѣнъ ничтожнаго счастья на великое, меньшаго спокойствія на большее и вѣчное. Пойми, каково должно быть ученіе, которое повелѣваетъ намъ быть добрыми даже къ нашимъ врагамъ, запрещаетъ ложь, очищаетъ нашу душу отъ злобы и обѣщаетъ послѣ смерти несказанное счастье.

— Я слышалъ это въ Остраніи и видѣлъ, какъ вы поступили со мной и съ Хилономъ, а когда думаю объ этомъ, то до сихъ поръ мнѣ кажется, что это сонъ и что я не долженъ вѣрить ни своимъ глазамъ, ни ушамъ. Но ты отвѣть мнѣ на другой вопросъ: счастлива ли ты?

— Да,—сказала Лигія.—Я вѣрю въ Христа и не могу быть несчастна.

Виницій посмотрѣлъ на нее, какъ будто то, что говорила она, совершенно превосходило мѣру человѣческаго разумѣнія.

— И ты не хотѣла бы возвратиться къ Помпоніи?

— Хотѣла бы всею душой, и возвращусь, если такова будетъ воля Божія.

— Тогда я говорю тебѣ: возвращайся, и я поклянусь тебѣ своими ларами, что не подниму на тебя руки.

Лигія задумалась на минуту, потомъ отвѣтила:

— Нѣтъ. Я не могу своихъ ближнихъ подвергать опасности. Цезарь не любитъ родъ Плавтіевъ. Еслибъ я возвратилась,—ты знаешь, какъ при помощи невольниковъ разносится всякая новость по Риму,—тогда и мое возвращеніе стало бы извѣстно и Неронъ несомнѣнно узналъ бы объ этомъ отъ своихъ невольниковъ. Тогда онъ покаралъ бы Авла или, самое меньшее, вновь взялъ бы меня къ себѣ.

— Да,— сказалъ Виницій и сморщилъ брови,—это могло бы быть. Онъ сдѣлалъ бы это, хотя бы для того, чтобъ удовлетворить свою волю. Правда, что онъ только забылъ о тебѣ или не хотѣлъ думать,—вѣдь, не ему, а мнѣ была сдѣлана непріятность. Но, можетъ быть... когда онъ отниметъ тебя у Авла, то отдастъ мнѣ, а я возвращу тебя Помпоніи.

Лигія съ грустью спросила его:

— Виницій, ты хотѣлъ бы еще разъ видѣть меня на Палатинѣ?

Онъ стиснулъ зубы и отвѣтилъ:

— Нѣтъ! Ты права. Я говорилъ, какъ глупецъ. Нѣтъ!

И вдругъ онъ увидалъ передъ собою какую-то бездонную пропасть. Онъ былъ патрицій, военный трибунъ, человѣкъ могущественный, но надъ всѣми силами міра, къ которому онъ принадлежалъ, стоялъ безумецъ, ни воли, ни злобы котораго никто предвидѣть не могъ. Не считаться съ ними, не бояться его могли развѣ такіе люди, какъ христіане, для которыхъ весь этотъ міръ,— разлука, мученія, даже самая смерть,—были ничѣмъ. Всѣ другіе должны были дрожать передъ цезаремъ. Гроза времени, въ которомъ жилъ Виницій, представилась передъ нимъ во всемъ своемъ чудовищномъ объемѣ. Онъ не могъ отдать Лигію Авлу изъ опасенія, чтобы чудовище не вспомнило о ней и не обратило на нее своего гнѣва. По этому же самому соображенію, еслибъ онъ теперь взялъ ее себѣ въ жены, то могъ бы подвергнуть опасности ее, себя, Авла и Помпонію. Одной минуты дурнаго расположенія духа цезаря было достаточно, чтобы погубить всѣхъ ихъ. Виницій въ первый разъ въ жизни почувствовалъ, что или міръ долженъ измѣниться и переродиться, или жизнь сдѣлается совершенно невозможною. Точно также онъ понялъ то, что̀ недавно было неясно для него,— что въ такія времена только одни христіане могли быть счастливыми.

Но, прежде всего, его охватило горе,—онъ понялъ и то, что самъ такъ страшно спуталъ жизнь и свою, и Лигіи, и что изъ этой путаницы почти не было выхода. И подъ вліяніемъ этого горя онъ заговорилъ:

— Знаешь ли ты, что ты счастливѣе меня? У тебя въ нищетѣ, въ этой бѣдной комнатѣ, среди грубыхъ людей, есть своя религія, свой Христосъ, а у меня ничего нѣтъ, кромѣ самого себя, и когда ты исчезла отъ меня, я сталъ нищимъ, у котораго нѣтъ ни кровли надъ головой, ни куска хлѣба. Ты мнѣ дороже всего свѣта. Я разыскивалъ тебя, потому что не могъ жить безъ тебя. Я не хотѣлъ ни пиршества, ни сна. Еслибъ не надежда, что я найду тебя, я бросился бы на мечъ, но я страшусь смерти, потому что не могъ бы смотрѣть на тебя. Я говорю тебѣ истинную правду, что не съумѣю жить безъ тебя и до сихъ поръ жилъ надеждой, что найду и увижу тебя. Помнишь ли ты наши бесѣды въ домѣ Авла? Однажды ты начертила на пескѣ рыбу, а я не понялъ, что̀ это значитъ. Помнишь, какъ мы играли въ мячъ? Я и тогда любилъ тебя больше

жизни, да и ты начала догадываться, что я люблю тебя... Пришелъ Авлъ, началъ стращать насъ Либитиной и прервалъ нашъ разговоръ. Помпонія на прощанье сказала Петронію, что Богъ единъ, всемогущъ и милосердъ, но намъ и въ голову не пришло, что вашъ Богъ—Христосъ. Пусть Онъ отдастъ тебя мнѣ и я полюблю Его, хотя Онъ представляется мнѣ богомъ невольниковъ, чужеземцевъ и нищихъ. Ты сидишь возлѣ меня и думаешь только о Немъ одномъ. Думай и обо мнѣ, иначе я возненавижу Его. Для меня ты—единственное божество. Благословенны твои отецъ и мать, благословенна земля, которая породила тебя. Я хотѣлъ бы обнять твои ноги и молиться тебѣ, тебѣ воздавать почести, тебѣ приносить жертвы, тебѣ дѣлать поклоны, ты, трижды божественная! Ты не знаешь, ты не можешь знать, какъ я люблю тебя!

Онъ провелъ рукою по поблѣднѣвшему лбу и сомкнулъ глаза. Его натура не знала преградъ какъ въ гнѣвѣ, такъ и въ любви. Онъ говорилъ восторженно, какъ человѣкъ, который пересталъ владѣть собою и не хочетъ знать никакой мѣры ни своимъ словамъ, ни своей любви, но говорилъ изъ глубины души и искренно. Было видно, что боль, восторгъ, страсть и обожаніе, накопившіеся въ его груди, наконецъ, хлынули неудержимымъ потокомъ словъ. Лигіи его рѣчь показалась богохульствомъ, но, однако, и ея сердце начало биться, какъ будто хотѣло разорвать стѣсняющую ея грудь тунику. Она не могла противиться сожалѣнію къ нему и состраданію къ его мученіямъ. Ее взволновала почтительность, съ которой онъ говорилъ съ ней. Она чувствовала, что ее любятъ и боготворятъ безгранично, чувствовала, что этотъ непреклонный и небезопасный человѣкъ теперь принадлежитъ ей душою и тѣломъ, какъ невольникъ, и это сознаніе его покорности и своей силы наполняло ее счастьемъ. Воспоминанія ожили въ ней въ одну минуту. Для нея онъ вновь сталъ такимъ же прекраснымъ и чуднымъ, какъ языческій богъ. Виницій, который въ домѣ Авла говорилъ ей о любви и пробуждалъ отъ сна ея, тогда еще полудѣтское сердце, онъ, поцѣлуи котораго она еще и теперь чувствовала на своихъ устахъ и изъ объятій котораго, словно изъ пламени, ее вырвалъ Урсъ,—теперь, со своимъ восторгомъ, съ болѣзненнымъ выраженіемъ своего орлинаго лица, съ поблѣднѣвшимъ лицомъ и умоляющимъ выраженіемъ глазъ, раненый, изломанный страстью, любящій, боготворящій и покорный,—онъ показался ей такимъ, какимъ она хотѣла видѣть его тогда и какого полюбила бы всею душою,—болѣе дорогимъ, чѣмъ когда бы то ни было.

И Лигія вдругъ поняла, что можетъ придти минута, когда его

любовь охватитъ и понесетъ ее, какъ вихрь, и, почувствовавъ это, испытала то же впечатлѣніе, какое за минуту испытывалъ и онъ,— что будто она стоитъ на краю бездны. Такъ для этого она покинула домъ Авла? для этого спасалась бѣгствомъ? для этого столько времени пряталась въ убогой части города? Кто такой Виницій? Августіанинъ, солдатъ и придворный Нерона! Вѣдь, онъ принималъ же участіе въ его развратѣ и безумствахъ, какъ свидѣтельствовалъ пиръ, котораго Лигія не могла забыть; вѣдь, онъ, вмѣстѣ съ прочими, ходилъ въ храмы и приносилъ жертвы сквернымъ богамъ. Можетъ быть, онъ и не вѣрилъ въ нихъ, но, все-таки, отдавалъ имъ установленную честь. Вѣдь, это онъ преслѣдовалъ ее, чтобъ обратить ее въ свою рабу и любовницу, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, ввергнуть въ страшный міръ роскоши, наслажденій, преступленія и пороковъ, взывающихъ къ Богу объ отмщеніи? Правда, онъ казался измѣнившимся, но, вѣдь, онъ самъ только что сказалъ ей, что если она будетъ думать о Христѣ больше, чѣмъ о немъ, то онъ готовъ возненавидѣть Христа. Лигіи показалось, что одна мысль о какой-нибудь другой любви, кромѣ любви къ Христу,—уже прегрѣшеніе передъ Нимъ и передъ Его ученіемъ, и когда замѣтила, что на днѣ ея души могутъ пробудиться другія чувства и стремленія, ее охватила тревога за свое сердце и свою будущность.

Въ эту минуту душевнаго разлада Лигіи появился Главкъ, который пришелъ навѣстить больного и освѣдомиться объ его здоровьѣ. На лицѣ Виниція въ одно мгновеніе выразились гнѣвъ и неудовольствіе. Онъ сердился, что прервали его разговоръ съ Лигіей, и когда Главкъ началъ задавать ему вопросы, отвѣчалъ чуть не съ презрѣніемъ. Положимъ, скоро онъ опомнился, но если Лигія имѣла какія-нибудь заблужденія, что вечеръ, проведенный въ Остраніи, могъ произвести какое-нибудь вліяніе на неукротимую натуру Виниція, то эти заблужденія должны были разсѣяться. Онъ перемѣнился только по отношенію къ ней, но, помимо этого чувства, въ его груди осталось прежнее суровое и себялюбивое, настоящее римское волчье сердце, неспособное не только понимать кроткое христіанское ученіе, но даже и простую благодарность.

Она ушла, полная смущенія и безпокойства. Прежде въ молитвѣ она повергала передъ Христомъ сердце спокойное и чистое, какъ слеза, а теперь это спокойствіе было нарушено. Въ чашечку цвѣтка заползло ядовитое насѣкомое и начало жужжать въ ней. Даже сонъ, несмотря на двѣ безсонныя ночи, не принесъ ей успокоенія. Снилось ей, что въ Остраніи Неронъ, во главѣ свиты авгу-

стиніанъ, вакханокъ, корибантовъ и гладіаторовъ, давитъ колесницей, украшенной розами, толпы христіанъ, а Виницій схватываетъ ее въ объятія, втаскиваетъ на квадригу и, прижимая къ сердцу, шепчетъ: «Пойдемъ съ нами!»

XXVII.

Съ этой минуты Лигія рѣже показывалась въ общей комнатѣ и рѣже приближалась къ ложу Виниція, но, тѣмъ не менѣе, спокойствіе ея не возвращалось. Она видѣла, что Виницій слѣдитъ за нею умоляющими глазами, какъ милости, ожидаетъ каждаго ея слова, страдаетъ и не смѣетъ жаловаться, чтобы не оттолкнуть ее отъ себя, что она одна—его здоровье и радость, и тогда сердце Лигіи наполнялось жалостью къ нему. Вскорѣ она замѣтила, что чѣмъ болѣе старается избѣгать его, тѣмъ жалость ея увеличивается, и въ силу этого ея чувство къ нему становится болѣе трогательнымъ. Спокойствіе покинуло ее. По временамъ она говорила себѣ, что, собственно говоря, она постоянно должна быть возлѣ Виниція, во-первыхъ, потому, что божественное ученіе повелѣваетъ платить добромъ за зло, а, во-вторыхъ, что, разговаривая съ нимъ, она могла бы привлечь его къ этому ученію. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, совѣсть говорила ей, что она обманываетъ себя и къ Виницію ее тянетъ что-то совсѣмъ другое,—именно его любовь и его обаяніе. Такимъ образомъ, она жила въ вѣчномъ разладѣ съ собою, и разладъ этотъ увеличивался съ каждымъ днемъ. Иногда ей казалось, что ее окружаетъ какая-то сѣть, и она, желая освободиться, запутывалась все болѣе. Теперь она должна была признаться себѣ, что присутствіе Виниція становится необходимымъ для нея, голосъ его все болѣе и болѣе милымъ, и что ей нужно напрягать всѣ силы, чтобы противиться желанію сидѣть у его ложа. Когда она приближалась къ нему и лицо его прояснялось, радость заливала и ея сердце. Однажды она замѣтила слѣды слезъ на его рѣсницахъ и въ первый разъ въ жизни ей пришла мысль, что она могла бы осушить ихъ поцѣлуями. Устрашенная этою мыслью, полная презрѣнія къ себѣ, она проплакала всю слѣдующую ночь.

А Виницій былъ терпѣливъ, какъ будто далъ обѣтъ терпѣнія. Когда глаза его вспыхивали нетерпѣніемъ, своеволіемъ и гнѣвомъ, онъ вдругъ сдерживался и потомъ безпокойно смотрѣлъ на Лигію, какъ будто прося у нея прощенія, и ее это омрачало еще больше. Она никогда не предполагала, что ее такъ любятъ, и когда ду-

мала объ этомъ, то чувствовала себя, въ одно и то же время, и виновной, и счастливой. А Виницій, дѣйствительно, измѣнялся. Въ его разговорахъ съ Главкомъ слышалось менѣе гордости. Часто приходило ему въ голову, что и этотъ бѣдный врачъ-невольникъ, и старуха Миріамъ, которая окружала его заботами, и Криспъ, вѣчно погруженный въ молитву,—что все это люди. Онъ дивился этимъ мыслямъ, но они, однако, навѣщали его. Урса онъ полюбилъ и теперь разговаривалъ съ нимъ по цѣлымъ днямъ, потому что могъ говорить съ нимъ о Лигіи, а гигантъ былъ неисчерпаемъ въ своихъ разсказахъ, и, оказывая больному необходимыя услуги, началъ проявлять къ нему что-то вродѣ привязанности. Лигія для Виниція всегда была существомъ, принадлежащимъ къ другому виду, неизмѣримо высшимъ, чѣмъ тѣ, которые окружали ее, тѣмъ не менѣе, однако, онъ началъ присматриваться къ людямъ простымъ и убогимъ,—чего никогда не дѣлалъ прежде,—и началъ открывать въ нихъ интересныя стороны, о существованіи которыхъ до сихъ поръ не имѣлъ понятія. Только Назарія онъ не могъ выносить,—ему казалось, что молодой мальчикъ осмѣливается любить Лигію. Правда, онъ долго воздерживался и не высказывалъ своего нерасположенія, но однажды, когда мальчикъ принесъ Лигіи двѣ перепелки, купленныя на рынкѣ на заработанныя имъ деньги, въ Виниціи заговорилъ потомокъ квиритовъ, для котораго сынъ чужого народа значилъ меньше, чѣмъ самый ничтожный червякъ. Слыша благодарность Лигіи, онъ страшно поблѣднѣлъ, а когда Назарій вышелъ за водою для птицъ, сказалъ:

— Лигія, можешь ли терпѣть, чтобъ онъ приносилъ тебѣ подарки? Развѣ ты не знаешь, что людей его народа греки называютъ жидовскими собаками?

— Я не знаю, какъ ихъ называютъ греки,—отвѣтила Лигія,—но знаю, что Назарій христіанинъ и братъ мой.

Она посмотрѣла на него съ горемъ и удивленіемъ, потому что онъ уже отвыкъ отъ подобныхъ вспышекъ. Виницій стиснулъ зубы, чтобы не сказать ей, что такого ея «брата» онъ приказалъ бы на смерть заколотить палками или сослалъ бы на свои сицилійскіе виноградники, чтобъ онъ въ кандалахъ копалъ землю... Но, однако, онъ сдержался, подавилъ въ себѣ гнѣвъ и спустя немного отвѣтилъ:

— Прости меня, Лигія. Для меня ты—царская дочь и пріемная дочь Авла.

И онъ переломилъ себя до такой степени, что когда Назарій

вновь появился въ комнатѣ, Виницій обѣщалъ ему, по возвращеніи на свою виллу, подарить пару павлиновъ или фламинговъ, которые массами водились въ его садахъ.

Лигія поняла, чего ему стоили подобныя побѣды надъ собой, и чѣмъ больше онъ одерживалъ ихъ, тѣмъ больше ея сердце склонялось къ нему. Но его заслуга по отношенію къ Назарію была меньше, чѣмъ она предполагала. Виницій временно могъ разсердиться на него, но не могъ ревновать къ нему. Сынъ Миріамъ, дѣйствительно, въ глазахъ Виниція значилъ не больше собаки и, кромѣ того, былъ мальчикъ, который если и любилъ Лигію, то любилъ любовью безсознательною и покорною. Бо̀льшую борьбу долженъ былъ вести съ собою молодой трибунъ, чтобы примириться, хотя бы молчаливо, съ тѣмъ почитаніемъ, которымъ среди этихъ людей было окружено имя Христа, и съ Его ученіемъ. Съ этой стороны въ Виниціи происходили странныя явленія. Какъ бы то ни было, то было ученіе, которому Лигія вѣрила и которое, по тому самому, онъ готовъ былъ признать. Потомъ, чѣмъ больше онъ выздоравливалъ, тѣмъ лучше вспоминалъ весь рядъ событій, протекшихъ съ извѣстной ночи въ Остраніи, весь рядъ понятій, которыя съ тѣхъ поръ образовались въ его головѣ, и тѣмъ сильнѣе удивлялся нечеловѣческой силѣ этого ученія, которое такимъ кореннымъ образомъ перерождало человѣческія души. Онъ понималъ, что въ этомъ ученіи кроется что-то необычайное, чего еще до сихъ поръ не было на свѣтѣ, и чувствовалъ, что еслибъ оно охватило весь міръ, если бы вселило въ него свою любовь и свое милосердіе, то наступила бы эпоха, напоминающая ту, когда надъ вселенной царствовалъ не Зевсъ, а Сатурнъ. Онъ не смѣлъ сомнѣваться ни въ чудесномъ зачатіи Христа, ни въ Его воскресеніи, ни въ другихъ чудесахъ. Близкіе свидѣтели, которые говорили объ этомъ, черезъ-чуръ заслуживали вѣроятія, черезъ-чуръ гнушались ложью, чтобъ ихъ можно было заподозрить въ сообщеніи небывалыхъ вещей. Наконецъ, римскій скептицизмъ дозволялъ себѣ не вѣрить въ боговъ, но въ чудеса вѣрилъ. И вотъ Виницій стоялъ передъ лицомъ какой-то странной загадки, которую не умѣлъ распутать. Съ другой стороны, все это ученіе казалось ему такимъ несоотвѣтственнымъ существующему порядку вещей, настолько неудобнымъ для проведенія въ жизнь и такимъ безумнымъ, какъ никакое другое. По его мнѣнію, люди въ Римѣ и во всемъ свѣтѣ могли быть дурными, но порядокъ вещей вездѣ былъ хорошъ. Напримѣръ, если бы цезарь былъ достойнымъ человѣкомъ, если

бы сенатъ состоялъ не изъ такихъ изнеголяйничавшихся развратниковъ, а изъ такихъ людей, какъ Тразеа, чего еще можно было желать? Вѣдь, римскій міръ и римское верховенство были вещами хорошими, классификація людей умна и справедлива, а христіанское ученіе, по разумѣнію Виниція, должно было бы смутить весь порядокъ, подорвать римское владычество и стереть всю разницу между людьми. И что же тогда сталось хотя бы съ римскою властью и съ Римскимъ государствомъ? Неужели римляне могли бы перестать властвовать надъ міромъ или признать цѣлое стадо покоренныхъ ими народовъ равными себѣ? Это ужь не умѣщалось въ головѣ патриція. И, притомъ, это ученіе было противно всѣмъ его вкусамъ, привычкамъ, характеру и понятіямъ о жизни. Онъ просто не могъ вообразить, какъ онъ существовалъ бы, если бы принялъ его. Онъ боялся его, удивлялся ему, но противъ него возмущалась вся его натура. Наконецъ, онъ понималъ, что только оно раздѣляетъ его съ Лигіей, и когда думалъ объ этомъ, то ненавидѣлъ его всѣми силами души. Однако, онъ могъ уже понимать, что это оно одарило Лигію такою необыкновенною, необъяснимою красотой, которая въ его сердцѣ, кромѣ любви, возбудила уваженіе, кромѣ страсти—поклоненіе, обратило ее въ самое дорогое для него существо. А тогда ему снова хотѣлось любить Христа, и онъ понималъ ясно, что долженъ или полюбить, или возненавидѣть Его, а равнодушнымъ къ Нему остаться не можетъ. На него точно напирали двѣ противуположныя волны, онъ колебался въ мысляхъ, колебался въ чувствахъ, ничего не могъ избрать и только склонялъ голову и оказывалъ молчаливую честь этому непонятному для него Богу только потому, что Онъ былъ Богомъ Лигіи.

Лигія видѣла, что̀ въ немъ происходитъ, какую ломку переживаетъ онъ, какъ его натура отвергаетъ ученіе Христа, и если, съ одной стороны, это смертельно огорчало ее, то, съ другой, жалость, состраданіе и признательность за молчаливое почитаніе, какое онъ оказывалъ Христу, склоняли къ нему съ непреоборимою силой ея сердце. Она вспомнила Помпонію Грецину и Авла. Для Помпоніи источниками неустанной скорби и никогда не высыхающихъ слезъ была мысль, что она за гробомъ не найдетъ Авла. Лигія теперь лучше начала понимать эту горечь и эту боль. И она встрѣтила дорогое существо, съ которымъ ей грозила вѣчная разлука. Иногда она почти заблуждалась, что его душа еще откроется для Христовой правды, но заблужденіе это не могло долго удерживаться. Она уже хорошо знала и понимала его. Виницій—христіанинъ! Эти по-

нятія даже въ ея неопытной головѣ не могли помѣститься рядомъ. Если разсудительный и серьезный Авлъ не могъ обратиться въ христіанство подъ вліяніемъ мудрой и совершенной Помпоніи, то какъ же сдѣлается христіаниномъ Виниций? На это не было отвѣта или, вѣрнѣе, былъ одинъ, что для него нѣтъ ни надежды, ни спасенія.

И тутъ же Лигія со страхомъ замѣтила, что приговоръ, висящій надъ нимъ и обрекающій его на гибель, вмѣсто того, чтобъ отвращать ее отъ него, благодаря состраданію, дѣлаетъ его еще болѣе дорогимъ для нея. По временамъ ей хотѣлось искренно поговорить съ нимъ объ его темномъ прошломъ, но когда однажды она сѣла возлѣ него и сказала, что внѣ христіанскаго ученія нѣтъ жизни, онъ приподнялся на своемъ здоровомъ локтѣ, вдругъ опустилъ голову на ея колѣни и проговорилъ: «Ты — жизнь!» Тогда дыханіе замерло въ ея груди, силы покинули ее, какая-то сладостная дрожь пробѣжала по всему ея тѣлу. Схватившись руками за его виски, она силилась приподнять его голову, но, притомъ, сама наклонилась къ нему такъ, что губами коснулась его волосъ.

Съ минуту въ какомъ-то упоеніи они оба боролись съ собой и съ любовью, которая толкала одного къ другому, наконецъ, Лигія вскочила и убѣжала, чувствуя, что по жиламъ ея пробѣгаетъ огонь, а голова идетъ кругомъ. Это была послѣдняя капля, переполнившая и безъ того полный сосудъ. Виниций не догадывался, какъ дорого ему придется оплатить счастливую минуту, но Лигія поняла, что теперь она сама нуждается въ помощи. Ночь послѣ этого вечера она провела безъ сна, въ слезахъ и молитвѣ, съ сознаніемъ, что недостойна молиться и не можетъ быть услышана. На другой день она вышла изъ кубикула рано и вызвала Криспа въ садовую бесѣдку, оплетенную плющемъ и увядшею павиликой, открыла ему всю душу и умоляла, въ то же время, чтобъ онъ позволилъ ей покинуть домъ Миріамъ, потому что она не довѣряетъ себѣ и не можетъ пересилить своей любви къ Виницію.

Криспъ, который былъ человѣкомъ старымъ, суровымъ и погруженнымъ въ вѣчный экстазъ, одобрилъ намѣреніе Лигіи покинуть домъ Миріамъ, за то не нашелъ словъ прощенія для грѣшной, по его понятіямъ, любви. Сердце его преисполнилось негодованіемъ при одной мысли, что та Лигія, которой онъ покровительствовалъ съ минуты ея бѣгства, которую онъ полюбилъ, утвердилъ въ вѣрѣ и на которую до сихъ поръ смотрѣлъ, какъ на бѣлую лилію, возросшую на почвѣ христіанскаго ученія и неоскверненную никакимъ земнымъ дуновеніемъ, могла въ своей душѣ найти мѣсто для ду-

той любви, кромѣ любви небесной. Онъ думалъ до сихъ поръ, что нигдѣ, во всемъ свѣтѣ болѣе чистое сердце не бьется любовью ко Христу, и хотѣлъ принести его въ жертву Ему, какъ перлъ, какъ сокровище, какъ дорогое дѣло своихъ рукъ, и испытанное имъ разочарованіе наполнило его изумленіемъ и горечью.

— Иди и моли Бога простить твои вины,—сурово сказалъ онъ.—Бѣги, пока злой духъ, который опуталъ тебя, не доведетъ тебя до совершеннаго паденія и пока ты не отречешься отъ Избавителя. Богъ умеръ для тебя на крестѣ, чтобы собственною кровью окропить твою душу, а ты предпочла полюбить того, кто хотѣлъ сдѣлать тебя своею наложницей. Богъ чудомъ избавилъ тебя изъ его рукъ, но ты открыла сердце для нечистой страсти и полюбила сына тьмы. Кто онъ такой? Другъ и слуга антихриста, сообщникъ его распутства и преступленій. Куда онъ поведетъ тебя, если не въ ту бездну, въ Содомъ, въ которомъ живетъ самъ и который Богъ разрушитъ огнемъ своего гнѣва? А я говорю тебѣ: лучше бы ты умерла, лучше бы стѣны этого дома свалились на твою голову раньше, чѣмъ этотъ змѣй вползъ въ твою грудь и осквернилъ ее ядомъ своего беззаконія.

Онъ увлекался все больше. Вина Лигіи наполняла его не только гнѣвомъ, но и отвращеніемъ и презрѣніемъ къ человѣческой природѣ вообще, а въ особенности къ природѣ женщины, которую даже христіанское ученіе не могло охранить отъ слабости Евы. Для него ничего не значило, что дѣвушка осталась еще чистою, что хотѣла бѣжать отъ этой любви и каялась въ ней съ горемъ и сокрушеніемъ. Криспъ хотѣлъ бы обратить ее въ ангела и вознести на высоту, гдѣ существуетъ только любовь ко Христу, а она полюбила августіанина. Одна мысль объ этомъ преисполняла его сердце гнѣвомъ, усиливаемымъ чувствомъ разочарованія. Нѣтъ, онъ не могъ ей простить этого! Слова гнѣва палили его уста на подобіе раскаленныхъ углей; онъ еще боролся съ собой, чтобы не выговорить ихъ, и только потрясалъ своими исхудавшими руками надъ испуганною дѣвушкой. Лигія чувствовала себя виновной, но виновной не до такой степени; она думала даже, что ея удаленіе изъ дома Миріамъ будетъ побѣдой надъ искушеніемъ и смягчитъ ея вину. Криспъ стеръ ее въ прахъ; онъ показалъ ей все ничтожество и несовершенство ея души, а этого она до сихъ поръ не подозрѣвала. Она даже думала, что старый пресвитеръ, который со времени ея бѣгства изъ Палатина относился къ ней по-отцовски, выкажетъ немного состраданія, утѣшитъ ее ободритъ, укрѣпитъ.

— Я посвящаю Богу мою обманутую надежду и мою скорбь,— продолжалъ Криспъ,—но ты обманула и Избавителя, ибо погрязла въ болотѣ, испаренія котораго отравили тебѣ душу. Ты могла бы посвятить ее Христу, какъ многоцѣнный сосудъ, и сказать Ему: «Исполни ее, Боже, Твоею милостію!»—а ты предпочла отдать ее слугѣ злого духа. Да проститъ тебя Богъ и да сжалится надъ тобой, потому что я... пока ты не отженишь отъ себя змія... я, который считалъ тебя избранницей...

И онъ вдругъ замолчалъ, потому что замѣтилъ, что они были не одни.

Сквозь увядшую павилику и плющъ, одинаково зеленѣющійся какъ лѣтомъ, такъ и зимою, онъ увидалъ двоихъ людей, изъ которыхъ одинъ былъ апостолъ Петръ. Другого онъ не могъ узнать сразу, потому что плащъ изъ грубой волосяной ткани, называемой «cilium», прикрывалъ часть его лица. Съ минуту Криспу даже казалось, что это Хилонъ.

Петръ и его спутникъ, услыхавъ возвышенный голосъ Криспа, вошли въ бесѣдку и сѣли на каменную скамью. Спутникъ Петра открылъ свое лицо, съ лысымъ черепомъ, только на бокахъ покрытымъ вьющимися волосами, съ красными рѣсницами и искривленнымъ носомъ,—лицо безобразное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вдохновенное. И Криспъ узналъ въ немъ Павла изъ Тарса.

Лигія бросилась на колѣни, въ отчаяніи обхватила руками ноги Петра и, прижавъ свою измученную головку къ складкамъ его плаща, застыла въ молчаніи.

Петръ сказалъ:

— Миръ душамъ вашимъ.

И, видя дѣвушку у своихъ ногъ, спросилъ, что это значитъ? Тогда Криспъ началъ разсказывать все, въ чемъ ему покаялась Лигія,—о ея грѣшной любви, о ея желаніи бѣжать изъ дома Миріамъ, о своей скорби, что душа, которую онъ хотѣлъ отдать Христу чистою, какъ слеза, осквернила себя земнымъ чувствомъ къ участнику во всѣхъ преступленіяхъ, въ которыхъ погрязалъ языческій міръ и которыя взывали къ Богу объ отмщеніи.

Во время его разсказа Лигія все крѣпче обнимала ноги апостола, какъ бы желая вымолить хоть каплю состраданія.

Апостолъ выслушалъ все до конца, наклонился и положилъ свою дряхлую руку на Лигію, потомъ поднялъ глаза на стараго священника и сказалъ:

— Криспъ, развѣ ты не слыхалъ, что нашъ возлюбленный

Господь былъ на брачномъ пиршествѣ въ Канѣ и благословилъ любовь между мужчиной и женщиной?

Руки Криспа опустились и онъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на апостола.

А Петръ, помолчавъ съ минуту, спросилъ снова:

— Криспъ, думаешь ли ты, что Христосъ, который дозволялъ Маріи Магдалинѣ лежать у Своихъ ногъ и который простилъ блудницѣ, отвернулся бы отъ этого ребенка, чистаго, какъ полевая лилія?

Лигія, съ рыданіемъ, еще сильнѣе прижалась къ ногамъ Петра. Она поняла, что не напрасно искала здѣсь защиты. Апостолъ поднялъ ея облитое слезами лицо и обратился къ ней:

— Пока очи того, кого ты любишь, не откроются для свѣта правды, избѣгай его, чтобъ онъ не ввелъ тебя въ грѣхъ, но молись за него и знай, что нѣтъ вины въ любви твоей, а такъ какъ ты хочешь скрыться отъ искушенія, то эта заслуга будетъ зачтена тебѣ. Не отчаявайся и не плачь, ибо, говорю я тебѣ, милость Избавителя не оставила тебя и молитвы твои будутъ услышаны, а послѣ скорби начнутся дни радости.

Онъ возложилъ обѣ руки на ея голову и, поднявъ глаза къ небу, благословилъ ее. Лицо его свѣтилось неземною кротостью.

Сокрушенный Криспъ съ покорностью началъ оправдываться:

— Я согрѣшилъ противъ милосердія,—сказалъ онъ,—но я думалъ, что, допуская до сердца земную любовь, она отрекается отъ Христа.

Петръ отвѣтилъ:

— Три раза я отрекался отъ Него, а, однако, Онъ простилъ меня и повелѣлъ пасти овецъ своихъ.

— Потому,—закончилъ Криспъ,—что Виницій августіанинъ.

— Христосъ сокрушалъ еще болѣе твердыя сердца,—сказалъ Петръ.

На это Павелъ Тарсянинъ, который молчалъ до тѣхъ поръ, приставилъ палецъ къ своей груди и, указывая на себя, сказалъ:

— Это я, который преслѣдовалъ и предавалъ смерти слугъ Христовыхъ. Когда убивали Стефана, я охранялъ платья тѣхъ, которые избивали его каменьями; я хотѣлъ истребить правду во всѣхъ земляхъ, обитаемыхъ людьми, и, однако, Господь предназначилъ мнѣ, чтобъ я проповѣдывалъ Его ученіе по всѣмъ этимъ землямъ. И я проповѣдывалъ Его въ Іудеѣ, въ Греціи, на островахъ и въ этомъ безбожномъ городѣ, когда я, какъ узникъ, проживалъ въ

немъ, а теперь, когда меня вызвалъ Петръ, нашъ пастырь, я вступлю въ этотъ домъ, чтобы пригнуть эту гордую голову къ стопамъ Христа, бросить зерно на эту каменистую почву, которую Господь умягчитъ, дабы она принесла обильную жатву.

И онъ всталъ. Этотъ невысокій, сгорбленный человѣкъ теперь показался Криспу тѣмъ, чѣмъ онъ былъ въ дѣйствительности,— гигантомъ, который потрясетъ міръ въ его основаніяхъ и покоритъ земли и народы.

В. Л.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Цезарь Ломброзо, какъ ученый и мыслитель *).

VI.

Тотъ фактъ, что воздвигнутая на атавистическомъ фундаментѣ ломброзовская теорія преступности быстро разсыпалась при первомъ же прикосновеніи къ ней строгой научной критики, весьма краснорѣчиво свидѣтельствуетъ намъ о томъ, что обоснована была эта теорія очень плохо, что она явилась не плодомъ тщательнаго, серьезнаго изученія вопроса о преступности, а результатомъ крайне поспѣшнаго и легкомысленнаго обобщенія немногочисленныхъ, наскоро собранныхъ, недостаточно провѣренныхъ, неряшливо обработанныхъ, небрежно обдуманныхъ и дурно понятыхъ фактовъ и данныхъ (все это безчисленными аппонентами Ломброзо и доказано было, какъ дважды два). Въ ломброзовскомъ ученіи о преступности развивается, въ сущности, вовсе не какая-либо научная теорія, въ строгомъ смыслѣ этого слова, а просто-на-просто *предвзятая идея*, созданная творческою фантазіей туринскаго «геніальнаго мыслителя». Утвердившись на этой идеѣ, сводящейся, какъ мы уже знаемъ, къ тому, что преступникъ есть продуктъ атавизма, авторъ ея насильственно и втиснулъ этого преступника въ грубо скомпонованную имъ атавистическую форму. Такъ распорядился Ломброзо съ «преступнымъ человѣкомъ», совершенно такъ же распорядился онъ и съ «геніальнымъ человѣкомъ».

Что такое геній? Геній есть продуктъ дегенераціи, родной братъ помѣшаннаго, — категорически заявляетъ туринскій профессоръ. Установивъ эту формулу, онъ, по обыкновенію, началъ ее по-своему «подтверждать» и «доказывать», т.-е., по-просту, настаивать на ней, широко пуская въ ходъ всевозможныя натяжки и искаженія фактовъ, прячась за туманные термины, политично оставляемые имъ безъ точнаго опредѣленія, аргументируя всевозможными, иногда прямо-таки нелѣпыми, сравненіями и сопоставленіями и при всемъ этомъ преслѣдуя только одну цѣль—во что бы то ни стало сблизить геніальность съ помѣшательствомъ. Плодомъ всѣхъ этихъ усилій и потугъ и явились сначала книжечка *Genio e follia*, а

*) *Русская Мысль*, кн. VII.

затѣмъ большая книга—*Uomo di geni*. Въ книгахъ этихъ, развивающихъ теорію, созданную авторомъ, по собственному его признанію, «какъ бы подъ вліяніемъ экстаза», т.-е. по вдохновенію, по наитію, экспромптомъ, на невѣдомыхъ основаніяхъ (какъ и всегда!), Ломброзо «удалось опредѣлить, хотя отчасти, сущность и происхожденіе геніальности», «дать ключъ къ уразумѣнію таинственной сущности генія и къ объясненію тѣхъ странныхъ религіозныхъ маній, которыя иногда являлись ядромъ великихъ историческихъ событій», «помочь установить новую точку зрѣнія для оцѣнки художественнаго творчества геніевъ, путемъ сравненія произведеній ихъ въ области искусствъ и литературы съ такими же произведеніями помѣшанныхъ» (!), и, наконецъ, «оказать громадныя услуги судебной медицинѣ» *). Какъ читатель видитъ, автору нашему «удалось», будто бы, сдѣлать чрезвычайно многое, рѣшить цѣлый рядъ грандіознѣйшихъ, сложнѣйшихъ и запутаннѣйшихъ вопросовъ. Если все это онъ дѣйствительно совершилъ, то въ такомъ случаѣ намъ слѣдовало бы поспѣшно и благоговѣйно преклониться передъ нимъ. Мы, однако же, воздержимся, пока что, отъ преклоненія и, не вѣря ему на слово (въ виду его поистинѣ «геніальной» нескромности), наведемъ документальныя справки о томъ, насколько и какъ онъ «уразумѣлъ» сущность чуть не всего сущаго.

Физіологическое сходство между геніальными людьми и психически-больными, по утвержденію Ломброзо, полнѣйшее. Вотъ, для примѣра, кое-какія изъ «доказательствъ» справедливости этого утвержденія. Какъ у геніевъ, такъ и у помѣшанныхъ одинаково часто наблюдаются внѣшніе признаки нервнаго возбужденія (большая живость движеній, порывистые жесты, усиленная мимика и пр.). Сближеніе это настолько «геніально», такъ прекрасно характеризуетъ оно степень критической и логической способности нашего мыслителя, что мы считаемъ не лишнимъ остановить на немъ на минуту вниманіе читателя. Скажите, пожалуйста, что̀ бы вы подумали о человѣкѣ, который, съ самымъ серьезнымъ, академическимъ видомъ, сталъ бы, въ видахъ вашего поученія, проводить такія, напримѣръ, аналогіи хотя бы между тѣми же геніальными и помѣшанными людьми: какъ у первыхъ, такъ и у вторыхъ одинаково часто наблюдается движеніе языка, когда они говорятъ; какъ у тѣхъ, такъ и у другихъ въ выдыхаемомъ ими воздухѣ оказывается углекислота; какъ тѣ, такъ и другіе одинаково закрываютъ глаза, когда засыпаютъ, и т. д. Ergo, тѣ и другіе очень похожи, близко родственны между собою. Прослушавши такое «ученое» сообщеніе, вы, по всей вѣроятности, пожали бы плечами и съ досадою отвернулись бы отъ глупаго болтуна. И прекрасно бы сдѣлали, потому что, въ самомъ дѣлѣ, нужно быть прямо-таки неумнымъ человѣкомъ, чтобы не понимать, что на основаніи *такихъ* общихъ признаковъ никакихъ сходствъ въ дан-

*) Обо всемъ этомъ скромно докладывается читателю въ авторскихъ предисловіяхъ къ третьему и четвертому изданіямъ книги *Genio e follia*. Мы цитировали и будемъ цитировать по русскому переводу съ 4 итальянскаго изданія: *Геніальность и помѣшательство*, изд. Ф. Павленкова, 1885 г.

номъ случаѣ устанавливать совершенно невозможно. Какъ наличность движеній языка у генія и помѣшаннаго говоритъ намъ только о томъ, что оба они одинаково пользуются даромъ слова, такъ и наличность у нихъ внѣшнихъ признаковъ нервнаго возбужденія свидѣтельствуетъ только о томъ, что у обоихъ у нихъ существуетъ нервное возбужденіе, что у обоихъ у нихъ нервномозговая система усиленно работаетъ. Но развѣ одного только голаго указанія на возбужденное состояніе достаточно для характеристики помѣшаннаго и для характеристики генія? Развѣ Иванъ считается сумасшедшимъ, а Петръ—геніемъ *только* потому, что у обоихъ у нихъ нервномозговая система усиленно работаетъ? Нѣтъ, конечно: первый—сумасшедшій потому, что мозгъ его усиленно *дурно, нелѣпо* работаетъ, а второй—геній потому, что его усиленная мозговая работа оказывается, по общему признанію, *превосходною, прекрасною*. Въ этихъ-то вотъ именно различіяхъ *качества* нервномозговой работы и заключается вся суть дѣла, когда рѣчь заходитъ о геніальности и сумасшествіи. И обходить молчаніемъ эту суть при попыткахъ сближенія генія съ помѣшаннымъ значитъ, по нашему мнѣнію, или обнаруживать довольно большую несообразительность,—весьма странную для *pensatore di genio*,—или грубо подтасовывать понятія, или же слишкомъ небрежно обращаться съ мыслью. Будемъ думать, что къ Ломброзо примѣнимо въ данномъ случаѣ третье изъ высказанныхъ предположеній. Но такъ или иначе, а логика-то при установленіи этого перваго «сходства» между геніемъ и помѣшаннымъ, все-таки, оказывается отсутствующею. Но, можетъ быть, это отсутствіе только случайное и кратковременное; можетъ быть, логика вернется къ автору, когда тотъ приступитъ къ дальнѣйшимъ «сближеніямъ»? Увы, она оказывается въ безсрочномъ отпуску: при проведеніи другихъ аналогій между геніемъ и помѣшаннымъ Ломброзо проявляетъ еще бо̀льшую независимость своей мысли отъ логическихъ законовъ.

У помѣшанныхъ, какъ и у геніальныхъ людей, — съ невозмутимою серьезностью возвѣщаетъ авторъ книги *Геніальность и помѣшательство*,—констатируется обыкновенно увеличенное содержаніе фосфорно-кислыхъ солей въ выдѣляемой почками жидкости. Вотъ «несомнѣнное сходство»!... Во имя оскорбляемаго здраваго смысла, вы энергично протестуете противъ этого утвержденія; вы настойчиво указываете на то, что увеличенное содержаніе названныхъ солей совсѣмъ не характерно для генія и помѣшаннаго и что оно въ данномъ случаѣ рѣшительно ничего не доказываетъ; вы говорите, что оно бываетъ и должно быть у *каждаго* человѣка, кто бы онъ ни былъ, если только онъ выполняетъ усиленную мозговую работу и, слѣдовательно, усиленно тратитъ свое, богатое фосфоромъ, мозговое вещество, что, поэтому, оно въ одинаковой степени будетъ констатироваться какъ у сумасшедшаго, энергично продуцирующаго бредовыя идеи, такъ и у генія, поглощеннаго творчествомъ,—и у гимназиста-классика, отчаянно борющагося съ трудностью пониманія какого-нибудь Ксенофонта или Овидія, и у департаментскаго чиновника, неприспособленнаго

къ мышленію и къ изложенію мыслей, но обязаннаго составить и представить по начальству какую-нибудь докладную записку и въ этихъ видахъ дѣлающаго героическія умственныя усилія, и у читателя ломбрOзовскихъ произведеній, истощающаго свой мозгъ въ безплодныхъ попыткахъ постигнуть смыслъ «геніальныхъ» авторскихъ «обобщеній» и заключеній,—вы настаиваете на томъ, что никакъ нельзя какой бы то ни было признакъ, какую бы то ни было черту, общую *всѣмъ* категоріямъ, пускать въ ходъ для доказательства сходства какихъ-либо двухъ изъ этихъ категорій. Напрасно,—авторъ не удостоиваетъ васъ, т.-е., логику въ вашемъ лицѣ, ни малѣйшимъ вниманіемъ и спѣшитъ «доказать» смѣло выставленный имъ тезисъ.

«У одного англійскаго проповѣдника (кто онъ такой былъ, геній или сумасшедшій,—объ этомъ ничего не говорится), всю недѣлю проводившаго въ праздности и только по воскресеньямъ съ большимъ жаромъ произносившаго проповѣди, именно въ этотъ день значительно увеличивалось въ мочѣ содержаніе фосфорно-кислыхъ солей, тогда какъ въ другіе дни оно было крайне ничтожно. Впослѣдствіи Смитъ многими наблюденіями подтвердилъ тотъ фактъ, что при всякомъ умственномъ напряженіи увеличивается количество мочевины въ мочѣ». До крайности изумленные этимъ «доказательствомъ», которымъ Ломброзо, самъ того не подозрѣвая, бьетъ наповалъ доказываемый имъ тезисъ, вы восклицаете: «Ну, да, ну, да, именно вотъ потому, что и фосфорно-кислыхъ солей, и мочевины бываетъ много при *всякомъ* умственномъ напряженіи, и нельзя извлекать доводовъ въ пользу идеи о родственности геніальности съ сумасшествіемъ... изъ сосудовъ съ почечными выдѣленіями!...» Но авторъ, восхищенный неотразимою доказательностью приведеннаго имъ примѣра съ англійскимъ проповѣдникомъ, пропускаетъ мимо ушей ваше восклицаніе и, въ свою очередь, побѣдоносно восклицаетъ: «и въ этомъ отношеніи аналогія между геніальностью и сумасшествіемъ представляется несомнѣнною!» Пощадите, *pensatore di genio*!

Но Ломброзо пощады не знаетъ и неукоснительно продолжаетъ по тому же металогическому (не знаемъ, есть ли такое слово) методу «сближать» геніевъ и сумасшедшихъ. У этихъ послѣднихъ,—докладываетъ онъ,—весьма часто наблюдаются: сѣдина, облысѣніе, худоба, вялая, неразвитая мускулатура, ослабленная генеративная дѣятельность и пр. То же и въ такой же степени часто констатируется и у геніевъ или великихъ людей. Въ самомъ дѣлѣ, «Цезарь боялся блѣдныхъ и худыхъ Кассіевъ, д'Аламберъ, Фенелонъ, Наполеонъ были въ молодости худы, какъ скелеты». О Вольтерѣ Сегюръ пишетъ: «худоба его доказываетъ, какъ онъ много работаетъ; изможденное и согбенное тѣло его служитъ только легкою, прозрачною оболочкой, сквозь которую какъ будто видишь душу и геній этого человѣка». Что такое?... Кто-то кого-то «боялся»; кто-то «въ молодости былъ» тощъ, а потомъ, очевидно, пополнѣлъ, но геніемъ быть, все-таки, не пересталъ; кто-то исхудалъ отъ усиленной работы,— ergo, геніи очень похожи на су-

масшедшихъ. Читая такія вещи, разсказываемыя, къ тому же, съ поразительнымъ апломбомъ, вы, по всей вѣроятности, начинаете, вмѣстѣ съ пишущимъ эти строки, прямо-таки досадовать на слишкомъ ужь беззаботнаго по части логики и смысла философа изъ Турина. Вамъ, быть можетъ, хотѣлось бы поставить на видъ этому философу, что если великіе люди часто бываютъ очень худощавыми, лысыми, физически слабыми и пр. (да и можно ли, полно, утверждать все это по отношенію къ геніямъ или великимъ людямъ вообще?), то, вѣдь, это самымъ естественнымъ образомъ объясняется тѣмъ, что они, эти великіе люди, сплошь и рядомъ ведутъ самую нерегулярную, самую негигіеничную жизнь, истощаютъ себя работою (самъ же авторъ, со словъ Сегюра, говоритъ, что худоба Вольтера свидѣтельствуетъ о томъ, что этотъ послѣдній много работалъ) и что ихъ неустанно и энергично функціонирующій мозгъ поглощаетъ и тратитъ на себя бо̀льшую часть живыхъ силъ и рессурсовъ организма, которыхъ потому и остается очень мало для другихъ системъ, органовъ и функцій. А если такъ, то какія же могутъ быть основанія для сближенія, на этомъ пунктѣ, геніевъ и сумасшедшихъ, для которыхъ, къ слову сказать, худоба и тому подобные признаки, опять-таки, совсѣмъ не характерны? Хотѣлось бы вамъ сказать все это и еще многое другое, но... вы, надо полагать, начинаете уже замѣчать, что отъ ломброзовскихъ положеній и «доказательствъ» голова ваша кругомъ идетъ, у васъ, пожалуй, мелькаетъ тревожное опасеніе, что ломброзовская «геніальность», чего добраго, еще заразительна, и, движимые чувствомъ самосохраненія, рѣшительно уклоняетесь отъ дальнѣйшаго собесѣдованія со «знаменитымъ» авторомъ на тему о физіологическихъ сходствахъ генія и сумасшедшаго, хотя самъ-то этотъ авторъ далеко еще не считаетъ вопроса исчерпаннымъ и продолжаетъ сыпать въ такой же мѣрѣ «несомнѣнными», какъ и предъидущія, доказательствами своей тезы: «мыслителямъ наравнѣ съ помѣшанными свойственны: постоянное переполненіе мозга кровью (гиперэмія), сильный жаръ въ головѣ, охлажденіе конечностей, склонность къ острымъ болѣзнямъ мозга, слабая чувствительность къ голоду и холоду» *). Но для васъ, думается намъ, уже за-глаза довольно и ранѣе приведенныхъ «доказательствъ»: Ломброзо васъ вполнѣ убѣдилъ. Въ чемъ, это другой вопросъ.

Отмѣтимъ здѣсь, кстати, слѣдующую, очень любопытную и характерную для ломброзовскаго «творчества», черточку. Сближая, по физіологическимъ «признакамъ», генія съ помѣшаннымъ, авторъ не считаетъ нужнымъ опредѣленно сказать читателю, что̀, собственно, онъ подразумѣваетъ подъ словомъ «геній». Благодаря недостатку точнаго опредѣленія, понятіе это остается очень туманнымъ, расплывающимся. Вводить понятія съ такимъ характеромъ въ ученое изслѣдованіе, казалось бы, совсѣмъ недозволительно. Но для Ломброзо, чѣмъ шире, неопредѣленнѣе, туманнѣе данное

*) Всѣ приведенныя въ этой главѣ положенія Ломброзо, а также и подлинныя цитаты [illegible]ты нами изъ книги *Геніальность и помѣшательство*. См. стр. 5—7.

понятіе, тѣмъ лучше, тѣмъ удобнѣе, такъ какъ въ смутно очерченныя рамки его можно вставлять рѣшительно все, что угодно, все, что можетъ потребоваться по ходу «доказательствъ» того или иного положенія. Этою возможностью ученый нашъ обыкновенно широко и пользуется. Въ частныхъ примѣрахъ «великихъ людей», отличавшихся тѣми или иными особенностями, у него на каждомъ шагу, на ряду съ Наполеонами, Петрами Великими и пр., мелькаютъ всякіе Сантейли, Кребильоны, Ломбардини, безъименные «англійскіе проповѣдники», «мыслители» вообще и т. д., и т. д., причемъ читатель приглашается вѣрить на слово, что все это «геніи». У помѣшаннаго есть такой-то «признакъ»; есть онъ, положимъ, и у какого-нибудь Сидора. Прекрасно,—для цѣлей «ученаго изслѣдованія» о сходствахъ генія съ помѣшаннымъ можно воспользоваться и Сидоромъ,—для этого стоитъ только молча ввести его въ сонмъ «геніевъ» и затѣмъ, указывая на него пальцемъ, съ торжествующимъ видомъ заявить: «видите, признакъ этотъ свойственъ и геніямъ». Вообще, очень удобно оставлять трактуемыя понятія безъ точныхъ опредѣленій.

VII.

Такъ какъ мы имѣемъ въ виду совсѣмъ не детальный, систематическій разборъ произведеній Ломброзо, а исключительно только характеристику мысли этого ученаго, а также пріемовъ и метода его научнаго творчества, то поэтому и не будемъ здѣсь останавливаться на дальнѣйшихъ доказательствахъ и соображеніяхъ нашего автора о родственной близости геніальности съ сумасшествіемъ, а укажемъ,—въ видахъ все той же характеристики,— на кое-какіе положенія, выводы и умозаключенія Ломброзо, касающіеся другихъ сторонъ вопроса о геніальности и разсыпанные въ его писаніяхъ.

Чтобы обстоятельно, всесторонне разобрать упомянутый вопросъ, для этого необходимо тщательно изучить, между прочимъ, тѣ внѣшнія условія, при которыхъ геніальность проявляется и при которыхъ совершается творчество генія. Ломброзо все это, дѣйствительно, и изучаетъ. Онъ собираетъ цѣлыя груды всевозможныхъ, самыхъ разнокалиберныхъ данныхъ,—геологическихъ, географическихъ, топографическихъ, метеорологическихъ, климатологическихъ, этнографическихъ и пр., и пр.,—и затѣмъ всматривается, въ какомъ отношеніи всѣ эти данныя стоятъ къ имѣющимся у него подъ руками даннымъ о «геніальности». Говоря вообще, противъ такого пріема изслѣдованія нельзя выставить никакихъ возраженій. Почему бы, въ самомъ дѣлѣ, и не сопоставить «генія», по возможности, со всѣми, даже второстепенными и третьестепенными условіями окружающей его среды и не посмотрѣть, нѣтъ ли между нимъ и каждымъ изъ этихъ условій какой-нибудь причинной связи и внутренней зависимости? Все это не только можно, а даже должно дѣлать, но только... осторожно. Сравнивать, сопоставлять мы можемъ рѣшительно все, что намъ угодно, можемъ мы на

основаніи этихъ сравненій и сопоставленій дѣлать и умозаключенія, выводы, обобщенія, но только намъ безусловно необходимо при этомъ постоянно руководиться строгою критическою мыслью. Если же мы, при нашей работѣ, позволимъ себѣ эмансипироваться отъ этого руководства, то съ нами весьма легко можетъ случиться, что отношеній между сопоставляемыми нами явленіями мы совсѣмъ не осмыслимъ, вмѣсто факта причинной связи между этими явленіями установимъ только фактъ *сосуществованій,*—другими словами, нафабрикуемъ «ученыхъ» иллюстрацій къ извѣстной поговоркѣ: «въ огородѣ бузина, а въ Кіевѣ дядька»... Все это съ нашимъ «знаменитымъ» ученымъ дѣйствительно и случается на каждомъ шагу.

Хочетъ, наприм., Ломброзо посмотрѣть, нѣтъ ли соотношеній зависимости между распредѣленіемъ тепла по земной поверхности и распредѣленіемъ геніевъ по лицу земли, нѣтъ ли внутренней связи между температурными колебаніями и колебаніями въ творчествѣ геніевъ. Что-жь, почему бы и не посмотрѣть? Ломброзо смотритъ, сопоставляетъ, сравниваетъ и приходитъ къ слѣдующимъ обобщеніямъ, о которыхъ онъ уже говорилъ въ своемъ *Uomo di genio* и къ которымъ еще разъ возвращается въ *Il delitto politico* (стр. 56). Чаще всего геніи нарождаются въ странахъ съ мягкою температурой, въ особенности съ морскимъ климатомъ. Особенно ясно фактъ преимущественной принадлежности геніевъ теплымъ странамъ видѣнъ на примѣрѣ великихъ музыкальныхъ маэстро. Изъ набранныхъ Ломброзо 118 лицъ этой категоріи на одну только Италію, страну южную, приходится 44 (болѣе 37%), да и въ самой-то Италіи, чѣмъ южнѣе, тѣмъ композиторовъ оказывается больше: изъ числа 44 на одинъ только Неаполь съ Сициліей приходится 27 и только 17 на среднюю и сѣверную Италію. На этомъ обобщеніи мы особенно настаивать не будемъ, хотя и по отношенію къ нему не можемъ не замѣтить, что оно отличается обычными свойствами всѣхъ вообще ломброзовскихъ обобщеній. Въ самомъ дѣлѣ, точно на музыкальныхъ геніяхъ свѣтъ клиномъ сошелся! Мало ли есть геніевъ и въ другихъ сферахъ дѣятельности человѣческаго духа,—наприм., въ поэзіи, литературѣ, философіи, наукѣ, политикѣ и т. д.! Если ужь слѣдить за распредѣленіемъ геніевъ по географическимъ широтамъ, то всѣхъ ихъ, казалось бы, и слѣдовало взять въ разсчетъ, а не ограничиваться какою-либо маленькою категоріей ихъ и не переносить обобщеній съ этой категоріи на геніевъ вообще. У Ломброзо же въ посылкѣ стоятъ геніи-*музыканты,* а въ заключеніи оказываются уж просто *геніи.* А, вѣдь, если взять геніевъ вообще, то, пожалуй, ихъ въ теплыхъ-то странахъ окажется и не больше, а меньше, чѣмъ въ болѣе холодныхъ, и тогда ломброзовское обобщеніе представится, по меньшей мѣрѣ, слишкомъ поспѣшнымъ и не весьма основательнымъ. Но оставимъ его и перейдемъ къ другому, еще гораздо болѣе любопытному обобщенію.

Задается Ломброзо вопросомъ, не зависитъ ли творчество геніевъ отъ сезоновъ, т.-е. отъ высоты средней температуры въ различныя времена

года. Зависитъ,—рѣшаетъ онъ, порывшись предварительно въ запасенныхъ имъ ворохахъ всяческихъ матеріаловъ, въ массѣ которыхъ можно найти факты для «подтвержденія» какихъ угодно положеній. Изъ 1,867 занесенныхъ имъ въ его списки всякаго рода геніальныхъ произведеній *(creazioni geniali)* 539 (около 29%) относятся къ веснѣ, 485 (26%)—къ осени, 475 (болѣе 25%)—къ лѣту и, наконецъ, 368 (почти 20%)—къ зимѣ. Ergo, самымъ плодороднымъ, по части продуктовъ геніальнаго творчества, сезономъ является весна, за нею слѣдуетъ осень, далѣе идетъ лѣто и, наконецъ, зима (*Il delitto politico,* p. 56). Встрѣтившись съ этимъ оригинальнымъ обобщеніемъ, мы, признаться, пришли въ немалое недоумѣніе. Намъ, прежде всего, самъ собою пришелъ въ голову, какъ онъ, вѣроятно, придетъ и нашему читателю, вопросъ: какимъ образомъ Ломброзо съумѣлъ опредѣлить, съ точностью до трехъ мѣсяцевъ, время созданія упоминаемыхъ имъ 1,867 (трудолюбіе-то какое!) геніальныхъ произведеній? Казалось бы, что будь мыслитель хоть семи пядей во лбу, дѣлать такія точныя опредѣленія, за исключеніемъ какихъ-нибудь совершенно исключительныхъ случаевъ, онъ рѣшительно не въ состояніи. Въ самомъ дѣлѣ, мы, вѣдь, прекрасно знаемъ, что даже одно выполненіе великаго произведенія,—съ перомъ, съ кистью, съ рѣзцомъ въ рукѣ,—требуетъ обыкновенно весьма долгаго времени, сплошь и рядомъ затягивается на цѣлые годы, нерѣдко на очень многіе годы. За все это время геніальное произведеніе непрерывно творится, создается. Но, строго говоря, созиданіе это начинается гораздо раньше того момента, когда геній принимается за выполненіе. Великая идея, вложенная въ книгу, въ картину, въ статую, осуществленная въ какомъ-либо политическомъ актѣ и пр., является опять-таки не экспромтомъ; оно вырабатывается, вынашивается въ головѣ,—на большую долю, даже безсознательно,—также долго, оказывается результатомъ длительной мозговой работы, представляетъ собою завершеніе медленнаго и постепеннаго синтеза ранѣе сложившихся или усвоенныхъ идей, понятій, представленій извѣстной категоріи. Такимъ образомъ, корни всякой великой (какъ и невеликой) идеи оказываются уходящими далеко въ прошлое созидающаго генія. Гдѣ начало этой идеи, въ какой моментъ она зародилась, когда окончательно оформилась, какой моментъ въ процессѣ ея выполненія самый существенный,—все это такіе вопросы, которые, въ сущности, даже и предлагать совсѣмъ нельзя. Мы, конечно, ни мало не погрѣшимъ противъ истины, если скажемъ, что всякое великое произведеніе созидалось (безсознательно и сознательно) въ теченіе *всей,* предшествовавшей появленію его на свѣтъ Божій, жизни генія. А если такъ, то не нелѣпо ли пріурочивать его къ тому или другому времени года, какъ это дѣлаетъ Ломброзо? Если бы вы спросили,—ну, хоть Дарвина,—въ какой именно сезонъ, въ весенній или осенній, создалъ онъ свою знаменитую теорію происхожденія видовъ, то онъ, конечно, отвѣтилъ бы вамъ на вашъ вопросъ только обычною ему кроткою, милою улыбкой, полагая, что вы надъ нимъ довольно неостроумно подшучиваете (да мы вполнѣ увѣрены, что ни одинъ

изъ нашихъ читателей и не предложилъ бы никогда столь дикаго вопроса). А вотъ Ломброзо такъ 1,867 разъ предложилъ этотъ вопросъ и—что еще удивительнѣе—самъ же далъ и категорическіе, поражающіе точностью отвѣты: такіе-то шедёвры созданы весной, такіе-то зимой и пр. Этакій, вѣдь, глубокій, пронизывающій своимъ умственнымъ взоромъ самыя сокровенныя тайны, мыслитель! Но какимъ же, однако, пріемомъ онъ пользовался при этихъ своихъ удивительныхъ опредѣленіяхъ? Очень простымъ, простымъ до геніальности (не даромъ же онъ —*pensatore di genio*): вышла книга въ свѣтъ, положимъ, въ маѣ, онъ и умозаключаетъ, что созданіе ея относится къ маю; сдернулъ художникъ покрывало съ только что оконченной картины и далъ къ этой послѣдней доступъ публикѣ; произошло это, скажемъ, въ декабрѣ, и вотъ Ломброзо «констатируетъ», что такая-то картина создана зимой... Что же, впрочемъ, ему и дѣлать, если, при охотѣ смертной къ установленію разныхъ таинственныхъ отношеній между вещами и явленіями, у него никакого иного пріема въ данномъ случаѣ подъ руками не было, да и быть не могло? Но намъ-то, въ виду такихъ логическихъ сальто-мортале, остается только *tirer l'échelle,* какъ говорятъ французы.

Вотъ, далѣе, приходитъ Ломброзо въ голову,—по правдѣ сказать, довольно экстравагантная,—мысль заняться вопросомъ, нѣтъ ли отношеній зависимости между степенью геніальности страны и характеромъ геологическихъ формацій въ этой странѣ. Справившись въ своихъ матеріалахъ, нашъ ученый рѣшаетъ, что зависимость такая дѣйствительно есть и что ее можно выразить очень даже простою формулой: «*minimum* геніальности (т.-е. минимальное число великихъ, выдающихся людей) совпадаетъ съ *maximum*'омъ мѣловыхъ образованій» (*Il delitto politico,* p. 76). Изъ діаграммы же, изображенной на стр. 151, мы узнаемъ, что геніальность больше всего процвѣтаетъ на наносной (аллювіальной) формаціи. Обобщенія эти представляются намъ до такой степени академически-глубокомысленными, что мы, въ качествѣ профана, спѣшимъ поскорѣе проскользнуть мимо нихъ, припоминая на ходу поговорку насчетъ «бузины въ огородѣ» и рекомендуя автору дополнить слѣдующее изданіе книги такими же учеными справками о томъ, не существуетъ ли, грѣхомъ, какой-либо зависимости между степенью геніальности и числомъ вороньихъ гнѣздъ въ данной странѣ или частотою родовъ двойнями, или цвѣтомъ разводимыхъ поросятъ, или степенью распространенности культуры огурцовъ и пр. Впрочемъ, нѣтъ,—беремъ свою рекомендацію назадъ, потому что Ломброзо ни въ какихъ рекомендаціяхъ, очевидно, не нуждается: онъ самъ все предусмотритъ. Вотъ мы только что заикнулись о культурѣ огурцовъ, а оказывается, что Ломброзо уже предупредилъ насъ, наведя точныя справки о таинственной связи между геніальностью и культурою... пшеницы (пшеница, положимъ, не огурцы, но разстояніе-то между тѣмъ и другимъ растительнымъ продуктомъ, съ интересующей насъ точки зрѣнія, думается намъ, не очень ужь большое). Въ странахъ, въ которыхъ производится много

пшеницы,—читаемъ мы у него на стр. 78 *(Il delitto politico),* — монархическія тенденціи преобладаютъ надъ республиканскими (а нужно замѣтить, что между этими послѣдними и степенью геніальности авторъ нашъ находитъ отношенія *прямой* зависимости). Ну, а вотъ, наприм., съ Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами, которые, какъ извѣстно, продуцируютъ пшеницу въ наибольшемъ, по сравненію съ другими странами, количествѣ, какъ же намъ быть?—спрашиваемъ мы мимоходомъ нашего глубокомысленнаго ученаго, который даже и цѣнныя-то данныя сплошь и рядомъ ухитряется, какъ, наприм., въ настоящемъ случаѣ, преподносить читателю въ такомъ неосмысленномъ, несуразномъ видѣ, что остается только рукой махнуть.

VIII.

Просматривая IV главу *Политическаго преступленія (razza, popolazione, sua genialita, cultura, pazzia e criminalita),* мы находимъ въ ней, между прочимъ, прелюбопытнѣйшія соображенія насчетъ соотношеній между цвѣтомъ волосъ и геніальностью. И чего, чего тутъ только ни приводится въ доказательство существованія названныхъ соотношеній! «Извѣстно, что египетскіе, халдейскіе и ассирійскіе памятники изображаютъ высокопоставленныхъ особъ *(la persone d'alto rango)* съ голубыми глазами, съ бѣлокурыми волосами». «Героическій типъ въ Греціи былъ, безъ сомнѣнія, бѣлокурый. Боги и герои Гомера всегда высоки ростомъ, бѣлокуры и имѣютъ свѣтлый цвѣтъ глазъ». «Царь Менелай (извѣстный, замѣтимъ мы отъ себя, больше по оффенбаховской опереткѣ, въ качествѣ «царицына мужа») бѣлокуръ». «Всѣ любовники и *cinedi* (оставляемъ это слово безъ перевода) Сафо были бѣлокуры». «Въ римской аристократіи должны были преобладать субъекты бѣлокурые, если судить» по тому-то и по тому-то. «Данте и Петрарка воспѣваютъ бѣлокурые волосы Беатриче, Матильды и Лауры». «Протестантизмъ, какъ выраженіе эволюціи католицизма, распространился въ большей степени между бѣлокурыми, чѣмъ между темноволосыми народами Европы». Съ другой стороны, оказываются «низшими (въ духовномъ смыслѣ) почти всѣ темноволосые народы средиземно-морского бассейна»,—иберійцы, кельты Западной Европы, древніе лигуры, аріо-романцы, семиты, иранцы, берберы, копты и пр. (*Il dellito politico,* p. 97—100). Ну, такъ что-жь?—спроситъ читатель, ознакомившись со всѣми эти драгоцѣнными указаніями.—Да ничего; геніальность стоитъ, вотъ, въ связи со свѣтлыми тонами наружныхъ покрововъ, только и всего, — отвѣтитъ ему «знаменитый» авторъ, «уразумѣвшій таинственную сущность генія», какъ онъ уже доложилъ объ этомъ раньше. И если читатель, несмотря на старательно собранныя и любезно ему преподнесенныя свѣдѣнія о любовникахъ Сафо, о царѣ Менелаѣ и пр., все-таки, ни на шагъ не подвинулся въ уразумѣніи упомянутой сущности, то Ломброзо въ этомъ ужь совсѣмъ не виноватъ: онъ сдѣлалъ, съ своей стороны, все, что могъ, съ цѣлью дать любезн-

тельнымъ людямъ найденный имъ «ключъ» къ тайнѣ геніальности. А, кстати, съ «ключомъ»-то этимъ, какъ будто бы, не все обстоитъ благополучно. Ломброзо только что повѣдалъ намъ, что наибольшая геніальность наблюдается у бѣлокурыхъ народовъ. А, вѣдь, бѣлокурые народы жительство имѣютъ, по преимуществу, въ странахъ, сравнительно холодныхъ, лежащихъ далѣе къ сѣверу; да и въ текстѣ книги мы находимъ, въ связи съ указаніемъ на успѣхи протестантизма, прямое указаніе на Германію, Англію и пр. Между тѣмъ, мы еще очень недавно слышали отъ автора, что чѣмъ страна теплѣе, южнѣе (въ извѣстныхъ, конечно, предѣлахъ), тѣмъ въ ней, будто бы, больше и геніевъ; припомнимъ, наприм., ссылку хотя бы на Италію. А чѣмъ южнѣе страна, тѣмъ и цвѣтъ наружныхъ покрововъ у людей темнѣе; да и самъ авторъ, какъ мы видѣли, говоритъ о темноволосыхъ обитателяхъ средиземно-морского бассейна. Такимъ образомъ, геніальность одинъ разъ оказывается стоящею въ интимной связи съ темными волосами, а въ другой разъ—со свѣтлыми. Выходитъ какая-то путаница, получается противорѣчіе,—«ключъ»-то совсѣмъ не отпираетъ, а только вертится въ крѣпко запертомъ замкѣ. Впрочемъ, Ломброзо къ противорѣчіямъ не привыкать стать: они у него на каждомъ шагу. А такъ какъ дѣло ему приходится имѣть съ ними очень часто, то и расправляться съ ними, когда это ему понадобится, онъ научился живо, по-военному, какъ это мы покажемъ на частныхъ примѣрахъ ниже. Теперь же послушаемъ, что скажетъ намъ Ломброзо о «топографическихъ» условіяхъ геніальности.

«Какъ уже было показано въ *Uomo di genio*, горы (если только онѣ не очень ужь высоки) благопріятствуютъ геніальности» (*Il delitto politico*, p. 59). Замѣтивъ мимоходомъ, что, несмотря ни на діаграмму, приложенную къ тексту, ни на раскрашенныя карты Франціи (Ломброзо всѣ свои такого рода выводы дѣлаетъ, главнымъ образомъ, на основаніи данныхъ о французскихъ департаментахъ), приложенныя въ концѣ книги, положеніе это не перестаетъ оставаться, въ нашихъ глазахъ, довольно сомнительнымъ, такъ какъ включеніе лицъ въ категорію геніальныхъ или выдающихся въ значительной степени зависитъ отъ авторскаго произвола (въ однихъ департаментахъ, въ которыхъ великихъ людей должно полагаться, по штату, много, въ рангъ выдающихся людей могутъ оказаться возведенными всякія *célébrités de clocher*, и, наоборотъ, тамъ, гдѣ не слѣдуетъ быть обилію въ геніяхъ, могутъ не попасть въ регистръ и такіе люди, которые вполнѣ заслуживаютъ упоминанія въ числѣ крупныхъ величинъ),—замѣтивъ это, переходимъ къ вліянію равнинъ на геніальность. «Говоря вообще, равнина... съ незапамятныхъ временъ отличалась консервативнымъ духомъ своихъ обитателей и бѣдностью геніальными людьми» (*l. c.*, p. 71). А что такое, по Ломброзо, геніальный человѣкъ (помимо его родственности съ сумасшедшимъ)? Это—врагъ рутины, адептъ реформъ и нововведеній, пролагатель новыхъ путей (въ сферѣ мысли и житейской практики), нонконформистъ. Имѣя это въ виду, наводимъ справку о томъ, что̀ говоритъ Ломброзо о русскомъ народѣ. Оказывается, что этотъ послѣдній относится нашимъ авто-

ромъ къ числу народовъ, *essenzialmente novatori*, т.-е. крайне склонныхъ ко всякимъ новшествамъ (*Il delitto politico*, p. 131). Быть можетъ, это и очень лестно для насъ, но, вѣдь, нашъ народъ «съ незапамятныхъ временъ» живетъ, какъ кажется, на равнинѣ. Очевидно, и на этомъ пунктѣ мы встрѣчаемся у Ломброзо съ маленькимъ противорѣчіемъ, которое заставляетъ насъ думать, что или мы, русскіе, не склонны къ новшевствамъ, т.-е. консервативны, или равнина, сама по себѣ, вовсе ужь не такъ консервативно дѣйствуетъ на ея обитателей, какъ это утверждаетъ авторъ. Впрочемъ, тутъ можетъ быть сдѣлано еще третье предположеніе, а именно: угнетающее духъ вліяніе равнинности пересиливается, парализуется въ Россіи какими-нибудь другими, болѣе могучими вліяніями. Но есть ли дѣйствительно въ Русской землѣ такія вліянія? Есть, и, притомъ, довольно любопытныя, если судить по кое-какимъ ломброзовскимъ указаніямъ. На этихъ послѣднихъ мы остановимся, мимоходомъ, ниже, а теперь поговоримъ о другомъ.

Не стоитъ ли степень геніальности въ отношеніяхъ зависимости къ густотѣ населенія? На вопросъ этотъ Ломброзо отвѣчаетъ отрицательно, причемъ говоритъ, по правдѣ сказать, довольно странныя вещи, являющіяся, впрочемъ, лишь точнымъ воспроизведеніемъ того, что̀ уже было сказано имъ на этотъ счетъ въ *Uomo di genio*. Въ каждой странѣ населеніе распредѣляется весьма неравномѣрно: въ провинціи, въ деревнѣ оно разрѣжено, въ столицахъ и вообще въ крупныхъ городскихъ центрахъ оно сгущено. Въ большихъ же городахъ концентрируются, какъ извѣстно, и почти всѣ крупнѣйшія интеллектуальныя силы страны, всѣ ея геніи, всѣ великіе, выдающіеся люди. Въ самомъ дѣлѣ, не въ деревнѣ же процвѣтать геніямъ, великимъ людямъ! Въ деревнѣ обыкновенно не оказывается для нихъ почвы; тамъ имъ не чѣмъ, такъ сказать, питаться, не чѣмъ дышать, не къ чему приложить ихъ силы; тамъ для нихъ нѣтъ благопріятной среды, нѣтъ поприща для дѣятельности. Чтобъ изъ потенціальнаго, никому невѣдомаго, а, слѣдовательно, фактически и не существующаго и не подлежащаго занесенію хотя бы въ тѣ же ломброзовскіе регистры, превратиться въ дѣйствительнаго, такъ сказать, осязаемаго генія, для этого человѣку необходимо стоять у самаго источника, у самой сокровищницы знанія, искусства, необходимо находиться въ самомъ водоворотѣ идей, волнующихъ и характеризующихъ текущую современность. Ему необходимы книги, журналы, газеты, библіотеки, музеи, картинныя и всякія иныя галлереи, лабораторіи, университеты, академіи, передовое общество, собранія, знакомство съ характернѣйшими представителями научной, критической, художественной, общественно-политической мысли. Безъ всего этого онъ не разовьется, не расправитъ крыльевъ, не проявитъ передъ людьми своей геніальности. Чтобъ явиться въ данной средѣ геніемъ, для этого кандидатъ въ геніи непремѣнно долженъ открыть какую-нибудь «Америку», непремѣнно долженъ заявить о себѣ чѣмъ-нибудь новымъ и оригинальнымъ, чѣмъ-нибудь такимъ, чего современники еще не знали или не видѣли. Но безъ тѣхъ элементовъ, которые мы перечисляли въ предъидущихъ строкахъ, даже и очень богато

одаренная духовно натура и даже въ самомъ благопріятномъ случаѣ неизбѣжно обречена будетъ на повтореніе задовъ, на вторичное открытіе открытыхъ уже «Америкъ», а потому и не получитъ правъ на титулъ генія. Но всѣ эти элементы бываютъ сосредоточены въ крупнѣйшихъ городскихъ центрахъ, а потому къ этимъ именно центрамъ геніи (въ широкомъ смыслѣ этого слова, т.-е. всѣ великіе, крупные, выдающіеся люди), въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ, и оказываются пріуроченными. Правда, бываетъ иногда, и, пожалуй, даже нерѣдко, что геній пребываетъ вдали отъ «шума городского», въ деревенской тиши, и оттуда бросаетъ въ міръ великія открытія, великія идеи, «новыя слова». Но не нужно забывать, что, прежде чѣмъ удалиться въ эту тишь, онъ вбираетъ въ себя все, что только могъ ему дать городъ, да и сидя-то въ глуши онъ духомъ своимъ живетъ опять-таки въ томъ же городѣ, питается продуктами городской цивилизаціи: запасается книгами, періодическими изданіями, ведетъ съ городомъ оживленную корреспонденцію и пр., и пр. Вообще, понятіе о геніи представляется почти совершенно неотдѣлимымъ отъ понятія о городѣ. Геній, съ его твореніями, есть самый высшій продуктъ данной цивилизаціи. А городъ есть очагъ цивилизаціи, самое точное мѣрило ея *). Казалось бы, что въ виду всѣхъ этихъ элементарнѣйшихъ истинъ, о которыхъ какъ-то неловко даже и распространяться, не можетъ быть ни малѣйшихъ сомнѣній относительно прямой и, притомъ, самой истинной связи геніальности съ городомъ, представляющимъ *maximum* густоты населенія въ странѣ. А Ломброзо не только выдвигаетъ это сомнѣніе на сцену, но еще рѣшительно высказываетъ ту мысль, что геніальность не имѣетъ, по меньшей мѣрѣ, никакого существеннаго отношенія къ городу. «Большое обиліе геніевъ въ большихъ центрахъ,—говоритъ онъ,—есть явленіе скорѣе кажущееся, чѣмъ дѣйствительное. Наибольшая часть геніевъ умираетъ въ городахъ,—это правда, но родится въ деревнѣ (*nella campagna*) и появляется въ большихъ городахъ только потому, что находитъ тамъ для себя возможность пріобрѣсти извѣстность. Это обстоятельство заставляетъ думать, что большіе центры гораздо болѣе необходимы для славы геніевъ, чѣмъ для ихъ развитія (*più utili alla loro fama che al loro sviluppo*) **). Для славы, а не для развитія! Но гдѣ же и совершается и ростъ, и развитіе генія, какъ не въ крупныхъ умственныхъ центрахъ?

Это, по меньшей мѣрѣ, очень странное утвержденіе вполнѣ объясняется тѣмъ, что въ вопросѣ о возникновеніи геніальности Ломброзо сильно склоненъ придавать, какъ мы уже это видѣли, слишкомъ большое значеніе всякимъ стихійнымъ факторамъ (климатическимъ, метеорологическимъ, топографическимъ, даже геологическимъ и пр.), изъ-за которыхъ онъ сплошь да

*) Множество чрезвычайно интересныхъ, цѣнныхъ и поучительныхъ данныхъ и соображеній о значеніи города, какъ показателя цивилизаціи, читатель можетъ найти, между прочимъ, въ вышедшей нѣсколько лѣтъ тому назадъ очень хорошей книгѣ Поля Мужоля *Statique des civilisations*.

**) *Il dellito politico*, p. 118—119.

рядомъ и не видитъ факторовъ болѣе существенныхъ,— культурно-историческихъ, соціологическихъ. Онъ, очевидно, забываетъ, что̀, казалось бы, совсѣмъ ужь не подобало бы ученому изслѣдователю соціальныхъ явленій, а если не забываетъ, то, по крайней мѣрѣ, не удостоиваетъ надлежащимъ вниманіемъ ту несомнѣнную и очень серьезную, по своему значенію, истину, что естественная среда, съ ея стихійными вліяніями, являвшаяся чуть не всеобусловливающимъ моментомъ въ жизни первобытнаго человѣчества, съ теченіемъ времени, по мѣрѣ того, какъ это человѣчество духовно развивается, цивилизуется, все полнѣе и рѣшительнѣе отодвигается на задній планъ, уступая свою былую доминирующую роль все болѣе развивающейся, все болѣе и болѣе активной и могучей *средѣ соціальной,* съ ея интеллектуально-нравственными вліяніями, которыя и накладываютъ рѣзкую печать на всѣ проявленія человѣческой жизни и играютъ по отношенію къ этимъ проявленіямъ роль причины къ слѣдствію. Благодаря своему безостановочно идущему духовному процессу, человѣкъ изъ жалкаго раба природы, какимъ онъ былъ прежде, день ото дня становится все болѣе и болѣе полнымъ и властнымъ господиномъ этой природы, день ото дня все рѣшительнѣе и успѣшнѣе сбрасываетъ съ себя обрывки той, давно уже порванной имъ цѣпи, которою онъ когда-то накрѣпко былъ скованъ естественною средой по рукамъ и по ногамъ. Природныя, стихійныя условія въ былыя времена ставили ему на каждомъ шагу непреодолимыя препятствія въ его жизни и дѣятельности. Теперь уже совсѣмъ не то: мѣшаетъ человѣку гора, стѣною отдѣляющая его отъ его ближнихъ,—онъ ее взорветъ, пронижетъ туннелемъ; вредна для здоровья почва, на которой ему приходится жить,—онъ ее ассенизируетъ; безплодна земля,—онъ ее удобритъ и заставитъ давать то, что ему нужно; холоденъ климатъ для необходимыхъ ему культуръ,—онъ создастъ для этихъ послѣднихъ искусственныя благопріятныя условія или, еще проще, добудетъ себѣ продукты этихъ культуръ изъ другихъ странъ, такъ какъ весь шаръ земной къ его услугамъ; нѣтъ въ данной мѣстности воды, мало въ воздухѣ влаги,—онъ проведетъ воду издалека, нароетъ артезіанскихъ колодцевъ, начнетъ изыскивать средства для произведенія искусственнаго дождя; тормазятъ его разстоянія,—онъ уничтожаетъ ихъ молніеносными желѣзно-дорожными поѣздами, быстроходными паровыми судами, телеграфомъ, телефономъ, а не сегодня-завтра и покорнымъ его волѣ летательнымъ аппаратомъ; нѣтъ или мало ему свѣта,—онъ обходится и безъ солнца, замѣняя его солнцемъ электрическимъ; не хватаетъ ему для его духовнаго развитія, для удовлетворенія его интеллектуально-нравственныхъ потребностей времени,—онъ создастъ для себя время, освобождая себя отъ физическаго труда, поручая этотъ трудъ самодѣйствующимъ машинамъ, впрягая въ эти машины покоренныя, обузданныя имъ силы природы; мракомъ вѣютъ на него какія-нибудь «равнинныя» вліянія,—онъ разгоняетъ этотъ мракъ лучезарнымъ свѣтомъ знанія. Такую-то вот второстепенную, подначальную, служебную роль все больше и больше играютъ для прогрессирующаго человѣчества естественныя, стихійныя условія

А Ломброзо, толкуя о такихъ, соціальныхъ *par excellence,* явленіяхъ, какъ геніальность, преступность, все продолжаетъ себѣ сосредоточивать наше вниманіе на геологическихъ формаціяхъ, на горахъ, холмахъ и равнинахъ, на средней температурѣ, на сухости и влажности воздуха, на барометрическомъ давленіи и тому подобныхъ, очень, конечно, интересныхъ, но мало идущихъ къ дѣлу матеріяхъ. Какая поистинѣ удивительная слѣпота!

Не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести здѣсь, по поводу всего только что сказаннаго, слѣдующій отрывокъ изъ очень хорошей, хотя, къ сожалѣнію, слишкомъ краткой и нѣсколько отрывочной статьи извѣстнаго французскаго криминалиста-соціолога Тарда,—статьи, написанной по поводу ломброзовскаго *Il delitto politico* и напечатанной въ журналѣ *Revue philosophique* (1890 г., октябрь): «Сколько людей, — замѣчаетъ, между прочимъ, Тардъ,—одаренныхъ замѣчательно богатыми способностями для той или иной отрасли искусства или науки,—универсальные таланты очень рѣдки,—умерли, не оставивъ послѣ себя никакихъ произведеній, благодаря тому, что они имѣли несчастіе родиться или раньше того времени, когда должны были появиться ихъ логически необходимые предшественники, или вдали отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они могли бы изучить труды этихъ предшественниковъ!... Сколько въ былыя грубыя эпохи невѣдомыхъ артистовъ и поэтовъ жалкимъ образомъ погибло въ мірѣ, который не созрѣлъ еще для пониманія и оцѣнки ихъ!... Родись Ньютонъ раньше Кеплера, Дарвинъ раньше Мальтуса и Ламарка, Спенсеръ раньше Огюста Конта или даже Гегеля, и они, быть можетъ, покончили бы свое существованіе во мракѣ неизвѣстности... И кто знаетъ, если бы Ломброзо родился въ Морокко, въ Фецѣ, который и въ климатѣ находится очень тепломъ, и городъ собою представляетъ довольно большой, съ очень густымъ населеніемъ, или хотя бы даже и въ Парижѣ, но въ XVIII вѣкѣ, раньше Дарвина, Брока и Якоби *), написалъ ли бы онъ тогда *Uomo delinquente*, *Uomo di genio*, *Il delitto politico*?» И далѣе: «Геній есть явленіе историческое,—явленіе, въ которомъ выражается логическая необходимость. Онъ есть результатъ встрѣчи двухъ моментовъ, результатъ сліянія двухъ потоковъ,—физіологическаго потока мозговыхъ способностей, этихъ счастливыхъ даровъ наслѣдственности, и соціальнаго потока запасенныхъ человѣчествомъ знаній. Да что представляютъ собою и сами-то индивидуальныя способности, какъ не органическое закрѣпленіе соціальныхъ навыковъ?» Тардъ полагаетъ, что въ генезисѣ геніальности всеобусловливающую роль играютъ не внѣшнія условія окружающей природы, а «логическія теченія», т.-е. идейныя условія данной эпохи... Прибавлять что-либо къ этимъ глубоко вѣрнымъ замѣчаніямъ, полагаемъ, совершенно излишне.

Въ заключеніе настоящей главы, обращаемъ вниманіе читателя на одинъ

---

*) Д-ръ Якоби—нашъ соотечественникъ, сотрудничавшій во время оно въ журналѣ *Знаніе* и написавшій позднѣе замѣчательную книгу *Études sur sélection*, премированную мадридскою (если не ошибаемся) академіею наукъ. Ломброзо часто на него ссылается въ *Il delitto politico*, хотя часто же и не соглашается.

«перлъ», случайно найденный нами въ редижируемомъ профессоромъ Ломброзо журналѣ *Archivio di psichiatria, scienze penali ed antropologia criminale* (1890, vol. XI, fasc. I, p. 96) и имѣющій прямое отношеніе къ интересовавшему насъ здѣсь вопросу о геніальности. Знаетъ ли читатель, какою любопытною особенностью отличается, между прочимъ, геній? Ненавистью къ отечеству (*odio per la patria*). Этотъ изумительный «признакъ» (*carattere*) генія устанавливается на основаніи двухъ коротенькихъ фразъ изъ писемъ Леопарди къ Джіордани и двухъ строкъ изъ бумагъ Шопенгауера («я презираю нѣмецкую націю») и «подтверждается» затѣмъ указаніемъ на Гейне, Данте и Байрона (только!). Вотъ что значитъ «уразумѣть таинственную сущность генія»! И какъ легко, подумаешь, установлять всяческіе отличительные признаки! Два - три крошечныхъ, къ тому же, совсѣмъ неосмысленныхъ факта,—и широкое «обобщеніе» готово, и «признакъ» заносится въ регистръ. Совсѣмъ по-ломброзовски... Мы сказали «неосмысленныхъ» въ виду того, что рѣзкіе, презрительные, бранные эпитеты и слова, весьма, дѣйствительно, часто посылаемые великими людьми по адресу ихъ соотечественниковъ, никоимъ образомъ не могутъ и не должны быть понимаемы буквально, такъ какъ, въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ, насколько намъ извѣстно, они являются выраженіемъ совсѣмъ не ненависти, а, напротивъ, страстной любви къ отечеству. Почти всегда великій человѣкъ (особенно въ сферѣ общественно - политической) только мыслью объ отечествѣ и живетъ (не отдѣляя его отъ человѣчества); на судьбахъ родины сосредоточиваются всѣ его горячіе помыслы, ему страстно хочется видѣть эту родину стоящею на одномъ съ нимъ духовномъ уровнѣ, раздѣляющею его идеи и стремленія, занимающею, по своему развитію, передовое мѣсто въ ряду другихъ странъ, а она, между тѣмъ, оказывается обыкновенно неизмѣримо ниже того, чѣмъ ее хочетъ видѣть геній, который поэтому и раздражается, сыплетъ на свою отсталую страну горькіе, негодующіе упреки, крѣпко бранитъ ее, хлещетъ ѣдкими насмѣшками, ядовитыми сарказмами, преслѣдуя при этомъ одну завѣтную цѣль—пронять своихъ соотечественниковъ хоть ударами бича, если ужь они неспособны проникаться словами убѣжденія, пробудить ихъ отъ сна, заставить оглянуться на себя и идти ускореннымъ шагомъ впередъ, къ той свѣтлой цѣли, которая стоитъ передъ его, генія, умственными очами. Таковъ, именно, почти всегда бываетъ характеръ «ненависти» генія къ своему отечеству,—«ненависти», которая столько же похожа на настоящую ненависть, сколько... ломброзовскія измышленія на истину. Пусть читатель вспомнитъ хотя бы о Бёрнѣ, безпощадно бичевавшемъ свою родную Германію и, въ то же время, плакавшемъ надъ нею кровавыми слезами, и онъ, по всей вѣроятности, согласится съ тѣмъ, что̀ мы только что сказали. А тутъ, въ ученомъ журналѣ, услышатъ отъ генія бранное слово—и тотчасъ же пресерьезно умозаключаютъ: «ненавидитъ». Вотъ ужь поистинѣ «слышатъ звонъ, да не знаютъ, гдѣ онъ». Въ видахъ точности, мы должны, впрочемъ, оговориться, что замѣтка *Odio della patria nei genii* вышла изъ-подъ пера и

самого Цезаря Ломброзо; подъ нею стоитъ подпись *Gino Lombroso*. Но это, конечно, ничего не значитъ: вѣдь, редижируетъ-то журналъ (вмѣстѣ съ Ферри, Гарофало и Морзелли) самъ Ломброзо,—слѣдовательно, онъ одобрилъ эту нелѣпую замѣтку, придалъ ей серьезное значеніе и счелъ нужнымъ довести ее до свѣдѣнія читателей. Очевидно, и самъ нашъ *pensatore di genio* въ серьезъ полагаетъ, что геніямъ свойственно ненавидѣть отечество.

IX.

Посмотримъ теперь, какъ проявляетъ себя мысль Ломброзо въ сферѣ разсужденій о политическихъ преступленіяхъ и о массовыхъ народныхъ движеніяхъ соціально-политическаго характера. Тутъ мы находимъ такое множество удивительныхъ, ошеломляющихъ, странныхъ и прямо-таки смѣхотворныхъ выводовъ и «обобщеній», до такой степени этой въ сферѣ авторъ нашъ блещетъ своею «геніальностью», своею замѣчательною способностью къ увеселительной «философіи», что при чтеніи большинства главъ и подраздѣленій этихъ главъ въ *Il delitto politico* *) въ голову самъ собою закрадывается вопросъ: да ужъ угадалъ ли, полно, Ломброзо свое призваніе,—не предназначала ли его судьба для роли комика, а вовсе не антрополога-криминалиста? Всяческихъ соображеній и умозаключеній, не имѣющихъ рѣшительно ничего общаго съ серьезною наукой, здѣсь оказывается, повторяемъ, цѣлая масса; но такъ какъ,—оговариваемся на этотъ счетъ еще разъ,—мы совсѣмъ не думаемъ заниматься систематическимъ разборомъ *Il delitto politico*, какъ и другихъ ломброзовскихъ произведеній, а ставимъ себѣ исключительною цѣлью одну только общую характеристику ломброзовскаго мышленія, то поэтому и здѣсь, какъ и раньше, мы ограничимся указаніемъ только на нѣкоторыя, интересныя съ занимающей насъ точки зрѣнія, положенія нашего автора.

Какъ и при разслѣдованіи вопросовъ объ общей преступности и о геніальности, Ломброзо, приступая къ распутыванію сложной проблемы о преступности политической, обращается, прежде всего, къ изученію вліянія на эту преступность условій метеорологическихъ, климатическихъ и проч. Вотъ, наприм., термометрическія колебанія, констатируемыя при переходѣ изъ одной географической широты въ другую или при смѣнѣ одного времени года другимъ. Не стоятъ ли отъ нихъ въ зависимости всякаго рода

*) *C. Lombroso* ed *R. Laschi*: „Il delitto politico e le rivoluzioni, in rapporto al diritto, all'antropologia criminale ed alla scienza di governo". Torino, Fratelli Bocca editori, 1890.

Какъ читатель видитъ, книга эта написана двумя авторами, Ломброзо и юристомъ Ласки. Но такъ какъ первому изъ нихъ принадлежитъ наибольшая часть труда, такъ какъ этотъ первый до такой степени заслоняетъ собою своего сотрудника, что о послѣднемъ чаще всего даже и совсѣмъ не упоминаютъ, когда говорятъ о *Delitto politico*, и такъ какъ мы, въ статьѣ нашей ведемъ рѣчь исключительно только объ идеяхъ и теоріяхъ самого Ломброзо, то поэтому и мы на Ласки будемъ указывать только въ томъ случаѣ, если то окажется нужнымъ по самому ходу изложенія.

общественно-политическія пертурбаціи? Да, несомнѣнно стоятъ,—заключаетъ Ломброзо на основаніи собранныхъ имъ историческихъ справокъ.

Въ теплые, въ особенности лѣтніе мѣсяцы всякихъ *ribellioni*, *rivolte* и *attentati* всегда и вездѣ бываетъ значительно больше, чѣмъ въ холодные. Обратитесь, наприм., къ древнимъ временамъ, загляните въ Византію, античный Римъ и Грецію, и вы убѣдитесь, что мятежныхъ движеній въ этихъ странахъ насчитывается: весной—31, лѣтомъ—44, осенью—20, зимо—20. Остановите ваше вниманіе на временахъ новѣйшихъ, проштудируйте подъ руководствомъ Ломброзо исторію любой изъ теперешнихъ странъ, хотя бы, наприм., за періодъ времени между 1791 и 1880 гг., и вы, опять-таки, найдете, что, за весьма рѣдкими исключеніями, лѣтніе и затѣмъ весенніе мѣсяцы—самые безпокойные, самые «мятежные» (см. таблицу на стр. 49). Берете вы цѣликомъ всю Европу за только что указанное время и снова констатируете то же явленіе: интересующихъ насъ движеній въ ней падаетъ на весну—142, на лѣто—167, на осень—94, на зиму—92 (р. 48). Если затѣмъ мы присмотримся и къ лѣтнимъ-то мѣсяцамъ, то окажется, что наибольшее число всякихъ треволненій въ Европѣ приходится на самый жаркій изъ нихъ, а именно на іюль, а въ южной Америкѣ на январь, соотвѣтствующій, по средней высотѣ температуры, нашему іюлю (р. 47). По даннымъ Ломброзо, обусловливающее вліяніе высокой температуры сказывается не только, какъ мы сейчасъ это видѣли, на массовыхъ народныхъ движеніяхъ, но также и на индивидуальныхъ дѣяніяхъ преступно-политическаго характера. Такъ, изъ 48 наиболѣе извѣстныхъ покушеній, совершенныхъ въ XIX вѣкѣ противъ главъ и представителей правительственной власти, на весну и лѣто приходится 29, а на осень и зиму—19; изъ теплыхъ же мѣсяцевъ наибольшее число ихъ (9) пріурочивается опять-таки къ іюлю (р. 49—50). Мало того, «географія политической преступности» поучаетъ насъ опять той же самой истинѣ: «число возстаній и революцій ростетъ по мѣрѣ перехода отъ сѣвера къ югу, параллельно съ повышеніемъ температуры». Отъ 1791 г. до 1880 г. на 10 милліоновъ жителей революцій приходилось: въ сѣверной Европѣ—12, въ центральной—25, въ южной—56 (р. 52). На сценѣ опять, значитъ, высота температуры. О рѣзкомъ вліяніи ея въ указанномъ отношеніи громко свидѣтельствуютъ намъ факты,—несомнѣнные факты, говоритъ Ломброзо. Ни мало не отрицая этихъ самыхъ фактовъ, по поводу ихъ можно, какъ намъ кажется, сдѣлать кое-какія довольно существенныя замѣчанія, въ значительной степени ослабляющія ихъ доказательную силу. Такъ, изъ приведенныхъ выше данныхъ видно, между прочимъ, что въ теплые (весенніе и лѣтніе) мѣсяцы въ Европѣ было, въ общей сложности, 308 (62%) народныхъ движеній, а въ холодные—186 (38%). Разница, конечно, есть, и даже весьма значительная, это правда, но, все-таки, вѣдь, и 186 возстаній, происшедшихъ въ холодныя времена года,—величина весьма и весьма немаленькая. Возникновенію ихъ, этихъ осеннихъ и зимнихъ народныхъ движеній, холодъ, какъ видно, нисколько не помѣшалъ, а если такъ, то очевидно, что тем-

пература въ данномъ случаѣ является вовсе ужь не такимъ существеннымъ факторомъ, какъ это старается представить авторъ. Это разъ, а потомъ, если интересующія насъ движенія въ теплое время происходятъ и дѣйствительно чаще, то, быть можетъ, это обусловливается вовсе не прямымъ вліяніемъ высокой, относительно, температуры, а просто тѣмъ обстоятельствомъ, что въ теплые сезоны вся вообще соціальная жизнь идетъ обыкновенно болѣе быстрымъ темпомъ, а, слѣдовательно, и схожденія этой жизни «съ рельсовъ», выражаясь фигурально, должны быть болѣе многочисленными. Да, немного далѣе, эту, болѣе чѣмъ вѣроятную, гипотезу готовъ, какъ будто бы, допустить и самъ Ломброзо, склоняющійся, между прочимъ, на соображенія Спенсера о томъ, что теплое, лѣтнее время оживляетъ всѣ соціальныя отношенія, а зимнее, наоборотъ, дѣйствуетъ на нихъ тормазящимъ образомъ (p. 52). Ну, такъ, значитъ, къ соціальнымъ-то этимъ отношеніямъ все дѣло тутъ непосредственно и сводится, а вовсе не къ самой температурѣ. Такъ? Нѣтъ, совсѣмъ не такъ,—отвѣчаетъ нашъ авторъ.—Термическія вліянія,—говоритъ онъ,—оказываются доминирующими надъ соціальными, экономическими, которыя, однако же, за самые послѣдніе годы начинаютъ получать все большее и большее значеніе (p. 50). Выходитъ, такимъ образомъ, что вплоть до вчерашняго дня, да въ значительной степени даже и теперь, люди, совершая, скопомъ и въ одиночку, разныя субверсивныя дѣянія, «бѣсились» и «бѣсятся» просто-на-просто *отъ жара*. Превосходная идея!... Обогатившись ею, переходимъ къ соображеніямъ Ломброзо о другихъ естественныхъ условіяхъ и факторахъ политической преступности.

Большая или меньшая сухость воздуха, большее или меньшее непостоянство климата и проч. оказываютъ, по мнѣнію нашего мыслителя, непосредственное и, притомъ, весьма большое вліяніе на степень склонности обитателей данной страны къ новшествамъ, къ перемѣнамъ, къ общественно-политическимъ волненіямъ, возстаніямъ и т. д. Вотъ два примѣра изъ ряда другихъ. Въ сѣверныхъ штатахъ великой заатлантической республики воздухъ отличается сухостью, электрическою напряженностью, въ южныхъ же онъ богатъ влагою. И что же? Сѣверяне проявляютъ крайнюю подвижность ума, способность къ энергичному интеллектуальному труду; у нихъ замѣчается чрезвычайная нервозность, сильнѣйшая склонность ко всякой новизнѣ; среди нихъ кипитъ ожесточенная партійная борьба. Южане же крайне консервативны, консервативны до того, что, наприм., на фабрикахъ и заводахъ штата Георгіи съ чрезвычайнымъ трудомъ вводятся новые матеріалы производства и новыя машины, и совсѣмъ не потому, что они считаются худшими, а исключительно только потому, что они новы. Далѣе, взять хотя бы Парижъ. Климатъ тамъ отличается непостоянствомъ; за то же и парижанамъ свойственно большое непостоянство, большая склонность къ перемѣнамъ, *alle rivolte* (p. 57—58). Но, быть можетъ, скажете вы, какъ въ этихъ, такъ и въ другихъ подобныхъ примѣрахъ, дѣло гораздо проще, полнѣе и прямѣе объясняется налично-

стью совсѣмъ не метеорологическихъ, климатическихъ и проч., а культурно-историческихъ, политическихъ, экономическихъ, вообще, соціальныхъ вліяній? Но Ломброзо, укрѣпившійся на своей «метеорологической» позиціи, даже и вниманіемъ не удостоиваетъ вашего вполнѣ законнаго и весьма серьезнаго вопроса.

Ну, а какъ обстоитъ дѣло по части связи политической преступности съ... геологическими формаціями? Да такъ же, какъ это было показано и при разборѣ вопроса о геніальности: мѣловая геологическая формація способствуетъ общественно-политическому покою, консерватизму жителей, а прочія формаціи навѣваютъ на этихъ послѣднихъ безпокойный, мятежный духъ. Положеніе это доказывается въ *Il delitto politico* общими ссылками на разныя страны и детальными указаніями на департаменты Франціи. Въ тѣхъ изъ этихъ департаментовъ, въ которыхъ оказываются въ изобиліи мѣловыя образованія, преобладаютъ въ избирательной практикѣ вотумы монархическіе или антиреволюціонные; въ другихъ же, отличающихся инымъ геологическимъ характеромъ, преобладаніе на сторонѣ вотумовъ республиканскихъ, хотя,—меланхолически замѣчаетъ Ломброзо,—*le eccezioni son troppo numerose* (р. 74—77). Но какъ же такъ?—воскликнетъ читатель.— Вѣдь, во Франціи вотъ уже болѣе двадцати лѣтъ существуетъ республика, къ тому же, день ото дня все болѣе и болѣе крѣпнущая, получающая все большую и большую силу и устойчивость и не проявляющая ни малѣйшихъ признаковъ упадка,—напротивъ! Вѣдь, живя въ ней, класть въ избирательныя урны республиканскіе бюллетени значитъ проявлять себя, по отношенію къ существующему порядку, консерваторомъ. А если такъ, то, вѣдь, геологическія-то вліянія, если ужь ихъ выдвигать на сцену, представятся намъ въ видѣ какъ разъ обратномъ тому, въ какомъ ихъ изображаетъ авторъ. Вовсе нѣтъ,—рѣшительно заявляетъ намъ этотъ послѣдній,—«въ странѣ исторически-монархической (*paese storicamente monarchico*) республиканскія тенденціи представляютъ собою настоящую революцію» (р. 59). Такъ вотъ оно что! Оказывается, что подавляющее большинство жителей современной республиканской Франціи находится въ состояніи хроническаго возстанія противъ духа исторіи... Свѣдѣніе весьма поучительное.

Обратимся теперь къ топографіи. Холмы и горы оказываютъ, по Ломброзо, весьма рѣшительное вліяніе на жителей въ смыслѣ развитія у этихъ послѣднихъ безпокойнаго, свободолюбиваго, мятежнаго духа (р. 59—62); равнины же дѣйствуютъ обратно, сковываютъ духъ, обусловливаютъ консерватизмъ (р. 71 — 72). При установленіи этихъ положеній Ломброзо ссылается, между прочимъ, опять на тѣ же французскіе департаменты, къ которымъ примѣняетъ опять тотъ же критерій (монархическіе и республиканскіе вотумы). Съ плодородіемъ та же исторія, что и съ равнинностью. Между прочимъ, чѣмъ больше пшеницы, тѣмъ больше и консерватизма (р. 78). Не останавливаясь на другихъ, упоминаемыхъ авторомъ естественныхъ условіяхъ, переходимъ прямо къ расовымъ особенностямъ. Вотъ,

прим., форма черепа... Расы широкоголовыя (брахицефалы) отличаются авнительною неподвижностью, склонностью къ консерватизму, отсутствіь влеченія къ общественно-политическимъ перемѣнамъ и пертурбаціямъ; сы же длинноголовыя несравненно болѣе безпокойны и революціонны. числѣ частныхъ примѣровъ на сцену выдвигается опять та же Франя. Изъ числа 89 французскихъ *grandi novatori e rivoluzionari* авторъ считываетъ всего только 20 ($22^1/_2$%) широкоголовыхъ (Паскаль, Мирабо, ратъ, Демуленъ и пр.); всѣ же остальные ($77^1/_2$%)—длинноголовые (p. 96). лѣе опять ссылка на французскіе департаменты: гдѣ жители относятся брахицефалическому типу, тамъ обиліе консерваторовъ и реакціонеровъ; ѣ же преобладаетъ типъ долихоцефалическій, тамъ республиканцы, проессисты. Критерій прежній (p. 102). Изъ 86 мятежныхъ движеній, имѣвихъ мѣсто въ Италіи между 1793 и 1870 гг., только 29 (около 34%) оизошли среди широкоголоваго населенія, остальныя же 57 (66%)—еди жителей длинноголовыхъ (p. 101). Возьмемъ, далѣе, цвѣтъ волосъ. имѣетъ ли онъ прямого отношенія къ нонконформистскимъ, мятежнымъ, волюціоннымъ тенденціямъ? Несомнѣнно имѣетъ, — говоритъ Ломброзо, скающій при этомъ въ ходъ всѣ тѣ аргументы, которые уже фигурироли передъ нами въ вопросѣ о геніальности и которыхъ поэтому мы поорять здѣсь и не будемъ. За то, обратно тому, что говорилось по поводу ніальности, Ломброзо утверждаетъ, что высокая степень густоты населея вообще и въ частности наличность крупныхъ городскихъ центровъ являются весьма важными моментами въ процессѣ возникновенія всевозможхъ общественно-политическихъ треволненій. Замѣтимъ мимоходомъ, что о есть одно изъ очень немногихъ ломброзовскихъ положеній, съ котоми можно согласиться безъ всякихъ споровъ и ограниченій.

Что касается всѣхъ вообще умозаключеній и выводовъ Ломброзо относительно вліянія на политическую преступность всяческихъ естественныхъ ловій, то противъ нихъ съ полнымъ правомъ могутъ быть выставлены ѣ тѣ общія соображенія и возраженія, которыя уже сдѣланы нами выше, гда шла рѣчь о геніяхъ, и которыя сводятся къ тому, что совсѣмъ не естественныхъ условіяхъ дѣло, а въ условіяхъ соціальныхъ, играющихъ доминирующую роль, между прочимъ, и въ сферѣ соціально-полическаго нонконформизма. Изъ-за мелочей, которыми нашъ мыслитель такимъ усердіемъ, съ такою кропотливостью занимается, онъ почти соѣмъ не видитъ въ данномъ случаѣ (какъ и во всѣхъ) факторовъ основныхъ, всеобусловливающихъ, а потому и нѣтъ ничего удивительнаго въ мъ, что при объясненіи разбираемыхъ имъ явленій ему на каждомъ шагу иходится путаться въ противорѣчіяхъ, постоянно наталкиваться на «исюченія», которыя рѣшительно не укладываются въ рамки сочиняемыхъ ъ положеній и формулъ и которыя, если только хоть сколько-нибудь имательно присмотрѣться къ дѣлу, сплошь и рядомъ оказываются нады ко многочисленными и даже прямо-таки безчисленными, что совершенно уничтожаютъ устанавливаемые Ломброзо «законы» и «правила».

Ну, взять, наприм., хотя бы выводы нашего ученаго о вліяніи горъ: горы, дескать, обусловливаютъ подвижность духа у ихъ обитателей, придаютъ этимъ послѣднимъ безпокойный, мятежный характеръ, противодѣйствуютъ образованію консервативныхъ тенденцій и пр. А вотъ мы, напримѣръ, позволяемъ себѣ категорически утверждать, что тезисъ этотъ будетъ вѣренъ только въ томъ случаѣ, если взять его какъ разъ въ обратномъ смыслѣ, и что всѣ ломброзовскія умозаключенія на этотъ счетъ представляются намъ результатомъ довольно страннаго недоразумѣнія. Насколько намъ извѣстно, всѣ,—быть можетъ, даже безъ единаго исключенія,—обитатели горъ крайне консервативны, крайне неподвижны въ духовномъ смыслѣ (а, вѣдь, духъ-то намъ только и важенъ). Горцы свободолюбивы, горцы не выносятъ чужого ига и возстаютъ противъ тѣхъ, кто пытается покорить, обуздать ихъ,—говоритъ, между прочимъ, авторъ *Il delitto politico*. Да, все это вѣрно,—отвѣтимъ мы,—но присмотритесь только повнимательнѣе къ духовной физіономіи этихъ самыхъ свободолюбивыхъ и непокорныхъ горцевъ и вы не замедлите убѣдиться въ томъ, что болѣе, чѣмъ они, одеревенѣлыхъ духовно людей трудно найти на земной поверхности. Обыкновенно они — ярые враги всякихъ новшествъ, живутъ они всецѣло рутиной, традиціями, ревниво оберегаютъ доставшіяся имъ по наслѣдству нравы, обычаи, учрежденія, апеллируютъ всегда къ авторитету старины, оказываются по уши погруженными въ грубѣйшіе предразсудки, отличаются глубокимъ невѣжествомъ, глубокою духовною спячкой и упорно противятся всякому прогрессу, всякимъ попыткамъ заставить ихъ идти впередъ. Это ли, спрашивается, не консерватизмъ? Вдумайтесь въ сущность дѣла и вы увидите, что даже самое свободолюбіе горныхъ обитателей всецѣло питается консерватизмомъ. Всѣ эти положенія наши мы, если бы только въ нашемъ распоряженіи было побольше мѣста и еслибъ это понадобилось, могли бы доказать массой фактовъ. Ограничимся здѣсь указаніемъ только на одинъ крупный и многоговорящій фактъ. Вотъ страна, находящаяся въ самомъ центрѣ цивилизованной Европы,— Швейцарія. Въ то время, какъ швейцарецъ, живущій въ равнинахъ, является однимъ изъ передовыхъ представителей современнаго человѣчества, швейцарецъ-монтаньяръ оказывается олицетвореніемъ консерватизма, застоя, духовной неподвижности. А, вѣдь, обитаемыя швейцарскія горы представляютъ вовсе не *montagne elevatissime*, а потому и *dannose*, т.-е. вредными для прогресса. Да и самъ Ломброзо указываетъ на *montanari di Schwitz-Uri ed Unterwald*, въ борьбѣ ихъ съ Австріей и Бургундіей, какъ на извѣстныхъ въ исторіи поборниковъ свободы (p. 61). А вотъ эти самые поборники упорнѣйшимъ образомъ поворачиваются спиной ко всякому прогрессу, и только что названные Ломброзо кантоны оказываются самыми трущобными, самыми отсталыми кантонами во всей Швейцаріи. Само собою разумѣется, что, говоря и настаивая наперекоръ Ломброзо на консерватизмѣ горцевъ, мы видимъ причину этого консерватизма совсѣмъ не въ самыхъ горахъ, а въ томъ, что въ этихъ послѣднихъ населеніи и

рѣдко, да и удалено отъ большихъ культурныхъ центровъ, т.-е. городовъ,— другими словами, сводимъ объясненіе явленія на причину не естественнаго, природнаго, а чисто-соціальнаго характера.

X.

Ломброзо и самъ частенько замѣчаетъ, что съ обобщеніями и выводами относительно важной роли естественныхъ условій, вліяній и факторовъ дѣло обстоитъ у него не совсѣмъ благополучно и что всяческія «исключенія» весьма серьезно угрожаютъ устанавливаемымъ имъ «правиламъ». Въ такихъ случаяхъ онъ ополчается на защиту своихъ шаткихъ обобщеній и начинаетъ «объяснять» непокорныя и докучныя «исключенія». Взглянемъ мелькомъ на то, какъ онъ это дѣлаетъ.

Вотъ, наприм., Аргентинская республика. Страна эта плоская, равнинная, плодородная, и «консервативной» пшеницы производитъ, между прочимъ, весьма изрядное количество и пр. Казалось бы, по разнымъ ломброзовскимъ «правиламъ» и «законамъ», ей полагается быть страною спокойною, сонною, консервативною, а, между тѣмъ, она только развѣ за самые послѣдніе годы немножечко поуспокоилась, а раньше то и дѣло практиковалась по части революцій, переворотовъ, мятежей, вспышекъ, да и теперь, строго говоря, никакихъ прочныхъ гарантій въ своемъ благоразуміи не даетъ. Какъ быть съ такою «исключительною» страной? А очень просто: тамъ, видите ли, доминирующую роль играютъ «другіе факторы, въ особенности: сухой воздухъ, интензивность городской жизни и подражанія европейскимъ революціямъ» (p. 72). Обходя молчаніемъ первый изъ этихъ факторовъ и подвергая нѣкоторому сомнѣнію второй (ужъ будто бы въ какомъ-нибудь Буэносъ-Айресѣ, чуть ли не единственномъ дѣйствительно крупномъ центрѣ Аргентины, городская жизнь бьетъ болѣе живымъ ключомъ, чѣмъ, наприм., хотя бы въ огромныхъ городскихъ центрахъ сѣверныхъ штатовъ Сѣверо-Американскаго Союза, которые, несмотря даже и на «сухость воздуха», переворотовъ и мятежей устраиваютъ, по меньшей мѣрѣ, немного?),— мы рѣшительно протестуемъ противъ глубокомысленнаго указанія на третій факторъ. Безпокойный характеръ Аргентины обусловливается,—да еще и «въ особенности»,—подражаніемъ европейскимъ революціямъ. Откуда Ломброзо это взялъ, на чемъ онъ основывается, выдвигая на сцену этотъ аргументъ? Когда онъ говоритъ о какой-нибудь сухости воздуха, то еще куда ни шло: сухость эта можетъ быть фактомъ, хотя и не особенно цѣннымъ въ интересующемъ насъ вопросѣ, но, все-таки, точно констатируемымъ гигрометромъ. Ну, а какимъ инструментомъ, какимъ точнымъ пріемомъ установить степень подражательности жителей? Ломброзо *кажется*, что эта степень высока, другимъ она можетъ показаться низкою; можно по этому поводу спорить, но споръ этотъ будетъ совершенно празднымъ, безплоднымъ, потому что ни одна изъ спорящихъ сторонъ рѣшительно не въ состояніи убѣдительно доказать вѣрность отстаиваемаго ею положенія. Такого рода положенія всегда являются резуль-

татомъ личнаго взгляда, личной субъективной оцѣнки, а потому неизбѣжно и носятъ на себѣ голословный характеръ. Пользуясь ими, можно «доказывать» рѣшительно все, что угодно: мнѣ, дескать, такъ *кажется!* Если ужъ и въ обиходной-то рѣчи профановъ такіе субъективные резоны не считаются основательными, то тѣмъ болѣе неосновательными и недостойными представляются они въ ученомъ изслѣдованіи, претендующемъ на серьезность. Ломброзо прибѣгнулъ въ данномъ случаѣ къ такому совершенно ненаучному аргументу, очевидно, потому, что капризную Аргентину ему во что бы то ни стало нужно было уложить на прокустово ложе своей однобокой теоріи, а болѣе серьезныхъ доводовъ въ пользу резонности совершенія этой операціи у него подъ руками, увы, не оказалось. Вотъ онъ и сослался на «подражанія».

Вотъ, далѣе, Польша. Это—страна тоже очень неудобная для ломброзовскихъ обобщеній, и самъ Ломброзо превосходно это сознаетъ. Страна эта доставляетъ нашему автору, пожалуй, даже больше хлопотъ, въ смыслѣ подведенія ея подъ общій знаменатель теоріи, чѣмъ Аргентина. Въ самомъ дѣлѣ, въ Польшѣ, точно на зло Ломброзо, собрались во-едино почти всѣ естественныя условія, которыя должны были бы сдѣлать страну эту тихою, мирною, консервативною *par excellence,* а она, между тѣмъ, почти за все время своего историческаго существованія только то и дѣлала, что волновалась да бунтовала,—точно, будто, для нея ломброзовскіе «законы» совсѣмъ и не писаны. Тамъ и равнинность, тамъ и недостатокъ тепла, тамъ и славянская, органически-консервативная (по Ломброзо) раса, тамъ и брахицефалія, тамъ и преобладаніе, какъ во всѣхъ сѣверныхъ славянскихъ (да и не только славянскихъ) странахъ, бѣлокураго типа надъ темноволосымъ,—и, все-таки, бунтуетъ себѣ историческій полякъ, да и только *). Какъ же, при такихъ неблагопріятныхъ для теоріи условіяхъ, объяснить феноменальную неугомонность исторической Польши? Не «подражала» ли она кому-нибудь въ своей мятежной практикѣ? Нѣтъ, какъ будто бы: сплошь и рядомъ она кипѣла, волновалась и бурлила тогда, когда все вокругъ нея было болѣе или менѣе спокойно. Какъ же быть, въ такомъ случаѣ? Эврика! А какимъ характеромъ отличалась въ Польшѣ умственная культура? Она развилась въ странѣ «преждевременно» и получила «необыкновенное распространеніе» (*precoce e straordinaria estensione della coltura*); «образованіе проникло тамъ въ самые низшіе классы народа» (p. 123, 124). А, вѣдь, извѣстно, что «культура даетъ зловредные результаты, когда она чрезмѣрна, слишкомъ преждевременна или дурно направлена» (*la coltura ha effetti malefice, quando è troppa, troppo precoce o mal indirizzata*, p. 125). Видите, какъ велика находчивость и изворотливость Ломброзо, до какой степени ученый этотъ неуловимъ и неуязвимъ въ своихъ широкихъ обобщеніяхъ, какъ онъ ловко умѣетъ выпутываться изъ затрудненій

*) „Polonia... avrebbe avuto tutti gli elementi contrari alla tendenza rivoluzionaria, comechè *pianigiana, fredda* e di *razza slava* e *brachicefala,*—eppure fu tra le più sediziose delle popolazioni Europe“ (*Il delitto politico,* p. 123).

и расправляться съ мѣшающими ему «исключеніями»! Вѣдь, ужь въ Польшѣ позиція его была, кажется, совсѣмъ неблистательная, а, между тѣмъ, посмотрите, какой оборотъ получился благополучный. Поискалъ, поискалъ Ломброзо факторовъ, парализующихъ «несомнѣнное» вліяніе факторовъ естественныхъ, попалась ему при этихъ поискахъ подъ руку «культура», онъ тотчасъ же обозвалъ ее «преждевременною, чрезмѣрною, дурно направленною», привлекъ ее, въ качествѣ таковой, къ дѣлу и такимъ маневромъ, какъ будто бы, выгородилъ свою теорію. Ловкій стратегъ! Дѣйствительно ли, однако, ловкій? Намъ думается, что совсѣмъ нѣтъ. Посмотрите, въ самомъ дѣлѣ, чего онъ надѣлалъ. Желая правдоподобнымъ образомъ объяснить встрѣтившееся ему докучное исключеніе изъ его теоріи, онъ до такой степени увлекся, что самъ же, собственными своими руками, взялъ, да и разрушилъ до основанія, незамѣтно для себя, всю свою теорію. Оказывается, что одного какого-нибудь *соціальнаго* условія, вродѣ «культуры», какова бы она ни была, вполнѣ достаточно,—правда, въ связи съ кое-какими другими, хотя и несущественными, на нашъ взглядъ, но тоже соціальными, для того, чтобы цѣликомъ парализовать или устранить вліяніе цѣлаго ряда первостепенныхъ, по Ломброзо, условій естественныхъ, *природныхъ*. Нашъ мыслитель, очевидно, самъ же себя и бьетъ безпощадно, даетъ намъ въ руки чрезвычайно вѣскій доводъ противъ своихъ обобщеній и выводовъ. Мы, конечно, весьма благодарны ему за это; но чувство благодарности у насъ не заходитъ, однако же, настолько далеко, чтобы помѣшать намъ указать читателю на полнѣйшую негодность того пріема, который пущенъ авторомъ въ ходъ по отношенію къ неугомонной Польшѣ. «Преждевременная, чрезмѣрная, дурно направленная культура»... Развѣ можно въ ученомъ трактатѣ прибѣгать къ доказательствамъ, всецѣло построеннымъ на *такой* чисто-субъективной оцѣнкѣ явленій? Развѣ можно, при научной разработкѣ какого бы то ни было вопроса, выдавать за непреложную истину то, что кажется несомнѣннымъ изслѣдователю исключительно только съ его личной точки зрѣнія? Развѣ серьезному ученому дозволительно прибѣгать, въ доказательство его положеній, къ голословной, необоснованной ни на какихъ объективныхъ данныхъ аргументаціи? «Чрезмѣрная» и т. д. культура. Но какимъ аршиномъ опредѣлилъ эту «чрезмѣрность» Ломброзо, какимъ критеріемъ онъ руководствовался, называя польскую культуру «преждевременною», «дурно направленною»? По нашему мнѣнію, всѣ только что упомянутыя квалификаціи свидѣтельствуютъ лишь о полнѣйшемъ авторскомъ произволѣ—и больше ни о чемъ. Быть можетъ, авторъ въ данномъ случаѣ и правъ (мы думаемъ, что совсѣмъ не правъ); но онъ не доказываетъ своей правоты, а только утверждаетъ, между тѣмъ какъ бездоказательныхъ утвержденій тутъ совершенно недостаточно. Если же Ломброзо полагаетъ иначе, то намъ остается только пожать плечами и придти къ тому заключенію, что къ празднословію его вынуждаетъ ничто иное, какъ безрессурсность, соединенная съ упорствомъ въ отстаиваніи его «чрезмѣрно» смѣлыхъ, «преждевременно» порожденныхъ и «дурно направлен-

ныхъ» обобщеній (если мы пускаемъ въ ходъ такія квалификаціи, то мы ихъ,—худо ли, хорошо ли,—доказываемъ фактами, примѣрами). Нечего ему сказать дѣльнаго по поводу Польши, а сказать что-нибудь непремѣнно нужно,—никакъ нельзя позволять странѣ этой ускользать изъ рамокъ теоріи! — и вотъ онъ ухватывается за «вредоносныя» свойства культуры. Нельзя сказать, чтобы все это было очень ужь «геніально» и поучительно!

Вотъ, вѣдь, далѣе, и наша родина, если взглянуть на нее съ точки зрѣнія ломброзовскихъ «обобщеній» и выводовъ, тоже, какъ будто, должна представляться автору *Il delitto politico* страною «исключительною», на подобіе Аргентины и Польши противорѣчащею, если судить по многимъ указаніямъ и соображеніямъ Ломброзо, развиваемой этимъ послѣднимъ теоріи о роли естественныхъ факторовъ въ процессѣ возникновенія и развитія новаторскихъ, безпокойныхъ, нонконформистскихъ тенденцій. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь, въ ней имѣются въ совокупности какъ разъ всѣ тѣ условія, о которыхъ шла рѣчь по поводу Польши (равнинность, холодъ, славянская раса и пр.), а, между тѣмъ, она, какъ мы уже слышали это раньше, оказывается страною «новаторскою» по существу (*essenzialmente*). Но, прежде всего, на какомъ основаніи Ломброзо ставитъ Россію въ категорію странъ безпокойныхъ, проникнутыхъ стремленіемъ къ перемѣнамъ, къ новшествамъ? Да почти исключительно на основаніи одного только факта броженія умовъ, имѣвшаго мѣсто въ 60-хъ и 80-хъ годахъ, совершавшагося, главнымъ образомъ, въ средѣ интеллигентной молодежи и выразившагося, между прочимъ, въ обиліи политическихъ преступленій и политическихъ процессовъ *). Объ этомъ фактѣ Ломброзо только и говоритъ, съ деталями его только и носится, когда ему по тому или другому поводу приходится касаться Россіи. А теперь, узнавъ о томъ основаніи, по которому Ломброзо угодно было отнести наше отечество въ рядъ странъ новаторскихъ и безпокойныхъ, посмотримъ, какъ авторъ выпутывается изъ противорѣчія, на которое мы намекнули въ предъидущихъ строкахъ.

Какія причины, наперекоръ условіямъ климатическимъ, топографическимъ, этнографическимъ и пр., вызвали въ Россіи упомянутое «новаторское» движеніе умовъ? Разыскивая въ *Il delitto politico* матеріалы для отвѣта на этотъ животрепещущій вопросъ, мы наталкиваемся, между прочимъ, на 10 параграфъ V главы, поставленный подъ заголовкомъ: *Riforme politiche inadatte o precoci* (непримѣнимыя или преждевременныя политическія реформы). Читатель нашъ, пробѣжавъ только что написанныя нами строки, придетъ, по всей вѣроятности, въ немалое изумленіе, такъ какъ ему прекрасно извѣстно, что мы, русскіе, по части «преждевременныхъ», а потому и непримѣнимыхъ реформъ, какъ будто бы, не грѣшимъ, и, слѣдовательно, опять, какъ будто бы, названный параграфъ къ намъ ни малѣйшаго отношенія имѣть не можетъ. А вотъ послушайте Ломброзо. Ре-

*) Въ данномъ случаѣ Ломброзо основывается еще на одномъ любопытномъ „фактѣ“, о которомъ мы скажемъ слова два ниже.

формы названнаго характера являются «самою частою причиной возмущеній». Въ подтвержденіе этого положенія, авторъ нашъ дѣлаетъ многочисленныя ссылки на исторію, указываетъ на то, чѣмъ сопровождалась дѣятельность Савонароллы, Кола-ди-Ріензи, Марселя, Кромвеля, Карла III испанскаго, Ивана Грознаго, Петра Великаго и проч., и проч. Вслѣдъ за всѣми этими историческими справками, свидѣтельствующими о томъ, что вредно-де вводить какія бы то ни было реформы, когда страна еще не доросла до нихъ, мы читаемъ, что «гуманитарные законы, направленные противъ невольничества, будучи примѣнены внезапно (преждевременно?), вызвали въ Америкѣ междоусобную войну». Благодаря введенію тѣхъ же самыхъ антиневольническихъ законовъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ вспыхнула революціи въ Суданѣ, причемъ «самъ Гордонъ-паша, фанатическій аболиціонистъ, кончилъ тѣмъ, что призналъ необходимымъ, въ видахъ умиротворенія страны, отмѣнить законы, изданные противъ невольничества». Непосредственно послѣ этого стоитъ слѣдующая фраза о Россіи: «основная причина возникновенія нигилизма заключается въ потрясеніи, вызванномъ уничтоженіемъ крѣпостного права въ Россіи» (*la fonte prima del nichilismo è il turbamento prodotto dall'abolizione dei servi in Russia,* стр. 185). А тотчасъ ниже: «единственное возстаніе въ Египтѣ произошло вслѣдъ за первыми реформами Теффика-паши».

Если мы еще разъ замѣтимъ, что упоминаніе о Россіи сдѣлано въ параграфѣ о «преждевременныхъ и непримѣнимыхъ реформахъ», и затѣмъ обратимъ вниманіе на то, что указаніе на великій актъ 19 февраля 1861 года поставлено между фразами о попыткѣ уничтоженія рабства въ Суданѣ и о реформахъ Теффика-паши въ Египтѣ, то для всякаго станетъ ясно, что наша освободительная реформа, золотыми буквами занесенная на страницахъ исторіи и благословляемая десятками милліоновъ русскаго населенія, относится ученымъ туринскимъ профессоромъ-антропологомъ къ категоріи реформъ «преждевременныхъ», а, слѣдовательно, и вредныхъ въ общественно-политическомъ смыслѣ. Полагаемъ, что всякіе комментаріи по этому «перлу» совершенно излишни.

Ну, а какъ вы думаете, читатель, почему въ томъ броженіи умовъ въ Россіи, о которомъ только что была у насъ рѣчь, оказался довольно значительный процентъ женщинъ? Если вы не читали *Il delitto politico,* то съ вами можно держать какое угодно пари, что ни за что не отгадаете. Причины этого, опять-таки совершенно «исключительнаго», не укладывающагося въ рамки ломброзовской теоріи, явленія (женщина, по Ломброзо, ...нсервативна до мозга костей),—если мы только случайно не забыли чего-...бо въ интересующей насъ книгѣ, — авторомъ указываются въ разныхъ ...ѣстахъ сочиненія двѣ слѣдующія: «Одною изъ причинъ, толкнувшихъ рус-...кую женщину въ объятія нигилизма, была чрезмѣрная умственная куль-...тура» (*l'esagerazione della coltura della donna in Russia fu una delle cause e la gettò in braccio al nichilismo*). Нѣсколькими строками ниже рѣчь ...етъ опять о «через-чуръ подвинувшейся впередъ и столь чрезмѣрной

культурѣ славянъ, у которыхъ на большую долю течетъ азіатская кровь, экзальтирующая у нихъ воображеніе» (p. 126). И такъ, преувеличенная, чрезмѣрная культура—вотъ первая причина интересующаго насъ явленія,—причина, которая, по всей вѣроятности, покажется довольно странною нашему читателю, знакомому со степенью умственной культуры въ Россіи и, къ тому же, привыкшему слышать, что въ упомянутомъ выше броженіи принимали участіе, будто бы, одни только «недоучившіеся мальчишки и дѣвчонки». Полюбопытствуемъ теперь насчетъ второй причины. Заключается она въ томъ, что очень многимъ русскимъ женщинамъ не удается... выдти замужъ. «Нужно обратить вниманіе,—говоритъ Ломброзо,—также и на нѣкоторыя соціальныя условія, въ особенности на крайнее усиленіе безбрачія, благодаря которому, какъ это преимущественно имѣетъ мѣсто въ Петербургѣ, заглушается семейное начало, и женщина остается внѣ той сферы, которая наиболѣе пригодна для развитія ея способностей». Далѣе идетъ указаніе на то, что въ Петербургѣ за послѣдніе годы 1 бракъ приходится на 155 жителей, между тѣмъ какъ въ Берлинѣ—1 на 115, въ Парижѣ—1 на 109, въ Москвѣ—1 на 137, въ Одессѣ—1 на 107 жителей. «Послѣдствія такого положенія дѣлъ очевидны: женщины, лишенныя своего естественнаго призванія, устремляются на поприще политической дѣятельности» (*le donne, tolte al loro regno naturale, volgono l'attività alla politica,* p. 227).

Просто даже завидно становится. Такъ для Ломброзо, съ перваго же мелькомъ брошеннаго взгляда, все оказывается «очевидно», «несомнѣнно», ясно, понятно! Такъ просто, легко, быстро распутываетъ онъ самые сложные, самые темные вопросы! Такъ рѣшительно, такъ безъапелляціонно устраняетъ всѣ, попадающіяся ему на пути, возраженія, такъ живо расправляется съ мѣшающими ему «исключеніями», такъ беззаботно проходитъ мимо безчисленныхъ своихъ противорѣчій! Легко ему толстыя «ученыя» книжки писать и какія угодно «новыя зданія» въ наукѣ сооружать! Полагая, что увеселительный характеръ глубокомысленныхъ философскихъ замѣчаній нашего автора о русскихъ женщинахъ и пр. очевиденъ для читателя и безъ комментаріевъ, мы не будемъ останавливаться на этихъ замѣчаніяхъ.

И. Д—овъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Новый расколъ въ нашей интеллигенціи.

(*Н. Бельтовъ:* „Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію". — *П. Струве:* „Критическія замѣтки къ вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи").

I.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ средѣ нашей интеллигенціи произошелъ довольно крупный и весьма обостренный расколъ. Онъ былъ вызванъ появленіемъ въ свѣтъ двухъ сочиненій, заглавія которыхъ я выписалъ выше.

Новое раздѣленіе, новая междоусобица, при малочисленности интеллигенціи (въ лучшемъ смыслѣ этого слова), всегда крайне печальны по своимъ результатамъ. Конечно, различія во мнѣніяхъ неизбѣжны, полемика о нихъ полезна, но если только эта полемика не ведетъ къ обостренному расколу и враждебности въ средѣ той части интеллигенціи, у которой есть многое, что можетъ и должно было бы объединять ее.

Печально такое положеніе не потому лишь, что лучшихъ представителей интеллигенціи у насъ очень мало, а еще и потому, что спорящія стороны, благодаря рѣзкости полемическихъ пріемовъ, не въ силахъ стать на болѣе объективную, примиряющую точку зрѣнія, а, между тѣмъ, самый вопросъ, затронутый полемикой, настолько важенъ и насущенъ, что объективное, строго-научное, внѣ-партійное разсмотрѣніе его представляется настоятельною необходимостью. Но, какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, обѣ стороны считаютъ себя совершенно безпристрастными, ищущими только одной истины, а потому, — въ этомъ смыслѣ, — и объективными, и научными. Каждая сторона упрекаетъ другую въ субъективизмѣ, въ предвзятыхъ взглядахъ, въ теоретическихъ и практическихъ ошибкахъ. И ни той, ни другой сторонѣ нѣтъ *психологической* возможности стать внѣ своего субъективнаго настроенія, стать на почву научнаго метода.

Вотъ эту попытку я и хочу сдѣлать. Я не мечтаю о роли миротворца; да это едва ли и возможно. Я буду считать свое дѣло сдѣланнымъ, если мнѣ удастся указать, что и у той, и у другой стороны есть и свои круп-

ныя заслуги, и нѣкоторыя крупныя ошибки; что эти послѣднія происходятъ и на той, и на другой сторонѣ одинаково отъ недостаточно обоснованнаго соціологическаго «субъективизма», хотя одна изъ сторонъ, а именно авторы вышеназванныхъ книгъ, считаютъ себя въ соціологіи «объективистами». Я постараюсь показать, что названныя книги, во всякомъ случаѣ, принесли крупную пользу, заставивъ вновь пересмотрѣть вопросъ, и дали возможность установить третью, синтетическую точку зрѣнія, которую я и намѣчу въ концѣ.

Я сказалъ, что обѣ книги затрогиваютъ самый насущный вопросъ нашей жизни: должны ли мы пережить ту стадію экономическаго развитія Западной Европы, которая называется капитализмомъ?

Оба автора рѣшаютъ его въ положительномъ смыслѣ, т.-е. что переживемъ мы его неизбѣжно и переживаемъ даже теперь. Они не отрицаютъ того зла, которое является обыкновенно съ развитымъ капитализмомъ, т.-е. бѣдствій — пролетаріата, обезземеленія массъ, промышленныхъ кризисовъ, безработицы и т. д. Нѣтъ, оба они—горячіе послѣдователи Карла Маркса и, стало быть, враги капитализма, но они убѣждены, вслѣдъ за Энгельсомъ, что освобожденіе отъ капитализма можетъ возникать *только* въ его же собственныхъ нѣдрахъ и не можетъ явиться въ какой-либо другой стадіи экономическаго развитія, наприм., въ той, какую переживаетъ Россія.

Таково, въ общихъ чертахъ, основное положеніе, которое стремятся доказать обѣ книги. Авторы ихъ строятъ свои доказательства на одномъ и томъ же теоретическомъ фундаментѣ, который называется «экономическимъ матеріализмомъ» или еще иначе—«діалектическимъ матеріализмомъ». Дальше мы увидимъ подробнѣе, что̀ такое «экономическій» или «діалектическій» матеріализмъ. Пока же замѣтимъ только, что его не нужно смѣшивать съ матеріализмомъ философскимъ. Сущностью экономическаго матеріализма можно считать его утвержденіе, что всѣ явленія человѣческаго прогресса, т.-е. не только политическія и общественныя формы, но даже мораль, философія, литература, идеи, идеалы,—все выростаетъ на почвѣ экономической, находится въ зависимости отъ стадій экономическаго развитія. Подъ словомъ «экономическія стадіи» понимаются «особыя отношенія людей въ производствѣ», которыя измѣняются въ каждой стадіи: наприм., въ стадіи капиталистической отношенія не тѣ, какія мы находимъ въ стадіи рабской, и т. под.

Несмотря на полное сходство направленій обоихъ авторовъ, у нихъ оказываются и нѣкоторыя различія. Такъ, г. Струве болѣе догматиченъ; онъ безусловно вѣритъ въ необходимость переживанія для каждой націи всѣхъ стадій, какія пройдены другими, и у него этотъ оттѣнокъ доходитъ до метафизическаго фатализма, причемъ онъ даже не считаетъ нужнымъ его доказывать, а просто выписываетъ положенія и цитаты изъ своихъ нѣмецкихъ авторитетовъ. Г. Бельтовъ гораздо болѣе самостоятеленъ и научен. Онъ говоритъ: «Всякій процессъ безусловно *обязателенъ* тамъ, гдѣ

онъ существуетъ. Такъ, наприм., горѣніе спички обязательно для нея, разъ она загорѣлась; спичка обязательно гаснетъ, разъ процессъ горѣнія пришелъ къ концу. Въ *Капиталѣ* (Маркса) рѣчь идетъ о ходѣ капиталистическаго развитія, *обязательнаго для тѣхъ странъ, гдѣ это развитіе имѣетъ мѣсто*» (стр. 251).

Полемизируя съ г. Михайловскимъ, г. Бельтовъ доказываетъ, что тотъ не понялъ Маркса, когда утверждалъ, что, по мнѣнію этого нѣмецкаго ученаго, «капиталистическое производство обязательно для всѣхъ странъ и для всѣхъ народовъ». «Діалектическій матеріализмъ, т.-е. теорія Маркса, никакихъ странъ ни къ чему не приговариваетъ, онъ не указываетъ пути общаго и «обязательнаго» для всѣхъ народовъ во всякое данное время; дальнѣйшее развитіе всякаго даннаго общества всегда *зависитъ отъ соотношенія общественныхъ силъ внутри его*».

Далѣе онъ приводитъ отрывокъ изъ письма Маркса (къ редактору *Отечественныхъ Записокъ*), которое было напечатано въ *Юридическомъ Вѣстникѣ*. Въ этомъ письмѣ Марксъ говоритъ: «Если Россія будетъ продолжать идти путемъ, избраннымъ ею послѣ 1861 г., она потеряетъ одинъ изъ самыхъ удобныхъ случаевъ, который когда-либо историческій ходъ давалъ народу для минованія всѣхъ перепетій капиталистическаго развитія».

Такимъ образомъ, если г. Бельтовъ считаетъ наступленіе въ Россіи капитализма неизбѣжнымъ, то потому только, что «спичка уже загорѣлась», или, говоря словами Маркса изъ того же письма: «въ послѣдніе годы Россія довольно потрудилась въ смыслѣ шествія по названному пути».

Отъ себя г. Бельтовъ добавляетъ: «съ тѣхъ поръ, какъ это письмо было написано (т.-е. съ 1877 г.), Россія шла по этому пути все дальше и все быстрѣе».

Таковы взгляды г. Бельтова. Имъ нельзя отказать въ вѣскости и основательности, и возражать на нихъ можно только въ двухъ направленіяхъ: или необходимо доказать съ фактами и цифрами въ рукахъ, что Россія еще не вступила на путь капиталистическаго развитія,—а это доказать едва ли возможно *),—или же придется рѣшить вопросъ: можетъ ли страна, уже ступивъ на этотъ путь, свернуть съ него? Посмотримъ сперва, какъ смотритъ на этотъ второй вопросъ самъ авторъ. На стр. 257 онъ говоритъ: «Россія будетъ идти по пути капиталистическаго развитія не потому, что существуетъ какая-то сила внѣшняя, какой-то таинственный законъ, толкающій ее на этотъ путь, а потому, что нѣтъ *фактической внутренней силы*, которая могла бы сдвинуть ее съ этого пути». Въ другомъ мѣстѣ эта мысль выражена еще точнѣе: «Надо изучить,—говоритъ авторъ,—прежде всего отношеніе общественныхъ классовъ. Только такое изученіе можетъ показать, что̀ «обязательно» и что̀ «необязательно» для даннаго общества» (стр. 253).

*) Ниже будутъ приведены цифры, доказывающія, какъ глубоко уже проникъ капитализмъ въ самую жизнь народа, въ деревню и даже общину.

Читатель видитъ, что авторъ считалъ бы возможнымъ «сдвинуть Россію» съ этого пути, когда она уже стоитъ на немъ, если бы для этого были шансы въ «отношеніяхъ классовъ», въ «существованіи внутреннихъ силъ, необходимыхъ для этого».

Отсюда и возникаетъ возраженіе г. Бельтова нашимъ «народникамъ-идеалистамъ». На что они надѣются? До сихъ поръ они указали только одну такую силу: *ихъ собственные идеалы*, но г. Бельтовъ находитъ, что это столь же мало дѣйствительно, какъ и надежда тюремнаго узника бѣжать изъ запертой тюрьмы при помощи лодки, нарисованной на стѣнѣ. Это вовсе не значитъ, что г. Бельтовъ не признаетъ никакого значенія за идеалами и идеями,—какъ мы видимъ это у г. Струве,—нѣтъ, авторъ «монистическаго взгляда» признаетъ даже, что идеи и идеалы или, какъ называетъ онъ, «психологическая эволюція», предшествуютъ экономическимъ переворотамъ (стр. 176), но чтобы влiять на процессъ развитія, они не должны быть лишь въ головахъ отдѣльныхъ личностей, «героевъ», по г. Михайловскому, какъ его понимаетъ г. Бельтовъ *). Онъ полагаетъ, что народники-идеалисты думаютъ такъ: «были бы герои, толпа для нихъ найдется, и эти герои—мы, т.-е. субъективная интеллигенція», но,—говоритъ на это г. Бельтовъ,—«ваше противуположеніе героевъ толпѣ есть простое самомнѣніе и потому самообманъ. И вы останетесь простыми говорунами до тѣхъ поръ, пока не поймете, что для торжества вашихъ идеаловъ надо устранить самую возможность такого противупоставленія, надо разбудить въ толпѣ героическое самосознаніе».

Но если бы только въ этомъ было разногласіе г. Бельтова съ народниками-идеалистами, то, вѣдь, оно оказывалось бы разногласіемъ «мнимымъ», такъ какъ г. Михайловскій заявилъ открыто, что никогда не думалъ кого-нибудь «благодѣтельствовать» ad hoc. Въ виду этого трудно согласиться съ г. Бельтовымъ, когда онъ, обращаясь къ своимъ противникамъ, говоритъ имъ: «Не слѣдуетъ оставлять свѣтильника въ тѣсномъ кабинетѣ интеллигенціи! Пока существуютъ «герои», воображающіе, что имъ достаточно просвѣтить свои собственныя головы, чтобы повести толпу всюду, куда имъ угодно, чтобы лѣпить изъ нея, какъ изъ глины, все, что имъ вздумается,—царство разума остается фразой, благородною мечтой».

Я сказалъ, что съ этимъ нельзя согласиться, но, конечно, не потому, что это положеніе не вѣрно само по себѣ, а только потому, что эта «аксіома» едва ли гдѣ-нибудь и когда-нибудь отрицалась народниками-идеалистами или субъективистами. Я ничего подобнаго не помню, а, наобо-

---

*) Г. Михайловскій въ январской книжкѣ *Русскаго Богатства* отвергаетъ такое пониманіе своей теоріи „героевъ и толпы“, утверждая, что называлъ „героями“ вообще всякихъ энергическихъ вожаковъ, увлекающихъ толпу, а вовсе не хотѣлъ этимъ сказать, что человѣчество спасутъ „герои“ въ смыслѣ Карлейля. Онъ отвергаетъ обвиненіе, что субъективисты „не желаютъ содѣйствовать сознанію производителей, а думаютъ облагодѣтельствовать ихъ на условіяхъ полной покорности масс“ (*Русское Богатство*, № 1, стр. 144).

ротъ, вижу въ этомъ направленіи постоянное стремленіе не ставить свѣтильника въ узкомъ кабинетѣ интеллигенціи, т.-е. постоянное горячее стремленіе къ наибольшему просвѣщенію народа. И такъ, если бы только въ этомъ было разногласіе, то оно падаетъ само собою, является какимъ-то недоразумѣніемъ.

По существу самъ г. Бельтовъ не только признаетъ, что человѣческій разумъ, а, стало быть, и его созданія — идеи, идеалы, знаніе имѣютъ значеніе, — онъ идетъ, пожалуй, дальше субъективистовъ и утверждаетъ слѣдующее: «такъ какъ человѣческій разумъ можетъ восторжествовать надъ слѣпою необходимостью, только *познавъ* ея собственные внутренніе законы, только побивъ ее ея собственною внутреннею силой, то *развитіе знанія, развитіе человѣческаго сознанія* является благороднѣйшею задачей мыслящей личности». На основаніи этого положенія, авторъ приходитъ даже къ тому, что торжество необходимости надъ человѣкомъ есть временное торжество, зависящее отъ его незнанія законовъ дѣйствительности. Когда это незнаніе замѣнится знаніемъ, тогда человѣкъ самъ овладѣетъ необходимостью и законами жизни и будетъ ихъ направлять къ своимъ цѣлямъ.

Послѣ такихъ заявленій читатель рѣшительно недоумѣваетъ, въ чемъ же то коренное разногласіе, которое заставило г. Бельтова излить столько сарказмовъ, насмѣшекъ и укоровъ на г. Михайловскаго и лицъ, раздѣляющихъ его взгляды? Разногласіе лежитъ глубже.

Такъ, по г. Бельтову, «психологическая эволюція» хотя и предшествуетъ экономическому перевороту, но сама все же развивается *только на экономической почвѣ*. «Психологія общества,—говоритъ онъ на стр. 176,—*приспособляется* къ его *экономіи*. На данной экономической основѣ роковымъ образомъ возвышается соотвѣтствующая ей идеологическая надстройка. Но, съ другой стороны, каждый новый шагъ въ развитіи производительныхъ силъ ставитъ людей, въ ихъ повседневной житейской практикѣ, въ новыя взаимныя положенія, не соотвѣтствующія отживающимъ отношеніямъ производства. Эти новыя, небывалыя положенія необходимо отражаются на психологіи людей и очень сильно ее видоизмѣняютъ. Въ какомъ же направленіи? Одни отстаиваютъ старые порядки: это—люди застоя. Другіе, тѣ, которымъ невыгоденъ старый порядокъ, стоятъ за поступательное движеніе; ихъ психологія видоизмѣняется въ направленіи тѣхъ отношеній производства, которыми замѣнятся современемъ старыя, отживающія экономическія отношенія».

Говоря проще, психологическая эволюціи, предшествующая реформѣ, развивается на опытѣ тѣхъ неудобствъ, которыя представляетъ предъидущая стадія. Такимъ образомъ, хотя психологическая эволюція и предшествуетъ реформѣ, но чтобы она явилась и создала реформу, нужно людямъ *пережить неудобства* предъидущей стадіи, а также, конечно, и самую стадію, наприм., капитализмъ.

И такъ, вотъ гдѣ коренное разногласіе: народники-идеалисты не хотятъ

признать, что необходимо фактически пережить капиталистическую стадію для того, чтобъ явилась «психологическая эволюція», отрицающая ее. Но тутъ противники г. Бельтова могли бы упрекнуть его какъ разъ въ томъ самомъ, въ чемъ онъ только что упрекнулъ ихъ, а именно—въ противупоставленіи «героевъ» толпѣ: въ самомъ дѣлѣ, вѣдь, г. Бельтовъ и его сторонники могли же сознать неудобства и опасности капиталистической стадіи, *не переживая ея фактически*. Почему же народъ русскій долженъ непремѣнно пережить ее de facto, чтобы понять ея опасности и неудобства? Откуда такое различіе между интеллигенціей и массой, оказывающееся у гг. экономическихъ матеріалистовъ? Можетъ казаться, что эта группа гораздо аристократичнѣе идеалистовъ-народниковъ. Вѣдь, тѣ, наоборотъ, додумавшись сами до извѣстныхъ положеній путемъ теоретическимъ и научно-историческимъ, т.-е. ознакомленіемъ съ исторіей капитализма въ Западной Европѣ, очевидно, находятъ, что и весь русскій народъ можетъ тѣмъ же путемъ совершить свою «психологическую эволюцію», не нуждаясь въ тумакахъ «нагляднаго обученія» при посредствѣ самого капитализма. Вѣдь, народъ русскій не изъ другой же глины сдѣланъ?

Этого противорѣчія не замѣчаетъ г. Бельтовъ въ своей теоріи, иначе онъ, конечно, объяснилъ бы его читателямъ.

Такъ какъ я ни на минуту не допускаю у него тѣхъ взглядовъ на массу, въ которыхъ онъ только что обвинялъ другихъ,—хотя и ошибочно,—то приходится намъ самимъ объяснить это противорѣчіе. Г. Бельтовъ, очевидно, могъ бы сказать, что различіе между интеллегенціей и массами лежитъ, въ данномъ случаѣ, не въ томъ, что онѣ изъ разной глины сдѣланы, а въ томъ, что онѣ живутъ въ совершенно различныхъ условіяхъ *умственной жизни* и *возможности пріобрѣтенія знаній*. Мнѣ кажется, ничего иного не могъ бы отвѣтить самъ г. Бельтовъ, *если только онъ признаетъ, что у него самого и у народниковъ-идеалистовъ психологическая эволюція созрѣла*. Я допускаю даже такое его возраженіе, что, дескать, все-же и у насъ, интеллигентовъ, эта психологическая эволюція развилась на почвѣ капитализма, который мы наблюдали, хотя и не въ Россіи, и узнали отчасти по книгамъ, описывавшимъ его, отчасти—непосредственно, наблюдая жизнь Западной Европы.

Но если такъ, то оказывается, что фактическаго наступленія капитализма было бы и совсѣмъ не нужно для пріобрѣтенія извѣстнаго сознанія, если бы масса могла пользоваться такими же условіями умственной жизни, какими пользуется интеллигенція, то-есть, еслибъ она могла пріобрѣтать знанія, наприм., хотя бы по новѣйшей исторіи Западной Европы и ея экономическихъ порядковъ. А, вѣдь, это измѣняетъ весь вопросъ.

Соглашаясь даже съ авторомъ, что психологическая эволюція возникаетъ только на экономической почвѣ, т.-е. требуетъ извѣстной экономической стадіи, мы изъ этого же положенія дѣлаемъ иной выводъ, чѣмъ онъ: эта стадія *дана намъ Европой,* и знакомство съ этою стадіей (*теоретическое*) можетъ и должно замѣнить для насъ фактическое перенесеніе ея на со-

ихъ плечахъ. Если для такой возможности требуются доказательства, то они имѣются въ лицѣ самого автора, г. Струве, и всей той части русской интеллигенціи, которая достигла даннаго сознанія путемъ научнымъ, теоретическимъ.

Отсюда мы видимъ, что разногласіе между противниками могло бы быть сведено на почву еще болѣе ограниченную, а именно: на вопросъ о томъ, есть ли *фактическія основанія* надѣяться, что для русской массы возможно въ скоромъ времени наступленіе такихъ умственныхъ условій, при которыхъ она можетъ ознакомиться научно-теоретически съ высокимъ и важнымъ значеніемъ исконныхъ формъ ея быта, а именно — артели, общины, кустарныхъ промысловъ и т. д., или такая надежда невозможна?

Этотъ вопросъ я разсмотрю въ концѣ статьи, послѣ разбора книги г. Струве, а теперь замѣчу только: уже возможность постановки такого вопроса доказываетъ, что существуетъ для нашей промышленности не одинъ только исходъ, какъ думаетъ г. Бельтовъ, но еще и другой: *обходъ капитализма черезъ теоретическое* ознакомленіе съ нимъ. И, во всякомъ случаѣ, прежде чѣмъ рѣшить, что наступленіе капитализма неизбѣжно, г. Бельтовъ долженъ былъ доказать невозможность второго исхода.

И такъ, оставляя эту задачу до конца статьи, я теперь отвѣчу еще на одно возраженіе и даже на два, которыя почерпаю изъ книги г. Бельтова. Онъ говоритъ, что моментъ поворота съ капиталистическаго пути уже пропущенъ, такъ какъ «капитализмъ уже насаждается съ самаго освобожденія крестьянъ». Но ни г. Бельтовъ, ни Марксъ не указываютъ того *момента* въ развитіи капитализма, послѣ котораго невозможенъ поворотъ. Между тѣмъ, они оба признаютъ, какъ мы видѣли, что въ началѣ развитія онъ *возможенъ*. Такъ, въ письмѣ Маркса это совершенно опредѣленно выражено фразой: «если Россія *пойдетъ далѣе* по тому же пути». Стало быть, необходимо точно указать какой-нибудь законъ, на основаніи котораго то, что было возможно въ 1877 году, т.-е. черезъ 15 лѣтъ, послѣ начала нашего капиталистическаго процесса, невозможно черезъ 33 года. Такого закона, опредѣляющаго моментъ, послѣ котораго можно произнести знаменитую фразу: «оставь всякую надежду», г. Бельтовъ не указалъ, если не считать ссылки на загорѣвшуюся спичку (см. выше). Однако, такая ссылка, представляющая только метафору, до такой степени не можетъ служить научнымъ доказательствомъ, что было бы странно даже возражать противъ нея, наприм., въ такомъ родѣ, что спичку всегда можно загасить и не дать ей догорѣть до конца.

Но тутъ возникаетъ другое, уже приведенное мною выше, возраженіе: г. Бельтовъ не видитъ той силы, того соотношенія общественныхъ классовъ, которыя могли бы противиться наступленію капитализма. Однако, говоря это, онъ имѣлъ въ виду тѣ крупныя экономическія мѣропріятія, которыя могли бы измѣнить начавшееся теченіе. Онъ не имѣлъ въ виду собственно того возраженія, которое я поставилъ сейчасъ, относительно возможности теоретическаго переживанія стадіи капитализма, вмѣсто фак-

тическаго. Я готовъ согласиться съ нимъ, что, быть можетъ, одного теоретическаго переживанія,—если бы на него и была надежда,—еще недостаточно безъ важныхъ экономическихъ мѣропріятій. Но г. Бельтовъ не указываетъ, какія же мѣропріятія могли бы остановить торжественное шествіе капитализма? Вѣдь, послѣ такого указанія можно было бы сказать точно, есть ли на нихъ надежда при существующемъ отношеніи общественныхъ классовъ. Значитъ, мы видимъ тутъ крупный пробѣлъ въ доводахъ г. Бельтова, и намъ придется пополнять его самимъ, что мы сдѣлаемъ также въ концѣ статьи, послѣ разбора книги г. Струве. Этотъ вопросъ тѣсно связанъ съ другимъ, котораго касается и г. Струве, а именно: зависитъ ли возникновеніе извѣстныхъ идей, идеаловъ (и, наоборотъ, борьбы съ ними «поборникомъ застоя») исключительно отъ классовыхъ экономическихъ интересовъ? Этотъ вопросъ удобнѣе также отнести къ концу, разобравъ его въ связи съ предъидующими.

Наконецъ, есть въ книгѣ г. Бельтова одно весьма важное и существенное возраженіе, это — исторія экономическихъ идей въ Западной Европѣ: онъ доказываетъ, что идеи и чаянія нашихъ народниковъ-идеалистовъ уже давно были въ Европѣ, но не остановили тамъ шествія капитализма. На первый взглядъ, это возраженіе кажется роковымъ, но, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оно не выдерживаетъ критики: когда въ Западной Европѣ появились идеи, подобныя идеямъ нашихъ народниковъ-идеалистовъ, капитализмъ тамъ еще не былъ извѣстенъ *по опыту* въ своихъ послѣдствіяхъ. Наоборотъ, для насъ, русскихъ, выступающихъ на тотъ же путь лишь теперь, эти послѣдствія хорошо извѣстны. И не только извѣстны они людямъ съ широкимъ научно-экономическимъ образованіемъ, но и каждому заурядному читателю маленькой провинціальной газеты, воспроизводящей судебные отчеты или просто телеграммы о томъ, что происходило, хотя бы во Франціи, въ послѣднія десятилѣтія *).

Одинъ изъ нашихъ извѣстныхъ писателей, защищая общину, сказалъ еще 30 лѣтъ тому назадъ: «Исторія, какъ бабушка, любитъ младшихъ внучковъ. Tarde venientibus (т.-е. позднѣе родившимся) она даетъ не osses (кости), а medullam ossium (костный мозгъ), разбивая которыя Западная Европа больно ушибала себѣ пальцы».

До какой степени капитализмъ казался въ то время благодѣтельнымъ въ Западной Европѣ, видно изъ того, что даже западно-европейскіе утописты (въ 30 и 40-хъ гг.) серьезно разсчитывали на капиталистовъ, какъ, наприм., Фурье, а О. Контъ ставилъ банкировъ даже въ качествѣ заправилъ своей будущей позитивной утопіи.

И такъ, утверждать, что наши народники-идеалисты занимаются дѣломъ безплоднымъ, потому что въ Европѣ, нѣсколько десятковъ лѣтъ тому на-

*) Я здѣсь имѣю въ виду не одно панамское дѣло, но и цѣлый рядъ болѣе грозныхъ событій, потрясающихъ покушеній etc. Одна желѣзно-дорожная стачка въ Америкѣ, остановившая чуть не на мѣсяцъ производство цѣлой страны, или стачка каменно-угольныхъ рабочихъ въ Германіи способны научить многому.

задъ, подобное же направленіе ничего не могло сдѣлать,—это значитъ идти не методомъ науки, которая требуетъ изученія условій, при которыхъ дѣйствуетъ тотъ или другой факторъ. Такъ, наприм., можно ли утверждать, что спичка никогда не можетъ зажечь соломы на томъ основаніи, что она не зажгла мокрой соломы? Впрочемъ, это такъ элементарно, что я позволяю себѣ закрыть пока книжку г. Бельтова и заняться сочиненіемъ г. Струве.

II.

Я уже сказалъ, что г. Струве гораздо догматичнѣе г. Бельтова: вся его книга, вмѣсто идей и опредѣленій самого автора, даетъ ряды выдержекъ изъ иностранныхъ писателей, преимущественно изъ Энгельса. Кромѣ того, хотя и книга г. Бельтова построена, главнымъ образомъ, на полемикѣ съ гг. Михайловскимъ, В. В., Кривенкой, Карѣевымъ, но онъ не довольствуется этимъ, а обосновываетъ свои положенія самостоятельно; между тѣмъ, г. Струве ограничивается только полемикой съ тѣми же авторами, но полемизируетъ весьма оригинальнымъ способомъ: выписавъ какое-нибудь положеніе противниковъ, онъ тутъ же приводитъ противуположную мысль своихъ нѣмецкихъ учителей, и дѣло съ концомъ. Такой пріемъ не случайность: почтенный авторъ говоритъ, что избралъ его сознательно. Выходитъ такъ, что истина можетъ находиться только или у г. Энгельса и К°, или у г. Михайловскаго и его сторонниковъ. Третьяго выхода нѣтъ. Это какой-то странный законъ «исключеннаго третьяго». Если доказано, что г. Михайловскій ошибается, то ужь не нужно и доказывать, что Энгельсъ и его послѣдователи владѣютъ истиной. Я, между прочимъ, покажу дальше, что существовали и существуютъ совершенно иные взгляды, и даже на той самой подкладкѣ «экономическаго матеріализма», которой держится Энгельсъ, и эти взгляды принадлежатъ, между прочимъ, не какому-либо малоизвѣстному автору, а извѣстному русскому писателю, котораго самъ г. Струве называетъ «основоположникомъ» той западнической группы нашихъ народниковъ, противъ которыхъ написана его книга. Но авторъ обходитъ этого писателя слѣдующимъ пріемомъ: «Основоположникомъ западнической группы нашихъ народниковъ,—говоритъ г. Струве,—былъ авторъ *Критики философскихъ предубѣжденій противъ общины*, но на его взглядахъ мы, по нѣкоторымъ причинамъ, не считаемъ возможнымъ останавливаться и потому переходимъ прямо къ ученію о личности, выставленному г. Миртовымъ и воспринятому г. Михайловскимъ».

Странно! Если кто-нибудь желаетъ опровергнуть извѣстную теорію, то невозможно, — безъ особо-уважительныхъ причинъ, — обходить ея *основоположеній*, а, стало быть, и *основоположника*. Тѣмъ болѣе нельзя обходить такого основоположника, который ставилъ и доказывалъ ея основоположенія иначе, чѣмъ теперешніе народники-идеалисты; это я и укажу дальше, въ видѣ, такъ сказать, «исторической справки»: изъ нея читатели

убѣдятся, что вышеупомянутый «основоположникъ» самъ стоялъ на почвѣ экономическаго и даже діалектическаго матеріализма и приходилъ къ выводу, діаметрально противуположному выводамъ теперешняго «матеріализма».

Но «что съ воза упало, то пропало». Посмотримъ же, насколько г. Струве сокрушилъ своихъ современниковъ. Изложивъ подробно взгляды гг. Миртова, Михайловскаго и В. В. на значеніе личности въ прогрессѣ, г. Струве условно соглашается съ ними: «и матеріалисты знаютъ,— говоритъ онъ,— что человѣкъ не только воспринимаетъ внѣшнія отношенія, но и реагируетъ на нихъ. Очень понятно, что капиталистическій строй вызываетъ въ эксплуатируемыхъ массахъ реакцію, выражающуюся въ построеніи коллективныхъ идеаловъ... Вотъ еслибъ указанные идеалы получили широкое распространеніе въ массѣ предпринимателей, то это былъ бы психологическій казусъ, который, пожалуй, заставилъ бы насъ увѣровать въ соціологическій идеализмъ».

Остановимся сперва на этомъ возраженіи: развѣ «народники-идеалисты» возлагали свои надежды на такой «психологическій казусъ»? Такое вѣрованіе можно бы приписать, пожалуй, Л. Н. Толстому и его послѣдователямъ, но извѣстно, что у этого писателя нѣтъ противниковъ болѣе жестокихъ,— именно въ этомъ пунктѣ,— какъ г. Михайловскій. Надѣюсь, что такое qui pro quo употреблено г. Струве только въ «жару спора», т.-е. безсознательно.

Я не раздѣляю оптимистическихъ надеждъ Л. Н. Толстого на возможность обратить всѣхъ кулаковъ-Брехуновыхъ (герой его послѣдняго разсказа *Хозяинъ и работникъ*) въ людей, жертвующихъ своею шубой и даже жизнью для спасенія Никитъ. Не надѣюсь я на это даже и при помощи средствъ болѣе дѣйствительныхъ, чѣмъ то единственное, которое употребляетъ Л. Н. Толстой, а именно запугиваніе Брехуновыхъ и «Ивановъ Ильичей» (герой другого разсказа) ужасомъ «смертнаго часа». Но я полагаю, однако, что и проводимый г. Струве, а также и г. Бельтовымъ, взглядъ, будто бы «истинное сознаніе» возможно только при фактическомъ переживаніи неудобной экономической стадіи и *только тѣми*, кто *страдаетъ отъ нея,* не выдерживаетъ напора противуположныхъ фактовъ. Я обѣщалъ поговорить объ этомъ по поводу г. Бельтова, что и сдѣлаю теперь. Г. Бельтовъ высказалъ это положеніе въ вышеприведенной выдержкѣ о «психологической эволюціи». Онъ говоритъ тамъ: «Одни (подъ вліяніемъ данной экономической стадіи) отстаиваютъ старые порядки: это— люди застоя. Другіе, тѣ, *которымъ невыгоденъ* старый порядокъ, стоятъ за поступательное движеніе» и т. д.

Однимъ словомъ, возникновеніе идеаловъ лучшаго, по этому взгляду, оказывается возможнымъ только на почвѣ *фактической неудовлетворенности,* а потому можетъ проявиться только въ томъ классѣ, который поставленъ данною стадіей въ «невыгодныя» условія, и, притомъ, *только экономическія* (это—якорь теоріи). Г. Струве высказывается въ этомъ отношеніи еще опредѣленнѣе. «Есть люди-геніи и люди толпы, массы. Только

первые суть *личности,* вторые же *безличны* (а г. Бельтовъ приписывалъ этотъ взглядъ г. Михайловскому и народникамъ-идеалистамъ). Но и первые суть только *производная* всѣхъ ранѣе жившихъ и современныхъ имъ личностей, т.-е. *соціальной группы*» (стр. 31). Поэтому «соціальный матеріализмъ просто *игнорируетъ личность,* какъ соціологически-ничтожную величину».

Однако, обратимся къ фактамъ: мы видимъ, наприм., что сами авторы, т.-е. гг. Бельтовъ и Струве, какъ и ихъ мнимые противники, народники-идеалисты, возникли вовсе не изъ классовъ, обездоленныхъ капитализмомъ. Обращаясь къ исторіи, мы видимъ то же самое: крупнѣйшіе поборники экономическаго прогресса въ пользу класса «производителей»,—какъ Люи-Бланъ, Марксъ, Лассаль,—принадлежали не къ этому классу, а жили и воспитались въ атмосферѣ и условіяхъ высшихъ классовъ. Стало быть, не экономическія условія создали ихъ «психологическую эволюцію». То же самое мы видимъ и въ исторіи освобожденія русскихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости: люди, стоявшіе во главѣ освободительнаго движенія,— какъ въ сферѣ власти, такъ и въ сферѣ литературы этого движенія,— которое можно считать съ Радищева и кончать Тургеневымъ, Григоровичемъ, Некрасовымъ и «основоположникомъ» современнаго «западническаго народничества»,— были представителями или высшихъ классовъ, т.-е. дворянства и аристократіи, или выходцами изъ духовнаго сословія. И тѣмъ, и другимъ не только не была «невыгодна» стадія крѣпостного права, но, наоборотъ, ея отмѣна влекла для нихъ существенныя *экономическія* лишенія.

Но это не все: если бы взгляды, убѣжденія и идеалы личности опредѣлялись только тою группой, среди которой личность родилась, воспиталась и жила, то какъ же объяснить существованіе не только у насъ въ Россіи, но и за границей, въ одномъ и томъ же классѣ общества, людей съ діаметрально-противуположными воззрѣніями: съ одной стороны, напримѣръ, извѣстнаго богача Кирѣевскаго, отдавшаго всю свою землю крестьянамъ и впавшаго въ полную нищету, а съ другой—хотя бы князя Мещерскаго? За границей можно указать такіе же факты: напримѣръ, Рошфоръ (графъ), Сенъ-Симонъ (графъ) и, опять-таки, Марксъ, Лассаль, а съ другой—Нобель, Ротшильдъ, виги англійскаго парламента и т. д., и т. д.

Въ виду такихъ фактовъ, которые, по меньшей мѣрѣ, слѣдовало бы объяснить, прежде чѣмъ утверждать, что личность является лишь «производною» своей соціальной группы, я полагаю, что это положеніе авторовъ строится не научнымъ методомъ, а тѣмъ самымъ «субъективнымъ» методомъ, надъ которымъ они трунятъ у г. Михайловскаго *).

---

*) Я не могу считать серьезнымъ возраженіемъ слѣдующаго, слышаннаго мною: „Развѣ сотни юношей, окончившихъ университетъ, не идутъ на службу къ капиталу?“ Да, идутъ. Но, вѣдь, нужно объяснить не это, весьма понятное явленіе, а то, почему сотни, или хотя бы десятки, другихъ юношей стремятся работать *только для народа,* принадлежа къ другимъ общественнымъ классамъ?

Посмотримъ теперь, какъ г. Струве доказываетъ самую необходимость наступленія у насъ капиталистической стадіи. Его доказательства можно раздѣлить на двѣ группы: съ одной стороны, онъ старается доказать ея *полезность* для наступленія высшей стадіи, идеальной, которая должна послѣдовать за нею; съ другой стороны, онъ старается доказать ея *неизбѣжность во всякомъ случаѣ,* на основаніи извѣстныхъ законовъ соціальнаго развитія. Въ этомъ порядкѣ я и разсмотрю его доводы.

«Исторически невозможно,— говоритъ онъ словами одного изъ своихъ учителей, — чтобы низшая ступень экономическаго развитія разрѣшила тѣ *задачи* и *конфликты,* которые возникли и могли возникнуть только на болѣе высокой стадіи развитія...» «У каждой данной экономической стадіи есть свои собственныя, въ ней самой зарождающіяся, задачи, которыя она должна разрѣшить. Стремиться къ разрѣшенію задачъ иной, совершенно чуждой формаціи было бы абсолютною нелѣпостью».

Допустимъ, что это вполнѣ вѣрно: такъ, если вы идете по дорогѣ впереди меня и упали въ яму, то несомнѣнно для васъ возникаетъ «задача» выбраться изъ ямы и соединенные съ нею «конфликты», которые вы должны необходимо рѣшить и которыхъ для меня не существуетъ, такъ какъ я еще не упалъ въ яму. Но тутъ-то и становится особенно яснымъ, что приглашать меня упасть въ яму, чтобы разрѣшить ея конфликты и задачи, можно только въ двухъ случаяхъ: 1) или эти конфликты и задачи сами по себѣ столь важны и полезны, что, ради ихъ, стоитъ пожертвовать своими боками, или 2) я не могу обойти этой ямы и неизбѣжно долженъ попасть въ нее. Какія же задачи и конфликты разрѣшаетъ стадія капитализма? Иными словами, стоитъ ли ради нихъ жертвовать боками русскаго народа, т.-е. его общиной, кустарными производствами, взваливъ на него обезземеленіе, пролетаріатъ, скопленіе на фабрикахъ и въ крупныхъ городскихъ центрахъ, промышленные кризисы, періоды массовой безработицы и прочія прелести теперешней европейской экономической стадіи?

Г. Струве начинаетъ словами, взятыми у Зиммеля: «Только при значительной дифференціаціи общества возможна *разносторонняя* личность, ибо хотя, при значительной спеціализаціи занятій, личность живетъ въ болѣе односторонней атмосферѣ, чѣмъ при слабомъ раздѣленіи труда, но это *понижающее личность* обстоятельство, главнымъ образомъ, вліяетъ на *мышленіе и волю* индивидуумовъ, тогда какъ *чувствованія возбуждаются въ сильно дифференцированной личности,* въ средѣ другихъ, также сильно дифференцированныхъ личностей, а они-то (т.-е. чувствованія) и имѣютъ особое значеніе для субъективнаго (?) сознанія» (стр. 37).

И такъ, оказывается, по г. Струве, что, напримѣръ, писецъ какой-нибудь канцеляріи, переписывающій изъ года въ годъ «отношенія» и «подписанія», или рабочій западно-европейской фабрики, вертящій десятки лѣтъ одну и ту же ручку колеса, или кочегаръ, десятки лѣтъ бросающій въ печь каменный уголь, хотя и представятъ *пониженіе въ волѣ и мышленіи,* но за то въ области чувствованій окажутся болѣе высокими и разносто-

ронними, чѣмъ крестьянинъ-общинникъ, переходящій отъ плуга къ топору, отъ огорода къ пчельнику, ухаживающій за своими домашними животными и птицей и, въ то же время, участвующій въ своихъ сельскихъ и волостныхъ сходахъ, въ хозяйствѣ и дѣлахъ всей общины. Но, вѣдь, это—такое невѣроятное положеніе, которое, по меньшей мѣрѣ, нельзя же считать за аксіому, не требующую доказательствъ, какъ это дѣлаетъ г. Струве! Онъ просто выписалъ «текстъ» изъ своего нѣмецкаго авторитета, какъ вѣрующій мусульманинъ приводитъ его изъ Корана, и считаетъ, что этимъ все доказано.

И мало того, что уже a priori тутъ представляется полнѣйшая невѣроятность, но даже самый скромный психологическій разборъ этого положенія даетъ выводы совершенно противуположные выводамъ автора. Какимъ образомъ личность, представляющая, по словамъ автора, «подавленное мышленіе и волю», разовьетъ высшія и разностороннія чувствованія только тѣмъ, что будетъ вертѣть одно и то же колесо или дѣлать десятки лѣтъ крохотный кусочекъ общей работы,—кусочекъ постоянно тотъ же самый? Физіологія говоритъ намъ, что у него должны мало-по-малу атрофироваться другія способности и, въ концѣ-концовъ, получится то одностороннее приспособленіе организма, какое мы видимъ въ обществахъ муравьевъ и пчелъ; при этомъ и потребности сложатся соотвѣтственно этой новой организаціи, т.-е. въ такомъ организмѣ невозможно появленіе чувствованій *цѣльной* человѣческой личности; онъ долженъ будетъ чувствовать себя вполнѣ довольнымъ своимъ дѣломъ, такъ какъ оно вполнѣ соотвѣтствуетъ выработавшимся особенностямъ его строенія; желаній какого-нибудь измѣненія своей работы у него даже возникнуть не можетъ, какъ у рабочей пчелы или муравья, потому что такое измѣненіе шло бы вопреки его организаціи, а чувствованія и желанія,—какъ извѣстно каждому психологу,—хотя и вызываются внѣшними условіями, но каждая организація, каждая индивидуальность реагируетъ на эти послѣднія сообразно своимъ особенностямъ. Это — азбука, аксіома.

Намъ скажутъ: «однако, западно-европейскій рабочій, дѣйствительно, чувствуетъ болѣе разнообразно, чѣмъ русскій крестьянинъ, и, какъ личность, въ смыслѣ гражданскомъ, онъ выше, потому что интересуется и политикой, и существенными интересами своего сословія, и многимъ другимъ, до чего русскому крестьянину какъ до звѣзды небесной далеко».

Но, вѣдь, надо сперва доказать, что это происходитъ *именно отъ раздѣленія труда;* надо доказать, что это повышеніе личности европейца не зависитъ отъ чего-либо другого, лежащаго совсѣмъ *не въ экономической области* или, по крайней мѣрѣ, *не въ раздѣленіи труда*. Доказать это необходимо, иначе мы впадемъ въ самую грубую ошибку логики, извѣстную еще древнимъ подъ формулой: post hoc, ergo propter hoc, т.-е. «послѣ этого значитъ—вслѣдствіе этого». Мы видѣли, что самъ г. Струве признаетъ пониженіе мышленія и воли отъ раздѣленія труда; затѣмъ, мы, надѣюсь, показали, что и его надежды на «разносторонность» чувства не

только не доказаны имъ, но прямо противорѣчатъ и физіологіи, и психологіи, и даже положительнымъ фактамъ зоологіи, въ обществахъ животныхъ. Такимъ образомъ, мы можемъ требовать отъ г. Струве доказательствъ, — хотя бы какихъ-нибудь, — его псевдо-аксіомы, а пока такихъ доказательствъ не представлено, мы утверждаемъ, что если личность западно-европейскаго рабочаго выше, чѣмъ русскаго общинника, то причины здѣсь *не могутъ никоимъ образомъ* лежать въ раздѣленіи труда. Наоборотъ, мы должны признать, что если европейскій рабочій еще не выродился и не дошелъ до того состоянія, какое мы видимъ въ обществѣ животныхъ, если онъ даже поднялся, какъ личность, выше состоянія русскаго крестьянина, то тутъ нужно искать *другихъ* причинъ, другихъ условій, которыя были у него и которыхъ не было у русскаго общинника.

Если Струве,—человѣкъ несомнѣнно образованный,—не замѣтилъ столь грубой логической ошибки своихъ учителей-нѣмцевъ и повторяетъ ее, то это только потому, что онъ черезъ-чуръ вѣритъ въ общее положеніе экономическаго матеріализма, состоящее въ томъ, что психологическая эволюція совершается *только экономическими условіями*. Онъ забываетъ, что если даже признать это основное положеніе, какъ *общій законъ* прогресса въ *его цѣломъ*, то *частные моменты* прогресса могутъ подчиняться вовсе не самимъ экономическимъ явленіямъ, а быть результатами тѣхъ правовыхъ, юридическихъ и всякихъ другихъ «надстроекъ», которыя возникли на экономической почвѣ. Такъ, напримѣръ, тайная инквизиція возникла, допустимъ, на какой-то экономической почвѣ, но затѣмъ она *сама* могла уже такъ могущественно возбуждать чувства протеста, что слѣды этого протеста остаются не только, напримѣръ, во всей дѣятельности Вольтера, въ XVIII в., но и теперь стоятъ въ формѣ пугающаго призрака для всякаго почти западно-европейца, едва только рѣчь заходитъ о клерикализмѣ.

Итакъ, мы видимъ опять у г. Струве примѣненіе къ данному вопросу чисто-субъективнаго пріема: ему *вѣрится*, что все имѣетъ экономическія причины, и онъ, безъ всякаго дальнѣйшаго изслѣдованія, говоритъ: стало быть, и сравнительно-высшее развитіе европейскаго рабочаго имѣетъ причины экономическія, т.-е. капитализмъ и раздѣленіе труда.

Онъ совершенно игнорируетъ научный методъ, по которому требуется узнать точно, какое изъ предшествующихъ условій,—если ихъ не одно, а два (или больше),—породило данное явленіе. Для этого естественныя науки берутъ въ лабораторіяхъ каждое изъ предшествующихъ явленій *отдѣльно* и смотрятъ, можетъ ли оно произвести данный результатъ. Въ соціологіи это невозможно, но есть другой пріемъ, а именно—*изолировать умственно* данныя условія, каждое отдѣльно, и прослѣдить,—на основаніи законовъ и фактовъ другихъ наукъ,—произведутъ ли они данный результатъ. Такъ, въ Западной Европѣ мы имѣемъ не только капитализмъ и раздѣленіе труда, но и опредѣленный юридическій строй,—свободу слова, печати, сходокъ etc. Чтобъ узнать, какое изъ этихъ двухъ условій породило повышеніе личности рабочаго, надо разсмотрѣть особо и то, и дру

гое въ ихъ *возможныхъ и необходимыхъ* послѣдствіяхъ; такъ мы и сдѣлали съ раздѣленіемъ труда, и оказалось, что оно, во-первыхъ, по самому г. Струве (вѣрнѣе, по его нѣмецкому авторитету), понижаетъ мышленіе, понижаетъ волю рабочаго и, во-вторыхъ, по законамъ и фактамъ другихъ наукъ, должно съузить и сдѣлать односторонними, апатично-квіэтическими его чувствованія. Стало быть, при вліяніи одного лишь раздѣленія труда европейскій рабочій былъ бы теперь чѣмъ-то вродѣ вьючнаго животнаго. Этого нѣтъ,—слѣдовательно, его спасло отъ этого, его подняло другое условіе.

Это можно провѣрить и еще однимъ способомъ: перенесемъ умственно крайнее раздѣленіе труда изъ европейскихъ правовыхъ условій, положимъ, въ персидскія. Мы можемъ шагъ за шагомъ прослѣдить, какъ тамъ оно низведетъ личность до крайней степени деградаціи.

Но допустимъ на минуту, что Зиммель не сдѣлалъ ошибки, вообразивъ, что крайнее раздѣленіе труда способно развить въ людяхъ «многостороннее чувство», важное для какого-то «субъективнаго сознанія». Что же можетъ сдѣлать полезнаго это чувство при «ослабленіи мышленія и воли»? Каждое дѣйствіе, чтобы стать цѣлесообразнымъ, разумнымъ, требуетъ разсчета, плана, т.-е. мышленія. Каждый разсчетъ или планъ, чтобъ его привести въ исполненіе, требуетъ воли. Стало быть, чувство безъ воли и мышленія способно только къ нецѣлесообразному, слѣпому и нестойкому протесту, который, напримѣръ, можетъ выразиться тѣмъ, что человѣкъ пойдетъ въ кабакъ, набуянитъ въ трактирѣ, сломаетъ ни въ чемъ неповинную машину и т. п. Вотъ крайній предѣлъ «благодѣтельнаго» воздѣйствія раздѣленія труда, если даже согласиться съ г. Зиммелемъ. Едва ли оно согласуется со взглядами г. Бельтова, видящаго, какъ мы показали выше, основной пунктъ спасенія въ развитіи знанія и сознанія.

Но г. Струве, исходя все изъ того же экономическаго матеріализма, можетъ сказать мнѣ: «Допустимъ, что вы правы, что результатъ произошелъ въ данномъ случаѣ на почвѣ правовой, а не экономической, но, вѣдь, вы сами признали, что эта правовая почва явилась надстройкой надъ экономическимъ процессомъ, т.-е. надъ капитализмомъ. Стало быть, капитализмъ все же, въ концѣ-концовъ, породилъ данный результатъ, хотя и не прямо, а черезъ посредство созданныхъ имъ юридическихъ формъ. Иного происхожденія онѣ имѣть не могли, согласно нашей теоріи экономическаго матеріализма».

Но я лишь условно согласился раньше съ положеніемъ экономическаго матеріализма. На самомъ дѣлѣ, я считаю это положеніе пока не доказаннымъ и являющимся простою дедукціей изъ гипотезы. Но даже допустивъ, что въ общемъ гипотеза вѣрна, т.-е. что все зиждется на экономическомъ процессѣ, надо черезъ-чуръ съузить пониманіе самой этой гипотезы, чтобы видѣть, наприм., въ юридическихъ учрежденіяхъ Запада только продуктъ «капитализма». Мы знаемъ, что въ древней Греціи и Римѣ были однородныя правовыя формы,—что тамъ была и свобода слова, свобода преподаванія, такъ что философы поучали на улицахъ и площа-

ляхъ, хотя о капитализмѣ никому и въ голову не приходило. Если бы кто-нибудь и когда-нибудь доказалъ современемъ, что и въ античномъ мірѣ эти учрежденія возникли на экономической почвѣ, то этою почвой былъ, значитъ, не «капитализмъ», а какія-либо другія экономическія условія. Стало быть, почему же въ Европѣ нужно приписывать извѣстныя правовыя формы капитализму—и только капитализму? Если какое-нибудь явленіе совершается послѣ другого или одновременно съ другимъ, то это не значитъ, что это предшествующее или сопутствующее явленіе есть его причина. Это—снова post hoc, ergo propter hoc.

Мало этого, исторія правовыхъ формъ Западной Европы доказываетъ несомнѣнно, что онѣ не только не были *продуктомъ* капитализма, а, наоборотъ, *предшествовали* ему. Такъ, знаменитый «Habeas corpus» возникъ изъ существовавшаго въ Англіи обычнаго права, имѣвшаго мѣсто еще задолго до 1628 г., когда онъ является въ формѣ «петиціи правъ». Состояло это обычное право въ томъ, что каждый арестованный могъ обратиться въ «Court of king bench» (преобразованный теперь въ отдѣленіе верховнаго вестминстерскаго суда) и требовать вызова своего въ судъ для провѣрки мотивовъ ареста. Съ 1679 г., когда это право было оформлено статутомъ парламента (именуемымъ въ просторѣчіи актомъ «Habeas corpus»), въ немъ не произошло почти никакихъ существенныхъ перемѣнъ, если не считать нѣкотораго расширенія его въ 1866 г. при королевѣ Викторіи (на колоніи) и ранѣе при Георгѣ III. Декларація правъ въ Англіи (Bill and declaration of richts and liberties of subject) относится къ 1689 г., а во Франціи къ 1787 г., послѣ чего во Франціи она уже не возникаетъ вновь. Предварительная цензура была уничтожена въ Англіи еще въ 1659 году, въ Швеціи въ 1766 г., во Франціи въ 1789 г., причемъ въ этой послѣдней возстановлена снова и отмѣнена въ 1830 г., но за то Наполеонъ III далъ весьма стѣснительный законъ о печати. Позднѣе всѣхъ предварительная цензура была отмѣнена въ Германіи, а именно въ 1848 г., т.-е., во всякомъ случаѣ, задолго до разцвѣта тамъ капитализма. Этими справками я вовсе не предрѣшаю вопроса о томъ, не возникли ли всѣ эти «права» на какой-либо экономической почвѣ. Но они, очевидно, возникли не на почвѣ капитализма, что мнѣ только и нужно было доказать.

До сихъ поръ мы не могли открыть въ капиталистической стадіи никакихъ «задачъ и конфликтовъ», которые могли бы сами по себѣ быть цѣнны и важны настолько, чтобы ради нихъ можно было пожелать наступленія этой стадіи у насъ. Нѣтъ ли еще какихъ-либо задачъ и конфликтовъ?

Обращаясь къ основоположнику діалектическаго матеріализма, самому Марксу, у него мы находимъ, дѣйствительно, цѣнную задачу, возникающую и разрѣшаемую на почвѣ капитализма, а именно «обобществленіе рабочаго класса, т.-е. сознаваніе имъ единства интересовъ своего класса какъ цѣлаго, а также привычку къ общему дѣйствію, организаціи и единству.

Но, во-первыхъ, еще вопросъ, насколько обобществленіе могло бы возникнуть на современной экономической почвѣ Западной Европы, если бы не существовало тамъ и соотвѣтствующей юридической почвы, дающей возможность сойтись, столковаться о своихъ нуждахъ и т. д. Въ виду того, чтò ранѣе намѣчено мною и самимъ Зиммелемъ относительно упадка мышленія и воли при сильномъ раздѣленіи труда, мы должны и здѣсь если не весь результатъ, то значительную часть его отнести къ юридической почвѣ. Для этого стòитъ только снова продѣлать опытъ изоляціи раздѣленія труда отъ правовыхъ формъ и перенести его, положимъ, въ Персію; тамъ результаты могутъ и должны быть совсѣмъ иные: малѣйшее появленіе вмѣстѣ двухъ-трехъ человѣкъ, ничтожный разговоръ между ними и т. п. могутъ караться тамъ такими штрафами и даже наказаніями, что произойдетъ не «обобществленіе», а полнѣйшее разъобщеніе и разъединеніе.

Если я не ошибаюсь, самъ Марксъ признавалъ, что нашъ сельскій «міръ» является, какъ и связанная съ нимъ «община», не менѣе сильнымъ основаніемъ «обобществленія», чѣмъ работа на фабрикѣ. Я же думаю, даже гораздо большимъ основаніемъ. Это намъ выяснится сейчасъ.

Въ книгѣ г. Струве, какъ и слѣдовало ожидать, наша община и кустарные промыслы выставляются какъ препятствіе русскому прогрессу: вѣдь, они задерживаютъ наступленіе капиталистической стадіи, а, стало быть, и тѣхъ благъ, которыя воспослѣдуютъ только послѣ нея. Мы теперь видѣли, какъ проблематичны,—говоря мягко,—эти розовыя надежды на капиталистическую стадію, *взятую сама по себѣ*; мы видѣли, что всѣ эти надежды построены на ошибочномъ методѣ post hoc, ergo propter hoc, и на игнорированіи фактовъ, которое зависѣло отъ чисто-субъективнаго пріема мысли, отъ увлеченія предвзятою гипотезой.

Посмотримъ теперь, не тѣ же ли самыя ошибки логики создали нападеніе г. Струве на нашу общину и кустарные промыслы? Тогда въ книгѣ г. Струве окажется, дѣйствительно, одно важное качество—«единство метода», но за то качество весьма для него неутѣшительное.

Одинъ изъ извѣстныхъ нашихъ защитниковъ общины противъ «метафизическихъ предубѣжденій», именно тотъ самый, котораго г. Струве счелъ возможнымъ не разбирать, писалъ слѣдующее:

«Нравственное и гражданское развитіе личности невозможно безъ нѣкоторой экономической самостоятельности *). Только она заставляетъ человѣка уважать себя, свои потребности. У человѣка же лишеннаго ея (таковъ западно-европейскій рабочій) чувство личнаго достоинства (*конечно, при остальныхъ равныхъ условіяхъ)* должно весьма понижаться».

Далѣе авторъ доказываетъ, что *только* общинное владѣніе даетъ «про-

*) Обращаемъ вниманіе читателя, что это—точка зрѣнія самого „экономическаго матеріализма“: мораль ставится тутъ въ зависимость отъ экономическихъ условій. А какой противуположный выводъ получается сравнительно съ выводами г. Струве, видите дальше.

изводителю» эту экономическую самостоятельность: «общинное владѣніе землей,—говоритъ онъ,—является наиболѣе безопасною (наприм., отъ юридическаго спора о наслѣдствѣ, о правѣ собственности, а также отъ личнаго разоренія и т. п.) формой владѣнія».

Доказавъ это положеніе, авторъ добавляетъ: «Неужели надобно говорить, каковы необходимыя послѣдствія для самостоятельности частной жизни отъ совершенной безопасности имущества? Неужели надобно доказывать, что безспорность права частнаго лица служитъ первѣйшею преградой постороннему вмѣшательству въ его жизнь? Надобно ли говорить послѣ этого о томъ, обманъ или прямодушіе, *гражданскіе пороки или хорошія качества гражданина* развиваются общиннымъ владѣніемъ? Сутяжничество невозможно; права не могутъ быть потеряны: благопріятствуетъ ли это *независимости характера*, развитію увѣренности въ томъ, что можно обходиться безъ чужой протекціи, развитію привычки къ энергической иниціативѣ? При общинномъ землевладѣніи *устройство самой важной части экономическаго быта каждаго частнаго лица прямымъ образомъ связано съ его участіемъ въ дѣлахъ общества*; рѣшенія общества зависятъ отъ его участія. Не участвовать въ его дѣлахъ со всею возможною для его личности энергіей нельзя ему потому, что съ нимъ связанъ очень важный личный вопросъ».

Люди наивнаго, не научнаго пріема мысли скажутъ мнѣ: «однако, община не оправдала этихъ ожиданій; въ ея средѣ образовалось кулачество, раздѣленіе на бѣдныхъ и богатыхъ, принизившее личность однихъ и поднявшее престижъ другихъ. Каждый волостной писарь теперь выше сельскаго міра» etc., etc.

Тутъ снова мы видимъ тотъ же пріемъ мысли: есть община, а вышло плохо; стало быть, то, что плохо, создала община: post hoc, ergo propter hoc.

Наоборотъ, авторъ, изъ котораго я сдѣлалъ выдержку, шелъ строго-научнымъ путемъ: онъ изолировалъ общину отъ другихъ условій, добавивъ въ скобкахъ: «при остальныхъ равныхъ условіяхъ». Только этимъ путемъ мы можемъ точно опредѣлить, что̀ дается самою общиной для личности крестьянина и что̀—другими условіями, сопутствующими ей. Оказывается выводъ совершенно противуположный выводу г. Струве: сама община должна создавать «независимость характера, хорошія качества гражданина, горячій интересъ къ общественному дѣлу» и т. д.

Стало быть, если мы находимъ все это въ минимальной степени у русскаго крестьянина, сравнительно съ европейскимъ рабочимъ, то тутъ надо искать другихъ причинъ, и тогда окажется поразительный фактъ: напримѣръ, возьмемъ хотя бы розги, еще царящія въ деревнѣ. Все то самоуваженіе, какое можетъ развить въ общинѣ личность крестьянина, розга сводитъ къ наивозможному минимуму. Возьмемъ отсутствіе школъ или ихъ крайне-низкое состояніе: все, что вложитъ въ характеръ крестьянина лучшаго и высокаго община, то парализируется или совершеннымъ первобытнымъ невѣжествомъ, доходящимъ до человѣческихъ жертвоприно-

шеній, или крайне-низкимъ уровнемъ знаній и развитія умственнаго, не идущихъ далѣе простой грамоты и четырехъ дѣйствій ариѳметики. Интересъ къ своимъ мірскимъ дѣламъ парализуется вмѣшательствомъ каждаго невѣжественнаго писаря и т. д. Вотъ что находимъ мы даже въ *Дневникѣ* князя Мещерскаго, который, конечно, не можетъ быть заподозрѣнъ въ благорасположеніи къ крестьянству. Онъ передаетъ свой разговоръ съ однимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства, причемъ этотъ послѣдній выражается такъ рѣзко, что мы не рѣшаемся привести цѣликомъ всего разсказаннаго имъ, а возьмемъ двѣ-три фразы: «У нихъ (т.-е. у крестьянъ) есть индивидуальность, есть общественность, но и то, и другое земскій начальникъ порабощаетъ... Крестьянину онъ приказываетъ, какъ въ помѣщичьи времена бурмистръ; общественные сходы должны разсуждать такъ, какъ этого хочетъ земскій начальникъ, какъ онъ приказываетъ».

Отсюда оказывается, что не община виновата въ паденіи личности, а, наоборотъ, если бы не было общины, то въ крестьянахъ едва ли теперь сохранился бы даже тотъ образъ Божій и человѣческій, который и до сихъ поръ живетъ въ нихъ.

Но совершенно то же, что сказано относительно общины, цѣликомъ переносится и на кустарные промыслы.

Отсюда ясно, что г. Струве перепуталъ причины: въ Европѣ онъ считаетъ причиной высоты личности причину экономическую, раздѣленіе труда, тогда какъ тамъ, наоборотъ, эта причина давно бы убила личность, если бы не юридическія условія, дававшія ей развитіе. У насъ причиной паденія личности онъ считаетъ общину и кустарные промыслы, тогда какъ безъ нихъ личность была бы абсолютно стерта, какъ и ея общественность, и если что до сихъ поръ сохраняло и личность, и общественность, такъ это именно община, міръ.

Причины тутъ любопытно перекрещиваются взаимно у насъ и въ Европѣ, и въ обоихъ случаяхъ г. Струве не видитъ слона, потому что самымъ узкимъ образомъ примѣняетъ къ дѣлу теорію экономическаго матеріализма, дѣлаетъ выводъ по логикѣ post hoc, ergo propter hoc и, въ своемъ увлеченіи вѣрой въ предвзятую гипотезу, не замѣчаетъ фактовъ, не хочетъ вдуматься въ дѣло научнымъ пріемомъ мысли и ограничивается ультра-субъективнымъ методомъ.

Теперь читатели могли видѣть наглядно, какія «блага» мы теряемъ, не торопясь содѣйствовать наступленію капиталистической стадіи, раздѣленію труда, обезземеленію, пролетаріату и полному разрушенію общины, и какой вредъ наносимъ русскому прогрессу, заботясь о сохраненіи общины, кустарныхъ и кустарныхъ артеляхъ. Надо стоять вдали отъ народной жизни, чтобы предлагать это. Дальше я приведу и еще нѣкоторыя, не менѣе важныя соображенія.

И такъ, отъ насъ требуютъ, чтобы мы отдали все, чѣмъ еще держится личность, гражданственность и общественность крестьянина, и поторопились

все это замѣнить «наибольшимъ раздѣленіемъ труда», которое, по словамъ самихъ совѣтчиковъ, еще болѣе понизитъ мышленіе и волю, но за то дастъ развитіе чувствованій, важныхъ для субъективнаго сознанія. И, замѣтьте, это предлагаютъ сдѣлать, оставляя прочія условія in status quo. Я увѣренъ, что г. Бельтовъ, при его, очевидно, глубокомъ и серьезномъ отношеніи къ вопросу, не оставитъ этихъ соображеній безъ того вниманія, какого они заслуживаютъ.

Л. Е. Оболенскій.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Исповѣдь загадочной натуры.

Въ послѣднее время политическіе и литературные историки удѣляютъ весьма много вниманія началу XIX столѣтія. Издаются документы, пишутся изслѣдованія о дѣятельности и характерѣ отдѣльныхъ личностей, появляются даже беллетристическія произведенія съ героями сравнительно недалекаго прошлаго.

Это теченіе создало, между прочимъ, «наполеоновскую легенду». На страницахъ *Русской Мысли* намъ приходилось говорить объ этой «легендѣ» и ея нравственномъ и общественномъ смыслѣ для современной Франціи и вообще культурнаго европейскаго общества. Наполеонъ—личность прямолинейная, одноцвѣтная, мало любопытная въ *человѣческомъ смыслѣ*. Подробное изученіе ея—важный симптомъ нашего «конца вѣка»; но оно не вноситъ новыхъ данныхъ въ общую психологію, и чѣмъ больше матеріала накопляется, тѣмъ утомительнѣе становятся типичныя черты давно знакомой всѣмъ бонапартовской физіономіи.

Замѣчательно, именно тѣ документы, отъ которыхъ слѣдовало бы ожидать наиболѣе интересныхъ свидѣтельствъ о духовномъ мірѣ Наполеона, оказываются совершенно ничтожными, безсодержательными. Таковы, напримѣръ, литературныя упражненія Наполеона, изданныя однимъ изъ «наполеонистовъ» и лишній разъ доказавшія, до какой степени душа счастливаго завоевателя была недоступна общечеловѣческимъ идеямъ, логической культурной мысли.

Бонапарту случалось даже пускаться въ философію и мораль, но его умъ и фантазія за предѣлами лагеря, боевого поля и полицейскаго бюро теряли всю свою силу и оригинальность.

Несравненно плодотворнѣе результаты историческихъ трудовъ, направленныхъ на современниковъ перваго императора. Среди этихъ современниковъ мало симпатичныхъ натуръ. Громадное большинство ихъ характеризуетъ эпоху реакціи—или открытою службой принципамъ мракобѣсія, или безпрестанною смѣной самыхъ разнообразныхъ политическихъ взглядовъ.

Всѣ эти факты—обычные спутники временъ, подобныхъ наполеоновскому. Но, во всякомъ случаѣ, здѣсь передъ нами, по крайней мѣрѣ, совер-

шается извѣстная умственная, общественно-идейная работа, а не царитъ безъудержный разгулъ стихійной силы желѣза и слѣпыхъ деспотическихъ инстинктовъ.

Бонапарту нерѣдко удавалось торжествовать надъ «идеологами» не одною только своею матеріальною властью. Мы безпрестанно слышимъ, какъ тотъ или другой писатель подавленъ личнымъ свиданіемъ съ французскимъ цезаремъ и слагаетъ къ его стопамъ всѣ свои прежнія мечты и увлеченія. Подобный переворотъ происходитъ съ самыми разнообразными «мечтателями», повидимому, ни единою чертой не напоминающими другъ друга. Что, напримѣръ, общаго между Шатобріаномъ и Гёте? А, между тѣмъ, для одного Бонапартъ—Киръ, освобождающій Израиля, для другого—высшій цвѣтъ и краса человѣческаго генія, своего рода совершенство и божество. И мечтательный романтикъ, и мудрый олимпіецъ сошлись на наполеоновскомъ культѣ, вѣроятно, потому, что романтическая мечтательность разочарованнаго Ренэ и олимпійство «тайнаго совѣтника Гёте» одинаково были далеки отъ истиннаго пониманія нравственныхъ и политическихъ принциповъ бонапартизма.

Въ сущности, обѣ эти души, стоящія во главѣ наполеономаніи, не представляютъ въ настоящее время никакого политическаго интереса. Чего можно ожидать отъ философа, способнаго углубляться въ *китайскую* поэзію, а въ случаѣ безпокойства даже убѣжать изъ отечества въ тотъ самый моментъ, когда иноземный завоеватель порабощаетъ это самое отечество? Такимъ былъ олимпіецъ Гёте—въ гражданскомъ отношеніи типичнѣйшій представитель самодовольнаго, общественно-первобытнаго захолустнаго мѣщанства.

Шатобріанъ ничего не зналъ на свѣтѣ выше и совершеннѣе своей собственной особы. Чуть ли не всю жизнь Ренэ провелъ передъ зеркаломъ, вырабатывая демоническія гримасы и позы и совершая во всеоружіи ихъ опустошительные набѣги на чувствительныя дамскія сердца. При такомъ времяпрепровожденіи ему естественно было заявлять, что для него совершенно безразличны короли и народы, онъ рѣшительно ни о чемъ не заботится, за исключеніемъ сновидѣній, и то подъ условіемъ, чтобы они продолжались не болѣе одной ночи.

Врядъ ли восторги въ устахъ подобнаго политика могли особенно льстить Наполеону,—все равно какъ если бы современный декадентъ написалъ гимнъ въ честь какого-нибудь «смѣющагося льва». Это сліяніе патологическаго самообожанія, совершеннаго отсутствія общественныхъ интересовъ съ припадками почти рабскаго преклоненія передъ героями грубой силы—одинъ изъ типичныхъ фактовъ новой психологіи.

Но наполеоновская исторія знаетъ и другіе типы, несравненно болѣе сложные, чѣмъ философы «мѣщанскаго счастья» и бюрократическаго олимпійства или жертвы поэтической mania grandiosa. Именно изученіе этихъ типовъ можетъ пролить поучительный свѣтъ на реакцію, ознаменовавшую начало нашего вѣка. Въ ихъ нравственномъ мірѣ мы распознаемъ не мало

чертъ, всегда и вездѣ сопровождающихъ извѣстныя эпохи и особенно близкихъ именно нашему времени, хотя почти цѣлое столѣтіе отдѣляетъ людей прошлаго отъ современнаго поколѣнія.

Мы не имѣемъ въ виду подробныхъ сравненій и аналогій. Мы попытаемся только начертить одинъ изъ оригинальнѣйшихъ портретовъ старой галлереи и предоставимъ выводы самимъ читателямъ.

Это будетъ портретъ Бенжамэна Констана.

Въ настоящее время трудно повѣрить, что когда-то эти два слова производили волшебное впечатлѣніе на парижскую публику и отголоски привѣтственныхъ, нерѣдко восторженныхъ кликовъ разносились далеко по Франціи и даже по Европѣ. Для слушателя современной Сорбонны Бенжамэнъ Констанъ—историческое преданіе, а, между тѣмъ, не одно и не два университетскихъ поколѣнія во Франціи бредили авторомъ *Адольфа*, и именно студенты составляли тріумфальное шествіе на похоронахъ Бенжамэна Констана.

Похороны произошли въ декабрѣ 1830 года, слѣдовательно, послѣ іюльской революціи, и Бенжамэнъ когда-то былъ одною изъ жертвъ наполеоновскихъ чаръ. Очевидно, все было забыто и прощено. Ради чего? И какъ одинъ и тотъ же человѣкъ могъ попасть въ поклонники цезаря, да еще въ періодъ ста дней, и прослыть однимъ изъ самыхъ мужественныхъ защитниковъ конституціонной свободы?

Какъ бы чуждымъ ни казалось для нынѣшней большой публики имя Констана, литература не перестаетъ возвращаться къ этой загадочной личности. И возвращаются къ нему именно писатели, особенно пристрастные къ труднымъ психологическимъ задачамъ, ищущіе достойныхъ предметовъ для тончайшаго душевнаго анализа. Въ послѣднее время тщательный опытъ надъ характеромъ и дѣятельностью интереснаго героя произвелъ Поль Буржэ. И онъ могъ воспользоваться драгоцѣннѣйшимъ матеріаломъ, дающимъ изслѣдователю возможность проникнуть въ самую сущность вопроса.

Эти матеріалы въ отдѣльной книгѣ появились на свѣтъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ и уже вызвали въ заграничной печати живѣйшее вниманіе.

Бенжамэнъ Констанъ велъ дневникъ. Для наполеоновской эпохи это довольно обычное явленіе. Въ теченіе XVIII в. въ большой модѣ *мемуары*, т.-е. тщательныя лѣтописи современной общественной жизни. Они до сихъ поръ остаются лучшими источниками для исторіи дореволюціоннаго періода. И это фактъ вполнѣ естественный. Жизнь текла необыкновенно шумно, разнообразно, и врядъ ли кто могъ не поддаться ея волнамъ. Въ результатѣ—безчисленное множество разсказовъ о происшествіяхъ въ высшемъ свѣтѣ, въ городѣ, въ театральномъ партерѣ, необозримая вереница анекдотовъ—столь же характернаго литературнаго жанра для XVIII вѣка, какъ, напримѣръ, нравоучительный романъ.

Но пестрая жизнь салоновъ потонула въ революціонныхъ смутахъ, а

вскорѣ и вообще общественные интересы исчезли съ горизонта предъ все-поглощающимъ кровавымъ блескомъ наполеоновской звѣзды. Отдѣльныя личности теперь гораздо чаще могли посвятить себя одиночеству, уйти въ укромное вдумчивое существованіе. Нравственное одиночество выдающихся людей неизбѣжно при такихъ режимахъ, какимъ была первая имперія. А вдумчивость, самоуглубленіе неминуемо вызывались быстрою смѣной величайшихъ политическихъ переворотовъ, какіе только запомнитъ исторія.

Всѣ эти факты наложили особую печать на поэзію и жизнь писателей начала XIX в. Въ параллель рѣзко - субъективному лиризму Байрона и его послѣдователей, этимъ вѣчнымъ мечтамъ вдали отъ шумнаго свѣта, тоскѣ по уединенію, спасающему свѣжесть чувства и мысли, идетъ длинный рядъ настоящихъ исповѣдей, изумительно искреннихъ бесѣдъ того или другого героя эпохи съ самимъ собой. Одинъ изъ этихъ героевъ, Стендаль, по обычаю времени цѣлые годы углублявшійся въ свое «я», создалъ даже весьма оригинальное словечко *égotisme*. Это значитъ—неустанное изслѣдованіе личной нравственной жизни, стремленіе уяснить себѣ каждое мимолетное настроеніе, каждую идею, вызванную наблюденіями надъ дѣйствительностью. *Souvenirs d'égotisme*—это, другими словами, *examen de conscience la plume à la main*.

И вотъ такія-то слѣдствія надъ личнымъ сознаніемъ производились безпрестанно современниками реакціи въ первую четверть нашего вѣка. Производятся они и въ другія времена, когда пульсъ общей жизни замираетъ и на пути къ мирнымъ культурнымъ задачамъ становятся темныя историческія силы. Тогда *égotisme* снова разцвѣтаетъ, все равно подъ какимъ бы то ни было знаменемъ: *непротивленія, недѣланія* или въ иныхъ, еще болѣе мертвыхъ формахъ, неизмѣнно обличающихъ упадокъ энергической просвѣтительной мысли.

Констанъ также набросалъ свои *Souvenirs d'égotisme*. До послѣдняго времени они оставались неизвѣстными публикѣ,—самъ авторъ затруднилъ знакомство съ ними. Тетради написаны греческими буквами и одному изъ родственниковъ автора стоило не малаго труда перевести ихъ на латинскій алфавитъ. Но за то въ результатѣ литература и читатели имѣютъ «прекраснѣйшій человѣческій документъ нашего вѣка», какъ выразился одинъ изъ изслѣдователей этой «загадочной натуры».

Но *Journal intime* не только прекраснѣйшій документъ,—онъ единственный источникъ для нравственной характеристики Констана и для точнаго представленія о самыхъ сокровенныхъ моментахъ его личной жизни. Всѣмъ извѣстны романтическія драмы Констана, его безпримѣрно-оригинальныя отношенія къ m-me Сталь и ко второй женѣ—Шарлоттѣ Гартенбергъ. Врядъ ли какіе эпизоды въ самомъ фантастическомъ романѣ могутъ идти въ сравненіе со сложностью душевныхъ волненій, пережитыхъ Констаномъ подъ вліяніемъ знаменитой писательницы.

И вся эта исторія въ ея психологической сущности осталась бы намъ совершенно неизвѣстной, если бы не интимныя записки Констана. Перепис-

ка его съ m-me Сталь вся цѣликомъ уничтожена. Такая же участь постигла и письма Констана къ его второй женѣ. О сердечныхъ невзгодахъ Констана и его нравственныхъ смутахъ оставалось судить только по роману *Адольфъ*. Но, сколько бы автобіографическихъ изліяній ни заключалось въ этой книгѣ, романъ, все-таки, *поэзія*, а не чистая *правда*. *Journal intime*, напротивъ, на каждой страницѣ поражаетъ искренностью тона и откровенностью сообщеній. Издатели правы, указывая, что даже блаженный Августинъ въ порывѣ религіознаго чувства не рѣшался на такія самообличенія, какими наполнена книга скептическаго друга г-жи Сталь.

Констана съ одинаковымъ правомъ можно назвать и «загадочною», и «геніальною» натурой. Даровитость его изумительна, и, что встрѣчается особенно рѣдко, она съ необыкновеннымъ блескомъ сказалась въ самые ранніе годы будущаго писателя и не тускнѣла до самой его смерти. Дѣтскія письма Констана въ своемъ родѣ единственные документы дѣтской психологіи. У многихъ знаменитыхъ дѣятелей не бывало *дѣтства* въ реальномъ смыслѣ слова, т.-е. ихъ весенніе годы протекали среди житейскихъ лишеній, игры замѣнялись непосильнымъ трудомъ, беззаботный смѣхъ—совершенно сознательными слезами.

Дѣтство Констана не могло представлять подобной картины безвременной *жизненной* борьбы,—онъ былъ сыномъ вполнѣ обезпеченной семьи,—но оно также не было дѣтствомъ въ обычномъ смыслѣ слова.

Мать ребенка умерла отъ родовъ, отецъ, полковникъ голландской службы, вѣчно въ отсутствіи,—мальчику приходится воспитываться на рукахъ бабушки и тетки. Обѣ дамы питаютъ своего рода культъ къ юному Бенжамэну и балуютъ его всѣми средствами. Но этимъ воспитаніе не ограничивается. На первыхъ же порахъ судьба бросаетъ ребенка въ горнило противорѣчій и контрастовъ, изъ котораго ему не суждено выбраться до конца дней.

Когда Бенжамэну исполнилось семь лѣтъ, отецъ взялъ его съ собой въ Голландію и поручилъ очень строгому учителю. Изъ идиллическаго Эльдорадо будущій писатель прямо попадаетъ подъ безпощадную школьную дисциплину. Это обстоятельство отнюдь, конечно, не можетъ воспитать волю и душу впечатлительнаго ребенка и еще менѣе любовь къ наукамъ.

Съ десяти лѣтъ Бенжамэнъ живетъ какою-то странною, совершенно недѣтскою жизнью. Его впечатлѣнія и думы скорѣе походятъ на романтическія страданія какого-нибудь одиноко-тоскующаго «генія», чѣмъ ребенка, сидящаго за грамматиками и школьными упражненіями.

Фактъ довольно обычный—раннія сердечныя увлеченія поэтовъ, напримѣръ, Байрона, Лермонтова. Эти увлеченія будятъ дѣтскую музу, заставляютъ ее лепетать первые лирическіе гимны во славу девятилѣтней или даже шестнадцатилѣтней милой.

Любовь—одно изъ самыхъ элементарныхъ чувствъ, и ничего вѣтъ удивительнаго, если она иногда производитъ переполохи даже въ дѣтскихъ сердцахъ. Но послушайте Бенжамэна.

Онъ тоже влюбился, только какъ-то не по-дѣтски, не съ лирическимъ идеализмомъ наивнаго воображенія, а съ безпокойнымъ анализомъ скороспѣлаго резонера и критика.

Вотъ что онъ пишетъ бабушкѣ:

«Я встрѣчаюсь иногда съ молодою англичанкой моего возраста (т.-е. десяти лѣтъ) и ее я предпочитаю Цицерону, Сенекѣ и проч. Она разъясняетъ мнѣ Овидія, котораго она никогда не видала, о которомъ даже и не слыхивала, но я вижу этого поэта цѣликомъ въ ея глазахъ».

Оригинальный интересъ къ дѣвушкѣ, какъ иллюстраціи для произведеній римскаго поэта! И сколько требовалось мальчику «тайныхъ думъ» и «неразгаданныхъ волненій», чтобы написать подобную фразу!

Два года спустя онъ сочиняетъ пѣсенки, bouts-rimés, свободно болтаетъ обо всемъ на свѣтѣ, бываетъ въ обществѣ, поражаетъ его остроуміемъ своихъ сужденій, страстно присматривается къ картежной игрѣ: впослѣдствіи она станетъ его гибельнымъ порокомъ. Но его духовная жизнь продолжаетъ идти тѣмъ же страннымъ путемъ. Теперь передъ нами уже настоящій философъ и даже пессимистъ.

Въ письмѣ къ бабушкѣ онъ жалуется на ея молчаніе, завѣряетъ ее въ своей любви, сѣтуетъ, что она вполнѣ удовлетворяется его кузенами—«полковниками и капитанами», между тѣмъ, онъ, Бенжамэнъ, еще ничего изъ себя не представляетъ. Онъ умоляетъ бабушку—любить его, несмотря на всѣ его недостатки.

«Вы мнѣ дадите силъ и мужество исправиться. Я хотѣлъ бы написать вамъ о себѣ что-нибудь утѣшительное, но боюсь, — мнѣ придется говорить только о физической сторонѣ своей жизни. Я здоровъ и сильно подросъ. Вы мнѣ скажете: если бы все этимъ и ограничивалось, не стоитъ жить. Я думаю такъ же, но мое безразсудство ниспровергаетъ всѣ мои проекты».

Юный мудрецъ не только сознаетъ свои недостатки, онъ даже знаетъ ихъ источникъ и пытается пресѣчь его. Необыкновенно картинно и остроумно онъ описываетъ свои неудачи:

«Я хотѣлъ бы, чтобы мою кровь заставили обращаться не столь быстро и сообщили ей движеніе болѣе размѣренное. Я попробовалъ, не можетъ ли музыка достигнуть этого результата, и я играю *adagio* и *largo* до того, что можно усыпить тридцать кардиналовъ. Первые такты проходятъ благополучно, но я не знаю, по какому волшебству медленныя аріи превращаются у меня въ *prestissimi*. То же самое и въ танцахъ. Менуэтъ всегда оканчивается у меня прыжками. Я поэтому думаю, что зло неизлечимо и что передъ нимъ безсиленъ разсудокъ; въ двѣнадцать лѣтъ власть разсудка должна бы уже сказаться. Но я не замѣчаю этого, и если его вліяніе на меня вообще слабо, что же будетъ въ двадцать пять лѣтъ?»

Дальше курьезный корреспондентъ разсказываетъ о своихъ свѣтскихъ впечатлѣніяхъ. Онъ является въ салонахъ безукоризненнымъ франтомъ, превосходно одѣтымъ, при шпагѣ, со шляпой подъ мышкой, одна рука на

груди, другая на эфесѣ. Но юный кавалеръ холоденъ къ свѣтскимъ удовольствіямъ,—они ниже его страстей, его мятежнаго темперамента, его тянетъ къ игорному столу...

Легко представить, какой эффектъ производили эти письма въ семьѣ Бенжамэна. Ихъ дѣятельно распространяли среди знакомыхъ, они составили славу скороспѣлому автору и много лѣтъ спустя m-me Сталь умоляла дать ей эти письма, завѣряя, что никто лучше ея не оцѣнитъ этихъ единственныхъ въ своемъ родѣ произведеній.

Талантливыя и остроумныя дѣти встрѣчаются часто, но восторгъ родителей и друзей далеко не всегда оправдывается дальнѣйшимъ развитіемъ «семейныхъ геніевъ». Изъ живого и находчиваго ребенка нерѣдко выходитъ вялый и малоспособный юноша; особенно удачно этому превращенію способствуютъ школа и ея наука.

Съ Бенжамэномъ не произошло ничего подобнаго. Изумительная самостоятельность личности сказывается у ребенка на каждомъ шагу. Онъ заявляетъ рѣшительный протестъ противъ всякой учености, не захватывающей его души и воображенія. Учителямъ требуется не мало изобрѣтательности, чтобы пріохотить Бенжамэна къ такой прозаической мудрости, какъ греческая грамматика.

Учитель принужденъ пуститься въ мистификацію, предложить своему ученику создать общими силами языкъ, который бы больше никому не былъ извѣстенъ. Бенжамэнъ приходитъ въ восторгъ и мужественно одолѣваетъ азбуку невѣдомаго языка.

Но не школьное образованіе создаетъ образъ мыслей и нравственный міръ Бенжамэна. Всю раннюю молодость онъ проводитъ въ путешествіяхъ. Въ тринадцать лѣтъ онъ уже посѣщаетъ Оксфордскій университетъ, отсюда отправляется въ Эрлангенъ, снова возвращается въ Англію, слушаетъ лекціи въ Эдинбургскомъ университетѣ, вступаетъ въ тѣсныя сношенія съ нѣкоторыми членами партіи виговъ,—и эти сношенія оставляютъ въ немъ такія же сильныя и прочныя впечатлѣнія, какими сопровождалось въ свое время пребываніе въ странѣ политической свободы величайшихъ дѣятелей просвѣтительной мысли, вродѣ Вольтера. Бенжамэнъ, при всѣхъ разнообразныхъ и, подчасъ, какъ увидимъ, довольно сомнительныхъ увлеченіяхъ, остается истиннымъ либераломъ, другомъ гражданской свободы и гуманной цивилизаціи.

Двадцати лѣтъ Констанъ окончилъ свое школьное образованіе и явился въ Парижъ. Это было въ 1787 году. Въ воздухѣ всей Франціи носились предвѣстія грядущаго переворота. Въ столичныхъ обществахъ философія XVIII вѣка давала пароли и лозунги. Парижская интеллигенція увѣренно и радостно шла на встрѣчу будущему, которое являлось въ самомъ розовомъ свѣтѣ, какъ заслуженная награда за вѣковую борьбу мысли и законнѣйшее возмездіе за вѣковыя страданія націи.

Констанъ, конечно, сочувствовалъ этому идеалистическому настроенію, превосходно отдавалъ себѣ отчетъ въ идеяхъ энциклопедистовъ, но срав-

нительно съ другими просвѣтителями и просвѣщенными представлялъ нѣчто новое.

Онъ, прежде всего, не былъ кровнымъ парижаниномъ и по рожденію къ французамъ находился въ такомъ же отношеніи, какъ Руссо и m-me Сталь. Констанъ—потомокъ французскаго эмигранта, родился въ Лозаннѣ, оживленнѣйшемъ центрѣ общеевропейской интеллигенціи въ XVIII вѣкѣ, жилъ потомъ въ Голландіи, Англіи, Германіи и только послѣ этихъ странствій поселился въ Парижѣ. Швейцарія налагала особую печать на французовъ, потомковъ гугенотовъ. У нихъ не было узкаго національнаго духа, они оказывались несравненно доступнѣе для культурныхъ вліяній другихъ націй и весьма часто вносили во французскую литературу черты, совершенно чуждыя самой сущности французскаго генія. Не даромъ Руссо еще въ XVIII вѣкѣ называли «нѣмецкимъ писателемъ» на французской почвѣ. Не даромъ именно m-me Сталь всю жизнь боролась противъ французскаго резонерства и разсудочныхъ правилъ искусства, разъясняла парижскимъ *beaux esprits* поэзію сердца и свободнаго вдохновенія, довольно удачно раскрывала французамъ смыслъ даже такихъ произведеній, какъ *Фаустъ*.

Констанъ изъ этой расы фактическихъ французскихъ космополитовъ. Въ парижскіе салоны онъ вноситъ многое, о чемъ не грезилось Лагарпамъ и Мармонтелямъ, царившимъ здѣсь въ эту эпоху. Внѣшность нѣмецкаго студента, красивое лицо, обрамленное свѣтлорусыми волосами, вдохновенная мечтательность романтическаго генія и блестящія политическія импровизаціи бывшаго пріятеля англійскихъ либераловъ, — все это даетъ вмѣстѣ весьма привлекательную картину. Салонныя дамы, конечно, поспѣшили оцѣнить рѣдкое явленіе.

Интересный юноша viталъ въ морѣ удовольствій, безразсчетно растрачивая время, деньги и здоровье. Въ выборѣ для сердца Бенжамэна не могло быть затрудненій: въ XVIII вѣкѣ, кто умѣлъ жить и при этомъ острить, былъ уже признанный дамскій герой. Но съ нашимъ героемъ происходитъ что-то странное. Онъ, двадцатилѣтній эпикуреецъ, влюбляется въ m-me Шаррьеръ (Charrière), сорока-семилѣтнюю матрону. Это — «первая мамаша новаго херувима»: за ней должна слѣдовать цѣлая галлерея.

M-me Шаррьеръ отнюдь не была обыкновенною хозяйкой свѣтскаго салона. Это, прежде всего, занимательная писательница, а потомъ авторъ въ высшей степени оригинальныхъ писемъ, часто напоминающихъ корреспонденцію Бенжамэна Констана. Романы г-жи Шаррьеръ въ настоящее время не читаются, но письма долго не потеряютъ своей психологической и историко-бытовой цѣнности.

Дѣвичье имя г-жи Шаррьеръ—m-lle van-Tuyll. Она дочь богатой голландской семьи, въ двадцать лѣтъ познакомилась съ дядей Констана, узнала потомъ отца своего будущаго возлюбленнаго, а съ дядей въ теченіи пятнадцати лѣтъ вела дружескую переписку. Въ этихъ письмахъ остроумнѣйшія и яркія картины голландскаго общества второй половины XVIII в., прекрасныя характеристики многихъ знаменитостей, вродѣ Давида Юма а

самое главное — исторія удивительнаго нравственнаго развитія молодой дѣвушки.

M-lle Tuyll—большой философъ. Она терпѣть не можетъ свѣтской лжи и свѣтскаго блеска. Всѣ ея вкусы клонятся къ простому народу, къ природѣ, къ серьезному, вдумчивому одиночеству. «Котенокъ, мурлыкающій у меня на колѣняхъ,—пишетъ она,—доставляетъ мнѣ больше удовольствія, чѣмъ bel esprit, восхваляющій меня».

Лѣтомъ, во время жатвы, она обѣдаетъ съ крестьянами и крестьянками, умѣетъ вызвать ихъ на сердечную бесѣду и чувствуетъ себя въ этой средѣ гораздо свободнѣе, чѣмъ въ салонѣ.

Въ свѣтскомъ обществѣ m-lle Tuyll внушаетъ ужасъ своими парадоксами. Она совершенно не желаетъ подчиняться общепринятымъ правиламъ салоннаго тона, не признаетъ никакихъ системъ, ко всякому человѣку и ко всякой книгѣ относится критически, позволяетъ себѣ издѣваться надъ запутанными проповѣдями пастора, высказываетъ мысли, прямо невозможныя для свѣтской барышни,—вродѣ того, что благородство происхожденія не болѣе, какъ право охоты, что нравственность зависитъ отъ температуры и—добродѣтелей, конечно, больше на Гренландіи, чѣмъ въ Италіи.

Въ довершеніе скандала, m-lle Tuyll выпускаетъ въ свѣтъ новеллу подъ заглавіемъ *Благородный*, имени своего не подписываетъ, но пересыпаетъ разсказъ безпощадными насмѣшками надъ голландскою знатью, конечно, давно знакомыми друзьямъ автора.

Если прибавить къ этимъ фактамъ рѣшительный вкусъ оригинальной барышни къ точнымъ наукамъ, ея восторги предъ фактическою достовѣрностью математики и физики сравнительно съ темнотами метафизики и пасторскаго ученія,—легко повѣрить, что m-lle Tuyll трудно было встрѣтить достойнаго жениха и не всякій въ салонахъ рѣшался вести любезныя бесѣды съ читательницей энциклопедистовъ, умѣвшей указывать слабые пункты даже въ сочиненіяхъ и личномъ характерѣ фернейскаго патріарха.

Наконецъ, и взгляды m-lle Tuyll на супружескую вѣрность могли внушить опасенія самымъ отважнымъ кавалерамъ. По ея мнѣнію, эта добродѣтель вполнѣ зависѣла отъ ума и достоинства мужа. Быть вѣрною женой глупца или ничтожества невозможно.

Въ результатѣ—длинная исторія разборчивой невѣсты и поздній бракъ тридцати одного года. Въ заключеніе же всей жизни романъ съ Бенжамэномъ Констаномъ.

Герой и героиня стоили другъ друга. M-me Шаррьеръ, конечно, не могла уже быть красавицей. Передъ нами ея портретъ въ возрастѣ около тридцати пяти лѣтъ—и опустошенія времени очень замѣтны. Физической красоты никакой, но глаза обличаютъ энергическую работу мысли и не умирающую свѣжесть чувства. Очевидно, эти качества оставались въ прежней силѣ и двѣнадцать лѣтъ спустя. По крайней мѣрѣ, Констанъ съ первой же встрѣчи почувствовалъ надъ собой нравственную власть этой женщины и немедленно подѣлился съ ней своимъ горемъ.

Горе состояло въ неудачной любви къ одной молодой дѣвушкѣ, на которой онъ весьма не прочь былъ жениться. Это одинъ изъ любопытныхъ и забавныхъ фактовъ въ его біографіи. Никто, кажется, изъ современныхъ писателей, за исключеніемъ развѣ Шатобріана, не имѣлъ столько успѣховъ у женщинъ и никто чаще не носился съ идеей о женитьбѣ, чѣмъ Констанъ.

Никакой свѣтскій шумъ и даже литературная и политическая слава не могли заглушить стихійнаго стремленія къ плодотворной работѣ въ тихомъ уединеніи. Это не примелькавшійся всѣмъ въ началѣ нашего вѣка заурядный Донъ-Жуанъ съ блѣднымъ лицомъ и демонически-суровымъ взоромъ, ненасытный поѣдатель женскихъ сердецъ, по существу великій человѣкъ на маленькія дѣла и громкія слова, на практикѣ неисправимый мелочной эгоистъ. У Констана ничего нѣтъ общаго, напримѣръ, съ Шатобріаномъ. Онъ не способенъ самоуслаждаться игрой въ человѣконенавистничество и разочарованіе, и свѣтскіе успѣхи прельщаютъ его только въ самые молодые годы, да и не настолько, чтобы ради нихъ забыть благороднѣйшія стремленія просвѣщеннаго ума и общественно-развитаго чувства.

Бенжамэнъ по цѣлымъ часамъ гипнотизируетъ салонныхъ дамъ ослѣпительными импровизаціями по какимъ угодно вопросамъ, но его не покидаетъ сознаніе неудовлетворенности, полнѣйшей пустоты подобнаго времяпрепровожденія. Не даромъ у него еще въ дѣтствѣ оказывается достаточно наблюдательности и честности, чтобы указать на пошлость свѣтской жизни и сознаться въ своихъ порочныхъ наклонностяхъ.

Намъ рисуется такая сцена. Прошелъ день. Бенжамэнъ можетъ внести въ свой дневникъ не одно и не два покоренныхъ сердца, припомнить, можетъ быть, десятки восхищенныхъ глазъ, множество торопливыхъ, прерывистыхъ рѣчей, робкихъ страстныхъ рукопожатій. И онъ, дѣйствительно, иногда намекаетъ на все это въ своихъ запискахъ. Но всего два-три слова о свѣтскихъ побѣдахъ, и цѣлая страница о безъисходной тоскѣ, желчныхъ укоровъ по адресу самодовольныхъ глупцовъ, изрѣдка настоящій крикъ боли въ душномъ воздухѣ эгоизма и мелкихъ дѣлишекъ.

Тогда-то оскорбленному мечтателю начинаетъ грезиться міръ семьи, рука объ руку съ любимою, отзывчивою, высоко-развитою женой. И вчерашній острословъ и обольститель—сегодня чуть не герой «мѣщанскаго счастья».

Отсюда эти многочисленные планы насчетъ брака, неудачныя сватовства и еще болѣе неудачные супружескіе союзы.

M-lle Пурра не оправдала надеждъ Констана. Впослѣдствіи эта же дѣвица увлекла Андре Шенье и стяжала себѣ безсмертіе въ стихахъ поэта подъ именемъ Фанни. Констанъ уѣхалъ съ горя въ Англію и писалъ отсюда г-жѣ Шаррьеръ. Вскорѣ онъ вернулся и два мѣсяца жилъ съ ней въ одномъ домѣ. Переписка и здѣсь продолжалась. Они по утрамъ обмѣнивались длинными письмами, переполненными остроуміемъ и рефлексіей. Бенжамэнъ счастливъ, и именно въ это время у него зарождается планъ обширнаго сочиненія о религіяхъ. Автору предстояло цѣлыхъ сорокъ лѣтъ

работать надъ этою книгой. Можно представить, сколько любви и энергіи потрачено на одинъ трудъ!

Но два мѣсяца прошли. Отецъ негодовалъ на Бенжамэна за легкомысленную праздную жизнь, нужно было помириться со старикомъ, и Бенжамэнъ принимаетъ службу при брунсвикскомъ дворѣ. Страннѣе этого положенія трудно было изобрѣсти для нашего философа.

Прежде всего, Бенжамэнъ чувствуетъ инстинктивное отвращеніе къ придворнымъ и ихъ существованію, онъ искренній демократъ, отъ его взора не скрывается ни единая черточка смѣшного и низкаго. Онъ быстро превращается въ самаго отчаяннаго пессимиста. Онъ чувствуетъ себя буквально въ положеніи одиночно-заключеннаго. M-me Шаррьеръ, попрежнему, его повѣренная.

«Мнѣ все опротивѣло, я всюду скучаю, испытываю какую-то горечь, я эгоистъ, одержанный своеобразною чувствительностью, которая только терзаетъ меня. Я то легкомысленъ до такой степени, что могу прослыть за фата, то подверженъ припадкамъ меланхоліи, которые разрушаютъ всѣ мои планы. Какъ же хотите вы, чтобъ я преуспѣвалъ, нравился другимъ, просто жилъ?»

Наконецъ, найдено пристанище. Обуреваемый столь разнообразными и мучительными настроеніями, Констанъ очертя голову бросается въ объятія чуть ли не первой встрѣчной невѣсты. Новая избранница—нѣмка, боронесса Крамъ, совсѣмъ не красивая, съ лицомъ, тронутымъ оспой, съ красными глазами, съ худымъ тѣломъ.

Чтò же это за счастье, въ особенности когда мужу всего двадцать два года и онъ, будто море въ непогоду, не перестаетъ метаться, о чемъ-то тосковать и выносить на поверхность своей души то безнадежную тоску, то Богъ вѣсть почему загорающуюся радость?

Здѣсь нужна сильная, хотя и любящая рука, нужно умѣть твердо и бережно уврачевать безпокойные нервы, укротить болѣзненно-волнующуюся кровь. Баронесса Крамъ, можетъ быть, понимала волненія и боли своего мужа, но не хотѣла придти ему на помощь.

Въ судьбѣ Констана вполнѣ обнаружилось все значеніе, какое можетъ имѣть женщина въ жизни даровитѣйшаго человѣка, но не уравновѣшеннаго отъ природы. У Констана всѣ задатки для какой угодно дѣятельности. Онъ превосходный наблюдатель дѣйствительности, компетентнѣйшій судья современныхъ идей, несравненный стилистъ: всѣ матеріалы, изъ которыхъ создаются замѣчательные писатели. Констанъ, кромѣ того, живетъ въ великую историческую эпоху. На его глазахъ разыгрываются прелюдіи революціи, наступаетъ и проносится бурей сама революція, одинъ режимъ смѣняется другимъ. Какое необозримое поле для политической мысли и живого общественнаго труда!

И у Констана—чуткое нервное сердце, достаточно мужества, искренняя любовь къ народу и свободѣ. Онъ не скрываетъ всего этого при дворѣ, въ лицѣ камергера являетъ истаго санкюлота, теряетъ, конечно, свою долж-

ность, но въ самый разгаръ мірового переворота погружается въ семейныя дрязги, хлопочетъ о разводѣ съ женой, еще не успѣвъ забыть о медовомъ мѣсяцѣ.

Какое жалкое зрѣлище! Блестящій умъ и рѣдкій талантъ истощаютъ свои силы въ крючкотворной борьбѣ съ женскою интригой, съ родственными сплетнями, роются въ грязномъ бѣльѣ нѣмецкаго захолустнаго муравейника. И одновременно—подробные отчеты г-жѣ Шаррьеръ обо всѣхъ этихъ пошлостяхъ...

Не правда ли, странно писать подругѣ сердца о войнѣ съ законною супругой? Но чѣмъ инымъ могла быть пятидесятилѣтняя дама для юноши, едва разцвѣтшаго, какъ не доброю практическою совѣтчицей и утѣшительницей? Бенжамэнъ не гонялся за красотой и всякимъ внѣшнимъ блескомъ. Почти всѣ его избранницы старше его. На первомъ планѣ стояли, очевидно, нравственныя данныя, умъ, сила воли, талантливость. Г-жу Шаррьеръ Констанъ называетъ «высшимъ умомъ, какой онъ когда-либо зналъ». О г-жѣ Сталь, мы увидимъ, отзывы въ томъ же духѣ, только, разумѣется, еще восторженнѣе.

Любовь Констана—инстинктивное стремленіе генія къ натурѣ родственной ему, «сродство душъ» въ лучшемъ смыслѣ слова. Это неопровержимо докажутъ намъ его отношенія къ г-жѣ Сталь. Но первыя данныя заключаются въ исторіи съ г-жей Шаррьеръ.

Что̀ же стояло на пути къ полному счастью?

Обстоятельство крайне простое: пятьдесятъ лѣтъ *ея* и двадцать два года *его*. Такое отношеніе прямо противуестественно съ точки зрѣнія сердца. А могъ ли Бенжамэнъ отрѣшиться отъ нея? Пусть у женщины какой угодно умъ и талантъ, но если «всепоѣдающее время» успѣло омертвить цвѣтъ и разсѣять ароматъ ея весны, счастью любви, лирической поэзіи чувства нѣтъ мѣста.

И первый романъ Констана свидѣтельствуетъ объ его идеализмѣ, о прирожденной способности — мысль ставить выше совершенно естественныхъ влеченій молодости.

Теперь представьте, «высшій умъ» воплотился въ прекрасномъ женственномъ существѣ, и Бенжамэнъ встрѣтилъ его на своемъ пути вѣчныхъ колебаній, безпрестанной смѣны противуположныхъ чувствъ и стремленій. Сколько бы мелочей, безплодныхъ метаній исчезло изъ его жизни! И какая бы ясная, твердая дѣятельность сосредоточила его силы! Но Констану не суждено такого счастья.

На первый взглядъ можетъ показаться страннымъ, зачѣмъ ему непремѣнно требовался достойный спутникъ, чтобы развернуть во всемъ блескѣ свои таланты? Не проще ли рѣшить вопросъ иначе: у Констана не было достаточно воли, нравственной выдержки, чтобъ идти однимъ опредѣленнымъ путемъ.

Такъ рѣшаютъ вопросъ *всѣ*, кому приходилось и приходится говорить о Констанѣ, и это рѣшеніе подсказано имъ же самимъ. Онъ безпрестанно

обвиняетъ себя въ отсутствіи энергіи и постоянства... Но намъ кажется вопросъ гораздо сложнѣе и несравненно интереснѣе и глубже, чѣмъ онъ представляется самому Констану и его толкователямъ.

Прежде всего, въ высшей степени осторожно слѣдуетъ бросать обвиненія противъ кого бы то ни было въ недостаткѣ извѣстныхъ общихъ нравственныхъ качествъ. Давно ли, напримѣръ, чувствительность смѣшивали съ чувствомъ и всякая нервно-развинченная, слезливая дама могла сойти за героиню гуманности, состраданія, необыкновенно отзывчиваго сердца? Стоило такой дамѣ издать въ театрѣ десятка два патетическихъ восклицаній и пролить двѣ капли слезъ, на нее немедленно указывали, какъ на образецъ христіанскихъ добродѣтелей. Въ прошломъ вѣкѣ въ этой истинѣ были всѣ убѣждены, найдется и въ наше время не мало простаковъ, способныхъ смѣшать два понятія, по существу не только не тождественныя, но прямо исключающія другъ друга. Художественная чувствительность и припадочная нервозность освобождаютъ обыкновенно людей отъ необходимости проявлять настоящее дѣятельное чувство къ ближнему. Это уплата высшаго нравственнаго долга по самой дешевой таксѣ.

То же самое и относительно воли.

Вопросъ здѣсь еще труднѣе. Исторія литературы знаетъ краснорѣчивѣйшій примѣръ въ этомъ отношеніи. Извѣстна необъятность критической литературы о Гамлетѣ: написаны буквально цѣлыя библіотеки и именно потому, что психологическій вопросъ въ данномъ случаѣ сосредоточенъ на *волѣ*. Требуется отвѣтить, почему принцъ, одаренный всѣми блестящими дарами природы, не можетъ отважиться на самый законный и, повидимому, простой актъ?

Банальный отвѣтъ и здѣсь необыкновенно простъ и онъ также подсказанъ самимъ героемъ: нѣтъ воли, мужества.

Но если бы этотъ отвѣтъ былъ сама истина, шекспировскій герой, навѣрное, давно сошелъ бы со сцены и драматическаго искусства, и критической литературы. А, между тѣмъ, это популярнѣйшій образъ нашего времени. Будто какая-то никому недосказанная тайна скрыта подъ этимъ траурнымъ плащомъ, въ этихъ безконечныхъ отвлеченныхъ рѣчахъ, въ странныхъ, подчасъ дѣйствительно невмѣняемыхъ выходкахъ.

И въ результатѣ все, что̀ только есть идеальнаго, романтически-вдохновеннаго у молодого артиста, у критика, они спѣшатъ раскрыть свои идеи въ новомъ толкованіи Гамлета.

Не менѣе сложенъ и увлекателенъ вопросъ и въ нашемъ случаѣ.

Многимъ счастливцамъ весьма легко удается пріобрѣсти славу людей сильныхъ волей. Къ этой славѣ особенно часто ведутъ два пути: во-первыхъ, ограниченность идейныхъ стремленій, бѣдность и односложность нравственной жизни; во-вторыхъ, удачное совпаденіе личныхъ желаній и плановъ съ настроеніемъ среды.

Одинъ изъ нѣмецкихъ профессоровъ-психологовъ весьма проницательно замѣтилъ по поводу Гамлета: энергическое дѣйствіе требуетъ извѣстной

«Всѣ мои связи разорваны, всѣ—и приносившія мнѣ огорченія, и составлявшія мои радости,—всѣ, всѣ. Какая странная слабость! Больше года я стремился къ этому моменту, я тосковалъ по безусловной независимости, она наступила и я трепещу! Я подавленъ одиночествомъ, меня окружающимъ, я прихожу въ ужасъ при мысли, что у меня нѣтъ никакихъ связей, а, между тѣмъ, я изнывалъ изъ-за того, что у меня были эти связи».

Трудно точнѣе опредѣлить драму безплодно мятущагося сердца. Никогда такія рѣчи не приходили на уста разочарованнымъ демонамъ и пресыщеннымъ Донъ-Жуанамъ. Въ жизни Констана совершается вѣчная драма—одиночество высокодаровитой натуры, и одиночество не только мысли, идеальныхъ стремленій,—одиночество сердца. Если первое усыпаетъ путь терніями, второе можетъ въ извѣстные годы подорвать всю нравственную энергію и сильный умъ подмѣнить меланхоліей и пассивною мечтательностью.

Констанъ проходитъ именно это испытаніе, пока не совершается роковая встрѣча, захватывающая почти все будущее нашего героя. Пятнадцатаго сентября 1794 года онъ впервые встрѣчается съ m-me Сталь. Ей—двадцать девять лѣтъ, ему—двадцать семь. Онъ весь добыча одинокой тоски и ненасытной жажды «родной души»,—она въ полномъ разцвѣтѣ граціи и генія.

Для ея огненной души,—говоритъ одинъ изъ ея почитателей,—было мало цѣлаго міра,—легко представить, какой пожаръ вызвала геніальная писательница въ воображеніи юноши. И это не увлеченіе мужчины женщиной, это какая-то странная перестановка ролей. Вся нравственная сила, весь неограниченный авторитетъ на сторонѣ m-me Сталь. Констанъ—весь восторгъ, энтузіазмъ, доходящій до полнаго обожанія, до забвенія собственной личности.

«Я рѣдко встрѣчалъ, — пишетъ онъ, — подобное соединеніе изумительныхъ и привлекательныхъ качествъ: столько блеска и сдержанности, столько очарованія, простоты, свободной граціи. Это—исключительное существо, существо высшее, которое, можетъ быть, встрѣчается одинъ разъ въ цѣлое столѣтіе, и всякій, кто приближается къ нему, узнаетъ его, становится его другомъ, долженъ совершенно довольствоваться этимъ счастьемъ».

Трудно съ бо́льшимъ самотверженіемъ говорить о писательницѣ и съ болѣе сердечною влюбленностью—о женщинѣ. Констанъ будто счастливъ тѣмъ, что таланты m-me Сталь затмѣваютъ и его даровитость, и его личность. Это — чувства религіознаго прозелита и, можетъ быть, они совершенно естественны по отношенію къ замѣчательнѣйшей женщинѣ своего времени, но, во всякомъ случаѣ, они свидѣтельствуютъ не столько о геніи и чарахъ дочери Неккера, сколько о жгучей, неукротимой жаждѣ ея поклонника—любить и поклоняться.

Констанъ сначала награжденъ сторицею за свои восторги. M-me Сталь въ первый разъ въ жизни видѣла столь оригинальнаго юношу. Ни по внѣшности, ни по разговору онъ не напоминалъ обыкновенный типъ салоннаго кавалера. Передъ нами его портретъ приблизительно изъ эт

эпохи. Достаточно одного взгляда, чтобы отличить это лицо среди тысячи другихъ. Констану нѣтъ еще и двадцати пяти лѣтъ, а глаза полны глубокой грусти, на всемъ изображеніи лежитъ печать многолѣтнихъ сомнѣній и неизлечимой меланхоліи. Трудно повѣрить, что этотъ человѣкъ могъ потѣшать свѣтскихъ красавицъ легкомысленными анекдотами и вздорными остротами,—такая серьезная, почти зловѣщая складка сжимаетъ эти молодыя губы. И ни одной аффектированной, театральной черты, на которыя были столь великіе мастера разные демоны и чайльдъ-гарольды начала XIX вѣка.

M-me Сталь горячо полюбила одинокаго философа. Бесѣды длятся вдвоемъ по цѣлымъ часамъ. Констанъ переживаетъ настоящую весну, но вѣчный гамлетовскій анализъ не покидаетъ его и теперь. Г-жѣ Сталь суждено было написать краснорѣчивѣйшія обличительныя рѣчи противъ такъ называемаго общественнаго мнѣнія, выставить на позорище всю пошлость, все недомысліе и деспотизмъ разныхъ законодателей и законодательницъ свѣтскаго тона и свѣтской нравственности. Оба романа г-жи Сталь—настоящій военный арсеналъ личной свободы и женскаго человѣческаго достоинства.

И дочь Неккера, протестанта и республиканскаго гражданина на министерскомъ посту католической феодальной монархіи, имѣла всѣ права и поводы вести эту войну.

И, все-таки, она отъ начала до конца остается женщиной. Это, несомнѣнно, говоритъ въ пользу ея чаръ, можетъ быть, свидѣтельствуетъ объ ея искренности, но близкимъ людямъ приходится дорого расплачиваться за эту женственность—и, прежде всего, конечно, Констану.

Немедленно послѣ знакомства съ нимъ г-жа Сталь, при всемъ своемъ увлеченіи, усердно хлопочетъ о соблюденіи приличій въ глазахъ свѣта, а позже будетъ хлопотать о такой комбинаціи, которая можетъ только глубоко оскорбить и раздражить всякаго истинно и честно-любящаго человѣка. Позже г-жа Сталь станетъ предлагать Констану планъ тайнаго брака: странно для автора *Коринны* и прямо больно для другого, обладающаго хотя бы самымъ первобытнымъ чувствомъ человѣческаго достоинства. Что долженъ будетъ пережить Констанъ въ эти минуты, мы вскорѣ увидимъ,— теперь онъ на высотахъ счастья и поэзіи, хотя... Но послушаемъ его самого:

«Любопытно,—пишетъ онъ,— видѣть, до какой степени женщины считаются съ самыми безумными поступками мужчинъ, если эти поступки льстятъ ихъ самолюбію. Между мной и г-жей Сталь было условлено: я не долженъ оставаться у нея за полночь, чтобы не компрометировать ея». Такъ продолжалось довольно долго, и Констанъ, при всѣхъ своихъ восторгахъ, долженъ выполнять договоръ. Но однажды вечеромъ случилось происшествіе. Констанъ чувствовалъ себя особенно счастливымъ, время летѣло незамѣтно, онъ вынулъ часы, съ цѣлью доказать своей собесѣдницѣ, что еще не наступила минута ему отправляться. ... олимая стрѣлка гов)рила другое, и Констанъ, охваченный гнѣвомъ ... ымъ ребенка», бросаетъ часы на полъ и разбиваетъ ихъ.

«Какое безуміе! Какой вы нелѣпый!»—воскликнула г-жа Сталь,—«но какая задушевная улыбка,—восклицаетъ въ свою очередь Констанъ,—свѣтилась сквозь эти упреки! Рѣшительно эти разбитые часы окажутъ мнѣ большую услугу».

И дѣйствительность оправдала самыя пламенныя ожиданія. На слѣдующій же день Констанъ писалъ:

«Я не купилъ часовъ и больше въ нихъ не нуждаюсь».

Это былъ большой выигрышъ,—роману суждено было продолжаться цѣлые годы,—но принесъ ли онъ счастье той или другой сторонѣ?

Мы уже знаемъ нѣкоторыя женскія черты характера знаменитой писательницы. Этихъ чертъ гораздо больше, и всѣ онѣ стояли препятствіемъ къ полному сердечному миру между влюбленными.

Прежде всего, г-жа Сталь мечтала о романическомъ героѣ совершенно другихъ свойствъ, чѣмъ Констанъ. Это руководитель, въ сущности, владыка всего существованія женщины—«одновременно твердый и кроткій, чей взглядъ повелѣваетъ и молитъ, и кто на колѣняхъ получаетъ право располагать нашею судьбой». А дальше—полнѣйшее единство интересовъ и стремленій, одинъ и тотъ же путь вездѣ и всегда до самой могилы.

Констанъ, очевидно, не могъ воплотить въ себѣ подобный идеалъ. Умолять ему было доступно, хотя бы на колѣняхъ, но повелѣвать, а тѣмъ паче распоряжаться чужою судьбой онъ не могъ и даже не захотѣлъ бы. Сколько угодно кротости и весьма мало твердости, если нѣтъ подлѣ дѣйствительно твердой любящей руки. Таковъ Констанъ, менѣе всего годный въ деспоты женскаго сердца. А, между тѣмъ, г-жа Сталь именно и вожделѣла о власти сильной натуры, совершенно свободной отъ колебаній и рефлексіи. Это—чисто-женская черта и весьма нерѣдко выступаетъ съ такою яркостью, что заслоняетъ собой всѣ другіе обычные мотивы женскихъ увлеченій. Въ литературѣ этотъ фактъ удостовѣренъ геніальными созданіями. Достаточно вспомнить Ричарда III и лэди Анну изъ трагедіи Шекспира, Мазепу и Марію изъ поэмы Пушкина, разсказъ о Ботвелѣ и шотландской королевѣ изъ драмы Шиллера. Нравственная сила производитъ часто гипнотическое дѣйствіе на женскую душу и искупаетъ недостатокъ физической красоты и другихъ шаблонныхъ кавалерскихъ достоинствъ. И именно лучшія женщины поддаются этому дѣйствію.

Г-жа Сталь изъ ихъ числа, но Констанъ не имѣлъ ничего общаго съ Ричардами и Ботвелями. Въ результатѣ неизбѣжно возникаетъ обоюдное недоразумѣніе. Она искала героя и нашла человѣка, способнаго стать имъ только при одномъ условіи: если женщина явится для него тѣмъ же, чѣмъ муза для поэтовъ, его вдохновеніемъ, его звѣздой, его совѣстью и пламенемъ сердца. Онъ тосковалъ о душевной гармоніи, объ укромной свѣтлой бесѣдѣ, разгоняющей душевную мглу и среди вереницы неотвязныхъ думъ озаряющей одну прочную благородную идею, одно ясное прямое стремленіе. Такъ мечталось, а въ дѣйствительности судьба связала съ женщиной неукротимаго темперамента и страшною жаждой исключительныхъ

страданій. Да, у г-жи Сталь—этой единственной вѣрной послѣдовательницы просвѣтительныхъ идей XVIII вѣка—въ наполеоновскую эпоху—глубоко жила одна въ высшей степени распространенная наклонность дореволюціоннаго общества. Быть несчастной, страдать — своего рода нравственная потребность современницъ и поклонницъ Руссо. Слезы, чувствительность входили въ кругъ обязательныхъ добродѣтелей. Можно представить, сколько дѣйствительныхъ огорченій могъ вызвать этотъ вкусъ, который всякая свѣтская дама всегда способна искусственно развить до недуга! И г-жа Сталь заражена имъ. Быть влюбленной — значитъ съ особеннымъ усердіемъ проливать слезы, осыпать «невѣрнаго» и «равнодушнаго» укоризнами, и сила любви должна обнаруживаться именно въ жалобахъ, въ меланхоліи и подчасъ въ бурныхъ сценахъ: темпераменту г-жи Сталь трудно было ограничиться одною чувствительностью.

На такихъ основахъ предстояло укрѣпиться новому увлеченію Констана. Ясно, насколько зданіе отличалось прочностью.

Одинъ мотивъ остается неизмѣннымъ въ этомъ романѣ: преклоненіе Констана предъ умомъ и талантами г-жи Сталь. Онъ сравниваетъ ее съ собой, принимаетъ въ разсчетъ всѣ ея недостатки и, все-таки, находитъ: «Она во всѣхъ отношеніяхъ выше меня».

Ея власть надъ нимъ изумительна. Власть эта—далеко не легкое бремя. Г-жа Сталь знаетъ свою силу и пользуется ею съ истинно-женскою нетерпимостью и прихотливостью. Власть эта особенно тяжела потому, что владычица совершенно не въ силахъ управлять собой: иначе,—заключаетъ ея вѣрноподданный,—она управляла бы міромъ.

Всякій ея капризъ долженъ выполняться безусловно и немедленно. При такихъ условіяхъ сколько мучительныхъ мелочей, сколько капель отравы, медленно накопляющихъ злобу и даже ненависть!

Г-жа Сталь, напримѣръ, очень любитъ засиживаться по ночамъ. Это хорошо въ первый разцвѣтъ любви, но Констанъ никогда не былъ полуночникомъ и ему тяжело вести умные разговоры днемъ, за ужиномъ и послѣ ужина. Онъ часто «умираетъ отъ сна», но приходится повиноваться. Тогда въ дневникѣ является такое замѣчаніе:

«Я никогда не видалъ лучшей женщины, болѣе граціозной, болѣе преданной, но я не видалъ также женщины, которая предъявляла бы столь настойчивыя требованія, сама не замѣчая этого, которая до такой степени поглощала бы жизнь всѣхъ окружающихъ и которая при всѣхъ достоинствахъ обладала бы болѣе деспотическою личностью; все существованіе другого человѣка, минуты, часы, годы должны быть въ ея распоряженіи. И когда она отдается своей страсти, происходитъ катастрофа вродѣ грозъ и землетрясеній. Она—избалованное дитя, этимъ все сказано».

Послѣднее замѣчаніе вполнѣ справедливо. Г-жѣ Сталь выпала участь съ дѣтства прослыть геніемъ. Десяти лѣтъ она писала чувствительныя пьесы и вызывала слезы у такихъ зрителей, какъ Мармонтель. Затѣмъ слѣдовала карьера ея отца, блестящій салонъ г-жи Неккеръ, гдѣ юная

Жермэна поражала всѣхъ глубокомысленною меланхоліей, многозначительнымъ молчаніемъ и исключительнымъ умомъ. Въ домѣ Неккеровъ установился обоюдный семейный культъ: дочь и мать преклонялись предъ политическимъ геніемъ отца, отецъ возлагалъ самыя смѣлыя надежды на будущее дочери. Надежды, положимъ, оправдались. Достаточно вспомнить, что Наполеонъ счелъ необходимымъ обрушить свою полицейскую власть на г-жу Сталь и лично почтилъ ее изгнаніемъ.

Но воздухъ, переполненный ѳиміамомъ,—ядовитая атмосфера даже для созрѣвшихъ талантовъ и холодныхъ умовъ. Для ребенка, для дѣвушки-автора такой воздухъ — истинная зараза, смертельно опасная для ея характера и отношеній къ людямъ.

Констану пришлось расплачиваться за преждевременный пьедесталъ г-жи Сталь. Его отрывочныя замѣчанія, односложныя упоминанія о разныхъ происшествіяхъ могли бы послужить прекраснымъ матеріаломъ для психологическаго романа.

Встрѣча, мы видѣли, произошла въ 1794 году, десять лѣтъ спустя мы слышимъ сплошной стонъ несчастнаго героя. Между влюбленными происходятъ «ужасныя сцены», часто до трехъ часовъ утра. Эти сцены настолько обыкновенны, что Констанъ спѣшитъ отмѣтить дни, когда г-жа Сталь находится «dans une bonne phase», т.-е. «кротка и любезна». Если она уѣзжаетъ и Констанъ остается одинъ,— дѣло не мѣняется. Она осыпаетъ бѣднаго друга яростными письмами. «Всѣ вулканы менѣе пламенны, чѣмъ она»,— замѣчаетъ онъ, прочитавъ одно изъ такихъ писемъ. «Это сотрясеніе цѣлой вселенной, движеніе хаоса»,—говоритъ онъ послѣ другого. «Какая фурія!»— восклицаетъ онъ по поводу третьяго. И сейчасъ слѣдуетъ молитва, вырвавшаяся прямо изъ сердца:

«Боже! Освободи насъ другъ отъ друга!»

А затѣмъ встрѣча, новыя сцены, отчаяніе, примиреніе, и такъ цѣлые годы.

Но зачѣмъ же, спросите вы, создавался весь этотъ адъ, тѣмъ болѣе, что эти люди не были связаны законными узами и всегда могли разойтись въ разныя стороны?

Вопросы всегда легче ставить, чѣмъ разрѣшать. Самъ Констанъ, вѣроятно, задумался бы надъ рѣшеніемъ, а г-жа Сталь, вѣроятно, отвѣтила бы коротко и неясно: «Я любила его».

Насколько дѣйствительно г-жа Сталь любила своего Бенжамэна десять и пятнадцать лѣтъ спустя послѣ первой встрѣчи, трудно сказать. Знаемъ только, что она рѣшительно отказалась выйти за него замужъ съ вѣдома общества, несмотря на его настоянія и несмотря даже на свои вѣчныя жалобы на его безсердечіе и равнодушіе.

Вѣрно одно: власть г-жи Сталь надъ однимъ изъ даровитѣйшихъ людей своего времени представляетъ поистинѣ нѣчто чудесное.

Констанъ неоднократно повторяетъ въ своемъ дневникѣ, что у него исчезъ былой сердечный жаръ, у него просто нѣтъ больше способност

любить и г-жа Сталь напрасно требуетъ отъ него болѣе сильнаго чувства, чѣмъ дружба. Это мы слышимъ въ 1804 году. А три года спустя послѣ ссоры онъ изобрѣтаетъ разные благовидные предлоги, чтобъ увидѣться съ ней. И это въ тотъ моментъ, когда вопросъ идетъ о разводѣ Шарлотты Дютертръ, Гарденбергъ тожь. Эта госпожа была уже разъ разведена, снова вышла замужъ и теперь Констанъ стремился жениться на ней.

Сравнительно съ г-жей Сталь это совершенное ничтожество. Первая даже нѣмцевъ поражала блескомъ разговора, какою-то «волшебною властью» надъ умами, искусствомъ соединять въ своемъ салонѣ людей самыхъ разнородныхъ мнѣній и всѣхъ одинаково превращать въ своихъ восторженныхъ поклонниковъ. О г-жѣ Гарденбергъ самые печальные отзывы: это—скучная, сантиментальная, прѣсная нѣмка. Она прямо жалка рядомъ съ царственною особой г-жи Сталь.

И, все-таки, Констанъ жертвуетъ ради нея свободой.

Если спросить у него объясненій, онъ наскажетъ сколько угодно мотивовъ. Во-первыхъ, Шарлотта необыкновенно добра: Констанъ «сто разъ» отвергалъ ее и она продолжаетъ любить его. Кротость Шарлотты и эгоизмъ г-жи Сталь—таково сопоставленіе самого Констана. И оно понятно: человѣкъ просто измучился въ постоянныхъ перепалкахъ съ «королевой» и чувствуетъ себя окончательно разбитымъ. «Я усталъ отъ мужчины-женщины» («Je suis las de l'homme-femme!»),—заявляетъ онъ откровенно. Ему нужна женщина обыкновенная, безъ всякой геніальности и претензій.

И естественно, онъ до самозабвенія отдается ласкамъ Шарлотты. Онъ именно въ томъ состояніи, когда персидскому царю простая вода казалась вкуснѣе всѣхъ нектаровъ на свѣтѣ.

Но чѣмъ страстнѣе увлеченіе, тѣмъ оно подозрительнѣе, особенно когда предметъ — «прѣсная нѣмка», а жертва — человѣкъ, подобный Констану. Отрезвленіе наступаетъ быстро. Чуть не на той же страницѣ дневника, гдѣ намъ заявляли о чарахъ Шарлотты и ея преимуществахъ предъ г-жей Сталь, мы читаемъ о путешествіи Констана въ помѣстье «деспота» за примиреніемъ.

«M-me Staël m'a reconquis!» — постоянный вопль въ теченіе четырехъ лѣтъ. Невольно хочется повторить извѣстную фразу: «было бы смѣшно, если бы не было такъ грустно».

Смѣшного, на самомъ дѣлѣ, не мало. Обратите вниманіе только на эти заявленія:

«Я чувствую, что прослыву чудовищемъ, если брошу ее (г-жу Сталь). Я умру, если не брошу ея. Я ее жалѣю и ненавижу».

Шарлотта получаетъ разводъ и ждетъ жениха, а онъ:

«Я согласился остаться съ г-жей Сталь на шесть недѣль... Что дѣлать, великій Боже! Я топчу ногами свое будущее и свое счастье».

По временамъ, будто лѣтнія грозы, повторяются «страшныя сцены».

Онѣ чередуются съ театральными представленіями, въ которыхъ главныя роли играютъ тѣ же герои—Констанъ и его подруга... Не правда ли, трудно изобрѣсти комбинацію забавнѣе этой: утромъ или днемъ—драма взаправду, вечеромъ—трагедія по книгѣ? А результатъ:

«Покоримся и будемъ притворяться; это—искусство слабѣйшаго».

Констанъ, про котораго говорили, что послѣ Вольтера во Франціи онъ самый остроумный человѣкъ, конечно, понимаетъ соль своей роли.

«Мое общественное положеніе курьезно. Я—между двумя женщинами. Изъ нихъ одна причиняетъ мнѣ горе тѣмъ, что не выходитъ за меня замужъ, другая повредитъ мнѣ тѣмъ, что станетъ моею женой».

Все это, несомнѣнно, въ сильной степени комично. Но, можетъ быть, никогда за видимымъ смѣхомъ не таились болѣе горькія слезы.

Представьте жизнь въ домѣ г-жи Сталь. Очевидецъ разсказываетъ, что никогда еще ни въ чьихъ бесѣдахъ не расточалось столько остроумія и знанія, не возникало столько оригинальныхъ идей. Непривычному гостю можно было смертельно устать отъ этого потока умственной силы и онъ съ наслажденіемъ набрасывался на всякаго, кто говорилъ общія мѣста.

Но Констанъ былъ не изъ такихъ мучениковъ. Это была именно его сфера и онъ наравнѣ съ другими невольно приносилъ жертвы божеству,—волшебницѣ-хозяйкѣ, не знавшей утомленія и ни на минуту не впадавшей въ банальности и, наконецъ, удивительно исполнявшей трагическія роли на сценѣ.

Естественно было и безъ сердечныхъ увлеченій подчиниться подобной женщинѣ, а здѣсь она, кромѣ того, грозитъ самоубійствомъ, если ее покинутъ.

Приходится выбирать одно изъ двухъ: или остаться въ самомъ блестящемъ культурномъ обществѣ, быть первымъ гостемъ и другомъ замѣчательнѣйшей женщины во всей Европѣ, но для этого требуется настоящій подвигъ: необходимо ограничить власть неограниченной королевы, начать и окончить съ успѣхомъ борьбу противъ вліяній всей ея жизни, пересоздать ея убѣжденіе, ставшее инстинктомъ, что весь міръ принадлежитъ ея желаніямъ и даже капризамъ, и совершить этотъ подвигъ въ періодъ высшаго разцвѣта чаръ и умственнаго могущества г-жи Сталь, когда всѣ окружающіе совершенно серьезно культъ передъ ней считаютъ своимъ нравственнымъ долгомъ, какъ бы во всѣхъ другихъ отношеніяхъ ни были разнообразны ихъ идеи и взгляды.

Можетъ быть, кому-нибудь изъ породы Ричардовъ и Ботвелей это бы и удалось и г-жа Сталь увидѣла бы во-очію свой идеалъ властителя женской души. Констану оставался другой путь—окончательно отказаться отъ своей личности и пропасть въ лучахъ обожаемаго свѣтила.

Но и это не могло успокоить г-жу Сталь. Совершенно по женской логикѣ, во всемъ покорный рабъ могъ въ извѣстныя минуты вызывать негодованіе и даже отвращеніе именно своею покорностью, своимъ несходствомъ съ искомымъ героемъ. А, между тѣмъ, такое свѣтило въ свитѣ вѣрноподданныхъ могло льстить даже г-жѣ Сталь. Отсюда заколдованный

кругъ, буквально душившій Констана. Естественно, даже мелочи приводятъ его въ ярость и онъ можетъ совершенно серьезно въ числѣ мотивовъ своей вторичной женитьбы приводить желаніе рано ложиться спать. Но ужаснѣе всего бывали минуты, когда г-жа Сталь, съ истиннымъ искусствомъ романистки и женщины громаднаго ума, принималась анализировать свою чувствительность и жестоко обижаться, если другіе не принимали горячаго участія въ этомъ анализѣ. А, вѣдь, извѣстно, до какой степени даже не «избалованныя дѣти» становятся требовательными и придирчивыми, когда на сценѣ ихъ непризнанныя страданія.

Траги-комедія увѣнчивается женитьбой Констана. Бракъ совершается тайно отъ г-жи Сталь. Несмотря на это, Констанъ ѣдетъ по сосѣдству съ ея помѣстьемъ, приглашаетъ ее къ себѣ въ гости и г-жу Сталь принимаетъ г-жа Констанъ... Единственная въ своемъ родѣ картина! Королева, конечно, третируетъ «молодую», какъ только можетъ третировать оскорбленная женщина свою соперницу, чувствуя свое безусловное превосходство надъ ней. Бѣдная нѣмка лепечетъ одну и ту же фразу: «Бенжамэнъ такъ добръ», и только подливаетъ масла въ огонь. Г-жѣ Сталь ничего не стоитъ развернуть свои крылья и снова охватить ими своего несчастнаго друга. Онъ снова принужденъ воскликнуть: «M-me de Staël m'a reconquis!» Онъ ѣдетъ за ней въ Ліонъ, и жена съ нимъ дополняетъ свиту очаровательной кометы. Въ Ліонѣ онъ все время проводитъ съ г-жей Сталь, Шарлоттѣ ничего не остается лучшаго, какъ отравиться, что она и дѣлаетъ на глазахъ г-жи Сталь. Къ счастью, у «прѣсной нѣмки» не хватаетъ мужества довести планъ до конца и біографія Констана не омрачилась драмой съ самоубійствомъ.

Но за то онъ почувствовалъ себя «чудовищемъ»,— не передъ женой, а передъ г-жей Сталь. Когда онъ пріѣзжаетъ въ Парижъ, ему совѣстно смотрѣть на людей, онъ прячется въ каретѣ, чтобы на него не показывали пальцемъ.

Дневникъ, къ сожалѣнію, прерывается въ самый критическій моментъ. Съ конца 1807 до весны 1811 года у насъ нѣтъ личныхъ записокъ Констана. Между тѣмъ, это время столь же интересно, какъ и всякая другая эпоха въ жизни нашего загадочнаго героя. Констанъ даже не разсказалъ самъ о своей свадьбѣ, мы изъ другого источника знаемъ, что онъ цѣлыхъ два года держалъ втайнѣ свой бракъ, въ теченіе этого времени встрѣчался съ г-жей Сталь и пріѣхалъ къ ней даже послѣ объявленія брака. Только весной 1811 года Констанъ окончательно простился съ ней, а съ 15 мая того же года начинается продолженіе его дневника. Чѣмъ же объясняется перерывъ?

Окончательно рѣшить вопросъ, конечно, невозможно: для этого нѣтъ фактическихъ данныхъ. Но психологически загадка объяснима. Констанъ своею женитьбой ничего не достигъ, къ чему стремился: не успѣлъ порвать съ г-жей Сталь, не съумѣлъ основаться въ Парижѣ, не научился даже рано ложиться спать. Но, что важнѣе всего, Шарлотта, какъ и слѣдовало ожидать, немедленно опротивѣла нашему герою, лишь только превратилась

въ его постоянную спутницу. Правда, мы постоянно слышимъ объ ея «добротѣ», которая, вѣроятно, была весьма сродни пресловутой нѣмецкой чувствительности. Но будь это даже и общечеловѣческая разумная доброта, ея совершенно недостаточно для Констана, широтой умственныхъ и общественныхъ интересовъ превосходившаго чуть ли не всѣхъ современныхъ ему французовъ. Жизнь съ Шарлоттой превращалась въ безвкусное мѣщанское счастье, и немудрено, что Констанъ по временамъ снова появлялся въ свитѣ г-жи Сталь.

Все это свидѣтельствовало о крайней ненормальности существованія, и у Констана, конечно, не переставала накипать желчь на самого себя, на своего владыку и даже на ангелоподобную Лотту. Представьте теперь, могъ ли онъ даже скрѣпя сердце вносить въ свой дневникъ все тѣ же настроенія и факты, осыпать себя все тѣми же укоризнами, безчисленное число разъ провозглашать клятву — больше не видаться съ г-жей Сталь, потомъ изобрѣтать предлоги поѣхать къ ней и на другой же день жестоко каяться? На это не хватило бы и болѣе крѣпкихъ первовъ и менѣе чуткой совѣсти, чѣмъ у Констана. Онъ предпочелъ бросить записи и предоставить времени излеченіе недуга. Когда онъ почувствовалъ себя спасеннымъ, дневникъ открывается снова.

Три года спустя Констанъ встрѣчается съ г-жей Сталь. У обоихъ успѣло перегорѣть все прошлое: сцена холодна и ne tire pas à consequences. Но это не значитъ, чтобы треволненія сердца умерли окончательно для Констана. Ему еще предстоитъ пережить романъ — не продолжительный, но врядъ ли менѣе жестокій, чѣмъ ранній.

Удивительная судьба! Все парижское общество сходилось въ одномъ: Констанъ чуть ли не геній, несравненный собесѣдникъ, съ великими талантами общественнаго дѣятеля. Присоедините славу друга г-жи Сталь, и вы получите репутацію, передъ которой, повидимому, не могло устоять ни одно женское сердце. И побѣды Констана, конечно, были многочисленны и нехлопотливы. Но судьба будто преднамѣренно наталкивала его на женщинъ, сулившихъ ему, да и вообще всякому, кто полюбилъ бы ихъ, одни огорченія.

Мы знаемъ романъ г-жи Сталь, теперь очередь за г-жей Рекамье.

Всѣмъ, безъ сомнѣнія, извѣстна слава о необыкновенной красотѣ этой женщины, объ ея безчисленныхъ поклонникахъ, среди которыхъ можно найти знаменитостей, по крайней мѣрѣ, четырехъ поколѣній. Но природа одарила красавицу свойствами настоящаго вампира: отняла у нея, прежде всего, способность любить и снабдила вкусомъ къ чужимъ страданіямъ. Французскіе историки беллетристическаго направленія давно разсказали съ великими подробностями эту длинную и, въ сущности, весьма скучную и однотонную исторію на тему игра кошки съ мышью. Мы имѣемъ въ виду только Бенжамэна Констана.

Исторія съ г-жей Рекамье совпадаетъ съ самою его оживленною политическою дѣятельностью. Со временъ консульства, когда онъ былъ од-

нимъ изъ трибуновъ и поплатился изгнаніемъ за оппозицію Бонапарту, онъ оставался горячимъ противникомъ наполеоновскаго деспотизма. Наканунѣ низложенія цезаря Констанъ выпустилъ превосходный манифестъ— *De l'esprit de conquête et d'usurpation*. Это произведеніе какъ нельзя болѣе отвѣчало настроенію Европы, всеобщему чувству негодованія противъ бандитскихъ подвиговъ и корсиканской политики. Констанъ былъ милостиво принятъ императоромъ Александромъ, дѣятельно принялся писать статьи въ *Journal des Débats* въ защиту конституціонной свободы. И вдругъ совершенно неожиданно разражается катастрофа.

Констанъ и раньше встрѣчался съ г-жей Рекамье, но не чувствовалъ къ ней никакого влеченія, а теперь, когда звѣзда его стала всходить на политическомъ горизонтѣ, повидимому, окончательно освободившись отъ романическихъ тумановъ и затменій, ее настигаетъ какая-то злая рука. Г-жа Рекамье повергаетъ сорокашестилѣтняго философа въ невыносимую любовную лихорадку.

«Работа, политика, литература, все кончено! Настало царство Жульетты!»

Такъ восклицаетъ Констанъ, и снова ведетъ въ своемъ дневникѣ цѣлый мартирологъ злополучной страсти.

Сначала Констанъ воображаетъ, что его порывъ пройдетъ, но немедленно слѣдуетъ разочарованіе. Съ перваго же свиданія, вызваннаго политическими дѣлами, Констанъ потерялъ голову. Г-жа Рекамье кокетничала открыто, безъ всякихъ стѣсненій и оттѣнковъ, по крайней мѣрѣ, опытный глазъ Констана, прежде всего, обратилъ вниманіе на этотъ пріемъ. Но въ сорокъ шесть лѣтъ, очевидно, легче подмѣчать, чѣмъ извлекать изъ наблюденій логическіе выводы. Констанъ пишетъ:

«Я долженъ былъ уйти отъ нея, со мной происходили припадки горя и ярости при мысли, что я ее люблю».

Г-жа Рекамье, давно уже лицезрѣвшая всѣ фазы чужихъ страстей, немедленно поняла свою побѣду и повела тактику самую шаблонную и отнюдь не остроумную, но съ громаднымъ успѣхомъ, какъ это всегда бываетъ во всѣхъ вымышленныхъ и дѣйствительныхъ романахъ.

Предоставимъ слово самому герою:

«Я хотѣлъ вызвать у нея безпокойство своимъ отсутствіемъ, но не могъ выдержать и отправился къ ней. Я видѣлъ, что съ каждымъ днемъ она становилась холоднѣе и разсудительнѣе. Я отдалъ бы десять лѣтъ жизни, еслибъ она испытывала только половину того, что̀ испытываю я».

Немного спустя:

«Она мнѣ назначила свиданіе и я побѣжалъ къ ней. Мои страданія тронули ее, она обѣщала мнѣ часто видѣться на-единѣ и слушать меня. Она горячо говорила о моихъ дѣлахъ и о моей карьерѣ. Тѣмъ не менѣе, она была такъ мила съ г. Форбэномъ, что я долженъ былъ переговорить съ нимъ и такъ поставить дѣло, что завтра мы будемъ драться».

Жульетта узнала объ этомъ, надавала своему стремительному поклон-

нику «нѣжныхъ обѣщаній» и дуэль на время была отсрочена. Позже соперники, все-таки, подрались.

Дальше мы читаемъ восторженное сообщеніе. Выражено оно въ формѣ, поистинѣ чрезвычайной для первой парижской знаменитости:

«Я ее видѣлъ сегодня. Боже меня упаси хвалиться, я слишкомъ боюсь получить неожиданный ударъ, но мнѣ кажется, я сдѣлалъ нѣкоторые успѣхи».

Оказывается, г-жа Рекамье изволила повѣрить въ страсть Констана и даже намекнуть, что ей была бы непріятна кратковременность его увлеченія.

Но, увы, это былъ миражъ. Едва ли не на слѣдующій день мы читаемъ страшный болѣзненный вопль. Вѣроломная красавица все забыла. Магическое словечко: *Osez!* было произнесено будто не ею. Констанъ, наконецъ, проникаетъ въ сущность особенной дамской чувствительности, воспитываемой романическими приключеніями, безконечною салонною игрой въ любовь. «Эта чувствительность не идетъ дальше эпидермы!»—восклицаетъ Констанъ.

Но раньше окончательнаго излеченія бѣдный рыцарь долженъ пройти самую комическую стадію своей «глупости». Констанъ вмѣшиваетъ въ исторію пресловутую пророчицу своего времени, г-жу Крюднеръ, а та сейчасъ же, въ отвѣтъ на его жалобы, предлагаетъ ему мистическій путь къ сердцу жестокой красавицы.

Пророчица засаживаетъ Констана за переписку молитвъ. Онъ выполняетъ ея распоряженія и подчасъ даже проливаетъ слезы. Ему случается колѣнопреклоненно читать тѣ же молитвы у своей спасительницы, а потомъ отправляться къ г-жѣ Рекамье, въ надеждѣ, что единеніе душъ совершилось и путь къ счастью проторенъ.

«Я увидѣлъ Жульетту твердой и спокойной, но я мало вѣрю въ ея склонность къ религіознымъ идеямъ. Она увлекается мелкимъ кокетствомъ, создаетъ изъ него свое ремесло и радуется или горюетъ при видѣ страданій, которыя она причиняетъ тремъ или четыремъ своимъ воздыхателямъ. Потомъ она рѣшается сдѣлать другимъ немножко добра, если это ее не безпокоитъ, и особенное значеніе придаетъ мессѣ со вздохами, полагая, что вздохи идутъ у нея отъ души, между тѣмъ какъ это только результатъ скуки».

Такъ этому удивительному человѣку суждено одновременно сгорать отъ нераздѣленной страсти и давать проницательнѣйшія и остроумнѣйшія характеристики предметовъ своихъ страданій. Еще одна превосходная иллюстрація къ едва ли не самому тяжелому состоянію души, столь мѣтко и энергично выраженному нашимъ поэтомъ: «Умъ съ сердцемъ не въ ладу».

Но никакая человѣческая любовь не выдержитъ опытовъ, излюбленныхъ г-жей Рекамье. Констанъ даже въ мистификаціяхъ г-жи Крюднеръ нашелъ спасительную соломенку, психологически это значитъ—привязался къ первому попавшемуся мотиву, чтобы взять себя въ руки.

Въ дневникѣ читаемъ:

«Увы, г-жа Крюднеръ не была пророкомъ, потому что Жульетта никогда меня не третировала болѣе унизительно. Она вчера назначила мнѣ

четыре свиданія и не исполнила обѣщаній. Вечеромъ она явилась предо мной chef d'oeuvre'омъ кокетства, вѣроломства, лжи, лицемѣрія и жеманства. Но г-жа Крюднеръ дала мнѣ силу перенести все это и успокоиться. Это уже много. Я стану серьезнымъ человѣкомъ, соберу свои силы и возьмусь снова за перо. Я это сознаю, я этого хочу».

Намъ, къ сожалѣнію, неизвѣстно въ подробностяхъ спасительное воздѣйствіе г-жи Крюднеръ на Констана. Но любопытенъ самый фактъ. До революціи и наполеоновской эпохи человѣкъ съ умомъ и дарованіями Констана встрѣтилъ бы смѣхомъ пророчества г-жи Крюднеръ, во всякомъ случаѣ, отнесся бы крайне скептически къ ея намѣреніямъ путемъ молитвъ соединить души влюбленныхъ. Для Констана это вопросъ серьезный. Правда, онъ попадаетъ въ сѣти пророчицы въ припадкѣ остраго отчаянія, въ поискахъ какого бы то ни было выхода. Но важно, что именно г-жа Крюднеръ возрождаетъ его силы къ работѣ. Такъ онъ самъ утверждаетъ.

Это—характерная черта для современника реакціи. Настоящихъ религіозныхъ чувствъ, конечно, у Констана нѣтъ, мистическіе таланты г-жи Крюднеръ для него также весьма сомнительны, и, все-таки, онъ скорѣе подчиняется какому-то гипнозу, чѣмъ разсудку, чувствуетъ инстинктивное влеченіе «къ чему-то тайному», романтически-туманному. Современнику Наполеона нестерпимъ ясный, точный разумъ, все равно какъ для больныхъ, ослабѣвшихъ глазъ тягостенъ блескъ солнца. Одинъ разъ въ дневникѣ Констану приходится коснуться философіи XVIII вѣка. Эта философія для него глубоко антипатична. Онъ умѣетъ разсмотрѣть въ ней только одну отрицательную сторону, ея склонность къ ироніи и скептицизму. Она для Констана сплошной матеріализмъ, легковѣсное эпикурейство, безудержный смѣхъ надъ всѣмъ божескимъ и человѣческимъ.

Такъ могъ судить или невѣжда, или критикъ, заранѣе предубѣжденный, въ чью душу совершенно не входило извѣстное направленіе мысли, кто органически и стихійно протестовалъ противъ безпощаднаго суда логическаго разума надъ идеями и дѣйствительностью, будь это сама поэзія и самыя прочныя преданія исторіи.

Этотъ судъ, несомнѣнно, сопровождался многими увлеченіями и заблужденіями, но безъ него была бы немыслима блестящая дѣятельность г-жи Сталь, восхищавшая Констана, было бы невозможно большинство его собственныхъ идей о свободѣ, гуманности, всемірной цивилизаціи. Констанъ имѣлъ случай близко узнать нѣмецкую поэзію и философію, познакомиться съ національнымъ характеромъ нѣмцевъ и отмѣтилъ весьма многое, чего недоставало французамъ. Его замѣчанія часто необыкновенно проницательны, но стóитъ вдуматься въ нихъ, и на насъ повѣетъ тѣмъ же космополитическимъ геніемъ XVIII вѣка.

Констанъ издѣвается надъ банальностью французскихъ понятій, надъ заколдованнымъ кругомъ ихъ житейскихъ воззрѣній и рѣчей, надъ резонерствомъ ихъ поэзіи, чуждой непосредственнаго вдохновенія и чувства: все это говорилось философами-просвѣтителями, прославлявшими во Фран-

ціи Шекспира, Галлера, Геснера, Шиллера. Констанъ мыслилъ и дѣйствовалъ на почвѣ, подготовленной чужими руками, и весьма многія идеи, казавшіяся ему труизмами, прежними мыслителями были завоеваны съ великими усиліями и жертвами.

Такъ часто «дѣти»,— по идеямъ,— забываютъ заслуги «отцовъ» подъ вліяніемъ общаго разочарованія въ идеализмѣ и выспреннихъ надеждахъ на исключительную силу разума въ дѣлахъ человѣчества.

Констанъ безсознательно носилъ въ своей душѣ тлетворныя сѣмена этого разочарованія, и только громадный умъ и истинная даровитость предохранили его отъ романтической траги-комедіи въ духѣ Шатобріана или уродливаго, лицемѣрнаго, практически-разсчитаннаго католичества въ духѣ де-Местра.

Но безнаказанно нельзя жить въ эпохи, подобныя наполеоновскому режиму, и именно для людей, подобныхъ Констану.

Вѣчно безпокойная мысль, до болѣзненности нервная отзывчивость влекли его къ политической дѣятельности и онъ считалъ ее своимъ настоящимъ призваніемъ и имѣлъ всѣ основанія такъ думать. Но мы уже знаемъ, сколько препятствій было разсѣяно по этому желанному пути. Философъ съ неотвязнымъ анализомъ, безконечною вереницей самыхъ разнообразныхъ идей и, слѣдовательно, съ заранѣе парализованною рѣшимостью на быстрыя дѣйствія томился, кромѣ того, въ неизлечимой тоскѣ по женщинѣ-идеалу и, какъ водится, встрѣчалъ женщинъ съ самыми обыкновенными женскими слабостями — при всей геніальности г-жи Сталь и свѣтскомъ блескѣ г-жи Рекамье.

Трудно даже представить, сколько нравственныхъ силъ ушло у Констана на борьбу съ своими всегда искренними, но всегда неудачными увлеченіями. Больше десяти лѣтъ онъ провелъ въ сѣтяхъ г-жи Сталь, а потомъ этотъ остроумный историкъ и критикъ религіозныхъ культовъ бросился къ ногамъ раскаявшейся салонной Магдалины, умоляя о чудѣ, о таинственномъ средствѣ противъ чаръ г-жи Рекамье. «Le pauvre grand homme», — приходится повторить дикую французскую фразу, сливающую въ одно понятіе—величіе и мизерность. Но Констанъ дѣйствительно въ извѣстныя минуты кажется бѣднымъ, достойнымъ состраданія.

Но едва ли еще не бѣднѣе и мизернѣе общество, окружавшее неудавшагося великаго человѣка, и именно французское общество.

Констанъ не находилъ словъ достойно заклеймить своихъ современниковъ. Любопытно, что его отзывы *буквально* совпадаютъ съ мнѣніями Стендаля. Оба одинаково преобладающими чертами французскаго характера считаютъ фатовство и реторику, стремленіе къ театральному эффекту и органическое бездушіе, удручающую узость идей и трусливость идейнаго міросозерцанія. Констанъ убѣжденъ, что французы—нація, менѣе всего способная къ воспріятію новыхъ идей, а если они и мирятся съ этими идеями, то подъ условіемъ не подвергать ихъ разбору и критикѣ. Спорить съ французомъ Констанъ находитъ совершенно безцѣльнымъ. Во-первыхъ, фран-

цузъ считаетъ долгомъ говорить обо всемъ, даже чего совершенно не понимаетъ и не знаетъ. Во-вторыхъ, всякія доказательства разбиваются о разъ усвоенныя французомъ понятія. Констанъ безпрестанно ссылается при этомъ на нѣмцевъ.

У нихъ и идей гораздо больше, и добросовѣстности въ спорѣ, и оригинальности въ міросозерцаніи, если только нѣмецъ не загипнотизированъ какою-либо философскою системой. Констанъ признается, сколько онъ пользы вынесъ изъ бесѣдъ съ нѣмецкими учеными и какое горькое разочарованіе и даже раздраженіе овладѣвало имъ послѣ необыкновенно смѣлыхъ и бойкихъ французскихъ упражненій въ риторствѣ. Констанъ прямо бѣжитъ изъ страны, гдѣ «все заключается въ претенціозныхъ и преувеличенныхъ фразахъ то въ одномъ направленіи, то въ другомъ». Захолустный Веймаръ кажется ему истинными Аѳинами серьезной мысли и прочныхъ убѣжденій. Въ Парижъ онъ ѣдетъ затѣмъ, чтобъ отдаться политикѣ.

Но и это намѣреніе съ первыхъ же шаговъ увѣнчивается изумительнымъ и совершенно неожиданнымъ фактомъ: бывшій трибунъ, понесшій изгнаніе, авторъ жесточайшаго памфлета противъ бонапартизма становится на сторону Наполеона, и когда же?—въ періодъ *ста дней*.

Французское общество реакціи не могло увлечь за собой Констана, не могло внушить ему какое бы то ни было политическое направленіе. Констанъ презиралъ и салоны, и салонныхъ дамъ, и салонныхъ ораторовъ. Для него такъ называемый «свѣтъ» — страшный гасильникъ для всякаго рода таланта. «Quel étouffoir pour toute espèce de talent!» — восклицаетъ онъ и продолжительное пребываніе въ свѣтѣ считаетъ своею гибелью. Часто, по возвращеніи съ какого-нибудь парадного обѣда, онъ чувствуетъ на своихъ плечахъ гнетъ чужой глупости и банальности. Особенно его раздражаютъ «умныя барыни»—«des femmes d'esprit — c'est du mouvement sans but». Дневникъ переполненъ тоской по одиночеству или по широкой политической дѣятельности «въ большомъ центрѣ».

И вотъ Констанъ, не устроивъ себѣ одинокаго пристанища, бросается въ омутъ политики. Программа его ясна и проста: конституція и гражданская свобода. Но можно ли ожидать отъ общества, только что изображеннаго самимъ Констаномъ, твердыхъ и энергическихъ усилій въ пользу свободы? Риторы, фаты и острословы имѣютъ слишкомъ много личныхъ дѣлишекъ, чтобы заботиться объ общихъ интересахъ. Констанъ и въ «большомъ центрѣ» чувствуетъ себя одинокимъ,—по крайней мѣрѣ, онъ не видитъ кругомъ себя ни одного достаточно мужественнаго и даровитаго сотрудника.

Является низложенный цезарь. Теперь, можно думать, его деспотическій азартъ охладѣлъ. Бонапартъ кое-чему научился въ вопросахъ національнаго блага. Кромѣ того, предстояла грозная борьба за вторично похищенный тронъ: въ такомъ положеніи даже и Тиверій постарался бы казаться либераломъ.

Констану назначили аудіенцію. Бонапартъ принялъ его просто и бла-

госклонно, безъ упрековъ и безъ комплиментовъ, говорилъ только о конституціи, передалъ Констану множество проектовъ хартіи, сопровождая передачу весьма остроумными и откровенными замѣчаніями. Въ заключеніе Констану поручено составить окончательный проектъ конституціи. Свиданія повторялись, и весьма продолжительныя. Бонапартъ одобрялъ многія идеи Констана и назначилъ его членомъ государственнаго совѣта.

Тогда новымъ законодателемъ овладѣваетъ настроеніе, напоминающее шиллеровскаго маркиза Позу послѣ сцены съ Филлипомъ II. Констанъ въ восторгѣ отъ своего «скачка», онъ весь въ области самыхъ розовыхъ надеждъ. И что восторгъ и особенно надежды были вполнѣ искренни, доказываетъ необыкновенный для Констана фактъ. Немедленно послѣ вступленія въ государственный совѣтъ онъ записываетъ въ дневникѣ:

«Получилъ письмо отъ г-жи Сталь... Видѣлъ Жульетту, но государственный совѣтникъ долженъ отказаться отъ игры въ любовь».

Очевидно, человѣкъ попалъ въ свою сферу, жизнь его, наконецъ, устроилась. Ему не придется теперь безъ конца твердить: у него нѣтъ опредѣленнаго пути—*une route tracée,* какая его *неустроенная* жизнь—quelle vie *inarrangeable,* что у него нѣтъ ни удовольствія, которому можно было бы пожертвовать достоинствомъ, ни достоинства, которому жертвуютъ удовольствіемъ, что, наконецъ, его назначеніе—тратить таланты, не пріобрѣтая ни славы, ни счастья... Теперь у него, несомнѣнно, есть достоинство, которому стôитъ принести въ жертву высшее изъ «удовольствій»—любовь, будетъ и слава, и Констанъ, не какъ прежде, знаетъ, чтò дѣлать съ собой и своими дарованіями... Но...

Это роковое *но,* неразлучное со всѣми надеждами и идеалами Констана, нанесло ему на этотъ разъ рѣшительный ударъ. При Ватерлоо рушился тронъ Бонапарта и разлетѣлись прахомъ грёзы государственнаго совѣтника о свободѣ. И во всей Франціи едва ли не этотъ совѣтникъ оплакивалъ катастрофу самыми горючими слезами.

Констанъ видѣлъ всеобщее равнодушіе къ издыхающему бонапартизму и восклицалъ:

«Презрѣнные! Они служили ему съ энтузіазмомъ, когда онъ давилъ свободу, и они покидаютъ его, когда онъ хочетъ возстановить ее!»

Послѣ отреченія Наполеона и возвращенія Бурбоновъ Констанъ, по настоянію друзей, уѣхалъ сначала въ Бельгію, потомъ въ Англію; здѣсь онъ опубликовалъ свой романъ, давно написанный, осенью 1816 г. вернулся въ Парижъ и снова съ былою горячностью предался публицистикѣ. Отправка въ Парижъ была рѣшена 16 сентября и этимъ днемъ заканчивается *Journal intime.*

Констанъ прожилъ еще четырнадцать лѣтъ. Это была необычайно безпокойная дѣятельность депутата, публициста и игрока. Да, этому пороку часто отдавались ночи геніальнаго оратора, только что днемъ громившаго какого-нибудь мракобѣса и лицемѣра, вечеромъ составлявшаго не менѣе страстную статью. И карты завладѣли Констаномъ именно со времени смерти

г-жи Сталь. Онъ пересталъ посѣщать общество, будто не находя въ немъ ничего занимательнаго послѣ кончины геніальной писательницы. И какою искренностью, какою силой дышало перо Констана, когда онъ двѣнадцать лѣтъ спустя послѣ ея смерти писалъ о ней!

Особенно одному вопросу Констанъ посвятилъ много рѣчей — свободѣ печати. Здѣсь его логика и находчивость въ соображеніяхъ и доказательствахъ неутомимы. Ему приходилось бороться за дорогія идеи съ самыми разнообразными и часто весьма сильными противниками, начиная съ министровъ Людовика XVIII и кончая Гизо. Никакіе недуги не могли уменьшить энергіи Констана, хотя болѣзнь, бѣдность и настоятельная необходимость уплатить долги кредитору, которому предстояло банкротство, заставили его принять субсидію отъ короля Людовика-Филиппа. При этомъ произошелъ такой разговоръ.

Король заявилъ, что онъ предлагаетъ Констану помощь во имя свободы.

«— Государь,—отвѣтилъ Констанъ,—свобода идетъ впереди благодарности, я хочу остаться независимымъ, и если ваше правительство впадетъ въ ошибку, я первый присоединюсь къ оппозиціи.

«— Я именно такъ и понимаю вопросъ»,—возразилъ король.

Констанъ сдержалъ слово. Онъ подвергъ жестокой критикѣ министерскіе замыслы противъ печати и буквально до послѣдняго издыханія стоялъ на сторонѣ все тѣхъ же принциповъ гуманности и свободы.

Это тѣмъ большій подвигъ, что личное настроеніе Констана, никогда не отличавшееся довольствомъ и ясностью, съ годами становилось все мрачнѣе. Современныя поколѣнія удручали его, онъ нигдѣ не находилъ близкаго себѣ человѣка, только принципіальная преданность былымъ идеаламъ поддерживала его энергію и стойкость. Это въ полномъ смыслѣ дѣятельность идеалиста, лишеннаго совершенно личнаго счастья и людскихъ сочувствій. У Констана не было друзей ни въ одной изъ политическихъ партій реставраціи. Его боялись, многіе уважали, но не любили, потому что не могли понять души этого отживающаго обломка прошлаго. «Всѣ его ненавидятъ, и онъ самъ никакъ не можетъ полюбить себя»,—говорили про Констана современники реставраціи, и говорили правду, превосходно характеризуя одну изъ драматическихъ личностей европейской исторіи.

Но драматизмомъ не ограничивается интересъ личности и жизни Констана. На нихъ, мы видѣли, съ изумительною полнотой и яркостью отразилась реакціонная эпоха, длинные годы повальнаго идейнаго разочарованія европейскаго общества, упадка нравственной и общественной энергіи у его просвѣщеннѣйшихъ представителей. Констану пришлось вынести жестокую личную и политическую борьбу съ духомъ времени и врядъ ли какой борецъ недалекаго прошлаго оставилъ для насъ болѣе поучительную и психологически болѣе содержательную картину страданій обманутаго сердца и неудовлетворенной мысли...

Ив. Ивановъ.

Крестьянскія переселенія въ Сибирь.

Переселенческій вопросъ, какъ онъ ни старъ на Руси, представляетъ и по настоящее время все ту же новизну сложнаго дѣла, останавливая на себѣ вниманіе правительства и общества, старающихся обнять этотъ вопросъ и придти на помощь переселенію. Если явленіе переселенія мы находимъ еще въ самомъ раннемъ періодѣ нашей исторіи и если отдѣльныя распоряженія о переселеніи встрѣчаемъ уже въ указахъ и грамотахъ XVI и XVII столѣтій, то это не значитъ, чтобы этотъ вопросъ покоился на почвѣ сознательнаго къ нему отношенія и чтобъ мѣры государства носили какой-либо органическій характеръ, направленный къ урегулированію крестьянскихъ переселеній. Народъ шелъ, повинуясь традиціи заселенія окраинъ, и государственныя мѣры клонились исключительно къ удержанію его на старыхъ мѣстахъ, и въ такомъ положеніи мы застаемъ исторію переселенія почти до настоящихъ дней. Правда, уже въ концѣ прошлаго столѣтія встрѣчаются отдѣльныя попытки правительства къ положительной постановкѣ этого вопроса; попытки эти съ теченіемъ времени учащаются, приводятся въ связь и пріобрѣтаютъ въ уставѣ о благоустройствѣ въ казенныхъ селеніяхъ цѣльную и во многихъ отношеніяхъ совершенную систему разрѣшенія вопроса. Но уставъ былъ продуктомъ своего времени и касался лишь одной группы крестьянъ—государственныхъ, почему и самый вопросъ переселенія не могъ возбуждать къ себѣ такого вниманія, какъ въ настоящее время. Съ введеніемъ же положенія 19 февраля дѣйствіе этого устава какъ бы прекратилось совсѣмъ и переселенческій вопросъ былъ надолго забытъ.

Хотя въ промежутокъ отъ 1858—1866 г. правительство принимало мѣры къ заселенію Амурскаго края и Черноморскаго округа, но мѣры эти, какъ частичныя и, притомъ, вызванныя особыми соображеніями политическаго свойства, не говорили за возбужденіе общаго вопроса о переселеніяхъ. Крестьяне въ своемъ исканіи «новыхъ мѣстъ» были предоставлены самимъ себѣ и безъ шума продолжали важную миссію нивеллированія населенія по огромной территоріи государства. Процессъ броженія, выразившійся въ формѣ ухода съ насиженныхъ мѣстъ на новыя земли, продол-

жался попрежнему, но, подъ вліяніемъ новыхъ условій жизни, вызванныхъ положеніемъ 19 февраля и постепеннымъ обезземеленіемъ крестьянъ, онъ уже охватывалъ незамѣтно всю коренную крестьянскую Россію, стѣсненную въ своемъ землепользованіи, и подготовлялъ почву для возбужденія серьезнаго общегосударственнаго вопроса. Появились переселенцы Оренбургскаго края и Прикубанскихъ степей, появились переселенцы и Сибири. Это были огромныя толпы колонистовъ-пахарей, бѣдныхъ, убогихъ, жалкихъ, которые нуждались въ помощи и заботахъ о себѣ. Заговорили о малоземельи крестьянскаго населенія въ Россіи, о бѣдствіяхъ переселенцевъ, объ организаціи помощи имъ, и изъ переселенія крестьянъ возникъ постепенно переселенческій вопросъ. Народилась цѣлая литература о немъ, возникли частныя общества для оказанія помощи переселенцамъ, появились и попытки правительства распутать годами нароставшій хаосъ въ переселенческомъ дѣлѣ. Но вопросъ этотъ не былъ бы вопросомъ, еслибъ онъ легко разрѣшался. Онъ глубоко связанъ со всею исторіей нашей прошлой колонизаціи, съ исторически установившимся отношеніемъ государства къ переселенію, какъ явленію только терпимому, съ бытовыми и аграрными порядками внутри коренной Россіи и за предѣлами ея, куда направляется волна эмиграціи, съ хозяйственными силами переселенцевъ и состояніемъ финансовъ въ Россіи. Вопросъ этотъ не составляетъ достоянія какой-либо одной мѣстности и не можетъ быть пріуроченъ къ тому или иному времени,—онъ общъ всей Европейской и Азіатской Россіи. Только въ Россіи совершается выселеніе, а на окраинахъ идетъ вселеніе, и неизвѣстно еще, который изъ этихъ моментовъ важнѣе для нормированія переселенія, чтобы достигнуть основной задачи колонизаціи—разрѣженія населенія съ цѣлью увеличенія землепользованія крестьянъ до размѣровъ полнаго нормальнаго надѣла.

Экономическое положеніе крестьянскихъ массъ, обнаружившее за последнее время такой замѣтный упадокъ въ Европейской Россіи, вызвало усиленныя мѣропріятія правительства. Исходнымъ пунктомъ этихъ мѣропріятій признано было увеличеніе размѣровъ крестьянскаго землевладѣнія, какъ обусловливающаго, главнымъ образомъ, необходимую степень хозяйственнаго благосостоянія земледѣльческаго населенія Россіи. Къ такому увеличенію главнѣйшими средствами явились, съ одной стороны, расширеніе на мѣстѣ предѣловъ крестьянскаго землевладѣнія на счетъ частнаго крупнаго хозяйства, съ другой—разселеніе крестьянъ въ мѣстности, обильныя свободными, пустолежащими землями. Для достиженія первой цѣли признано было необходимымъ учредить во внутреннихъ губерніяхъ Россіи крестьянскіе поземельные банки, какъ могущіе выдачею ссудъ крестьянамъ оказать необходимую имъ помощь; для достиженія второй—намѣчены губерніи и области Европейской и, главнымъ образомъ, Азіатской Россіи, куда должна направляться колонизація.

Обращаясь къ дѣятельности крестьянскаго банка, какъ она выражается сейчасъ, нельзя не признать, что дѣятельность эта вообще едва ли мо-

жетъ быть значительною, такъ какъ успѣхъ ея, помимо необходимыхъ финансовыхъ затратъ со стороны казны, находится еще въ зависимости отъ количества предложеній о продажѣ участковъ, высоты продажныхъ цѣнъ на имѣнія и состоятельности самихъ покупщиковъ. У населенія Европейской Россіи насчитывается огромный недостатокъ въ надѣльной землѣ, опредѣляемый въ нѣсколько милліоновъ десятинъ, и на переходъ такой площади земель въ руки крестьянъ путемъ содѣйствія банка, даже при расширеніи дѣятельности и облегченіи въ выдачѣ ссудъ, конечно, трудно разсчитывать. Трудно разсчитывать и на то, чтобы крестьянскій банкъ держалъ настоящіе размѣры крестьянскаго землевладѣнія въ уровнѣ съ естественнымъ прикростомъ населенія, такъ какъ нѣтъ для того пока ни необходимыхъ средствъ, ни условія, что частное землевладѣніе каждогодно будетъ отчуждать отъ себя потребный запасъ земель. Такимъ образомъ, за переселеніемъ, не говоря о его важномъ политическомъ значеніи для Россіи, надо думать, должна оставаться наиболѣе выдающаяся роль въ дѣлѣ устроенія крестьянскаго быта и устраненія нарождающагося малоземелья крестьянъ. Земель много, только нужны условія, при которыхъ бы колонизація совершалась своимъ естественнымъ путемъ, не поставляя переселенцевъ въ затруднительное положеніе при передвиженіи и устройствѣ на новыхъ мѣстахъ. Что касается русскаго крестьянина, его способности къ переселенію и приспособляемости къ новымъ условіямъ жизни, то этотъ вопросъ уже достаточно исчерпанъ фактами нашей прошлой и настоящей колонизаціи. Вся историческая жизнь русскаго крестьянина шла рука объ руку съ заселеніемъ свободныхъ земель. Представленіе объ уходѣ на новыя мѣста сдѣлалось сроднымъ ему и не пугаетъ, повидимому, ни дальностью разстоянія, ни неподготовленностью къ жизни въ чуждыхъ краяхъ. Народъ шелъ и идетъ, съ каждымъ шагомъ отвоевывая себѣ новыя площади земель, словно этотъ походъ съ его мирнымъ цивилизующимъ началомъ составляетъ органическій бытовой законъ, которому подчиняются массы.

Переселенія крестьянъ изъ внутреннихъ губерній Россіи въ настоящее время идутъ, главнымъ образомъ, за Уралъ—въ Сибирь. Эта богатая окраина, отрѣзанная отъ Европейской Россіи хребтомъ Урала, огромными рѣками и малолюдными степями, еще до сихъ поръ живетъ своими особыми интересами и не вошла надлежащимъ образомъ въ общее русло гражданской жизни Россіи, благодаря, главнымъ образомъ, отдаленности своего положенія и отсутствію усовершенствованныхъ путей сообщенія. Инородческія племена Сибири, численность которыхъ (4.500,000 душъ) почти равняется численности русскаго населенія (около 4.800,000 душъ), и теперь находятся въ обособленномъ положеніи, пользуясь автономією во внутреннихъ распорядкахъ жизнью. Россію они знаютъ только по сношеніямъ съ русскими торговцами и промышленниками. Вліяніе русскаго элемента на инородческій крайне слабо, а въ наиболѣе сѣверныхъ широтахъ Сибири опо даже совсѣмъ подавляется чуждыми племенными свой-

ствами туземцевъ, смѣшивающихся путемъ брака съ русскимъ населеніемъ. Органическая связь Сибири съ Россіей ничтожна и поддерживается, главнымъ образомъ, ежегоднымъ притокомъ свѣжихъ народныхъ силъ въ лицѣ переселенцевъ. Шагъ за шагомъ пробираются они въ глубь страны, не страшась трудной борьбы съ природой Сибири, и незамѣтно, исподволь исполняютъ для государства ту кропотливую и важную работу, которая, въ концѣ-концовъ, приведетъ къ образованію одного сплоченнаго и сильнаго своими кровными связями національнаго ядра. Правительство давно сознало возможность этой колонизаціонной работы русскаго народа на дальнемъ Востокѣ и способствуетъ ей по мѣрѣ возможности, направляя ссылку и свободное переселеніе крестьянъ въ Сибирь.

Свободная колонизанія Сибири въ настоящемъ ея положеніи представляетъ страницу, интересъ которой невольно останавливаетъ на себѣ вниманіе каждаго. Вызываемая малоземельемъ и безземельемъ, колонизація эта направляется въ Сибирь частью моремъ на судахъ добровольнаго флота, частью по территоріи имперіи, пользуясь внутренними рѣчными и желѣзнодорожными путями сообщенія и грунтовыми дорогами. Колонизаціонное движеніе, идущее моремъ, направляется исключительно въ Южно-Уссурійскій край, правильнымъ заселеніемъ котораго такъ озабочено въ послѣднее время само правительство ради обезпеченія и укрѣпленія русскою народностью нашихъ границъ со стороны Китая. Китай, какъ извѣстно, давно уже заявляетъ претензіи на наши пріобрѣтенія по рѣкамъ Амуру и Уссури. Онъ укрѣпляетъ пограничную съ означенными рѣками линію сооруженіемъ крѣпостей и образованіемъ многочисленныхъ китайскихъ поселеній, продвигающихъ нерѣдко свои аванпосты и до самой нашей границы. Опасность мирнаго захвата пограничныхъ владѣній со стороны китайскихъ манзъ слишкомъ велика, чтобы въ поощряемой правительствомъ колонизаціи не видѣть, прежде всего, политическихъ цѣлей. Но, благодаря ограниченности территоріи Южно-Уссурійскаго края, особымъ условіямъ передвиженія моремъ и дороговизнѣ послѣдняго, обходящагося средней семьѣ съ продовольствіемъ въ пути до 450 р., направленіе эмиграціи въ этотъ край далеко не такъ доступно и извѣстно массѣ крестьянства, какъ по исторически проложенному пути черезъ Тюмень за Уралъ.

Въ южно-уссурійскомъ переселеніи участвуетъ сравнительно незначительное число переселяющихся, почему переселеніе это обставлено несравненно лучше и со стороны правительственнаго надзора и помощи переселенцамъ. Выборъ переселенцевъ изъ внутреннихъ губерній Россіи для отправки моремъ въ Южно-Уссурійскій край предоставленъ министру внутреннихъ дѣлъ, въ распоряженіе котораго отпускается каждогодно на воспособленіе южно-уссурійскому переселенію по 120 т. руб., расходуемыхъ на выдачу ссудъ нуждающимся своекоштнымъ переселенческимъ семьямъ, по прибытіи ихъ въ край, и на удовлетвореніе прочихъ нуждъ, связанныхъ съ водвореніемъ крестьянъ на мѣстахъ. Ссуды нуждающимся переселенческимъ семьямъ, прибывшимъ во Владивостокъ на свои средства, выдаются въ размѣрѣ

до 600 р. на каждую семью, идущихъ, главнымъ образомъ, на домоустройство и обзаведеніе на мѣстахъ водворенія. Пособія на передвиженіе не допускаются, такъ какъ въ интересахъ наиболѣе прочной и успѣшной колонизаціи края и въ видахъ уменьшенія затратъ со стороны казны признано было необходимымъ вести дѣло заселенія Южно-Уссурійскаго края только путемъ содѣйствія своекоштному переселенію. Лишь въ крайнемъ случаѣ, когда на судахъ добровольнаго флота остаются свободными переселенческія мѣста, разрѣшается переселеніе и менѣе состоятельнымъ семьямъ, требующимъ на свое домоустройство пособій отъ правительства. Поощряя переселеніе сравнительно состоятельнаго класса крестьянъ, правительство тѣмъ самымъ сохраняетъ въ резервѣ значительный запасъ средствъ, которыя идутъ на удовлетвореніе другихъ нуждъ, вызываемыхъ водвореніемъ переселенцевъ въ краѣ, какъ на устройство въ селеніяхъ церквей, школъ, проведеніе колесныхъ дорогъ и т. п.

Отправка переселенцевъ моремъ изъ Одессы происходитъ обыкновенно съ весенними и осенними рейсами пароходовъ. По прибытіи во Владивостокъ, переселенцы поступаютъ въ вѣдѣніе особаго переселенческаго управленія, учрежденнаго въ 1883 г., на обязанности котораго лежитъ вся забота о прибывшихъ переселенцахъ и устройство ихъ быта на мѣстахъ. Съ 1883 года по 1891 годъ прибыло и водворилось всѣхъ переселенцевъ 2,416 семей, состоявшихъ изъ 15,358 душъ обоего пола. Въ этомъ переселеніи участвовали преимущественно крестьяне Черниговской и Полтавской губерній, какъ оказавшіеся наиболѣе пригодными для заселенія Южно-Уссурійскаго края. Изъ прочихъ губерній число выходцевъ не превышаетъ 50 семей. Водвореніе переселенцевъ шло, главнымъ образомъ, въ пограничной съ Манджуріей линіи, т.-е. въ сѣверо-западной части края, располагаясь особыми, обыкновенно вновь образуемыми поселеніями по рѣкамъ Суйфуну и Сучану и по восточному побережью озера Ханки и восходя къ сѣверу до р. Сунгари, гдѣ поселенія эти связываются съ линіей козачьихъ станицъ южно-уссурійскаго полубаталіона. Въ порядкѣ отвода земель, распредѣляемыхъ особыми межевыми чинами, и въ пользованіи извѣстными льготами южно-уссурійскіе переселенцы подчиняются дѣйствію законовъ 26 марта 1861 г. и 1 іюня 1882 г. По этимъ законамъ они получаютъ въ надѣлъ по 15 дес. удобной земли на каждую наличную мужского пола душу и не свыше 100 дес. на семью съ правомъ установленія, по взаимному между собой соглашенію, общиннаго или подворнаго владѣнія, сверхъ того, освобождаются, въ теченіе первыхъ пяти лѣтъ со времени водворенія, отъ всѣхъ государственныхъ податей и повинностей, кромѣ общественныхъ, и отъ воинской повинности въ теченіе 10 наборовъ.

Отсюда видно, что организація переселенія крестьянъ въ Южно-Уссурійскій край, благодаря особымъ заботамъ правительства, поставлена бол[illegible] или менѣе удовлетворительнымъ образомъ. Не то впечатлѣніе получает[illegible] отъ переселенія крестьянъ, двигающихся черезъ Уралъ. Здѣсь остается е[illegible] много невыясненнаго, случайнаго, неопредѣленнаго, что иногда роковы[illegible]

образомъ отражается на судьбѣ переселяющихся. Достаточно указать на то, что въ дѣлѣ заселенія огромной территоріи Сибири до сихъ поръ не установлено объединяющаго начала, которымъ бы руководились правительство и администрація въ порядкѣ разрѣшенія ходатайствъ о переселеніи, отвода земли и установленія льготъ для переселяющихся. Амурскіе переселенцы, наприм., подчиняются дѣйствію вышеупомянутаго закона 26 марта 1861 г., предоставляющаго переселенцамъ тѣ же льготы, что и въ Южно-Уссурійскомъ краѣ, но безъ пособія отъ правительства; при этомъ порядокъ разрѣшенія ходатайствъ о переселеніи принято вести путемъ непосредственныхъ сношеній администраціи Приамурскаго края съ администраціей внутреннихъ губерній Россіи безъ посредства министерствъ. Въ территоріи Иркутскаго генералъ-губернаторства въ порядкѣ отвода земли переселенцамъ и въ дѣлѣ устройства послѣднихъ еще два-три года назадъ примѣнялся уставъ о благоустр. въ каз. сел., когда переселенцы получали пятнадцатидесятинный надѣлъ на ревизскую душу съ прибавкою 6 дес. на прибылое и ссыльное населеніе и когда при водвореніи ихъ на новыхъ мѣстахъ не дѣлалось особеннаго различія, пришли ли они съ предварительнаго разрѣшенія правительства, или нѣтъ. Практикою дѣла установленъ былъ принципъ одинаковаго отношенія къ категоріямъ разрѣшенныхъ и неразрѣшенныхъ переселенцевъ, лишь бы послѣдніе имѣли при себѣ увольнительныя отъ старыхъ обществъ свидѣтельства. Только за послѣднее время, когда высочайшимъ повелѣніемъ 20 іюня 1892 года дѣйствіе закона 13 іюля 1889 г. было распространено и на Восточную Сибирь, система эта была оставлена и замѣнена порядкомъ, существующимъ на казенныхъ земляхъ Западной Сибири и степныхъ областей. Въ заселеніи послѣднихъ земель проведена наиболѣе строгая регламентація, установленная закономъ 13 іюля 1889 г. Для переселенія и водворенія на казенныхъ земляхъ Западной Сибири, а въ настоящее время и Восточной требуется предварительное разрѣшеніе министерствъ внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ, обусловливаемое наличностью свободныхъ переселенческихъ участковъ, для заготовки которыхъ организованъ спеціальный отрядъ межевыхъ чиновъ. Переселенцы, по прибытіи на мѣсто, получаютъ земельный надѣлъ по числу наличныхъ душъ мужского пола въ семьѣ въ пятнадцатидесятинной пропорціи и хотя не пользуются правомъ полученія пособія на обзаведеніе, но, согласно ст. 12 помянутаго закона, могутъ получать ссуды на продовольствіе и обсѣмененіе полей на основаніяхъ, установленныхъ для мѣстныхъ крестьянъ. Затѣмъ означеннымъ переселенцамъ предоставляются извѣстныя льготы, заключающіяся въ отсрочкѣ воинской повинности на три года и въ освобожденіи на этотъ же срокъ отъ всѣхъ податей и повинностей, причитающихся казнѣ за отведенный надѣлъ, и въ уплатѣ послѣднихъ въ послѣдующіе три года въ половинномъ размѣрѣ.

Распространенный въ настоящее время на огромнѣйшую часть Сибири отъ Урала до Байкальскаго озера переселенческій законъ 13 іюля 1889 г., однако, не коснулся важнѣйшей въ колонизаціонномъ отношеніи террито-

ріи Алтайскаго округа, составляющей земельную собственность Кабинета Его Величества и обнимающей собою всю среднюю и южную часть Томской губерніи. Въ дѣлѣ земельнаго устройства переселенцевъ здѣсь, попрежнему, примѣняется принципъ свободнаго отношенія къ заселенію пустующихъ земель разрѣшенными или самовольными переселенцами, лишь бы послѣдніе имѣли при себѣ увольненіе отъ старыхъ обществъ и водворялись на свободныхъ, заранѣе обмежеванныхъ участкахъ земли съ предварительнаго на то разрѣшенія со стороны земельнаго управленія Алтайскаго округа. Ни льготъ въ отбываніи податей и повинностей, ни пособій на обзаведеніе переселенцы Алтайскаго округа не получаютъ. Далѣе, отдѣльною территоріей въ колонизаціонномъ отношеніи на указанномъ пространствѣ Сибири стоитъ Тургайская область. Несмотря на каждогодное вселеніе туда крестьянъ, она до сего времени является какъ бы изъятою изъ вѣдѣнія всѣхъ законовъ и распоряженій о переселеніи; поэтому новоселы тамъ представляютъ изъ себя какой-то совершенно случайный элементъ, самовольно садящійся въ качествѣ сомнительныхъ арендаторовъ на киргизскихъ земляхъ и образующій свои поселки по р. Тоболу около г. Николаевска или такъ называемаго Кустоная. Оренбургская губернія, Зауралье которой по территоріи входитъ скорѣе въ составъ Сибири, въ отношеніи порядка заселенія подлежитъ также дѣйствію закона 13 іюля.

Таковы основныя начала о переселеніяхъ, примѣняемыя къ Сибири въ настоящее время. Изъ обзора ихъ не трудно убѣдиться, что, благодаря различію этихъ началъ, дѣйствующихъ на всемъ протяженіи Сибири, крестьяне иногда совершенно теряются, когда, предполагая переселиться, начнутъ уяснять себѣ условія и порядокъ этого переселенія въ ту или иную область Сибири. Сама администрація внутреннихъ губерній Россіи и Сибири различно толкуетъ порядокъ своего отношенія къ переселеніямъ крестьянъ, то допуская его, то безусловно запрещая на основаніи ограничительныхъ мѣръ, предусматриваемыхъ закономъ 13 іюля о самовольныхъ переселенцахъ на казенныя земли, хотя бы крестьяне направлялись въ мѣстности, стоящія внѣ дѣйствія этого закона, или бы шли въ Сибирь по пріемнымъ приговорамъ для приписки къ мѣстнымъ сельскимъ обществамъ. Въ порядкѣ самаго разрѣшенія переселенія на казенныя земли Сибири по закону 13 іюля 1889 г. замѣчается примѣненіе начала, если не прямо противуположнаго системѣ, принятой въ южно-уссурійскомъ переселеніи, то, по крайней мѣрѣ, мало согласуемаго съ нею. Установленный еще закономъ 10 іюня 1881 г. порядокъ разрѣшенія переселенія лицамъ, «коихъ экономическое положеніе къ тому вынуждаетъ», видимо не потерялъ своей силы и послѣ изданія позднѣйшаго закона, умалчивающаго объ этомъ опредѣленіи. Эт[о] способствуетъ переселенію за Уралъ преимущественно малоимущей и бѣ[д]нѣйшей части крестьянъ, такъ какъ условіе, чтобы переселяющіеся обл[а]дали необходимыми средствами, по крайней мѣрѣ, на передвиженіе и н[е] нуждались въ пути, въ дѣйствительности мало выполняется. Такимъ обра-зомъ, въ южно-уссурійскомъ переселеніи участвуютъ люди съ достаткомъ,

готовые тотчасъ же, по прибытіи на мѣсто, приняться за хозяйство, а здѣсь разрѣшенные переселенцы большею частью представляютъ изъ себя среду, которая, по достиженіи Тюмени или Томска, является толпою, нерѣдко лишенною всякихъ средствъ къ существованію. Средства же, отпускаемыя казною на зауральское переселеніе, превосходящее южно-уссурійское въ 20—30 слишкомъ разъ, равняются всего 80 тысячамъ рублей въ годъ.

Передвиженія крестьянъ за Уралъ совершаются по тремъ главнымъ трактамъ, исходными пунктами которыхъ являются Тюмень, Оренбургъ и Златоустъ. По количеству переселенцевъ, проходящихъ означенные пункты, первое мѣсто занимаетъ Тюмень, связанная, съ одной стороны, желѣзнодорожнымъ путемъ съ Россіей, а съ другой—воднымъ путемъ съ главнымъ центромъ вселенія крестьянъ, съ Томскою губерніей. За послѣднія пять лѣтъ, о которыхъ имѣются точныя свѣдѣнія, черезъ Тюмень прошло 28,007 семей переселенцевъ, направлявшихся изъ Россіи въ Сибирь; черезъ Оренбургъ за то же время прошло 6,907 семей и черезъ Златоустъ 1,508 семей. И такъ, путь черезъ Тюмень является главными магистральными воротами, черезъ которыя проходитъ переселенческая волна въ Сибирь. Подводя итоги этому движенію, мы найдемъ, что съ 1887 по 1891 г. всѣхъ переселенцевъ, какъ разрѣшенныхъ, такъ и самовольныхъ, прошло въ Сибирь и Зауралье Оренбургской губ. 36,422 семьи, въ составѣ 217,895 душъ обоего пола, т.-е. на каждый годъ въ среднемъ свыше 43 тыс. душъ. Самовольные переселенцы въ этомъ числѣ занимали преобладающее мѣсто, превосходя численностью своею разрѣшенныхъ переселенцевъ почти въ 3—4 раза. Въ этомъ движеніи за Уралъ участвовала, за малыми исключеніями, почти вся Европейская Россія, въ составѣ 54 губерній, откуда выходили переселенцы. Но преимущественную цифру переселившихся дали губерніи малороссійскія, приволжскія, юго-средней степной полосы Россіи и сѣверо-востока. Въ ряду этихъ губерній особенно выдѣляется Курская, на которую падаетъ свыше 35% всего числа переселившихся. Полтавская, Тамбовская и Вятская дали отъ 8 до 15% каждая.

Что касается направленія переселенческаго движенія, то оно, главнымъ образомъ, идетъ въ Томскую губернію, оставляя на всѣ прочія губерніи и области Сибири менѣе половины всей цифры переселенцевъ. Выражая это движеніе въ процентномъ отношеніи, мы найдемъ, что въ Томскую губ. прошло около 60% всѣхъ переселенцевъ, въ томъ числѣ на земли Кабинета до 45%, въ губернію Тобольскую до 5% и по стольку же въ Восточную Сибирь (преимущественно въ Енисейскую губ.) и Приамурскій край; ъ степныя области и Туркестанскій край до 14% и въ Зауралье Оренургской губерніи и Тургайскую область до 11%. Изъ географическихъ унктовъ водворенія переселенцевъ главнѣйшіе пріурочиваются къ слѣдуощимъ районамъ областей и губерній Сибири: въ Зауралье Оренбургской уберніи и Тургайской области преимущественными мѣстами вселенія слуꙗать сѣверные уѣзды: Челябинскій, Троицкій и Николаевскій; въ Степномъ

краѣ области Семирѣчинская и Акмолинская; въ Тобольской губерніи округи Курганскій и Тюкалинскій, въ Томской—для казенныхъ земель—округи Каинскій, Томскій и Маріинскій и для земель Кабинета—степная полоса, огибающая юго-западную окраину Барнаульскаго и Бійскаго округовъ; въ Восточной Сибири Енисейская губернія съ округами Ачинскимъ и Минусинскимъ и въ Амурской области мѣстности, расположенныя по притокамъ Амура, Зеѣ и Буреѣ.

Переходя за Уралъ, переселенцы, главнымъ образомъ, осѣдаютъ на свободныхъ участкахъ, заранѣе заготовляемыхъ для этой цѣли межевыми чинами. Приписка къ старымъ обществамъ хотя и случается у переселяющихся, но, благодаря ея дороговизнѣ, доходящей, наприм., въ Томской губ. до 50—75 р. съ каждой семьи, значительно уступаетъ первому способу водворенія. На земляхъ Кабинета число водворяющихся въ старыхъ обществахъ не превышаетъ 20—25%, а на казенныхъ земляхъ Томской губерніи 10%. По Енисейской губерніи, гдѣ пріемная плата въ сельскихъ обществахъ значительно ниже, достигая лишь 10—15 р., и гдѣ за бывшимъ отсутствіемъ спеціальнаго отряда межевыхъ чиновъ, существующаго на земляхъ Кабинета и казны въ Западной Сибири, предварительная заготовка участковъ производилась рѣдко, приселеніе къ обществамъ даетъ болѣе значительный процентъ. Къ тому же, и самые участки свободной земли составляютъ тамъ нерѣдко лишь излишекъ земельныхъ угодій въ старожильскихъ селеніяхъ, обязанныхъ потому пріемомъ новыхъ членовъ безвозмездно. Свободными участками переселенцы обыкновенно пользуются и при водвореніи въ степныхъ областяхъ и Приамурскомъ краѣ. Въ Оренбургской губерніи, за малопригодностью казенныхъ земель подъ поселеніе, водвореніе переселенцевъ происходитъ, главнымъ образомъ, на частно-владѣльческихъ и башкирскихъ земляхъ съ образованіемъ новыхъ поселеній и хуторовъ. Переселенцамъ въ Сибири обыкновенно предоставляется право свободнаго выбора мѣста подъ поселеніе путемъ личнаго осмотра участковъ или чаще всего черезъ уполномоченныхъ, ходоковъ. Послѣдняя форма предварительныхъ развѣдокъ земель и исходатайствованія ихъ подъ водвореніе примѣняется особенно въ мѣстностяхъ, на которыя не простирается дѣйствіе закона 13 іюля 1889 г.

Переселенческое движеніе, повторяясь періодически изъ года въ годъ, совершается обыкновенно въ лѣтнее время. Зимнія передвиженія рѣдки. Съ открытіемъ навигаціи по Волгѣ, почти каждый пароходъ увозитъ въ далекую Сибирь сотни семей переселенцевъ. Усиленное движеніе переселенцевъ замѣчается особенно весной, когда въ Тюмени, за позднимъ открытіемъ навигаціи по рѣкамъ Западной Сибири, скопляется ихъ до 10—20 и болѣе тысячъ. Въ серединѣ лѣта движеніе это какъ бы ослабѣваетъ, чтобы къ осени снова принять болѣе значительные размѣры. Путь свой отъ Оренбурга и Златоуста переселенцы совершаютъ на конныхъ подводахъ, пользуясь главнымъ трактомъ, ведущимъ на Петропавловскъ и Омскъ. Отъ Тюмени же они обыкновенно слѣдуютъ пароходами по р. Оби до Томска

Барнаула и по р. Иртышу до Омска и Семипалатинска. Сухопутное движеніе отъ Тюмени подводами также значительно и по размѣрамъ едва ли уступаетъ рѣчному, объясняясь, главнымъ образомъ, недостаткомъ помѣщенія въ переселенческихъ баржахъ и малочисленностью пароходныхъ рейсовъ особенно по Иртышу. Отъ Томска переселенцы, слѣдующіе далѣе къ своимъ участкамъ или въ Енисейскую губ. и на Амуръ, также снаряжаютъ конныя подводы, на которыхъ при движеніи на Амуръ они доходятъ до Читы и Срѣтенска и плывутъ затѣмъ по Амуру обыкновенно на плотахъ до г. Благовѣщенска. Весь путь до Томска переселенцы, выходящіе изъ среднихъ и южныхъ губерній Россіи и слѣдующіе черезъ Тюмень по рѣкѣ Оби, совершаютъ не менѣе, какъ въ мѣсяцъ времени, расходуя на дорогу и на продовольствіе въ среднемъ по 25 р. на взрослаго человѣка и по 7 р. на малолѣтка. Такою сравнительною дешевизной пути переселенцы обязаны установленію съѣздовъ представителей желѣзныхъ дорогъ въ 1890 г. особаго переселенческаго тарифа, по которому плату за провозъ переселенцевъ положено взимать по всѣмъ желѣзнымъ дорогамъ Имперіи со скидкою 75%, а дѣтей до 10 лѣтъ провозить совершенно безплатно. Амурскіе переселенцы достигаютъ Благовѣщенска только позднею осенью, въ концѣ августа и началѣ сентября, проводя въ пути до четырехъ мѣсяцевъ и расходуя на передвиженіе и продовольствіе, считая съ покупкою лошадей въ Томскѣ и пріобрѣтеніемъ плота въ Читѣ (партіей), въ среднемъ до 350 р. съ семьи.

Для ближайшаго наблюденія за движеніемъ переселенцевъ и оказанія имъ необходимаго содѣйствія во время слѣдованія къ мѣстамъ водворенія въ главныхъ центрахъ движенія и остановокъ въ пути учреждены особыя правительственныя агентуры, состоящія изъ чиновниковъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Постоянными мѣстами ихъ пребыванія служатъ въ настоящее время по Сибири города Томскъ и Тюмень и по хребту Урала—Оренбургъ и Златоустъ. Эти агенты министерства заботятся по возможности объ удовлетвореніи всѣхъ неотложныхъ нуждъ переселенцевъ путемъ поданія имъ медицинской помощи, выдачи денежныхъ пособій на продовольствіе и снаряженіе въ дальнѣйшую дорогу, указанія мѣстъ водворенія и содѣйствія къ этому водворенію и т. п. Но чиновники эти, при всемъ ихъ несомнѣнномъ значеніи для переселенцевъ, лишены, однако, возможности удовлетворять всѣмъ нуждамъ и потребностямъ переселяющихся, особенно въ дѣлѣ оказанія имъ матеріальной помощи. Тѣ скромныя средства, которыя отпускаются казною въ распоряженіе ихъ, далеко не въ состояніи покрывать иногда самые необходимые и неотложные расходы по удовлетворенію первыхъ потребностей переселенцевъ, которыхъ собственныя средства истощены. Поэтому во многихъ городахъ Сибири на ряду съ правительственною дѣятельностью такихъ чиновниковъ стали открываться, по иниціативѣ мѣстной администраціи и обществъ, частные благотворительные комитеты для оказанія помощи нуждающимся переселенцамъ. Подобные комитеты существуютъ сейчасъ въ городахъ Тюмени, Томскѣ, Иркутскѣ и Читѣ.

Но скромная помощь правительства и еще болѣе скромная—частной благотворительности только и достигаютъ того, что переселенцы, по прибытіи въ пункты, гдѣ организована указанная помощь, могутъ разсчитывать на безплатный пріютъ въ баракахъ, поданіе медицинской помощи, даровое продовольствіе, въ случаѣ полной нищеты, и скудное снаряженіе въ дальнѣйшую дорогу. О томъ, какая судьба постигаетъ переселенцевъ въ пути и на новыхъ мѣстахъ, куда они пріѣзжаютъ нерѣдко безъ копѣйки въ карманѣ и на чужихъ наемныхъ подводахъ, о томъ весьма мало извѣстно. Для того, чтобы такіе переселенцы могли устроиться и сразу встать на ноги, а не вынуждены были закабалять свой трудъ и себя на долгіе годы въ чужую работу, необходимы средства гораздо болѣе значительныя, чѣмъ тѣ, которыя отпускаются казною на удовлетвореніе первыхъ потребностей переселенцевъ. Данныя переселенческой статистики показываютъ, что изъ переселенцевъ, прибывающихъ каждогодно въ Томскъ, только до 30—35% располагаютъ въ достаточной степени собственными средствами на дальнѣйшее передвиженіе и устройство на мѣстахъ; затѣмъ отъ 35 до 40% имѣютъ средства лишь для передвиженія къ мѣстамъ водворенія и, наконецъ, отъ 25 до 30% лишены средствъ не только къ дальнѣйшему передвиженію, но даже нерѣдко и къ пропитанію себя. Такимъ образомъ, оказывается, что изъ числа переселенцевъ, приходящихъ въ Томскую губ. и слѣдующихъ далѣе на Востокъ, насчитывается, по крайней мѣрѣ, до 60—65% такихъ, которые нуждаются въ средствахъ на обзаведеніе. Если допустить, что процентъ имущественной состоятельности переселяющихся одинаковъ для всѣхъ пунктовъ водворенія, то при ежегодной цифрѣ выселенія въ Сибирь и Оренбургскую губ. въ 7,000 семей окажется, по прибытіи на мѣста водворенія, свыше 4,000 семей, нуждающихся въ пособіяхъ на обзаведеніе. Обзаведеніе же это, по среднему разсчету и при условіи казеннаго отпуска лѣса на постройку избъ, обойдется по Западной Сибири не менѣе, какъ въ 100—125 руб. на семью, причемъ будетъ пріобрѣтено лишь самое необходимое для устройства крестьянскаго хозяйства.

Ни казна, ни Кабинетъ не отпускаютъ денежныхъ средствъ въ потребномъ размѣрѣ на это обзаведеніе, не собираютъ ихъ и всѣ существующіе въ Россіи благотворительные комитеты для переселенцевъ. Крестьяне, по прибытіи на новыя мѣста, поставлены поэтому въ необходимость сами изыскивать себѣ средства къ существованію. Такими средствами служатъ, главнымъ образомъ, заработки у мѣстныхъ крестьянъ, заключающіеся въ поденныхъ или срочныхъ полевыхъ работахъ по найму. Работы эти, особенно при батрачномъ трудѣ, весьма часто носятъ характеръ простыхъ отработковъ за купленный у старожиловъ хозяйственный инвентарь и отличаются всѣми признаками подневольнаго труда, когда каждый предметъ хозяйства отрабатывается переселенцемъ почти вдвое противъ номинальной стоимости его. Почти всѣ переселенцы, пришедшіе въ Сибирь безъ средствъ, испытываютъ эту общую участь задолженности старожиламъ и непосильныхъ отработковъ. Весьма немногіе изъ нихъ въ первый же годъ по при-

ходѣ успѣваютъ приступить къ собственному хозяйству, засѣвая 1/4—1/2 дес. земли озимымъ хлѣбомъ. Остальные ожидаютъ весны, разсчитывая зимою поправиться къ посѣву хлѣбовъ. Но приходитъ зима, полная лишеній для переселенческой семьи, ютящейся часто въ сырой землянкѣ или на задворкахъ старожильскаго дома, а новоселъ на весну, все-таки, не успѣваетъ обзавестись всѣмъ необходимымъ, нуждаясь то въ лошади, то въ хлѣбномъ зернѣ, и за всѣми такими нужными предметами онъ опять обращается къ старожилу, чтобы изъ оплаты предстоящихъ полевыхъ работъ или будущаго урожая отдать ему львиную долю. Только через три-пять лѣтъ неимущій переселенецъ начинаетъ нѣсколько оправляться отъ нужды и можетъ считать свое дальнѣйшее, хотя и весьма скромное, хозяйство упроченнымъ. Это удается, однако, при условіи, что семья способна выставить къ труду, по крайней мѣрѣ, 2—3 взрослыхъ мужскихъ и женскихъ работниковъ,—число, которое можно принять за норму для уральскихъ переселенцевъ, при среднемъ составѣ ихъ семей въ 6 человѣкъ. Въ противномъ случаѣ пройдутъ долгіе годы непосильнаго труда и заботъ для переселенца, пока онъ не выбьется на дорогу самостоятельнаго хозяйства или не сломитъ свои силы въ тяжелой борьбѣ съ нуждой, окончательно подтачивающей его энергію и здоровье и гонящей назадъ изъ Сибири.

Недостатокъ средствъ для устройства на мѣстѣ — это почти обычная причина, изъ-за которой переселенцы совершаютъ 3 — 5 тыс. обратныхъ верстъ, тащась на свою родину. Но не одна нужда гонитъ переселенцевъ изъ Сибири; гонятъ ихъ и особенности земельныхъ распорядковъ, встрѣчаемыхъ тамъ, гонитъ и сибирскій крестьянинъ, и подчасъ непривычный особенно для нашего малоросса климатъ Сибири. Межеваніе земель въ Сибири происходило не повсемѣстно,—гдѣ коснулось оно, гдѣ нѣтъ *). Въ этомъ отношеніи Западной Сибири посчастливилось болѣе передъ Восточною, хотя здѣсь съемка на планъ мѣстностей производилась въ очень старыя времена. Планы генеральнаго межеванія земель Алтайскаго округа, наприм., относятся къ началу и срединѣ текущаго столѣтія. Въ настоящее время подъ вліяніемъ безпрерывной колонизаціи, быстро измѣняющей карту населенныхъ мѣстъ Сибири, такіе планы, да, притомъ, снятые старыми сибирскими межевщиками, едва ли могутъ годиться на что-либо иное, кромѣ сдачи въ архивъ. Поэтому въ межевомъ отношеніи Сибирь оказалась далеко неподготовленною къ встрѣчѣ цѣлыхъ тысячъ переселенцевъ. Чтобъ удовлетворить хотя первымъ потребностямъ водворенія въ Западной Си-

*) Въ Сибири производилась въ разное время лишь военно-топографическая съемка земель, межеванія же въ строгомъ смыслѣ въ областяхъ и губерніяхъ не было, если не считать межеванія козачьихъ земель, производившагося по Восточной и Западной Сибири. Начиная съ 40-хъ годовъ и до послѣдняго времени по всѣмъ округамъ Западной Сибири и частью Восточной производится съемка на планъ мѣстностей, въ Амурской области ведутся также подобнаго рода работы, но какой онѣ носятъ характеръ тамъ, неизвѣстно. Степныхъ областей также коснулась лишь военно-топографическая съемка.

бири при помощи особо организованнаго переселенческаго отряда межевыхъ чиновъ, началось частичное вымежеваніе участковъ изъ казенныхъ дачъ. Дачи же нерѣдко оказывались покрытыми цѣлою сѣтью самовольныхъ хуторовъ и заимокъ мѣстныхъ крестьянъ или состояли въ арендномъ пользованіи послѣднихъ. Отсюда прямымъ слѣдствіемъ водворенія переселенцевъ на такихъ участкахъ являлись крупныя недоразумѣнія и споры между старожилами и переселенцами, нерѣдко оканчивавшіеся недопущеніемъ послѣднихъ до пользованія отведенною землей, впредь до истеченія срока аренднаго контракта или нарушенія его казною. И переселенцы садились и ждали, пока нарушатъ этотъ контрактъ, не смѣя ни пахать, ни сѣять на отведенномъ имъ въ надѣлъ мѣстѣ и терпѣливо смотря, какъ уходящіе арендаторы въ отместку за нарушеніе правъ ихъ пользованія обезцѣниваютъ участокъ, лишая его лѣса и истощая почву. Въ торопливой поспѣшности скорѣйшаго вымежеванія участковъ, въ виду надвигающихся переселенцевъ, съ другой стороны, часто не обращалось должнаго вниманія на ихъ качества и пригодность къ заселенію, и переселенцы, придя на заготовленный и предназначенный имъ участокъ, убѣждались, что они попали или въ лѣсную тайгу—кочковатую, болотистую низину, или маловодную степь. Переселенческій отрядъ межевыхъ чиновъ, сосредоточенный въ г. Омскѣ для нарѣзки участковъ казенной земли по Западной Сибири и степнымъ областямъ, въ то же время, отнюдь не можетъ похвалиться избыткомъ или даже достаточностью своихъ силъ и рѣдко отвѣчаетъ требованіямъ минуты, заставляя переселенцевъ ожидать иногда въ теченіе цѣлыхъ недѣль отвода земли въ натурѣ и вынуждая ихъ стоять лагеремъ около назначеннаго мѣста и подвергаться всѣмъ послѣдствіямъ непогоды и подчасъ безъисходной нужды. Поэтому, за недостаткомъ готовыхъ участковъ, переселенцамъ иногда указывались такія мѣста для водворенія, которыя значились когда-то свободными еще по планамъ шестидесятыхъ годовъ и которыя въ дѣйствительности были заняты хуторами заимщиковъ или даже цѣлыми поселеніями ихъ.

Положеніе межевого дѣла нисколько не лучше и на землѣ Кабинета Его Величества, гдѣ въ распоряженіи земельнаго управленія находится также цѣлый штатъ межевыхъ чиновъ, занимающихся, между прочимъ, и заготовкой переселенческихъ участковъ. Достаточно указать на то, что Алтайскій округъ даже и въ ряду прочихъ мѣстностей Сибири успѣлъ пріобрѣсти печальную извѣстность вслѣдствіе постоянныхъ земельныхъ неурядицъ, происходящихъ тамъ, и безконечныхъ споровъ о полевыхъ и сѣнокосныхъ угодьяхъ между самими старожилами. Переселенцевъ спасаетъ только то, что на юго-западной окраинѣ этого округа существуетъ масса пустующихъ степныхъ пространствъ, изъ которыхъ, главнымъ образомъ, и отводятся участки переселенцамъ. Хотя земли эти лишены воды и лѣса, но плодородны и къ заселенію ихъ не встрѣчается особенныхъ помѣхъ. Проточная вода замѣняется колодезною и на участкахъ, какъ по балкамъ нашего юга, дѣлаются запруды.

За сравнительною населенностью Томской и Тобольской губ. въ районахъ, гдѣ идетъ водвореніе переселенцевъ, богатый запасъ пустующихъ земель для колонизаціи представляютъ степныя области, но, благодаря долго существовавшему взгляду у областной администраціи на вредъ этой колонизаціи для кочевого киргизскаго населенія, рискующаго будто бы лишиться своего приволья, къ правильной нарѣзкѣ участковъ и отводу земель переселенцамъ тамъ не приступалось до послѣдняго времени. Хотя закономъ 13 іюля 1889 г. области эти и были включены въ разрядъ заселенныхъ земель, но колонизація туда, за незаготовкою участковъ, не допускается и по сію пору. На Амурѣ и въ Восточной Сибири спеціальныхъ отрядовъ межевыхъ чиновъ для отвода переселенческихъ участковъ не образовано, а существуютъ, какъ въ Енисейской губ., по старымъ основаніямъ въ распоряженіи казенныхъ палатъ землемѣры, которые при случаѣ и отводятъ переселенцамъ участки, на основаніи указанія о свободности ихъ со стороны самихъ переселенцевъ и удостовѣреніи о томъ чиновъ земской полиціи. Поэтому отводъ участковъ переселенцамъ тамъ или, по крайней мѣрѣ, въ Енисейской губ., благодаря сохранившейся системѣ первобытной организаціи межевыхъ работъ, тянется иногда по нѣскольку лѣтъ, правда, при томъ одномъ облегчающемъ положеніе переселенцевъ условіи, что имъ обыкновенно не возбраняется занятіе и пользованіе свободнымъ участкомъ и до отвода его.

Переселенцы, идя въ Сибирь, совсѣмъ не представляютъ себѣ, какая дѣйствительность ожидаетъ ихъ на мѣстѣ. Нерѣдко они разсчитываютъ, что найдутъ тамъ и наилучшія естественныя условія жизни, и даже устроенныя казной хозяйства, къ которымъ только остается приложить свой трудъ, но, къ сожалѣнію, имъ очень часто приходится жестоко разочаровываться: то участокъ попадется имъ въ видѣ обнаженной степи или кочковатой болотистой тундры, гдѣ хлѣбъ побивается морозомъ, то арендаторы или самовольные заимщики не допускаютъ до пользованія участкомъ, то замедляется отводъ участка межевыми чинами. Поэтому нерѣдко такіе переселенцы, приглядѣвъ въ старожильскихъ селеніяхъ подходящія земли и разсчитавъ, что такія они врядъ ли найдутъ на свободныхъ участкахъ, начинаютъ проситься къ старожиламъ въ приписку. Сговорившись уплатить за приписку по 50 руб. съ семьи, угостивъ общественниковъ и выдавъ имъ въ задатокъ оставшіяся отъ дороги свободныя деньги, обнадеженные и довольные своимъ устройствомъ на лучшихъ земляхъ, переселенцы начинаютъ строиться и обзаводиться хозяйствомъ. Проходитъ годъ, проходятъ два, условленныя деньги уплачиваются сполна обществу, а пріемнаго приговора все никакъ не дождутся новоселы, платя, въ то же время, за все обществу: и за землю, которую они берутъ подъ обработку, и за выпасъ скота, и за мѣсто, занятое ихъ строеніями, и отбывая, къ тому же, наравнѣ съ обществомъ всѣ повинности и подати, падающія на это общество. Проходятъ еще долгіе мѣсяцы и годы ожиданій, и новоселы, наконецъ, убѣждаются, что общество ихъ проводитъ, пользуясь ими только

какъ простою доходною статьей и будучи увѣрены, что они отъ своего жилья и хозяйства никуда не уйдутъ. Тогда начинаются со стороны послѣднихъ нескончаемыя жалобы и просьбы, обыкновенно остающіяся безъ всякаго результата для переселенцевъ, такъ какъ законъ (51 ст. общаго полож. о крест.) обусловливаетъ приписку къ обществу только добровольнымъ согласіемъ со стороны послѣдняго. Общества же на запросъ крестьянскихъ чиновниковъ по поступившимъ жалобамъ обыкновенно отвѣчаютъ отказомъ въ пріемѣ просителей, отрекаясь отъ своего даннаго слова о принятіи ихъ въ свою среду и отъ забранныхъ у нихъ денегъ на означенную цѣль. Переселенцы остаются вѣковать въ данномъ обществѣ, мирясь съ своимъ подневольнымъ положеніемъ вѣчныхъ данниковъ обществу, или, распродавъ свое хозяйство, уходятъ прочь. Черезъ-чуръ формальное отношеніе къ разбору подобныхъ жалобъ на произволъ обществъ со стороны большинства лицъ, вѣдающихъ крестьянское дѣло на мѣстѣ, еще болѣе способствуетъ тому, что въ Сибири насчитываются въ настоящее время цѣлыя тысячи семей переселенцевъ, испытывающихъ такую участь безправныхъ бобылей въ старожильскихъ селеніяхъ. Законъ 13 іюля 1889 г., имѣвшій, между прочимъ, въ виду устройство означенной группы переселенцевъ, также не разрѣшилъ этого существеннаго для нея вопроса. Введеніемъ обязательной приписки къ волостямъ и городамъ безъ земли всѣхъ переселенцевъ, не получившихъ пріемныхъ приговоровъ отъ обществъ, онъ предрѣшилъ лишь одну юридическую сторону дѣла, оставивъ вопросъ о поземельномъ устройствѣ ихъ открытымъ и положивъ тѣмъ самымъ основаніе къ образованію въ многоземельныхъ губерніяхъ Сибири многочисленнаго беземельнаго населенія.

Всѣ вышеуказанныя обстоятельства, вытекающія изъ факта несостоятельности приходящихъ въ Сибирь переселенцевъ, постановки земельнаго дѣла на мѣстѣ по связи съ другими побочными причинами, какъ сравнительною суровостью сибирскаго климата, розныю въ бытовыхъ собенностяхъ и складѣ жизни мѣстнаго населенія, наконецъ, просто тоскою по родинѣ, вызываютъ нерѣдко то, что переселенцы, поживъ нѣсколько мѣсяцевъ или лѣтъ въ Сибири, толпами возвращаются назадъ на родину. Обратное движеніе переселенцевъ—это прямо скорбная лѣтопись въ явленіи переселенія. Оборванная, обнищалая, измученная продолжительностью пути и лишенная въ дорогѣ до половины своихъ дѣтей, семья обратнаго переселенца движется въ Россію безъ надежды на будущее, побираясь дорогою Христовымъ именемъ. У нея нѣтъ ничего впереди. Надѣлъ ея сданъ въ общество, усадьба и скотъ проданы, и она движется обратно, только повинуясь слѣпому сознанію, что ей нужно бѣжать оттуда, отъ постигшихъ ее неудачъ. Если прямое движеніе переселенцевъ за Уралъ идетъ преимущественно черезъ Тюмень, то обратное, напротивъ, выбираетъ сухопутные тракты, гдѣ бы можно было идти своею подводой и разсчитывать на подаяніе придорожныхъ селянъ. Такимъ трактомъ для обратнаго движенія служитъ, главнымъ образомъ, путь на Оренбургъ, предпочитаемый

еще и по причинѣ его сравнительно южнаго положенія, дозволяющаго переселенцамъ двигаться до глухой поздней осени. Вся цифра обратнаго движенія, считая съ движеніемъ изъ Оренбургской губерніи, за 5 разсматриваемыхъ лѣтъ опредѣляется 5,033 семьи въ составѣ 24,935 душъ обоего пола, что составляетъ почти 14% всего прямого движенія по количеству приходящихъ семей переселенцевъ и что даетъ на каждый годъ около 1,000 семей или 5,000 душъ обоего пола. Черезъ Оренбургъ изъ того же числа прошло болѣе ⅔ переселенцевъ, а именно 3,417 семей. Достоинъ вниманія фактъ, что семейный составъ обратныхъ переселенцевъ, какъ видно изъ приведенныхъ цифръ, вмѣсто 6 душъ, составляющихъ семью прямыхъ переселенцевъ, падаетъ до 4,9 души обоего пола. Эту убыль семейнаго состава обратныхъ переселенцевъ надо прямо отнести къ господствующей среди нихъ смертности, благодаря претерпѣваемымъ лишеніямъ въ дорогѣ.

Итакъ, 14% всѣхъ переселяющихся Сибирь и Зауралье Оренбургской губерніи удаляютъ изъ себя, какъ негодный отбросъ. А какъ великъ процентъ тѣхъ, которые, лишившись всего, не имѣютъ даже возможности двинуться назадъ, обрекая себя на вѣчное положеніе безнадежныхъ бобылей и батраковъ въ старожильскихъ селеніяхъ, на снисканіе дневного пропитанія путемъ случайныхъ заработковъ въ городахъ и селеніяхъ, на постоянную перекочевку изъ общества въ общество въ тайной надеждѣ найти доброхотныхъ общественниковъ, которые бы приняли ихъ въ свою среду безъ взиманія установленной платы,—цифры о томъ не говорятъ; но надо полагать, что процентъ этотъ будетъ если не выше, то никакъ не ниже вышеуказаннаго.

Какъ извѣстно, крестьянское населеніе Россіи уже въ настоящее время насчитываетъ въ своей средѣ до 12 милл. безземельнаго и малоземельнаго населенія съ надѣломъ отъ ¼ до ½ дес. на душу, а населеніе это безпрерывно увеличивается, давая ежегодный приростъ, по крайней мѣрѣ, въ 200 т. душъ, при остающихся размѣрахъ того же землевладѣнія. Не страннымъ ли покажется послѣ этого фактъ такого сравнительно ничтожнаго числа выселяющихся въ Сибирь? Крестьянинъ нашъ словно чувствуетъ, что Сибирь еще не готова для принятія его, и онъ, обѣгая ее, толпами уходитъ на Кубань, чтобы занять непрочное положеніе арендатора казачьихъ земель, тысячами стекается на югъ въ наши новороссійскія степи для отхожихъ заработковъ или, наконецъ, прокладываетъ, какъ изъ губерній Царства Польскаго, дорогу въ далекую Америку. Въ этомъ нестройномъ движеніи по Россіи, исканіи заработковъ за тысячи верстъ на югѣ, бѣгствѣ на Кубань и въ Бразилію видно неудержимое желаніе народныхъ массъ найти выходъ своему стѣсненному положенію. Задача правительства—помочь имъ найти этотъ выходъ, дабы народная масса не проложила его въ ложномъ направленіи и въ ущербъ своимъ и государственнымъ интересамъ. Содѣйствуя крестьянству въ этомъ направленіи, правительство всегда можетъ согласовать переселеніе съ своими цѣлями и видами, а также съ интересами нуждающагося въ землѣ населенія и съ заботами о

поднятіи и оживленіи далекихъ окраинъ нашего отечества. Необходимо только придать этой колонизаціи, неизбѣжно возростающей съ каждымъ годомъ, болѣе правильное теченіе, большую устойчивость, чтобъ она не сопровождалась многочисленными жертвами для крестьянъ и хозяйственною гибелью ихъ, а достигала дѣйствительныхъ и плодотворныхъ цѣлей прочнаго устроенія быта переселяющихся на новыхъ мѣстахъ, въ интересахъ подъема всего нашего народнаго хозяйства и осуществленія важнѣйшей политической задачи—образованія одного національнаго цѣлаго на всемъ протяженіи Имперіи. Надо ожидать, что выполненію этой задачи можетъ въ значительной степени помочь проведеніе сибирской дороги, съ постройкою которой, какъ извѣстно, связывается и вопросъ о заселеніи Сибири и вымежеваніи участковъ на всей территоріи ея по линіи дороги.

А. Ч.

Норвегія и ея обитатели *).

I.

Норвегія играла когда-то выдающуюся роль на европейскомъ континентѣ. Ея обитатели, потомки древнихъ скиѳовъ, не могли ужиться въ своей суровой странѣ. Ихъ тянуло вдаль, невзирая ни на какія разстоянія, и они безстрашно пускались на своихъ маленькихъ судахъ въ далекія страны. Они подходили къ берегамъ Шотландіи и Ирландіи; наложили свою руку на Гебридскіе, Аркадскіе и Шотландскіе острова, Исландію, Гренландію и Новую Землю. Ихъ страсть къ путешествіямъ, къ дальнимъ приключеніямъ, къ невѣдомому будущему и къ предполагаемымъ побѣдамъ была такъ сильна, что они не понимали тѣхъ людей, которые не занимались «благороднымъ ремесломъ пиратовъ» и не пускались въ странствованіе, презрительно называя ихъ въ своихъ древнихъ сагахъ «лѣнивыми бабами».

Въ теченіе долгаго періода норвежцы, главнымъ образомъ, развивали въ себѣ грубую физическую силу и цѣнили въ характерѣ человѣка лишь хитрость, лукавство и коварство, пренебрегая интеллектуальною стороной человѣческой природы. Эта эпоха оставила по себѣ такой глубокій слѣдъ, что, по свидѣтельству ле-Ру, всякій норвежецъ и теперь еще гордится своимъ происхожденіемъ отъ прежнихъ храбрыхъ воиновъ - викинговъ, воплощавшихъ въ себѣ указанныя качества, и нынѣ даже самый бѣднѣйшій изъ нихъ знаетъ наизусть саги о сказочныхъ побѣдахъ своихъ предковъ и до сихъ поръ еще не увѣренъ въ томъ, что господство викинговъ уже прекратилось.

Поворотъ въ настроеніи умовъ начинается только съ X в. Съ этого времени въ расѣ постепенно пробуждаются нравственныя начала, совѣсть и понятія о справедливости **), что подготовило благопріятную почву для

---

*) *Hugues le Roux*: „Notes sur la Norvége". Въ виду борьбы, которую Норвегія ведетъ съ Швеціей, и большаго значенія исхода этой борьбы для нашего отечества, редакція нашла полезнымъ дать изложеніе путевыхъ писемъ Гюга ле-Ру. *Ред.*

**) Въ поэмѣ *Проклятія Локки*, относящейся къ этому времени, авторъ позволяетъ уже себѣ говорить о дурныхъ качествахъ скандинавскихъ божествъ, обладав-

воспринятія христіанскихъ идей, проникшихъ вскорѣ въ страну суровыхъ викинговъ.

Христіанство не сразу, конечно, измѣнило характеръ этихъ суровыхъ завоевателей. Викинги остались, въ сущности, такими же язычниками, какими были раньше. Усердіе къ христіанству на первыхъ порахъ явилось для нихъ только новымъ поводомъ для жестокаго обращенія съ невѣрующими въ новое ученіе язычниками, тѣмъ болѣе, что церковь поощряла такое усердіе. Вскорѣ викинги начинаютъ принимать горячее участіе въ крестовыхъ походахъ, что положило начало лагерному знакомству норвежцевъ съ другими народами. У нихъ завязываются сношенія съ Византіей и, благодаря этому, также и съ древнею Русью, черезъ которую лежалъ ближайшій путь въ Византію этихъ норманновъ или варяговъ, какъ ихъ тамъ называли. Вліяніе этой эпохи, по словамъ ле-Ру, сказывается и теперь еще въ архитектурѣ норвежскихъ церквей, носящей на себѣ несомнѣнные слѣды византійскаго и даже буддійскаго стиля *), и въ нѣкоторыхъ другихъ искусствахъ.

Со временъ же крестовыхъ походовъ въ Норвегіи усиливается могущество феодаловъ-нобльмэновъ, получавшихъ за свое участіе въ крестовыхъ походахъ различныя привилегіи и большіе участки земли въ ущербъ народной массѣ. До этого времени страна была подѣлена на небольшіе участки (odels), принадлежавшіе свободнымъ гражданамъ страны безъ всякаго различія.

Неравенство, созданное новымъ распредѣленіемъ земель, послужило, между прочимъ, одной изъ главныхъ причинъ того, что большинство населенія, сдѣлавшагося безземельнымъ и экономически-зависимымъ отъ народившихся могущественныхъ феодаловъ, съ восторгомъ схватилось за христіанскую религію, проповѣдывавшую равенство и братство между людьми.

Норвежцы предпочли лютеранство другимъ вѣроученіямъ въ виду того, что оно давало имъ больше свободы. Утверждаютъ еще, впрочемъ,—какъ говоритъ ле-Ру,—что норвежцы приняли лютеранство изъ упорства, «именно потому, что оно совершенно противорѣчило инстинктамъ расы»: лютеранство предписываетъ простоту обстановки, между тѣмъ какъ норвежцы любятъ пышность; лютеранство требуетъ чисто-умственной и духовной жизни, между тѣмъ, условія жизни въ Норвегіи такъ тяжелы, что жителямъ ея приходится вѣчно думать объ удовлетвореніи своихъ насущныхъ потребностей.

Послѣдствія, къ которымъ приведетъ это противорѣчіе, легко предвидѣть,—говоритъ Гюгъ ле-Ру.—Придетъ день, когда норвежецъ сброситъ,

---

шихъ, какъ и греческіе боги, всѣми человѣческими слабостями и страстями. Въ другой поэмѣ того же времени *Видѣніе Виллы* (*Vисиврâ*) упоминается объ одной прорицательницѣ, которая въ бреду бранитъ могущественныхъ еще въ то время боговъ; она дерзко высказываетъ мысль, что хитрость и сила, воплощающіяся въ лицѣ Одина и Тора, должны быть замѣнены справедливостью.

*) Викинги на своихъ маленькихъ судахъ доходили иногда до береговъ Индіи.

наконецъ, съ себя тяжесть, несоразмѣрную съ его силами, и, быть можетъ, еще на нашихъ глазахъ произойдетъ, съ легкой руки Ибсена, разрывъ съ прежнимъ міровоззрѣніемъ, которое истощало расу.

Реакція противъ суровыхъ моральныхъ доктринъ уже началась въ Норвегіи. Толчкомъ для этого движенія послужили печальныя данныя медицинской статистики, выяснившія прискорбное положеніе расы, одолѣваемой наслѣдственными болѣзнями. Съ этого момента, — говоритъ Гюгъ ле-Ру,—моральная доктрина, проповѣдывавшая принесеніе тѣла въ жертву духу, сразу сдѣлалась подозрительной. Если народу, одаренному личнымъ самосознаніемъ, мечтающему о независимости, даруютъ свободу мысли,— продолжаетъ далѣе Гюгъ ле-Ру,—то это не проходитъ для него безслѣдно Разумъ, свободный отъ догматическихъ узъ, долженъ непремѣнно во имя свободы изслѣдованія перейти въ философію. Пробужденіе умовъ въ Норвегіи совпало съ тѣмъ моментомъ, когда былъ научно формулированъ въ мірѣ законъ борьбы за существованіе. Меланхолическое credo современнаго общества не могло не встрѣтить хорошаго пріема въ народѣ, обремененномъ больше всякаго другого естественными бѣдствіями. И норвежцы сразу вернулись къ вѣрѣ своихъ предковъ, къ культу физической силы, которая одно время сдѣлала скандинавовъ хозяевами Европы.

Въ настоящее время въ Норвегіи происходитъ полный переворотъ въ этомъ отношеніи. Правительство стало обращать серьезное вниманіе на физическое развитіе націи, особенно на физическое развитіе дѣтей школьнаго возраста. Дѣти, поступая въ школу, подвергаются троекратному тщательному медицинскому осмотру *); устройство школъ отвѣчаетъ всѣмъ новѣйшимъ требованіямъ гигіены, которая читается въ нихъ на ряду съ другими обязательными предметами. Въ нѣкоторыхъ школахъ устраиваютъ общую баню для учениковъ. Во многихъ городахъ также устроены общественныя бани для обывателей, и это имѣетъ особенное значеніе въ виду того, что на гигіену норвежцы обращали до сихъ поръ мало вниманія. Въ ихъ домахъ царила крайняя нечистота; въ теченіе всей долгой зимы ихъ квартиры не вентилировались, для того, чтобы не выпустить ни одного атома тепла; простой народъ никогда не мылся и поэтому въ Норвегіи распространены различныя сыпныя болѣзни, проказа, золотуха, туберкулезъ и т. п.

II.

Современные норвежцы замѣтно отличаются отъ прочихъ европейцевъ складомъ своего характера. Суровая природа страны пріучила населеніе къ вѣчной борьбѣ за существованіе **) и это налагаетъ на ея обитателей пе-

*) Эта реформа, введенная всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ, вызвала много протестовъ въ странѣ; но, благодаря такту и энергіи лицъ, стоявшихъ во главѣ этой реформы, все мирно уладилось.

**) Климатическія условія страны не позволяютъ рости овощамъ и фруктамъ, поддерживающимъ существованіе бѣднаго класса въ другихъ странахъ; мяса здѣсь

чать жестокости и черствости. Норвежцы оригинально объясняютъ эту черту въ своемъ характерѣ легендой о происхожденіи родоначальника всѣхъ скандинавскихъ расъ, великана Іотна, отъ капли яда, выступившей изъ волнъ моря, сотвореннаго, по преданію, изъ крови Имира.

Съ перваго взгляда въ норвежцѣ нельзя, однако, замѣтить этой черты; она дремлетъ въ немъ до перваго случая.

Это особенно бросается въ глаза, когда попадаешь въ толпу; если скандинава что-нибудь заинтересуетъ, то онъ безъ всякой церемоніи протискивается къ предмету своего любопытства, не останавливаясь передъ толчками, усердно раздаваемыми имъ направо и налѣво, — безразлично, встрѣчаетъ ли онъ на своемъ пути женщину, или ребенка. Въ Норвегіи ни для кого не существуетъ права первенства или очереди; каждый заботится самъ о себѣ, какъ только можетъ, такъ что человѣку, незнакомому съ этими правилами или, вѣрнѣе, съ этимъ отсутствіемъ всякихъ правилъ, благоразумнѣе всего будетъ или поступать такъ же, или совсѣмъ удалиться ради своей безопасности. Если поднимется изъ-за чего-нибудь ссора, то она обыкновенно разрѣшается, по соглашенію противниковъ, или кулаками, или (чаще всего) ножомъ. Такая расправа здѣсь въ порядкѣ вещей, и полиція ничего не добьется, такъ какъ «никто ничего знать не знаетъ, вѣдать не вѣдаетъ», а убійцу нельзя найти.

Горячность норвежцевъ проявляется даже въ невинной области спорта и развлеченій. Въ Норвегіи, напримѣръ, сильно распространено катаніе на лыжахъ (ski), при которомъ быстрота движеній настолько сильна, что требуется особенная ловкость и сноровка, чтобы остановиться или замедлить бѣгъ. Даже танцуютъ въ Норвегіи не такъ, какъ у насъ: движутся и вертятся быстрѣе и съ большимъ разбѣгомъ. Между прочимъ, танцы здѣсь такъ распространены, что въ придорожныхъ гостиницахъ служащіе устраиваютъ по вечерамъ танцы, въ которыхъ принимаютъ участіе всѣ желающіе, даже пріѣзжіе.

Опять-таки нужно повторить, — говоритъ ле-Ру, — что горячность и черствость въ норвежцахъ съ перваго взгляда незамѣтны; притомъ же, эти черты въ настоящее время значительно умѣряются воспитаніемъ и развивающимися общественными инстинктами.

Иностранца, попадающаго въ Норвегію, не можетъ не поразить тотъ фактъ, что Норвегія одна изъ немногихъ странъ, гдѣ убійства очень рѣдки. Что еще больше поражаетъ иностранца, это—необыкновенно кроткое отношеніе къ животнымъ, которыхъ норвежцы называютъ своими «нѣмыми слугами» *). Гюгъ ле-Ру объясняетъ эту нѣжность тѣмъ одиночествомъ, въ которомъ живетъ каждый норвежецъ: животныя отрываютъ норвежца отъ состоянія вѣчнаго самосозерцанія, въ которомъ онъ находится.

немного и оно невкусно, и народъ питается только твердыми лепешками и похлебкой.

*) Такъ, напримѣръ, на всѣхъ норвежскихъ почтовыхъ трактахъ красуются столбы съ надписью: „будьте добры къ лошадямъ“.

Это же одиночество и самосозерцаніе норвежца служитъ, по мнѣнію ле-Ру, причиной его необыкновенной честности.

Въ Норвегіи, наприм., почтальонъ никогда не разноситъ писемъ по домамъ, а бросаетъ ихъ въ открытые ящики, откуда каждый адресатъ вынимаетъ свои письма, и не было еще случая, чтобы кто-нибудь перехватилъ чужое письмо.

Крайняя бѣдность, находящаяся въ зависимости отъ суровой природы страны, закаляетъ норвежца и пріучаетъ его къ самостоятельности еще съ дѣтскаго возраста. Ле-Ру поражали норвежскія дѣти: они очень непривѣтливы, не любятъ цѣловаться и проявляютъ необыкновенное стремленіе къ независимости, благодаря своеобразному отношенію къ нимъ ихъ родителей, даже въ зажиточныхъ семьяхъ. Оставить дѣтей однихъ въ цѣломъ домѣ на всю ночь, позволить 5—6-ти лѣтнимъ дѣтямъ безъ кучера кататься на горячей лошади и т. п. считается въ Норвегіи дѣломъ самымъ обыкновеннымъ. На обращенные къ родителямъ вопросы иностранецъ получаетъ приблизительно такой отвѣтъ:

«У насъ каждый живетъ для себя; поэтому, чѣмъ раньше предоставить ребенка самому себѣ, тѣмъ лучше для него же, такъ какъ изъ него раньше сформируется самостоятельная личность».

III.

Норвежскія женщины производятъ съ перваго взгляда не особенно пріятное впечатлѣніе; въ нихъ нѣтъ ничего притягательнаго. Но при ближайшемъ знакомствѣ иностранцу приходится измѣнить первоначально составленное о нихъ мнѣніе. Необыкновенная искренность, безъискусственность, независимость и смѣлость сужденій норвежской дѣвушки не могутъ не произвести благопріятнаго впечатлѣнія. Эти черты развились особенно въ послѣднее время, когда норвежская женщина, послѣ ряда долгихъ усилій и упорной борьбы за свою независимость, добилась, наконецъ, той самостоятельности, которой она пользуется въ настоящее время.

Еще древне-скандинавская поэзія считаетъ идеаломъ женщины не слабое, хрупкое существо, а сильную, воинственную валькирію, высоко парящую надъ землей. Можно, конечно, подумать,— говоритъ ле-Ру,— что подобные взгляды проводились норвежцами и въ жизнь, но на дѣлѣ оказывалось совсѣмъ не то. Норвежцы были чужды рыцарскаго отношенія къ женщинѣ, какъ къ существу слабѣйшему, и значеніе норвежской женщины усиливается только со времени появленія христіанства, освящавшаго бракъ. Значеніе ея усилилось еще болѣе послѣ эпохи крестовыхъ походовъ, когда развившаяся послѣ нихъ феодальная система повлекла за собой укрѣпленіе леновъ за законными дѣтьми феодаловъ.

Слѣды того подчиненнаго положенія, въ которомъ нѣкогда находилась норвежская женщина, сохранились еще и понынѣ кое-гдѣ въ глубинѣ страны: въ нѣкоторыхъ отдаленныхъ отъ столицы провинціяхъ дочери и теперь

еще не смѣютъ садиться вмѣстѣ со всѣми за обѣденный столъ, а хозяйки дома сидятъ за столомъ не на главномъ мѣстѣ, а на самомъ послѣднемъ, невзирая на то, что женщины пользуются нынѣ въ Норвегіи почти одинаковыми правами съ мужчинами и допущены наравнѣ съ ними во всѣ школы и въ университетъ.

Быстрый переворотъ, происшедшій въ судьбѣ норвежской женщины, по словамъ ле-Ру, имѣлъ и дурныя послѣдствія. Прежде норвежскія женщины были образцовыми хозяйками; нынѣ же въ большинствѣ норвежскихъ семей кухни совсѣмъ упразднены и здѣсь часто цѣлыя семейства (даже изъ низшихъ слоевъ населенія) принуждены пользоваться услугами общественныхъ столовыхъ, что, какъ многіе полагаютъ, не можетъ не вліять деморализующимъ образомъ особенно на подростающее поколѣніе, да и у самихъ родителей это отсутствіе домашняго очага служитъ причиной многихъ пороковъ: сильное распространеніе алкоголизма, напримѣръ, едва ли не этому обязано въ значительной своей степени.

Лишь въ послѣднее время норвежцы спохватились и начали устраивать школы кулинарнаго искусства при кухмистерскихъ, гостиницахъ и даже при начальныхъ школахъ, въ которыхъ каждая изъ учениць, по очереди, ежедневно готовитъ и сама ведетъ счетъ хозяйственнымъ расходамъ.

Главною цѣлью всѣхъ стремленій современной норвежской дѣвушки является достиженіе ею полнаго равноправія съ мужчинами. Свои притязанія она основываетъ на томъ, что она совмѣстно съ мужчинами обучается сначала въ начальной школѣ, затѣмъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, наконецъ, въ университетѣ, гдѣ она слушаетъ всѣ предметы наравнѣ со студентами.

Гюгъ ле-Ру посѣтилъ нѣсколько норвежскихъ школъ, и ему, между прочимъ, бросилась въ глаза свобода и непринужденность, господствовавшія тамъ: каждый изъ учащихся выбиралъ себѣ сосѣда или сосѣдку по своему желанію, и учитель не находилъ въ этомъ ничего предосудительнаго. «Всякому иностранцу, попадающему въ Норвегію,—говоритъ Гюгъ ле-Ру,—придетъ въ голову, не приводитъ ли такая близость между молодыми людьми обоихъ половъ къ слишкомъ свободнымъ отношеніямъ между ними?» По справкѣ у лицъ, стоящихъ во главѣ норвежскихъ учебныхъ заведеній, оказалось, однако, что всѣ эти опасенія совершенно напрасны, ибо присутствіе женщины въ школахъ «дѣйствуетъ только облагораживающимъ образомъ на ея сотоварищей мужского пола, замѣтно вліяетъ смягчающимъ образомъ на ихъ характеръ и даже развиваетъ въ нихъ нѣкоторое рыцарство».

Неутѣшительное явленіе замѣчается въ послѣднее время лишь въ университетѣ, гдѣ къ концу обученія между студентами и студентками возникаютъ, обыкновенно, враждебныя отношенія. Это явленіе находитъ себѣ объясненіе въ томъ, что женщины, пользующіяся въ Норвегіи правомъ занимать многія должности, замѣщавшіяся раньше мужчинами, являются для этихъ послѣднихъ опасными конкуррентами, тѣмъ болѣе, что, по общимъ отзывамъ, онѣ учатся и лучше, и серьезнѣе мужчинъ. Есть среди нихъ

энтузіастки, увлекающіяся наукой и будущимъ своей родины; нѣкоторыя выступаютъ даже въ печати со своими идеями. Но встрѣчаются между ними и несимпатичные типы женщинъ, кичащихся своими безспорно большими знаніями. Причиной этого служитъ, по словамъ ле-Ру, присущее норвежской женщинѣ самомнѣніе и ея увѣренность въ своемъ интеллектуальномъ могуществѣ.

Норвежская женщина особенно отличается стремленіемъ къ уничтоженію въ себѣ малѣйшей тѣни кокетства, что доходитъ у нея иногда до крайности. Она объясняетъ это тѣмъ, что «наряжаться для того, чтобы нравиться мужчинамъ, недостойно порядочной женщины, и это можетъ себѣ позволить только женщина, живущая въ гаремѣ».

Тщеславіе норвежской женщины часто губитъ ее, такъ какъ она, въ стремленіи къ достиженію подчасъ химерическихъ и утопическихъ цѣлей, разбиваетъ свою жизнь, отказываясь отъ всѣхъ ея радостей.

Дѣвушка въ Норвегіи пользуется полною свободой, и это даетъ ей возможность посѣщать своихъ товарищей-мужчинъ, не навлекая на себя ничьего осужденія. Равнымъ образомъ, здѣсь не видятъ ничего предосудительнаго въ томъ, чтобы дѣвушка шла одна или со своимъ пріятелемъ въ театръ и оттуда въ ресторанъ съ нимъ поужинать. Гюгъ ле-Ру, въ подтвержденіе изложеннаго, приводитъ, между прочимъ, слѣдующій фактъ, который осужденъ былъ бы общественнымъ мнѣніемъ всякой другой страны, кромѣ Норвегіи, а, между тѣмъ, здѣсь онъ проходитъ совершенно незамѣченнымъ. Общество, устраивающее катаніе па *ski* близъ Христіаніи, построило на протяженіи нѣсколькихъ верстъ небольшіе шалаши, съ двумя койками въ каждомъ, на тотъ случай, если увлекшіеся катаніемъ любители заѣдутъ слишкомъ далеко отъ города и пожелаютъ отдохнуть или даже переночевать внѣ города. Очень часто случается, что молодая дѣвушка выѣзжаетъ въ сопровожденіи своего кавалера изъ города вечеромъ и возвращается обратно только на слѣдующее утро. Никому, однако же, не придетъ здѣсь въ голову высказать нескромный намекъ по этому поводу, потому что это было бы несправедливо: эти молодые люди—друзья, и они довѣряютъ другъ другу; воображеніе у нихъ, вообще говоря, настолько не испорчено, что они даже не понимаютъ изумленія иностранца передъ этимъ фактомъ.

Одиночество и изолированность норвежцевъ сообщили имъ много драгоцѣнныхъ качествъ, избавляющихъ ихъ отъ массы предразсудковъ. Женщинъ Норвегіи не шокируетъ, наприм., знакомство съ балериной, и здѣсь нерѣдки случаи, когда молодыя дѣвушки изъ приличныхъ семей поступаютъ на сцену или въ балетъ въ видахъ достиженія матеріальной независимости отъ родителей, и родительская власть не налагаетъ своего veto на это рѣшеніе; мало того, ни одинъ норвежскій домъ не закрываетъ своихъ дверей передъ дѣвушкой, избравшей себѣ такую карьеру.

Въ дѣлѣ выбора мужа дѣвушкѣ также предоставлена широкая свобода: молодые люди знакомятся, хорошо узнаютъ другъ друга, что, при суще-

ствующихъ въ Норвегіи условіяхъ, достигается очень легко, и когда они вступаютъ въ бракъ, то можно быть увѣреннымъ въ томъ, что ихъ чувство будетъ долговѣчно.

Однако же, несмотря на снисходительное отношеніе общества ко многому такому, что въ другихъ странахъ считается предосудительнымъ, не слѣдуетъ думать, что норвежская молодежь злоупотребляетъ тою свободой и независимостью, которой она пользуется въ широкихъ размѣрахъ. То, что дѣйствительно безнравственно, сурово осуждается общественнымъ мнѣніемъ въ Норвегіи, и на бракъ, напримѣръ, здѣсь смотрятъ такъ серьезно, что если кто-нибудь изъ супруговъ измѣняетъ, то это ложится на него неизгладимымъ пятномъ позора.

IV.

Въ натурѣ норвежца много загадочнаго: въ его характерѣ страннымъ образомъ уживаются разныя противуположности. Его добродѣтель имѣетъ своею изнанкой испорченность; его удивительная воздержность — это, въ сущности, противодѣйствіе сильно развитой въ немъ страсти къ пьянству, неслыханная честность уживается рядомъ съ подозрительною оборотливостью, веселость съ пессимизмомъ, откровенность съ недовѣрчивостью, кротость съ грубостью, мистицизмъ съ язычествомъ и т. д. Особенно рѣзко бросается въ глаза то, что норвежецъ, въ сущности, очень аристократиченъ, между тѣмъ, стремленія у него—крайне демократическія.

Сами норвежцы считаютъ себя демократами и этимъ объясняютъ свое желаніе отдѣлиться отъ Швеціи, страны аристократической, интересы которой расходятся съ ихъ интересами.

Это стремленіе къ демократизму и къ общему равенству отражается и на нравахъ жителей. Кучера жмутъ вамъ руку, если довольны данною имъ прибавкой, слуга гостиницы не внесетъ вамъ вещей, если вы не попросите его объ этомъ въ самой вѣжливой формѣ *). Если вы въ ресторанѣ начнете отдавать повелительныя приказанія, то васъ безъ дальнихъ размышленій вытолкаютъ за дверь, и хозяинъ найдетъ это вполнѣ естественнымъ. Слуги въ Норвегіи пользуются полною свободой, и по вечерамъ, по окончаніи своей работы, уходятъ, никого не спрашиваясь. Эта свобода въ обращеніи съ высшими замѣтна также и среди крестьянскаго населенія.

Стортингъ стремится къ усиленію и развитію демократическаго духа въ населеніи и въ этихъ видахъ онъ уже не считаетъ достаточнымъ существованіе смѣшанныхъ школъ для дѣтей обоего пола, но и стремится къ тому, чтобы сдѣлать ихъ общими для дѣтей всѣхъ классовъ общества безъ исключенія, чтобы, такимъ образомъ, какъ говорятъ крайніе демо-

---

*) „Vaeer saa god!“—съ этой фразой нужно, по словамъ ле-Ру, обращаться въ Норвегіи къ каждому, въ чьей услугѣ вы нуждаетесь.

краты Норвегіи, «хотя при вступленіи въ жизнь между молодыми людьми не было кастоваго различія».

Несмотря на весь этотъ демократизмъ, наблюдателя поражаютъ въ норвежцѣ нѣкоторыя странныя черты, обличающія въ немъ присутствіе аристократическихъ тенденцій и инстинктовъ. Во многихъ норвежскихъ семьяхъ съ благоговѣніемъ сохраняются традиціи о происхожденіи ихъ отъ викинговъ или участниковъ крестовыхъ походовъ; всякій норвежецъ, держащій въ своихъ рукахъ знамя демократизма, въ глубинѣ души считаетъ себя чуть ли не королемъ. Наконецъ,— говоритъ ле-Ру,— самое почитаніе Ибсена демократической партіей не можетъ не казаться страннымъ, такъ какъ его философія, занятая культомъ собственнаго «я», устанавливаетъ аристократическую границу между высшею интеллигентностью и возростающею посредственностью соціализма.

Лучшею характеристикой норвежскихъ нравовъ служатъ существующія тамъ торговые обычаи и пріемы торговли. Норвежскіе купцы—плохіе плательщики; за предѣлами Норвегіи знаютъ это, и французскіе купцы совершенно отказались поставлять сюда свои товары. Въ настоящее время Норвегія ведетъ торговлю почти исключительно съ Германіей. Нѣмецъ не боится рисковать; сами норвежцы говорятъ, что нѣмцы разсчитываютъ на ихъ любовь къ независимости, ибо ни одинъ норвежецъ не любитъ служить и при первой возможности устраиваетъ себѣ собственное дѣло. Услужливые германскіе комми-вояжеры охотно доставляютъ имъ германскіе товары, не всегда, правда, хорошаго качества, но за то открываютъ имъ долгосрочный кредитъ. Благодаря этому, норвежецъ начинаетъ обыкновенно дѣло безъ всякихъ средствъ и ведетъ его какъ игрокъ, не задумываясь надъ послѣдствіями. «Можно сказать,— говоритъ ле-Ру,— что норвежецъ руководствуется въ этомъ отношеніи чисто-языческимъ девизомъ, гласящимъ: *будемъ пользоваться жизнью,—быть можетъ, завтра мы умремъ.* Это придаетъ всей расѣ какое-то величіе, такъ какъ даетъ ей возможность жить внѣ тѣхъ узкихъ рамокъ, въ которыя заключили себя прочія націи, вѣчно волнуемыя мыслью о будущемъ».

Норвежцы необыкновенно гостепріимны и не жалѣютъ средствъ для того, чтобъ угостить гостя всѣмъ, что есть у нихъ лучшаго, особенно если этотъ гость—иностранецъ. Въ этомъ случаѣ норвежецъ особенно старается, такъ какъ желаетъ, чтобы гость вынесъ самыя пріятныя воспоминанія о его «дорогой Норвегіи» и ея обитателяхъ. Иностранецъ не долженъ, однако, забыть произнести тостъ за Норвегію, знамя которой красуется на столѣ во время парадныхъ обѣдовъ. Это гостепріимство очень рогательно,— говоритъ ле-Ру,— но весьма часто случается, что на слѣдующій уже день хозяину нечѣмъ заплатить за издержки, которыя потребовались наканунѣ для устройства парадного обѣда. Долги, это — нравственный порокъ, присущій природѣ всякаго норвежца.

Безпечность норвежца сказывается во всемъ и часто ведетъ къ гибельнымъ послѣдствіямъ. Молодые люди, въ большинствѣ случаевъ, вступаютъ

въ бракъ не только безъ всякихъ средствъ, но и не имѣя ничего въ виду; если они достигаютъ порой сравнительно достаточнаго матеріальнаго обезпеченія, то они проживаютъ все, что зарабатываютъ. Родители не заботятся ни о приданомъ для своихъ дѣтей, ни объ обезпеченіи своей старости, и въ Норвегіи, поэтому, почти вовсе нѣтъ рентьеровъ. Норвежецъ работаетъ, пока можетъ, но и живетъ за то въ свое удовольствіе. Эта безпечность служитъ характерною чертой скандинавской расы,—темой, которой не устаютъ касаться въ своихъ произведеніяхъ Бьёрнсонъ, Ибсенъ и Стриндбергъ.

Всѣ эти странности, противорѣчія и противуположности — въ натурѣ норвежца,—говоритъ ле-Ру.—Еще храбрый норманнъ, котораго, кажется, не страшитъ ничто въ мірѣ, трусить передъ сверхъестественнымъ. Идея божественнаго не связана въ его представленіи съ идеаломъ доброты и справедливости. Міръ, по представленію норманна, находится въ распоряженіи трехъ дѣтей злого Локки, изъ коихъ младшему служатъ всѣ злыя силы природы. Прошло много времени, пока разумъ одержалъ верхъ надъ этими злыми элементами, и какъ только насталъ моментъ критическаго къ нимъ отношенія, скандинавъ, минуя католичество, страстно схватился за свободомыслящее лютеранство. Но норвежецъ слишкомъ логиченъ для того, чтобъ успокоиться на одной формѣ религіи и не разсуждать дальше. Онъ уже относится въ настоящее время критически къ лютеранству и посмѣивается надъ пасторомъ; ему уже и лютеранскія идеи кажутся слишкомъ условными и стѣсняющими свободу мысли.

«Я безконечно уважаю религію, какъ вѣру въ Бога, но не уважаю лютеранства, какъ вѣру въ Лютера,— пишетъ одна молодая норвежская дѣвушка,— и я черпаю право на свой протестъ въ примѣрѣ самого Лютера: если онъ рѣшился протестовать противъ католицизма, то почему бы мнѣ не протестовать противъ лютеранства? Лютеръ былъ правъ, упразднивши все ложное и суевѣрное въ католицизмѣ, но ему не слѣдовало уничтожать внѣшней красоты культа. Наши голые храмы ничего не говорятъ воображенію и обличаютъ лишь скудость ума Лютера. Я убѣждена въ томъ, что Лютеръ вмѣстѣ съ Даніей являются главными виновниками упадка нашей милой Норвегіи».

Эти слова,— говоритъ ле-Ру,— сказаны отъ имени всей той норвежской молодежи, которую заблужденія раціонализма толкнули на поиски новой религіи въ искусствѣ. Другая часть молодежи, подъ вліяніемъ дарвинизма и идей Шопенгауера и Ницше, ищетъ свои идеалы въ наукѣ и доискивается формы будущихъ обществъ въ регламентаціи принциповъ борьбы за существованіе; она ищетъ эту истину со страстью и нетерпимостью мучениковъ. Никогда еще Норвегія не была такъ всецѣло предоставлена своимъ мистическимъ инстинктамъ, какъ въ настоящій моментъ, когда она стремится къ избавленію себя отъ всякаго религіознаго ига и всякаго нравственнаго принужденія, желая слушаться только голоса науки.

Если перейти отъ возвышенныхъ стремленій души къ инстинктамъ ч-

стаго наслажденія,—продолжаетъ ле-Ру,—то здѣсь также можно замѣтить разногласіе между закономъ и правами. Изъ числа физіологическихъ золъ, наиболѣе ослабившихъ расу, самое главное—это алкоголизмъ, сильно распространенный здѣсь, благодаря суровой природѣ и тяжелымъ условіямъ жизни, вынуждающимъ жителей постоянно прибѣгать къ возбуждающимъ средствамъ. Несмотря, однако, на это, ни въ одной странѣ не процвѣтаютъ въ такомъ изобиліи общества трезвости, какъ въ Норвегіи; число членовъ этихъ обществъ ростетъ съ каждымъ днемъ все больше и больше. Правительство уже съ давняго времени принимаетъ дѣятельное участіе въ борьбѣ съ пьянствомъ, и это повлекло за собою его значительное уменьшеніе. Изданныя правительствомъ постановленія, предупреждающія развитіе пьянства, очень часто ведутъ, впрочемъ, къ діаметрально-противуположнымъ результатамъ. Такъ, наприм., въ Норвегіи воспрещена розничная продажа водки количествами менѣе сорока литровъ. Крестьяне не имѣютъ, конечно, средствъ для покупки алкоголя въ такихъ количествахъ и начинаютъ замѣнять его другими возбуждающими средствами. Въ послѣднее время въ Норвегіи среди крестьянскаго населенія сталъ входить въ употребленіе эеиръ.

Это безуміе,—говоритъ ле-Ру,—можетъ охватить всю Норвегію, если стортингъ дойдетъ до крайности и вздумаетъ окончательно воспретить продажу алкоголя.

Норвежецъ ничуть не заблуждается относительно истиннаго значенія указанныхъ выше явленій. Онъ знаетъ, что алкоголизмъ—гибель его расы, и онъ всегда на сторонѣ тѣхъ, кто борется съ этимъ порокомъ, и съ энтузіазмомъ хватается за самыя крайнія средства; лишь въ себѣ самомъ не находитъ онъ необходимой силы для поддержанія этихъ благородныхъ стремленій къ трезвости, цѣломудрію, честности,—ко всему тому, чѣмъ онъ можетъ заслужить уваженіе окружающихъ и возвыситься въ своихъ собственныхъ глазахъ; и онъ втайнѣ изнемогаетъ отъ угрызеній совѣсти, отравляющихъ всѣ его радости.

Въ Норвегіи существуетъ много частныхъ обществъ, имѣющихъ своею цѣлью удержать населеніе отъ порочной жизни, среди которыхъ, на ряду съ извѣстною «арміей спасенія», функціонируетъ еще своеобразное общество «полуночной миссіи», состоящее изъ лицъ, принадлежащихъ къ высшимъ слоямъ норвежскаго общества. Эта «миссія» задалась цѣлью обходить по ночамъ самые подозрительные городскіе кварталы и дѣйствовать силою убѣжденія на направляющихся въ находящіеся здѣсь притоны людей. Дѣло не обходится иногда безъ смѣшныхъ приключеній и недоразумѣній, но, въ общемъ, дѣятельность этой «миссіи» весьма плодотворна. Благодаря ея усиліямъ, нѣсколько сомнительныхъ учрежденій успѣли уже обанкротиться и ихъ помѣщенія наняты были «миссіей». Сюда, по привычкѣ, заходили ночные путники, думая застать прежнюю обстановку; но, вмѣсто этого, они находили здѣсь всѣхъ членовъ «миссіи», сидящихъ за длинными столами, заваленными брошюрами и книгами.

Я посѣтилъ одно изъ такихъ ночныхъ собраній,— говоритъ ле-Ру,— съ еле скрываемой ироніей выслушалъ отъ членовъ «миссіи» изложеніе ихъ системы и готовился уже высказать имъ свой скептическій взглядъ на ихъ дѣятельность, но въ эту минуту въ дверяхъ показался рабочій и выразилъ желаніе выслушать нѣсколько добрыхъ словъ, которыя «иногда очень полезны, когда въ сердцѣ пусто».

Мистическая, щепетильная и грубая Норвегія,— говоритъ ле-Ру въ заключеніе 5-й главы своей книги,— страдаетъ больше всякой другой націи отъ противорѣчій своей натуры, отъ разлада между высокими стремленіями своей души и фатализмомъ своихъ инстинктовъ, и всѣ тѣ, которые интересуются нравственною жизнью, со страстнымъ интересомъ слѣдятъ за этою борьбой, такъ какъ этой маленькой націи суждено быть развѣдчикомъ на неизвѣстной дорогѣ.

V.

Дурныя климатическія и расовыя условія расположили норвежцевъ болѣе, чѣмъ южныхъ жителей Европы, принять меланхолическія доктрины новѣйшей философіи, склоняющейся къ торжеству зла надъ добромъ,—говоритъ ле-Ру.—Созерцаніе этой мрачной неизвѣстности ложится тяжестью на души норвежскихъ героевъ и иногда лишаетъ ихъ душевнаго равновѣсія. По мѣрѣ того, какъ возростаетъ борьба за существованіе, эта тоска ростетъ все больше и больше и въ настоящее время она выражается въ такомъ огромномъ количествѣ самоубійствъ, что они по справедливости считаются одною изъ главныхъ болѣзней расы: норвежецъ лишаетъ себя жизни съ такою же легкостью, какъ будто пускается въ обыкновенный путь.

Неурядицы, послѣдовавшія за пораженіемъ Даніи, вызвали реакцію и скандинавское общество ударилось въ ханжество. Въ это время свобода мысли была окончательно стѣснена въ скандинавскихъ государствахъ. Извѣстный датскій критикъ Брандесъ терпѣлъ всякія несправедливости, даже изгнаніе, но онъ не хотѣлъ отказаться отъ своихъ убѣжденій, сводившихся къ тому, что церковь должна считаться съ современною наукой. Вскорѣ, однако, гоненія на Брандеса превратились въ тріумфъ для него. Датчане, исключившіе изъ своего лексикона на другой день послѣ своего пораженія всѣ слова германскаго происхожденія, не могли допустить, чтобы Брандесъ, удалившійся въ изгнаніе въ Германію, не думалъ на языкѣ своей родины. Они подали королю петицію, въ которой просили, чтобы Брандесу дозволено было вернуться въ Копенгагенъ и продолжать писать на родномъ языкѣ свои сочиненія.

Если человѣкъ пользуется такимъ значеніемъ у своихъ соотечественниковъ,—замѣчаетъ ле-Ру,—то это говоритъ не только въ пользу его личности, но и въ пользу той истины, которую онъ проповѣдуетъ. Скандинавы должны были найти въ доктринѣ эволюціи объясненіе всѣхъ в-

просовъ, которые ихъ мучили; детерминизмъ,—послѣдствіе научныхъ вѣрованій, — успокоивалъ эту сочившуюся рану, грызшую душу сѣверянина, какъ золотуха—тѣло.

Образованные норвежцы, съ которыми приходилось бесѣдовать ле-Ру, говорили ему, что изолированность Норвегіи отъ всего европейскаго континента имѣетъ свои огромныя преимущества, ибо въ то время, когда во всей Европѣ лучшія силы растрачиваются на племенную, расовую, національную, международную, экономическую и политическую борьбу, въ то время, когда тамъ, благодаря этому, господствуетъ культъ силы, а не права,—норвежцы чужды всего этого и ведутъ борьбу лишь съ суровою природой своей страны. За то, впрочемъ,— замѣчаетъ ле-Ру,— хотя Норвегія и была до сихъ поръ чужда политической анархіи, она знала анархію моральную. Одна ведетъ къ другой.

Въ Норвегіи въ послѣднее время народилась довольно многочисленная категорія отдѣльныхъ личностей, возвышающихся надъ общимъ уровнемъ демократическаго равенства, цѣлью стремленій которыхъ является забота о своемъ собственномъ «я» *). По мнѣнію ле-Ру, новѣйшіе психологи и соціологи едва ли найдутъ для своего наблюденія предметъ болѣе современный, чѣмъ это поколѣніе норвежскихъ сверхчеловѣковъ (придерживаясь терминологіи Ницше), сущность стремленій которыхъ подробно изложена въ книгѣ *Богема Христіаніи*, произведшей въ свое время огромную сенсацію во всей Скандинавіи.

Демократическая нація, сдѣлавшая своимъ credo эволюціонныя идеи,— продолжаетъ ле-Ру,— очутилась въ страшномъ замѣшательствѣ, когда потребовалось примирить политическія убѣжденія съ научными. Норвегія, упразднившая аристократизмъ, не могла, конечно, его возстановить; съ другой стороны, она не могла воспрепятствовать особенно одареннымъ гражданамъ отдѣлиться отъ толпы и стать выше ея, и она уладила свое щекотливое положеніе тѣмъ, что стала баловать своихъ литераторовъ, художниковъ и особенно живописцевъ.

Всѣ эти возвысившіяся во мнѣніи своихъ соотечественниковъ личности съ теченіемъ времени сгруппировались и образовали ассоціацію лицъ, жившихъ исключительно своими личными интересами и стремленіями. Они не только вѣрили въ возвышенность своего призванія, но и были увѣрены въ томъ, что настанетъ часъ, когда «гордость Европы будетъ попрана ихъ маленькою страной, надъ которой она всегда смѣялась». «Наша маленькая страна,—писала одна изъ характернѣйшихъ представительницъ этой ассоціаціи (*M. Giertz:* «Enthousiasme»), — исцѣлитъ міръ отъ всѣхъ золъ и бѣдствій и подниметъ его на ту высоту, на которой царятъ только свѣтъ, разумъ и красота».

Благосклонность, которую проявляла норвежская демократія въ отношеніи къ своимъ служителямъ искусства, находитъ себѣ объясненіе въ

*) Ле-Лу характеризуетъ ихъ „я" непереводимымъ выраженіемъ „moi tout rond".

томъ, что она видѣла въ нихъ революціонеровъ. Люди науки и литературы отказались разъ навсегда отъ подражанія датчанамъ и шведамъ, художники сбросили съ себя иго классической школы, и всѣ они сдѣлались видными дѣятелями національнаго движенія. Вокругъ истинныхъ талантовъ сгруппировалось, однако, не мало бездарностей, искавшихъ лишь случая порвать съ прежними традиціями и примкнувшихъ къ новому движенію лишь для того, чтобы подъ его прикрытіемъ дать бóльшую свободу своему темпераменту и своимъ инстинктамъ. Норвегія не сразу избавилась отъ этихъ господъ; въ этихъ видахъ здѣсь приходилось иногда прибѣгать къ довольно суровымъ мѣрамъ; бывали, наприм., даже случаи, когда сожигались слишкомъ цинично написанныя книги. Въ настоящее время норвежская «богема» утратила всѣхъ своихъ видныхъ представителей и съ ней уже почти вовсе не приходится считаться. Лишь во время этой борьбы съ «богемой» норвежцы отличили, наконецъ, хотя и нѣсколько поздно, Георга Ибсена, въ которомъ новое поколѣніе видитъ дѣйствительно выдающагося и одареннаго человѣка.

Смѣлость, съ которою Ибсенъ измѣнилъ свое прежнее литературное направленіе, служитъ прекраснымъ примѣромъ его философской честности,— говоритъ г. ле-Ру.—Какъ онъ ни гордится своею личностью, онъ, однако же, никогда не отрицалъ того, что пробужденіемъ своего ума къ научнымъ интересамъ онъ всецѣло обязанъ Брандесу. Въ тотъ день, когда онъ почувствовалъ твердую почву подъ ногами, онъ энергично устремился впередъ, перешагнувъ черезъ всякіе предразсудки, системы, ненависть и т. п. Онъ чувствуетъ себя силой и пользуется этимъ, не обращая вниманія ни на восторги, которые онъ возбуждаетъ, ни на протесты».

Рѣзкая перемѣна, происшедшая въ литературномъ направленіи Ибсена, объясняется, по мнѣнію ле-Ру, тѣмъ, что его взгляды должны были измѣняться въ зависимости отъ многихъ обстоятельствъ. Такъ, наприм., его пьеса *Призраки*, полная безпощадной правды, произвела такую бурю въ Норвегіи, что ее еще и понынѣ не рѣшаются ставить на столичной сценѣ. Ибсена этотъ случай, однако же, привелъ къ тому убѣжденію, что «люди, по всей вѣроятности, не такъ любятъ правду, какъ ея подобіе», и, вслѣдъ за этимъ, онъ написалъ новую пьесу (*Дикая утка*), представляющую собою сатиру на всѣ его прежнія мечтанія и порывы. Устами Сольнеса, одного изъ героевъ этой пьесы, Ибсенъ говоритъ, между прочимъ: «Я мечталъ когда-то построить свѣтлое жилище, въ которомъ жили бы счастливо люди и гдѣ отцы, матери и дѣти сознавали бы пріятность своего существованія и ощущали бы счастье быть полезными другъ другу какъ въ крупныхъ вещахъ, такъ и въ мелочахъ».

Во время одного изъ своихъ свиданій съ Ибсеномъ ле-Ру сказалъ ему, между прочимъ, что французская молодежь ждетъ отъ него болѣе опредѣленныхъ объясненій относительно высказанныхъ имъ когда-то сужденій о благородномъ призваніи писателя.

Ибсенъ, улыбнувшись, отвѣтилъ ле-Ру:

— Въ этомъ мірѣ никто не имѣетъ своего спеціальнаго призванія, и если мнѣ доставляетъ удовольствіе имѣть многочисленныхъ приверженцевъ, то это удовлетворяетъ лишь меня самого. Каждый изъ насъ является необходимымъ послѣдствіемъ той среды, въ которой онъ выросъ, и того воспитанія, которое онъ получилъ. Искренность и правдивость, на которую эта индивидуальная личность способна, это—искренность совсѣмъ особаго рода. Никто,—развѣ только въ состояніи безумія,—не можетъ предписывать своему ближнему рѣшенія, которое годится только для него самого.

Цивилизованный міръ кажется Ибсену раздѣленнымъ на два лагеря: христіанъ и викинговъ. Идеаломъ Ибсена является цѣльная натура викинга, предпочитаемая имъ современному полухристіанину, человѣку съ больною совѣстью (вродѣ Сольнеса); посредственности, составляющія собою толпу, внушаютъ Ибсену отвращеніе и презрѣніе къ нимъ. Онѣ, по мнѣнію Ибсена, сѣютъ смуту, ложь и сомнѣнія въ обществѣ и являются главными виновниками его страданія. Ибсенъ не знаетъ, что, собственно говоря, нужно человѣчеству, но онъ увѣренъ въ томъ, что каждый долженъ стремиться къ завоеванію истины.

Норвегія, — заканчиваетъ ле-Ру свою книгу, — обѣщаетъ молодому поколѣнію воздушные зáмки; на нее устремлены въ настоящее время всѣ взоры, и я вѣрю, что она сдержитъ свое обѣщаніе и взойдетъ на вершину башни. Но она не обладаетъ такою чистотой сердца и могучею совѣстью, чтобы произнести слова, которыя заставляютъ человѣчество освободиться отъ чрезмѣрнаго страха передъ долгомъ и боязни передъ божествомъ. Если же изъ любви къ молодому поколѣнію и страсти къ славѣ Норвегія произнесетъ эти великія слова, то у нея закружится голова и она кончитъ тѣмъ, что упадетъ въ пропасть.

Норвежецъ, провожавшій ле-Ру на пароходъ, увозившій его во Францію, отвѣтилъ:

— Если судьба Норвегіи такова, то она совершится помимо насъ. Будемъ только надѣяться, что въ этотъ день люди всего міра вспомнятъ слова Гильды *): «Ничего! за то онъ достигъ вершины!...

М. Ш.

---

*) Гильда—героиня драмы Ибсена *Дикая утка*. Эти слова относятся къ Сольнесу.

Гамлетъ *).

I.

Въ началѣ осени 1601 года Шекспиръ понесъ тяжкую утрату. Похоронный списокъ стрэтфордскихъ протоколовъ за 1601 г. заключаетъ въ себѣ слѣдующую строку:

Septemb. 8. M-r Johannes Shakespeare.

Онъ лишился своего отца, своего перваго друга и покровителя, честь и репутація котораго были ему такъ дороги. Отецъ, навѣрное, жилъ вмѣстѣ съ оставленною на родинѣ семьею сына въ красивомъ «New Place», купленномъ Шекспиромъ за четыре года передъ тѣмъ; онъ воспитывалъ его и маленькихъ дочерей, Сусанну и Юдиѳь, онъ принималъ участіе въ уходѣ за маленькимъ Гамнетомъ во время его болѣзни **). И вотъ теперь его не стало. Вся юность, проведенная возлѣ отца, воскресла передъ Шекспиромъ, вмѣстѣ съ воспоминаніями явился цѣлый рой мыслей, и основное отношеніе между отцомъ и сыномъ выступило на передній планъ въ его душевной жизни; онъ погрузился въ думы о сыновней любви и сыновнемъ почтеніи.

Въ томъ же году въ фантазіи Шекспира начинаетъ создаваться *Гамлетъ*.

Гамлетъ — произведеніе человѣческаго генія, сдѣлавшее имя Даніи извѣстнымъ на всемъ пространствѣ земли. Изъ всѣхъ датчанъ только одинъ можетъ быть названъ знаменитымъ въ самомъ крупномъ стилѣ, только одинъ занимаетъ собой и понынѣ умы въ Европѣ, Америкѣ и Австраліи, даже въ Азіи и Африкѣ, поскольку европейская культура проникла въ эти части свѣта, и этотъ одинъ никогда не существовалъ или, по крайней мѣрѣ, никогда не существовалъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ сдѣлался знаменитъ. Данія произвела нѣсколькихъ людей, стяжавшихъ себѣ громкую славу: Тихо Браге, Торвальдсена, Андерсена. Но ни одинъ изъ нихъ не достигъ и сотой части славы Гамлета. Гамлетовская литература можетъ по своему

*) *Georg Brandes*: „William Shakespeare". Andet Bind. Kjöbenhavn, 1895.

**) Гамнетъ (это имя пишется также *Гамлетъ*), единственный сынъ Шекспира, умеръ въ 1596 г., 11 лѣтъ.

объему сравняться съ менѣе крупными европейскими, напримѣръ, съ словакской.

Насколько занимательно слѣдить глазомъ за тѣмъ, какъ глыба мрамора медленно принимаетъ человѣческій образъ, настолько же интересно наблюдать, какъ гамлетовскій сюжетъ постепенно получаетъ свой шекспировскій характеръ.

Сказаніе о Гамлетѣ впервые встрѣчается у Саксона Грамматика. Фенго убиваетъ своего храбраго брата Горвендиля и женится на его вдовѣ Герутѣ (Гертрудѣ). Сынъ Геруты Амлетъ принимаетъ рѣшеніе притвориться поврежденнымъ въ разсудкѣ, чтобы спастись отъ преслѣдованія Фенго, какъ существо безобидное. Съ цѣлью узнать, дѣйствительно ли онъ помѣшанъ, къ нему подсылаютъ красивую молодую дѣвушку, которая должна провѣрить, сохранитъ ли онъ свой характеръ безумія, когда она отдается ему. Но молочный братъ Амлета, сопровождающій его, выдаетъ ему этотъ замыселъ, притомъ же дѣвушка съ давнихъ поръ его любитъ, и тайна его не разоблачается. Здѣсь кроются зачатки Офеліи и Горацiо.

О безумныхъ рѣчахъ Амлета вставлено замѣчаніе, что лгать онъ не хотѣлъ; поэтому онъ придавалъ двойственный смыслъ своимъ словамъ, такъ что хотя и говорилъ постоянно то, что думалъ, но все же выражалъ это такъ, что нельзя было понять, думаетъ ли или знаетъ ли онъ, что говоритъ,—формула столь же хорошо подходящая къ глубокомыслію шекспировскаго Гамлета, какъ къ наивной, затемненной загадками рѣчи ютландскаго Амлета.

Точно такъ же и Полоній намѣченъ здѣсь, особенно сцена, гдѣ онъ подслушиваетъ разговоръ Гамлета съ матерью. Одинъ изъ друзей короля, болѣе самомнительный, нежели умный (*praesumtione quam solertia abundantior*), предлагаетъ, чтобы кто-нибудь спрятался въ спальнѣ королевы. Амлетъ прокалываетъ его мечомъ и бросаетъ изрубленный трупъ свиньямъ, подобно тому, какъ Гамлетъ въ драмѣ вытаскиваетъ трупъ изъ комнаты. Затѣмъ слѣдуетъ обвинительная рѣчь Амлета къ матери, и она построена такимъ образомъ, что многія мѣста ея сохранились еще у Шекспира:

«Неужели ты думаешь, женщина, что эти лицемѣрныя слезы могутъ смыть твой позоръ,—ты, бросившаяся, какъ развратница, въ объятія самаго гнуснаго злодѣя, кровосмѣсительно сочетавшаяся съ убійцей своего супруга и самымъ низкимъ образомъ осыпающая ласками и лестью того, кто отнялъ отца у твоего сына? На кого походишь ты? Не на женщину, а на безсловесныхъ животныхъ, совокупляющихся безъ разбора».

Фенго замышляетъ погубить Амлета въ Англіи и посылаетъ его туда съ двумя спутниками, которымъ Шекспиръ, какъ извѣстно, далъ имена Розенкранца и Гильденштерна, имена двухъ датскихъ вельможъ, вмѣстѣ объѣхавшихъ въ эти годы Европу; ихъ вензель былъ найденъ въ старинной генеалогической таблицѣ и скопированъ съ *facsimile*. Эти спутники везутъ съ собой руническіе жезлы, на которыхъ Амлетъ измѣняетъ руны, подобно тому, какъ въ драмѣ онъ переписываетъ указъ.

Еще одна мелкая черта какъ бы подготовлена у Саксона: нечаянный обмѣнъ рапиръ. Въ сценѣ мести возвратившійся въ Данію Амлетъ застаетъ приближенныхъ короля за своею тризной. Онъ начинаетъ расхаживать среди нихъ съ обнаженнымъ мечомъ и, пробуя лезвіе ногтями, по временамъ ранитъ себя имъ. Вслѣдствіе этого его мечъ приколачиваютъ гвоздями къ ножнамъ. Амлетъ поджигаетъ залу и, подходя къ королю, чтобъ его убить, снимаетъ его мечъ со стѣны и на его мѣсто вѣшаетъ свой, который король передъ смертью тщетно пытается вынуть.

Теперь, послѣ того, какъ ни одному датчанину не довелось распространить такъ далеко по землѣ имя своей отчизны, странно звучатъ эти слова Саксона:

«Неувядаемой останется память объ этомъ стойкомъ юношѣ, вооружившемся противъ вѣроломства безуміемъ и чудесно скрывшемъ за нимъ блескъ сіяющей небесными лучами мудрости... Онъ принудилъ исторію оставить неразрѣшеннымъ вопросъ, что̀ болѣе заслуживаетъ удивленія, его геройство или умъ?»

Если Гамлетъ трагедіи говоритъ по поводу поспѣшнаго брака матери: «Ничтожность, женщина, твое названье!» *), то уже у Саксона Грамматика мы находимъ слѣдующія слова по поводу вдовы Горвендиля, поспѣшившей вступить вторично въ бракъ: «Такъ бываетъ со всѣми женскими обѣтами; они разлетаются, какъ мячи по вѣтру, и опускаются, какъ волны въ морѣ. Да кто же и захочетъ положиться на женское сердце, въ которомъ чувства такъ же быстро мѣняются, какъ цвѣты теряютъ лепестки, какъ чередуются времена года, какъ событія сглаживаютъ слѣды другъ друга?»

Въ глазахъ Саксона Амлетъ представляется воплощеніемъ не только ума, но и физической силы, тогда какъ Гамлетъ у Шекспира категорически подчеркиваетъ, что онъ не Геркулесъ:

«Но онъ похожъ на Гамлета царя,
Какъ я на Геркулеса!»

Саксонъ буквально сравниваетъ его съ полубогомъ, символизирующимъ тѣлесную мощь: «И слава его будетъ гласить, что еслибъ ему было дано благополучно прожить свою жизнь до конца, его превосходныя дарованія проявились бы въ подвигахъ, которыми онъ затмилъ бы Геркулеса, и украсили бы чело его вѣнцомъ полубога». Это положительно производитъ такое впечатлѣніе, точно Гамлетъ у Шекспира заявляетъ протестъ противъ словъ Саксона.

Около 1559 г. этотъ сюжетъ былъ изложенъ по-французски въ *Histoires tragiques* Бельфорэ и, повидимому, этимъ путемъ проникъ въ Англію, гдѣ далъ матеріалъ для первоначальной драмы о Гамлетѣ, которая тепе[рь] исчезла, но указанія на которую мы часто встрѣчаемъ. Была ли она нап[и]сана по канвѣ англійскаго перевода новеллы Бельфорэ и имѣлъ ли Ше[кспиръ]

*) Цитаты изъ *Гамлета* приводятся въ переводѣ Кронеберга.

спиръ въ рукахъ этотъ переводъ, относительно этого не существуетъ доказательствъ, такъ какъ старѣйшее изъ дошедшихъ до насъ изданій перевода (перепечатанное въ *Shakespeare's Library* Колльера, vol. I, стр. 131 и слѣд.) вышло въ 1608 году и, притомъ, заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя частности (наприм., подслушиванье Полонія за ковромъ и восклицаніе Гамлета: «Мышь! Мышь!»—передъ тѣмъ, какъ онъ его убиваетъ), которыхъ нѣтъ ни слѣда у Бельфорэ и которыя съ такимъ же вѣроятіемъ могли быть взяты изъ трагедіи Шекспира, какъ и заимствованы послѣднимъ изъ какого-нибудь неизвѣстнаго, старѣйшаго изданія новеллы.

Самое раннее указаніе на старую драму о Гамлетѣ, какое мы знаемъ, это слова Томаса Наша отъ 1589 г. *). Въ 1594 г. слуги лорда Каммергера (труппа Шекспира) играли вмѣстѣ съ слугами лорда адмирала на сценѣ театра Newington Butts, отчасти подъ режиссерствомъ Генсло, пьесу *Гамлетъ*, по поводу чего Генсло внесъ въ свой дневникъ за 9 іюня замѣтку: «Получено за *Гамлета*... VIII шиллинговъ». Это была, вѣроятно, старая пьеса, такъ какъ въ противномъ случаѣ Генсло прибавилъ бы буквы *не* (новая), и выручка должна была быть весьма незначительна, если его доля въ ней равнялась лишь 8 шиллингамъ (иногда она достигала 9 фунтовъ).

Главный интересъ въ этой старой пьесѣ былъ, повидимому, сосредоточенъ на прибавленномъ отъ автора образѣ—тѣни убитаго, и на ея восклицаніи: «Гамлетъ, мщеніе!» (*Hamlet, Revenge!*). Дѣло въ томъ, что это восклицаніе довольно часто цитируется. Въ первый разъ, въ 1596 г., въ *Wits Miserie* Томаса Лоджа, гдѣ объ авторѣ говорится, что онъ «былъ блѣденъ, какъ привидѣніе, кричавшее на театрѣ такимъ жалобнымъ голосомъ, точно торговка устрицами: *Гамлетъ, мщеніе!*», затѣмъ въ *Satiromastix* (Бичъ сатиры) Деккера отъ 1602 г., гдѣ Тукка говоритъ: «Мое имя—*Hamlet, Revenge*», въ 1605 г. въ *Voiage and Entertainement in Rushia* Томаса Смита, наконецъ, въ *The Night Raven* Самюэля Роулэнда, гдѣ, впрочемъ, эти слова, очевидно, поставлены, какъ невѣрно воспроизведенная цитата изъ шекспировской драмы.

Послѣдняя внесена въ книгопродавческій каталогъ 26 іюля 1602 года подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *A booke called the Revenge of Hamlett Prince (of) Denmarke as yt was latelie Acted by the Lord Chamberleyne his servantes*, слѣдовательно, какъ недавно игранная труппою лорда Каммергера. Что она съ перваго же раза имѣла успѣхъ, это почти доказано тѣмъ, что конкуррентъ Генсло выплатилъ уже 7 іюля 20 шиллинговъ Четтлю за «датскую трагедію»,—очевидно, за ретушовку старой драмы.

Выпускъ въ свѣтъ шекспировскаго *Гамлета* замедлился, однако, до 1603 г. Тогда появилось первое изданіе *in quarto*, несомнѣнно, пиратское

---

*) Въ предисловіи къ повѣсти Грина *Менафонъ* сатирикъ Томасъ Нашъ, обрушиваясь на юристовъ, покидающихъ свою профессію для того, чтобы сдѣлаться недурными поэтами, говоритъ: „Если же потолковать пообстоятельнѣе съ такимъ молодцомъ въ холодный утренній часъ, то онъ вамъ преподнесетъ цѣлыя деревни (hamlet),—я хочу сказать: цѣлыя пригоршни трагическихъ рѣчей". *Прим. перев.*

изданіе, исполненное или съ начала до конца стенографическимъ путемъ, или частью по спискамъ ролей, частью же по записямъ, сдѣланнымъ на память. Хотя это изданіе, навѣрное, заключаетъ въ себѣ лишь скомканный и искаженный текстъ, тѣмъ не менѣе, его отступленія отъ вышедшаго въ слѣдующемъ году тщательно выполненнаго изданія *in quatro*, во всемъ существенномъ вполнѣ согласующагося съ трагедіей въ томъ ея видѣ, какъ она напечатана въ первомъ *in folio*, не могутъ быть объяснены простыми ошибками и недосмотрами переписчика или стенографа. Разница слишкомъ велика для этого. Здѣсь мы, очевидно, имѣемъ, хотя въ крайне несовершенной формѣ, первый набросокъ шекспировской драмы, и, насколько можно судить, этотъ первый набросокъ значительно ближе къ старинной драмѣ о Гамлетѣ, послужившей источникомъ для Шекспира, нежели текстъ въ его окончательномъ видѣ. Мѣстами мы можемъ даже угадать среди шекспировскихъ сценъ сцены старинной пьесы и образщики стиля этой послѣдней среди шекспировскаго стиля. Весьма характеренъ и тотъ фактъ, что въ первомъ изданіи *in quarto* больше риѳмованныхъ мѣстъ, чѣмъ во второмъ.

Въ изданіи 1603 г. особенно бросается въ глаза сцена между Гораціо и королевой, гдѣ другъ принца разсказываетъ его матери о томъ, какъ рушились планы короля умертвить Гамлета во время его путешествія въ Англію,—сцена, имѣющая цѣлью очистить королеву отъ подозрѣнія въ сообщничествѣ съ королемъ; это стремленіе сквозитъ и въ другомъ мѣстѣ перваго изданія и является, повидимому, наслѣдіемъ старинной драмы. Насколько можно усмотрѣть, Гораціо имѣлъ въ ней вообще болѣе выдающуюся роль, безуміе Гамлета было болѣе бурно; Полоній носилъ, вѣроятно, имя Корамбисъ, оставленное передъ его репликами и въ изданіи 1603 г. Какъ мы видѣли, Шекспиръ взялъ, наконецъ, важную роль тѣни отца Гамлета, на которую не было ни малѣйшаго намека ни въ сказаніи, ни въ новеллѣ изъ этой старинной трагедіи о Гамлетѣ. Что послѣдняя послужила фундаментомъ для изданной нѣмецкой трагедіи *Der besrafte Brudermord* (рукопись отъ 1710 г.), это ничѣмъ не доказанное утвержденіе.

Если мы возвратимся къ драматической литературѣ Англіи, то увидимъ, что въ свою очередь старинная драма о Гамлетѣ была, по всей вѣроятности, внушена ея автору *Испанскою трагедіей* Кида, которая, судя по намекамъ въ *Cynthia's Bevels* и *Bartholomew Fair* Бенъ-Джонсона, должна была быть написана около 1584 г. и принадлежала къ пьесамъ, имѣвшимъ сильнѣйшую притягательную силу для театральной публики того времени. Принпъ еще въ 1632 г. утверждаетъ въ своей *Histriomastix* (Бичъ актеровъ), что одна женщина, на смертномъ одрѣ, вмѣсто того, чтобъ искать утѣшенія религіи, восклицала: «Іеронимо! Іеронимо! Ахъ, еслибъ мнѣ только еще разъ увидать представленіе Іеронимо!»

Трагедія открывается, по образцу Сенеки, появленіемъ тѣни убитаго, требующей отмщенія. Такимъ образомъ, тѣнь въ трагедіи Шекспира происходитъ по прямой линіи отъ тѣни Тантала въ *Тіэстѣ* Сенеки и отъ тѣни Тіэста въ *Агамемнонѣ* Сенеки. Іеронимо, помѣшавшійся отъ горя по смерти

утраты своего сына, въ полуироническоù, полубезумной формѣ повѣствуетъ злодѣю пьесы о гложущей его тоскѣ:

Лоренцо. Я хочу выслушать васъ, Іеронимо.

Іеронимо. Какъ, вы, государь, вы? Поберегите вашу милость ко мнѣ для болѣе крупныхъ вещей. Это лишь пустякъ, бездѣлица.

Лоренцо. Все равно! Скажите мнѣ, въ чемъ дѣло?

Іеронимо. Поистинѣ, государь, это бездѣлица... Жалкій пустякъ, да и того меньше: чистое ничто. Бездѣлица, какъ убійство сына, чистое ничто, государь!

Эти выраженія какъ будто подготовляютъ рѣчи Гамлета къ королю. Но только Іеронимо дѣйствительно помѣшанъ, хотя говоритъ о своемъ безуміи подобнымъ же образомъ, какъ Гамлетъ о своемъ, или, точнѣе, отрицаетъ свое безуміе.

По временамъ, особенно въ прибавленіяхъ, сдѣланныхъ Бэнъ-Джонсономъ, попадаются реплики, близко подходящія къ нѣкоторымъ мѣстамъ въ *Гамлетѣ*. Одинъ живописецъ, точно также потерявшій сына, говоритъ Іеронимо: «Никто такъ не любилъ своего сына, какъ я». Онъ отвѣчаетъ: «Никто, какъ ты? Это ложь, столь же великая, какъ вселенная. У меня былъ сынъ, одинъ волосокъ котораго стоилъ тысячи твоихъ сыновей, и его умертвили». Подобнымъ образомъ Гамлетъ говоритъ Лаэрту:

«Я любилъ
Офелію, и сорокъ тысячъ братьевъ
Со всею полнотой любви не могутъ
Ее любить такъ горячо».

Снова и снова Іеронимо, какъ и Гамлетъ, отсрочиваетъ мщеніе. «Такъ какъ не всякое время приличествуетъ мести,—говоритъ онъ,—то, несмотря на лихорадочность своего стремленія, я буду дѣйствовать, несмотря на свое безпокойство, притворюсь спокойнымъ. Я не подамъ виду, что знаю объ ихъ злодѣяніи, и, такимъ образомъ, мое простодушіе заставитъ ихъ подумать, что въ своемъ невѣдѣніи я оставлю все безнаказаннымъ». Подъ конецъ, какъ средство для мести, онъ составляетъ планъ поставить на сцену пьесу, собственную же пьесу Кида *Солиманъ и Перседа,* и во время представленія виновныхъ, играющихъ главныя роли, убиваютъ не фиктивнымъ только образомъ, а на самомъ дѣлѣ.

Какъ ни грубо еще все это, какъ ни наивно, болѣе сходно по стилю съ *Титомъ-Андроникомъ,* нежели съ какимъ-либо другимъ изъ произведеній Шекспира, но все же ясно, что *Испанская трагедія,* съ старинною драмой о Гамлетѣ въ видѣ посредствующаго звена, имѣла значеніе для него, какъ фундаментъ для его *Гамлета.*

Прежде чѣмъ приступать къ анализу болѣе глубокаго содержанія этого капитальнаго произведенія и, особенно, прежде чѣмъ приводить въ связь его сюжетъ съ личностью Шекспира, мы должны еще посмотрѣть, какія точки соприкосновенія нашелъ для него поэтъ въ современной ему эпохѣ.

Въ первой молодости Шекспира, пока онъ жилъ еще въ Стрэтфордѣ, на него должна была произвести сильное впечатлѣніе семейная трагедія Эссексовъ. Вся Англія говорила о скандалѣ, возбужденномъ графомъ Лейстеромъ, подозрѣвавшимся всѣми въ отравленіи лорда Эссекса и тотчасъ послѣ его смерти женившимся на его вдовѣ, лэди Летиціи, съ которой, въ чемъ никто не сомнѣвался, онъ находился въ интимныхъ отношеніяхъ еще при жизни ея мужа. Въ характерѣ короля Клавдія есть не мало чертъ, указывающихъ на то, что Шекспиръ воспользовался здѣсь Лейстеромъ, какъ моделью, и ему, и Лейстеру одинаково свойственны обходительная, привѣтливая манера, осторожное коварство, полная беззастѣнчивость. Съ другой стороны, совершенно лишено основанія мнѣніе, будто Шекспиръ (какъ предполагаетъ Германнъ Конрадъ въ *Preuss. Jahrbücher* за февраль 1895 г.) взялъ Эссекса въ модель самому Гамлету.

Шекспиръ былъ почти столь же близкимъ современникомъ событія въ шотландскомъ королевскомъ домѣ, соотвѣтствовавшаго катастрофѣ въ семьѣ Эссекса и Лейстера. Второй мужъ Маріи Стюартъ, лордъ Дарнлей, носившій титулъ короля Шотландіи, былъ убитъ въ 1567 г. любовникомъ Маріи, смѣлымъ и беззастѣнчивымъ Босвелемъ, съ которымъ королева тотчасъ же послѣ того сочеталась бракомъ. Современники не сомнѣвались въ томъ, что Марія была соучастницей въ убійствѣ, и сынъ ея Іаковъ видѣлъ въ отчимѣ и въ матери убійцъ своего отца. Во время шотландскаго мятежа предводители показали взятой въ плѣнъ королевѣ знамя, на которомъ былъ изображенъ трупъ Дарнлея, а возлѣ него ея сынъ, на колѣняхъ взывавшій къ небу о мщеніи. Дарнлей, какъ и король въ *Гамлетѣ*, былъ замѣчательно красивъ, Босвель же необыкновенно безобразенъ.

Іаковъ былъ воспитанъ врагами своей матери и, при жизни ея и послѣ ея смерти, постоянно колебался въ выборѣ между приверженцами матери, защищавшими ея законныя права, и ея противниками, изгнавшими ее изъ Шотландіи и посадившими его на престолъ. Правда, было время, когда онъ старался смягчить сердце Елизаветы по отношенію къ матери, но онъ не сдѣлалъ ни малѣйшей попытки отомстить за ея смерть. Характеръ у него былъ нерѣшительный. Онъ былъ очень хорошо образованъ и—чего далеко нельзя сказать о Гамлетѣ—былъ суевѣрный педантъ, но, какъ и Гамлетъ, любилъ искусства и науки и оказывалъ особое покровительство сценическому искусству. Отъ 1599—1601 г. часть труппы, къ которой принадлежалъ Шекспиръ, играла въ Шотландіи при его дворѣ; посѣтилъ ли въ то время и Шекспиръ Шотландію, это не доказано. Вѣрно лишь то, что когда Іаковъ въ 1603 г., по смерти Елизаветы, совершалъ въѣздъ свой въ Лондонъ, Шекспиръ, въ великолѣпномъ костюмѣ изъ краснаго сукна, находился въ его свитѣ вмѣстѣ съ Борбэджемъ и нѣкоторыми другими изъ самыхъ талантливыхъ актеровъ, и съ этихъ поръ труппа стала называться «слугами его величества короля».

Хотя во всемъ этомъ нѣтъ недостатка въ параллеляхъ къ исторіи Гамлета, но само собою разумѣется, что было бы такъ же странно считать

Іакова, какъ и Эссекса, моделью датскаго принца. Нельзя было сдѣлать въ то время болѣе глупой или болѣе безтактной вещи, какъ напомнить предполагаемому наслѣднику престола или новому королю о печальныхъ обстоятельствахъ, среди которыхъ онъ выросъ. Это не исключаетъ, конечно, возможности того, что современная исторія снабдила Шекспира извѣстными внѣшними элементами, которые въ моментъ зарожденія драмы присоединились къ картинѣ, образовавшейся въ его душѣ силою творческаго дара.

Съ той же точки зрѣнія слѣдуетъ разсматривать и большую часть матеріала, собираемаго благонамѣренными изслѣдователями въ слишкомъ наивномъ убѣжденіи, что они имѣютъ въ немъ камни, изъ которыхъ Шекспиръ складывалъ свое драматическое зданіе. Возможность того, что поэтъ, безотчетно для самого себя, получилъ тотъ или другой импульсъ къ частностямъ въ своемъ произведеніи, они принимаютъ за намѣреніе его передать въ поэтической переработкѣ опредѣленныя историческія событія. Тѣмъ способомъ, который предполагаютъ эти изслѣдователи, конечно, не создается ни одно поэтическое произведеніе, всего же менѣе такое произведеніе, какъ *Гамлетъ*; оно ростетъ извнутри, проистекаетъ изъ непреодолимаго чувства въ душѣ своего творца и среди своего роста ассимилируетъ впечатлѣнія, приходящія къ нему извнѣ.

Вотъ два событія, быть можетъ, занимавшія Шекспира, пока онъ разрабатывалъ свою драму, и опубликованныя въ свое время Карломъ Зильбершлагомъ *).

Въ 1600 г. Александръ Рутвенъ, лэрдъ Гоури, составилъ заговоръ противъ Іакова. Король казнилъ въ 1582 г. отца Рутвена, какъ бунтовщика, и конфисковалъ помѣстья сына, который жилъ во Франціи и Италіи, гдѣ пріобрѣлъ себѣ извѣстность ловкостью въ фехтованіи и другихъ рыцарскихъ упражненіяхъ. Одинъ вѣрный служитель, Риндъ, доставлялъ ему въ то время поддержку отъ вассаловъ его отца. Въ августѣ 1600 г., когда братьямъ Рутвенъ удалось своими просьбами склонить Іакова къ посѣщенію ихъ замка, Александръ Рутвенъ завелъ короля въ уединенную комнату въ башнѣ замка, объявилъ ему тамъ, что намѣренъ отомстить за смерть отца, и схватилъ Іакова за горло. Король успѣлъ позвать на помощь и приказалъ заколоть своего врага.

Зильбершлагъ придаетъ значеніе тому, что Дарнлей былъ убитъ, совершенно какъ отецъ Гамлета, въ безмятежномъ снѣ, въ веснѣ грѣховъ, безъ исповѣди и причастія, далѣе тому, что *лэрдъ* (Laird) похоже на англійское произношеніе имени *Laertes*, что Риндъ (Rhynd) похоже на Райнальдо, который въ первомъ изданіи *Гамлета* названъ Монтано, и что, подобно тому, какъ Рутвенъ схватилъ короля, такъ и Гамлетъ схватываетъ за горло Лаэрта на могилѣ Офеліи. Дѣло въ томъ, что и къ судьбѣ Офеліи это со-

*) *Shakespeare's Hamlet, seine Guellen und politische Beziehungen. Jahrbuch der* [deu]*tschen Shakespeare-Gesellschaft.* Band. XII, S. 261—290.

бытіе представляетъ аналогію. Невѣста лэрда Гоури, Анна-Мэри Дугласъ, во время своего пребыванія при шотландскомъ дворѣ, пользовалась чрезвычайнымъ благоволеніемъ короля, такъ что его считали даже влюбленнымъ въ нее. Смерть лэрда до такой степени потрясла ее, что тотчасъ по полученіи этого извѣстія она помѣшалась и въ этомъ состояніи умерла спустя нѣсколько недѣль.

Какъ видятъ читатели, есть возможность предполагать, что это недавнее событіе носилось передъ глазами Шекспира въ то время, какъ его фантазія создавала прелестный образъ Офеліи, но это, конечно, еще не значитъ, что ея образъ обязанъ упомянутому событію хотя бы малѣйшею долей своей красоты.

II.

Вмѣстѣ съ новеллистическими, драматургическими и историческими впечатлѣніями созданію драмы о Гамлетѣ способствовали впечатлѣнія философскаго, полунаучнаго характера. *Гамлетъ*—самая глубокомысленная, самая богатая рефлексіей изъ шекспировскихъ пьесъ; отъ нея исходитъ вѣяніе философскаго духа, а потому естественно было заняться разсмотрѣніемъ вопроса, подъ чьимъ воздѣйствіемъ могли возникнуть здѣсь размышленія о жизни и смерти и о тайнахъ бытія.

Различные изслѣдователи, какъ Чишвицъ и Кёнигъ, пытались установить преобладающее вліяніе Джордано Бруно на Шекспира *). Нѣкоторыя частности, наприм., сатирическія выходки Гамлета передъ королемъ по поводу мертваго Полонія (IV, 3), указывающія на круговоротъ въ природѣ, навели ихъ на мысль объ итальянскомъ ученомъ. Порою они считали возможнымъ усмотрѣть прямое соотвѣтствіе между оборотами рѣчи у Гамлета и у Бруно, такъ, наприм., въ томъ, какъ оба они выражаются о детерминизмѣ. Въ одномъ мѣстѣ, подчеркивая необходимость, съ которою все совершается, итальянскій мыслитель говоритъ: «Какова бы ни была предназначенная для меня вечерняя пора, когда наступитъ измѣненіе, я, находящійся въ ночи, все же ожидаю дня; тѣ же, которымъ свѣтитъ день, ожидаютъ ночи. Все то, что существуетъ, находится или здѣсь, или тамъ, близко или далеко, теперь или послѣ, одновременно или чередуясь одно съ другимъ». Подобнымъ же образомъ говоритъ и Гамлетъ (V, 2): «И воробей не гибнетъ безъ воли Провидѣнія. Не послѣ, такъ теперь; теперь, такъ не послѣ; и если не теперь, такъ когда-нибудь придется же быть готовымъ—вотъ все».

Бруно говоритъ: «Съ абсолютной точки зрѣнія нѣтъ ничего несовершеннаго или злого; оно кажется таковымъ лишь по отношенію къ чему либо другому, и то, что есть зло для одного, для другого есть благо» Гамлетъ говоритъ (II, 2): «Само по себѣ ничто ни дурно, ни хорошо: мысль дѣлаетъ его тѣмъ или другимъ».

*) *Tschischwitz*: „Shakespeare-Forschungen". *König*: „Shakespeare-Jahrbuch",]

Какъ только вниманіе критиковъ обратилось на Джордано Бруно, они не замедлили проштудировать не только его философскія и популярныя сочиненія, но даже его драматическія пьесы, въ поискахъ за образцами для Шекспира, и имъ посчастливилось найти параллели и аналогіи, которыя хотя и были сами по себѣ слабы и незначительны, но которыхъ не хотѣли считать случайными, такъ какъ было извѣстно, что во времена Шекспира Джордано Бруно жилъ въ Англіи и вращался въ обществѣ самыхъ выдающихся людей. Однако, какъ скоро было предпринято болѣе точное и многостороннее изслѣдованіе этихъ обстоятельствъ, то вѣроятность какого-нибудь воздѣйствія свелась почти къ нулю.

Джордано Бруно находился въ Англіи съ 1583 до 1585 г. Онъ прибылъ туда изъ Франціи, гдѣ обучалъ Генриха III искусству Луллія *), механическому, мнемотехническому методу разрѣшенія всевозможныхъ научныхъ проблемъ, и имѣлъ отъ него рекомендательное письмо къ французскому посланнику въ Лондонѣ, Мовиссьеру, въ домѣ котораго былъ принятъ, какъ другъ семьи, въ теченіе всего своего пребыванія въ Лондонѣ. Онъ познакомился со многими изъ самыхъ знаменитыхъ англичанъ, съ Уэльсингамомъ, Лейстеромъ и Борлеемъ, съ Филиппомъ Сиднеемъ и его литературнымъ кружкомъ, но вскорѣ переѣхалъ въ Оксфордъ, съ тѣмъ, чтобы преподавать тамъ и распространять дорогія его сердцу доктрины: міровую систему Коперника въ противуположность господствовавшей въ Оксфордѣ птоломеевской и ученіе о томъ, что одна и та же жизнь животворно проникаетъ все на землѣ, атомы и организмы, растенія, животныхъ и людей, и, наконецъ, даже вселенную. Онъ разсорился съ оксфордскими учеными и ѣдко осмѣялъ ихъ въ вышедшемъ вскорѣ послѣ того діалогѣ *La Cena de le ceneri*, гдѣ вообще отзывается крайне неодобрительно объ англійской непросвѣщенности и англійскихъ нравахъ. Грязь на лондонскихъ улицахъ и обычай передавать за столомъ стаканъ изъ рукъ въ руки, такъ что всѣ пьютъ изъ одного стакана, вызывали, наприм., у него почти столь же сильное негодованіе и презрѣніе, какъ упорство, съ какимъ университетскіе педанты отвергали ученіе Коперника.

Шекспиръ могъ прибыть въ Лондонъ никакъ не ранѣе того года, когда Бруно покинулъ Англію, и поэтому не могъ съ нимъ встрѣтиться. Итальянскій мыслитель не оказалъ никакого вліянія на умственную жизнь своихъ англійскихъ современниковъ. Даже Филиппъ Сидней не признавалъ его ученія, и имя его вовсе не упоминается въ составленной Гревиллемъ біографіи Сиднея, хотя Гревилль часто видался съ Бруно. Въ доказательство того, какъ безслѣдно прошло въ Англіи посѣщеніе Бруно, Бруннгоферъ, изучившій этотъ вопросъ, приводитъ тотъ фактъ, что въ Бодлеевской библіотекѣ нѣтъ ни одного документа и ни одного сочиненія того времени, гдѣ встрѣчались бы какія-нибудь свѣдѣнія о пребываніи Бруно въ Лондонѣ или Оксфордѣ **). Полагали, что Шекспиръ, тѣмъ не менѣе, прочелъ

*) Раймундъ Луллій—философъ XIII вѣка.

**) *Brunnhofer*: „Giordano Bruno's Weltanschauung und Verhängniss".

его философскіе трактаты по-итальянски. Это, конечно, возможно; но въ его *Гамлетѣ* нѣтъ ничего, что указывало бы на это и что не могло бы быть вполнѣ объяснено и въ томъ случаѣ, еслибъ онъ не имѣлъ о нихъ ни малѣйшаго понятія.

Единственное выраженіе у Шекспира, звучащее совершенно пантеистически,— впрочемъ, вѣроятно, благодаря простой случайности,— это — *the prophetic soul of the wide world* (пророческая душа безконечнаго міра) въ 107-мъ сонетѣ; единственныя мѣста, заключающія въ себѣ нѣчто, хотя нисколько не совпадающее, но все же аналогичное съ ученіемъ Бруно о превращеніи существующихъ въ природѣ формъ, это—циклическіе сонеты 59, 106, 523. Если въ этихъ мѣстахъ есть вообще какое-либо отношеніе къ Джордано Бруно, то это должно находиться въ связи съ тѣмъ, что Шекспиръ услыхалъ въ это время объ ученіи великаго итальянца, воскресшаго какъ разъ въ этотъ моментъ въ памяти англичанъ, вслѣдствіе мученической смерти мыслителя на кострѣ въ Римѣ (17 февраля 1600 г.). Если бы Шекспиръ изучалъ его сочиненія, то, между прочимъ, онъ получилъ бы какое-нибудь понятіе о системѣ Коперника, оставшейся ему неизвѣстной; за то не трудно предположить, что изъ разговоровъ онъ получилъ приблизительное и неполное представленіе о философіи Бруно и что это представленіе породило вышеупомянутыя философскія мечтанія. Между тѣмъ, все то, что въ *Гамлетѣ* хотѣли возвести къ вліянію Бруно, имѣетъ гораздо болѣе близкое отношеніе къ писателямъ, литературное и философское воздѣйствіе которыхъ на Шекспира не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію.

Какъ извѣстно, единственная книга, о которой мы знаемъ съ достовѣрностью, что она была личною собственностью Шекспира, это—*Опыты* Монтэня въ переводѣ Флоріо, изданіе *in folio*, Лондонъ, 1603 г. Въ Британскомъ музеѣ хранится этотъ экземпляръ, на которомъ Шекспиръ написалъ свое имя почеркомъ, извѣстнымъ намъ по другимъ документамъ.

Какую роль сочиненіе Монтэня играло въ англійскомъ обществѣ того времени, это явствуетъ изъ многочисленныхъ свидѣтельствъ. Что эта книга произвела весьма сильное впечатлѣніе и на самаго великаго человѣка въ этомъ обществѣ, это легко предположить, ибо въ то время не много было такихъ книгъ, какъ книга Монтэня, и, пожалуй, не было ни одной, гдѣ такъ ярко сказывался бы не авторъ, а человѣкъ, человѣкъ естественный, многосторонній, богатый дарованіями и богатый противорѣчіями.

Помимо *Гамлета* Монтэнь несомнѣнно сквозитъ еще въ одномъ мѣстѣ у Шекспира; въ то время, какъ поэтъ создавалъ *Бурю*, онъ долженъ былъ лежать у него на столѣ. Сравните *Бурю* (II, 1):

«*Гонзало.* Въ противность всѣмъ извѣстнымъ учрежденьямъ
Развилъ бы я республику мою.
Промышленность, чины-бъ я уничтожилъ,
И грамотѣ никто бы здѣсь не зналъ;

Здѣсь не было-бъ ни рабства, ни богатства,
Ни бѣдности; я строго-бъ запретилъ
Условія наслѣдства и границы;
Воздѣлывать поля или сады
Не стали-бъ здѣсь; изгналъ бы я металлы,
И всякій хлѣбъ, и масло, и вино.
Всѣ въ праздности здѣсь жили-бъ, безъ заботы» *).

И это почти буквально заимствованное мѣсто изъ *Опытовъ* Монтэня (I, ch. XXX):

«Есть народъ, у котораго нѣтъ никакого вида торговли, нѣтъ знанія, литературы, нѣтъ науки о числахъ, нѣтъ даже по имени начальства или государственной власти, нѣтъ слугъ, нѣтъ богатства или бѣдности, нѣтъ контрактовъ, нѣтъ наслѣдства, нѣтъ раздѣловъ, нѣтъ занятій, кромѣ праздности... нѣтъ земледѣлія, нѣтъ металловъ, нѣтъ употребленія вина или хлѣба...»

Совпаденіе окажется еще поразительнѣе, если мы возьмемъ оригиналъ, и не просто сличимъ англійскій переводъ Флоріо съ англійскимъ текстомъ Шекспира, а возьмемъ самого Монтэня. Наприм.: «Aucune espèce de trafique—no kind of traffic; nulle cognoissance de lettres—lettres should not be known; nul nom de magistrat—no name of magistrate; nul usage de service, de richesse ou de pauvreté—riches, poverty and use of servise, none».

Такъ какъ есть, слѣдовательно, возможность доказать, что Шекспиръ былъ знакомъ съ *Опытами* Монтэня, то аналогіи между нѣкоторыми мѣстами въ этой книгѣ и нѣкоторыми мѣстами въ его *Гамлетѣ* могутъ съ извѣстнымъ правдоподобіемъ быть объяснены не одною случайностью. Если эти мѣста въ трагедіи попадаются уже въ изданіи 1603 г., то слѣдуетъ предположить, что Шекспиръ былъ знакомъ съ французскимъ подлинникомъ или, что въ высшей степени вѣроятно и вполнѣ согласуется съ обычаемъ того времени, имѣлъ случай ознакомиться съ переводомъ Флоріо до выхода его въ свѣтъ. Дѣло въ томъ, что въ тѣ дни книга нерѣдко ходила въ спискахъ по рукамъ знакомыхъ автора лѣтъ за пять, за шесть до того, какъ предлагалась публикѣ. Шекспиръ же долженъ былъ принадлежать къ числу знакомыхъ автора, вслѣдствіе близкихъ отношеній Флоріо къ дому Саутамптона; книга была, впрочемъ, внесена уже въ 1599 г. въ каталогъ книгопродавцевъ, какъ готовая.

Флоріо родился въ 1545 г. отъ итальянскихъ родителей, которымъ пришлось эмигрировать вслѣдствіе того, что они были вальденцы. Самъ онъ совсѣмъ акклиматизировался въ Англіи, учился въ Оксфордѣ и тамъ давалъ уроки итальянскаго языка, нѣсколько лѣтъ состоялъ на службѣ у графа Саутамптона и былъ женатъ на сестрѣ поэта Самюэля Даніэля. Каждую книгу своего перевода *Опытовъ* Монтэня онъ посвятилъ какой-нибудь дамѣ изъ высшей знати. Между ними встрѣчаются имена Елиза-

*) Переводъ Сатина.

веты, графини Рутландъ, дочери Филиппа Сиднея, лэди Пенелопы Ригъ, сестры графа Эссекса, и знаменитой своею ученостью и прелестью лэди Елизаветы Грей. Каждую изъ этихъ дамъ онъ воспѣлъ въ сонетѣ.

Всякій помнитъ въ *Гамлетѣ* незабвенныя мѣста, въ которыхъ великій умъ, погрузившійся въ вопросы о жизни и смерти, далъ своимъ мыслямъ о безпощадности разрушенія или, какъ это можно было бы назвать, цинизма міроваго порядка, въ одно и то же время, рѣзкое и потрясающее выраженіе. Такъ, наприм., слова Гамлета (V, 1): «Почему не преслѣдовать воображенію благородный прахъ Александра до пивной бочки, гдѣ онъ замажетъ ея втулку? Александръ сдѣлался прахомъ; прахъ — земля; изъ земли дѣлается замазка и т. д.»; быть можетъ, Александромъ замазали пивную бочку, а Цезаремъ законопатили стѣну въ огражденіе отъ изморози и сквозняка. Та же тема варьируется въ жестокой шуткѣ Гамлета о червяхъ, кушающихъ за ужиномъ Полонія: «Дѣло возможное удить червякомъ, который ѣлъ короля, и скушать потомъ рыбу, проглотившую червяка; такимъ образомъ король можетъ прогуляться по пищеварительнымъ органамъ нищаго».

Въ этихъ мѣстахъ хотѣли видѣть воздѣйствіе Джордано Бруно, но могли его видѣть, какъ это мѣтко развито въ небольшой брошюрѣ Роберта Бейерсдорфа, лишь въ силу предположенія, будто ученіе Бруно было атомистическимъ матеріализмомъ *). Между тѣмъ, это ученіе есть пантеизмъ, постоянно провозглашающій всеединство Бога и природы. Даже атомы имѣютъ у Бруно свою долю духа и жизни; не механическое ихъ соединеніе производитъ жизнь; нѣтъ, они — монады. Подобно тому, какъ основнымъ настроеніемъ въ цитированныхъ выраженіяхъ Гамлета является цинизмъ, такъ основнымъ настроеніемъ въ словахъ Бруно является энтузіазмъ. Изъ сочиненій Бруно (*De la Causa* и *La Cena de le ceneri*) приводили три мѣста съ цѣлью доказать ихъ соотвѣтствіе со словами Гамлета объ измѣненіи матеріи. Но въ первомъ изъ этихъ мѣстъ Бруно говоритъ о превращеніи существующихъ въ природѣ формъ и о томъ, что всѣ формы происходятъ отъ міровой души; въ другомъ онъ утверждаетъ, что во всѣхъ составныхъ тѣлахъ живетъ множество индивидуумовъ, остающихся безсмертными по разложеніи этихъ тѣлъ; въ третьемъ онъ говоритъ о земномъ шарѣ, какъ объ огромномъ организмѣ, обновляющемся совершенно такъ же, какъ животныя и люди, чрезъ измѣненіе матеріи. Все сходство между этими мѣстами и взрывами горечи у Гамлета сводится къ тому, что и эти послѣдніе имѣютъ своею темой превращеніе формъ и измѣненіе матеріи въ природѣ. Но духъ, въ которомъ говоритъ объ этомъ Гамлетъ, представляетъ коренное различіе съ Бруно. Бруно хочетъ констатировать, что душевный элементъ проникаетъ и то, что по виду всецѣло принадлежитъ міру матеріи; Гамлетъ хочетъ, наоборотъ, показать, какъ жалко и тлѣнно человѣческое существованіе.

---

*) *Giordano Bruno und Schakespeare*. Oldenburg, 1889, S. 26.

Между тѣмъ, какъ разъ въ этихъ пунктахъ Гамлетъ очень близко подходитъ къ Монтэню; у послѣдняго довольно часто встрѣчаются обороты, подобные приведеннымъ выше; онъ упоминаетъ имя Суллы, какъ Гамлетъ имена Александра и Цезаря, и если сопоставить его выраженія съ выраженіями Шекспира, то совпаденіе будетъ поразительное. Гамлетъ говоритъ, наприм., что Полоній за ужиномъ, гдѣ не онъ кушаетъ, а его кушаютъ.

Гамлетъ (IV, 3): «Конгрессъ политическихъ червей только что за него принялся. И что касается съѣстного, такъ этакой червячишка — единственный монархъ. Мы откармливаемъ животныхъ, чтобъ откормить себя, а себя—для червей. Жирный король и тощій бѣднякъ—только различныя кушанья, два блюда для одного стола. Этимъ все кончается».

Монтэнь (livre II, ch. XII): «Не нужно кита, слона или крокодила или другихъ подобныхъ животныхъ, изъ которыхъ довольно одного, чтобы покончить со множествомъ людей. Достаточно крохотныхъ вшей, чтобы принудить Суллу отказаться отъ диктатуры. Сердце и жизнь великаго и побѣдоноснаго императора, это — завтракъ для маленькаго червячка».

Мы видѣли, что слова Гамлета объ относительности всякаго воззрѣнія хотѣли произвести отъ Бруно. Въ дѣйствительности они ближе подходятъ къ Монтэню. Когда Гамлетъ (впервые въ изданіи *in folio*), по поводу возраженія Розенкранца противъ реплики: «Данія—тюрьма», говоритъ (II, 2): «Само по себѣ ничто ни дурно, ни хорошо; мысль дѣлаетъ это тѣмъ или другимъ. Для меня Данія—тюрьма»,—то у Монтэня мы встрѣчаемъ это почти дословно (livre I, ch. XL):

«То, что мы называемъ зломъ или страданіемъ, не есть само по себѣ зло или страданіе; лишь наше представленіе придаетъ ему это свойство».

Мы видѣли, что слова Гамлета объ его смерти: «Не послѣ, такъ теперь, теперь, такъ не послѣ и т. д.» хотѣли вывести изъ словъ Бруно въ посвященіи его *Candelajo*: «Tutto quelch'è o è qua o è là, o viceno o lunghi, o adesso o poi, o presso o tardi». Но та же мысль, которая у Гамлета находитъ себѣ конечное выраженіе и въ словахъ: «Быть готовымъ — вотъ все»,—встрѣчается съ тѣмъ же самымъ заключеніемъ у Монтэня въ 19 главѣ его первой книги: «О томъ, что философствовать—значитъ учиться умирать»,—главѣ, послужившей вообще основой для разсужденій Гамлета на кладбищѣ *). Здѣсь горорится о смерти такъ:

«Нѣтъ мѣста, откуда бы она ни приходила. Она угрожаетъ всегда. Неизвѣстно, гдѣ ожидаетъ насъ смерть; будемъ ждать ее всюду... Я постоянно бываю приблизительно настолько подготовленъ, насколько это возможно. Надо всегда быть въ сапогахъ, всегда быть готовымъ пуститься въ путь...

«Что намъ за дѣло до того, когда это будетъ, разъ это неизбѣжно!»

Затѣмъ встрѣчаются яркія точки соприкосновенія между знаменитымъ

---

*) Это ранѣе всѣхъ (около 1860 г.) было высказано Отто Людвигомъ. См. его *Shakespeare-Studien*, стр. 373. Соотношеніе между Шекспиромъ и Монтэнемъ констатируется въ сбивчиво-написанной книгѣ Г. Ф. Штедефельда: *Hamlet, ein Tendenz-Drama*. 1871.

монологомъ «быть или не быть» и тѣмъ мѣстомъ у Монтэня (livre III, ch. XII), гдѣ онъ передаетъ главное содержаніе защитительной рѣчи Сократа. Сократъ предполагаетъ, какъ извѣстно, различныя возможности: смерть есть или улучшеніе нашего состоянія, или уничтоженіе нашего существа; но и это будетъ улучшеніе, если мы вступимъ въ долгую и мирную ночь, такъ какъ самое лучшее, что мы знаемъ въ жизни, это—спокойный и глубокій сонъ безъ сновидѣній. Въ положительное улучшеніе нашего состоянія посредствомъ смерти Шекспиръ, повидимому, не вѣрилъ; Гамлетъ не предполагаетъ его даже, какъ нѣчто возможное, но за то поэтъ заставляетъ его остановить свои мысли на вѣчномъ снѣ и на мучительной возможности ужасныхъ сновидѣній. По временамъ у Гамлета мы какъ бы чувствуемъ подлинникъ Платона въ изложеніи Монтэня. Во французскомъ текстѣ говорится объ удовлетвореніи, которое намъ доставляетъ мысль, что въ будущей жизни «мы не будемъ имѣть дѣла съ несправедливыми и подкупленными судьями». Гамлетъ говоритъ объ освобожденіи отъ «притѣсненія тирановъ и обиды гордаго». Нѣсколько строкъ, прибавленныхъ къ изданію 1604 г., прямо напоминаютъ одно мѣсто въ переводѣ Флоріо. Флоріо передаетъ слова Монтэня: *si c'est un anématissement de notre être* (если это есть уничтоженіе нашего существа) слѣдующею фразой: *if it be a consummation of one's being.* Гамлетъ, употребляя выраженіе, встрѣчающееся у Шекспира всего лишь два раза въ другихъ мѣстахъ, говоритъ: «a *consummation* devoutly to be wished» *).

Можно, наконецъ, привести еще много другихъ совпаденій въ употребленіи именъ и оборотовъ рѣчи,—совпаденій, не имѣющихъ, однако, настоящей силы доказательства. Тамъ, гдѣ Монтэнь изображаетъ анархическое состояніе, среди котораго протекла его жизнь, слова: «Все рушится вокругъ насъ» переданы у Флоріо замѣчательно поэтическимъ выраженіемъ *All is out of frame.* Это имѣетъ извѣстное сходство съ оборотомъ рѣчи, которымъ Гамлетъ (впрочемъ, еще въ изданіи 1603 г.) изображаетъ смутное время, наступившее вслѣдъ за смертью его отца: «Распалась связь временъ»—*The time is out of joint.* Быть можетъ, это сходство случайно, но, какъ одинъ изъ многихъ другихъ сходныхъ пунктовъ, оно указываетъ на то, что Шекспиръ былъ знакомъ съ переводомъ ранѣе его выхода въ свѣтъ **).

Сверхъ того, сначала Рёштону (въ *Shakespeare's Enphuism* 1871 г.), а позднѣе и Бейрсдорфу удалось представить не мало параллелей къ *Гамлету* въ *Эвфуэсъ* Лилли ***) и какъ разъ въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ другіе

*) У Кронеберга: „Такой конецъ достоинъ
Желаній жаркихъ!“

**) Сравните: *Jacob Feis:* „Shakespere and Montaigne“, 64—130. *Beyersdorff:* „Giordano Bruno und Shakespeare“, S. 27 и слѣд.

***) Джонъ Лилли (1554—1606 г.)—придворный поэтъ королевы Елизаветы, авторъ романа *Эвфуэсъ или Анатомія остроумія*, написаннаго приторно-манернымъ языкомъ, господствовавшимъ въ тогдашнихъ салонахъ, и нѣсколькихъ драматическихъ

изслѣдователи видѣли вліяніе гораздо далѣе отстоящаго отъ Шекспира Джордано Бруно. Бейерсдорфъ заходитъ подчасъ черезъ-чуръ далеко, стараясь приписать чтенію *Эвфруэса* такія мысли у Шекспира, предполагать возможность возникновенія которыхъ только какъ результатъ этого чтенія значило бы прямо оскорблять поэта. Но по временамъ встрѣчается дѣйствительная аналогія. Утверждали, будто король, тамъ, гдѣ онъ (I, 2) хочетъ представить Гамлету безразсудство его чрезмѣрной скорби объ умершемъ отцѣ, ищетъ доводовъ къ утѣшенію въ философіи природы Бруно. Въ дѣйствительности же письмо Эвфуэса къ Ферардо по поводу смерти его дочери заключаетъ въ себѣ какъ разъ тѣ же аргументы *).

Полагали, что когда Гамлетъ (II, 2) говоритъ о «мерзавцѣ-сатирикѣ», посмѣявшемся въ книгѣ, которую принцъ читаетъ въ эту минуту, надъ дряхлостью стариковъ, поэтъ долженъ былъ имѣть въ виду одно мѣсто изъ *Spaccio* Бруно, гдѣ старые люди охарактеризованы слѣдующимъ образомъ: «Тѣ, у кого снѣгъ на головѣ, а на челѣ морщины». Но если, наконецъ, подъ «мерзавцемъ-сатирикомъ» и подразумѣвается какой-нибудь опредѣленный авторъ, что весьма нелѣпо предполагать, то Лилли подходитъ подъ это наименованіе. Ибо всюду, гдѣ въ *Эвфуэсѣ* старики даютъ молодежи благіе совѣты, они неизмѣнно являются съ «бѣлыми волосами и слезящимися глазами» (*hoary haires and watry eyes*), и Эвфуэсъ, точь-въ-точь, какъ Гамлетъ, заставляетъ умолкнуть почтеннаго джентльмена, нравоучительныя разсужденія котораго представляются ему ничѣмъ инымъ, какъ завистью одряхлѣвшей старости къ крѣпости, свойственной молодымъ лѣтамъ, и чьи умственныя способности кажутся ему столь же слабыми, какъ его ноги.

Наконецъ, жестокія слова Гамлета къ Офеліи и его презрительныя выраженія о женщинахъ: «Ничтожность, женщина, твое названье!» — хотѣли возвести къ діалогу Бруно (*De la Causa*, IV), гдѣ педантъ Поліинніо выступаетъ женоненавистникомъ. Но все сходство заключается въ томъ, что здѣсь женщина, въ силу ортодоксальнаго богословскаго толкованія, является причиною всякихъ бѣдствій, какъ виновница первороднаго грѣха. Между тѣмъ, во многихъ мѣстахъ *Эвфуэса* встрѣчаются выраженія, несравненно болѣе близкія къ словамъ Гамлета. Если, наприм., Гамлетъ на вопросъ Офеліи, что онъ хочетъ сказать, отвѣчаетъ (III, 1): «То, что если ты добродѣтельна, такъ добродѣтель твоя не должна имѣть дѣла съ красотой», то въ *Эвфуэсѣ* сказано совершенно одинаково: «Твоя покойная мать часто повторяла, что у тебя больше красоты, чѣмъ годится для женщины, которая должна быть добродѣтельна», и Ферардо говоритъ поэтому: «О, Лю-

---

пасторалей, сочиненныхъ для придворныхъ спектаклей. См. о немъ книгу Н. И. Стороженка: *Предшественники Шекспира*.

*) „Knowest thou not, Ferardo, that lyfe is the gifte of Hod, deathe the due o nature. As we receive the one as a benefitte, so must we abide the other of necessitie“ и т. д. (Развѣ ты не знаешь, Ферардо, что жизнь есть даръ Божій, смерть— дань природѣ? Принимая первую, какъ благодѣяніе, мы должны претерпѣвать вторую по необходимости).

цилла, Люцилла, лучше бы ты была не такъ прекрасна!» Если Гамлетъ говоритъ о ничтожности женщинъ и ихъ способности развращать мужчинъ («Умные люди знаютъ хорошо, какихъ чудовищъ вы изъ насъ дѣлаете»), то въ *Эвфуэсѣ* есть совершенно соотвѣтственныя обвиненія женщинъ въ лживости, ревности и непостоянствѣ (*I perceive they be rather woe unto men, by their falsehood, gelousie, inconstancie*) и въ томъ, что онѣ дѣйствуютъ вызывающимъ, развращающимъ образомъ (*you will be corasines: corrosives* *). Бейерсдорфъ несомнѣнно правъ и въ томъ утвержденіи, что въ словахъ Гамлета явственно слышенъ еще хитросплетенный стиль *Эвфуэса,* когда датскій принцъ, давъ Офеліи совѣтъ насчетъ того, чтобъ добродѣтель ея не имѣла дѣла съ ея красотой, продолжаетъ: «Красота скорѣе превратитъ добродѣтель въ распутство, чѣмъ добродѣтель сдѣлаетъ красоту себѣ подобной».

Въ *Гамлетѣ*, какъ и въ другихъ пьесахъ Шекспира, встрѣчаются слѣды особаго рода атомистически-матеріалистическаго ученія. Въ *Юліи Цезарѣ* Антоній въ заключительныхъ словахъ о Брутѣ буквально употребляетъ выраженіе: «Такъ были *смѣшаны* въ немъ элементы». Въ *Мѣрѣ за мѣру* сказано (III, 1):

«Не самобытна ты,
Но состоишь изъ тысячи атомовъ,
Изъ праха порожденныхъ» (перев. Ѳ. Б. Миллера).

Здѣсь Гамлетъ говоритъ (I, 2):

«О, еслибъ вы, души моей оковы,
Ты, крѣпко сплоченный составъ костей,
Испарился въ туманъ, ниспалъ росою!»

И къ Гораціо (III, 2):

«И ты благословенъ: разсудокъ съ кровью
Въ тебѣ такъ *смѣшаны*»...

Мы уже касались вопроса, какъ далеко отстоитъ эта вѣра въ атомы, если только можно здѣсь признать таковую, отъ идеалистическаго ученія Бруно о монадахъ. Но, по всей вѣроятности, въ приведенныхъ цитатахъ лишь отразилось общераспространенное во времена Шекспира воззрѣніе, что всѣ свойства темперамента зависятъ отъ смѣшенія соковъ. Въ этомъ, какъ и во множествѣ другихъ пунктовъ, Шекспиръ болѣе близокъ къ народу и менѣе напитанъ книжною наукой, болѣе наивенъ и менѣе метафизиченъ, чѣмъ хотѣли его сдѣлать ученые изслѣдователи.

Монтэнь и Лилли принадлежали къ числу писателей, усердно читавшихся Шекспиромъ въ то время, какъ *Гамлетъ* началъ создаваться въ его душѣ. Но, разумѣется, онъ не ради *Гамлета* совѣщался съ ними. Ради

---

*) *John Lyly:* „Evphues. The Anatomy of Wit", изд. Ландманномъ, стр. 2.

Гамлета онъ совѣщался съ другими, но то были не книги, а люди и народъ, среди котораго онъ ежедневно вращался. Такъ какъ Гамлетъ былъ датчанинъ и судьба его завершилась въ далекой Даніи, имя которой пока еще не такъ часто произносилось въ Англіи, какъ стало произноситься, благодаря браку новаго короля съ датскою принцессой, то у Шекспира возникло естественное желаніе навести справки объ этой малоизвѣстной странѣ и ея нравахъ.

Въ 1585 г. на сценѣ городской ратуши въ Гельсингёрѣ выступили англійскіе актеры, и такъ какъ мы имѣемъ основаніе думать, что ихъ труппа была та самая, которая въ слѣдующемъ году была опредѣлена ко двору, то среди ея членовъ должны были находиться три лица, принадлежавшихъ въ то время, какъ Шекспира начала занимать мысль о *Гамлетѣ*, къ его актерскому товариществу и, вѣроятно, къ его ближайшему кружку, именно Вильямъ Келепъ, Джорджъ Брайенъ и Томасъ Попъ. Первый изъ нихъ, знаменитый клоунъ, состоялъ при труппѣ Шекспира отъ 1594 г. до марта 1602 г., когда онъ перешелъ на полугодовой срокъ въ товарищество Генсло; не позже 1594 г. туда перешли и оба другіе актера.

Очевидно, отъ этихъ своихъ товарищей, быть можетъ, одновременно и отъ другихъ англійскихъ актеровъ, игравшихъ въ 1596 г. въ Копенгагенѣ подъ режиссерствомъ Томаса Саквилля при коронаціи Христіана IV, Шекспиръ получилъ свѣдѣнія о различныхъ вопросахъ, касающихся Даніи. Прежде всего, о датскихъ именахъ, которыя хотя и исковерканы наборщиками въ различныхъ текстахъ *Гамлета*, но все же не до такой степени, чтобъ ихъ нельзя было легко узнать. Въ первомъ изданіи *in quarto* мы встрѣчаемъ имя *Rossencraft*, превратившееся во второмъ изданіи въ *Rosencraus*, а въ изданіи *in folio* въ *Rosincrane* и достаточно ясно показывающее, что оно есть старинное датское дворянское имя *Rosencrans*. Точно такимъ же образомъ мы видимъ въ трехъ изданіяхъ имя *Gilderstone*, *Guyldensterne* и *Guildensterne*, въ которомъ узнаемъ датское *Gyldenstierne*, а имя норвежскаго посланника *Voltemar*, *Voltemand*, *Valtemand*, *Voltumand*, это все искаженія датскаго *Valdemar*. Имя *Гертруда* Шекспиръ тоже долженъ былъ узнать отъ своихъ товарищей, датское имя, потому что перемѣнилъ на него имя *Geruth* новеллы; во второмъ изданіи *in quatro* оно, вслѣдствіе описки, превратилось въ *Gertrad*.

Очевидно, подъ вліяніемъ бесѣдъ съ товарищами, Шекспиръ и дѣйствіе въ *Гамлетѣ* перенесъ изъ Ютландіи въ Гельсингёръ (Эльсиноръ), который они посѣтили и затѣмъ описали ему. Поэтому ему извѣстенъ за̀мокъ въ Гельсингёрѣ, законченный постройкой лѣтъ за двадцать передъ тѣмъ, хотя онъ не упоминаетъ имя Кронборгъ.

Въ сценѣ, гдѣ Полоній подслушиваетъ за ковромъ (*the arras*) и гдѣ Гамлетъ, укоряя королеву въ ея преступленіи, указываетъ на портреты умершаго и царствующаго короля, хотѣли видѣть доказательство того, что Шекспиру была до нѣкоторой степени извѣстна внутренность за̀мка. Эта

сцена часто играется такимъ образомъ, что Гамлетъ показываетъ матери висящій у него на шеѣ портретъ отца въ миніатюрѣ, но слова въ драмѣ не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что Шекспиръ представлялъ себѣ стѣнныя изображенія во весь ростъ.

Между тѣмъ, отъ того времени сохранилось сдѣланное однимъ англійскимъ путешественникомъ описаніе одной комнаты въ Кронборгѣ, гдѣ говорится: «Она увѣшана коврами изъ новой цвѣтной шелковой матеріи безъ золота, на которыхъ всѣ датскіе короли изображены въ старинныхъ костюмахъ, смотря по обычаю различныхъ временъ, съ своимъ оружіемъ и съ надписями, повѣствующими о всѣхъ ихъ завоеваніяхъ и побѣдахъ» *).

Шекспиръ могъ, слѣдовательно, слышать объ обстановкѣ этой комнаты, хотя это мало правдоподобно. Что Полоній долженъ былъ подслушивать за ковромъ, подразумѣвалось само собой, а что въ королевскомъ зàмкѣ висѣли портреты королей, это естественно было предположить, не зная даже навѣрное, что такъ дѣйствительно было въ Даніи.

За то, посылая Гамлета учиться въ Виттенбергъ, Шекспиръ, вѣроятно, выбралъ этотъ городъ на основаніи хорошо извѣстнаго ему факта, что Виттенбергскій университетъ, котораго англичане избѣгали, какъ лютеранскаго, былъ посѣщаемъ многими датчанами, и, заставляя въ первомъ и пятомъ актѣ сопровождать заздравные кубки игрою трубъ и пушечными выстрѣлами, онъ, безъ всякаго сомнѣнія, зналъ, что это спеціально датскій обычай, и введеніемъ его въ свою пьесу постарался придать ей мѣстный колоритъ. Въ то время, какъ Гамлетъ и его друзья ожидаютъ появленія тѣни, раздаются звонъ трубъ и пушечные выстрѣлы. Гораціо спрашиваетъ: «Что это значитъ, принцъ?» Гамлетъ отвѣчаетъ:

«Король всю ночь гуляетъ напролетъ,
Шутитъ и пьетъ и мчится въ быстромъ вальсѣ.
Едва осушитъ онъ стаканъ рейнвейна,
Какъ слышенъ громъ и пушекъ, и литавръ,
Гремящихъ въ честь побѣды надъ виномъ».

Въ послѣдней сценѣ пьесы король согласно съ этимъ говоритъ:

«Дать мнѣ кубки; пусть труба литаврамъ,
Литавры пушкамъ, пушки небесамъ,
И небеса землѣ воскликнутъ хоромъ:
«Король за Гамлета здоровье пьетъ!»

Шекспиръ не устоялъ даже противъ желанія показать, что ему извѣстна невоздержность датчанъ въ употребленіи крѣпкихъ напитковъ и проистекающіе отсюда странные обычаи, ибо, какъ тонко замѣтилъ Шк ъ, для того, чтобы дать мѣсто въ пьесѣ своимъ свѣдѣніямъ на этотъ сч ъ,

*) *New Shakspere Society's Transactions*, 1874, стр. 513.

**) Сравн. *Schück*: „Englische komödianten in Skandinavien", Skandinavis es Archiw.

онъ долженъ былъ заставить уроженца Даніи, Гораціо, разспрашивать Гамлета, обычай ли это въ странѣ ознаменовывать каждый заздравный кубокъ трубами и пушками?

Въ отвѣтъ на его вопросъ Гамлетъ и говоритъ съ Гораціо, какъ съ иностранцемъ, объ этомъ обычаѣ и произноситъ глубокомысленныя слова, въ которыхъ высказываетъ сожалѣніе о томъ, что одинъ какой-нибудь недостатокъ можетъ погубить добрую славу какъ отдѣльной личности, такъ и цѣлаго народа, и покрыть его имя позоромъ. Ибо очевидно, что эти обычаи, соблюдавшіеся на пирахъ, позорили датскій народъ въ глазахъ лучшихъ англичанъ. Нѣкто Вилльямъ Сигоръ, главный герольдмейстеръ того времени, пишетъ въ своемъ дневникѣ, подъ датой 14 іюля 1603 г.: «Сегодня вечеромъ король (Даніи) взошелъ на англійскій корабль, гдѣ его ожидалъ банкетъ на верхней палубѣ, защищенной отъ солнца наметомъ изъ затканнаго серебромъ полотна. Каждый тостъ вызывалъ шесть, восемь или десять залповъ изъ тяжелыхъ орудій, такъ что за время пребыванія короля на кораблѣ было сдѣлано 160 выстрѣловъ». О праздникѣ, данномъ тѣмъ же королемъ въ честь англійскаго посланника, онъ пишетъ такъ: «Было бы излишне разсказывать о всѣхъ излишествахъ, которыя тутъ имѣли мѣсто, и тошно было бы слышать объ ихъ пьяныхъ застольныхъ рѣчахъ. Нравы и обычаи ввели это въ моду, а мода сдѣлала это привычкой, подражать которой нашей націи не подобаетъ» *).

Рѣчь идетъ о королѣ Христіанѣ IV, которому въ то время было 26 лѣтъ. Три года спустя, когда онъ посѣтилъ англійскій дворъ, то этотъ послѣдній, бывшій ранѣе вполнѣ трезвымъ, успѣлъ заразиться тою невоздержностью, подражанія которой опасался для Англіи почтенный авторъ дневника. Знатныя дамы стали наравнѣ съ мужчинами обнаруживать сильное пристрастіе къ вину. Гаррингтонъ (въ своихъ *Nugae Antiquae*, I, 340 и слѣд.) съ большимъ юморомъ описалъ празднества, въ которыхъ принималъ участіе датскій король. Онъ разсказываетъ, что послѣ обѣда было дано большое мимическое представленіе, называвшееся Соломоновымъ храмомъ. Предполагалось представить прибытіе царицы савской. Но, увы, дама, изображавшая царицу и готовившаяся преподнести ихъ величествамъ драгоцѣнные дары, споткнулась на ступеняхъ, ведшихъ къ ихъ трону, опрокинула все, что у нея было въ рукахъ: вино, желе, сладкіе напитки, пирожки, пряности,—на колѣни датскому королю, сама же повалилась прямо въ его объятія. Его попробовали обсушить. Онъ всталъ, чтобы начать танцы съ царицей савской, но упалъ передъ ней и его пришлось уложить на постель въ одномъ изъ внутреннихъ покоевъ. Праздникъ продолжался, и большинство присутствующихъ падало и оставалось лежать на полу.

Затѣмъ явились въ процессіи, богато разодѣтыя, Надежда, Вѣра и Любовь. Надежда заговорила первая, но не могла произнести свою рѣчь и удалилась, извинившись передъ королемъ; Вѣра ушла, шатаясь, одной только

*) *New Shakspere Society's Transactions*, 1874.

Любви удалось преклонить колѣни передъ монархомъ, но когда она стала искать Надежду и Вѣру, то оказалось, что обѣ онѣ, мучимыя рвотой, лежатъ въ малой залѣ. Потомъ появилась Побѣда, но она торжествовала недолго,—ее должны были увести, какъ жалкую плѣнницу, и дать ей выспаться на крыльцѣ; подъ конецъ показался Миръ, начавшій весьма немирно набрасываться съ своей оливковою вѣтвью на тѣхъ, кто ради требованій приличія хотѣлъ его вывести.

Такимъ образомъ, пристрастіе къ вину и прославленіе пьянства, какъ чего-то благопристойнаго и заслуживающаго удивленія, Шекспиръ счелъ датскимъ національнымъ порокомъ. Ясно, однако, что здѣсь, какъ и въ другихъ пьесахъ, онъ отнюдь не имѣлъ въ виду дать прежде всего характеристику чужого народа.

Не спеціально-національныя черты интересуютъ его, а общечеловѣческія, и не за предѣлами Англіи ищетъ онъ людей для своего Полонія, своего Гораціо, своей Офеліи и своего Гамлета.

III.

Если мы попытались, какъ видѣлъ читатель, собрать изрядное количество историческаго и драматическаго матеріала, новеллистическихъ сюжетовъ, обрывковъ философіи, этнографическихъ свѣдѣній, которыми пользовался Шекспиръ, работая надъ своимъ *Гамлетомъ,* или которыя, безотчетно для него самого, носились въ это время въ его памяти, то этимъ, само собою разумѣется, мы не хотѣли сказать, что стимулъ къ этому произведенію былъ имъ полученъ извнѣ. Какъ мы уже упоминали, путемъ сочетанія внѣшнихъ впечатлѣній не можетъ, конечно, создаться ни одно поэтическое произведеніе, достойное быть названо безсмертнымъ.

Исходною точкой Шекспира былъ его внутренній порывъ, побудившій его заняться этимъ сюжетомъ, такъ что все, имѣвшее къ нему отношеніе, кристаллизовалось вокругъ него, и онъ могъ сказать вмѣстѣ съ Гёте:

«Когда я долго таскаю дрова и солому и тщетно пытаюсь согрѣться... подъ конецъ пламя въ одинъ мигъ вспыхиваетъ надъ собраннымъ топливомъ».

Вотъ это-то пламя и вспыхиваетъ передъ нами изъ Гамлета и такъ высоко взлетаетъ, такъ ярко горитъ, что и понынѣ приковываетъ къ себѣ всѣ взоры.

Гамлетъ притворяется помѣшаннымъ, чтобы не возбуждать подозрѣній въ человѣкѣ, убившемъ его отца и противузаконно завладѣвшемъ престоломъ, но среди этого мнимаго безумія онъ даетъ доказательства рѣдкаго ума, глубокаго чувства, необычайной тонкости, сатирической остроты, ироническаго превосходства, прозорливаго знанія людей.

Здѣсь была точка отправленія для Шекспира. Косвенная форма изліяній всегда манила его и прельщала; ею пользовались его клоуны и юмористы. Шутъ Оселокъ прибѣгаетъ къ ней и на ней же основано въ значительной

мѣрѣ безсмертное остроуміе сэра Джона Фальстафа. Мы видѣли, какъ завидовалъ Жакъ въ комедіи *Какъ вамъ это понравится* тѣмъ, кто смѣлъ говорить правду подъ маской фиглярства; мы помнимъ, съ какою тоской онъ вздыхалъ по свободѣ, чтобы «какъ вольный вѣтеръ» дуть на все, на что захочетъ; все честолюбіе *этого* человѣка, подъ грустью и желаніями котораго Шекспиръ скрывалъ свои собственныя, имѣлъ своимъ объектомъ пеструю куртку шута. Шекспиръ восклицалъ его устами:

«Попробуйте напялить на меня
Костюмъ шута, позвольте мнѣ свободно
Все говорить, и я ручаюсь вамъ,
Что вычищу совсѣмъ желудокъ грязный
Испорченнаго міра».

(Переводъ П. И. Вейнберга).

Въ *Гамлетѣ* Шекспиръ накинулъ этотъ костюмъ на свои плечи, онъ чувствовалъ въ себѣ способность заставить Гамлета подъ формой кажущагося безумія говорить горькія и ѣдкія истины, и говорить ихъ такимъ образомъ, который забудется не скоро. Задача была благодарная, ибо всякая серьезная мысль дѣйствуетъ тѣмъ рѣшительнѣе, чѣмъ болѣе она звучитъ, какъ шутка или безсвязная рѣчь; всякая мудрость становится вдвое мудрѣе, когда ее бросаютъ непритязательно, какъ бредъ помѣшаннаго, вмѣсто того, чтобы педантически провозглашать ее, какъ плодъ разсужденія и опыта. Задача, для всякаго трудная, для Шекспира была лишь заманчива; здѣсь,—чего ни разу до него не удалось еще сдѣлать поэту,—предстояло начертать образъ генія; Шекспиру не далеко было искать модели, и все геніальное должно было подѣйствовать съ удвоенною силой, если бы геній надѣлъ на себя маску безумія и поочередно то говорилъ бы черезъ нее, то сбрасывалъ бы ее во взволнованныхъ монологахъ.

Шекспиръ не имѣлъ нужды дѣлать поэтическія усилія для того, чтобы превратиться въ Гамлета. Наоборотъ, въ эту душевную жизнь Гамлета какъ бы само собой перелилось все то, что въ послѣдніе годы наполняло его сердце и кипѣло въ его мозгу. Этотъ образъ онъ могъ напоить завѣтною кровью своего сердца, могъ передать ему біеніе пульса въ своихъ собственныхъ жилахъ. За челомъ его онъ могъ затаить собственную меланхолію, на языкъ его могъ положить свое собственное остроуміе, его глаза могъ заставить свѣтиться и сверкать лучами собственнаго духа.

Правда, внѣшняя судьба Гамлета и его не была одинакова. Онъ лишился отца не путемъ убійства; его мать не поступила недостойнымъ образомъ. Но, вѣдь, это внѣшнее были лишь знаки, лишь символы. Все онъ пережилъ такъ же, какъ Гамлетъ, все! Отецъ Гамлета былъ убитъ и мѣсто его занято братомъ; это значило, что существо, которое онъ ставилъ всего выше и которому былъ больше всѣхъ обязанъ, пало жертвой злобы и измѣны, было забыто такъ же быстро, какъ самое ничтожное созданіе, и безсовѣстно замѣнено другимъ. Какъ часто самъ онъ былъ свидѣтелемъ

того, какъ жалкое ничтожество свергало величіе и занимало его мѣсто! Мать Гамлета вступила въ бракъ съ убійцей—это значило, что то, что онъ долгое время чтилъ и любилъ, передъ чѣмъ склонялся, какъ передъ святыней, — святыней, какою мать является для сына, то, на чемъ онъ не потерпѣлъ бы ни одного пятна, предстало передъ нимъ въ одинъ злосчастный день нечистымъ, оскверненнымъ, легкомысленнымъ, быть можетъ, преступнымъ. Какое ужасное впечатлѣніе долженъ былъ вынести онъ самъ, когда открылъ впервые, что даже то, что онъ чтилъ, какъ самое совершенное на свѣтѣ, не удержалось на своей высотѣ, когда впервые увидалъ и понялъ, что то, изъ чего онъ создалъ идеалъ своею благоговѣйною любовью, низверглось въ прахъ съ своего пьедестала!

И развѣ это впечатлѣніе, потрясшее Гамлета, не было то же самое чувство, которое всякій юноша съ благородными задатками, впервые видящій свѣтъ, какъ онъ есть, выражаетъ въ этихъ краткихъ словахъ: «Увы, я не такою представлялъ себѣ жизнь!»

Смерть отца, непристойная поспѣшность, съ какою мать вступила вторично въ бракъ, и ея возможное преступленіе, вѣдь, все это были факты, сдѣлавшіеся для юноши симптомами дрянности человѣческой природы и несправедливости жизни, лишь единичные случаи, черезъ непроизвольное обобщеніе которыхъ онъ пришелъ къ представленію объ ужасныхъ возможностяхъ, вмѣщаемыхъ въ себѣ существованіемъ, о гнусныхъ неожиданностяхъ, которыя готовитъ намъ жизнь, — лишь поводъ къ тому, чтобы внезапно исчезъ тотъ розовый свѣтъ, въ которомъ ранѣе все рисовалось глазамъ молодого принца, такъ что земля показалась ему пустынной, небо зачумленнымъ, и онъ сразу утратилъ всю свою веселость.

Но такой именно кризисъ, приведшій къ утратѣ веселости, Шекспиръ и пережилъ еще такъ недавно. Покровителей своей молодости онъ потерялъ за годъ передъ тѣмъ *). Женщина, которую онъ любилъ и на которую взиралъ, какъ на существо утонченное и высшее, внезапно явилась передъ нимъ безсердечною, вѣроломною блудницей **). Другъ, предъ которымъ онъ преклонялся, котораго любилъ и боготворилъ, въ одинъ злосчастный день сговорился противъ него съ тою женщиной, насмѣялся надъ нимъ въ ея объятіяхъ, обманулъ его довѣріе и холодно отъ него отстранился ***). Даже надежда стяжать вѣнецъ поэта померкла для него. Да, нѣтъ сомнѣнія, что и онъ видѣлъ крушеніе своихъ иллюзій, видѣлъ гибель своего взгляда на жизнь.

*) Графъ Эссексъ, фаворитъ королевы Елизаветы, погибъ въ 1601 г. на эшафотѣ, а его родственникъ, графъ Саутамптонъ, въ томъ же году былъ заключенъ въ Тоуэръ по обвиненію въ соучастіи съ Эссексомъ въ поднятіи мятежа на улицахъ Лондона. Саутамптону Шекспиръ посвятилъ свои поэмы: *Венера и Адонисъ* и *Лукреція*.

**) Мери Фиттонъ, одна изъ придворныхъ дамъ королевы Елизаветы, воспѣтая Шекспиромъ подъ именемъ смуглой красавицы (clark lady) во второй группѣ его сонетовъ, стр. 127—152.

***) Вильямъ Гербертъ, графъ Пемброкъ, къ которому Шекспиръ обращается въ первой группѣ своихъ сонетовъ. *Прим. перев.*

Тогда, ошеломленный ударомъ, онъ былъ въ первыя минуты мягокъ, казался беззащитенъ; онъ не язвилъ своими словами, весь былъ кротость и печаль. Но въ этомъ сказывалась не вся его природа, и даже не самая глубь его природы. Въ сокровенной глубинѣ ея онъ былъ сила, грозная сила. Вооруженный, какъ никто другой, отважный и насмѣшливый, гнѣвный и остроумный, онъ стоялъ высоко надъ ними всѣми и былъ безконечно могучѣе своей судьбы. Какъ ни глубоко вели они свои подкопы, онъ подводилъ подъ нихъ другой, аршиномъ глубже. Много униженій претерпѣлъ онъ. Но возмездіе, котораго онъ не имѣлъ возможности добиться въ жизни, онъ могъ получить теперь *incognito,* черезъ обличительныя и бичующія слова Гамлета.

Много зналъ онъ знатныхъ господъ, обходившихся по-княжески съ художниками, съ актерами, которыхъ общественное мнѣніе не умѣло цѣнить. Теперь онъ самъ захотѣлъ быть знатнымъ господиномъ, чтобы показать, какъ истинно-княжескій умъ обходился съ бѣдными артистами, чтобы вложить въ его уста свои собственныя мысли объ искусствѣ и свое представленіе объ его достоинствѣ и значеніи.

Онъ слился съ Гамлетомъ; онъ чувствовалъ, какъ онъ; онъ привлекъ его къ себѣ и воспринялъ его въ себя до такой степени, что порою, когда онъ вкладывалъ ему въ уста самыя вѣскія мысли, какъ въ знаменитомъ монологѣ «быть иль не быть», то заставлялъ его думать не какъ принца, а какъ подданнаго, со всею горечью и страстностью, которыя развиваются у того, кто видитъ вокругъ себя господство грубости и глупости. Такимъ образомъ, онъ заставилъ Гамлета сказать:

«Кто снесъ бы бичъ и посмѣянье вѣка,
Безсилье правъ, тирановъ притѣсненье,
Обиды гордаго, забытую любовь,
Презрѣнныхъ душъ презрѣніе къ заслугамъ,
Когда бы могъ насъ подарить покоемъ
Одинъ ударъ?»

Всякій видитъ, что это прочувствовано и продумано снизу вверхъ, а не наоборотъ, и что эти слова невѣроятны, почти невозможны въ устахъ принца. Но это настроенія и мысли, которыя Шекспиръ еще недавно выразилъ отъ своего собственнаго имени въ 66 сонетѣ:

«Въ усталости моей я жажду лишь покоя!
Какъ видѣть тяжело достойныхъ въ нищетѣ,
Ничтожество—въ тиши вкушающимъ благое,
Измѣну всѣхъ надеждъ, обманъ—въ святой мечтѣ,
Почетъ среди толпы, присвоенный неправо,
Дѣвическую честь, растоптанную въ прахъ,
Клонящуюся мощь предъ рокомъ величаво,
Искусство, свой огонь влачащее въ цѣпяхъ,

Низвергнутое въ грязь прямое совершенство,
Ученость предъ судомъ надменнаго осла,
Правдивость, простотѣ сулимую въ блаженство,
И доброту души въ служеніи у зла!
Всѣмъ этимъ утомленъ, я бредилъ бы могилой,
Когда бы не пришлось тогда проститься съ милой».
(Перев. Гербеля).

Свѣтлое міросозерцаніе его юности было разбито; онъ видѣлъ силу злобы, власть глупости, видѣлъ низость вознесенною на высоту, а истинныя заслуги обойденными. Существованіе показало ему свою обратную сторону. Какой горькій опытъ жизни онъ прошелъ! Какъ часто въ минувшемъ году приходилось ему восклицать вмѣстѣ съ Гамлетомъ въ его первомъ монологѣ: «Ничтожность, женщина, твое названье!» И какъ глубоко позналъ онъ эту истину: «Не пускай ее на солнце. Плодородіе благодатно, но если такая благодать достанется въ удѣлъ твоей дочери» и т. д. До того дошелъ онъ, наконецъ, что, «всѣмъ утомленный», онъ находилъ ужаснымъ, что такая жизнь продолжается изъ рода въ родъ, что постоянно появляются новыя и новыя поколѣнія негодныхъ людей:

«Ступай въ монастырь! Зачѣмъ рождать на свѣтъ грѣшниковъ?»

Придворная жизнь, которую онъ мелькомъ видѣлъ, связи съ дворомъ, которыя онъ имѣлъ, извѣстія о придворныхъ, обходившія весь Лондонъ, показали ему правду, заключающуюся въ этихъ стихахъ:

«Cog, lie, flatter and face—
Four ways in Court to win men grace».

(Обманывать, лгать, льстить и лицемѣрить — вотъ четыре способа для людей войти въ милость при дворѣ) *).

При дворѣ созрѣвали чистѣйшіе типы преступниковъ, какъ Лейстеръ и Клавдій.

Что дѣлали при этомъ дворѣ, кромѣ угожденія сильнымъ міра, что преуспѣвало тамъ, кромѣ многословной морали, шпіонства другъ за другомъ, поддѣльнаго остроумія, дѣйствительнаго двоедушія, постоянной безпринципности, вѣчнаго лицемѣрія? Чѣмъ были эти сильные міра, какъ не льстецами и прислужниками, не знавшими другого дѣла, какъ безпрестанно повертываться, подобно флюгеру, въ сторону вѣтра? И Полоній, и Озрикъ, Розенкранцъ и Гильденштернъ создались въ фантазіи Шекспира. Гнуть спину они умѣли, умѣли говорить красивыя фразы, всѣ они были членами великаго синклита всегда и во всемъ поддакивающихъ людей. Но гдѣ же были люди просто честные? «Быть честнымъ значитъ, какъ ведется на этомъ свѣтѣ, быть избраннымъ изъ десяти тысячъ».

Но датскій дворъ былъ лишь картиною всей Даніи, — той Даніи, гдѣ

*) Изъ стихотворенія поэта Елизаветинскаго времени, Роджера Ашэма. *Пр. перев.*

«нечисто что-то», и которая для Гамлета представляется тюрьмой. «Такъ и весь свѣтъ тюрьма»,—говоритъ Розенкранцъ. И Гамлетъ не отступаетъ передъ логическимъ выводомъ: «Превосходная. Въ ней много ямъ, каморокъ и конурокъ».

Высшій свѣтъ въ *Гамлетѣ* есть картина свѣтлая вообще.

Но если таковъ свѣтъ, если чистая и царственная натура такъ поставлена, такъ окружена въ свѣтѣ, то неизбѣжно поднимаются великіе, не находящіе отвѣта вопросы: «Какъ?» и «Почему?» Вопросъ объ отношеніи между добрыми и злыми въ этомъ мірѣ съ его неразрѣшенною загадкой приводитъ къ вопросу о міровомъ равновѣсіи, о царящей надъ людьми справедливости, объ отношеніи между міромъ и Божествомъ. И мысль,—мысль Гамлета, какъ и Шекспира,—стучится въ замкнутыя врата тайны.

В. С.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Водное законодательство и право въ Россіи.

Русское водное законодательство сдѣлало за послѣднее время весьма значительные успѣхи. 3 декабря 1890 года былъ изданъ законъ о пользованіи водами для орошенія въ Закавказьи, а въ концѣ прошлаго 1894 года въ г. Симферополѣ происходили засѣданія особаго совѣщанія, организованнаго г. министромъ земледѣлія изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ и представителей изъ разныхъ вѣдомствъ для выработки законопроекта о пользованіи водами Крымскаго полуострова. Въ газетахъ было сообщено недавно, что въ министерствѣ земледѣлія разрабатывается въ настоящее время и общее для имперіи водное законодательство. И давно пора. Съ полнымъ правомъ можно утверждать, что водное право есть одно изъ наименѣе разработанныхъ областей нашего свода. Ни общіе принципы этого права, ни отдѣльныя постановленія его, разбросанныя въ разныхъ частяхъ свода, не представляются сколько-нибудь опредѣлительными и ясными. Самостоятельнаго бытія это право у насъ не имѣетъ: вода разсматривается въ нашемъ законодательствѣ только какъ *принадлежность* земель и даже дѣленіе водъ на государственныя и частныя не проведено въ сводѣ съ достаточною ясностью и опредѣлительностью.

Мы не будемъ останавливаться здѣсь на тѣхъ постановленіяхъ свода, въ которыхъ рѣчь идетъ о такъ называемомъ правѣ участія общаго по отношенію къ водѣ. Ограничимся лишь замѣчаніемъ, что разбросанныя и несистематизированныя постановленія эти давно уже не удовлетворяютъ существующимъ условіямъ товарнаго движенія и въ особенности условіямъ сплава продуктовъ лѣсного хозяйства и вызываютъ справедливыя жалобы всѣхъ заинтересованныхъ въ дѣлѣ, съ одной стороны, и безконечное число судебныхъ дѣлъ—съ другой.

Судоходство и сплавъ—вотъ единственныя основанія, ради которыхъ общее законодательство наше признаетъ за нѣкоторыми водами характеръ публичный. Другого общественнаго характера въ водномъ правѣ наше законодательство не признаетъ. Такъ, право водопоя изъ рѣкъ можетъ быть лишь выведено изъ одной статьи X тома *), въ которой говорится не о

---

*) Статья 451.

водопоѣ собственно, а лишь о дорогѣ къ нему. Право же пользоваться водопоемъ, кому бы онъ ни принадлежалъ, имѣютъ у насъ только одни содержатели вольныхъ почтъ *). Постановленія положенія о крестьянахъ 19 февраля 1861 года, согласно которымъ крестьяне степной полосы имѣли право пользоваться помѣщичьимъ и, наоборотъ, помѣщикъ—крестьянскимъ въ случаѣ, если бы тотъ или другой водопой высохли бы, имѣли силу только въ продолженіе 9 лѣтъ послѣ изданія положенія и въ настоящее время представляютъ изъ себя только историческое воспоминаніе, очень близко затрогивающее, однако, интересы населенія южной части Россіи.

Еще болѣе бѣдно наше законодательство, регулирующее отношеніе владѣльцевъ въ пользованіи водою въ качествѣ механическаго двигателя. «Рѣки наши обставлены мельницами не одинаковой силы и конструкціи; на каждой мельницѣ требуется извѣстный уровень воды, необходимый для того, чтобъ она могла дѣйствовать. Между мельниками-сосѣдями необходимо соглашеніе по этому предмету, но такого соглашенія никогда не бываетъ» **). Цитируемый авторъ яркими красками рисуетъ далѣе безпомощное положеніе какъ владѣльцевъ, такъ и судовъ, въ которые принуждены обращаться первые для разрѣшенія споровъ о пользованіи водою, и справедливо замѣчаетъ, что къ естественнымъ причинамъ, въ зависимости отъ которыхъ уровень воды въ рѣкахъ постоянно измѣняется, присоединяются еще также причины искусственныя: поднятіе воды посредствомъ механическихъ построекъ и перестроекъ, которыя дѣлаются большею частью произвольно, внѣ всякаго контроля, иногда скрытно и притворно. Для того, чтобы распознать въ каждомъ случаѣ всѣ эти причины и опредѣлить, которая изъ нихъ и въ какой мѣрѣ должна быть признана рѣшительною,—для этого требуется, кромѣ близкаго знакомства съ мѣстностью, съ природою рѣки и береговъ ея, еще и техническое знаніе, требуется своевременность въ изслѣдованія, которое должно быть произведено именно въ ту минуту и при тѣхъ естественныхъ условіяхъ, при которыхъ произошло явленіе, подавшее поводъ къ тяжбѣ. Прошла эта минута, произошли какія-либо измѣненія въ погодѣ ли, въ конструкціи ли заводскаго механизма,—весь вопросъ получаетъ совершенно другой видъ сравнительно съ тѣмъ, какой онъ имѣлъ при своемъ возникновеніи, и едва прошло нѣсколько мѣсяцевъ, какъ возникаетъ новое производство о водѣ и подтопѣ, начинается вновь изслѣдованіе; дѣло снова восходитъ въ судъ, несмотря на окончательное рѣшеніе и на тѣ заорленые столбы, которые ставятся для означенія нормальнаго уровня воды: случается, что и эти указатели водяного права измѣняютъ свой видъ такъ же незамѣтно, какъ измѣняется конструкція механизма» ***). Скудость и неполнота дѣйствующаго законодательства, касающагося воды, какъ дѣятеля механическаго, вполнѣ объясняетъ причины такого печальнаго положенія вещей. Все наше «мельничное» законо-

*) Ст. 254. уст. почтоваго.

**) *К. П. Побѣдоносцевъ:* „Курсъ гражд. права“. Изд. 3-е., стр. 454.

***) Ibid., стр. 407.

дательство исчерпывается, собственно говоря, только одною (442) статьей X тома о мельничныхъ запрудахъ и примыканіи плотинъ къ чужому берегу.

Цѣлый рядъ другихъ статей свода повторяютъ названную, а постановленія X тома о спускѣ воды во время прохода каравановъ на мельницахъ, лежащихъ въ районѣ вышневолоцкой системы и моршанской и орловской судуходныхъ дистанцій *), не устанавливаютъ какого-либо общаго принципа, хотя и подчиняютъ интересъ болѣе частный—мельниковъ—болѣе общему—интересу торговаго движенія страны. Вотъ и все наше общее законодательство о водѣ. Вопросы о пользованіи ею при осушеніи и орошеніи земель въ немъ даже не затронуты, хотя жизнь все болѣе и болѣе выдвигаетъ ихъ.

Въ послѣднее время у насъ начались усиленныя работы по осушенію и орошенію земель, укрѣпленію овраговъ, устройству запрудъ и другихъ сооруженій для задержки зимней и весенней влаги. Во всѣхъ работахъ подобнаго рода приходится сталкиваться съ тѣмъ или инымъ вопросомъ воднаго права, и отсутствіе какихъ бы то ни было законодательныхъ постановленій по этому поводу служитъ большимъ тормазомъ для развитія этихъ меліорацій. Ограничусь однимъ примѣромъ. Въ Черниговской губерніи есть громадное болото, извѣстное подъ названіемъ «Трубайло», занимающее нѣсколько десятковъ тысячъ десятинъ въ Козелецкомъ и Остерскомъ уѣздахъ этой губерніи и въ Переяславскомъ уѣздѣ Полтавской. Изслѣдованія такъ называемой западной экспедиціи по осушкѣ болотъ обнаружили, что для осушенія «Трубайла» нужно, прежде всего, провести магистральную канаву длиною въ 37 верстъ, причемъ канава эта на протяженіи 27 верстъ должна идти по территоріи Черниговской, а 10 верстъ по территоріи Полтавской губерніи. Иниціативу по осушкѣ этого болота взяло на себя черниговское земство и съ самаго начала встрѣтилось съ цѣлымъ рядомъ препятствій. Переяславское земство, равно какъ и частныя лица этого уѣзда, въ предѣлахъ владѣній которыхъ должна пройти магистральная канава, отказались вступить въ какія бы то ни было соглашенія по этому поводу съ черниговскимъ земствомъ. «Сдѣланныя въ этомъ направленіи попытки не привели пока и, вѣроятно, не приведутъ ни къ какимъ результатамъ»,—сообщаетъ намъ г. предсѣдатель черниговской управы. Тѣмъ не менѣе, черниговское земство рѣшилось начать работы по проведенію магистральнаго канала не позднѣе нынѣшняго лѣта. «Съ проведеніемъ этого канала,—говоритъ пояснительная записка къ проекту осушенія, составленная инженерами западной экспедиціи,—идущая по каналу болотная вода, достигнувъ Полтавской губерніи, встрѣтитъ здѣсь вертикальную стѣнку болота, преграждающую ей путь, выступитъ изъ береговъ канала и разливомъ по поверхности болота будетъ стекать внизъ, благодаря естественному уклону къ югу, доказанному точною нивелировкой этого болота въ

*) Т. X, ст. 439 по прод. 1876 г.; т. XII уст. пут. сообщ., ст. 44 (прилож. II, ст. 13, и прил. IV, ст. 9).

предѣлахъ Полтавской губерніи. Дѣйствіе этой стѣнки внизу канала будетъ выражаться подпоромъ воды въ устьѣ канала на высоту, равную глубинѣ его, вслѣдствіе чего самая южная часть черниговскаго «Трубайла» не испытаетъ пользы осушенія до тѣхъ поръ, пока не будетъ продолженъ магистралъ въ Полтавскую губ., по крайней мѣрѣ, на длину до 10 верстъ. Сѣверная же часть Переяславскаго уѣзда должна будетъ испытать временное, до уплотненія торфяного покрова на осушаемомъ пространствѣ, но усиленное затопленіе водами черниговскаго Трубайла». Такъ говорятъ техники. Предположимъ на одну минуту, что черниговскому земству, въ лицѣ губернской управы, удастся убѣдить въ пользѣ осушенія всѣхъ владѣльцевъ черниговскаго «Трубайла» и въ предѣлахъ своей губерніи оно не встрѣтитъ сопротивленія среди частныхъ владѣльцевъ своему благому начинанію. Магистральный каналъ будетъ доведенъ до границы Полтавской губерніи, вода, какъ предсказываютъ техники, выступитъ изъ береговъ канала, и врядъ ли можно сомнѣваться въ томъ, что всѣ владѣльцы, земли которыхъ окажутся затопленными, предъявятъ иски о вознагражденіи за вредъ и убытки, причиненные имъ этимъ подтопомъ. Предвидитъ ли эти иски черниговское земство и какъ думаетъ оно отвѣчать на нихъ, мы не знаемъ.

«Трубайло», по словамъ г. предсѣдателя черниговской управы, представляетъ изъ себя счастливое исключеніе въ томъ отношеніи, что владѣльцы его довольно легко вступятъ въ соглашеніе съ управой относительно условій производства работъ по осушенію, возмѣщенію расходовъ и т. д. Но, кромѣ «Трубайла», въ Черниговской губерніи есть много другихъ болотъ *), уже изслѣдованныхъ по порученію земства западною экспедиціей и, притомъ, расположенныхъ въ южныхъ уѣздахъ губерніи, отличающейся хорошимъ качествомъ почвы и густою населенностью. Осушеніе ихъ является не только желательнымъ, а прямо необходимымъ въ видахъ поднятія благосостоянія населенія. «Между тѣмъ, — сообщаетъ г. предсѣдатель управы,—достигнуть соглашенія съ каждымъ изъ многочисленныхъ владѣльцевъ отдѣльнаго болотнаго бассейна на возмѣщеніе расходовъ по осушенію является дѣломъ въ высшей степени затруднительнымъ и почти невозможнымъ».

Черниговское земство вступаетъ съ владѣльцами осушаемыхъ болотъ въ особые договоры. Такихъ договоровъ оно заключило до настоящаго времени болѣе двухсотъ. Изученіе этихъ договоровъ, въ связи съ постановленіями черниговскаго губернскаго земскаго собранія 13 декабря 1893 года о выдачѣ ссудъ на осушеніе болотъ, приводитъ къ довольно интереснымъ выводамъ и потому мы остановимся на нихъ нѣсколько подробнѣе.

Особаго капитала для выдачи ссудъ по меліораціи черниговское земство не имѣетъ. Губернское собраніе ежегодно, въ очередной сессіи, разрѣшаетъ губернской управѣ заимствовать на этотъ предметъ опредѣлен-

*) Общая площадь болотъ въ губерніи равна приблизительно 2.000,000 десятинъ, изъ которыхъ около 40,000 поемныхъ.

ную сумму изъ капиталовъ запаснаго или страхового. На 1884 годъ, напримѣръ, такой кредитъ былъ разрѣшенъ собраніемъ въ суммѣ 50 тыс. р. Отдѣльныя лица и «общества» всѣхъ сословій землевладѣльцевъ, желая осушить имѣющіяся у нихъ земли, представляютъ въ губернскую управу установленныя свѣдѣнія, надлежащимъ образомъ удостовѣренныя, о количествѣ имѣющейся у нихъ земли, о платежахъ, лежащихъ на ней, о суммѣ долговъ, лежащихъ на имѣніи, о количествѣ земель, подлежащихъ осушенію, и т. д., и управа, имѣя въ рукахъ всѣ эти свѣдѣнія, разрѣшаетъ ссуду и опредѣляетъ ея размѣръ. «Ссуды» выдавались изъ 6% годовыхъ, и, согласно одному изъ правилъ объ ихъ выдачѣ, «желающій получить ссуду долженъ согласиться на непосредственное вѣдѣніе и руководство губернской управы» при выполненіи осушительныхъ работъ въ его имѣніи. Текстъ договоровъ, заключаемыхъ губернскою управой съ отдѣльными владѣльцами или обществами (крестьянскими), поясняетъ, въ чемъ заключается непосредственное вѣдѣніе и руководство губернской управы: «Практическое осуществленіе осушенія моихъ земель,—говорится здѣсь,—предоставляю губернской земской управѣ и безъ ея указаній обязываюсь не дѣлать осушительныхъ работъ. На случай, если понадобятся для дополнительныхъ осушительныхъ работъ издержки, превышающія предварительно исчисленную губернскою управой сумму, то причитающуюся на мою долю часть издержекъ обязываюсь уплатить губернской управѣ въ теченіе шести лѣтъ, съ уплатою (установленныхъ) процентовъ». Такимъ образомъ, оказывается, что земство никакихъ «ссудъ» на руки землевладѣльцамъ не выдаетъ и является не кредиторомъ, а подрядчикомъ, производящимъ осушительныя работы за свой счетъ и страхъ, подъ условіемъ возмѣщенія ему издержекъ, разсчитанныхъ по числу десятинъ земли, подлежащихъ осушенію, въ продолженіе шести лѣтъ и съ условіемъ ежегодной уплаты ему не менѣе одной шестой части капитальной суммы *) и причитающихся процентовъ.

Можно сдѣлать очень много возраженій противъ системы, принятой черниговскимъ земствомъ при организаціи дѣла осушенія земель, и изъ нихъ главное, что при этой системѣ сами владѣльцы остаются какъ бы пассивными зрителями, совершенно не участвующими во всѣхъ разсчетахъ, хозяйственныхъ и административныхъ соображеніяхъ, необходимо возникающихъ во всякомъ предпріятіи такого рода. Съ другой стороны, земство имѣетъ дѣло не со всѣми участниками осушенія, не съ добровольнымъ или принудительнымъ товариществомъ ихъ, какъ то практикуется въ западно-европейскихъ странахъ, а съ каждымъ владѣльцемъ въ отдѣльности. Въ результатѣ этого оно и принуждено не давать ссуды, а брать на себя подряды по осушкѣ земель, и, притомъ, подряды весьма рискованные: нежеланіе хотя бы одного изъ участниковъ допустить на земляхъ, принадлежащихъ ему, проведеніе осушительной канавы можетъ погубить все дѣло.

Въ договорахъ, заключаемыхъ губернскою управой съ отдѣльными вла-

*) Эта сумма не можетъ быть болѣе 6 руб. на десятину осушаемой площади.

дѣльцами осушаемыхъ болотъ, перечислены слѣдующія обязательства, которыя, кромѣ уплаты указанныхъ выше взносовъ, берутъ на себя эти послѣдніе. Они обязываются: 1) Не препятствовать производству на ихъ земляхъ осушительныхъ работъ, т.-е. проведенію новыхъ канавъ, углубленію и уширенію существующихъ, устройству шлюзовъ и проч. 2) Охранять пролегающія по ихъ землямъ канавы отъ засоренія и очищать засоренныя для свободнаго протока воды. 3) Не устраивать въ канавахъ никакихъ запрудъ для ловли рыбы. 4) Не загачивать канавъ для проѣздовъ и перегона скота, а устраивать черезъ канавы съ досчатымъ настиломъ мостики, съ пролетами во всю ширину канавъ. 5) При необходимости устройства дополнительныхъ боковыхъ канавъ, впускать ихъ въ магистралъ только въ пунктахъ, указанныхъ губернскимъ земскимъ техникомъ, и 6) не препятствовать проведенію дополнительныхъ канавъ черезъ ихъ земли, если сосѣднимъ владѣльцамъ это потребуется для лучшей осушки ихъ участковъ и на проведеніе такихъ канавъ согласится губернская управа. Всѣ эти обязательства имѣютъ очень большой техническій смыслъ, если можно такъ выразиться. Въ самомъ дѣлѣ, безъ исполненія ихъ нельзя разсчитывать на успѣшные результаты произведенныхъ затратъ. Но, при настоящемъ состояніи нашего воднаго законодательства, они имѣютъ очень небольшое юридическое значеніе. Черниговское земство думаетъ гарантировать исполненіе этихъ обязательствъ слѣдующими двумя правилами: «Если,—говорится въ п. 7-мъ договора,—владѣльцемъ будутъ нарушены приведенныя выше обязательства и на исправленіе нарушенныхъ по его винѣ сооруженій потребуются денежные расходы, то онъ обязывается возмѣстить такіе расходы по предъявленному ему счету, независимо отъ исполненія принятыхъ имъ на себя обязательствъ». Кромѣ того, согласно п. 8-го, «при продажѣ владѣльцемъ земель, осушаемыхъ съ участіемъ губернскаго земства, или пріобрѣтеніи подобныхъ, онъ обязывается принятое на себя обязательство передать формальнымъ актомъ покупателю, во второмъ же случаѣ соотвѣтственное обязательство принять на себя». Эти постановленія врядъ ли помогутъ дѣлу. Стόитъ спросить себя, въ чемъ будетъ заключаться искъ, предъявленный къ владѣльцу орошенныхъ земель губернскою управой въ случаѣ нарушенія имъ принятыхъ на себя обязательствъ? Онъ можетъ заключаться въ требованіи исполненія обязательства и возмѣщенія вреда и убытковъ, происходящихъ отъ его нарушенія. Но какъ опредѣлить и доказать сумму иска, какъ слѣдить за исполненіемъ всѣхъ этихъ обязательствъ при отсутствіи надзора, въ особенности въ виду господства въ краѣ краткосрочныхъ земельныхъ арендъ,—системы, которая, можно сказать, совершенно игнорируетъ будущее и живетъ только настоящимъ? Далѣе: какой смыслъ имѣетъ договоръ, заключенный не крѣпостнымъ порядкомъ, объ установленіи сервитута провода канавъ въ пользу сосѣднихъ владѣльцевъ, какъ то установлено въ изучаемомъ нами документѣ? Не можетъ быть никакихъ сомнѣній въ томъ, что никакой судъ, стоя на почвѣ дѣйствующаго права, не признаетъ юридической силы такого обязательства.

Замѣтимъ въ заключеніе, что по смыслу какъ «правилъ», такъ и «договоровъ» черниговскаго земства взаимныя обязательства между послѣднимъ и владѣльцами оканчиваются съ окончаніемъ работъ по осушенію, съ одной стороны, и съ уплатою издержекъ по осушенію—съ другой; это произойдетъ черезъ 6 лѣтъ, ибо этотъ срокъ есть maximum, въ теченіе котораго должны быть возвращены всѣ выданныя губернскою управой ссуды или, правильнѣе сказать, всѣ сдѣланныя ею затраты. А что будетъ черезъ 6 лѣтъ? Неужели всѣ сооруженія по осушенію, требующія самаго бдительнаго надзора и большого техническаго знанія, будутъ предоставлены полному и безконтрольному распоряженію каждаго отдѣльнаго владѣльца? На это мы не находимъ отвѣта въ изучаемыхъ документахъ и думаемъ, что до тѣхъ поръ, пока законодательство не придетъ на помощь для разрѣшенія поставленныхъ выше вопросовъ, всякая затрата на производство меліорацій, подобныхъ осушенію, представляется опасною какъ для частныхъ лицъ, такъ и для исполненныхъ благихъ намѣреній земствъ.

Таково положеніе воднаго вопроса въ коренной Россіи. Гораздо сложнѣе обстоитъ дѣло на ея окраинахъ—въ Закавказьи, Крыму и Туркестанѣ. О послѣднемъ, впрочемъ, мы теперь говорить не будемъ. Въ восточномъ Закавказьи осадковъ почти повсемѣстно выпадаетъ такъ мало, что земледѣліе безъ искусственнаго орошенія здѣсь немыслимо. Единственнымъ исключеніемъ въ этомъ отношеніи являются на крайнемъ юго-востокѣ Закавказья восточные склоны Тальшинскихъ горъ, гдѣ влаги выпадаетъ лишь немногимъ менѣе, чѣмъ въ западномъ Закавказьи. Для питанія оросительныхъ каналовъ края служатъ какъ главныя рѣки края — Кура и ея притокъ Араксъ, такъ и множество второстепенныхъ притоковъ этихъ рѣкъ, а также рѣчки и ручьи, стекающіе съ горъ. Въ бассейнахъ Куры и Аракса въ теченіе ирригаціоннаго періода (съ марта по октябрь) расходуется отъ 50 до 55 куб. саж. воды въ секунду: изъ этого количества 87,1% даютъ рѣки и ручьи, 10,4%—родники и болота и 1,5%—подпочвенная вода, выведенная подземными каналами (кяризъ). Площадь всѣхъ орошенныхъ земель въ восточномъ Закавказьи равняется приблизительно 1 милліону десятинъ, что составляетъ лишь половину всего пространства, которое можно оросить, подъ условіемъ устройства новыхъ ирригаціонныхъ системъ. Обширныя безводныя равнины (степи Муганская, Мильская и т. п.) могутъ служить прекраснымъ полемъ для такихъ работъ, тѣмъ болѣе, что существующіе въ этихъ степяхъ остатки ирригаціонныхъ каналовъ свидѣтельствуютъ, что здѣсь нѣкогда существовали обширныя ирригаціонныя системы. Въ настоящее время такія степныя пространства служатъ лишь зимними пастбищами для скота, а лѣтомъ, когда растительность отъ жаровъ выгораетъ, они становятся пустынными и безплодными (см. *Сельско-хоз. производительность Кавказа* въ сборникѣ *Сельское и лѣсное хозяйство Россіи,* изд. деп. земл. и сел. пром. для всемірной Колумбовской выставки въ Чикаго, стр. 560). Со времени присоединенія и умиротворенія Кавказа

было затрачено много средствъ и силъ для приведенія въ порядокъ старинныхъ ирригаціонныхъ системъ и устройства новыхъ. Ирригаціонныя работы производились здѣсь особенно усиленно во время управленія краемъ князя Воронцова.

Будущій историкъ Кавказа оцѣнитъ способы и пріемы, которые употреблялись здѣсь при производствѣ этихъ работъ. Замѣтимъ лишь, что, по оффиціальному признанію, они, въ большинствѣ случаевъ, не достигли намѣченныхъ цѣлей и вызывали ропотъ и неудовольствіе въ населеніи, понимавшемъ безплодность выполняемаго имъ труда по наряду. Въ проложенный для орошенія Караязской степи Іорскій каналъ, стоившій не менѣе 60,000 рублей деньгами и болѣе 120,000 дней по наряду, только пытались пустить воду, но неудачно. Въ настоящее время каналъ этотъ разрушенъ на всемъ своемъ протяженіи. Предпринятыя работы по возобновленію Шихилинскаго, Салооглинскаго, Керчайскаго и Маргалинскаго каналовъ въ Елизаветпольской губерніи были прекращены, не достигнувъ желаемыхъ результатовъ. Предпринятыя въ 1859 году работы по устройству каналовъ изъ озера Гохча, Эриванской губерніи, были точно также брошены, какъ и попытки приспособить для орошенія Еханагельское озеро. Мало того, было замѣчено, что со времени присоединенія края существующія водоросительныя канавы стали быстро приходить въ упадокъ и разрушаться, а на ряду съ этимъ цвѣтущія мѣстности стали превращаться въ безплодныя пустыни.

Весьма примѣчателенъ первый законодательный актъ, касающійся ирригаціи Кавказа, которымъ надѣялись остановить это запустѣніе края. Въ 1847 году было опубликовано слѣдующее высочайшее повелѣніе: «Выборъ и содержаніе въ Эриванскомъ и Нахичеванскомъ уѣздахъ, Тифлисской губерніи, мирабовъ, обязанныхъ заниматься распредѣленіемъ воды изъ каналовъ для орошенія полей, предоставить собственному распоряженію жителей, безъ всякаго вмѣшательства въ это дѣло со стороны мѣстнаго начальства, и съ тѣмъ, чтобы вліяніе начальства въ этомъ дѣлѣ ограничивалось только разборомъ могущихъ возникнуть жалобъ на неправильную раскладку взимаемаго на содержаніе мирабовъ сбора» *). Вскорѣ послѣ этого, а именно 20 октября 1859 года, послѣдовало другое высочайшее повелѣніе слѣдующаго содержанія: «Въ Закавказскомъ краѣ устройство, содержаніе и употребленіе поливныхъ канавъ остается на основаніи дѣйствующихъ тамъ мѣстныхъ обычаевъ, впредь до изданія особыхъ по сему предмету постановленій» **). Эти два высочайшія повелѣнія достаточно краснорѣчивы: въ нихъ громко звучитъ полное осужденіе системы управ-

*) Это высочайшее повелѣніе вошло въ уставъ о службѣ по выборамъ изд. 1857 г., ст. 641.

**) Законъ этотъ помѣщенъ 2-мъ примѣчаніемъ къ ст. 442 X т. Св. Зак. изд. 1887 г. въ слѣдующей редакціи: „Въ Закавказьи устройство, содержаніе и употребленіе поливныхъ каналовъ опредѣляется дѣйствующими тамъ мѣстными обычаями".

ленія водами и устройства водоорасительныхъ сооруженій, практиковавшихся до ихъ изданія.

Крымъ представляетъ, какъ извѣстно, во многихъ отношеніяхъ большое сходство съ Кавказомъ. Нѣкоторые не безъ основанія называютъ Крымъ Кавказомъ въ миніатюрѣ. Сельское хозяйство страдаетъ и здѣсь отъ недостатка влаги, хотя и далеко не въ той мѣрѣ, какъ восточное Закавказье. Общее количество орошаемыхъ земель, расположенныхъ, главнымъ образомъ, въ Симферопольскомъ, Ѳеодосійскомъ и Ялтинскомъ уѣздахъ, не превышаетъ 10 тысячъ десятинъ. Мѣстные знатоки крымскаго хозяйства много спорятъ о томъ, использована ли въ настоящее время вся вода рѣкъ и рѣчекъ Крыма для цѣлей орошенія. Личное наше впечатлѣніе, явившееся какъ результатъ объѣзда большей части полуострова, таково, что, при существующихъ порядкахъ водопользованія, свободной воды въ краѣ дѣйствительно нѣтъ, но что ея можетъ оказаться еще весьма достаточное количество, если пользованіе водою будетъ сколько-нибудь урегулировано. Значеніе для Крыма орошенія прекрасно иллюстрируется слѣдующими цифрами: «Высота арендной платы за табачную землю зависитъ отъ количества воды, могущей пойти на поливку, отъ положенія имѣнія, качества почвы и т. д. Такъ, въ Ялтинскомъ уѣздѣ неполивныя земли рѣдко сдаются въ аренду дороже, чѣмъ по 60 руб. за десятину; при возможности полить одинъ разъ плантацію цѣна поднимается уже до 100 руб. и дороже и, наконецъ, при достаточномъ количествѣ воды для орошенія—отъ 175 до 500 руб. за десятину. Въ Алуштѣ, напримѣръ, поливныя земли сдаются до 175 руб. за десятину, близъ дер. Никиты—отъ 250 до 400 руб., въ Партенитѣ — по 300 руб., близъ Ялты — отъ 150 до 500 руб., а въ одномъ случаѣ поливная десятина въ Мордвиновскомъ саду была сдана даже за 600 руб. въ годъ» *). Приведенныя цифры слишкомъ краснорѣчивы, чтобы нужно было останавливаться далѣе на затронутомъ вопросѣ. Неудивительно поэтому, что вопросъ объ обводненіи Крыма и объ урегулированіи его водяныхъ отношеній уже очень давно занималъ вниманіе правительства и общества. «Съ начала шестидесятыхъ годовъ правительство принимало цѣлый рядъ мѣръ по обводненію края. Въ первое время, при быстромъ наплывѣ переселенцевъ въ Таврическую губ., въ виду неотложной необходимости снабженія ихъ прѣсною водой, приходилось избирать самые простые способы для добыванія прѣсной воды. Работы эти, производившіяся съ 1861 по 1867 годъ особою коммиссіей, заключались въ заложеніи развѣдочныхъ буровыхъ скважинъ, прорытіи 52 новыхъ колодцевъ, возобновленіи 20 старыхъ, устройствѣ 17 запрудъ и, наконецъ, 3 цистернъ, которыя при наполненіи водою могли вмѣстить до 50 тысячъ ведеръ каждая» **). Для крымчаковъ осталась также памятна особая экспедиція, подъ предсѣдательствомъ контръ-адмирала Глазенапа, составленная

---

*) *Сборн. ст. свѣд. по Тав. губ.*, т. IX, отд. V, стр. 6.

**) Ibid., отд. I, стр. 27.

въ 1867 году изъ гидротехниковъ, горныхъ инженеровъ и другихъ спеціалистовъ. Эта экспедиція занималась изученіемъ географіи Крыма, условіями пользованія его водами и проектированіемъ обводнительныхъ работъ разнаго рода. «Подъ наблюденіемъ этой экспедиціи были произведены нѣкоторыя обводнительныя работы въ Симферополѣ и его окрестностяхъ, причемъ была сдѣлана попытка расчистить и регулировать р. Салгиръ; далѣе устроено было нѣсколько плотинъ или баррашей для задержанія водъ этой рѣки. Но работы эти были неудачны и отъ нихъ нынѣ не осталось и слѣда. Также неудачна была и попытка вырыть артезіанскій колодецъ въ Айбарахъ. При составленіи проекта этого колодца предполагалось получать артезіанскую воду съ глубины 200 саженъ въ количествѣ 4 мил. ведеръ въ сутки. Работы по буренію этого колодца производились съ 1869 по 1878 годъ, и хотя глубина его была доведена до 370 саж., на что израсходовано до 140 тысячъ рублей, но воды, все-таки, не получено» *). Обводненіе края стало на болѣе прочную почву только со времени приглашенія мѣстнымъ губернскимъ земствомъ ученаго спеціалиста-гидрогеолога. Знаніямъ бывшаго профессора и ректора Новороссійскаго университета Н. А. Головкинскаго, принявшаго на себя обязанности гидрогеолога, Таврическая губернія обязана уже цѣлымъ рядомъ дешевыхъ артезіанскихъ колодцевъ **).

Что касается воднаго законодательства, то Крымъ его пока не имѣетъ. Въ вопросахъ, касающихся водного права, суды обязаны, какъ то разъяснилъ правительствующій сенатъ по дѣлу Деревянки, руководствоваться мѣстными обычаями.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній мы можемъ обратиться къ изученію дѣйствующаго въ Закавказскомъ краѣ закона о пользованіи водами для орошенія земель, изданнаго 3 декабря 1890 г. Мы постараемся изучить этотъ законъ въ связи съ остатками стараго грузинскаго и мусульманскаго права, дѣйствовавшаго до присоединенія Кавказа къ Россіи, сдѣлаемъ нѣсколько справокъ въ западно-европейскомъ водномъ законодательствѣ и, наконецъ, приведемъ нѣкоторыя свѣдѣнія объ обычныхъ нормахъ и порядкахъ водопользованія въ Крыму изъ того матеріала, который былъ собранъ нами лично осенью прошлаго 1894 года.

Есть полное основаніе думать, что такъ называемыя общія положенія закавказскаго закона будутъ оказывать свое вліяніе на будущій крымскій законъ о водѣ, а, быть можетъ, и на общее для имперіи водное законодательство, поэтому мы остановимся на довольно подробномъ анализѣ этихъ положеній.

Основное положеніе закона 3 декабря 1890 г. выражено въ 1-й статьѣ его: «Права владѣльцевъ на воды,— говорится въ ней,— когда онѣ выхо-

---

*) Ibid., стр. 29.

**) См. *Н. А. Головкинскій:* „Артезіанскіе колодцы Тавр. губ.“. Одесса, 1890 г.

дятъ за предѣлы одного владѣнія, ограничиваются правомъ участія другихъ владѣльцевъ въ пользованіи водою для орошенія земель и для другихъ цѣлей (ст. 144) на основаніи статей (119—152) сего устава. Тѣ воды, которыя, получивъ начало въ предѣлахъ владѣнія, не стекаютъ изъ него естественнымъ путемъ, состоятъ въ исключительномъ пользованіи владѣльца». Прежде чѣмъ говорить объ устанавливаемомъ этою статьей раздѣленіи водъ на двѣ большихъ категоріи, разсмотримъ, въ чемъ заключаются ограниченія владѣльцевъ или, что то же, собственниковъ водъ, выходящихъ изъ предѣловъ одного владѣнія. Ст. 124-я закавказскаго закона гласитъ, что воды эти состоятъ въ *завѣдываніи* министерства государственныхъ имуществъ. *Завѣдываніе* заключается въ данномъ случаѣ не только въ надзорѣ за исполненіемъ установленныхъ правилъ пользованія водою, но и въ опредѣленіи права каждаго владѣльца на то или иное количество воды водовмѣстилища, «выходящаго за предѣлы одного владѣнія», ибо, согласно 122-й ст. изучаемаго закона, право пользованія оросительною водой удостовѣряется особыми свидѣтельствами, выдаваемыми чиновникомъ министерства земледѣлія (инспекторомъ водъ) на основаніи рѣшеній временныхъ окружныхъ и главнаго присутствій. При этомъ на основаніи ст. 1-й правилъ для опредѣленія существующихъ правъ пользованія оросительною водой, составляющихъ приложеніе къ ст. 121-й закавказскаго закона, при опредѣленіи ихъ принимается за основаніе не принципъ принадлежности воды къ землѣ, по которой она протекаетъ или въ предѣлахъ которой она находится, установленный дѣйствующимъ въ Имперіи законодательствомъ, а нижеслѣдующее: потребность населенія въ водѣ и существующее пользованіе оною, удостовѣряемое мѣстными обычаями и давностнымъ пользованіемъ, продолжающимся не менѣе 10 лѣтъ явно и безспорно, а равно и свидѣтельскими показаніями и письменными доказательствами. Согласно 123-й ст. закавказскаго закона, за правительствомъ сохраняется право, въ случаѣ необходимости, измѣнять системы каналовъ для улучшенія ихъ и сбереженія воды, причемъ выданныя свидѣтельства на пользованіе водою подлежатъ пересмотру и соотвѣтственному исправленію. Слѣдуетъ также обратить вниманіе на самый порядокъ опредѣленія правъ на воду, устанавливаемый ст. 16-й правилъ этого опредѣленія. Окружныя присутствія—учрежденія правительственныя—выѣзжаютъ по возможности во время орошенія на мѣсто и отбираютъ заявленія отъ заинтересованныхъ въ дѣлѣ лицъ о правахъ пользованія водою и о доказательствахъ этихъ правъ, занося всѣ показанія въ протоколъ и повѣряя ихъ *общимъ обзоромъ мѣстности*. Встрѣчая притоки, присутствіе въ томъ же порядкѣ отбираетъ заявленія о правахъ пользованія водою изъ этихъ притоковъ. Приведя въ извѣстность всѣ *притязанія* о правахъ на воду изъ рѣки или ея притоковъ, присутствіе выслушиваетъ объясненія сторонъ, разсматриваетъ представленныя доказательства, производитъ, въ случаѣ надобности, дознанія черезъ окольныхъ людей и дополнительные осмотры и допрашиваетъ свидѣтелей. Затѣмъ присутствіе склоняетъ стороны къ соглашенію и, если

оно не послѣдуетъ, постановляетъ рѣшеніе о правахъ пользованія водою всѣхъ лицъ, обществъ и учрежденій, получающихъ воду изъ рѣки или ея притоковъ, причемъ предсѣдатель публично опредѣляетъ день объявленія рѣшенія, назначая его не позднѣе двухъ недѣль. Въ рѣшеніи присутствія (ст. 23) означаются: 1) лица, общества или учрежденія, за которыми признано право пользованія оросительною водой; 2) количество воды, предоставленное имъ въ пользованіе въ такъ называемыхъ *башахъ* *) и въ пропорціональномъ отношеніи къ общему количеству воды, протекающему въ данномъ мѣстѣ русла; 3) предоставляется ли пользованіе водою постоянно, періодически или въ извѣстные періоды года (въ двухъ послѣднихъ случаяхъ опредѣляется порядокъ и періоды или время пользованія); 4) предоставляется ли пользованіе для домашняго потребленія и водопоя, для орошенія, для дѣйствія механическихъ заведеній или для иной какой цѣли, и 5) существуютъ ли въ округѣ или въ отдаленныхъ его мѣстностяхъ обычаи, ограничивающіе права пользованія водою для вододѣйствующихъ заведеній и свободу производить лѣтніе посѣвы и разводить сады.

Мы выписали почти цѣликомъ приведенныя только что статьи закона, чтобы имѣть полное право сказать, что закавказскій законъ о пользованіи оросительными водами совершенно отрицаетъ, а не ограничиваетъ только правомъ участія другихъ владѣльцевъ право собственности на воды, «выходящія за предѣлы одного владѣнія». Еще болѣе подтверждается такой взглядъ изъ разсмотрѣнія правилъ отвода такъ называемой «свободной» воды, которою изучаемый законъ признаетъ «не только ту, которая лѣтомъ стекаетъ въ море, какъ ненужный для орошенія избытокъ, но и ту часть воды, которая становится ненужной для орошенія въ извѣстное время года и употребляется лишь для вододѣйствующихъ заведеній и затѣмъ изливается въ море. Весьма любопытно, что основная идея, вытекающая изъ матеріальнаго содержанія изучаемаго закона, вполнѣ соотвѣтствуетъ тѣмъ воззрѣніямъ населенія на воду, съ какими мы встрѣчаемся въ Крыму и на Кавказѣ и которыя выражены очень ясно какъ въ грузинскомъ, такъ и въ мусульманскомъ правѣ.

Согласно ст. 169 уложенія царя Вахтанга, «три вещи, какъ-то: вода, лѣсъ и трава никому въ мірѣ не возбраняются и принадлежатъ государю». Ст. 170 того же уложенія гласитъ, что «царь можетъ проводить каналы для заселенія земли и лучшаго плодородія, черезъ чьи бы то ни было сады и поля, и никто не вправѣ засыпать оныя, дабы не прекратилась хлѣбная подать; какому селенію царь пожалуетъ и присвоитъ сіи каналы, тому и будутъ они принадлежать исключительно и никто не можетъ запретить починку и расчищеніе оныхъ».

Въ странахъ мусульманскихъ, не имѣющихъ гражданскихъ законовъ, юридическія отношенія вытекаютъ изъ религіозныхъ воззрѣній народовъ и разъясняются такъ называемыми шаріатскими книгами, дающими довольно

---

*) Башъ—мѣстная мѣра воды. Величина ея опредѣлена закономъ.

подробныя указанія и относительно права на воду, равно какъ и порядковъ орошенія земель. Такъ, по толкованію книги Ибни Гаджаръ, которою руководствуются послѣдователи шефійскаго толка суннитскаго исповѣданія, «всѣ воды, протекающія по степямъ, какъ рѣки Нилъ и Ефратъ, источники въ необитаемыхъ горахъ и мѣстахъ, горные потоки, образуемые отъ дождей, должны находиться въ общемъ пользованіи, согласно преданію отъ пророка Магомета. Этимъ уравниваются права всего человѣчества на воду, траву и огонь, пользоваться которыми никто, и даже Имамъ, никому не вправѣ воспрепятствовать (ст. III, глав. II, кн. XV). По разъясненію книги Мовкуфатъ, которою руководствуются послѣдователи толка Ханифа, суннитскаго исповѣданія, «отводъ воды изъ большихъ рѣкъ, находящихся въ общемъ пользованіи, лежитъ на обязанности казны; но, при неимѣніи въ ней суммы, работу эту должны производить всѣ жители; въ случаѣ же уклоненія послѣднихъ отъ этой работы, она производится по принужденію. Обработка же рѣчекъ и канавъ, находящихся въ частныхъ владѣніяхъ, лежитъ исключительно на обязанности самихъ владѣльцевъ ихъ, безъ всякаго участія въ подобномъ случаѣ сосѣдей; въ случаѣ отказа отъ такой работы хозяевъ, она производится по принужденію» (ст. I, гл. II, кн. XXIX). Въ приведенныхъ статьяхъ книги Мовкуфатъ особенно интересно дѣленіе воды на двѣ группы: одна находится въ общественномъ обладаніи, другая въ частномъ, но пользованіе ими происходитъ подъ контролемъ общественной власти.

Совершенно аналогичны приведеннымъ постановленія шаріатскихъ книгъ шіитскаго исповѣданія. Такъ, въ главѣ III книги Кевандулъ-Акхамъ сказано, что «всѣ люди безъ разбора пользуются равномѣрнымъ правомъ на родниковыя и дождевыя воды и даже на колодезныя, если колодезь вырытъ кѣмъ-нибудь на свободной землѣ не съ цѣлью его присвоенія». Въ главѣ IV той же книги говорится, что «всѣ люди пользуются равномѣрнымъ правомъ на воды большихъ рѣкъ, подобныхъ Ефрату и Тигру».

Осенью прошлаго (1894) года автору пришлось произвести мѣстное изслѣдованіе водяныхъ отношеній въ нѣкоторыхъ частяхъ Крымскаго полуострова и лично убѣдиться, поскольку живы въ коренномъ, татарскомъ населеніи края его воззрѣнія на воду, какъ имущество, находящееся въ общественномъ обладаніи. Принципъ частной собственности на землю сдѣлалъ здѣсь, правда, очень большіе успѣхи, но далеко не вездѣ является господствующимъ. Стоитъ заглянуть только въ болѣе глухія мѣста полуострова, гдѣ нравы проще и цѣнность земель ниже, чтобъ убѣдиться, что старыя воззрѣнія находятся еще здѣсь въ полной силѣ. Очень недалеко отъ такого крупнаго центра торговаго садоводства и винградарства и дачной цивилизаціи, какъ Алушта, находится деревня Демерти, у склона горы того же имени. Эта деревня стала извѣстна читающей публикѣ, благодаря обвалу горы, случившемуся здѣсь нѣсколько времени тому назадъ, не обошедшемуся безъ человѣческихъ жертвъ и повлекшему за собою рѣшеніе мѣстной администраціи перевести деревню въ другое мѣсто. За поселянами этой деревни числится около 7 тысячъ десятинъ земли и татары деревни пасутъ

на всей этой обширной площади свои стада и кое-гдѣ сѣютъ хлѣбъ. Хозяйство имѣетъ здѣсь еще совершенно «захватный» характеръ и принципъ частной собственности не прилагается еще во всей своей силѣ даже къ такому имуществу, какъ скотъ, едва ли не главному богатству деревни. Терминъ «частная собственность» на землю, а въ особенности на воду, здѣсь еще неизвѣстенъ, но и въ болѣе культурныхъ мѣстахъ полуострова я встрѣчалъ горячихъ защитниковъ принципа частной собственности на воду только среди крупныхъ землевладѣльцевъ русскаго или иностраннаго происхожденія. Болѣе мелкіе землевладѣльцы и въ особенности татары, можно сказать, поголовно находятъ принципъ этотъ не приложимымъ къ самымъ условіямъ ирригаціи края. Всякій разъ, когда я спрашивалъ татаръ, обращаясь какъ къ отдѣльнымъ лицамъ, такъ и къ цѣлымъ обществамъ на сходахъ ихъ, кому принадлежитъ вода, протекающая въ такомъ-то ручьѣ или рѣчкѣ, я получалъ отвѣты, что она принадлежитъ или «никому», или «всѣмъ», или, наконецъ, «вода здѣсь общественная». Такимъ воззрѣніемъ на право обладанія водами можно, казалось бы, объяснить какъ то убѣжденіе, съ которымъ приходится встрѣчаться почти повсемѣстно въ Крыму, что вода должна быть распредѣлена «по справедливости» между всѣми въ ней заинтересованными, равно какъ и тотъ фактъ, что посторонній татарскому населенію элементъ, русскіе, помѣщики и поселяне, относительно легко завоевываетъ себѣ право пользоваться водою изъ общественныхъ рѣкъ и водоорасительныхъ канавъ. Мнѣ извѣстны случаи, когда татары соглашались безъ всякаго вознагражденія предоставить пользованіе водою русскимъ землевладѣльцамъ, основывавшимъ свое право на совершенно фиктивныхъ документахъ, ибо считали, что не дать воду, когда имѣется ея избытокъ, не только несправедливо, но и противно закону Божьему.

Мотивы, которыми руководствовался государственный совѣтъ при изложеніи ст. 119 въ томъ ея видѣ, въ какомъ она вошла въ сводъ, для насъ неизвѣстны и врядъ ли умѣстно было бы дѣлать здѣсь какія бы то ни было предположенія по этому поводу. Какъ для судовъ, такъ и для самого населенія имѣютъ, конечно, большое значеніе не столько общіе принципы, поставленные въ заголовкѣ закона, сколько его матеріальное содержаніе. Послѣднее, какъ видно изъ сказаннаго, не противорѣчитъ кореннымъ воззрѣніямъ населенія на право на воду и всего болѣе соотвѣтствуетъ установившемуся въ послѣдніе годы въ ученой литературѣ взгляду на воду, какъ на предметъ общественнаго обладанія. Но включеніе или, лучше сказать, допущеніе въ законѣ противорѣчій имѣетъ всегда много вредныхъ послѣдствій и легко ведетъ къ неудобствамъ не только теоретическимъ, но и практическимъ. Нельзя, поэтому, не пожелать, чтобы при изданіи крымскаго закона о водѣ такое противорѣчіе было избѣгнуто. Лучше, думается намъ, совершенно не затрогивать въ подобныхъ случаяхъ общихъ вопросовъ права, чѣмъ впадать въ нежелательныя противорѣчія.

Выше мы видѣли, что законодательство наше знаетъ только два разряда водъ, а именно: 1) судоходныя рѣки и озера и 2) вода всѣхъ прочихъ

водовмѣстилищъ. Западно-европейское право дѣлитъ воды нѣсколько иначе. Такъ, въ Пруссіи *) различаютъ три категоріи водъ: 1) публичныя (öffentliche), совершенно изъятыя изъ частнаго обладанія; 2) частныя въ собственномъ смыслѣ (eigentliche Privatzenhöffer), составляющія принадлежность земель, по коимъ онѣ протекаютъ и въ предѣлахъ коихъ находятся, и 3) такъ называемыя частныя рѣки (sogenannte Privatflüsse), но тѣ, пользованіе водою которыхъ подчинено нѣкоторымъ правиламъ, объявленнымъ государственною властью, хотя собственниками ихъ остаются владѣльцы земель, по которымъ онѣ протекаютъ. Баварское законодательство **) раздѣляетъ воды на двѣ группы: 1) публичныя и 2) частныя воды. Послѣднія въ свою очередь раздѣляются: 1) на «замкнутыя» (geschlossene), не вытекающія изъ предѣловъ одного владѣнія, и 2) на рѣки горнаго обладанія (Privatflüsse), пользованіе водою которыхъ ограничено въ пользу владѣльцевъ земель, по которымъ она протекаетъ.

Французское законодательство, объявивши всѣ воды принадлежащими государству, во время революціи, отступило отъ этого принципа при изданіи Наполеоновскаго кодекса, и, установивъ принципъ частнаго обладанія водами, не служащими цѣлямъ судоходства, облегчило установленіе сервитутовъ пользованія водою частной ***). Австрійское законодательство 1869 г. построено на принципѣ, что всѣ воды, текучія и стоячія, находятся въ общественномъ обладаніи (öffentliches Gut), если онѣ не принадлежатъ кому-либо какъ частная собственность или по общему закону, или по какому-либо частному постановленію. Дальнѣйшій текстъ австрійскаго закона обнаруживаетъ, что воды, не выходящія изъ предѣловъ одного владѣнія, собирающіяся на томъ же владѣніи снѣговыя и дождевыя воды, воды колодцевъ, прудовъ, цистернъ и другихъ водовмѣстилищъ или каналовъ, устраиваемыхъ частными лицами для собственной выгоды, равно какъ ручьи и тому подобные протоки, до впаденія ихъ въ другія водовмѣстилища, считаются принадлежностью земель, по коимъ онѣ протекаютъ или въ предѣлахъ коихъ онѣ находятся. Но какъ только вода выходитъ изъ предѣловъ одного владѣнія и не замкнута въ каналъ, она становится res nullices et omnium communis ****). Водное управленіе управомочено установлять сервитуты пользованія такими водами, которыми самъ владѣлецъ ихъ не пользуется, равно какъ и сервитуты провода канавъ черезъ чужія земли.

Гораздо рѣзче ставитъ вопросъ законодательство Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки *****): «Вода всякаго естественнаго протока,—гласитъ, напримѣръ, законъ штата Колорадо,—не находящаяся въ частномъ обла-

---

*) Законъ 28 февраля 1843 года.

**) Законъ 29 августа 1876 года.

***) См. *Dovieb*: „Traité de la legislation et de la pratique des cours d'eau". Paris, 1844.

****) *Randa*: „Beiträge zum östr. r. Wasserrecht", стр. 20. 1878.

*****) См. „Abstract of the laws of the several states and territories on irrigation and water rights; publiched les anthority of thesuritary of agriculture". Washington, 1893.

данія, объявляется публичною собственностью (is hereby declared to be the property of the public) и предназначается для пользованія населенія всего штата по праву присвоенія (riht of approрiation) въ порядкѣ, указанномъ въ законѣ». Законъ штата Іомингъ (Wyoming) объявляетъ всѣ воды принадлежащими штату (The water of all natural streams et c-tra... ace hereby to be the property of the state). Штатъ Калифорнія объявляетъ всѣ воды находящимися въ публичномъ пользованіи, по правиламъ, установленнымъ въ законѣ (The use of oll water... is declared to be a public use and subsect to the regulation of the state in the manuer to bi proseribid by law). О публичномъ пользованіи всѣми водами говоритъ также законодательство штатовъ Вашингтона и Монтана, а законъ штата Сѣверной Дакоты объявляетъ, что всѣ текучія воды и естественные протоки суть собственность штата и предназначаются для цѣлей промышленныхъ и ирригаціи.

Изъ приведенныхъ законодательныхъ опредѣленій разныхъ категорій водъ видно, что во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда всѣ воды государства не объявляются публичною или государственною собственностью, кодексы принуждены устанавливать ихъ дѣленія, причемъ основаніями для этого дѣленія служатъ: во-первыхъ, государственное значеніе водъ того или иного водовмѣстилища, обусловливаемое массой или количествомъ воды, въ немъ находящейся или черезъ него протекающей; во-вторыхъ, природныя свойства водовмѣстилища, обусловливающія раздѣленіе водъ на текучія и стоячія, и, въ-третьихъ, мѣстонахожденіе водовмѣстилища въ предѣлахъ одного или нѣсколькихъ владѣній. Нельзя не признать всѣ дѣленія эти черезъ-чуръ общими. Принявъ, напримѣръ, дѣленіе водъ на двѣ категоріи по мѣстонахожденію водовмѣстилища въ предѣлахъ одного или нѣсколькихъ владѣній, какъ то дѣлалъ нашъ закавказскій законъ, придется признать, наприм., небольшое озеро или болото, находящееся среди земель 2—3 владѣльцевъ, «выходящимъ за предѣлы одного владѣнія» и подчинить пользованіе ими дѣйствію правилъ, совершенно исключающихъ понятіе о правѣ собственности на эти воды, и, въ то же время, признать безусловно частною собственностью обильный источникъ текучей воды, разъ она не покидаетъ въ своемъ теченіи одного владѣнія, что, какъ показываетъ дѣйствительная жизнь, не всегда удобно. Какъ извѣстно, главными источниками для орошенія земель какъ въ Крыму, такъ и въ Закавказьи служатъ рѣки, ручьи и другія текучія воды, иногда протекающія въ предѣлахъ одного владѣнія, но, въ то же время, орошающія, путемъ отведенія ихъ при посредствѣ каналовъ, цѣлый рядъ другихъ владѣній. Именно относительно *текучихъ* водъ возникаетъ обыкновенно наибольшее количество споровъ и установленіе правилъ, опредѣляющихъ пользованіе ими, представляетъ наибольшія затрудненія для законодателей. Текучая вода, переходя изъ одной дачи въ другую, сообщается отъ одного владѣльца къ другому въ непрерывномъ теченіи. Отъ истока до устья неразрывное сцѣпленіе частей ея постоянно возобновляется и поддерживается. Всякая перемѣна и задержка тотчасъ ощущается и производитъ подобное же дѣйствіе внизу и, наоборотъ, всякое

измѣненіе внизу тотчасъ сообщается верхнимъ частямъ; наконецъ, всякая перемѣна въ теченіи воды, возвышеніе или пониженіе ея уровня, оказываетъ дѣйствіе на берега *). Оттого юридическія отношенія, вытекающія изъ-за пользованія водами текучими и близкими по характеру къ нимъ проточными водами, всегда сложны и запутаны, тогда какъ отношенія ихъ владѣльцевъ изъ-за водъ стоячихъ всегда гораздо проще и опредѣлительнѣе; оттого государству гораздо чаще приходится вмѣшиваться въ отношенія, возникающія изъ-за первыхъ, устраняя почти совершенно всякій произволъ частныхъ лицъ въ пользованіи и распоряженіи текучими водами и лишь въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ ограничивая права собственниковъ водъ стоячихъ. Тѣмъ не менѣе, свойство «текучести», если такъ можно выразиться, не можетъ, думается намъ, опредѣлить природу юридическихъ отношеній изъ-за воды. Въ Закавказскомъ краѣ существуютъ, наприм., высоколежащія озера, водою которыхъ орошаются и могутъ орошаться весьма обширныя мѣстности. Признаніе этихъ «стоячихъ» водъ, если даже онѣ не выходятъ за предѣлы одного владѣнія, полною собственностью ихъ владѣльца и предоставленіе ему пользоваться ими по собственному усмотрѣнію было бы равносильно хозяйственному закрѣпощенію окрестнаго населенія и крайнему стѣсненію развитія земледѣльческаго хозяйства. Можно себѣ представить также замкнутое водовмѣстилище такихъ обширныхъ размѣровъ или такимъ образомъ расположенное (наприм., на границѣ государства), что предоставить его въ полную собственность владѣльцевъ земель, въ предѣлахъ которыхъ оно находится, было бы неудобно въ виду цѣлей общегосударственныхъ. Но врядъ ли было бы цѣлесообразно, не признавъ всѣхъ водъ государственнымъ достояніемъ, ограничивать въ какомъ-нибудь отношеніи право собственности на воду, если бы нѣсколько владѣльцевъ, соединивъ свой трудъ и капиталъ, устроили водовмѣстилище, по размѣрамъ своимъ настолько большое, что оно выходило бы за предѣлы одного владѣнія, и, собирая въ него атмосферную и снѣговую воду, пользовались бы ею для цѣлей орошенія или иныхъ по своему собственному усмотрѣнію. Въ случаяхъ подобнаго рода мы имѣли бы дѣло съ имуществомъ общаго владѣнія того или иного числа лицъ и доля каждаго изъ нихъ въ этомъ имуществѣ могла бы быть опредѣлена ничѣмъ инымъ, какъ только ихъ собственнымъ соглашеніемъ.

Аналогичныя соображенія могутъ быть приведены и относительно нѣкоторыхъ текучихъ водъ. Рѣка или протокъ небольшихъ размѣровъ могутъ начинаться и оканчиваться въ предѣлахъ одного владѣнія; рѣка въ верхнемъ теченіи можетъ быть столь незначительныхъ размѣровъ и протека... ри такихъ топографическихъ условіяхъ, что пользованіе водами ея во... можно только со стороны прибрежныхъ владѣльцевъ и при этомъ въ дальнѣйшемъ теченіи своемъ она можетъ стать настолько многоводной, что зн...

*) *К. П. Побѣдоносцевъ:* „Курсъ“ ч. I, стр. 451.

употребленія со стороны владѣльцевъ верхняго теченія ея невозможны, и т. д., и т. д. Въ случаяхъ подобнаго рода нѣтъ резона, не признавъ всѣхъ водъ государственнымъ достояніемъ, подчинить текучія воды какимъ-либо особымъ правиламъ пользованія. Изъ сказаннаго явствуетъ, что установить принципы, на основаніи которыхъ слѣдуетъ подчинить право пользованія водою того или иного резервуара тѣмъ или инымъ правиламъ a priori крайне трудно. Для этого нужно знать болѣе или менѣе обстоятельно природу каждаго водовмѣстилища и его значеніе въ хозяйственной жизни страны. Этими обстоятельствами можно объяснить и ту большую дробность дѣленія водъ, которую принимаютъ нѣкоторыя европейскія законодательства, наприм., австрійское, саксонское и новѣйшій проектъ прусскаго *). Послѣдній различаетъ: Wasserläufe и geschlossene Gewätter; изъ которыхъ первые въ свою очередь дѣлятся на: 1) Ströme, 2) Schifarts Kanäle, 3) Hochwasserflüsse и 4) Flüsse und Kanäle, и для пользованія водами каждаго изъ этихъ водовмѣстилищъ устанавливаетъ особыя правила.

Установленіе однихъ и тѣхъ же правилъ пользованія для всѣхъ водъ, «выходящихъ изъ предѣловъ одного владѣнія», можетъ, думается намъ, сдѣлать достаточно неустойчивыми самыя эти правила и поставить въ неопредѣленное положеніе интересы другихъ владѣльцевъ, безъ сомнѣнія, принимаемые во вниманіе при созданіи нормъ водного законодательства. Стóитъ, наприм., имѣнію раздробиться, путемъ ли купли-продажи, наслѣдованія или иной сдѣлки, или, наоборотъ, стóитъ нѣсколькимъ имѣніямъ, лежащимъ вокругъ водовмѣстилища, соединиться въ одно, чтобъ измѣнился самый характеръ права на воду его, до этого случая опредѣлявшій отношеніе къ ней прибрежныхъ и неприбрежныхъ владѣльцевъ. Чтобы покончить съ общими постановленіями закавказскаго закона о пользованіи водою для орошенія (ст. 119—123), обратимъ вниманіе на редакцію статьи 120. Она читается такъ: «право пользованія оросительною водой составляетъ принадлежность владѣнія землей и не можетъ быть уступаемо внѣ сего владѣнія». Терминъ «принадлежность» употребляется въ нашемъ сводѣ въ смыслѣ хозяйственной цѣлостности и юридической недѣлимости *вещей* и потому именованіе права принадлежностью вещи врядъ ли правильно и едва ли не противорѣчитъ другимъ статьямъ того же закона, въ которомъ опредѣляется порядокъ признанія права пользованія. Мысль, которую хотѣлъ выразить этимъ правиломъ законодатель, совершенно справедлива и заслуживаетъ полнаго сочувствія, а именно—право пользованія оросительною водой пріурочивается къ тѣмъ землямъ, для нуждъ которыхъ она проводится и, независимо отъ этого, на чьей землѣ находятся каналы, ее проводящіе; поэтому право на воду для орошенія земли можетъ быть пріобрѣтено лишь собственникомъ ея или арендаторомъ, на срокъ не свыше аренды

*) См. *Entwurf eines Preussischen Wassergesetzessammt Begrundung. Amtliche Ausgabe*, Berlin, 1894.

земли. Статьею этой опредѣляется лишь условіе, при соблюденіи котораго право пользованія водою можетъ перейти отъ одного владѣльца къ другому. Необходимость такого постановленія подтверждается и опытомъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ: въ нѣкоторыхъ изъ нихъ спекуляція на оросительныя воды, принадлежавшія часто не имѣющимъ никакой земельной собственности акціонернымъ компаніямъ, повела къ величайшимъ злоупотребленіямъ, вызвавшимъ извѣстный законъ Райса *).

И. Миклашевскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

*) См. *Irrigation Age* 1894.

Отвѣтъ г. Меньшикову.

Въ декабрьской книжкѣ *Русской Мысли* за прошлый годъ, говоря въ своихъ *Литературныхъ наблюденіяхъ* о статьѣ г. Меньшикова *Высшая цѣль*, я замѣтилъ, между прочимъ, слѣдующее: «Самосовершенствованіе—необходимое нравственное требованіе». Но я прибавлялъ, что само по себѣ стремленіе къ нравственному самосовершенствованію не заключаетъ элемента борьбы съ общественнымъ зломъ.

Въ іюньской книжкѣ *Русской Мысли* г. Меньшиковъ выступилъ съ возраженіями противъ моихъ замѣчаній. Я прочелъ эту статью съ большимъ интересомъ и считаю своимъ долгомъ на нее отвѣтить.

Прежде всего, совершенно неправильно утвержденіе моего почтеннаго оппонента, что по моему будто мнѣнію *совѣсть не нужна*. Изъ того, что одной совѣсти *недостаточно*, что одного личнаго совершенствованія *мало*, никто не имѣетъ права выводить заключенія, что совѣсти *совсѣмъ не нужно*. Для того, чтобъ у читателя, который прочелъ статью г. Меньшикова, а моихъ замѣтокъ не читалъ, не оставалось никакого сомнѣнія въ неправильности утвержденія г. Меньшикова, я приведу хотя слѣдующую выдержку изъ моей декабрьской статьи: «*Для успокоенія совѣсти*, для возможности бодрой работы, соединенной съ личнымъ удовлетвореніемъ, нужна отчетливая общественная цѣль, необходимы и нѣкоторыя обезпеченія того, что вашъ трудъ не пропадетъ даромъ или не будетъ въ любую минуту прерванъ».

Кончаетъ свою статью г. Меньшиковъ признаніемъ того, что «лозунгомъ плодотворнаго общественнаго движенія не можетъ быть ни нравственность, ни просвѣщеніе, а неразрывный союзъ ихъ—*нравственное просвѣщеніе*». Въ добрый часъ, я съ этимъ совершенно согласенъ. Но въ нравственномъ ли просвѣщеніи или въ просвѣщенной нравственности,—что же такое *совѣсть*, по мнѣнію г. Меньшикова? Онъ утверждаетъ, что совѣсть есть *абсолютное отрицаніе зла*; *зло* опредѣляется только совѣстью, одна лишь совѣсть можетъ указать отчетливую нравственную цѣль и т. д. Въ этомъ отношеніи я расхожусь съ моимъ оппонентомъ, полагаю, что онъ расходится и самъ съ собою, въ данномъ случаѣ забывая вышеприведенный *лозунгъ*. Іоаннъ Гусъ былъ совѣстливый человѣкъ; совѣстлива была и ста-

рушка, которая принесла охапку дровъ на костеръ мученика. И у старухи, и у Гуса совѣсть была *абсолютнымъ отрицаніемъ зла*? Нѣтъ,—возразитъ, быть можетъ, г. Меньшиковъ,—у старушки совѣсть была затемнена невѣжествомъ, а у Гуса просвѣтлена разумомъ. Это справедливо, но тогда необходимо признать, что совѣсть развивается знаніемъ, что безъ образованія совѣсть не только не можетъ безошибочно ставить нравственно-общественныя цѣли, но можетъ ставить цѣли нелѣпыя и жестокія.

Г. Меньшиковъ увѣряетъ, что я иронически отношусь къ *подвигамъ совѣсти*. И это не вѣрно. У меня было сказано слѣдующее: «Пострадать за правду, лѣтъ десять героически просидѣть совсѣмъ безвинно въ отвратительной тюрьмѣ и умереть въ тюремной больницѣ, сохранивъ при этомъ чистоту души,—да, это подвигъ!» И я сейчасъ же прибавилъ: «Если бы поменьше было возможности для подобныхъ подвиговъ, какъ это было бы хорошо, сколько большихъ нравственныхъ силъ пошло бы на большое творческое дѣло!»

Гдѣ же тутъ иронія? Здѣсь только глубокое сожалѣніе, что нравственная сила тратится непроизводительно, только указаніе на недостаточность одного личнаго самоусовершенствованія.

Навязывая мнѣ мысль, которую я никогда не высказывалъ и не раздѣлялъ («обойтись безъ участія совѣсти въ дѣлѣ общественнаго развитія»), г. Меньшиковъ приписываетъ совѣсти необыкновенно обширныя функціи. Мы видѣли уже, что, по его мнѣнію, совѣсть есть абсолютное отрицаніе зла, что она—и только она—выбираетъ нравственныя цѣли и т. д. Дальше г. Меньшиковъ говоритъ, что въ несправедливости закона нельзя убѣдиться помимо совѣсти, что доказательства въ подобнаго рода случаяхъ обращаются къ совѣсти. Нѣтъ, г. Меньшиковъ, такого департамента человѣческой души, который завѣдывалъ бы опредѣленіями абсолютнаго добра и абсолютнаго зла, мы не признаемъ. Когда въ дѣйствіяхъ человѣка или въ общественныхъ порядкахъ мы находимъ зло или недостатки, то до этого мы доходимъ размышленіемъ. Если г. Меньшиковъ назоветъ это размышленіе *совѣстью*, то онъ долженъ будетъ, по крайней мѣрѣ, раздѣлить совѣсть на теоретическую и практическую, ибо за добрыми размышленіями далеко не всегда слѣдуютъ добрые поступки. Если, обращаясь съ доказательствами, желая убѣдить въ чемъ-либо другого, я обращаюсь опять-таки къ совѣсти человѣка, то я ужъ не знаю, что тогда останется на долю разума и просвѣщенія. Нѣтъ, я предпочитаю согласиться съ противуположною мыслью г. Меньшикова: будемъ стоять за неразрывный союзъ нравственности и просвѣщенія.

Я упрекалъ г. Меньшикова за сантиментальное преувеличеніе силы любви, и на этотъ упрекъ отвѣта не послѣдовало. Въ своей *Высшей цѣли* г. Меньшиковъ предлагалъ бороться словами, даже съ заклятымъ врагомъ. Что дѣлать, если врагъ не захочетъ васъ слушать? «Тогда,—писалъ г. Меньшиковъ,—умоляйте его, обнимите ему колѣни: *бей, но выслушай!* говоря словами греческаго героя. А если врагъ побьетъ и, все-таки, не выслушаетъ? Все-таки, просите слова, хотя бы съ опасностью жизни».

Это немножко смѣшно и весьма трогательно, но съ нравственно-общественной точки зрѣнія никуда не годится. Представьте, что лѣтнею ночью вы видите человѣка, который, крадучись, собирается зажечь гумно. Вы станете его умолять, обнимать его колѣни? А онъ въ это время пуститъ краснаго пѣтуха на всю деревню, разоритъ нѣсколько десятковъ семей, злое дѣло, быть можетъ, не обойдется безъ человѣческихъ жертвъ. За то достигнута какая-то *высшая цѣль*. Нѣтъ ли тутъ какого-нибудь горделиваго самообольщенія? Если, какъ говоритъ г. Меньшиковъ, величайшее общественное зло всегда состояло въ насиліи человѣка надъ человѣкомъ, то не лежитъ ли на насъ нравственной обязанности противиться насилію не одними только словами и рыданіями? Допуская совершиться насилію, мы создаемъ въ мірѣ новое зло, котораго не было бы, еслибъ мы парализовали его при возникновеніи.

Въ моихъ замѣчаніяхъ по поводу названной статьи г. Меньшикова въ *Недѣлѣ* говорилось о недостаточности личнаго самоусовершенствованія, о необходимости не только индивидуальныхъ, но и общественныхъ идеаловъ, а также общественныхъ средствъ для достиженія послѣднихъ. Мое разногласіе съ г. Меньшиковымъ по этому поводу не устранено его отвѣтомъ. Конечно, скажу я словами Сперанскаго, учрежденія безъ людей тщетны, но и люди безъ добрыхъ учрежденій мало добраго произвести могутъ. Для *развитія* личной совѣсти далеко не безразличны общественныя условія, въ которыхъ человѣку приходится жить, какъ для физическаго развитія его вовсе не безразлично, здорова или болотиста, напримѣръ, та мѣстность, въ которой онъ живетъ. Когда въ сознаніе входитъ все большее и большее количество серьезныхъ идей, когда умъ вырабатываетъ все болѣе и болѣе справедливые и гуманные идеалы, сказать, что все это—работа совѣсти, можно лишь въ томъ смыслѣ, что все это работа просвѣщающагося въ исторіи человѣка. Знаніе и обусловливающееся имъ самосознаніе, вопреки утвержденію г. Меньшикова, далеко не безполезно для западноевропейскаго рабочаго, какъ и для всякаго человѣка. Мысль пробуждаетъ совѣсть и указываетъ нашему чувству и нашей страсти достойныя личныя и общественныя цѣли.

О. Т. В.

Очерки провинціальной жизни.

Одна ласточка не дѣлаетъ весны; тѣмъ не менѣе, прибытіе ласточки знаменуетъ скорое наступленіе прилета массы ласточекъ. Пришла намъ на умъ эта поговорка по поводу появленія въ провинціальной прессѣ сообщеній о возникновеніи въ народной средѣ совершенно новыхъ явленій, о возникновеніи такихъ экономическихъ *союзовъ,* распространеніе которыхъ составляетъ глубокое желаніе всякаго мыслящаго и добраго человѣка. Въ майской книжкѣ нашего журнала мы говорили уже о происходящемъ въ Александрійскомъ уѣздѣ замѣчательномъ движеніи къ переходу отъ подворнаго участковаго хозяйства къ артельному,—движеніи, вызванномъ сознаніемъ, что «одно только дружеское соединеніе для общей работы можетъ помочь крестьянамъ устроить ихъ хозяйственную и вообще общественную жизнь на началахъ справедливости и взаимной помощи». О такомъ же явленіи деревенской жизни сообщаютъ теперь изъ Ростовскаго округа въ *Приазовскій Край.* Экономическое положеніе крестьянства нашей мѣстности,—говорятъ корреспонденты,—сильно ухудшилось за послѣднее время. Народная мысль работаетъ какъ надъ причинами возростающаго хозяйственнаго разстройства, такъ и надъ средствами къ поддержанію хозяйства. Все болѣе распространяется сознаніе, что борьба съ неблагопріятными явленіями возможна не единоличная, не отдѣльными дворами—каждый за себя и для себя, а только общая, усиліями всѣхъ дворовъ, сплотившихся между собою. И вотъ, по нашимъ селамъ и деревнямъ пошли общественные сходы,—частые, шумные, оживленные. Сходы эти совсѣмъ непохожи на недавніе прежніе. Прежде, бывало, десятскіе и сотскіе не дозовутся сельчанъ на сходъ; теперь же въ праздники, съ ранняго утра, сельчане сами тянутся на мѣсто сбора, и въ девять, десять часовъ утра сходъ уже полный. Прежде слышны были на сходахъ только отдѣльные голоса заправилъ и горлановъ,—теперь говоритъ каждый, и говоритъ громко, толково, очевидно, обдумавъ раньше все высказываемое. Главнымъ предметомъ обсужденія сходовъ является, какъ и слѣдовало ожидать, земельный вопросъ. Дѣло въ томъ, что огромному большинству крестьянъ Ростовскаго округа не хватаетъ собственной земли, и они арендуютъ частно-вла-

дѣльческую землю. При разрозненномъ хозяйствованіи крестьянскихъ дворовъ, земли эти брались каждымъ изъ нихъ отдѣльно у лицъ, отдававшихъ землю подесятинно. Такими лицами являлись по преимуществу земельные барышники. Снимая частно-владѣльческія земли большими партіями съ торговъ, барышники сдавали ихъ потомъ отъ себя подесятинно крестьянамъ и наживали на этомъ большія деньги. Благодаря этимъ посредникамъ, арендныя цѣны на частныя земли дошли въ послѣднее время до 12—15 рублей за десятину, тогда какъ съ торговъ онѣ брались барышниками всего по 5—6 рублей. Непосредственный потребитель земли—крестьянинъ—на станичныхъ торгахъ отсутствовалъ, да ему тамъ и нечего было дѣлать, такъ какъ ему нужно всего 8—10 десятинъ, а съ торговъ земли отдавались только сотнями десятинъ. Ежегодно, такимъ образомъ, барышники наживали рубль на рубль, а каждый крестьянскій дворъ переплачивалъ на землѣ 56—90 рублей. Такой порядокъ существовалъ десятки лѣтъ и былъ терпимъ крестьянами отчасти въ силу экономической невозможности соперничать съ барышниками при подворномъ хозяйствованіи, отчасти—въ силу того обстоятельства, что хлѣбопашество даже и при такихъ арендныхъ условіяхъ было неубыточно для крестьянина. Но вотъ нужда заставила его теперь глубже всмотрѣться въ экономическіе порядки, и крестьянинъ созналъ, какимъ зломъ является для него земельное барышничество, ежегодно вытягивающее у каждаго двора десятки кровныхъ рублей. Понялъ онъ, какъ и чѣмъ онъ отдалъ себя въ руки хищниковъ, а понявъ это, сталъ на сходахъ громко заявлять о необходимости сплоченія въ общину, которая одна только можетъ явиться сильнымъ конкуррентомъ барышникамъ на станичныхъ торгахъ. Вопросъ этотъ рѣшается на сходахъ утвердительно: дѣлаются постановленія, чтобы всѣмъ обществомъ, за круговою порукой, снимать землю сотнями десятинъ съ торговъ, а затѣмъ уже разбирать ее мелкими площадями по дворамъ.

Слѣдующимъ предметомъ оживленныхъ сужденій на сходахъ является недостаточность рогатаго скота и усовершенствованныхъ земледѣльческихъ орудій. Недостатокъ этотъ служитъ главною причиной несовершенства раздѣлки земли, затяжки и опозданія посѣвовъ и уборки хлѣбовъ. И здѣсь крестьяне убѣдились, что отдѣльнымъ дворамъ трудно достать кредитъ на прикупъ скота и земледѣльческихъ орудій. Да и самое пріобрѣтеніе дорогихъ орудій и машинъ зачастую не совсѣмъ цѣлесообразно для отдѣльныхъ дворовъ: при малыхъ площадяхъ дворовыхъ посѣвовъ, орудія эти и машины бываютъ въ работѣ очень малое время, а больше стоятъ непроизводительно по дворамъ. По этому предмету на сходахъ дѣлаются постановленія объ образованіи отдѣльныхъ товариществъ изъ нѣсколькихъ дворовъ и за круговою порукой членовъ товарищества, а въ случаѣ необходимости, и цѣлаго общества, найти на необременительныхъ процентахъ кредитъ для прикупа скота, а также воспользоваться банковыми ссудами для пріобрѣтенія на каждое товарищество потребнаго количества усовершенствованныхъ земледѣльческихъ орудій. Для очистки же зерна, уборки

посѣвовъ и молотьбы пріобрѣсти,—опять-таки, цѣлымъ обществомъ и за круговою порукой,—потребное количество сортировокъ, жатокъ и молотилокъ; при этомъ хлѣбъ, для успѣшности молотьбы, свозить не на отдѣльные дворовые токи, а на одинъ или нѣсколько общихъ токовъ.

Далѣе сходы обсуждаютъ дѣло урегулированія продажи хлѣба. Существовавшій доселѣ способъ продажи хлѣба мелкими партіями, разновременно и отдѣльно каждымъ дворомъ, признанъ сходами крайне убыточнымъ. При такой продажѣ каждый хозяинъ не добираетъ въ цѣнѣ, такъ какъ на мелкихъ партіяхъ всегда не додаютъ до настоящей рыночной цѣны, затѣмъ онъ переплачиваетъ маклерамъ, теряетъ на вѣсахъ и т. д. Въ виду этого, рѣшено: запродажу хлѣба дѣлать два раза въ годъ—осенью и весною, причемъ предварительно должно исчисляться количество подлежащаго продажѣ хлѣба подворно, а затѣмъ уже эти отдѣльныя количества должны заноситься въ общій списокъ, который и будетъ провѣряться обществомъ на сходѣ. Установивши такимъ образомъ общую сумму четвертей подлежащаго продажѣ хлѣба, общество избираетъ изъ своей среды уполномоченныхъ, которыхъ и отправляетъ на общій счетъ въ крупныя хлѣбныя конторы для запродажи хлѣба одною большою партіей.

Вотъ важнѣйшіе вопросы, рѣшенные сходами утвердительно. Много и другихъ существенныхъ дѣлъ, касающихся крестьянскаго неустройства, поднимается въ настоящее время на сходахъ,—наприм., вопросы о хищничествѣ деревенскихъ торгашей и необходимости устройства общественныхъ потребительскихъ лавокъ; объ установленіи общественной опеки надъ тѣми дворами, гдѣ главарями являются пропойцы, несущіе въ кабакъ всѣ семейные достатки и разоряющіе тѣмъ свои хозяйства; объ устройствѣ общественныхъ кузницъ и столяренъ и т. п. Но эти предметы пока еще не разработаны детально, а потому и касаться ихъ въ подробностяхъ преждевременно.

О томъ же ростѣ сознанія въ средѣ рабочихъ, что въ сплоченіи ихъ заключается путь къ улучшенію жизненнаго положенія, сообщаетъ *Самарскій Вѣстникъ* въ статьѣ *Объединеніе рабочихъ*. Въ прошломъ году объединились рабочіе, прикосновенные къ печатному дѣлу, и составили изъ себя общество, уставъ котораго уже утвержденъ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Недавно состоялось учредительное собраніе ремесленниковъ, на которомъ былъ выработанъ уставъ общества ремесленниковъ и который въ настоящее время отосланъ на утвержденіе къ министру внутреннихъ дѣлъ. Среди машинистовъ и слесарей въ послѣднее время также появилась мысль объединиться между собою. Иниціатива такого объединенія принадлежитъ машинистамъ, работающимъ на механическихъ заводахъ. Дѣло въ томъ, что до сихъ поръ всѣ сельскіе хозяева обращались за машинистами къ владѣльцамъ механическихъ заведеній или къ лицамъ, продающимъ сельскохозяйственныя машины: въ контору Журавлева, къ Кеницеру и т. д. Точно также сборка и ремонтъ машинъ на мѣстѣ работъ производились рабочими по рекомендаціи тѣхъ же лицъ. Такое положеніе этихъ рабочихъ ставило

и до сихъ поръ ставитъ ихъ въ зависимость отъ упомянутыхъ фирмъ. Очень рѣдки случаи, чтобы даже опытный машинистъ находилъ себѣ дѣло самостоятельно, помимо рекомендацій. Вмѣстѣ съ тѣмъ, прінсканіе работы самостоятельно порождало другія неблагопріятныя для рабочихъ слѣдствія. Къ сельскому хозяину, нуждающемуся въ машинистѣ, разомъ являлось нѣсколько лицъ съ предложеніемъ своихъ услугъ, результатомъ чего было пониженіе заработной платы. Продолжительный опытъ такого положенія дѣлъ побудилъ машинистовъ прибѣгнуть, подобно другимъ ремесленникамъ, къ объединенію въ особую группу. Машинисты и слесаря имѣютъ въ виду открыть собственную справочно-рекомендательную контору. Контора эта, помимо справокъ о нуждающихся въ машинистахъ и слесаряхъ сельскихъ хозяевахъ, будетъ также выдавать ссуды незанятымъ рабочимъ. Для открытія подобной конторы машинисты соглашаются на самообложеніе въ размѣрѣ 5 руб. въ годъ. Разсчитывая на согласіе только 500 машинистовъ, получимъ уже сумму, совершенно достаточную для осуществленія задуманнаго предпріятія. Такимъ образомъ,— заключаетъ газета,— въ Самарѣ составляется новая группа рабочихъ, желающихъ, при помощи объединенія, улучшить свое общественное положеніе и обезпечить себя въ дѣлѣ прінскапія работы.

Отрадное экономическое явленіе представляетъ также образованіе бывшими кустарями обширныхъ артелей, ведущихъ производство при помощи машинъ и, благодаря этому, могущихъ конкуррировать съ частными фабриками и заводами. На-дняхъ мы получили печатный отчетъ объ одной изъ такихъ артелей, а именно *Отчетъ правленія павловской артели о ея дѣятельности въ 1894 г.* Артель занята производствомъ ножей. Въ настоящее время членовъ артели 51. Число членовъ возростаетъ непрерывно и почти на каждомъ (ежемѣсячномъ) собраніи артели происходятъ выборы новыхъ членовъ. Предпріятіе возникло на деньги, ссуженныя частными лицами; въ отчетномъ же году артель получила новый источникъ средствъ въ кредитѣ государственнаго банка. Полученная въ отчетномъ году прибыль даетъ полное основаніе къ дальнѣйшему расширенію предпріятія съ увѣренностью въ успѣхѣ. Благосостояніе работающихъ въ артели увеличивается. Артель имѣетъ вспомогательный капиталъ, изъ котораго выдаетъ краткосрочныя ссуды. Нѣсколькимъ членамъ артель дала ссуды на постройку избъ и покупку скота. Ссуды выдаются также при платежѣ податей и въ другихъ случаяхъ нужды. Дѣлами артели завѣдуютъ общее собраніе и правленіе. На правленіи лежитъ обязанность полученія заказовъ, распредѣленія работы, браковки товара, веденія конторскихъ книгъ и дѣловой корреспонденціи. Общихъ собраній было 11. Общія собранія посвящались обсужденію текущихъ дѣлъ, назначенію заработной платы, вопросамъ внутренняго хозяйства и распорядка. Никакихъ пререканій или несогласій въ артели,—говорится въ отчетѣ,—не возникало. Прискорбный случай, когда пришлось исключить изъ артели члена, передавшаго образцы издѣлій постороннему лицу, послужилъ скорѣе доказа-

тельствомъ внутренняго единства артели. За исключеніемъ двухъ родственниковъ виновнаго, которымъ было предложено воздержаться, если пожелаютъ, отъ голосованія, остальные члены единогласно, закрытою баллотировкой, исключили члена, нанесшаго артели вредъ. Ревизіонная коммиссія, состоявшая изъ 6 членовъ, произвела 1 января подробный подсчетъ и составила опись всего имущества, матеріаловъ, припасовъ, заготовокъ, готоваго товара, а также обревизовала книги и счетоводство правленія. Отчетъ свидѣтельствуетъ, что въ послѣдній годъ дѣятельность артели не встрѣчала никакихъ препятствій. Мѣстная администрація, въ лицѣ земскаго начальника и податного инспектора, относилась къ артели весьма сочувственно. Губернская фабричная инспекція относилась къ артели также съ большою предупредительностью. Въ отчетномъ году предсѣдатель V отдѣленія общества содѣйствія русской промышленности и торговли, профес. А. А. Исаевъ, пріѣзжалъ въ Павлово, чтобъ ознакомиться съ дѣятельностью артели, присутствовалъ на общемъ собраніи и на обращенную къ нему просьбу собранія выразилъ готовность поддержать ходатайство ея въ Петербургѣ. Признаніе успѣшной дѣятельности артели весьма краснорѣчиво выразилось въ открытіи ей государственнымъ банкомъ кредита. «Такимъ образомъ,—говоритъ отчетъ въ своемъ заключеніи,—въ отчетномъ году наша павловская артель достигла замѣтныхъ успѣховъ какъ въ развитіи коммерческой стороны предпріятія, такъ и въ отношеніи внутренняго своего развитія и упроченія ея положенія. Остается надѣяться, что признаніе ея полезной дѣятельности откроетъ ей источникъ новыхъ средствъ, чтобы расширить предпріятіе и дать ей возможность оказывать существенное вліяніе на улучшеніе положенія трудящагося населенія нашего павловскаго района».

Энергическое содѣйствіе дѣлу развитія артелей въ обрабатывающей промышленности имѣетъ въ виду оказывать такое въ высокой степени симпатичное учрежденіе, какъ кустарно-промышленный банкъ пермскаго губернскаго земства. Оно дѣйствуетъ уже второй годъ, и операціи его быстро расширяются. Правленіе банка не ограничивается лишь кредитомъ кустарямъ,—оно взяло на себя также организацію артелей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, оно покрыло губернію цѣлою сѣтью мѣстной агентуры, которая, по словамъ недавно изданнаго банковаго отчета, проявляетъ сердечное отношеніе къ дѣлу, преслѣдуя при этомъ единственную цѣль—служеніе народнымъ интересамъ. Къ концу прошлаго года банкъ располагалъ сотрудничествомъ 109 лицъ, большинство которыхъ составляютъ народные учителя; далѣе идутъ: врачи, агрономы, податные инспектора, страховые агенты, губернскіе и уѣздные гласные, чины лѣсного вѣдомства и другіе лица разнаго званія и положенія. Всѣ эти агенты банка работаютъ безвозмездно и способствуютъ тому, что дѣятельность банка проникаетъ даже въ самые глухіе уголки губерній.

Подготовляетъ дѣло организаціи промышленныхъ артелей и вятское земство. Подготовляетъ оно его путемъ распространенія машиннаго произ-

водства среди кустарей. Этотъ совершенно новый видъ земской помощи кустарямъ,—какъ сообщаетъ *Вятская Газета*,—предполагается устроить слѣдующимъ образомъ. Изъ тѣхъ селъ и деревень, гдѣ много кустарей, занимающихся какимъ-нибудь промысломъ, кустари эти могутъ подавать или посылать прошенія въ губернскую или уѣздную управу о томъ, чтобы имъ въ селеніи поставили ту или иную машину. Губернская управа выпишетъ машину и подыщетъ въ деревнѣ хорошаго и добросовѣстнаго человѣка, у котораго было бы подходящее помѣщеніе для постановки машины. Человѣку этому, который будетъ называться довѣреннымъ, управа поручитъ хранить машину, смотрѣть за нею и поправлять ее при помощи земскаго мастера, а также довѣрить ему собирать деньги съ кустарей за пользованіе машиной. Полученныя деньги должны записываться въ общую книгу, которую управа выдаетъ довѣренному. Довѣренный за помѣщеніе и труды по храненію машины будетъ получать жалованье отъ управы. Въ случаѣ, если довѣренный окажется недобросовѣстнымъ или будетъ небрежно содержать машину, управа отбираетъ отъ него машину и передаетъ другому, болѣе исправному и добросовѣстному. Надзоръ за довѣреннымъ, смотря по мѣстности, гдѣ находится машина, можетъ быть порученъ уѣздной управѣ или кому-либо изъ агентовъ земства, а въ крайности даже и постороннему лицу. Такимъ путемъ кустари научатся обращаться съ машиной, хорошо поймутъ выгоды машиннаго производства, усилятъ свои навыки работы сообща, а все это расчищаетъ дорогу къ успѣшной организаціи большихъ промышленныхъ артелей. Въ то же время, вятское земство обращаетъ большое вниманіе на поднятіе профессіональныхъ знаній среди кустарей и улучшеніе техники производства. Съ этою цѣлью въ центрахъ кустарныхъ производствъ устраиваются земствомъ учебныя мастерскія. Въ настоящее время имѣются уже слѣдующія мастерскія: *ткацкія*, организованныя во всѣхъ уѣздахъ губерніи. *Ковровыя* по тюменскому способу изъ конской и коровьей шерсти. *Издѣлія изъ соломы* (плетеніе шляпъ, саквояжей, сумокъ и мн. др.). *Издѣлія изъ бересты;* издѣлія эти, отличающіяся большимъ разнообразіемъ и изяществомъ, идутъ въ Москву, Петербургъ, и недавно образцы ихъ высланы въ нью-йоркскій складъ русскихъ кустарныхъ предметовъ. Производство это является совершенно новымъ въ Вятской губерніи, гдѣ до сего времени дѣлались изъ бересты только простые бураки. Точно такимъ же новымъ производствомъ является *плетеніе разныхъ вещей изъ хвоща,* растущаго въ большомъ изобиліи въ рѣкахъ и прудахъ Вятской губерніи, но до сихъ поръ не употреблявшагося ни на что. Между тѣмъ, изъ этого матеріала можно дѣлать много красивыхъ и полезныхъ предметовъ, какъ, напримѣръ, корзины, саквояжи, сумки, половики и т. п. *Издѣлія изъ ивы* (плетеная мебель, корзины и другія вещи). Въ центрахъ *токарнаго* и *ложкарнаго* промысловъ устроены какъ таковыя же мастерскія, такъ и мастерскія по *окраскѣ деревянныхъ и желѣзныхъ вещей* по уренскому способу. *Издѣлія изъ рога;* они отличаются разнообразіемъ и достигли значительной чистоты отдѣлки, почему

охотно раскупаются какъ въ вятскомъ складѣ кустарныхъ издѣлій, так и въ его отдѣленіяхъ. На эти издѣлія складомъ получено уже требовані изъ-за границы. Обученіе *гончарному производству* организовано въ цент рѣ населенія горшечниковъ. *Кружевная мастерская*, выпускающая масте рицъ для распространенія въ населеніи усовершенствованныхъ способовъ На слѣдующій годъ губернская управа проектируетъ организовать новы учебныя мастерскія: одну—по *щеточному* производству, для развитія ко тораго имѣются всѣ условія, и другую—для улучшенія *валяльнаго* про мысла, которымъ занимается масса кустарей во многихъ уѣздахъ Вятско губерніи.

Ходъ общественныхъ явленій въ Западной Европѣ, работа экономиче ской науки и журналистики въ Россіи способствовали и продолжаютъ спо собствовать распространенію въ нашемъ отечествѣ пониманія той масс зла, которое несетъ съ собою капиталистическое производство. Отсюд симпатіи лучшей части нашего общества къ упроченію самостоятельнаг крестьянскаго хозяйства, къ поддержанію кустарной промышленности и к накопленію условій для успѣшнаго перехода этой послѣдней въ промыш ленныя артели, которыя въ состояніи были бы конкуррировать съ фабрич нымъ и заводскимъ производствомъ. Эти идеи упроченія экономическо самостоятельности народа начинаютъ, повидимому, проникать въ послѣдне время и въ экономическую политику правительства. Въ этомъ отношені огромную важность имѣетъ изданіе закона, затруднившаго отчужденi крестьянской надѣльной земли и оберегающаго тѣмъ земельный фонд народа; большую важность имѣютъ также долженствующіе поступить скор въ государственный совѣтъ проекты объ арендѣ крестьянами государствен ной земли и о реформѣ крестьянскаго банка.

Въ одной Европейской Россіи земли, предлагаемыя казной въ аренду составляютъ около *шести* милліоновъ десятинъ. И это громадное простран ство государственной земли приносило до сихъ поръ мало пользы народу Даже по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ министерства земледѣлія, полученны имъ изъ различныхъ губерній, «ни казна не извлекаетъ изъ своихъ земел всего того дохода, который могутъ дать эти земли, ни крестьяне, съ свое стороны, не пользуются казеннымъ земельнымъ фондомъ въ достаточно ши рокихъ размѣрахъ, и, притомъ, не всегда пользованіе этими землями слу житъ къ поднятію ихъ благосостоянія; большая часть крестьянскаго насе ленія пользуется казенными землями уже изъ вторыхъ рукъ, являясь суб арендаторами крупныхъ съемщиковъ, на долю которыхъ выпадаетъ больш часть доходовъ, которые казна могла бы получить сама при непосредствен ной сдачѣ земель крестьянамъ». И это происходитъ потому, что зем казны разбиты на участки такой величины, что аренда ихъ для отдѣль ныхъ крестьянъ и небольшихъ группъ со среднимъ достаткомъ являет непосильной, аренда же цѣлыми обществами, въ большинствѣ случаевъ, н можетъ состояться вслѣдствіе искусственной конкурренціи спекуляторов съемщиковъ на торгахъ. Земли казны сдаются съ торговъ и, благода

этому, съемщики-спекуляторы почти всегда находятся въ болѣе выгодныхъ условіяхъ, нежели уполномоченные обществъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда для крестьянъ аренда земли дѣлается необходимою, съемщики нечѣмъ не рискуютъ, набивая цѣну. Они знаютъ, что всегда могутъ передать землю съ барышомъ тѣмъ же крестьянамъ. Когда же уполномоченные обществъ вѣрительными приговорами уполномочены торговаться только до извѣстной опредѣленной цѣны, съемщики, зная эту цѣну, дѣлаютъ лишь незначительную надбавку, и земля остается за ними. Всѣмъ этимъ хорошо объясняется развившаяся съемка казенныхъ земель спекуляторами и незначительность аренды обществами и товариществами. Торговля государственною землей представляетъ развившійся промыселъ, который даетъ большіе барыши. Насколько велика прибыль отъ спекулятивной переуступки земли, видно изъ слѣдующихъ данныхъ, опубликованныхъ недавно самарскимъ земствомъ. По Самарскому уѣзду (преобладаетъ 3-хъ польный сѣвооборотъ) съемщикъ платитъ за 2 дес. 8 р. 67 к. и получаетъ 14 р. 60 к. (168,91%). По Бугульминскому уѣзду (преоблад. 3-хъ польный сѣвооборотъ) платитъ за 2 дес. 2 р. 70 к., получаетъ 8 р. 40 к. (311,3%). По Бузулукскому уѣзду при 3-хъ польномъ сѣвооборотѣ съемщикъ платитъ за 2 дес. 4 р. 22 к., получаетъ 9 р. 60 к. (227,5%), при 6-ти польномъ сѣвооборотѣ платитъ 8 р. 46 к., получаетъ 9 р. 80 к. и у него остается 4 дес. луговъ (116,85%) и т. д. Къ большой выгодѣ съемщиковъ-спекуляторовъ служитъ также и то, что хотя о сдающихся казною въ аренду земляхъ и дѣлаются публикаціи, но о публикаціяхъ этихъ сидящіе по своимъ деревнямъ крестьяне не знаютъ. Кромѣ того, торги нерѣдко назначаются въ такое время (іюнь, іюль), когда у крестьянъ наличныхъ денегъ не бываетъ, а, между тѣмъ, требуются залоги. И вотъ такой порядокъ въ арендованіи государственной земли существуетъ десятки лѣтъ, несмотря на то, что казна, *безъ всякихъ потерь для себя*, могла бы сдѣлать существенныя облегченія въ условіяхъ аренды и тѣмъ дать возможность большому числу крестьянъ арендовать земли изъ первыхъ рукъ. На мѣры къ этой цѣли давно уже указывалось печатью и земствомъ; онѣ должны заключаться въ раздробленіи крупныхъ участковъ на мелкіе и въ сдачѣ участковъ не съ торговъ, а по предварительной ихъ оцѣнкѣ и предпочтительно крестьянскимъ обществамъ и товариществамъ. Именно эти мѣропріятія и легли въ основаніе законопроекта министерства земледѣлія, занявшагося преобразованіями въ своемъ обширномъ земельномъ хозяйствѣ. Министерскій проектъ имѣетъ въ виду образовать вблизи селеній вездѣ, гдѣ только возможно, такія оброчныя земли, которыя по размѣрамъ своимъ удовлетворяли бы нуждамъ этихъ селеній и оставлялись бы за сельскими обществами безъ торговъ.

При разработкѣ законопроекта, измѣняющаго дѣйствующій порядокъ арендованія государственныхъ земель, возникъ вопросъ о земляхъ, которыя являются избыточными для мѣстнаго населенія. По этому поводу въ совѣщаніи шла рѣчь о внесеніи въ законопроектъ постановленія, ограничивающаго арендованіе отдѣльными лицами государственной земли извѣстнымъ

небольшимъ размѣромъ. Но совѣщаніе отклонило это предложеніе изъ опасенія, чтобы часть государственной земли не осталась безъ арендаторовъ. Оно полагало, что самый опасный для мѣстнаго населенія видъ посредничества при арендѣ казенной земли будетъ и безъ того устраненъ, если будетъ осуществлено постановленіе, что «земли, въ коихъ нуждаются сельскія общества, должны быть пріурочены исключительно къ этимъ послѣднимъ и не могутъ сдаваться въ другія руки». Но сколько есть мѣстностей, гдѣ казна не въ состояніи обезпечить крестьянъ арендой вблизи надѣла! Поэтому было бы правильнѣе воспользоваться казенною землей, оставшеюся за удовлетвореніемъ мѣстной нужды, для переселенія изъ губерній малоземельныхъ. Справедливо, что проектируемымъ министерскимъ постановленіемъ дѣятельность спекуляторовъ сильно ограничивается; она переносится лишь на излишекъ казенной земли, который останется за отводомъ крестьянскимъ обществамъ того именно количества, въ какомъ ощущается недостатокъ въ надѣлахъ. Но при обсужденіи этого вопроса слѣдовало бы обратить побольше вниманія на то обстоятельство, что земли, ненужныя для мѣстнаго населенія, нужны для народа, взятаго въ цѣломъ. Вѣдь, сколько есть мѣстностей, гдѣ казна не въ состояніи обезпечить крестьянъ арендой вблизи надѣла. Если бы на оставшіяся за удовлетвореніемъ мѣстной нужды государственныя земли былъ открытъ доступъ для переселенія изъ малоземельныхъ мѣстностей, то это послужило бы въ пользу и финансамъ государства, и народнымъ интересамъ. Только по причинѣ отсутствія подобной организаціи у насъ возможны такія явленія, что одновременно съ тяжелымъ и разорительнымъ передвиженіемъ въ далекую Сибирь переселенцевъ изъ губерній Полтавской, Черниговской, Курской и другихъ, въ разстояніи всего 500, много тысячи верстъ — въ Псковской, Тверской или Новгородской губерніяхъ лежатъ безъ пользы и не находятъ арендаторовъ тысячи десятинъ казенной земли, годной для хозяйства. Стать посредникомъ между мѣстностями съ избыткомъ населенія и мѣстностями съ избыткомъ земли составляетъ прямое дѣло центральныхъ и земскихъ органовъ государства.

Другимъ чрезвычайной важности законопроектомъ, вносимымъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта, является реформа крестьянскаго банка, долженствующая поставить банкъ въ положеніе, соотвѣтствующее его названію. *Самарскій Вѣстникъ* въ статьѣ *Дѣятельность самарскаго отдѣленія крестьянскаго поземельнаго банка* даетъ хорошую иллюстрацію того, какъ мало служитъ банкъ интересамъ крестьянскаго сословія, какъ не выполнялъ онъ задачи, ради которой былъ учрежденъ, какъ долго оставались тщетными земскія представленія и ходатайства по этому предмету.

Какъ только,—говорится въ статьѣ,—состоялось учрежденіе крестьянскаго банка и стали открываться въ нѣкоторыхъ городахъ его отдѣленія, самарская губернская управа представила земскому собранію докладъ, въ которомъ, указывая на безотрадное положеніе кредита для крестьянъ въ губерніи, настаивала на томъ, что наиболѣе плодотворною

формой кредита для крестьянъ представляется кредитъ для покупки земли. И это потому, что «прогрессивный упадокъ крестьянскаго хозяйства и общая задолженность, главнымъ образомъ, зависятъ отъ недостатка находящихся въ распоряженіи крестьянъ земель и угодій». Указавъ далѣе на то, что тотъ надѣлъ, который первоначально былъ данъ на ревизскую душу, значительно умалился отъ естественнаго прироста населенія, вслѣдствіе чего недостаточность земли, выгона и луговъ вызываетъ необходимость арендовать ихъ на сторонѣ за дорогую плату, и приведя въ подтвержденіе этого соотвѣтствующія статистическія данныя, губернская управа писала въ докладѣ, что пріобрѣтеніе земли является завѣтною мечтой всего крестьянскаго населенія и только одинъ слухъ о крестьянскомъ земельномъ банкѣ породилъ уже массу попытокъ получить его содѣйствіе. Далѣе, отмѣтивъ значительный переходъ дворянскихъ земельныхъ имуществъ въ руки купцовъ на крайне невыгодныхъ для продавцовъ условіяхъ, управа сводила свои разсужденія, въ концѣ-концовъ, къ тому, что и «въ интересахъ крестьянскаго населенія, и въ интересахъ дворянскаго землевладѣнія (которое можетъ при содѣйствіи банка гораздо выгоднѣе продавать свои земли крестьянамъ), и въ общихъ интересахъ губерніи слѣдуетъ желать, чтобы крестьянамъ была предоставлена возможность являться преемниками владѣній крупныхъ землевладѣльцевъ. Въ результатѣ губернская управа рекомендовала собранію ходатайствовать передъ высшимъ правительствомъ о немедленномъ учрежденіи въ Самарской губерніи отдѣленія крестьянскаго банка. Собраніе безъ преній единогласно приняло предложеніе управы. Ходатайство было возбуждено и увѣнчалось успѣхомъ: 5 іюня 1885 года въ Самарѣ состоялось открытіе отдѣленія помянутаго банка. Такимъ образомъ, 5 іюня истекло десять лѣтъ существованія въ Самарѣ крестьянскаго банка. Какіе же результаты принесъ онъ населенію губерніи? Къ сожалѣнію,— отвѣчаетъ *Самарскій Вѣстникъ*,—банкъ у насъ, какъ и въ прочихъ губерніяхъ, не оправдалъ тѣхъ надеждъ, которыя на него возлагались при его учрежденіи. Прошло два года послѣ открытія банка, и губернскому земскому собранію пришлось выслушать докладъ о совершенно ничтожной дѣятельности крестьянскаго банка въ то самое время, когда однихъ безземельныхъ крестьянъ, получившихъ четвертной надѣлъ, 67,000 душъ въ губерніи и когда, вмѣстѣ съ тѣмъ, дворянскія имѣнія продолжали дѣятельно переходить въ руки купцовъ. Какъ на главную причину такого явленія, указывалось на недостаточность пособія, оказываемаго банкомъ крестьянамъ, и на требованіе значительныхъ доплатъ. Обо всемъ этомъ собраніе сдѣлало представленіе правительству и ходатайствовало объ измѣненіи устава банка и направленія его дѣятельности. На это ходатайство не послѣдовало никакого отвѣта. Самарское отдѣленіе банка продолжало и въ послѣдующіе годы столь вялую дѣятельность, которая граничила съ полною бездѣятельностью. Это побудило самарское земство вновь ходатайствовать передъ правительствомъ о реформѣ крестьянскаго банка. Въ ходатайствѣ указывалось, что главною причиной паденія значенія банка яв-

ляется требованіе значительной доплаты. Дѣятельность банка тогда только получитъ возможность развиваться, когда ссуда будетъ выдаваться полностью, а крестьянинъ, покупая на нее землю, будетъ имѣть средства для увеличенія инвентаря и для другихъ расходовъ, вызываемыхъ земледѣльческимъ промысломъ. Теперь самарское земство, какъ и прочія земства, ожидаетъ предстоящей реформы крестьянскаго банка, какъ одного изъ важнѣйшихъ законодательныхъ актовъ, могущихъ содѣйствовать улучшенію экономическаго положенія народа.

Перемѣна системы сдачи государственной земли въ аренду и преобразованіе крестьянскаго банка ведутъ за собою, въ числѣ многихъ другихъ благотворныхъ явленій, также сокращеніе размѣровъ такого большого зла, какъ ежегодное массовое шатаніе крестьянства на сельскія заработки изъ многихъ губерній, по преимуществу центральныхъ черноземныхъ, въ губерніи южныя и юго-восточныя. Это блужданіе сельскихъ рабочихъ изъ одного мѣста въ другое,—блужданіе, направляемое слухами, лишенными часто основанія,—причиняетъ массу лишеній, разоряетъ рабочаго и отнимаетъ у него дорогое время и послѣдніе гроши. Не заработавъ ничего, онъ еле-еле возвращается домой, побираясь по-міру. Эта безполезная, безцѣльная трата народнаго труда измѣряется въ общей сложности милліонами рублей. Между тѣмъ, такое массовое передвиженіе сельскихъ рабочихъ увеличивается изъ года въ годъ вслѣдствіе возростающаго стѣсненія въ землѣ и невозможности приложить свой трудъ дома. Теперь уже оффиціально признано, что однѣ центральныя губерніи имѣютъ избытокъ населенія въ шесть милліоновъ, не находящихъ работы въ сельскомъ хозяйствѣ упомянутаго района. И вотъ, гонимые нуждой, бредутъ толпы рабочихъ въ надеждѣ найти гдѣ-нибудь работу. Въ нынѣшнемъ году, какъ сообщаютъ южныя провинціальныя газеты, наплывъ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ былъ особенно великъ. Объясняется это тѣмъ, что задолженность крестьянъ стала настолько велика, что даже такіе урожаи, какъ, наприм., прошлогодній, не въ состояніи оказать существенной помощи крестьянскому хозяйству: большая часть урожая должна была уйти на покрытіе недоимокъ прежнихъ лѣтъ и на взносъ податей текущаго года. Результатомъ такого стеченія рабочихъ явилось: пониженіе обычной платы въ зависимости отъ превышенія предложеній надъ спросомъ. Только половинѣ пришедшихъ рабочихъ,—пишутъ въ *Нижегородскій Листокъ* изъ Херсона,—удалось подрядиться на уборку травъ и хлѣба; остальная половина должна была возвратиться ни съ чѣмъ. Изъ экономій,—продолжаетъ корреспондентъ,—получается въ нынѣшнемъ году очень мало утѣшительныхъ вѣстей для пришлаго рабочаго; паровыя вѣялки, молотилки и конныя косилки все болѣе и болѣе распространяются по экономіямъ и, одновременно съ этимъ, все болѣе и болѣе сокращается спросъ на рабочія руки, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, все ниже и ниже спускается заработная плата. Такъ, въ нынѣшнемъ году за всю «страду», продолжающуюся съ 1 іюня до 1 октября, предлагали въ Херсонѣ рабочему 45—50 р., а работницѣ 38—40 р.; въ другихъ мѣст-

ностяхъ нанимали рабочихъ еще дешевле. Главный наемъ рабочихъ въ Херсонѣ происходилъ во время троицкой ярмарки. По внѣшнему виду и матеріальному положенію, пришлые рабочіе мало чѣмъ отличаются отъ нищихъ: та же рвань на плечахъ и ногахъ, та же крайняя изможденность на лицѣ и во взглядѣ, тѣ же запекшіяся и растрескавшіяся губы. Цѣлыя недѣли проживалъ этотъ людъ въ Херсонѣ на ярмарочной площади, ночуя подъ открытымъ небомъ, на голой землѣ. Сначала ихъ донималъ дождь, потомъ зной, духота и пыль. Люди совершенно сливались съ окружавшимъ ихъ здѣсь сѣрымъ цвѣтомъ. Сѣрая земля, сѣрая пыль въ воздухѣ, сѣрая одежда, сѣрыя лица, волосы на головахъ,—словомъ, одно огромное сѣрое пятно. Въ виду значительнаго процента заболѣваемости, губернское земство на свои средства организовало безплатную медицинскую помощь для прибывающихъ рабочихъ.

Давно уже идетъ рѣчь о необходимости урегулированія движенія земледѣльческихъ рабочихъ, о поставленіи ихъ въ извѣстность касательно мѣстъ и размѣровъ спроса на трудъ. Надъ этимъ важнымъ и чрезвычайно труднымъ дѣломъ работаетъ теперь правительственная коммиссія. Было бы весьма цѣлесообразно, если бы коммиссія, при разработкѣ указаннаго вопроса, предложила мѣры не только къ урегулированію происходящаго ежегодно массоваго передвиженія сельскихъ рабочихъ, но также и мѣры къ сокращенію этого ненормальнаго явленія, свидѣтельствующаго о крайнемъ неустройствѣ нашего сельско-хозяйственнаго промысла. Если населеніе южныхъ губерній не въ состояніи справиться съ обработкой наличнаго количества имѣющейся земли, то наиболѣе цѣлесообразнымъ рѣшеніемъ этого вопроса является переселеніе сюда извѣстной части крестьянства изъ внутреннихъ губерній, гдѣ оказывается излишекъ рабочихъ рукъ и недостатокъ въ землѣ. Къ той же цѣли ведетъ увеличеніе земли для той части крестьянства, которая имѣетъ малые надѣлы. Именно эту почтенную задачу преслѣдуетъ бузулукское земство, представившее въ самарскую губернскую управу докладъ объ оказаніи помощи малоземельнымъ крестьянамъ предоставленіемъ имъ аренды черезъ посредство земства, а также права выкупа казенной земли. Дѣло это было передано губернскимъ земствомъ на разсмотрѣніе особой коммиссіи, которая разработала данный вопросъ подробно, и докладъ ея, предварительно рѣшенія дѣла, разосланъ гласнымъ. Оказывается, что крестьяне Самарской губерніи арендуютъ около $2^1/_2$ милліоновъ десятинъ, но аренда эта имѣетъ случайный характеръ, что невыгодно отражается какъ на цѣнѣ, такъ и на устойчивости крестьянскихъ хозяйствъ. Съ другой стороны, есть очень много крестьянъ съ малымъ надѣломъ, недостаточность котораго увеличивается съ каждымъ годомъ. По вычисленію коммиссіи, для устраненія малоземелья необходимо прибавить къ крестьянскому хозяйству $497^1/_2$ тысячъ десятинъ. Между тѣмъ, въ той же губерніи имѣется болѣе полутора милліона десятинъ казеннаго владѣнія, изъ которыхъ около третьей части остается не розданною въ аренду, т.-е. почти не приносящею дохода. Выходитъ, что этотъ излишекъ казен-

наго владѣнія почти равняется недостатку крестьянскихъ надѣловъ. Въ виду подобныхъ данныхъ, коммиссія признаетъ мысль, предложенную бузулукскимъ земствомъ, вполнѣ заслуживающею поддержки.

Со времени введенія казенной продажи вина и открытія губернскихъ и уѣздныхъ попечительныхъ о народной трезвости комитетовъ, обществу предоставлена большая возможность борьбы съ однимъ изъ золъ народной жизни. И общество начинаетъ дѣятельно пользоваться этою возможностью. Каждый день провинціальныя газеты приносятъ извѣстія изъ разныхъ мѣстъ Европейской Россіи о возникающихъ обществахъ трезвости и о приговорахъ сельскихъ обществъ, постановляющихъ закрытіе кабаковъ. При этомъ попечительные о народной трезвости комитеты и общества трезвости стали на самый правильный путь для борьбы съ пьянствомъ: они открываютъ въ городахъ и селахъ въ праздничные дни, а на большихъ ярмаркахъ и ежедневно, народныя чтенія, затѣмъ устраиваютъ народныя читальни, театральныя представленія, дешевыя столовыя. Словомъ, они борятся съ кабакомъ путемъ распространенія образованія и доставленія народу разумныхъ развлеченій. Какъ образчикъ дѣятельности обществъ трезвости, мы приведемъ выдержки изъ вышедшихъ недавно отчетовъ архангельскаго и сарапульскаго обществъ трезвости.

Въ Архангельскѣ общество трезвости существуетъ уже два года. Продолжая свою дѣятельность въ борьбѣ съ злоупотребленіемъ спиртными напитками способами, практиковавшимися въ предъидущемъ году, посредствомъ распространенія среди населенія Архангельской губерніи полезныхъ книгъ и брошюръ и устройства безплатныхъ народныхъ чтеній въ Архангельскѣ, комитетъ общества трезвости въ отчетномъ году расширилъ эту дѣятельность открытіемъ безплатной народной читальни и устройствомъ дешевой народной столовой при существующей дешевой чайной общества. Дешевая народная столовая открыта съ 1 іюня 1894 года, съ цѣлью предоставленія простому народу за весьма умѣренную плату вполнѣ здоровой и питательной пищи. Со времени открытія столовой по 1 октября 1894 года было посѣтителей до 1,400 человѣкъ. Безплатныя народныя чтенія общества трезвости въ отчетномъ году устраивались въ двухъ пунктахъ города. Въ видахъ предоставленія народу полезныхъ и доступныхъ для него развлеченій, комитетъ общества трезвости предпринялъ устройство народныхъ спектаклей. Средства, вырученныя отъ спектаклей, обращены были на нужды народной читальни.

Большой интересъ представляетъ организація и дѣятельность сарапульскаго общества трезвости. Открыто оно въ іюлѣ 1893 года. Начало этому хорошему дѣлу положили нѣсколько ремесленниковъ-чеботарей. Но прошло немного болѣе года и число членовъ возросло съ 30 человѣкъ до 457,— 400 мужчинъ и 57 женщинъ. Большинство членовъ мѣщане и крестьяне. Почти всѣ грамотные. Прежде всего, обществомъ открыта была чайная, гдѣ члены союза собираются для общенія другъ съ другомъ и для чтенія газетъ. Чайною управляютъ нѣсколько женщинъ-членовъ поочередно. Плата

въ чайной установлена невысокая: порція чая на одного человѣка въ половину золотника и 2 куска сахару — 3 копѣйки; хлѣбъ и булки по базарной цѣнѣ. За восемь мѣсяцевъ чайная отпустила до 12,000 порцій и выручила 571 р. 77 к., и, за расходами, получила чистаго дохода 215 р. 88 к. Въ чайной имѣются слѣдующія газеты, присылаемыя членамъ общества безплатно: *Волжскій Вѣстникъ*, *Русскія Вѣдомости*, *С.-Петербургскія Биржевыя Вѣдомости*, *Свѣтъ*, *Нива*, *Вятская Газета* и выписанный на средства общества *Вѣстникъ Трезвости*. Въ чайной имѣются шахматы и шашки, какъ любимая игра ремесленниковъ. Затѣмъ общество учредило читальню. Читальня имѣетъ 246 названій книгъ въ 347 томахъ, большія стѣнныя географическія карты, географическій атласъ и глобусъ. Читальня открыта каждый день по вечерамъ съ 7 до 11 часовъ, по воскресеньямъ же и праздничнымъ днямъ—отъ 12 до 3 часовъ. Далѣе были устроены уроки кройки. Большинство учницъ здѣсь въ возрастѣ отъ 18 до 30 лѣтъ. Организованы также для желающихъ уроки пѣнія. Кромѣ свѣтскаго, изучается церковное пѣніе; члены общества поютъ хоромъ обѣдню, участвуютъ на молебнахъ и панихидахъ. Общество имѣетъ также оркестръ изъ собственныхъ членовъ. Въ помѣщеніи общества состоялось 6 театральныхъ представленій и одно чтеніе съ пѣніемъ. Спектакли были безплатными для членовъ общества, съ постороннихъ же выручено 455 руб. 85 к. Такова чрезвычайно живая и почтенная дѣятельность сарапульскаго общества трезвости. По свидѣтельству отчета, нѣкоторые изъ членовъ общества были извѣстны прежде за лицъ, ведущихъ пьяный и безпутный образъ жизни.

Въ Европейской Россіи, — говоритъ *Сибирскій Вѣстникъ*, — противъ хищническихъ аппетитовъ кабатчиковъ въ защиту населенія, опутаннаго этими дѣльцами, выступило въ борьбу само правительство путемъ введенія казенной продажи вина и возможнымъ регулированіемъ его потребленія. Тихо на этотъ счетъ только у насъ, въ нашей далекой сибирской окраинѣ!... Никакого движенія въ указанномъ направленіи у насъ пока не замѣчается. А, между тѣмъ, кому же не извѣстно, какою широкою, губительною волной разливается водка по Сибири? Кому не извѣстно, что изъ всѣхъ родовъ промышленности въ Сибири наибольшаго развитія и процвѣтанія достигла только одна водочная промышленность? Кому не извѣстны непомѣрные аппетиты нашихъ винныхъ королей, неоднократно рвавшихъ, по взаимному соглашенію, единственную сдерживавшую ихъ узду конкурренціи и устанавливавшихъ между собою солидарность дѣйствій въ видѣ стачки, какъ это имѣло мѣсто, наприм., у насъ въ Томскѣ въ 1888 году? Теперь началась постройка великаго сибирскаго рельсоваго пути, появились многія тысячи пришлаго рабочаго люда, закипѣла дѣятельность по постройкѣ линіи. Почуявъ богатую наживу отъ массы пришлаго рабочаго люда, кабатчики бросились на линію и устроили свои заведенія повсюду, особенно въ мѣстахъ наибольшей скученности народа. Какою широкою рѣкой льется водка изъ кабаковъ, образчикомъ можетъ служить такой

фактъ, что валовой оборотъ кабака въ деревнѣ Бугры достигъ въ прошломъ году 100,000 рублей. Корреспонденты сибирскихъ газетъ сообщаютъ о тѣхъ разнообразныхъ ухищреніяхъ, къ какимъ прибѣгаютъ кабатчики для спаиванія народа. Газета обращается къ желѣзно-дорожной администраціи съ просьбой обратить вниманіе на это зло и принять мѣры для защиты матеріальныхъ и духовныхъ силъ рабочаго населенія, пришедшаго строить великій сибирскій путь.

Строится также желѣзная дорога на нашемъ Сѣверѣ, и здѣсь вмѣшательство власти въ quasi-«свободныя» экономическія отношенія является чрезвычайно необходимымъ. Вотъ что разсказывается въ письмѣ изъ Архангельска, напечатанномъ въ *Недѣлѣ* подъ заглавіемъ *Мужицкая одиссея:* «За нѣсколько недѣль до Великаго поста по селамъ и деревнямъ Рязанской губерніи разъѣзжалъ какой-то нѣмецъ г. Курма, подряжавшій мѣстныхъ крестьянъ работать на чугункѣ въ Архангельскъ. Догадывались мужики, что это гдѣ-то очень далеко, и вначалѣ недовѣрчиво относились къ «нѣмцу», но послѣднему удалось успокоить мужиковъ и вскорѣ желающихъ къ нему наняться нашлось нѣсколько сотъ человѣкъ. Онъ охотно давалъ мужикамъ задатки отъ 7 до 15 руб., — а деньги имъ въ ту пору были нужны до зарѣзу,— и этимъ еще болѣе склонялъ ихъ на свою сторону. «Работа вамъ предстоитъ легкая, — говорилъ онъ, — потому линія ведется по сухому и ровному мѣсту и только кое-гдѣ на пути встрѣтятся пески, да и тѣхъ немного».—«Пески—это ничего! — отвѣчали ему на это мужики, — съ песками мы давно знакомы, а вотъ если болота?!» — «Ну, объ этомъ тоже безпокоиться нечего: коли встрѣтятся болота—сапоги выдамъ»,—утѣшалъ подрядчикъ. И крестьяне подписывали условія и вручали ему свои паспорты. Условія были такія: 1) работать *отъ восхода солнца до заката солнца*... «Ужь само собою, какъ и вездѣ»,—говорили на это мужики; 2) пища готовая, т.-е. подрядчика, мяса ѣшь до отвалу, квасу пей, сколько хочешь,—говорилъ «нѣмецъ»; 3) дорога туда и обратно его же, съ готовымъ продовольствіемъ, и 4) работать со дня прибытія до Покрова за плату по 60 руб. каждому. «И многонько бы это, да что ужь съ вами дѣлать»,—сказалъ въ заключеніе подрядчикъ, пряча въ свой чемоданъ мужицкіе условія и паспорты.

Далѣе начинается мужицкая одиссея, которую авторъ письма передаетъ словами нанятыхъ мужиковъ, дополняя остальное, какъ очевидецъ: «До Рязани изъ уѣздовъ,— говорили мужики, — мы шли пѣшкомъ и питались своимъ хлѣбомъ. Въ Рязани насъ посадили на чугунку и подрядчикъ выдалъ на продовольствіе по 20 к. каждому. Добрались до Москвы. Не далъ и хлѣба закупить: опять на чугунку. Кое-какъ дотащились до Ярославля и снова на чугунку. Мы не идемъ, требуемъ денегъ на хлѣбъ. «Послѣ,—говоритъ,—когда въ вагоны усядетесь».—«А гдѣ же мы хлѣба то добудемъ тогда?» И говорить не хочетъ, приказываетъ переправляться черезъ Волгу и садиться въ вагоны. Мы къ губернатору. Разсказали ему, что и какъ,—приказалъ выдать. Сѣли, добрались до Вологды. Тамъ та...

исторія. Купили хлѣба на трое сутокъ, посадили на баржи. До Архангельска плыли четверо сутокъ, такъ что сутки сидѣли голодомъ. Прибыли въ Архангельскъ подъ вечеръ, просили на хлѣбъ у подрядчика,—не тутъ-то было: «Послѣ,—говоритъ,—когда на мѣсто доставлю, тамъ для васъ обѣдъ приготовленъ»,—и скрылся. А полиція и на берегъ не позволила сойти. Постояли часа два у пристани, потащилъ насъ пароходъ до мѣста, верстъ за восемь на другую сторону рѣки. Вышли, наконецъ, на берегъ, а подрядчикъ ужь тамъ. «Вотъ,—говоритъ,—вамъ: ѣшьте». И выдалъ каждому изъ насъ по ломтю хлѣба съ ладонь величины, а на немъ по ломотку мяса, вродѣ какъ въ трактирахъ на закуску подаютъ. Куснули мы раза два — и нѣтъ ничего, а голодны, какъ собаки. «Ну, теперь,—говоритъ,—берите «коляски» (тачки) и маршъ въ путь». А какое ужь въ путь, да еще съ «колясками» пуда по полтора вѣсомъ каждая, когда мы до того отощали, что на ногахъ едва держимся, а идти нужно было верстъ 50? Не послушали мы его и тутъ же на берегу расположились отдохнуть. Тутъ - то мы и догадались, какъ ловко надулъ насъ «нѣмецъ», когда заключалъ условіе работать отъ восхода до заката. Закатъ-то въ Архангельскѣ чуть не въ полночь бываетъ, а восходъ часа въ два ночи... И все вотъ такъ обманомъ дѣйствовалъ. Отдохнули мы, пошли. Пришли на мѣсто, кругомъ болото, вода. Стали просить сапоги, какъ было обѣщано. «Извольте,—говоритъ,—только за сапоги я возьму съ васъ по *трешкѣ*, а за кожаные «поршни» (вродѣ лаптей) по $1^1/_2$ цѣлковыхъ». Понятно, никто не взялъ. Стали на работу. Вода по колѣни, а подъ водой еще ледъ. Холодъ, къ тому же, сдѣлался. Проработали день, два, смотримъ: изъ нашей партіи до 100 человѣкъ больныхъ. Оно понятно: ноги весь день въ холодной водѣ, а самъ вспотѣешь. Да какъ съ поту-то еще хватишь болотной водицы (другой-то нѣтъ, а о квасѣ и не слыхали), глядишь, на завтра и головы поднять не можешь. Распухнешь весь, лихорадка тебя бьетъ, а голова какъ свинцомъ налита. Къ тому же, кормъ былъ плохой: солонина порченая, рыба вонючая, да и хлѣбъ нехорошій. Спали въ досчатыхъ баракахъ на голыхъ доскахъ, потому на нарахъ, кромѣ сырого мха, отъ котораго только зябнешь, никакой другой подстилки не было, и мохъ этотъ съ паръ мы сбрасывали... А заболѣешь такъ - то, скажешь десятнику, а тотъ въ отвѣтъ: «иди къ доктору». А къ доктору идти верстъ за 15 надо. Куда ужь тутъ идти, когда головы не можешь поднять? Ну, и валялись въ баракахъ, пока пятеро изъ насъ не померло. Видимъ, больныхъ съ каждымъ днемъ прибываетъ. Думаемъ: дѣло плохо. Страхъ насъ обуялъ: всѣ передохнемъ, пожалуй, если еще на работахъ останемся. И вотъ порѣшили уйти и ушли»...

И все это разсказывалось рабочими спокойно, безъ тѣни ропота и озлобленія, а скорѣе съ печальною ироніей надъ своимъ же безвыходнымъ положеніемъ. Вѣроятно, благодаря этому, они сразу завоевали себѣ самую горячую симпатію со стороны всѣхъ городскихъ обывателей, старавшихся помочь имъ чѣмъ кто только могъ.

Далѣе авторъ письма разсказываетъ, какъ очевидецъ. Партія рязанцевъ прибыла изъ Вологды около половины мая и уже 24 того же мѣсяца ушла съ работъ. Небольшія сравнительно толпы, человѣкъ по сотнѣ, въ теченіе трехъ дней тащились съ перевозу по набережной къ желѣзно-дорожной конторѣ. На четвертый день ихъ уже было въ городѣ около 500 человѣкъ. Толпы ихъ съ ранняго утра и до поздняго вечера можно было видѣть около квартиръ желѣзно-дорожниковъ, около губернаторскаго дома и камеры мирового судьи 1-го участка. Всѣ ихъ желанія были направлены къ тому, чтобы получить паспорты, которыхъ имъ не выдавали. Съ этою цѣлью они обращались нѣсколько разъ съ просьбами къ губернатору, который въ свою очередь отсылалъ ихъ къ мировому судьѣ. Послѣдній хотя и дѣлалъ постановленія о возвращеніи имъ паспортовъ, но все было напрасно. Г. Курма куда-то исчезалъ, а паспорты оставались у него. Такъ дѣло продолжалось шесть сутокъ. За это время рабочіе питались или подаяніемъ, прося по дворамъ и на улицахъ «Христа ради», или продавали и проѣдали свои шубенки, рубахи и кафтанишки, у кого таковые находились въ запасѣ, а спали частью подъ открытымъ небомъ на улицѣ, и только меньшинство въ полицейскомъ помѣщеніи. Какъ на бѣду, въ то время стояли убійственные холода. Рабочіе покорно переносили свои невзгоды и требовали лишь одной выдачи паспортовъ; но администрація затруднялась удовлетворить ихъ просьбу. Рабочіе стали поговаривать о томъ, нельзя ли послать телеграмму на имя Государя Императора. Это была единственная надежда, на которую они еще полагались. Исполнили ли они свое намѣреніе, авторъ письма не знаетъ. Дѣло разрѣшилось тѣмъ, что вдругъ, совершенно неожиданно для рабочихъ, имъ было приказано черезъ полицію явиться на площадь близъ губернаторскаго дома. Собралась толпа до 600 человѣкъ, окруженная вооруженными полицейскими и солдатами. Явилось начальство, прибылъ и губернаторъ. Обратившись къ толпѣ и приказавъ снять шапки, онъ объявилъ имъ «Именемъ Государя Императора» приказаніе сегодня же отправляться на нанятомъ для нихъ пароходѣ на родину, для чего имъ и будутъ выданы «проходныя свидѣтельства». Мужики были несказанно рады, услышавъ это. Въ тотъ же день подъ вечеръ пароходъ *Купецъ* отправился съ двумя баржами вверхъ по С. Двинѣ, увозя злополучныхъ рабочихъ. Какъ слышно, ихъ отправленно было 620 человѣкъ, 60 остались больными. Говорятъ также, что пароходъ нанятъ за 750 р. за счетъ желѣзно-дорожниковъ и за ихъ же счетъ рабочіе снабжены провизіей. По слухамъ, нѣчто подобное же произошло и на вологодскомъ участкѣ, съ котораго также ушли рабочіе».

Наше новѣйшее фабричное законодательство много уже сдѣлало для защиты рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ. Жизнь взываетъ къ тому, чтобы законодательство это было распространено и на другія отрасли промышленности, въ которыхъ заняты большія массы рабочихъ. Вотъ, напримѣръ, что читаемъ мы въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ* по поводу только что появившейся книги г. Рагозина: *Желѣзо и уголь на югѣ Россіи*. Нѣсколько

лѣтъ назадъ, благодаря мѣстному изслѣдованію, печальныя условія быта рабочаго населенія въ южномъ каменноугольномъ районѣ были разоблачены. Впослѣдствіи неоднократно непредубѣжденные и безпристрастные наблюдатели подтверждали неизмѣнность все тѣхъ же порядковъ въ этой отрасли промышленности. Теперь появилась книга Е. И. Рагозина, въ которой интересующіеся условіями труда въ каменноугольной промышленности найдутъ много любопытныхъ свѣдѣній. Замѣтимъ, что въ лицѣ г. Рагозина углепромышленники не встрѣчаютъ строгаго обличителя и судьи: онъ проникнутъ убѣжденіемъ, «что каменноугольная промышленоость въ Донецкомъ бассейнѣ находится въ настоящее время на пути правильнаго развитія», и въ своей книжкѣ горячо ратуетъ почти за всѣ тѣ мѣры «поощренія», которыхъ желаютъ представители углепромышленности. Но, говоря объ условіяхъ жизни рабочихъ на донецкихъ копяхъ, и г. Рагозинъ не можетъ ограничиться описаніемъ однихъ лишь «успѣховъ» и «улучшеній». Въ послѣднее время, — повѣствуетъ авторъ книги, — отчасти подъ вліяніемъ общественнаго мнѣнія (т.-е. именно благодаря разоблаченіямъ печати, на которыя такъ негодовали углепромышленники) положеніе этихъ рабочихъ измѣнилось къ лучшему. Прошлаго г. Рагозинъ не хотѣлъ бы «тревожить», такъ какъ его «исправить внѣ нашихъ силъ». Но обратиться къ прошлому, все-таки, нужно хоть для того, чтобъ отмѣтить преимущества настоящаго: «Въ числѣ первыхъ по времени работниковъ въ угольныхъ копяхъ Донецкаго бассейна значительный процентъ составляли бѣглые и безпаспортные, которыхъ издавна было много въ Новороссіи. Это были люди въ полномъ значеніи слова—безправные. Отсюда можно составить,—говоритъ г. Рагозинъ, — представленіе о тѣхъ отношеніяхъ, которыя должны были образоваться между хозяевами и рабочими: ни ряды, ни жалованья не полагалось; рабочіе питались, одѣвались и получали деньги на выпивку, по усмотрѣнію хозяевъ». Развитіе дѣла повело, однако, къ тому, что горнопромышленники стали съ теченіемъ времени пользоваться все въ большей и большей мѣрѣ трудомъ людей, пришедшихъ изъ разныхъ захудалыхъ мѣстностей, но уже съ паспортами и, слѣдовательно, жившихъ въ Донецкомъ бассейнѣ на законномъ основаніи. Отношенія къ такимъ рабочимъ должны были измѣниться, но и новые порядки недалеко ушли отъ своего прототипа. По словамъ г. Рагозина, перемѣна выразилась вотъ въ чемъ: «появилась ряда, опредѣленное жалованье и срочный разсчетъ, разъ или много два или три раза въ годъ (!). Одно удержалось всего дольше, это— выдача въ счетъ жалованья, вмѣсто денегъ, товара. Не подлежитъ сомнѣнію, что лавка долгое время служила источникомъ дохода на многихъ рудникахъ, и слѣды такого способа эксплуатаціи народнаго труда не вполнѣ стерлись до настоящаго времени». Чтобы дополнить картину, остается сказать, что для жилья рабочимъ углепромышленники устраивали «нѣчто въ родѣ звѣринаго логовища, въ которое войти мнѣ,—говоритъ г. Рагозинъ,— было не только нравственно тяжело, но даже страшно». Теперь, какъ завѣряетъ разсказщикъ, посѣтившій донецкіе рудники лѣтомъ минувшаго года,

«дома для рабочихъ прежняго типа, въ родѣ логовищъ и каютокъ, *почти* уничтожены». Но еще и въ минувшемъ году автору книжки *Желѣзо и уголь* на одномъ рудникѣ привелось видѣть эти знаменитыя каютки «наканунѣ ихъ сломки, такъ какъ онѣ едва держались и рабочіе жаловались, что боятся, чтобъ онѣ не завалились». Въ настоящее время на большинствѣ рудниковъ господствуетъ казарменная система, при которой «чистота и порядокъ абсолютно невозможны: вылѣзши изъ шахты, рабочіе, всѣ черные, ѣдятъ на нарахъ и тутъ же ложатся спать, въ большинствѣ случаевъ, не умываясь, и такъ живутъ изо-дня въ день». Въ большинствѣ рудниковъ до сихъ поръ практикуется выдача жалованья рабочимъ не наличными деньгами, а ордерами на рудничныя лавки и магазины. Наконецъ, до настоящаго времени, по свидѣтельству г. Рагозина, и подземныя работы въ шахтахъ донецкихъ углепромышленниковъ производятся при условіяхъ, съ которыми примириться невозможно. «На рудникахъ Донецкаго бассейна,—разсказываетъ авторъ, — употребляются лампы двухъ типовъ: предохранительныя, системы Вульфа и Морсо, и простыя, открытыя. Въ лампахъ перваго типа, употребляемыхъ только въ шахтахъ, имѣющихъ газы, жгутъ льняное масло и бензинъ, въ лампахъ же второго типа жгутъ конопляное масло, покупаемое рабочими за свой счетъ и смѣшиваемое ими для уменьшенія расхода и отчасти для полученія большого свѣта съ керосиномъ и даже съ нефтью, каковая смѣсь даетъ облако копоти, осаждающейся почти всецѣло на легкихъ рабочихъ». Конечно, эти лампы разрушаютъ здоровье рабочихъ. Но, сверхъ того, можно ли думать, что онѣ вполнѣ безопасны? Г. Рагозинъ настаиваетъ, чтобы на рудникахъ были обязательно введены предохранительныя лампы, дающія достаточно свѣта безъ копоти. И такъ,—заключаетъ газета,— вотъ каковы «улучшившіяся за послѣдніе годы» условія работы въ каменноугольной промышленности на югѣ Россіи. И все это сообщаетъ лицо, благорасположенное къ владѣльцамъ донецкихъ рудниковъ, склонное скорѣе защищать ихъ интересы, чѣмъ нападать и обличать. И, все-таки, оказывается, что не даромъ «прежній взглядъ рабочихъ на рудники еще сохранился до сихъ поръ», не даромъ населеніе сторонится углепромышленности и бѣжитъ изъ шахтъ, если представляется какая-либо работа.

Въ заключеніе нашего очерка отмѣтимъ новый починъ въ дѣлѣ распространенія народнаго образованія, а именно организацію лѣтнихъ начальныхъ школъ. Александро-Невское просвѣтительное братство, существующее въ Екатеринодарѣ, предприняло въ нынѣшнемъ году, — какъ сообщаетъ *Приазовскій Край*,—любопытный опытъ устройства лѣтнихъ школъ. [illegible]но объявило, что въ теченіе каникулъ будутъ функціонировать нѣсколько [illegible]кихъ школъ, въ которыя могутъ поступить дѣти, не нашедшія себѣ м[illegible]та въ обыкновенныхъ начальныхъ школахъ, дѣйствующихъ въ обычный уч[illegible]бный сезонъ. Населеніе отнеслось весьма сочувственно къ этому начина[illegible]ю, и немедленно же явились желающіе воспользоваться лѣтними школа[illegible]и. Положительная сторона проектируемаго новаго вида народно-образоват[illegible]ь-

ныхъ учрежденій,—замѣчаетъ газета,—ясна сама собою. Масса дѣтей остается у насъ безъ начальнаго образованія, и пока не будетъ открыто достаточнаго числа обыкновенныхъ нормальныхъ школъ, всякая попытка открыть доступъ къ начальному образованію тѣмъ, кто лишенъ этой возможности, должна быть привѣтствована только съ сочувствіемъ. Конечно, три каникулярныхъ мѣсяца не Богъ знаетъ какой срокъ, но если воскресныя школы, располагающія въ теченіе года всего 30—35 учебными днями, даютъ утѣшительные результаты, то лѣтнія школы, какъ располагающія втрое большимъ учебнымъ временемъ, несомнѣнно принесутъ свою долю пользы. На вопросъ о томъ, кто будетъ учить въ лѣтнихъ школахъ, такъ какъ каникулы нужны учащимъ для отдыха, газета резонно отвѣчаетъ, что далеко не всѣ учащіе въ начальныхъ школахъ пользуются отдыхомъ въ теченіе каникулъ, а сплошь и рядомъ берутъ на это время частные уроки. Такимъ образомъ, среди учащихъ въ начальныхъ школахъ, навѣрное, найдутся лица, которыя возьмутъ на себя знакомый трудъ преподованія начатковъ ученія,—конечно, за особую плату,—вмѣсто того, чтобы репетировать учениковъ среднеучебныхъ заведеній, оставленныхъ на «передержку», или подготовлять дѣтей въ среднеучебныя заведенія. Затѣмъ, контингентъ учащихъ въ лѣтнихъ школахъ могъ бы пополняться также учащими въ среднеучебныхъ заведеніяхъ, которые далеко не такъ обременены занятіями въ теченіе учебнаго сезона, какъ учащіе въ начальныхъ школахъ. Наконецъ, можетъ образоваться и спеціальный классъ «лѣтнихъ» учителей и учительницъ, которые будутъ браться за это дѣло въ видѣ подспорья къ другому, зимнему занятію или просто изъ любви къ дѣлу. Вообще, едва ли можно опасаться недостатка учащихъ въ лѣтнихъ школахъ. Во всякомъ случаѣ,—заключаетъ газета,—окончательно вопросъ о такихъ школахъ можетъ быть рѣшенъ только опытомъ и было бы желательно, чтобы опытъ этотъ не ограничился однимъ Екатеринодаромъ, а былъ бы осуществленъ во многихъ городахъ и селахъ.

Ив. Иванюковъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Побѣда англійскихъ консерваторовъ на парламентскихъ выборахъ превзошла ожиданія самихъ уніонистовъ и опасенія ихъ противниковъ. Избрано: консерваторовъ—341, либераловъ-уніонистовъ—70, либераловъ—177, парнелистовъ—12, антипарнелистовъ—70. Уніонисты пріобрѣли девяносто новыхъ мѣстъ и обладаютъ теперь весьма значительнымъ и прочнымъ большинствомъ въ палатѣ общинъ.

Каковы причины пораженія либераловъ, пораженія столь сильнаго, что пражская *Politik* не безъ основанія называетъ его Седаномъ англійскихъ либераловъ? Каковы вѣроятныя послѣдствія перехода власти въ руки консерваторовъ?

Намъ приходилось уже указывать, что главное дѣло Гладстона въ послѣдніе годы его парламентской борьбы состояло въ проведеніи билля объ ирландскомъ гомрулѣ. Великодушная и справедливая идея этого государственнаго человѣка, благодаря его высокому авторитету и неистощимой энергіи, увлекла за собою значительную часть англійскаго общества. За нее стало большинство либераловъ, но двѣ фракціи покинули партію: умѣренные либералы (съ лордомъ Гартингтономъ, теперь герцогомъ Девонширскимъ, во главѣ) и радикальная группа, руководимая Чемберленомъ. Гладстоніанское большинство оказалось коалиціоннымъ: кабинетъ держался только благодаря ирландскимъ депутатамъ. Новые выборы показали, что большинство англійскаго народа теперь противъ дарованія Ирландіи самостоятельнаго парламента. Ближайшій анализъ результатовъ произведенныхъ выборовъ показываетъ, однако, что большинство это далеко не пропорціонально нынѣшнему парламентскому большинству: всѣхъ голосовъ за уніонистскихъ кандидатовъ было подано 1.650,000, за либераловъ—1.550,000. Англійскія газеты вычисляютъ, что при существованіи пропорціональныхъ числу населенія выборовъ консервативное большинство въ парламентѣ не превышало бы 20—25 голосовъ.

Какъ бы то ни было, Англія еще не желаетъ ирландскаго гомруля, и въ этомъ лежитъ, намъ кажется, главная причина пораженія гладстоніанцевъ. Второстепенныхъ причинъ было не мало: либераламъ повредили и

удаленіе Гладстона, и относительная неумѣлость замѣнившаго его лорда Розбери. Полагаютъ, что либеральная партія могла бы избѣжать пораженія, если бы во главѣ ея находился Гаркуръ. Приписываютъ побѣду консерваторовъ ревностной поддержкѣ ихъ со стороны англійскаго духовенства и кабатчиковъ, вооружившихся противъ правительства за билль объ отдѣленіи церкви отъ государства въ Валлисѣ и за билль, сильно ограничивающій и стѣсняющій питейную торговлю, и т. д. Недовольство вызывала и иностранная политика лорда Розбери, для которой чувствительнымъ ударомъ было, напримѣръ, совмѣстное вмѣшательство Россіи, Германіи и Франціи въ условія мирнаго договора между Японіей и Китаемъ. Быть можетъ, всѣ эти обстоятельства и увеличили число голосовъ, поданныхъ за уніонистскихъ кандидатовъ, но и при ихъ отсутствіи большинство перешло бы изъ-за гомруля на сторону противниковъ Гладстона. Англиканское духовенство все равно было бы на сторонѣ консерваторовъ, если бы либеральный кабинетъ и не проводилъ церковнаго билля; кабатчики все равно оставались бы консерваторами, еслибъ и не было произведено попытки сократить продажу питей и число питейныхъ заведеній.

Надо, однако, принять въ соображеніе, что англійскіе консерваторы мало похожи на консерваторовъ другихъ странъ. Имъ, во-первыхъ, есть что сохранять,—въ смыслѣ національнаго достоинства, народнаго блага и справедливости,—они, во-вторыхъ, не боятся реформъ, не отступаютъ передъ очень крупными преобразованіями, когда за нихъ высказывается общественное мнѣніе. Гладстонъ съ своимъ ирландскимъ биллемъ опередилъ развитіе англійской политической мысли, быть можетъ, на нѣсколько десятковъ лѣтъ. Но нѣтъ ничего невѣроятнаго, если уже въ началѣ приближающагося двадцатаго вѣка Ирландія получитъ національный парламентъ.

Къ реформамъ будетъ побуждать консервативный кабинетъ и присутствіе въ его средѣ Чемберлена. Въ англійской печати появились извѣстія, что лордъ Салисбюри не прочь провести нѣкоторыя преобразованія даже въ организаціи палаты лордовъ, и это было бы, конечно, весьма искуснымъ и эффектнымъ шагомъ съ его стороны.

Въ области иностранной англійской политики,—въ этомъ предположеніи сходятся почти всѣ,—слѣдуетъ ожидать теперь большей энергіи, усиленная же энергія въ данномъ случаѣ можетъ означать болѣе или менѣе непріязненное отношеніе къ Россіи и Франціи. Мы полагаемъ, впрочемъ, что значительныхъ перемѣнъ и въ этомъ отношеніи не произойдетъ. Тѣсному сближенію съ Германіей помѣшаютъ торговые интересы Англіи, одна же или въ союзѣ съ Италіей Великобританія не будетъ угрозою для европейскаго мира.

Любопытно, что въ только что окончившейся парламентской борьбѣ значительная группа рабочихъ, предводимыхъ Кейръ-Гарди, выступала противъ либераловъ и содѣйствовала, между прочимъ, пораженію Джона Морлея. Такая тактика въ Англіи къ вреднымъ послѣдствіямъ, можетъ быть, и не

приведетъ, въ Бельгіи же она принесла печальные плоды. Какъ извѣстно, на общихъ выборахъ въ бельгійскій парламентъ либералы, которые съ величайшими усиліями, послѣ долгой и упорной борьбы, провели широкую избирательную реформу, были покинуты соціалистами и потерпѣли страшное пораженіе. Въ результатѣ: значительное число депутатовъ-соціалистовъ и клерикальное большинство. Оно немедленно принялось за дѣло. Правительство выработало весьма реакціонный школьный законопроектъ, и теперь въ Бельгіи по этому поводу сильное возбужденіе. Либералы и прогрессисты агитируютъ въ странѣ. Происходятъ частые митинги и грандіозныя уличныя демонстраціи. Знаменитый вождь прогрессистовъ, Янсонъ, произноситъ пламенныя рѣчи и выражаетъ твердое убѣжденіе, что взрывъ общественнаго негодованія заставитъ отступить министерство, желающее отдать школу въ руки римско-католическаго духовенства. На этотъ разъ на ряду съ либералами противъ клерикальнаго законопроекта горячо выступаютъ Вандервельде и другіе вожди рабочихъ. Сомнительно, чтобы въ странѣ, которая такъ долго и славно боролась со страшными врагами за свободу совѣсти, могла восторжествовать католическая реакція.

Здѣсь кстати упомянуть, что 18 іюля нынѣшняго года исполнилось четверть вѣка со дня провозглашенія догмата папской непогрѣшимости. Папа Пій IX собралъ въ Ватиканѣ соборъ католическихъ епископовъ. Несмотря на строгую дисциплину римско-католическаго духовенства, потребовались большія усилія для того, чтобы соборъ согласился на торжественное провозглашеніе нелѣпаго догмата. Въ это время разразилась франко-германская война, и сценическій эффектъ возвѣщенія міру, въ храмѣ св. Петра, что римскій первосвященникъ уподобляется божеству, почти пропалъ. А двадцатаго сентября того же года итальянскія войска, при энтузіазмѣ римскаго народа, вступили въ вѣчный городъ. Непогрѣшимый папа заключился въ Ватиканѣ и оттуда продолжалъ посылать проклятія и угрозы еретикамъ и свободнымъ мыслителямъ. Когда умеръ Пій IX, авторитетъ непогрѣшимаго папы былъ сильно поколебленъ. Побѣдоносная Германія, руководимая Бисмаркомъ, начала пресловутую «культурную борьбу» съ католическою церковью, Римъ сдѣлался столицей Итальянскаго королевства. Новому папѣ, Льву XIII, его дальновидной, искусной политикѣ римско-католическая церковь обязана значительнымъ возстановленіемъ своего мірового вліянія. Догматъ непогрѣшимости ничѣмъ не отражался на образѣ дѣйствій тонкаго дипломата, сидящаго на креслѣ св. Петра. Пользуясь всѣми благопріятными обстоятельствами, папскій престолъ добился того, что Бисмаркъ пошелъ на уступки и «культурная борьба» кончилась побѣдою католической церкви. Искусно лавируя между крайними теченіями, Левъ XIII поддерживаетъ хорошія отношенія съ Французскою республикой, кто бы ни стоялъ во главѣ правительства этой страны. Въ виду все возростающаго на Западѣ соціальнаго движенія, римско-католическая церковь неустанно и энергично пытается овладѣть имъ, явиться передъ міромъ

покровительницею обездоленныхъ, защитницею интересовъ труда. Но такая искусная политика только прикрываетъ сущность католицизма и не въ состояніи уже къ концу XIX вѣка доставить этой церкви, всегда враждебной свободѣ совѣсти и изслѣдованія, долгихъ и прочныхъ успѣховъ.

Въ концѣ іюля въ Буда-Пештѣ, съ разрѣшенія венгерскаго правительства, собирался конгрессъ не-мадьярскихъ національностей Транслейтаніи: румынской, сербской, словацкой. Конгрессъ этотъ составляетъ значительное событіе въ политической жизни Венгріи. Благодаря системѣ выборовъ, сильному давленію администраціи и пассивному до сихъ поръ отношенію къ парламентской борьбѣ со стороны большинства не-мадьяръ, эти послѣдніе безраздѣльно господствовали въ странѣ. *Politik* вычисляетъ, что изъ 229 избирательныхъ участковъ съ населеніемъ сплошь или въ большинствѣ не-мадьярскимъ правительство имѣетъ, тѣмъ не менѣе, 179 депутатовъ, безусловно поддерживающихъ его политику.

Politik привѣтствуетъ союзъ національностей, общая численность которыхъ превышаетъ мадьярское населеніе Транслейтаніи. Только этотъ союзъ въ состояніи предохранить румынъ, сербовъ и словаковъ отъ насильственной мадьяризаціи, которой они давно уже и систематично подвергаются. Починъ въ этомъ движеніи принадлежитъ румынамъ, которые еще въ 1893 году устроили въ Вѣнѣ совѣщаніе представителей названныхъ народностей.

Мадьяры раздражены конгрессомъ. Цислейтанская оффиціозная печать старается извлечь изъ пробужденія румынъ и славянъ въ Венгріи нѣкоторую выгоду для укрѣпленія двойственной монархіи, давая совѣты умѣренности обѣимъ сторонамъ. Справедливость требуетъ отмѣтить, что мадьярская народная партія,—недавно возникшая и большого значенія покуда не имѣющая,—высказываетъ въ своемъ органѣ *Madyar Allam* сочувственное отношеніе къ основнымъ требованіямъ румынъ и славянъ и къ ихъ конгрессу.

Въ нашей печати особенное сочувствіе національностямъ, борящимся за свою духовную самостоятельность и за самоуправленіе, обнаружили... *Моск. Вѣдомости*. Газета сообщаетъ, что будапештскій конгрессъ единогласно принялъ слѣдующую программу: «охраненіе цѣлости страны; борьба противъ мадьярской государственной идеи; словаки, сербы и румыны заключаютъ союзъ съ удержаніемъ національныхъ программъ; національная автономія въ границахъ комитатскаго подраздѣленія; автономія національныхъ языковъ; реформа законовъ о національностяхъ; реформа избирательнаго закона; всеобщее прямое и тайное право выбора; пересмотръ церковно-политическихъ законовъ; реформа законовъ объ обществахъ и о правѣ созывать собранія; министры для каждой національности; право представленія императору меморандума; автономія школы и церкви; правдивое освѣдомленіе иностранной печати; реформа суда и еще нѣкоторыя другія мелкія реформы».

Московскія Вѣдомости, столь извѣстныя своимъ справедливымъ и гуманнымъ отношеніемъ къ потребностямъ національностей, входящихъ въ составъ многоплеменнаго государства, патетически заявляютъ: «Мадьярское правительство, которое всегда прикидывалось глухимъ, когда заходила рѣчь о національностяхъ, и мадьярская печать, которая прямо отрицала самое существованіе подобнаго вопроса, теперь должны будутъ считаться съ этимъ вопросомъ» *).

На конгрессѣ не приняли участія трансильванскіе нѣмцы. Быть можетъ, они разсчитываютъ такою цѣной добиться отъ мадьяръ какихъ-либо уступокъ только для себя. Но едва ли не болѣе дальновиденъ (о справедливости и говорить нечего) противуположный образъ дѣйствія румынъ. Хотя они и заявляютъ открыто свою преданность династіи и желаніе не переходить въ своихъ стремленіяхъ венгерской государственной границы, но точному и постоянному соблюденію этихъ обѣщаній не можетъ не мѣшать существованіе сосѣдняго съ Венгріей независимаго румынскаго государства. Положимъ, Гогенцоллернъ, занимающій королевскій румынскій престолъ, тяготѣетъ къ Берлину и Вѣнѣ; но бываютъ моменты, когда народныя теченія побѣждаютъ династическіе интересы и нарушаютъ политическое благоразуміе.

Въ 1891 году въ Румыніи образовалась лига для поддержки венгерскихъ румынъ (ихъ считается три съ половиною милліона). Эта лига развивается. Она держала въ іюнѣ нынѣшняго года многочисленный съѣздъ въ Букарештѣ. Румыны добиваются того, чтобы на августовскомъ (въ Брюсселѣ) международномъ конгрессѣ членовъ европейскихъ парламентовъ обсуждался вопросъ о національностяхъ, объ ихъ положеніи въ государствѣ.

Борьба между національностями продолжается и въ цислейтанской половинѣ Габсбургской монархіи. Изъ лагеря австро-нѣмецкихъ клерикаловъ раздаются голоса, приглашающіе австро-нѣмецкихъ либераловъ - централистовъ вновь вступить въ коалицію съ клерикалами, консерваторами и поляками. Органы либеральной партіи отвергаютъ, однако, клерикальныя предложенія, которыя повели бы къ распаденію партіи. Ея положеніе и безъ того сильно поколеблено, и либералы-централисты гораздо охотнѣе войдутъ въ сдѣлку съ правительствомъ. Чтобы охранить государственное господство нѣмецкаго племени, они согласны даже сдѣлать дальнѣйшія пожертвованія изъ своей либеральной программы, готовы поддерживать усиленіе бюрократіи въ ущербъ парламентскимъ правамъ, лишь бы только не дать чехамъ и другимъ славянамъ равноправности съ австрійскими нѣмцами.

Интересно отмѣтить, что нѣкоторые изъ наиболѣе вліятельныхъ органовъ польской печати выступаютъ теперь противъ союза съ либералами-централистами. Такъ, *Przegląd Polski* порицаетъ польскій клубъ рейхсрата за то, что онъ часто шелъ на уступки нѣмецкой лѣвой, вопреки, конечно, интересамъ другихъ славянскихъ народностей. Союзникъ,—говоритъ названный

*) *Московскія Вѣдомости*, 4 августа.

журналъ,—не всегда бываетъ другомъ, и либералы-централисты, конечно, стремятся насильственнымъ путемъ задержать естественный ростъ славянъ. Журналъ сообщаетъ любопытный фактъ: въ то время, какъ населеніе Австрійской имперіи увеличилось вообще въ послѣднее десятилѣтіе на 7,7%, нѣмецкое населеніе поднялось только на 5,65%. Славяне,—заключаетъ журналъ,—могутъ поэтому спокойно глядѣть въ будущее. Національный миръ тогда только осуществится въ Австріи, когда каждой національности будутъ предоставлены средства для удовлетворенія ея духовныхъ и экономическихъ потребностей.

Выражая сочувствіе автономіи національностей въ разноплеменныхъ государствахъ, *Московскія Вѣдомости* выступаютъ и противъ милитаризма. Занесемъ и это заявленіе въ нашу хронику. Сдѣлано оно по слѣдующему поводу. Ректоръ Берлинскаго университета, профессоръ *богословскаго* факультета (это характерно) Пфлейдереръ, въ день рожденія основателя университета, короля Фридриха-Вильгельма III, произнесъ обычную рѣчь съ необычнымъ въ устахъ германскаго профессора содержаніемъ. Пожуривши Канта за его демократическіе взгляды и за проповѣдь вѣчнаго мира, профессоръ Пфлейдереръ утверждаетъ, что наша жизнь всегда останется вѣчною борьбой. Третейскій судъ въ международныхъ спорахъ ученый богословъ допускаетъ только въ незначительныхъ случаяхъ. Разоруженіе поэтому въ глазахъ берлинскаго профессора было бы крупною ошибкой. «Наемныя войска,—цитируемъ по переводу *Московскихъ Вѣдомостей*,—могли въ рукахъ безсовѣстныхъ правителей быть орудіемъ къ легкомысленнымъ войнамъ, но «народъ въ оружіи» является лучшимъ средствомъ для охраны мира, во-первыхъ, потому, что отнимаетъ у сосѣда охоту къ войнѣ, а, во-вторыхъ, потому, что для вооруженнаго народа война дѣлается серьезнымъ дѣломъ, которое не начнетъ легкомысленно ни одно правительство. Правда, всякую возможность войны устранить нельзя, потому что порядокъ мірозданія требуетъ, чтобы жизнь была борьбой. Поэтому мы должны заботиться о томъ, чтобы выдержать неизбѣжную борьбу за существованіе, и для этого должны усовершенствовать всѣ силы нашего народа. А гдѣ же найти лучшее средство, какъ воспитаніе народа въ школѣ арміи? Всякая другая школа даетъ только отдѣльныя знанія, школа арміи обхватываетъ всего человѣка какъ цѣлое, физически и духовно: для сыновъ низшихъ сословій она является продолжательницей народной школы, пріучаетъ къ порядку, къ аккуратности, къ чистотѣ; для лицъ, окончившихъ высшія школы, она физическими упражненіями создаетъ противовѣсъ противъ односторонности научнаго образованія, гдѣ исключительная умственная работа вредно отражается на силахъ и свѣжести молодого организма. И при всемъ этомъ различіи она воспитываетъ достоинства, составляющія основу гражданскаго порядка,—послушаніе, храбрость, самопожертвованіе и сознаніе долга. Мало того, армія воспитываетъ отвращеніе къ матеріализму».

Приведя эти удивительныя въ устахъ современнаго ученаго и христіан-

скаго богослова разсужденія, *Московскія Вѣдомости* основательно замѣчаютъ: «Почему профессоръ Пфлейдереръ не предпочитаетъ командовать батальономъ, вмѣсто чтенія лекцій,—совсѣмъ непонятно, но, судя по рѣчи, онъ тамъ былъ бы болѣе у мѣста» *). Эту статью *Московскихъ Вѣдомостей,* какъ и ихъ отзывъ о славяно-румынскомъ съѣздѣ въ Буда-Пештѣ, можно рекомендовать въ особенности польскимъ и финляндскимъ читателямъ московской газеты.

Новымъ ректоромъ профессорская корпорація Берлинскаго университета избрала Адольфа Вагнера. Корреспондентъ *Русскихъ Вѣдомостей* считаетъ характерною замѣну воинствующаго богослова, которому предшествовалъ демократъ, такъ называемымъ катедеръ-соціалистомъ. «Если нѣмцу грустно становится за то, что съ каѳедры его университета возможенъ апоѳеозъ милитаризма, то у него, по крайней мѣрѣ, есть утѣшеніе, что всякое мнѣніе свободно и найдетъ себѣ выраженіе, не вызывая противъ ученаго преслѣдованія и не препятствуя его университетской дѣятельности» **). При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что демократическая идея вѣчнаго мира, надъ которой подсмѣиваются шовинисты всѣхъ странъ, ростетъ и въ Германіи, въ особенности южной. Мы своевременно сообщали читателямъ о сильномъ развитіи въ Вюртембергѣ народной партіи (Volkspartei), вождь которой, Пайеръ, состоитъ теперь президентомъ вюртембергской палаты депутатовъ. Эта партія созываетъ въ Мюнхенѣ съѣздъ для обсужденія ея новой политической программы. Проектъ программы начинается заявленіемъ, что народная партія есть партія мира, что она видитъ въ войнѣ предосудительный поступокъ, вредный интересамъ культуры и свободы. Распространеніе просвѣщенія служитъ, разумѣется, и распространенію этой истины. Человѣкъ, прошедшій хотя бы хорошую начальную школу, уже начинаетъ яснѣе понимать все зло войны для успѣховъ мирнаго труда, поэтому лучшимъ способомъ (далеко не единственнымъ, конечно) вести пропаганду идей всеобщаго мира является созданіе все новыхъ и новыхъ училищъ. Въ этомъ отношеніи особенно много сдѣлано Французскою республикой. Число дѣтей школьнаго возраста (отъ шести до тринадцати лѣтъ) равнялось во Франціи въ 1891 году 4.663,671. Школъ было (начальныхъ) 81,511, изъ которыхъ частныхъ одна пятая (по большей части эти послѣднія находятся въ рукахъ католическаго духовенства). Государство и самоуправленіе расходовали на элементарныя училища 186 милліоновъ франковъ (не считая издержекъ по постройкамъ). Бюджетъ частныхъ начальныхъ училищъ въ томъ же году опредѣляютъ въ 60 милліоновъ. Школьныя постройки съ 1878 по 1893 годъ поглотили у государства громадную сумму: 594.500,000 франковъ. Правительственный отчетъ опредѣляетъ только въ 77 тыс. число

*) *Моск. Вѣд.*, № 205. Въ № 216 эта „принципіальная“ газета издѣвается надъ *интерпарламентнымъ* конгрессомъ въ Брюсселѣ, главною задачею котораго является именно сохраненіе европейскаго мира.

**) *Русскія Вѣдомости*, № 208.

дѣтей, совсѣмъ не посѣщавшихъ школу. Изъ призывавшихся къ отбыванію воинской повинности умѣло читать въ 1886 году 89,7%, въ 1891 году 92,6%. Сообщая эти свѣдѣнія, *Journal des Débats* не безъ справедливой гордости говоритъ: «Въ общемъ, кажется, что для начальнаго обученія уже почти закончился періодъ неотложныхъ потребностей и героическихъ пожертвованій. Надо только укрѣплять достигнутые успѣхи» *). Нынѣшнее французское правительство принимаетъ въ этомъ отношеніи много хорошо обдуманныхъ и широкихъ мѣръ.

В. Г.

---

*) *Journal des Débats*, 19 Juilet.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Положеніе объ учрежденіяхъ мелкаго кредита. — Преобразованіе административнаго строя въ сибирскихъ губерніяхъ.—Можетъ ли это преобразованіе обновить сибирскую жизнь?—По вопросамъ школьнаго дѣла.—Дѣло Келлера; его важное общественное значеніе.—Женскій медицинскій институтъ.—*Московскія Вѣдомости* въ роли покровителя національнаго труда.—Отъ московскаго комитета грамотности.

Однимъ изъ важныхъ законодательныхъ мѣропріятій послѣдняго времени является положеніе объ учрежденіяхъ мелкаго кредита, высочайше утвержденное 1 іюня текущаго года. Дѣйствіе этого положенія распространяется на кредитныя товарищества, на ссудо-сберегательныя товарищества и кассы, а также на сельскіе, волостные или станичные банки и кассы. Согласно со 2 ст. положенія, учрежденія мелкаго кредита имѣютъ цѣлью доставлять малодостаточнымъ лицамъ, сельскимъ или станичнымъ обществамъ, товариществамъ, артелямъ и другимъ союзамъ (разъ они дѣйствуютъ на основаніи утвержденныхъ для нихъ уставовъ и правилъ или на основаніи письменныхъ договоровъ) возможность: а) получать на необременительныхъ условіяхъ ссуды для удовлетворенія хозяйственныхъ потребностей и б) помѣщать сбереженія для приращенія изъ процентовъ. Образцовые уставы учрежденій мелкаго кредита утверждаются министромъ финансовъ по соглашенію съ министрами внутреннихъ дѣлъ и земледѣлія, а для мѣстностей, которыя находятся въ вѣдѣніи военнаго министерства, по соглашенію съ военнымъ министромъ. Частные уставы каждаго отдѣльнаго учрежденія утверждаются министромъ финансовъ, по соглашенію, въ случаѣ надобности, съ другими министрами. Учрежденія мелкаго кредита могутъ принимать пожертвованія, пріобрѣтать имущества, вступать въ договоры, искать и отвѣчать на судѣ. Пріобрѣтеніе же недвижимой собственности допускается только въ случаяхъ, которые точно опредѣлены уставами или въ законѣ. Дабы выдѣлить каждую группу учрежденій мелкаго кредита изъ другихъ видовъ, законъ даетъ имъ точную характеристику. Онъ признаетъ *кредитными товариществами* тѣ изъ учрежденій этого рода, которыя основываются на суммы, ссуженныя казною или государственнымъ банкомъ подъ круговую поруку участниковъ товарищества. Н

кредитныя товарищества могутъ имѣть и другое происхожденіе: они могутъ быть учреждаемы на суммы, пожертвованныя земскими, общественными или частными учрежденіями, а также частными лицами, или же на суммы, которыя ссужены этими учрежденіями или лицами подъ круговую поруку участниковъ товарищества. Отличительною чертой ссудо-сберегательныхъ товариществъ служитъ то, что они основываются на суммы, взносимыя членами товарищества единовременно или по частямъ. Но эти суммы могутъ быть восполняемы пожертвованіями учрежденій и частныхъ лицъ, а также ссудами. Сельскими, волостными и станичными банками или кассами признаются такія кредитныя учрежденія, которыя основываются на суммы, назначаемыя для этого сельскими или станичными обществами, а также на суммы, пожертвованныя для того казною, земствомъ, общественными учрежденіями или частными лицами. Если основными капиталами служатъ ссуды, полученныя отъ названныхъ учрежденій или лицъ, то отвѣтственными по ссудамъ являются сельскія или станичныя общества, которыя составили приговоръ объ открытіи банка или кассы. Тому лицу, которое пожертвовало или ссудило на необременительныхъ условіяхъ капиталъ учрежденію мелкаго кредита, предоставляются слѣдующія преимущества: а) оно можетъ получить званіе попечителя этого учрежденія; б) оно можетъ получить право ревизовать дѣлопроизводство и счетоводство въ этомъ учрежденіи или участвовать въ правительственной ревизіи онаго; в) учрежденіе можетъ получить наименованіе по фамиліи учредителя. Установивъ для всѣхъ участниковъ кредитныхъ и ссудо-сберегательныхъ товариществъ обязательную круговую поруку, законъ не опредѣляетъ ея размѣра, а предоставляетъ это уставу каждаго учрежденія. Обязательства же сельскихъ, волостныхъ и станичныхъ банковъ обезпечиваются отвѣтственностью сельскаго, волостного и станичнаго обществъ. Отвѣтствуя по обязательствамъ кредитнаго учрежденія, члены участвуютъ въ управленіи его дѣлами. Давая участникамъ кредитныхъ учрежденій такія права, законъ создаетъ слѣдующія ограниченія: 1) лицо, состоящее членомъ какого-либо кредитнаго или ссудо-сберегательнаго товарищества, не можетъ быть, въ то же время, членомъ другого подобнаго товарищества; 2) каждый членъ ссудо-сберегательнаго товарищества можетъ имѣть не болѣе одного пая, размѣръ котораго не долженъ превышать ста рублей; 3) не допускаются закладъ и передачи пая или паеваго взноса другому члену товарищества или постороннему лицу.

Законъ предоставляетъ учрежденіямъ мелкаго кредита производить слѣдующія операціи: а) принимать денежные вклады, б) заключать займы и в) выдавать на срокъ не свыше 12 мѣсяцевъ краткосрочныя ссуды членамъ кассы или же членамъ общества, въ которомъ учрежденъ банкъ. Эти ссуды выдаются на началахъ личнаго кредита или обезпечиваются поручительствомъ. Кромѣ того, уставъ можетъ разрѣшать производство слѣдующихъ операцій: г) выдавать на счетъ долгосрочныхъ вкладовъ и капиталовъ учрежденій вышеназваннымъ лицамъ долгосрочныя ссуды на сроки не выше 5 лѣтъ. Эти ссуды выдаются также подъ обязательства, основанныя

на личномъ кредитѣ или подъ поручительство; д) тѣмъ же лицамъ могутъ быть выдаваемы изъ тѣхъ же источниковъ ссуды подъ залогъ недвижимаго имущества, которое принадлежитъ заемщику на правѣ полной собсвенности; е) тѣмъ же лицамъ могутъ быть выдаваемы ссуды на сроки не свыше 12 мѣсяцевъ подъ залогъ сельско-хозяйственныхъ, ремесленныхъ, кустарныхъ произведеній. Уплата краткосрочныхъ ссудъ и срочныхъ платежей можетъ быть отсрочиваема въ порядкѣ, который опредѣляется уставомъ.

Учрежденія мелкаго кредита могутъ оставлять въ пользованіи или на храненіи заемщиковъ принимаемыя отъ нихъ въ обезпеченіе обязательства движимыя имущества, по выполненіи извѣстныхъ формальностей. Продажа заложеннаго имущества съ переводомъ долга па покупщика допускается только съ согласія учрежденія, которое выдало ссуду. Открывая для учредителей товариществъ и кассъ довольно широкую свободу въ начертаніи устава, законъ требуетъ, чтобъ уставы кредитныхъ товариществъ содержали въ себѣ слѣдующее: 1) означеніе наименованія товарищества и мѣста, гдѣ оно учреждается; 2) порядокъ образованія запаснаго капитала; 3) перечисленіе операцій, дозволенныхъ товариществу; 4) порядокъ храненія капиталовъ товарищества; 5) порядокъ и условія избранія участниковъ товарищества, а также выхода и исключенія изъ состава онаго. 6—15 пункты говорятъ о необходимости опредѣленія въ уставѣ размѣра отвѣтственности участниковъ, предѣльныхъ размѣровъ обязательствъ товарищества по вкладамъ и займамъ, способа обезпеченія ссудъ, порядка управленія, общихъ основаній отчетности, ликвидацій. Уставъ ссудо-сберегательнаго товарищества долженъ опредѣлять также размѣръ паевъ и порядокъ составленія членами паевыхъ взносовъ. Всѣ учрежденія мелкаго кредита находятся въ общемъ завѣдываніи министерства финансовъ, за исключеніемъ сельскихъ, волостныхъ и станичныхъ банковъ и кассъ, общее завѣдываніе которыми принадлежитъ министру внутреннихъ дѣлъ или военному. Обязанныя представлять во всякое время свѣдѣнія относительно хода своихъ дѣлъ министерству финансовъ, учрежденія мелкаго кредита отъ времени до времени ревизуются министерствомъ финансовъ. Ближайшее же наблюденіе за кредитными товариществами, подъ общимъ руководствомъ государственнаго банка, возлагается на агентовъ банка и ихъ помощниковъ. Эти должностныя лица получаютъ наименованіе инспекторовъ кредитныхъ товариществъ, насколько они исполняютъ обязанность наблюденія за кредитными товариществами. Ихъ ближайшія функціи состоятъ въ томъ, чтобы ревизовать кассу, отчетность и дѣлопроизводство товариществъ, чтобы наблюдать за исполненіемъ ими требованій закона и устава и созывать, въ случаѣ надобности, чрезвычайныя общія собранія товарищества. Если инспекторъ обнаружилъ безпорядокъ или злоупотребленіе въ дѣлопроизводствѣ и счетоводствѣ кредитнаго товарищества, то онъ можетъ временно удалить отъ должности лицъ, которыя завѣдуютъ его дѣлами, и долженъ принять мѣры, чтобы теченіе дѣлъ продолжалось безостановочно. Дѣятельность инспекторовъ кредитныхъ товариществъ опредѣляется въ подробностяхъ особыхъ

наказомъ, который разсматривается совѣтомъ государственнаго банка и утверждается министромъ финансовъ.

Изложенный нами законъ вноситъ существенныя перемѣны въ постановку мелкаго кредита въ нашемъ отечествѣ. Съ половины 60 годовъ въ нашемъ отечествѣ стали распространяться ссудо-сберегательныя товарищества. За 30 лѣтъ своего существованія число ссудо-сберегательныхъ артелей не достигло 800, число членовъ не превысило 211,000 душъ, а общій итогъ выданныхъ ссудъ составилъ къ 1894 году только $18^1/_4$ милліоновъ. Но эти кредитныя учрежденія составляютъ типъ наиболѣе распространенный; сельскіе и волостные банки занимаютъ гораздо болѣе скромное мѣсто. Роль, которую ссудо-сберегательныя товарищества играютъ среди всѣхъ учрежденій мелкаго кредита, особенно ярко обнаруживаетъ ихъ недостаточность. Что значитъ, въ самомъ дѣлѣ, 18 милліоновъ рублей, выданныхъ товариществамъ въ ссуду за цѣлый годъ, по сравненію съ хозяйственными нуждами нашихъ кустарей, насчитываемыхъ милліонами, и нашихъ крестьянъ-земледѣльцевъ, насчитываемыхъ десятками милліоновъ? Можно сказать безъ преувеличенія, что ссудо-сберегательныя товарищества удовлетворяютъ какую-нибудь пятидесятую или даже сотую часть потребности въ кредитѣ на него сельскаго населенія. Недостатокъ кредита вынуждаетъ наше крестьянство наводнять рынокъ хлѣбомъ, обезцѣнивать земледѣльческіе продукты и подрывать благосостояніе въ самомъ источникѣ; недостатокъ кредита заставляетъ ремесленниковъ и кустарей продавать издѣлія по цѣнамъ, которыя не оставляютъ производителю ничего, за покрытіемъ расходовъ на матеріалъ. Всѣ эти обстоятельства побуждаютъ сказать, что законъ 1 іюня можетъ получить серьезное значеніе.

Сводя къ основнымъ группамъ всѣ учрежденія мелкаго кредита, законъ 1 іюня создаетъ новый типъ—кредитныя товарищества. Они тѣмъ существенно отличаются отъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ, что не знаютъ обязательныхъ паевъ. Многолѣтній опытъ показалъ, что обязательное составленіе паевъ дѣлаетъ ссудо-сберегательныя товарищества недоступными для бѣднѣйшихъ членовъ крестьянскаго населенія, которые особенно нуждаются въ кредитѣ. Кредитныя товарищества, свободные отъ обязательныхъ паевыхъ взносовъ со стороны членовъ, имѣютъ основными капиталами суммы, которыя поступаютъ въ качествѣ пожертвованій отъ земства, общественныхъ учрежденій, частныхъ лицъ или же въ качествѣ ссудъ изъ государственнаго банка. Такъ какъ учредители кредитныхъ товариществъ не образуютъ капитала изъ собственныхъ средствъ, то вопросъ о накопленіи прибылей отступаетъ на задній планъ, и члены товарищества, будучи связаны круговою порукой, могутъ тѣмъ легче входить въ составъ этихъ учрежденій, что не нуждаются въ предварительныхъ денежныхъ средствахъ.

Законъ 1 іюня представляетъ интересъ и въ томъ отношеніи, что опредѣляетъ кругъ задачъ народныхъ банковъ. Къ тѣмъ операціямъ, которыя были всегда разрѣшены этимъ учрежденіямъ, присоединяются и нѣкоторыя другія: выдача долгосрочныхъ ссудъ на сроки до пяти лѣтъ, выдача ссудъ

подъ закладъ сельскихъ продуктовъ, кустарныхъ издѣлій, а также недвижимой собственности. Законъ вполнѣ раціонально расширяетъ въ этомъ направленіи операціи народныхъ банковъ: такъ какъ банки могутъ заключать долгосрочные займы и такъ какъ ихъ основные капиталы ввѣряются имъ въ долгосрочную ссуду, то они и могутъ открывать своимъ членамъ, на ряду съ краткосрочнымъ кредитомъ, и долгосрочный. Отмѣтимъ, наконецъ, введеніе особыхъ должностныхъ лицъ — инспекторовъ, на которыхъ возлагается надзоръ за веденіемъ дѣлъ. Такъ какъ изъ всѣхъ учрежденій мелкаго кредита кредитныя товарищества стоятъ въ ближайшихъ отношеніяхъ къ казнѣ и, по всей вѣроятности, будто обязаны своимъ возникновеніемъ, главнымъ образомъ, государственному банку, то дѣятельность инспекторовъ и распространяется именно на эту группу кредитныхъ учрежденій.

Какихъ же практическихъ послѣдствій можно ожидать отъ закона 1 іюня? Было бы напрасно утѣшать себя надеждой, что многія частныя учрежденія, а тѣмъ болѣе частныя лица дадутъ капиталы для учрежденія народныхъ банковъ. Такъ какъ отъ подобнаго помѣщенія капиталовъ нужно ждать меньшихъ выгодъ, чѣмъ отъ вложенія ихъ въ крупныя промышленныя или торговыя предпріятія, то лишь филантропическія побужденія будутъ склонять отдѣльныхъ лицъ или группы лицъ устроивать народные банки. Источникомъ средствъ для основанія народныхъ банковъ могутъ быть отчасти земства, отчасти же государственный банкъ. Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что найдутся необходимыя средства. Но будутъ ли они направлены на учрежденія народныхъ банковъ и доставленіе кредита тѣмъ мелкимъ производителямъ, которые нуждаются въ немъ,—вопросъ открытый. Въ нашей экономической политикѣ господствуетъ такое направленіе, что льготы и денежныя ссуды охотно даются крупнымъ промышленникамъ и торговцамъ, какъ единоличнымъ, такъ и обществамъ. И наоборотъ, матеріальная поддержка мелкихъ производителей является рѣдкимъ исключеніемъ. Напомнимъ для примѣра хотя бы о павловской артели кустарей. Она существуетъ уже $4^1/_2$ года, въ теченіе которыхъ многими фактами доказала свою жизнеспособность: стойкость артельщиковъ, преданность дѣлу, весьма умѣлое руководительство со стороны г. Штанге и его сотрудниковъ, безостановочное улучшеніе издѣлій и расширеніе предпріятія,— все оправдываетъ полное вниманіе, съ которымъ земству и правительству слѣдовало бы отнестись къ этому учрежденію. Между тѣмъ, ходатайство павловской артели о ссудѣ было до сихъ поръ гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Ей нужно было бы 12—15 тыс. рублей для правильной постановки производства, а ей едва удалось получить одну тысячу отъ кустарнаго комитета министерства земледѣлія. Между тѣмъ, новый уставъ государственнаго банка говоритъ въ цѣломъ рядѣ статей о поддержаніи мелкой промышленности. И если до сихъ поръ новый уставъ государственнаго банка ничѣмъ не заявилъ себя съ этой стороны, то и на законъ 1 іюня мы смотримъ пока какъ на обѣщаніе. А отъ обѣщанія до исполненія еще очень далеко.

Закономъ 1 іюня 1895 года преобразовано административное устройство четырехъ сибирскихъ губерній: Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской. Существо этого преобразованія состоитъ въ томъ, что упраздняется цѣлый рядъ отдѣльныхъ административныхъ органовъ министерства внутреннихъ дѣлъ: губернскіе совѣты съ состоящими при нихъ канцеляріями общаго губернскаго управленія, отдѣленіями по строительной и дорожной части, тюремнымъ отдѣленіемъ, губернскія присутствія по городскимъ дѣламъ и по воинской повинности, губернскія правленія съ экспедиціями о ссыльныхъ, приказы общественнаго призрѣнія, врачебныя управы и проч. Взамѣнъ всѣхъ этихъ установленій учреждается губернское управленіе, состоящее изъ губернатора, общаго присутствія и канцеляріи. Въ составъ общаго присутствія губернскаго управленія, подъ предсѣдательствомъ губернатора, входятъ: вице-губернаторъ и разныя административныя лица. Каждое изъ нихъ участвуетъ въ общемъ присутствіи по всѣмъ дѣламъ, которыя касаются опредѣленной отрасли управленія. Управляющіе казенными палатами и государственными имуществами участвуютъ по дѣламъ крестьянскимъ и переселенческимъ, по дѣламъ народнаго продовольствія, общественнаго призрѣнія, оспопрививанія и проч., предсѣдатели судовъ—по дѣламъ крестьянскимъ, переселенческимъ и т. д. Вице-губернаторы участвуютъ въ засѣданіяхъ общаго присутствія по всѣмъ дѣламъ. Сверхъ того, въ засѣданія общаго присутствія по отдѣльнымъ дѣламъ приглашаются управляющіе контрольными палатами, уѣздные воинскіе начальники, представители почтово-телеграфнаго управленія, городскіе головы и разныя другія лица. Канцеляріи губернскихъ управленій состоятъ изъ 4 отдѣленій: распорядительнаго, врачебнаго, тюремнаго и строительнаго. Этимъ вновь образованнымъ учрежденіямъ и переданы дѣла, которыя вѣдались губернскими совѣтами и многочисленными отдѣльными губернскими органами.

Если мы постараемся дать себѣ отчетъ въ существѣ совершеннаго преобразованія, то скажемъ, что оно имѣетъ чисто-формальное значеніе. Цѣлый рядъ коллегіальныхъ установленій, которыми такъ изобилуетъ Сибирь, объединена въ одинъ центральный органъ. Должностныя лица, которыя, согласно съ принципами доселѣшняго административнаго строя, были разбиты по отдѣльнымъ установленіямъ, являются теперь членами одного органа и принимаютъ участіе въ его дѣлахъ постольку, поскольку эти дѣла касаются спеціально служебной дѣятельности каждаго изъ участниковъ. Такой порядокъ можетъ имѣть небольшое вліяніе на управленіе Сибирью въ томъ смыслѣ, что нѣсколько ускоритъ теченіе дѣлъ. Если только немногіе изъ чиновъ общаго присутствія губернскаго управленія будутъ не слишкомъ медлительны въ разсмотрѣніи и вершеніи поступающихъ дѣлъ, то и остальные члены, уже по внѣшней связи многихъ административныхъ дѣлъ, будутъ отчасти находиться подъ вліяніемъ болѣе ретивыхъ членовъ. Такимъ образомъ, если до сихъ поръ среднее теченіе каждаго дѣла въ Сибири равнялось (примѣрно) одному году, то при новомъ устройствѣ оно будетъ равно $11^1/_2$ мѣсяцамъ.

Однако, новая реформа, смягчая нѣкоторыя невыгоды сибирской административной жизни, не вноситъ въ нее существенныхъ поправокъ. Власть администраціи очень велика и въ губерніяхъ Европейской Россіи; въ сибирскихъ губерніяхъ она еще гораздо шире, и новый законъ вовсе не умаляетъ этой власти. Новое положеніе о земскихъ учрежденіяхъ, значительно съузивъ компетенцію земства, все же оставило за нимъ нѣкоторую самостоятельность по веденію мѣстнаго хозяйства, а Сибирь не имѣетъ даже и этого весьма скромнаго по задачамъ и власти самоуправленія. Ежедневная печать, пользующаяся въ обѣихъ столицахъ нѣкоторою свободой, лишена ея въ остальныхъ мѣстахъ Европейской Россіи. Но и провинціальная печать, не взирая на самыя тяжелыя условія своего существованія, фактически пріобрѣла возможность,—правда, со всякаго рода оговорками и, большею частью, намеками—отмѣчать недостатки дѣятельности хотя низшихъ мѣстныхъ административныхъ властей и тѣмъ какъ бы установлять надъ ними нѣкоторый контроль общественнаго мнѣнія. Можно назвать 5 — 6 губернскихъ городовъ, гдѣ повременная печать уже довольно давно служитъ мѣстной жизни на этомъ поприщѣ. Сибирская печать не имѣетъ тѣни той свободы слова, которымъ пользуются газеты въ провинціальныхъ городахъ Европейской Россіи. Самое невинное осужденіе дѣятельности мелкихъ административныхъ властей влечетъ для редакторовъ и издателей газеты очень крупныя непріятности, легко оканчивающіяся прекращеніемъ изданія. Пока будетъ существовать такой порядокъ, до тѣхъ поръ всѣ преобразованія въ административномъ строѣ Сибири принесутъ этой обширной странѣ очень мало пользы. Чиновникъ обыкновенно склоненъ проникаться началомъ бюрократизма, который воспитываетъ въ немъ убѣжденіе, что не онъ—слуга общества, а общество должно играть относительно его служебную роль. И чѣмъ ниже уровень культуры въ странѣ, чѣмъ дальше отстоитъ мѣстность отъ центра, чѣмъ болѣе благопріятна почва для развитія бюрократизма. Таково именно положеніе Сибири. А съ этимъ бѣдствіемъ можетъ всего болѣе успѣшно бороться печатное слово.

Наши читатели, слѣдящіе за всѣмъ, что происходитъ въ сферѣ народнаго образованія, не безъ интереса узнаютъ объ успѣхахъ, которые могутъ быть отмѣчены въ школьной жизни Петербурга за 1894 — 95 учебный годъ. Этотъ годъ былъ счастливѣе многихъ предъидущихъ: открывая обыкновенно 10 училищъ ежегодно, городъ открылъ за этотъ годъ 20 школъ. Въ настоящее время онъ имѣетъ 320 училищъ: 173 для мальчиковъ, 144 для дѣвочекъ и, на окраинахъ, 3 смѣшанныхъ училища для дѣтей обоего пола. Городъ открылъ двойное число училищъ для того, чтобъ у-ранить переполненіе школъ учащимися, чтобъ избѣжать отказа въ при-тіи учениковъ. Считая нормальнымъ числомъ учащихся 50 дѣтей на шк , городъ вынужденъ, однако, нарушить это правило. Въ началѣ предшест-вавшаго учебнаго года въ 320 училищахъ должно было учиться 16,668 . Такимъ образомъ, школы начальныя оставляютъ еще многаго желать

этой стороны какъ въ отношеніи гигіеническомъ, такъ и въ отношеніи педагогическомъ (ибо слишкомъ большое число учащихся мѣшаетъ успѣхамъ обученія). Еще большій пробѣлъ можно отмѣтить въ городскихъ четырехклассныхъ училищахъ, которыя служатъ довершеніемъ начальныхъ: мужскихъ четырехклассныхъ училищъ всего 8, а женскихъ городскихъ двухклассныхъ 5. Недостаточность этого числа особенно убѣдительно доказывается тѣмъ, что въ послѣднихъ 13 учится всего 1,800 (1,400 мальчиковъ и 400 дѣвочекъ), тогда какъ въ первыхъ число учащихся достигаетъ 17,000. Сопоставленіе этихъ цифръ показываетъ, что отношеніе начальныхъ училищъ къ городскимъ, которыя являются продолженіемъ первыхъ, не можетъ быть признано нормальнымъ: 1 городское училище приходится на 26 начальныхъ и на 1,300 учащихся въ нихъ. Составъ учащихся въ городскихъ училищахъ очень мало измѣняется изъ года въ годъ: первое мѣсто занимаютъ дѣти крестьянъ, составляющіе 43% всѣхъ учащихся; второе мѣсто—23%—принадлежитъ дѣтямъ нижнихъ воинскихъ чиновъ и, наконецъ, 34% составляютъ представители городскихъ сословій. Уже этотъ фактъ показываетъ, какъ велико число пришлыхъ семей въ составѣ петербургскаго населенія. Число учащихся дѣвочекъ постепенно увеличивается: за прошлый годъ оно достигло $45^1/_2$% общаго числа. Въ послѣдніе годы наблюдается тотъ фактъ, что уменьшается число дѣтей, которыя оканчиваютъ училище послѣ 12 лѣтъ, и возростаетъ число такихъ, которыя оканчиваютъ между 11 и 12 годами. Это столь ранній возрастъ, что не слѣдуетъ оставлять дѣтей въ праздности, а такъ какъ занятіе въ эти годы физическимъ трудомъ еще несвоевременно, то нужно содѣйствовать ихъ дальнѣйшему умственному развитію, т.-е. сдѣлать доступнымъ для всѣхъ *конецъ* народнаго образованія, который дается четырехклассными городскими училищами. Отчетъ о петербургскихъ училищахъ сообщаетъ намъ, что только 11 помѣщаются въ домахъ, принадлежащихъ городу, а остальныя—въ частныхъ домахъ, причемъ весьма нерѣдко нарушаются требованія нормы относительно квадратнаго и кубическаго измѣренія. Въ санитарномъ отношеніи прошлый годъ долженъ быть признанъ довольно благопріятнымъ: на каждаго учащагося пришлось 12 дней, пропущенныхъ по болѣзни. За 1894 годъ Петербургъ израсходовалъ на народное образованіе 646,000 рублей, изъ которыхъ, кромѣ расходовъ на начальныя училища, было употреблено 5,132 руб. на 16 воскресныхъ школъ и около 12,000 рублей на 4 безплатныхъ народныхъ читальни. Петербургская городская дума разсчитываетъ и въ слѣдующіе годы работать не менѣе энергично надъ развитіемъ школьнаго дѣла.

Таково состояніе народнаго образованія въ Петербургѣ. Можно сказать безъ преувеличенія, что въ обѣихъ столицахъ и многихъ городахъ сознаніе необходимости учить дѣтей сдѣлало такіе успѣхи даже въ мало развитыхъ слояхъ населенія, что если бы было достаточное число школъ, то неграмотными остались бы очень немногіе. Но это сознаніе крѣпнетъ и повсюду въ Россіи. Московскій комитетъ грамотности, озабочиваясь выясненіемъ условій, среди которыхъ было бы поставлено всеобщее обученіе

въ Россіи, разослалъ многимъ лицамъ и учрежденіямъ программу, въ которой находятся, между прочимъ, слѣдующіе вопросы: 1) вездѣ ли въ извѣстномъ вамъ районѣ крестьяне (или жители города) желаютъ учить своихъ дѣтей и отъ какихъ причинъ зависитъ большее или меньшее стремленіе ихъ къ школѣ; 2) не можете ли указать отдѣльныхъ случаевъ стремленія къ школѣ или равнодушія къ ней; 3) потребность ученія сознана ли только по отношенію къ мальчикамъ или и по отношенію къ дѣвочкамъ, и отъ чего зависитъ различіе, если оно наблюдается; 4) не замѣчается ли усиленіе потребности ученія за послѣднее время, и если замѣчается, то отъ какихъ причинъ зависитъ оное; 5) каковы главныя причины, вслѣдствіе которыхъ обучаются не всѣ мальчики и не всѣ дѣвочки.

На обращеніе московскаго комитета грамотности откликнулись очень многіе. Часть матеріаловъ уже сведена и опубликована въ брошюрѣ, которая носитъ заглавіе: *Сознана ли населеніемъ потребность во всеобщемъ обученіи?* Въ брошюрѣ сдѣланы общіе выводы изъ 300 отвѣтовъ; среди отвѣтившихъ мы находимъ директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ, предводителей дворянства, сельскихъ учителей и учительницъ. Затѣмъ мы находимъ въ этомъ спискѣ помѣщиковъ, священниковъ и друг.

На вопросъ о томъ, желаетъ ли населеніе даннаго района учить своихъ дѣтей, было получено 89,3% утвердительныхъ отвѣтовъ и только 10,7% уклончивыхъ и неопредѣленныхъ: «не вездѣ» или «далеко не всѣ». Тамъ, гдѣ потребность учить дѣтей сознана не всѣми, причинами являются вѣроисповѣдныя различія, крайняя бѣдность или дурное качество школы. Такіе факты всего чаще наблюдаются въ мѣстностяхъ съ большимъ числомъ инородцевъ — въ Вятской, Казанской, Симбирской, Самарской губерніяхъ. Нерѣдко корреспонденты сообщаютъ данныя, которыя краснорѣчиво доказываютъ любовь крестьянъ къ школѣ: нѣкоторые учителя пишутъ, что даже изъ деревень, отдаленныхъ отъ школъ, дѣти не посѣщаютъ училища только вслѣдствіе метели или сильнаго мороза; другіе передаютъ о томъ, что въ концѣ лѣта, еще за нѣсколько недѣль до начала ученья, родители толпами приходятъ въ школу и наперерывъ просятъ учителя принять дѣтей. Нѣкоторые корреспонденты пишутъ, что съ каждымъ годомъ среди крестьянъ, прошедшихъ школу, увеличивается стремленіе покупать книжки и даже составлять маленькія библіотеки. Приводятся и такіе факты: родители не хотятъ посылать дѣтей въ школу, не даютъ имъ съ собой обѣда и сколько-нибудь исправнаго платья; дѣти же ходятъ и постепенно побѣждаютъ упорство родителей. Нѣкоторые инспектора пишутъ комитету грамотности, что угроза закрыть школу, вслѣдствіе неисправности помѣщенія, ведетъ обыкновенно къ тому, что сельскія общества ремонтируютъ здан[illegible]; съ тѣмъ вмѣстѣ, несмотря на то, что учебное начальство и земство ставя[illegible] крестьянамъ, желающимъ открыть школу, все болѣе строгія требовані[illegible], сельскія общества постановляютъ приговоры о сооруженіи школьныхъ з[illegible]ній и открытіи школъ. Относительно одного селенія Нижегородской губ[illegible]ніи сообщаютъ такой любопытный фактъ: въ селѣ было женское учил[illegible]

и земство платило за наемъ квартиры; когда оно перестало платить, а сельское общество не взяло на себя этого расхода, то было рѣшено закрыть училище; но черезъ нѣсколько дней по закрытіи школы явился староста доложить, что сельское общество постановило сдѣлать особый сборъ, дабы заплатить за квартиру; училище было немедленно открыто. И такое стремленіе къ школѣ замѣчается не только среди коренного русскаго населенія,—оно обнаруживается и среди инородцевъ, наприм., мордвы въ Тамбовской и Пензенской губерніяхъ.

На вопросъ о томъ, сознаетъ ли населеніе полезность обученія только мальчиковъ или и дѣвочекъ, комитетъ грамотности получилъ свѣдѣнія, большая часть которыхъ указываетъ, что въ городахъ родители охотно посылаютъ въ школу и дѣвочекъ, въ деревняхъ же только меньшинство крестьянъ одинаково охотно посылаетъ учиться мальчиковъ и дѣвочекъ. И это есть результатъ не того, чтобы родители считали обученіе дѣвочекъ ненужнымъ,—дѣвочки начинаютъ въ болѣе раннемъ возрастѣ служить подсобною рабочею силой, чѣмъ мальчики, а потому семья неохотно отдаетъ первыхъ въ ученье. Наконецъ, корреспонденты изъ нѣкоторыхъ мѣстностей отмѣчаютъ и другую причину: отсутствіе отдѣльныхъ школъ для дѣвочекъ; тамъ, гдѣ есть женскія начальныя училища, они переполнены; совмѣстное же обученіе мальчиковъ и дѣвочекъ не нравится многимъ крестьянамъ.

По третьему вопросу, о томъ, замѣчается ли усиленіе потребности въ обученіи, около 90% отвѣтовъ даны въ безусловно утвердительной формѣ. И изъ остальныхъ отвѣтовъ многіе не содержатъ отрицанія, а только указываютъ на правильный и постепенный прогрессъ и народной школы, и влеченія къ ней.

Таковы факты. За собраніе ихъ московскій комитетъ грамотности заслуживаетъ полной признательности. Эти факты даютъ право на одинъ общій, широкій выводъ, что во многихъ губерніяхъ уже наступило время, когда сравнительно небольшія усилія правительства и земства могутъ сдѣлать школу доступной для всего населенія.

Передаемъ со словъ *Одесскихъ Новостей* разрѣшеніе государственнымъ совѣтомъ важнаго вопроса о примѣненіи положенія 14 августа 1881 года о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и спокойствія. Сущность дѣла состоитъ въ слѣдующемъ. Петербургскій градоначальникъ Грессеръ, по соглашенію съ петербургскимъ губернаторомъ, воспретилъ нѣкоему Келлеру жить въ теченіе 3 лѣтъ въ Петербургѣ и Петербургской губерніи на основаніи положенія 14 августа 1881 года объ охранѣ. Воспрещеніе состоялось 3 іюля 1889 года. Келлеръ подалъ на это распоряженіе жалобу въ первый департаментъ сената, доказывая въ жалобѣ, что вовсе не возникало сомнѣній относительно его политической благонадежности. Грессеръ, представляя жалобу въ сенатъ, донесъ, что основаніемъ его распоряженія былъ обманный поступокъ Келлера относительно нѣкоей Мержеевской, устраненіе его отъ службы городового по подозрѣнію въ кражѣ и общія свѣ-

дѣнія о Келлерѣ, какъ человѣкѣ сомнительной нравственности. При разсмотрѣніи жалобы Келлера въ первомъ департаментѣ сената голоса раздѣлились, причемъ одни сенаторы считали жалобу Келлера вовсе не подлежащей разсмотрѣнію сенатомъ и признавали министра внутреннихъ дѣлъ высшею инстанціей, а другіе высказались за отмѣну распоряженія Грессера, такъ какъ въ поступкахъ Келлера не было ничего угрожающаго государственному спокойствію, для охраненія котораго и было издано положеніе 14 августа 1881 года. Въ общемъ собраніи сената голоса также раздѣлились, причемъ 12 высказались за оставленіе жалобы Келлера безъ послѣдствій, а 16 — находили, что она должна быть разсмотрѣна и уважена. Вслѣдствіе разногласія въ общемъ собраніи сената, дѣло перешло на разсмотрѣніе государственнаго совѣта. Въ своемъ рѣшеніи государственный совѣтъ установилъ тотъ взглядъ, что положеніе 14 августа 1881 года вовсе не отмѣняетъ и не измѣняетъ порядка обжалованія дѣйствій генералъ-губернаторовъ, губернаторовъ и градоначальниковъ въ случаѣ превышенія этими должностными лицами предоставленныхъ имъ полномочій, а потому частныя лица, права которыхъ нарушаются или ограничиваются этими распоряженіями, имѣютъ право приносить жалобы или министру внутреннихъ дѣлъ, или въ сенатъ. Государственный совѣтъ доказываетъ правильность своихъ выводовъ ссылкою на то, что высочайшій указъ отъ 4 сентября 1881 года объ изданіи положенія объ охранѣ говоритъ, что установленныя этимъ положеніемъ исключительныя мѣры не должны подвергать «излишнему отягощенію законные интересы вѣрнаго престолу населенія». Отсюда слѣдуетъ, что законъ не хотѣлъ лишить гражданъ права приносить жалобы въ тѣхъ случаяхъ, когда примѣненіе этого положенія нарушаетъ ихъ законные интересы. Во-вторыхъ, государственный совѣтъ опирался и на соображеніе о томъ, что въ проектѣ *положенія объ охранѣ* было предначертано правило о томъ, что во время дѣйствія усиленной охраны распоряженія генералъ-губернаторовъ, губернаторовъ и градоначальниковъ, сдѣланныя на основаніи ихъ чрезвычайныхъ полномочій, могутъ быть обжалованы только въ случаѣ превышенія ими означенныхъ полномочій. Но комитетъ министровъ исключилъ эту статью, «такъ какъ правила о принесеніи подобныхъ жалобъ изложены въ общихъ узаконеніяхъ». Поэтому жалоба Келера была правильно принесена сенату. Обсуждая же эту жалобу по существу, государственный совѣтъ высказалъ взглядъ, что положеніе 14 августа 1881 года даетъ администраціи чрезвычайныя полномочія для водворенія полнаго порядка и искорененія крамолы. Поэтому должностныя лица, надѣленныя особыми полномочіями, должны имѣть только эту цѣль въ виду, какъ скоро они запрещаютъ кому-либо пребываніе въ данной мѣстности. Такъ какъ распоряженіе петербургскаго градоначальника относительно Келлера не соотвѣтствуетъ этимъ условіямъ, такъ какъ оно было сдѣлано не въ интересахъ охраненія государственнаго спокойствія, а вслѣдствіе свѣдѣній о сомнительной нравственности Келлера и подозрѣнія его въ такихъ проступкахъ, за которые можно было преслѣдовать его только въ общемъ уголовномъ порядкѣ, то госу-

ственный совѣтъ призналъ выселеніе Келлера изъ столицы и Петербургской губерніи неправильнымъ и высказался за отмѣну этого распоряженія.

Мы придаемъ этому факту очень большое значеніе. Государственный совѣтъ создалъ прецедентъ, который можетъ имѣть большую важность. Бываютъ случаи, когда нужна значительная острота ума и привычка къ юридическимъ тонкостямъ, дабы высказаться по поводу образа дѣйствій административной власти. На этотъ же разъ неправильное примѣненіе покойнымъ Грессеромъ положенія 14 августа 1881 г. такъ очевидно и право Келлера на подачу жалобы сенату столь несомнѣнно, что, казалось бы, не должно быть иного отношенія къ дѣлу, какъ то, которое мы находимъ со стороны государственнаго совѣта. Келлеръ былъ человѣкомъ сомнительной нравственности и даже совершилъ моженничество относительно Мержеевской. Такіе люди не могутъ быть терпимы въ качествѣ городовыхъ, а потому петербургскій градоначальникъ поступилъ правильно и цѣлесообразно, что уволилъ его. Его сомнительныя дѣлишки были не таковы, чтобы можно было привлечь его къ уголовной отвѣтственности, а потому онъ до поры до времени и не познакомился съ мѣрами судебнаго воздѣйствія. Разъ его нравственныя качества были такъ сомнительны, какъ мы узнаемъ изъ заявленія покойнаго Грессера, то онъ рано или поздно (и, вѣроятно, въ недалекомъ будущемъ) испыталъ бы на себѣ прелести тюрьмы или наказаній, связанныхъ съ удаленіемъ изъ Петербурга. Но возможно, что увольненіе отъ службы заставило бы его одуматься и повести жизнь, не заслуживающую серьезныхъ упрековъ. Каково бы ни было его дальнѣйшее поведеніе, не было никакихъ основаній для того, чтобы выслать его изъ Петербурга, примѣнивъ къ нему строгія административныя взысканія по положенію 14 августа 1881 года. И условія, при которыхъ былъ изданъ этотъ законъ, и духъ его, и самая буква вмѣняютъ администраціи въ обязанность примѣнять его въ самыхъ крайнихъ случаяхъ и то съ величайшею осторожностью и разборчивостью. Исключительные законы настолько потрясаютъ правильное теченіе жизни, что частое примѣненіе ихъ, уже не говоря о крайней тягости, причиняемой гражданамъ, подрываетъ авторитетъ государства: граждане не могутъ смотрѣть безъ недоумѣнія и раздраженія на то, что государство, располагая огромнымъ числомъ служащихъ ему органовъ и огромнымъ запасомъ матеріальныхъ средствъ, нуждается въ исключительныхъ мѣрахъ даже тамъ, гдѣ рѣчь идетъ не о тяжкихъ преступленіяхъ, которыя вызываютъ панику, а о ничтожныхъ вещахъ, о мелочахъ повседневной жизни. Вырабатывая положеніе 14 августа 1881 года, законодатель хорошо зналъ, что ежедневно совершаются сотни мошенничествъ, что многіе и многіе русскіе люди, среди нихъ городовые, весьма сомнительной нравственности, но онъ, конечно, не допускалъ и мысли, что этими исключительными мѣрами будутъ пользоваться въ случаяхъ, когда совершенно достаточно низшихъ судебныхъ инстанцій.

Женскій медицинскій институтъ почти въ полномъ объемѣ медицинскаго факультета сталъ существующимъ фактомъ. Считая это важнымъ шагомъ въ дѣлѣ упроченія высшаго женскаго образованія въ Россіи, мы сожалѣемъ, что доступъ въ институтъ связанъ съ вѣроисповѣданіемъ. Нашлись бы лица и не христіанской вѣры, способныя съ успѣхомъ пройти этотъ курсъ и дѣйствовать на врачебномъ поприщѣ.

Какъ извѣстно, *Московскія Вѣдомости* «охраняютъ» національную промышленность, національный трудъ. *Недѣля* (№ 30) сообщаетъ слѣдующій фактъ, характеризующій это «охраненіе»:

«У одного изъ московскихъ мировыхъ судей разбиралось любопытное дѣло С. А. Петровскаго, редактора-издателя *Московскихъ Вѣдомостей*. Дѣло возникло изъ-за поврежденія руки малолѣтнимъ рабочимъ типографіи *Московск. Вѣдомостей*. При этомъ при осмотрѣ типографіи фабричнымъ инспекторомъ были обнаружены слѣдующія нарушенія правилъ о работѣ малолѣтнихъ: во-1-хъ, не было заявлено фабричному инспектору о пользованіи трудами малолѣтнихъ отъ 12 до 15 лѣтъ; во-2-хъ, не имѣется распредѣленія рабочаго времени для малолѣтнихъ, утвержденнаго фабричнымъ инспекторомъ; въ-3-хъ, малолѣтніе отъ 12 до 15 лѣтъ принимаются на службу безъ метрическихъ выписей, а не имѣющіе отдѣльныхъ паспортовъ—безъ разрѣшенія родителей; въ-4-хъ, ни въ конторѣ, ни въ рабочихъ помѣщеніяхъ не вывѣшены: правила о работѣ и обученіи малолѣтнихъ, табель праздниковъ, въ которые не допускается работа малолѣтнихъ, и списокъ производствъ, къ которымъ малолѣтніе въ возрастѣ отъ 12 до 15 лѣтъ безусловно не допускаются; въ-5-хъ, нѣтъ книгъ для записи малолѣтнихъ; въ-6-хъ, малолѣтніе отъ 12 до 15 лѣтъ работаютъ болѣе 8 часовъ въ день, причемъ болѣе 4 часовъ сряду; въ-7-хъ, они же работаютъ даже ночью при производствѣ, которое для нихъ въ ночное время безусловно воспрещено; въ-8-хъ, малолѣтніе указаннаго возраста работаютъ въ воскресные, праздничные и табельные дни; въ-9-хъ, малолѣтнимъ, не имѣющимъ свидѣтельства объ окончаніи одноклассного училища, не дается возможность посѣщать школу, такъ какъ учебное время занято у нихъ работой; въ-10-хъ, подростки принимаются безъ метрическичeскихъ свидѣтельствъ; въ-11-хъ, принимаются на работу дѣти моложе десяти лѣтъ. Такъ какъ обвиняемый на судъ не явился, то дѣло разбиралось заочно. Судья, соглашаясь съ мнѣніемъ г. фабричнаго инспектора, что «общественное положеніе г. Петровскаго, какъ издателя-редактора большой газеты, исключаетъ всякую возможность въ допущеніи имъ нарушенія по незнанію или по непониманію имъ закона и преслѣдуемыхъ закономъ цѣлей», нашелъ нужнымъ наложить на г. Петровскаго денежное взысканіе въ высшей мѣрѣ: штрафъ въ 100 руб.».

Состоящій при Императорскомъ московскомъ обществѣ сельскаго хозяйства комитетъ грамотности, имѣя въ виду, что при всероссійской сельско-

хозяйственной выставкѣ общества, имѣющей быть съ высочайшаго соизволенія съ 27 ноября по 14 декабря с. г. въ зданіи московскаго манежа, устраивается въ отдѣлѣ комитета выставка по народному образованію, приглашаетъ учрежденія и лица, желающія принять участіе въ выставкѣ, въ качествѣ экспонентовъ, въ отдѣлѣ комитета грамотности, прислать заявленія о томъ въ комитетъ (Москва, Смоленскій бульваръ, д. Земледѣльческой школы) не позднѣе 14 октября, а самые экспонаты не позднѣе 1 ноября.

Для полученія подробной программы отдѣла комитета на выставкѣ просятъ обращаться по указанному адресу.

ПОПРАВКИ. Въ іюльской книгѣ журнала *Русская Мысль,* въ статьѣ В. А. Гольцева: „Историческая эволюція и психологическіе законы“, стр. 138, строка 22 снизу, напечатано: „при низменности его (народа) души“, слѣдуетъ читать: „при неизмѣнности его души“. Въ той же книгѣ, въ статьѣ профессора К. А. Тимирязева: „Историческій методъ въ біологіи“ пропущено указаніе, что статьи г. Филиппова о дарвинизмѣ печатались въ *Научномъ Обозрѣніи* за 1894 г., №№ 32—35.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ".

Августъ 1895 года.

Содержаніе. I. **Книги**: Беллетристика.—Публицистика.—Психологія.—Исторія и мемуары.—Географія.—Статистика.—Техническія книги.—Сельское хозяйство.—Медицина.—Искусство.—Книги для дѣтей и учебники.—Изданія для народа.—Справочныя книги. II. **Періодическія изданія** «Русское Богатство», *іюнь*.—«Вѣстникъ Европы», *іюнь—іюль*.—«Русскій Вѣстникъ», *іюль*.—«Сѣверный Вѣстникъ», *іюль*. III. **Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль" съ 1 іюля по 1 августа 1895 года.**

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

„Откровенные". *К. М. Станюковича*.—„Живой портретъ и разсказы". *А. Антеева*.—„Братья Шуйскіе". *Л. И. Вознесенскаго*. — „Золотой оселъ". *Люція Апулея*. — „Собраніе сочиненій" *Бретъ-Гарта*.

Откровенные. Романъ въ двухъ частяхъ К. М. Станюковича. Изданіе О. Н. Поповой. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к. Авторъ изобразилъ въ этомъ романѣ уголокъ высшаго административнаго міра Петербурга, въ каковомъ мірѣ всего менѣе, кажется, можно встрѣтить людей „откровенныхъ". Не видимъ мы „откровенныхъ" и въ романѣ г. Станюковича, что отнюдь не умаляетъ достоинствъ повѣствованія, какъ правдиваго изображенія среды, взятой авторомъ. Суть дѣла не въ заглавіи книжки, не совсѣмъ удачномъ, по нашему мнѣнію, а въ томъ, что главныя дѣйствующія лица—министръ-старикъ, уходящій отъ дѣлъ, молодой министръ, безъ устали работающій надъ дѣлами, будущій его преемникъ, обрабатывающій отлично свои личныя дѣла, директоры департаментовъ, директоръ канцеляріи министра,—описаны авторомъ съ такою правдивостью и откровенностью, какія возможны для русскаго писателя, не желающаго „быть приглашеннымъ для личныхъ объясненій" съ высшими сановниками, „друзьями прессы", какъ про себя говоритъ молодой министръ Павлищевъ, который не любитъ въ печати только „вранья и глупостей", не допускаетъ появленія въ газетахъ „вздорныхъ" статей. „Я, — говоритъ редактору молодой и энергичный сановникъ, — не врагъ прессы и очень цѣню ее, и охотно готовъ читать всякія благожелательныя замѣчанія. Но этотъ тонъ... Это невѣжественное отношеніе какого-то писаки къ проекту, надъ которымъ работали люди, надѣюсь, кое-что знающіе и не глупѣе вашего сотрудника... вотъ что возмутительно, и вотъ на что я хотѣлъ обратить ваше вниманіе. Если хотите вѣрныхъ свѣдѣній, если хотите разъясненій,—милости просимъ, у меня секретовъ нѣтъ, и вамъ дадутъ всякія свѣдѣнія и всякія разъясненія. Вы, господа, должны помогать намъ, а не противодѣйствовать. А то, согласитесь, мы работаемъ на благо отече-

ства, а печать... Пожалуйста, исправьте вашу ошибку. Оговорите, что вы были введены въ заблужденіе невѣрными свѣдѣніями, и впредь будьте осторожнѣе". И вызванный для объясненій редакторъ ушелъ очень довольный, что „отдѣлался сравнительно такъ дешево отъ друга прессы". Очень хорошо передано авторомъ, какъ этотъ Павлищевъ и его ближайшій помощникъ, Маркъ Борщовъ, „работаютъ на благо отечества", и съ достаточною ясностью раскрыто внутреннее содержаніе этихъ достойныхъ другъ друга работниковъ и тѣхъ, кто, смѣнивши ихъ, готовится въ свою очередь „осчастливить" русскій народъ. „Энергичный" Павлищевъ не осчастливилъ никого, скоро сломалъ себѣ шею, при благосклонномъ содѣйствіи очень вліятельной княгини Оболдуй-Таракановой, стоящей въ первомъ ряду вожаковъ аристократическаго кружка, гдѣ съ самаго начала блестящей карьеры Павлищева рѣшено было, что онъ — „un vrai prokwost", способный „продать своего новаго патрона, какъ продалъ стараго"... и какъ потомъ его продалъ Борщовъ, когда самъ Павлищевъ добрался до степени „патрона". Все это въ романѣ г. Станюковича — дѣла давно минувшихъ дней, семидесятыхъ годовъ, когда увлеченіе идеалами начало быстро уступать мѣсто „трезвеннымъ" началамъ, полѣзшимъ въ гору, вмѣстѣ съ „людьми жизни", вродѣ Павлищева и Иволгина (одного изъ второстепенныхъ лицъ романа), дѣльца на всѣ руки, чуть не попавшаго подъ судъ за какія-то банковыя художества, спасеннаго вліяніемъ княгини Оболдуй-Таракановой и занявшаго потомъ мѣсто спихнутаго Павлищева до тѣхъ поръ, пока его не столкнетъ Борщовъ, чтобы самому начать „осчастливливать" дорогую родину. Этотъ Маркъ Борщовъ представляется намъ самою интересною и наиболѣе характерною личностью въ романѣ. Это — „un prokwost", несомнѣнно, только еще болѣе высокой марки, чѣмъ Павлищевъ, Иволгинъ и другіе, стремящіеся „осчастливливать". У тѣхъ есть „грѣхи молодости", „грѣхи банковые", увлеченія женщинами, страсть къ наживѣ, есть аппетиты и различныя слабости. Борщовъ безукоризненъ во всѣхъ такихъ статьяхъ. Его „трезвенность" доходитъ до совершенства и, несомнѣнно, доведетъ его до цѣли, намѣченной его безграничнымъ честолюбіемъ. Отъ такой „безупречности" жутко становится, и не даромъ бѣжала отъ него, какъ отъ ядовитаго гада, его жена, очень умная, прекрасная женщина, боготворившая его въ теченіе цѣлыхъ четырехъ лѣтъ и только случайно раскусившая всю омерзительность его формальной добродѣтели, лишенной всякой внутренней подкладки, основанной единственно на разсчетѣ, бездушномъ, безпринципномъ и безпощадномъ. Къ сожалѣнію, эта любопытная, довольно оригинальная и для нашего времени характерная личность не совсѣмъ закончена авторомъ, не дописана, не доведена до настоящаго типа, хотя задумана была она, именно, такъ, что изъ нея можно было сдѣлать типъ и превратить имя героя въ нарицательное для цѣлой группы людей, лѣзущихъ на административныя вершины, пытающихся стать воротилами и благодѣтелями нашего fin de siècle. Несмотря на нѣкоторыя длинноты и повторенія, романъ читается съ интересомъ, благодаря, главнымъ образомъ, тому, что въ немъ раскрывается многое, невѣдомое большинству публики, прикрытое внѣшнимъ лоскомъ и порядочностью, огражденное отъ взоровъ общества стѣнами административныхъ учрежденій и канцелярскою тайной, ревниво охраняемою всѣми „друзьями прессы".

Живой портретъ и разсказы. А. Антеева. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. *Живой портретъ* есть заглавіе перваго изъ помѣщенныхъ въ книжкѣ

разсказовъ, настолько же безсодержательнаго, какъ и большинство другихъ, напечатанныхъ подъ одною обложкой въ числѣ шестнадцати. Если бы всѣ они были таковы же, какъ этотъ первый, то о произведеніяхъ г. Антеева можно было бы сказать, что они не хуже и не лучше множества „очерковъ и разсказовъ", которые намъ приходится прочитывать и отправлять „въ отбросъ", какъ говорятъ техники. Въ большинствѣ такого рода „разсказовъ"—все гладко и пусто, встрѣчаются кое-гдѣ добрыя намѣренія и хорошія чувства, только давно извѣстныя и на всякіе лады изложенныя. Будь это такъ, мы о сочиненіяхъ г. Антеева промолчали бы, отмѣтивши ихъ въ числѣ книгъ, поступившихъ въ редакцію. Къ сожалѣнію, авторъ *Живого портрета и разсказовъ* захотѣлъ подѣлиться съ читателями собственными взглядами на нѣкоторые довольно щекотливые вопросы, порою возникающіе въ семейной жизни. Такъ, напримѣръ, въ разсказѣ *Обманъ* авторъ передаетъ воспоминанія одной почтенной старушки, счастливой мамаши и бабушки, „жизнь которой идетъ ровно и спокойно", что и „отразилось на ея лицѣ и фигурѣ", моложавыхъ, привлекательныхъ и миловидныхъ, несмотря на прожитые 63 года. Пришедшая къ старушкѣ знакомая сообщила городскую новость: одна молоденькая барынька бросила плохонькаго мужа и уѣхала съ молодымъ, красивымъ господиномъ, въ котораго влюбилась. Почтенная старушка, по добротѣ сердечной, пожалѣла увлекшуюся женщину, замѣтила, что придется ей, бѣдняжкѣ, перенести много горя, но не осудила ея поступка, сказала только, что „жизнь не посылала (ей и собесѣдницѣ) такого искушенія, потому онѣ и святы". Очень это хорошо, весьма сочувствуемъ разумному и гуманному взгляду милой старушки. Но вотъ старушка осталась одна на балконѣ и задумалась о прошломъ. Оказывается, что „искушеніе" было, когда она приближалась къ тридцати годамъ и у нея было уже двое дѣтей. Искусившій сосѣдъ пламенно любилъ ее, предлагалъ уѣхать съ нимъ отъ семьи. Она его также любила, но уѣхать отказалась и въ заключеніе объясненія сказала молодому сосѣду: „Когда ты все покончишь здѣсь, пріѣзжай проститься. Пусть хоть день, да будетъ нашъ. Но смотри, то, что я твоя буду, не должна знать ни одна живая душа въ мірѣ". Не дурная оговорочка съ любимымъ человѣкомъ. И осторожная дама ловко устраивала свои свиданія съ сосѣдомъ у себя въ домѣ, въ лѣсу, потомъ въ Москвѣ, гдѣ и распростилась съ нимъ самымъ хорошимъ манеромъ навсегда и, какъ ни въ чемъ ни бывало, вернулась къ мужу. „И ни раньше, ни теперь эти воспоминанія не будятъ раскаянія въ душѣ Варвары Николаевны,—повѣствуетъ отъ себя авторъ. — Напротивъ, эти воспоминанія—одни изъ самыхъ милыхъ. Не будь ихъ, и жизнь представлялась бы ей гораздо скучнѣе, гораздо бѣднѣе. Сталъ ли кто несчастнѣе, что она такъ поступила, хуже ли кому отъ этого?" Совсѣмъ разнѣжилась старушка, „и ей такъ жалко всѣхъ людей, зачѣмъ они мучаются и создаютъ себѣ страданія, зачѣмъ лукаво мудрствуютъ они, когда нужно только одно: любить людей и стараться оградить ихъ отъ несчастія". И ей хочется „призвать ихъ всѣхъ и дружески поговорить вмѣстѣ, какъ лучше устроить такъ, чтобы никому обидно не было, объяснить имъ, что *нѣтъ въ жизни ничего обиднаго и позорнаго*, что обидно и позорно только то, что дѣлаетъ чье-нибудь несчастіе". Разсказу конецъ, мораль пречудесная: живи въ свое удовольствіе, продѣлывай что угодно, лишь было бы все шито и крыто и не дошло до того, кому это можетъ быть „обидно и позорно". Въ таковомъ своемъ мнѣніи авторъ

оказывается, однако, не очень стойкимъ и въ разсказѣ *Ошибка* передаетъ, какъ нѣкая Вѣра Владиміровна по ошибкѣ вышла замужъ не за Колю, а за Алексѣя, и очень скоро, черезъ нѣсколько дней послѣ свадьбы, объявила мужу, что жить съ нимъ не можетъ потому, что... желаетъ жить съ нимъ, какъ сестра съ братомъ, а онъ на это не соглашается. Реальность этого разсказа,—выражаясь деликатно,—такова, что дѣлать изъ него выписки мы находимъ не удобнымъ. Такою же реальностью разсказа *Въ ямѣ* авторъ хотѣлъ, должно быть, перещеголять Зола и возбуждаетъ ни на что не нужное чувство омерзенія—не только къ факту, но и къ его изображенію.

Братья Шуйскіе. Хроника въ 5-ти дѣйствіяхъ. Л. И. Вознесенскаго. Москва, 1894 г. Цѣна 2 рубля. Давно уже не приходилось намъ читать такихъ диковинныхъ драматическихъ произведеній, какъ эта „хроника". По содержанію, это прославленіе,—съ исторіей совершенно не согласное,—свергнутаго царя Василья Ивановича Шуйскаго; по формѣ, это—совсѣмъ ни на что не похоже: авторъ воображаетъ, что написалъ бѣлые стихи; пусть читатель судитъ по началу:

Купецъ. Какъ братъ Иванъ! и ты опять въ Москвѣ?
Сынъ купеч. Здѣсь, въ Тушинѣ страхъ какъ надоѣло,
И я одумался, и такъ рѣшилъ:
Служить начну я вѣрой, правдой
Здѣсь въ бѣлокаменной Москвѣ царю!
Купецъ. Такъ до поры, до времени—знаемъ! и т. д.

А вотъ что авторъ принимаетъ за риемованные стихи,—выписываемъ изъ послѣдней страницы:

Царь. (Громкимъ, восторженнымъ голосомъ).
...Наступитъ,—вѣрьте мнѣ,—наступитъ время,
Когда превыситъ юный мой народъ
Народы всѣ дряхлѣющей вселенной!...
Не зрю ли сына?... Сильною рукой
Онъ древній Кіевъ и Смоленскъ плѣненной
Россіи отдалъ!... Внукъ ли предо мной,
Этотъ витязь съ дивной крѣпостью Самсона,
Съ чудесной Моисеевой душой,
Создатель правды, свѣта и закона!... и т. д.

Все это было бы забавно, если бы не было такъ длинно и томительно скучно.

Золотой оселъ. Люція Апулея. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 коп. Знаменитое сочиненіе Апулея отлично переведено съ латинскаго г. Соколовымъ. Историческое значеніе его общеизвѣстно. Къ сожалѣнію, многіе эпизоды изъ исторіи *Золотого осла* невозможно читать вслухъ и въ особенности не слѣдуетъ давать въ руки дѣвушкѣ и юношѣ, хотя лицеистъ - Пушкинъ и „читалъ охотно Апулея". Г. Соколовъ предпослалъ своему переводу краткій, но интересный и обстоятельный біографическій очеркъ Люція Апулея. Издана книга (А. Ф. Пантелѣевымъ) очень хорошо.

Собраніе сочиненій Бретъ-Гарта. Пер. съ англ. 6 томовъ. Спб., 1895 г. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ русскіе читатели были удивлены появленіемъ въ двухъ лучшихъ журналахъ (*Вѣстникъ Европы* и *Отечественныя Записки*) странныхъ по заглавію и по сюжетамъ разсказовъ неизвѣстнаго у насъ въ то время американскаго писателя Бретъ-Гарта. То были знаменитыя *Сказанія объ аргонавтахъ,* сразу создавшія всемірную извѣстность ихъ молодому автору. Въ разсказахъ этихъ, среди фантастической, величественной и дикой природы аме-

риканской Калифорніи, дѣйствовали сильные духомъ, предпріимчивые, но грубые и невѣжественные люди — золотоискатели и земледѣльцы, сошедшіеся сюда со всѣхъ концовъ Штатовъ и установившіе въ своихъ походныхъ „лагеряхъ" совершенно оригинальные и первобытные порядки. Несмотря на всю сказочность обстановки, событій и дѣйствующихъ лицъ, съ которыми русскіе читатели встрѣтились въ *Сказаніяхъ объ аргонавтахъ,* Бретъ-Гартъ быстро завоевалъ себѣ симпатіи публики и съ тѣхъ поръ переводы его новыхъ разсказовъ не переставали печататься почти во всѣхъ нашихъ журналахъ. Появились и отдѣльные сборники его произведеній. Лучшій изъ нихъ выпущенъ былъ покойнымъ А. Н. Плещеевымъ. Къ сожалѣнію, среди нихъ явилось много лубочныхъ изданій, безграмотныхъ и вздорныхъ, иниціаторы которыхъ, никогда не видавъ англійскаго подлинника, переводили съ нѣмецкаго и французскаго и своими „поправками" дискредитировали американскаго писателя передъ русскою публикой. Наконецъ, въ нынѣшнемъ году фирмѣ „Общественная польза" пришла счастливая мысль выпустить общедоступное *Собраніе сочиненій* Бретъ-Гарта, по поводу котораго мы думаемъ сказать нѣсколько словъ объ этомъ писателѣ. Френсисъ Бретъ-Гартъ родился въ 1839 году въ городѣ Албани (штатъ Нью-Іоркъ). Отецъ его, преподаватель въ женскомъ учебномъ заведеніи, былъ человѣкомъ начитаннымъ и образованнымъ. Но благотворное вліяніе его на сына скоро прекратилось: уже въ 1854 году пятнадцатилѣтній Бретъ-Гартъ, схоронивъ отца, долженъ былъ самъ подумать о своемъ будущемъ. Въ это время вся Америка переполнена была слухами о чудесахъ Калифорніи, въ рудникахъ которой съ 1849 года быстро созидались громадныя состоянія. Мальчикъ, заинтересованный фантастическими разсказами, отдался общему увлеченію и очутился среди рудокоповъ Запада. Но богатство давалось далеко не всѣмъ пришельцамъ и Бретъ-Гарту пришлось перенести много лишеній, прежде чѣмъ онъ нашелъ то, чего вовсе не искалъ: всемірную славу перворазряднаго писателя. Долго пробовалъ онъ себя на всевозможныхъ поприщахъ: работалъ киркой и заступомъ въ горахъ, учительствовалъ въ импровизированныхъ школахъ; съ заряженными револьверами въ рукахъ, въ роли агента торговой компаніи, отвозилъ золото изъ поселковъ въ ближайшіе города; наконецъ, служилъ въ типографіи наборщикомъ. Въ 1857 г. онъ окончательно поселился въ Санъ-Франциско и, занимаясь въ редакціи еженедѣльнаго журнала *The Golden Era,* впервые попробовалъ писать. Стихи его показались редактору недурными и Бретъ-Гартъ мало-по-малу началъ печататься въ мѣстныхъ изданіяхъ. Въ іюлѣ 1868 г. молодому писателю было предложено редактированіе народившагося ежемѣсячнаго журнала *The Overland Monthly,* а въ августѣ того же года на страницахъ этого журнала появился первый его прозаическій разсказъ изъ жизни золотоискателей *Счастье Ревущаго стана.* Произведеніе это не понравилось на мѣстѣ и только шумный успѣхъ его въ восточныхъ штатахъ заставилъ калифорнійцевъ отнестись къ нему благосклонно. *Изгнанники Покеръ-Флета, Млиссъ* и послѣдующіе разсказы окончательно выдвинули Бретъ-Гарта и создали громкую извѣстность его журналу. Въ 1871 г. онъ оставилъ Калифорнію и возвратился на родину. Здѣсь прожилъ онъ семь лѣтъ, посвященныхъ исключительно литературному труду. Въ 1878 г. онъ былъ назначенъ консуломъ въ Пруссію, затѣмъ переведенъ въ Шотландію и, наконецъ, въ настоящее время занимаетъ эту же должность въ Лондонѣ. Въ литературѣ

Бретъ-Гартъ стоитъ совершенно особнякомъ. Его трудно сравнивать съ кѣмъ бы то ни было изъ живущихъ писателей. По силѣ природнаго таланта это, несомнѣнно, одинъ изъ первыхъ современныхъ беллетристовъ. Но талантъ его такъ же дикъ и своеобразенъ, какъ природа и люди, впервые вызвавшіе его къ жизни. Въ немъ какъ будто недостаетъ тѣхъ культурныхъ и идейныхъ традицій, которыя готовы къ услугамъ каждаго начинающаго европейскаго писателя. На долю американскихъ беллетристовъ выпадаетъ трудная задача: начинать собою исторію литературы во всѣхъ другихъ отношеніяхъ передового и оригинальнаго народа; требованія, предъявляемыя къ нимъ, громадны и, все-таки, они выходятъ побѣдителями изъ этого испытанія. Но, не желая примкнуть къ англійской литературѣ и стремясь создать во что бы то ни стало нѣчто *свое,* американцы по необходимости бродятъ въ потемкахъ и переживаютъ моменты, *для насъ* уже давно отошедшіе въ область исторіи. Такъ, наприм., все идейное содержаніе твореній Бретъ-Гарта сводится къ прославленію непосредственныхъ добрыхъ инстинктовъ, которые проявляются у него въ самыхъ грубыхъ и испорченныхъ натурахъ. При этомъ онъ не только „чувства добрыя“ пробуждаетъ своею лирой и призываетъ „милость къ падшимъ“, но какъ бы возводитъ даже въ теорію преимущества врожденныхъ и часто слѣпыхъ инстинктовъ передъ сознательною и разумною нравственностью. Въ одномъ изъ своихъ предисловій онъ, правда, прямо открещивается отъ такого пониманія его твореній, но мы увѣрены, что каждый внимательный читатель вынесетъ именно *это* впечатлѣніе изъ многихъ его разсказовъ. И, несмотря на такую узкость въ идейномъ отношеніи, талантъ Бретъ-Гарта неотразимо увлекателенъ. Читателю, незнакомому съ этимъ авторомъ, мы совѣтуемъ просмотрѣть три небольшихъ разсказа: *Уличный мальчикъ, Млиссъ* и *Изгнанники Покеръ-Флета;* мы думаемъ, что Бретъ-Гартъ побѣдоносно выйдетъ изъ этого испытанія, и каковы бы ни были вкусы читателя, онъ подчинится могучему вліянію американскаго беллетриста. Въ дарованіи послѣдняго, прежде всего, бросается въ глаза поразительная его пластичность: съ необыкновенною легкостью, нѣсколькими штрихами, нашъ авторъ даетъ живой и законченный образъ; тончайшія черты національнаго характера, самыя мимолетныя и неуловимыя настроенія схватываются имъ на-лету и передаются съ удивительною рельефностью. Это тѣмъ важнѣе, что мягкія, человѣческія чувства, которыя всего чаще рисуетъ онъ, рѣдко отражаются на грубыхъ лицахъ его героевъ, а говорить отъ себя объ ихъ настроеніяхъ Бретъ-Гартъ очень не любитъ. Особенно даетъ себя чувствовать эта сторона таланта нашего писателя, когда онъ изображаетъ намъ своихъ маленькихъ дикарей. Бретъ-Гартъ любитъ и понимаетъ дѣтей: его Рупертъ и Томми Фильджи *(Въ пріисковой глуши),* Сузи и Кларенсъ *(The waif of the Plains),* Млиссъ, Бобъ *(Сафо),* Ришельё *(Горная идиллія),* уличный мальчикъ—останутся навсегда въ памяти читателя, какъ живыя доказательства недюжиннаго дарованія ихъ творца. Замѣчательно также отношеніе Бретъ-Гарта къ неграмъ и китайцамъ. Онъ отнюдь не идеализируетъ этихъ отщепенцевъ американскаго общества. Его *Джонъ-китаецъ* лживъ и хитеръ; на пинки и побои онъ отвѣчаетъ ловкимъ обманомъ и, пользуясь содѣйствіемъ своихъ соотечественниковъ, исправно проводитъ и обираетъ буйнаго янки. Онъ нечистъ на руку: широкія складки его костюма даютъ безопасное прибѣжище чужимъ вещамъ, попадающимся ему подъ руку. Но, въ то же время, онъ холитъ бр-

шеннаго на него ребенка, болтаетъ съ нимъ на своемъ ломаномъ языкѣ, усиленно работаетъ, чтобы прокормить его, и потомъ долгіе годы всюду таскаетъ съ собой запачканную и грязную дѣтскую книжку, которую подарила ему при прощаніи дѣвочка. Почти таково же отношеніе Бретъ-Гарта и ко взрослымъ людямъ: всѣ его рудокопы — въ сущности, большія дѣти, подчасъ злыя и негодныя, но чуткія ко всему хорошему, увлекающіяся, руководимыя больше чувствомъ и инстинктомъ, чѣмъ правильно понятымъ нравственнымъ долгомъ. Рельефности созданій Бретъ-Гарта особенно способствуетъ манера его не оставлять своихъ героевъ до тѣхъ поръ, пока они окончательно не вырисовались передъ самимъ авторомъ и передъ читателями. Какое-нибудь лицо появляется въ его разсказѣ мимоходомъ и по самому сюжету не можетъ играть въ немъ видной роли; авторъ на этомъ не успокоивается: онъ возвращается къ этому типу въ послѣдующихъ своихъ призведеніяхъ и, по мѣрѣ того, какъ герой ростетъ въ сознаніи самого автора, онъ играетъ въ новыхъ его разсказахъ все болѣе и болѣе видную роль. Такимъ образомъ, главные персонажи Бретъ-Гарта исчерпываются имъ до конца, и такіе типы, какъ важный и суровый возница дилижанса Юба Билль, игроки Окгёрстъ и Гэмлинъ, пронырливый забіяка полковникъ Старботтль, шерифъ Дёнъ и др., становятся близки и до мельчайшихъ подробностей знакомы читателю. Настоящій жанръ Бретъ-Гарта—мелкіе разсказы; большіе его романы (*Габріэль Конрой, Крушеніе Эксельсіора, Исторія одной руды* и т. д.) растянуты, не выдержаны и рядомъ съ блестящими, полными юмора, жизни и таланта сценами даютъ десятки страницъ невѣроятныхъ приключеній, смутныхъ характеровъ и непонятныхъ подробностей. Бретъ-Гартъ пробовалъ рисовать и высшее общество—американское и даже англійское. Мы не можемъ сказать, чтобъ эти послѣднія произведенія его были неудачны: въ нихъ чувствуется большой природный умъ и тонкая наблюдательность автора; но его сильныя, рабочія руки не созданы для обращенія съ такими деликатесами и его свѣтскіе люди черезъ-чуръ рѣзко и опредѣленно очерчены.

Собраніе сочиненій Бретъ - Гарта, вѣроятно, очень быстро разойдется среди нашей публики. Оно дешево и издано очень добросовѣстно. Переводъ хорошъ и довольно точенъ. Къ сожалѣнію, выборъ произведеній американскаго писателя совершенно случайный и много лучшихъ его разсказовъ не вошло въ русское изданіе. На это было уже указано въ печати и мы, съ своей стороны, обращаемъ вниманіе кого слѣдуетъ на этотъ досадный недосмотръ. Кромѣ того, и біографическія данныя о Бретъ-Гартѣ, сообщаемыя во вступительной статьѣ г. Чуйко, не вполнѣ точны; очень сожалѣемъ, что авторъ не указываетъ источника, изъ котораго они заимствованы.

ПУБЛИЦИСТИКА.

„Обзоръ дѣятельности московскаго комитета грамотности“.

Обзоръ дѣятельности московскаго комитета грамотности. 1894 г. Небольшая брошюрка подъ такимъ заглавіемъ содержитъ краткое обозрѣніе общаго характера дѣятельности комитета грамотности, существующаго при московскомъ обществѣ сельскаго хозяйства въ теченіе болѣе полувѣка, исторію возникновенія этого учрежденія и описаніе

современной организаціи комитета, отличной отъ прежней въ силу значительнаго расширенія его дѣятельности и увеличенія числа его членовъ.

Мысль объ учрежденіи комитета грамотности возникла въ 1844 г. послѣ доклада Н. С. Стремоухова, сообщившаго обществу сельскаго хозяйства о существованіи въ теченіе 20 лѣтъ школы въ его имѣніи, гдѣ давалось начальное образованіе крестьянкамъ, лучшимъ, по мнѣнію докладчика, распространителямъ просвѣщенія въ народѣ. Дѣятельность Стремоухова была награждена золотою медалью, и вслѣдъ за этимъ секретаремъ общества сельскаго хозяйства Масловымъ было внесено предложеніе учредить комитетъ для *всенароднаго* распространенія грамотности на *религіозно-нравственномъ* основаніи. Проектъ устава, составленный въ 1845 г., былъ утвержденъ въ 1863 г. министромъ государственныхъ имуществъ и сохранилъ свою силу и до сихъ поръ.

Вначалѣ дѣятельность комитета была чрезвычайно слаба. Она поднялась только съ 1870 года, когда завязались самыя широкія сношенія между нимъ и земствами по вопросамъ народнаго образованія. Тогда организовался въ комитетѣ рядъ засѣданій при участіи лучшихъ педагогическихъ силъ для обсужденія методовъ преподаванія, устроены были два параллельныхъ курса обученія грамотѣ (однимъ изъ нихъ руководилъ горячій защитникъ буквослагательнаго метода гр. Л. Н. Толстой). Наиболѣе же оживленная дѣятельность комитета совпадаетъ со временемъ второго съѣзда общества сельскихъ хозяевъ, когда ученый комитетъ министерства государственныхъ имуществъ внесъ запросъ о томъ, въ какой формѣ и на какихъ основаніяхъ предпочтительно учрежденіе частныхъ и земскихъ сельскихъ школъ; какое содѣйствіе могло бы оказать этимъ школамъ правительство и какая система надзора и управленія могла бы считаться наилучшею. 9-я секція съѣзда отвѣтила на этотъ вопросъ цѣлымъ рядомъ рефератовъ и преній. Съ 1886—90 гг. комитетъ сосредоточилъ свою дѣятельность на изданіи дешевыхъ книгъ по иниціативѣ и подъ руководствомъ Л. И. Поливанова. Съ 1890 г. начинается новый періодъ оживленной дѣятельности, совпавшей съ выборомъ въ предсѣдатели Н. Горбунова. Теперь комитетъ поставилъ себѣ задачей разсылку сельскимъ школамъ небольшихъ библіотекъ и составленіе каталога лучшихъ книгъ для народнаго чтенія. Съ этою цѣлью была организована библіотечная коммиссія, значительно способствовавшая оживленію работъ комитета. Книги высылались не только въ центральныя губерніи, но даже въ самые отдаленные уголки Россіи—въ глухія мѣста Тобольской, Томской губ., на Кавказъ и въ Бессарабію. При отсутствіи какихъ бы то ни было субсидій и запасныхъ капиталовъ, комитетъ принужденъ изыскивать средства для расходовъ въ членскихъ взносахъ, сборахъ съ публичныхъ лекцій, устраиваемыхъ московскими профессорами и извѣстными литераторами, въ пожертвованіяхъ. Несмотря на это, въ теченіе непродолжительнаго времени коммиссія разослала черезъ совѣтъ комитета книгъ на сумму 7,000 руб., не считая пожертвованныхъ изданій. Болѣе 3,000 т. было разсмотрѣно комитетомъ и отчеты о 2,000 книгахъ и 900 народныхъ картинахъ печатаются въ *Ежегодникѣ* комитета. Кромѣ того, коммиссія занята была составленіемъ временнаго каталога сельскихъ школьныхъ библіотекъ и читаленъ, собирала свѣдѣнія о томъ, что читаетъ народъ и какъ относится къ прочитанному (для этого были составлены и разосланы спеціальныя программы), и издала крайне необходимую брошюру *О томъ, какъ устроить и открыть народную библіотеку-чи-*

тальню. Въ томъ же 1890 г. была учреждена новая коммиссія по воскреснымъ, вечернимъ и т. п. школамъ съ цѣлью теоретической разработки вопросовъ преподаванія и организаціи воскресныхъ школъ, а равно для содѣйствія въ поддержкѣ старыхъ и вновь открытыхъ школъ. Наиболѣе дѣятельной оказалась библіотечная группа, разославшая 17 библіотекъ въ провинціальныя воскресныя школы и оказавшая поддержку ранѣе существовавшимъ семи библіотекамъ. Работы остальныхъ группъ (всѣхъ ихъ въ коммиссіи 6) были изданы комитетомъ въ видѣ сборника статей подъ названіемъ *Частный починъ въ дѣлѣ народнаго оброзованія.* Въ слѣдующемъ году комитетъ направилъ свои силы на организацію школьныхъ столовыхъ, устройство которыхъ было возложено на мѣстныхъ учителей, священниковъ и попечителей. Благодаря пожертвованіямъ, собрана была сумма въ 12,710 р., на которые явилась возможность прокормить въ 9 губерніяхъ около 2½ тысячъ дѣтей (дѣятельность этого рода продолжалась и въ слѣдующемъ 1892 году). Въ 1892 же году была преобразована старѣйшая изъ коммиссій—редакціонная, дѣятельность которой въ настоящее время состоитъ въ разсмотрѣніи предложеннаго посторонними лицами матеріала для изданія и осуществленія издательства. До настоящаго времени издано коммиссіей 19 названій въ количествѣ 150 тыс. экземпл.

Помимо этого, комитетъ удѣляетъ не мало времени теоретической разработкѣ отдѣльныхъ вопросовъ народнаго обученія и постановки школьнаго дѣла. Изъ докладовъ, посвященныхъ этому, возбудилъ особенно живой интересъ вопросъ о введеніи въ Россіи всеобщаго обученія, причемъ было выяснено, что стоимость всеобщаго обученія, до сихъ поръ опредѣлявшаяся въ нѣсколько сотъ милліоновъ рублей, — сумма, непосильная для государственнаго бюджета, — въ настоящее время не превысила бы 15 — 20 милліоновъ руб. Докладъ этотъ вызвалъ въ свѣтъ существованіе особой коммиссіи—по вопросу о всеобщемъ обученіи, которая дѣятельно занялась детальнымъ изученіемъ этого дѣла, поставивъ цѣлью опредѣлить желательность и возможность мѣръ для успѣшнаго распространенія всеобщаго обученія, о вліяніи грамотности на производительность сельскаго хозяйства и возможности сообщенія сельско-хозяйственныхъ свѣдѣній при народныхъ школахъ.

Дѣятельность комитета ростетъ съ каждымъ годомъ, вызывая сочувствіе все большей и большей части нашего общества, количество засѣданій увеличивается, возростаетъ число посѣтителей публичныхъ засѣданій комитета, а число дѣйствительныхъ членовъ дошло до почтенной цифры 600.

ПСИХОЛОГІЯ.

„Общая физіологія души“. *А. Герцена.*—„Сонъ и сновидѣнія“. *Генри Маудсли.*

Общая физіологія души. А. Герцена. Пер. Г. Панерна. Второе удешевленное изданіе Ф. Павленкова. Цѣна 75 коп. Эта хорошая книжка, ясно и сжато написанная А. А. Герценомъ, профессоромъ Лозанскаго университета, входитъ въ составъ *Популярно-научной библіотеки* Ф. Ѳ. Павленкова. Книжкѣ предшествуетъ письмо къ автору его знаменитаго отца, А. И. Герцена. Оно было написано по поводу статьи А. А. Герцена, напечатанной (по-итальянски) въ 1866 году. Въ письмѣ авторъ *Былого и думъ* говоритъ, что расходится съ сыномъ не по существу. Чувство свободы личности, по мнѣнію Герце-

на-отца, не заблужденіе, не галлюцинація. „*Физіологія* разлагаетъ сознаніе индивидуальной свободы на составные элементы, упрощаетъ дѣло, чтобы получить возможность объяснить его индивидуальною организаціей,—и это сознаніе свободы исчезаетъ безслѣдно. Напротивъ того, *соціологія* беретъ это сознаніе, какъ результатъ умственной дѣятельности, какъ свою основу и исходную точку, какъ безспорную и необходимую посылку. Для нея человѣкъ—существо нравственное, т. е. общественное, имѣющее свободу опредѣлять свои дѣйствія въ предѣлахъ своего сознанія и умственной дѣятельности". Для соціологіи „я"—неизмѣнчивая форма дѣятельностей организма, относимая къ одному центру (такъ смотритъ физіологія), а клѣточка соціальной ткани—первичный элементъ.

Во введеніи А. А. Герценъ осторожно разсматриваетъ вопросъ о монизмѣ и дуализмѣ. Самъ авторъ причисляетъ себя къ послѣдователямъ монизма, который кажется ему болѣе соотвѣтствующимъ всей совокупности нашихъ физико-химическихъ и психо-физіологическихъ свѣдѣній. Основной фактъ, на которомъ покоится вся научная психологія, состоитъ въ томъ, что нѣтъ психической дѣятельности безъ соотносительныхъ молекулярныхъ процессовъ въ нервныхъ элементахъ. „Съ точки зрѣнія методовъ ея слѣдованія,—говоритъ А. А. Герценъ,—единственное различіе, существующее между явленіями, состоитъ въ томъ, что доступныя намъ относительно первыхъ свѣдѣнія могутъ быть пополнены изъ источника, котораго лишены послѣднія,—мы говоримъ о суммѣ опытнаго знанія, даваемаго внутреннимъ чувствомъ, *сознаніемъ*". Субъективный методъ является для психологіи, поэтому, драгоцѣннымъ и необходимымъ вспомогательнымъ средствомъ.

А. А. Герценъ, въ существенномъ и главномъ, соглашается съ своимъ знаменитымъ отцомъ. Онъ говоритъ, что „прогрессъ, увеличивающій разстояніе между человѣкомъ и животнымъ, совершается только благодаря безошибочной дѣйствительности новыхъ узъ, новыхъ правилъ поведенія,—однимъ словомъ, новыхъ мотивовъ, медленно вырабатываемыхъ обществомъ на почвѣ общественныхъ отношеній". Переведена книжка А. А. Герцена отлично и мы очень рекомендуемъ ее всѣмъ желающимъ познакомиться въ общихъ основаніяхъ съ физіологіей души (*psychophysiologie générale*).

Сонъ и сновидѣнія. Генри Маудсли. Пер. Л. Е. Оболенскаго. Спб., 1895 г. Подъ этимъ названіемъ г. Оболенскій перевелъ главу изъ извѣстнаго сочиненія Маудсли *Физіологія и патологія мысли,* съ третьяго англійскаго изданія. Она представляетъ самостоятельное цѣлое, написана общедоступно и заключаетъ въ себѣ много важныхъ данныхъ и соображеній. Значеніе, причины и особенности сна и сновидѣній разобраны Маудсли съ свойственными англійскимъ психологамъ и психіатрамъ точностью и основательностью. Переведена книжка знатокомъ дѣла, однимъ изъ выдающихся русскихъ психологовъ, и стоитъ очень дешево (96 страницъ—30 коп.).

ИСТОРІЯ И МЕМУАРЫ.

„Всеобщая исторія въ сорока книгахъ". *Полибія.* — „Автобіографія Гервинуса".— „Историческія чтенія". *Ж. Лакуръ-Гайе.*— „Записки" *А. О. Смирновой.*— „Дѣтство и отрочество". *В. В. Верещагина.*

Всеобщая исторія въ сорока книгахъ. Полибія. Переводъ съ греческаго Ѳ. Г. Мищенка, съ его предисловіемъ, примѣчаніями, указаніемъ, картами. Томъ II. М., 1895 г. Второй томъ перевода

проф. Мищенка обнимаетъ собою VI—XXV книги *Всеобщей исторіи*. Извѣстно, что текстъ этихъ книгъ не сохранился въ цѣломъ видѣ: мы имѣемъ только отрывки, пріуроченные къ той или другой книгѣ довольно искусственно. Какъ историческій источникъ, эти отрывки представляютъ огромную важность, особенно отрывки шестой книги, содержащей въ себѣ характеристику римскаго государственнаго строя во II—III вѣкахъ до Р. Х. Полибія принято считать однимъ изъ родоначальниковъ „прагматической" исторіографіи: онъ дѣйствительно первый пустилъ въ ходъ этотъ терминъ, но понималъ его гораздо шире, чѣмъ это дѣлаютъ теперь. Въ настоящее время подъ прагматическимъ разумѣется такое изложеніе, которое представляетъ отдѣльныя событія во внутренней связи, какъ рядъ причинъ и слѣдствій. Полибій шелъ дальше непосредственныхъ причинъ отдѣльныхъ событій и имѣлъ уже представленіе о тѣхъ общихъ причинахъ, которыя мы называемъ историческими законами. „Теперь,— говоритъ онъ (кн. IX, гл. 2),— благодаря достигнутымъ въ наше время успѣхамъ въ точныхъ знаніяхъ и искусствахъ, человѣкъ любознательный имѣетъ возможность какъ бы подчинять все, что отъ времени до времени случается, опредѣленнымъ правиламъ". Свою задачу онъ видѣлъ въ томъ, чтобъ отыскивать такія „опредѣленныя правила" въ жизни государствъ. Его характеристика смѣны политическихъ формъ (монархіи, аристократіи, демократіи) всѣмъ извѣстна и нѣтъ надобности ее здѣсь приводить; въ этой смѣнѣ онъ видѣлъ круговоротъ,—идея развитія была чужда Полибію, какъ и вообще древности. Мысль о томъ, что можно искусственно сочетать различныя формы въ одномъ государственномъ организмѣ, какъ это будто бы и удалось римлянамъ, кажется теперь странной. Но важно, что „круговоротъ государственнаго общежитія" Полибій считалъ „порядкомъ природы" (кн. VI, гл. 9): историческій процессъ разсматривался уже, со временъ Аристотеля, какъ нѣчто естественное и необходимое, независимое отъ случая и воли отдѣльныхъ личностей. Хорошо сознавалъ Полибій и другую истину, не всѣмъ ясную даже и въ наши дни: необходимость для историка очень широкой подготовки. „Иные,—говоритъ онъ (кн. XII, гл. 25),—приступаютъ къ занятіямъ исторіею, повидимому, серьезно, но ведутъ себя какъ врачи-книжники: долго поработавши въ книгохранилищахъ и вообще извлекши изъ книгъ множество свѣдѣній, они и сами стараются увѣрить себя, что вполнѣ подготовлены къ дѣлу, и другіе считаютъ ихъ располагающими для этого всѣмъ необходимымъ"... „Исторія тогда будетъ хороша, когда за составленіе историческихъ сочиненій будутъ браться государственные дѣятели и будутъ работать не мимоходомъ, какъ теперь, но съ твердымъ убѣжденіемъ въ великой настоятельности и важности своего начинанія, когда они отдадутся ему всею душой до конца дней, или же когда люди, принимающіеся за составленіе исторіи, считаютъ обязательнымъ подготовить себя жизненнымъ опытомъ; иначе невѣжество историковъ никогда не кончится" (кн. XII, гл. 28). Можно возразить, что хладнокровное изученіе плодовъ чужого опыта для историка, пожалуй, полезнѣе непосредственнаго опыта, который стóитъ слишкомъ дорого и рѣдко не дѣлаетъ человѣка пристрастнымъ. Но то остается незыблемою истиной, что одно накопленіе историческаго матеріала еще не даетъ писателю права называться историкомъ.

Достоинства переводовъ проф. Мищенка общеизвѣстны; обильныя, какъ всегда, примѣчанія значительно облегчаютъ пониманіе текста. Нужно только замѣтить, что по цѣнѣ *Всеобщая исторія* врядъ ли бу-

детъ доступна для многихъ: вышедшіе до сихъ поръ два тома стоятъ около 12 руб., а предстоитъ еще третій томъ. Между тѣмъ, Полибій, наравнѣ съ Геродотомъ и Ѳукидидомъ, необходимъ въ библіотекѣ всякаго преподавателя исторіи, а они у насъ, какъ извѣстно, не изъ богатыхъ людей.

Автобіографія Гервинуса. Съ четырьмя портретами. Перев. Эдуарда Циммермана, изд. К. Солдатенкова. Москва, 1895 г. „Я чувствую, что немногимъ лицамъ удалось достичь такого точнаго самопознанія и такъ рано устремиться къ опредѣленной цѣли жизни, какъ мнѣ. Своимъ любознательнымъ взоромъ я проникалъ то въ чужую, то въ собственную натуру и такимъ образомъ старался изощрить свое чувство для изученія какъ той, такъ и другой; благодаря этому я и былъ въ состояніи вникнуть въ чужую душу съ такою же увѣренностью, какъ въ свою собственную, а затѣмъ созерцать свою собственную съ такою же искренностью, какъ и чужую“ (стр. XIII).

Мы выписали эту цитату, чтобы дать читателю представленіе о тонѣ этой *Автобіографіи*. Очень можетъ быть, что Гервинусъ имѣлъ право говорить о себѣ подобнымъ образомъ: все-таки, читать книгу, такъ написанную, не легко. Мѣстоименіе перваго лица пестритъ страницы: въ среднемъ выводѣ оно попадается по одному разу на каждыхъ двухъ строчкахъ. Нужно прибавить, что изложеніе Гервинуса имѣетъ еще и другую мучительную особенность. Всѣ помнятъ, конечно, его *Введеніе въ исторію XIX столѣтія*, гдѣ исторія рода человѣческаго была подведена подъ одинъ законъ и вытянута по шнуру. Совершенно такъ же поступилъ онъ и съ собственною жизнью; случайныхъ отклоненій въ сторону онъ не признаетъ: онъ „рано устремился къ опредѣленной цѣли жизни“ и всѣ событія этой жизни *должны* имѣть отношеніе къ этой цѣли. Былъ онъ, напримѣръ, въ юности прикащикомъ: вы думаете, это потерянные годы? Вовсе нѣтъ: они „были для него неоцѣненны“,—магазинъ развилъ въ немъ способности, „какихъ онъ едва ли бы достигъ инымъ путемъ“. Кто не вѣритъ, долженъ выслушать длиннѣйшій диѳирамбъ розничной торговлѣ, которая представляетъ лучшую школу „для всесторонняго изученія людей“ (стр. 50).

„Надо признать великимъ благомъ то, что большая часть продавцовъ и продавщицъ не пользуются этою школой, этимъ случаемъ усвоить себѣ завидное превосходство“ (стр. 51). Это еще смѣшно и потому легче переносится. Но вотъ четвертую главу, о Шлоссерѣ—учителѣ Гервинуса, совсѣмъ трудно перенести: представьте себѣ апологію субъективнаго прагматизма на сорока слишкомъ страницахъ. Одолѣть эти страницы могутъ только самые терпѣливые люди, а одолѣвъ, не могутъ не согласится съ Гиллебрандомъ, что у Гервинуса былъ особый талантъ амплификаціи.

Фактическое содержаніе книги довольно скудно. Гервинусъ ставитъ своею задачей „представить человѣка въ его отношеніи къ современному исторіи“ (стр. XIV). Да проститъ намъ тѣнь великаго критика, но это пустая фраза. Гервинусъ вовсе не касается того періода своей жизни, который имѣетъ историческое значеніе,—послѣ геттингенскаго протеста, когда онъ сдѣлался однимъ изъ признанныхъ вождей либеральной партіи (1837 г.). Послѣднія, записанныя имъ событія—это его женитьба и назначеніе на каѳедру въ Геттингенѣ (въ 1836 г.). Нельзя думать, чтобъ онъ просто не успѣлъ кончить. *Автобіографія* написана за 11 лѣтъ до смерти Гервинуса († 1871 г.). Вѣрнѣе, что,

считая себя великимъ историкомъ, онъ придавалъ особое значенiе своимъ школьнымъ годамъ, когда складывались подъ влiянiемъ Шлоссера его научные взгляды. Результатъ получился тотъ, что книга представляетъ наибольшiй интересъ для близкихъ автору людей,—для его жены, напримѣръ, къ которой она и обращается. Кое-какiя характерныя бытовыя подробности изъ жизни провинцiальнаго бюргерства, изъ рядовъ котораго вышелъ авторъ, да указанiе на книги, которыя онъ читалъ въ молодости,—вотъ и все, что извлечетъ отсюда будущiй бiографъ Гервинуса. Но если таковой найдется въ Россiи, онъ возьметъ, конечно, подлинникъ, а не то, что сдѣлалъ изъ него г. Циммерманъ. Гервинусъ не былъ первокласснымъ стилистомъ, но такъ онъ не писалъ. Беремъ на удачу стр. 20 и читаемъ слѣдующую тираду: „Отчужденiе отъ родителей, нарушенiе установленныхъ семейныхъ порядковъ, бездомное бродяжничество и блужданiе, омерзенiе, возбуждаемое неволей и строгою дисциплиной, презрѣнiе къ трезвой обиходности, грубость вслѣдствiе безпутныхъ замысловъ совершенно самовольной жизни, закоснѣлая привычка уклоняться отъ обычныхъ услугъ въ домѣ, равнодушiе къ заведеннымъ занятiямъ въ школѣ,—все это не могло способствовать развитiю ни внѣшней, ни внутренней стороны благонравiя". Или вотъ, наприм., какъ характеризуется одна знакомая Герминуса на стр. 250: „Удивительно практичная относительно разумныхъ цѣлей, она, вмѣстѣ съ тѣмъ, предавалась самымъ невѣроятнымъ фантастическимъ бреднямъ... чаще всего она проводила жизнь независимо отъ брака и постоянно въ новомъ родѣ". Послѣ всего этого читатель уже не изумляется, встрѣчая на стр. 277 (примѣч.) „страны, раскинутыя по водамъ Нѣмецкаго моря".

Къ книгѣ приложена статья Гервинуса о принципахъ исторiографiи. Чтобы правильно оцѣнить эти разсужденiя о томъ, что мѣсто историка—„между поэтомъ и философомъ", а цѣль его „въ запутанныхъ происшествiяхъ предугадывать планы мiродержавiя" (стр. 327), нужно обратить вниманiе на дату статьи: она написана въ 1837 г., когда уже были налицо работы Гизо и Ранке и начиналъ свою дѣятельность Токвиль, т.-е. когда основы научнаго метода, въ общихъ чертахъ, уже стояли вполнѣ твердо. Впечатлѣнiе получается такое, какъ если бы вы увидѣли живого мамонта среди представителей современной намъ фауны. Въ статьѣ есть одна, несомнѣнно вѣрная, мысль—о постепенномъ развитiи исторiографiи отъ генеологiи и хроники къ научному изслѣдованiю, но она принадлежитъ Вильг. Гумбольдту, а не самому Гервинусу, чего послѣднiй и не скрываетъ. Другiя приложенiя—отрывокъ изъ древне-нѣмецкой поэмы *Гудрунъ*, въ пересказѣ Гервинуса, и прекрасно исполненные портреты автора (два въ юности и въ 1860 г.—время написанiя *Автобiографiи*) и его жены.

Историческiя чтенiя. Исторiя новаго времени (1610—1789). Составилъ Ж. Лакуръ-Гайе. Пер. съ франц. Изданiе Пантелѣева. Спб., 1894 г. Настоящiй томъ *Историческихъ чтенiй* мало чѣмъ отличается отъ предъидущаго, разсмотрѣннаго уже нами въ прошломъ году. Здѣсь тоже исторiи Францiи отведено слишкомъ много мѣста, но тутъ это понятнѣе, въ виду того, что Францiя въ XVII—XVIII вв. играла въ общей исторiи Европы большую роль, чѣмъ въ эпоху разложенiя средневѣковаго строя или въ перiодъ реформацiи. Тѣмъ не менѣе, двѣ трети книги для одной Францiи—черезъ-чуръ много. Отъ этого осталось мало мѣста для другихъ странъ и событiй, съ общей точки зрѣнiя имѣющихъ не меньшее значенiе, чѣмъ иныя стороны

французской исторіи. Особенно пренебрегъ составитель исторіей Англіи при Стюартахъ (стр. 97—111, 281—298), Западною Европой въ первой половинѣ XVIII в. (359—378; тутъ же и о возвышеніи Пруссіи), американскою революціей (489—505) и характеристикой общаго положенія Европы въ 1789 г. (505—507). Изложеніе статей то слишкомъ отвлеченное и общее, то черезъ-чуръ мелочное. Послѣднее особенно замѣтно тамъ, гдѣ заходитъ рѣчь объ устройствѣ войска (армія тридцатилѣтней войны—56—78, армія и флотъ Людовика XIV—241—270), о замѣчательныхъ битвахъ (Рокруа—78—89, Декэнъ—307—312) и походахъ (Тюреннъ въ Эльзасѣ—276—281). Кромѣ военной исторіи составитель, на нашъ взглядъ, слишкомъ ужь увлекается пикантными характеристиками Сенъ-Симона (Филиппъ V и Елизавета Фарнезе—362—6, Котина, Вандамъ, Вилларсъ—298—304), слишкомъ долго останавливается на дворѣ Людовика XIV (204—223), слишкомъ вдается въ мелочи, говоря о промышленности и торговлѣ при королѣ - солнцѣ (223—237) и даже о школахъ (334—342). Большую слабость питаетъ также составитель къ описанію костюмовъ и мебели салоновъ (141—5, 164—171, 409—424). Въ главѣ объ умственномъ движеніи первой половины XVII в. отведено 13 страницъ французскому театру начала столѣтія (125—138), а о Беконѣ и Декартѣ нѣтъ ничего. Точно также обойдено молчаніемъ время регенства и система Ло. Умственное движеніе въ эпоху Людовика XV предоставлено анекдотамъ объ *Энциклопедіи* и разсказамъ Мармонтеля о заключеніи его въ Бастилію (433—9). За то пыткамъ и казнямъ посвящена цѣлая статья (393—8) съ рисунками пытки, позорнаго столба и колесованія,—статья, по своимъ возмутительнымъ подробностямъ неудобная въ учебномъ изданіи! Кстати о рисункахъ: на нашъ взглядъ, они мало поясняются текстомъ, тускловаты, неважны по сюжетамъ (костюмы, мебель), такъ что читатель не много проигралъ бы отъ ихъ опущенія, пожалуй даже выигралъ бы отъ удешевленія, въ виду этого, книги. Внѣшность послѣдней вообще очень щеголеватая. Особенныхъ погрѣшностей въ переводѣ мы не замѣтили.

Въ общемъ—и при указанныхъ недостаткахъ—книга въ рукахъ опытнаго преподавателя можетъ быть не безполезна для ознакомленія учениковъ съ исторіей Франціи вообще и нѣкоторыхъ сторонъ ея быта въ частности. Жаль только, что издатель (имени переводчика не обозначено) ограничился простымъ переводомъ; лучше было бы лишнее отбросить, частности, къ дѣлу не идущія, сократить, пробѣлы заполнить. Въ такомъ случаѣ можно было бы разсчитывать на большее примѣненіе книги въ нашей школѣ.

Записки А. О. Смирновой. Ч. I. Изд. редакціи „Сѣвернаго Вѣстника“. Спб., 1895 г. Ц. 2 р. Записки А. О. Смирновой, относящіяся къ 1826—1845 гг., печатались первоначально въ *Сѣверномъ Вѣстникѣ*. Въ нихъ много говорится о Пушкинѣ и другихъ знаменитыхъ людяхъ этой эпохи, о великосвѣтскомъ обществѣ. Интересъ записки представляютъ большой, но, къ сожалѣнію, по нимъ какъ будто прошла какая-то ретуширующая рука. Въ печати (въ томъ числѣ и въ *Русской Мысли*) указывались невѣрности, анахронизмы и другія ошибки мемуаровъ Смирновой. Обращаемъ вниманіе хотя бы на слѣдующій фактъ: *Записки* заставляютъ Пушкина очень опасаться вліянія на Мицкевича въ Парижѣ кружка Товянскаго. Какъ же это могло случиться? Пушкинъ скончался 29 января 1837 года, а Товянскій получилъ заграничный паспортъ лишь въ 1840 году и увидѣлся съ Мицкевичемъ въ

Парижѣ въ серединѣ 1841 года *). Такіе „эпизоды" подрываютъ довѣріе къ *Запискамъ* А. О. Смирновой въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ напечатаны *Сѣвернымъ Вѣстникомъ* и изданы теперь отдѣльною книгой.

Къ первой части *Записокъ* приложенъ очень хорошій портретъ Смирновой.

Дѣтство и отрочество. Художника В. В. Верещагина. Т. I. М., 1895 г. Г. Верещагинъ, несомнѣнно, человѣкъ выдающійся. Его крупное дарованіе, признанное всѣмъ міромъ, не нуждается ни въ какихъ апологіяхъ. Поэтому мы привѣтствуемъ появленіе перваго тома его автобіографіи. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, мы не можемъ умолчать здѣсь, что, приступая къ чтенію этой книги, мы ожидали отъ нея гораздо большаго. Правда, нашъ знаменитый художникъ уже и здѣсь довольно ярко вырисовывается передъ нами, но дѣлается это помимо его воли. Съ другой стороны, самостоятельнаго художественнаго значенія автобіографія его не имѣетъ: во-первыхъ, авторъ не ярко изображаетъ передъ нами окружавшую его среду и не оцѣниваетъ ее по достоинству, а, во-вторыхъ, онъ черезъ-чуръ неразборчиво сообщаетъ намъ все, что только осталось у него въ памяти изъ далекаго дѣтства; вслѣдствіе этого мы знакомимся съ массою анекдотовъ совершенно незначительныхъ, узнаемъ во всѣхъ подробностяхъ цѣлый рядъ придворныхъ сплетенъ того времени и читаемъ обстоятельные разсказы о любовныхъ похожденіяхъ совершенно неинтересныхъ для насъ гвардейскихъ офицеровъ. Отмѣтимъ еще чрезвычайную неравномѣрность разсказа: г. Верещагинъ мѣстами необыкновенно обстоятеленъ, мѣстами же дѣлаетъ такіе скачки, что услѣдить за его мыслями и настроеніями довольно затруднительно; для примѣра укажемъ хотя бы на стр. 193—195 и 213—214; здѣсь идетъ рѣчь о вещахъ самыхъ разнообразныхъ, причемъ авторъ перепрыгиваетъ съ предмета на предметъ съ поразительною легкостью.

В. В. Верещагинъ родился 14 октября 1842 года въ городѣ Череповцѣ, Новгородской губ.; онъ принадлежитъ къ старому дворянскому помѣщичьему роду и все дѣтство свое съ 2-хъ лѣтняго возраста провелъ въ имѣніи своихъ родителей, въ лѣсистой мѣстности, на берегу большой сплавной рѣки. Отецъ его очень рано бросилъ службу въ сенатѣ, женился и поселился въ деревнѣ, гдѣ кормилъ и поилъ цѣлый уѣздъ и долго былъ предводителемъ дворянства. Семья, въ которой выросъ нашъ знаменитый художникъ, не отличалась ничѣмъ особеннымъ. Родители его, люди незлые отъ природы, были пропитаны понятіями своего времени: съ крестьянами они „не поступали жестоко", но „иногда отечески наказывали ихъ на конюшнѣ; парней, случалось, отдавали не въ очередь въ солдаты, а дѣвокъ выдавали замужъ за немилыхъ". О какой-нибудь особой системѣ воспитанія дѣтей, конечно, не могло быть и рѣчи: родители, прежде всего, хлопотали о своемъ покоѣ, такъ что дѣтей учили, главнымъ образомъ, не мѣшать старшимъ. Поэтому ихъ держали „не особенно строго, но нельзя сказать, чтобъ и очень мягко". Изъ ранняго дѣтства въ памяти В. В. сохранился особенно ясно образъ старушки-няни, разсказывавшей ему чудесныя сказки, „которую любилъ онъ больше всего на свѣтѣ". „6—7 лѣтъ,— разсказываетъ г. Верещагинъ,— я порядочно читалъ, писалъ, умѣлъ складывать, вычитать, умножать и дѣлить... Учила насъ всему этому сначала мамаша; она же занималась французскимъ языкомъ, который хорошо знала, и первыми основаніями географіи, по учебнику;

*) См. *Записки*, стр. 286.

ариѳметикою и нѣмецкимъ языкомъ занимался съ нами гувернеръ, а исторіею священной и отечественной — второй сынъ нашего стараго священника". Учился В. В. прилежно, но особенно увлекался чтеніемъ, причемъ любимою книгой его были разсказы Чистякова. Онъ росъ нервнымъ, болѣзненнымъ, хотя шаловливымъ и веселымъ ребенкомъ. Деревенская обстановка принесла ему, конечно, громадную пользу, но, какъ и слѣдовало ожидать, мальчика усердно устраняли отъ всякихъ крестьянскихъ вліяній и онъ только въ людской сталкивался съ „мужицкою деревней". Интересно, что въ дѣтскомъ спектаклѣ, устроенномъ въ ихъ домѣ въ этотъ періодъ, В. В. пришлось изображать художника, сдѣлаться каковымъ онъ, конечно, и не мечталъ въ то время. Однако, талантъ его уже началъ сказываться. „Первое художественное произведеніе, — говоритъ онъ, — сдѣлавшее на меня впечатлѣніе, была картина тройки лошадей, въ саняхъ, спасающейся отъ волковъ, изображенная на платкѣ няни". Ребенокъ, къ общему удивленію, скопировалъ всю картину быстро и вѣрно. Срисовывалъ онъ и висѣвшіе по стѣнамъ пейзажи, хотя уже въ этомъ раннемъ возрастѣ въ немъ преобладала любовь къ драматическимъ сюжетамъ. Когда ему минуло 8 лѣтъ, пришло извѣстіе о принятіи его въ Александровскій малолѣтній корпусъ въ Царскомъ Селѣ, куда онъ и былъ доставленъ родителями къ концу 1850 г. Здѣсь г. Верещагинъ пробылъ три года. На общій режимъ онъ не жалуется, хотя „товарищество" не нравилось ему и онъ сильно скучалъ по деревнѣ. Завѣтною его мечтой было сдѣлаться „сержантомъ" и попасть въ видѣ отличія на красную доску, а такъ какъ онъ былъ „прилеженъ и скромнаго поведенія", то эта мечта, въ концѣ-концовъ, благополучно осуществилась. Замѣчательно, что рисованіе доставило ему много горя: съ величайшимъ трудомъ преодолѣвалъ онъ его и получалъ постоянныя неодобренія за то, что „рисовалъ всегда грязно". Гораздо непріятнѣе были автору казарменные порядки морского корпуса, куда онъ затѣмъ поступилъ. Здѣсь прожилъ онъ семь лѣтъ, всегда былъ на хорошемъ счету, въ послѣдній годъ получилъ высшій въ корпусѣ чинъ фельдфебеля и вышелъ гардемариномъ флота въ 1860 г. За это время каникулы свои проводилъ онъ обыкновенно въ Петергофѣ, въ атмосферѣ гвардейскихъ офицеровъ и своихъ дальнихъ родственниковъ, близкихъ ко двору. Ученіе В. В. давалось легко, хотя съ математикой онъ всегда жилъ не въ ладахъ, занимаясь особенно охотно исторіей и русскимъ языкомъ. Талантъ его къ живописи съ самаго начала обратилъ на себя вниманіе и оба его учителя въ морскомъ корпусѣ усердно занимались съ нимъ. На одномъ изъ старшихъ курсовъ г. Верещагинъ сталъ брать приватные уроки рисованія, воспользовавшись переѣздомъ родителей въ Петербургъ. Но систематически началъ онъ заниматься только въ школѣ общества поощренія художествъ, куда ходилъ сначала по субботамъ и воскресеньямъ, а затѣмъ и по средамъ. Школа эта велась очень добросовѣстно директоромъ Львовымъ. Здѣсь выдающіяся способности В. В. обратили на себя общее вниманіе и художникъ Гернеръ сразу замѣтилъ ему: „Помяните мое слово, вы будете великимъ артистомъ". Нѣсколько сухое, педантичное („классическое") направленіе царствовало въ школѣ, но преподаватели ея, тѣмъ не менѣе, съумѣли пріохотить къ дѣлу своихъ юныхъ учениковъ. Для нашего художника школа имѣла рѣшающее значеніе: здѣсь впервые задумалъ онъ всецѣло посвятить себя искусству. По окончаніи корпуса онъ, несмотря на протесты родныхъ, привелъ свой планъ въ исполненіе. Таково существенное содержаніе

лежащей передъ нами книги. Будемъ ждать обѣщаннаго г. Верещагинымъ продолженія его автобіографіи, о которомъ онъ самъ говоритъ въ предисловіи: „Смѣю думать, что слѣдующій томъ, составленіемъ котораго я теперь занятъ, съ разсказомъ о развитіи моей художественной дѣятельности, путешествіяхъ, участіи въ военныхъ кампаніяхъ и сношеніяхъ съ артистическими кругами Европы и Америки, представитъ еще болѣе матеріала для исторіи нашего времени и интереса для читателя".

ГЕОГРАФІЯ.

„Основы землевѣдѣнія". *Краснова.*

Основы землевѣдѣнія. Краснова. Харьковъ, 1895 г. Недавно географическая наука обогатилась новымъ трудомъ г. Краснова *Основы землевѣдѣнія;* пока вышелъ лишь первый выпускъ: *Исторія картографіи, форма земли, распредѣленіе суши и ея строеніе.* Книжка эта, судя по слѣдующимъ словамъ, помѣщеннымъ на ея обложкѣ: *Руководство для студентовъ университета, преподавателей среднихъ учебныхъ заведеній и самообразованія*, предназначена стать настольною для всѣхъ занимающихся и интересующихся географіей. Указаніе же на то, что *Основы* эти написаны профессоромъ университета, докторомъ землевѣдѣнія, магистромъ ботаники и членомъ многихъ ученыхъ обществъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, должно, повидимому, служить для пріобрѣтающаго книгу гарантіей въ ея серьезномъ содержаніи. Но первыя же строки книги разочаруютъ читателя.

Не желая давать обширнаго разбора книги, ограничимся лишь первою главой, оговорившись, что изложеніе остальныхъ главъ соотвѣтствуетъ началу.

Прежде всего поражаетъ масса стилистическихъ ошибокъ, зачастую таковыхъ, что совершенно нельзя понять фразы, напримѣръ, стр. 2: *Такую только цѣну имѣютъ въ глазахъ массы географическихъ свѣдѣній*; стр. 5: *Знанія эти получены, однако, только, что и даже до сихъ поръ не всѣ*; стр. 9. *Зная длину земной окружности равную величинѣ 1° и помноживъ на 360, получимъ величину земли*; стр. 13: *Поступаютъ такъ до тѣхъ поръ, пока сѣтою треугольниковъ не соединитъ (?) начальный и конечный пунктъ линіи величину, который хотятъ измѣрить*; стр. 14: *Насколько линейныхъ единицъ мы передвинемъ съ сѣвера на югъ, настолько должны измѣниться соотвѣтственно и зенитныя разстоянія свѣтилъ.*

Есть небезъинтересныя орѳографическія ошибки, напримѣръ: *Ѳилолай* (постоянно), *Евфремъ, Рихе* (пост.), вм. Рише (повидимому, здѣсь франц. фамилія, встрѣченная въ нѣмецкой книгѣ, прочтена на нѣмецкій ладъ). Фамилія Бугэ по-франц. пишется Bouguer; какъ прочесть родит. пад. *Bouguer'a?* Врядъ ли какъ Бугэа, такъ какъ мы имѣли бы тогда и *Clairaut'a* (Клероа); не надо ли и здѣсь читать, произнося всѣ буквы, какъ въ нѣмецкомъ?

Внутреннее содержаніе соотвѣтствуетъ изложенію.

Начинается книга опредѣленіемъ географіи, какъ науки: *„Географія есть наука, занимающаяся изученіемъ современнаго состоянія земной поверхности"*. Но изъ дальнѣйшаго изложенія оказывается,—такъ какъ ученіе о физическихъ свойствахъ земли и изслѣдованіе тектоники суши г. Красновъ относитъ къ геологіи и геофизикѣ,—что географія, глав-

нымъ образомъ, должна касаться растительности, климата и человѣка (о животныхъ не упомянуто). Не признаетъ авторъ и географіи математической, относя ее къ астрономіи; а остальныя дѣленія географіи—на географію естественно-историческую, историческую, политическую, географію организмовъ и т. д.—авторъ считаетъ обобщеніями, географическаго характера другихъ наукъ. Отчего же тогда и ученіе о климатѣ (климатологію) не считать подобнымъ же обобщеніемъ метеорологіи, ученіе о распредѣленіи растеній—обобщеніемъ ботаники географію животныхъ—обобщеніемъ зоологіи? Чѣмъ является тогда первый выпускъ, посвященный (за исключеніемъ 2-й главы объ исторіи картографіи) формѣ земли, распредѣленію суши и ея строенію? Для введенія въ дальнѣйшее изложеніе онъ великъ, а въ то же время его данныя не относятся къ географіи согласно опредѣленію г. Краснова.

Давъ опредѣленіе географіи и ея задачъ, г. Красновъ переходитъ въ первой главѣ къ формѣ земли. Сначала онъ излагаетъ мнѣнія древнихъ и ихъ попытки опредѣлить величину земли, причемъ изложеніе это не совсѣмъ полно; такъ, напримѣръ, не упоминается вывода Архимеда о шарообразной формѣ морской поверхности. Затѣмъ авторъ переходитъ къ среднимъ вѣкамъ и упоминаетъ здѣсь измѣреніе, произведенное арабами при халифѣ Эль Мамунѣ, не приводя при этомъ года, хотя не лишнее здѣсь было бы его и привести, такъ какъ это была вторая попытка опредѣлить размѣры земного шара, а годъ первой попытки выше былъ указанъ, равно какъ указанъ ниже годъ 3-й попытки. Изъ результатовъ, найденныхъ въ новое время, г. Красновъ приводитъ результаты вычисленій Бесселя, Кларка и Клеро. Вычисленіе Бесселя приведено въ слѣдующемъ видѣ: „*Бессель въ 1841 г. вычислилъ величину большой оси сфероида земли—6.377,397 метровъ, малой—6.356,079. Откуда сплющенность*=$^1/_{299}$. *Окружность земного экватора=40.070,360 метровъ. Одинъ градусъ экватора=15 географ. милямъ или 7,420 метр.*“. Между тѣмъ, Бессель нашелъ длину *не осей* сфероида, а *полуосей*, и 7,420 м. по Бесселю будетъ не длина градуса, какъ говоритъ г. Красновъ, а всего лишь длина одной мили, т.-е. $^1/_{15}$ градуса. Упоминая о вычисленіи Кларка (1878 г.), авторъ нигдѣ не говоритъ о томъ, что Кларкъ принимаетъ трехъосный эллипсоидъ. Приводя знаменатель сплющенія, найденный Клеро (1743 г.), г. Красновъ даетъ намъ формулу французскаго ученаго. Но формула эта изложена небрежно; во-первыхъ, она представлена въ неокончательномъ видѣ: лучше бы въ одну сторону уравненія вынести неизвѣстное, въ другую—данныя, его опредѣляющія; во-вторыхъ, общепринятое обозначеніе сжатія α замѣнено у г. Краснова на стр. 15 черезъ a, а на стр. 16 черезъ d; обозначеніе напряженія силы тяжести на экваторѣ g_0 замѣнено разъ черезъ g^0, а два раза черезъ $g0$. И такъ, изъ всей первой главы мы узнаемъ три знаменателя сжатія: Бесселя ($^1/_{299}$), Кларка ($^1/_{293}$) и Клеро ($^1/_{287,8}$), въ выводѣ же изъ этой главы стоитъ новый знаменатель—$^1/_{235}$ (см. стр. 17 и „погрѣшности и поправки“); правда, подобный знаменатель существуетъ, его даетъ Бэлей, но о послѣднемъ г. Красновъ нигдѣ ничего не говоритъ. Этимъ кончается первая глава, этимъ кончимъ и мы свой разборъ, сказавъ лишь немного о рисункахъ, которыми снабжена книга. Въ общемъ рисунки не могутъ быть названы удовлетворительными, а на нѣкоторыхъ картахъ, приведенныхъ въ текстѣ (напримѣръ, стр. 30), почти ничего нельзя разобрать.

Почему-то карта міра по представленію Гомера (стр. 7), слѣдова-

тельно, карта мiра грековъ, снабжена въ русскомъ изданiи нѣмецкими подписями. То же и на стр. 72, хотя рядомъ на стр. 73 такая же карта снабжена подписями русскими.

Нѣкоторые рисунки не имѣютъ прямого отношенiя къ тексту (напримѣръ, фиг. 34, стр. 82), такъ что невольно возникаетъ вопросъ, зачѣмъ они сюда попали? Но что болѣе всего поражаетъ, такъ это—какiя-то буквы и цифры на многихъ рисункахъ, а также различная штриховка въ одномъ и томъ же рисункѣ. Но если взять *Физическую геологiю* Мушкетова, то мы откроемъ, что эти рисунки—ничто иное, какъ вѣрная копiя рисунковъ, помѣщенныхъ тамъ: забыли лишь дать объясненiе буквамъ, цифрамъ и штриховкѣ.

Но понятно, что всѣ эти промахи произошли, главнымъ образомъ, благодаря поспѣшности и невниманiю. И надо надѣяться, что остальные выпуски загладятъ то впечатлѣнiе, какое производитъ вышедшiй первый выпускъ. Содержанiе имѣющихъ выйти выпусковъ слѣдующее: Выпускъ II. Атмосфера, ея дѣйствiе на сушу и море, климаты суши и явленiя на морѣ, ею создаваемыя (кѣмъ „создаваемыя": сушей или атмосферой?). Выпускъ III. Морфологiя земной поверхности. Воды суши. Географiя почвъ, растенiй и животныхъ. Выпускъ IV. Человѣчество, законы, управляющiе его разселенiемъ, и условiя, влiяющiя на создаваемыя имъ культуры. Основы научной географической классификацiи. Отчего бы, вмѣсто тяжелой и длинной первой фразы, не сказать коротко: „антропогеографiя"? Терминъ этотъ, предложенный Ратцелемъ, такъ ясенъ и такъ много говоритъ, что только боязнь раздробить *единую научную* географiю, боязнь выдѣлить изъ нея новую географiю можетъ помѣшать употребить его.

СТАТИСТИКА.

„Статистика Россiйской имперiи".

Статистика Россiйской имперiи. XXVII. Волости и населенныя мѣста 1893 года. Изданiе центральнаго статистическаго комитета. Выпускъ 4-й — Иркутская губернiя. Выпускъ 9-й — Якутская область. Подъ первымъ изъ приведенныхъ заглавiй вышло въ свѣтъ въ истекшемъ 1894 г. описанiе Иркутской губернiи, составленное центральнымъ статистическимъ комитетомъ министерства внутреннихъ дѣлъ на основанiи матерiаловъ, почерпнутыхъ изъ „памятныхъ книжекъ" и „приложенiй ко всеподданнѣйшимъ отчетамъ губернаторовъ" по Иркутской губ., *Сборника статистическихъ свѣдѣнiй о горнозаводской промышленности Россiи въ 1890 и 1891 г.*, *Историческаго очерка обложенiя торговли и промысловъ въ Россiи* (изд. министерства финансовъ), *Сибирь и великая сибирская желѣзная дорога* (изд. министерства финансовъ) и *Матерiаловъ по изслѣдованiю землепользованiя и хозяйственнаго быта сельскаго населенiя Иркутской губ.* (изд. бывшаго мин. государственныхъ имуществъ), причемъ, какъ сказано въ текстѣ брошюры, „среди указанныхъ источниковъ первенствующее значенiе имѣетъ работа, составленная по порученiю бывшаго министерства государственныхъ имуществъ". Дѣйствительно, изъ 72 страницъ текста этого изданiя наибольшая часть составляетъ рядъ выдержекъ изъ только что названныхъ *Матерiаловъ*, причемъ изложенiе значительной части главъ разсматриваемаго изданiя составлено изъ ряда отдѣльныхъ фразъ и цѣлыхъ перiодовъ, цѣликомъ или лишь съ небольшими измѣненiями

выписанныхъ изъ соотвѣтствующихъ главъ помянутыхъ *Матеріаловъ*. Въ „общемъ очеркѣ“ губерніи нѣкоторую разницу въ изложеніи, сравнительно съ помянутыми *Матеріалами*, составляетъ собственно лишь геологическій очеркъ; отдѣлы же: *Полезныя ископаемыя*, *Гидрографія*, *Климатъ*, *Растительный покровъ* и *Фауна* почти цѣликомъ составлены изъ сопоставленныхъ другъ съ другомъ выдержекъ изъ помянутыхъ *Матеріаловъ*, такъ что, по существу, „общій очеркъ“ даннаго изданія центральнаго статистическаго комитета составляетъ краткую выборку изъ изданія министерства государственныхъ имуществъ. Выборка, впрочемъ, сдѣлана не вездѣ достаточно удачно, такъ какъ въ ней допущены нѣкоторыя не совсѣмъ умѣстныя для научнаго изданія сокращенія. Наприм., на стр. 10 позднее замерзаніе р. Ангары вблизи Байкала (въ началѣ января или концѣ декабря) объяснено (кромѣ быстроты теченія) „отчасти *высокою* температурой въ водѣ“, тогда какъ температура воды въ р. Ангарѣ въ этихъ мѣстахъ, даже въ самое теплое время лѣта, обыкновенно не выше 7—8° по Реомюру. Появленіе такого объясненія становится, однако, понятнымъ при сравненіи съ соотвѣтствующимъ мѣстомъ текста *Матеріаловъ*, откуда это объясненіе почерпнуто въ сокращенномъ видѣ (т. II, вып. I, стр. 22). Тамъ позднее замерзаніе дѣйствительно объяснено „высотой температуры“, но совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, что воды Ангары настолько вообще теплы сравнительно съ водами другихъ рѣкъ, что это составляетъ одно изъ препятствій къ ея своевременному замерзанію, а объяснено тѣмъ, что „*осенью* температура воды въ р. Ангарѣ должна быть значительно *выше нормальной*, такъ какъ она вытекаетъ изъ громаднаго водоема, который можетъ *только медленно* терять *запасъ тепла*, *накопившійся въ немъ въ теченіе лѣта*“. А это, какъ само собою понятно, не совсѣмъ одно и то же. Далѣе, на стр. 13 изданія центр. статистич. комитета приведена цѣликомъ изъ стр. 8 главы 2 изданія министерства государственныхъ имуществъ (т. II, в. 1) таблица среднихъ мѣсячныхъ температуръ воздуха, приведенныхъ *къ многолѣтнимъ среднимъ*, приведена цѣликомъ, но почему-то въ измѣненномъ видѣ въ отношеніи послѣдовательнаго порядка горизонтальныхъ строкъ: въ изданіи мин. госуд. имущ. цифры таблицы, относящіяся къ извѣстнымъ пунктамъ наблюденія, по возможности приведены въ извѣстномъ географическомъ порядкѣ, а въ таблицѣ цитируемаго изданія всѣ цифры оставлены тѣ же, порядокъ же расположенія графъ измѣненъ совершенно, причемъ изъ таблицы зачѣмъ-то исключены указанія широтъ и долготъ мѣстъ наблюденія, высотъ ихъ надъ уровнемъ моря и *числа лѣтъ*, въ теченіе которыхъ производились данныя наблюденія, вслѣдствіе чего неизбѣжно пострадало научное значеніе данной таблицы. На слѣдующей затѣмъ страницѣ цѣликомъ выписана изъ того же изданія другая таблица — среднихъ температуръ временъ года, но съ тѣмъ опять-таки измѣненіемъ, что изъ нея выкинуты указанія относительно того, къ какимъ географическимъ районамъ губерніи относятся приведенныя наблюденія, и оставлены одни лишь названія наблюдательныхъ пунктовъ, которыя сами по себѣ не даютъ читателю никакого представленія о географическомъ положеніи послѣднихъ. Въ главѣ о фаунѣ приведены, почерпнутыя изъ того же изданія, данныя о вредныхъ насѣкомыхъ, причемъ подъ одинъ рядъ названы, какъ имѣющіе якобы *одинаковое* значеніе для мѣстнаго хозяйства, кобылка, Thrips, Chlorops, Cephus, Aphis и Hallica, тогда какъ въ изданіи мин. госуд. имущ. категорически указано, что „*главный бичъ* полеводства Иркутской губерніи—

кобылка", а другихъ вредныхъ насѣкомыхъ, болѣе или менѣе вліяющихъ на урожай, каковы названныя Thrips, Chlorops и пр., Иркутская губернія *почти не знаетъ*, такъ какъ распространены они мало и вредъ, ими приносимый, ничтоженъ. Такимъ образомъ, нѣкоторыя изъ приведенныхъ сокращеній, къ сожалѣнію, страдаютъ или неточною передачей изложенія, или отсутствіемъ научности.

Глава *О населеніи* составлена, повидимому, по преимуществу изъ цифръ приложеній къ всеподданнѣйшимъ отчетамъ и памятныхъ книжекъ, тогда какъ глаза *О земледѣліи*—цѣликомъ изъ соотвѣтствующей главы изданія мин. госуд. имущ., причемъ перепечатка одной изъ таблицъ сдѣлана невѣрно: въ Иркутскомъ округѣ показано казенныхъ удобныхъ земель 530,844 дес., вмѣсто 53,087 дес., вслѣдствіе чего итогъ всѣхъ земель не соотвѣтствуетъ суммѣ слагаемыхъ. Глава *О земледѣліи* почерпнута изъ соотвѣтствующей главы изданія мин. госуд. имуществъ, за исключеніемъ цифръ о количествѣ земли и населенія, а также цифръ посѣва и сбора хлѣбовъ за нѣсколько лѣтъ, очевидно, приведенныхъ изъ данныхъ губернскаго статистическаго комитета. Къ главѣ *Земледѣліе* непонятнымъ образомъ пристегнута (составленная на основаніи данныхъ мин. госуд. имущ.) рѣчь о промысловыхъ заработкахъ населенія: звѣроловствѣ, рыболовствѣ, извозѣ, промысловъ кустарно-ремесленной группы (причемъ въ число „промысловъ" почему-то попало и скотоводство), а затѣмъ черезъ 23 страницы дальше имѣется еще особая глава *О промышленной дѣятельности въ Иркутской губ.*, составленная уже на основаніи данныхъ губернскаго статистическаго комитета, не совпадающихъ съ предъидущими.

Глава *Объ экономическомъ положеніи крестьянскаго населенія* сведена изъ главы *О податяхъ и повинностяхъ* изъ изданія мин. госуд. имуществъ съ рядами выписанныхъ оттуда таблицъ и заканчивается выдержками изъ главы *Бюджеты* того же изданія, тоже съ цѣлымъ рядомъ таблицъ, почерпнутыхъ изъ него. Глава *Доходность земледѣлія* включаетъ 6 страницъ почти сплошныхъ таблицъ и 2 страницы текста, взятыхъ изъ главы *Изслѣдованіе доходности земельныхъ угодій*, помѣщенной въ изданіи мин. госуд. имущ. Затѣмъ въ брошюрѣ имѣется еще глава *О горнозаводской промышленности*, составленная уже не на основаніи матеріаловъ, почерпнутыхъ изъ помянутаго изданія минист. госуд. имуществъ, такъ какъ въ этомъ изданіи нѣтъ главы, ей соотвѣтствующей. Къ тексту приложено 100 страницъ таблицъ о количествѣ селеній, хозяйствъ, душъ и усадебной и пахотной земли по всѣмъ селеніямъ и улусамъ губерніи, на основаніи цифръ губернскаго статистическаго комитета, — это уже часть самостоятельная, такъ какъ въ изданіи мин. государ. имущ. соотвѣтствующія цифры (въ несравнимо большей подробности) приведены на основаніи спеціальной переписи, произведенной чинами мин. госуд. имущ. Между тѣми и другими цифрами во многихъ мѣстахъ замѣчается довольно значительная разница, не объясненная, однако, ни однимъ словомъ въ изданіи центральнаго статистическаго комитета, какъ бы это можно было ожидать отъ него, какъ отъ изданія позднѣйшаго и, притомъ, пользующагося матеріаломъ и выводами предъидущаго изданія. Наприм., по Балаганскому округу въ изданіи центральнаго статистическаго комитета показано у казаковъ 14,9 хозяйственныхъ (въ 3,200 кв. саж.) десятинъ усадьбы и 1492,5 хоз. дес. пашни, а по изданію мин. госуд. имущ. 33 и 553 казенныхъ десятины; число поселенческихъ хозяйствъ по изданію центральнаго статистическаго комитета показано въ 3,500 (не указано:

наличныхъ только или вмѣстѣ съ отсутствующими), а въ трудахъ чиновъ мин. государ. имущ. поселенческихъ хозяйствъ по этому округу показано: наличныхъ 1,619, а постоянно отсутствующихъ 13,054, итого 14,675. Изъ названныхъ трудовъ мин. госуд. имущ. видно, что у этихъ поселенцевъ имѣется 294 казенныхъ десятины усадебной земли и 2,090 казенныхъ десятинъ пахотной, итого 2,384 каз. десятины, тогда какъ по брошюрѣ центральнаго статистическаго комитета у нихъ этой земли не 2,384, а 8,813 каз. дес. (1,342 дес. усадебной и 7,471 пахотной). Чѣмъ объясняются такія значительныя разницы цифръ обоихъ источниковъ, въ брошюрѣ нигдѣ не указано, между тѣмъ какъ это было бы не только умѣстно, но и безусловно необходимо, въ особенности въ такомъ трудѣ, который, какъ настоящая брошюра центральнаго статистическаго комитета, почти цѣликомъ основывается въ своихъ выводахъ на данныхъ того самаго источника, съ которымъ у нея происходитъ столь сильное разнорѣчіе абсолютныхъ цифръ. При всемъ этомъ представляется нѣсколько страннымъ, почему названное казенное изданіе, и, притомъ, изданіе центральнаго статистическаго органа для всей Россіи, ведетъ счетъ земли не на общеупотребительныя для всей Россіи казенныя десятины, а на десятины *хозяйственныя*, употребляемыя крестьянскимъ населеніемъ Иркутской губ., благодаря чему цифры этой брошюры являются трудно сравнимыми не только съ остальными статистическими изданіями вообще, но даже и съ прочими изданіями самого центральнаго статистическаго комитета.

Изданіе разбираемаго труда центральнымъ статистическимъ комитетомъ по Иркутской (а также и по другимъ сибирскимъ губерніямъ) объясняется, какъ видно изъ введенія къ нему, главнымъ образомъ, желаніемъ имѣть подробныя карты тѣхъ мѣстностей, по которымъ имѣетъ быть проведена великая сибирская желѣзная дорога, и „списки населенныхъ мѣстъ“ тѣхъ губерній (съ описаніемъ ихъ физико-географическимъ и изложеніемъ свѣдѣній „о населеніи и источникахъ благосостоянія послѣдняго, какъ-то: земледѣлія, скотоводства и другихъ промыслахъ, заводской промышленности и торговли и пр.“), которыя будутъ ею пересѣчены. Надо, слѣдовательно, полагать, что изданіемъ этимъ предполагалось пополнить существующій въ статистической литературѣ пробѣлъ относительно физико-географическихъ и экономическихъ условій жизни населенія сибирскихъ губерній. Но такъ какъ по Иркутской губерніи, еще до изданія цитируемой брошюры, вышло въ свѣтъ, изданное министерствомъ госуд. имуществъ, описаніе ея въ четырехъ томахъ и 5 выпускахъ (всего 2142 стран. текста и свыше 600 стр. таблицъ), всесторонне разсматривающее физико-географическія и экономическія условія жизни населенія Иркутской губерніи, на основаніи данныхъ, собранныхъ спеціалистами на мѣстахъ, то и изданіе помянутой краткой брошюры въ 170 стр. таблицъ и текста, на $^{7}/_{8}$ выбраннаго изъ того же труда мин. государ. имуществъ, для вышеуказанной цѣли, повидимому, не обусловливалось необходимостью. Само собою понятно, что для разрѣшенія вопросовъ, связанныхъ съ проведеніемъ великой сибирской желѣзной дороги, и при наличности помянутой брошюры, все равно приходилось бы обратиться за необходимыми матеріалами не къ ней, а къ ея первоисточнику, гораздо болѣе полно и всесторонне разсматривающему бытъ и условія жизни даннаго края. Само собою понятно также, что трудъ, изданный министерствомъ государственныхъ имуществъ и признанный недавно географическимъ обществомъ достойнымъ золотой медали и б-

щества, если и нуждался въ популяризаціи, то не для цѣлей, связанныхъ съ проведеніемъ желѣзной дороги, и, притомъ, во всякомъ случаѣ, въ популяризаціи болѣе удачной.

Нельзя не пожалѣть, сверхъ того, что цѣнность этого, и безъ того небольшого, труда центральнаго статистическаго комитета еще болѣе низводится самимъ комитетомъ въ заключительной части текста брошюры, гдѣ комитетъ, справедливо признавая, что главнымъ источникомъ, при составленіи брошюры, послужило цитированное изданіе мин. госуд. имущ., оговаривается, что именно, „вслѣдствіе этого, заключенія, къ которымъ приводитъ и предлагаемый очеркъ, имѣютъ также *относительное значеніе и далеки, конечно, отъ абсолютной точности*". Къ такому заключенію комитетъ приходитъ въ виду того, что, какъ ему извѣстно, производившееся министерствомъ государственныхъ имуществъ изслѣдованіе Иркутской губерніи „коснулось лишь типичныхъ мѣстностей", и потому выводы, вытекающіе изъ собранныхъ этимъ изслѣдованіемъ данныхъ, основаны „*не на сплошномъ* изслѣдованіи губерніи". Между тѣмъ, главная заслуга мин. госуд. имущ. и рукоководителя этихъ работъ на мѣстѣ, бывшаго иркутскаго генералъ-губернатора графа А. П. Игнатьева, въ дѣлѣ изслѣдованія Восточной Сибири именно и заключалась въ томъ, что, благодаря имъ, впервые произведено было *сплошное* изслѣдованіе Иркутской (и Енисейской) губерніи, на что многократно указывалось во многихъ газетахъ и журналахъ и что̀ съ полною подробностью выяснено въ предисловіи къ трудамъ мин. госуд. имущ., гдѣ съ точностью указано, что не обслѣдованными остались изъ всего населенія губерніи только 1,2% ея населенія, и то лишь живущаго въ мѣстностяхъ, слишкомъ удаленныхъ отъ населенныхъ районовъ. Поэтому приведенное указаніе центральнаго статистическаго комитета, напрасно, притомъ, обезцѣнивающее какъ значеніе его собственнаго труда, такъ и труда мин. госуд. имущ., представляется намъ самымъ крупнымъ недосмотромъ въ общей массѣ недосмотровъ, допущенныхъ въ его брошюрѣ, если, впрочемъ, не считать еще недосмотра, заключающагося въ томъ, что изложенные въ текстѣ выводы основаны совсѣмъ не на тѣхъ цифрахъ, которыя, какъ основной матеріалъ изслѣдованія, заключаются въ приложенныхъ къ нему (100 страницъ) таблицахъ, и цифры разныхъ источниковъ, при всемъ ихъ разнорѣчіи, не сведены, не сопоставлены другъ съ другомъ.

Если составленная центральнымъ статистическимъ комитетомъ компиляція объ Иркутской губерніи, заглавіе которой выписано въ первыхъ строкахъ настоящей замѣтки, содержитъ указанія на источники, бывшіе въ пользованіи при ея составленіи, то вторая изъ изданныхъ имъ брошюръ, названіе коихъ приведено въ заголовкѣ (выпускъ 9—Якутская область), никакихъ указаній на источники не содержитъ и потому можетъ быть сочтена за самостоятельный трудъ комитета. Нельзя, однако, не пожалѣть, что ни во введеніи къ ней (отъ 16 декабря 1894 г.), составляющемъ дословную перепечатку введенія къ предъидущей брошюрѣ (помѣченнаго 27 августа 1894 г.),—за исключеніемъ, впрочемъ, указанія *номера* выпуска, — ни въ текстѣ нѣтъ никакихъ свѣдѣній о томъ, насколько приведенныя въ брошюркѣ данныя соотвѣтствуютъ дѣйствительности и заслуживаютъ довѣрія. Такое указаніе было бы въ настоящее время особенно важно, въ виду того, что даже выводы брошюры по Иркутской губ., основанныя цѣликомъ на матеріалахъ *спеціальнаго* изслѣдованія (мин. госуд. имущ.), признаны самимъ комитетомъ имѣющими только „относительное значеніе" и „далекими" отъ желательной точности. Что же, въ такомъ случаѣ, слѣдуетъ думать о свойствахъ

и достоинствахъ данныхъ, добытыхъ безъ помощи какого бы то ни было спеціальнаго изслѣдованія и, однако, разбирающихъ вопросъ съ такою точностью, что, наприм., въ отдѣлѣ звѣро- и рыбопромышленности категорически указано, сколько именно какихъ звѣрей и на какую сумму убито въ 1889 г. въ каждомъ округѣ губерніи (горностаевъ, наприм., 2,119 въ Якутскомъ округѣ, 3,317 въ Верхоянскомъ, зайцевъ 18,271 въ Якутскомъ, 60,778 въ Верхоянскомъ, бѣлковъ (вѣроятно, бѣлокъ?) 21,202 въ Якутскомъ, 4,682 въ Верхоянскомъ и т. п., по всей же губерніи въ томъ же году добыто $17^1/_{20}$ пуда рыбьяго клею) и т. п.? Кто записывалъ эти точныя цифры добытыхъ рыбъ и рыбьяго клея или звѣрей, убитыхъ на пространствѣ губерніи въ 3.489,689 кв. верстъ съ разнообразнымъ и крайне разбросаннымъ полудикимъ инородческимъ населеніемъ, составляющимъ свыше 82% общаго числа населенія губерніи?

Брошюра объ Якутской области занимаетъ всего-на-всего 30 стр. текста и 13 стр. таблицъ. Выводы, къ которымъ она приводитъ, изложены въ слѣдующихъ словахъ ея заключенія:

„Все вышеизложенное приводитъ насъ къ слѣдующему: Якутская область представляетъ собою обширное пространство въ 70 тыс. кв. геогр. миль, мало еще тронутое русскою колонизацiей. Занимая большую часть рѣчной области колоссальной рѣки Л ы, а также бассейны рр. Оменска, Яны, Индигирки, Алазеи и Колымы Якутская область, по характеру своей поверхности, не является спло ою равниной, такъ какъ не только на югѣ, но и выше въ ней не замѣчается недостатка въ горныхъ кряжахъ. Лѣтомъ область располагаетъ удобными путями сообщенія, такъ какъ она богато орошена прекрасными, обильными водою рѣками. Неблагопріятныя условія климата Якутской области кладутъ свою суровую печать не только на растительный, животный міръ, но и на самого человѣка. Крайне слабо и весьма неравномѣрно заселенная, область мало способна для осѣдлой колонизаціи и, захваченная русскими еще XVII ст., эта окраина и доселѣ заключаетъ ихъ въ себѣ въ самомъ ничтожномъ количествѣ. Суровая природа Якутской области дѣлаетъ ее удобной для обитанія лишь кочевыхъ племенъ, съумѣвшихъ освоиться съ своеобразными условіями сѣвера. Имѣя весьма мало значенія для осѣдлой, земледѣльческой колонизаціи, какъ лишенная необходимыхъ для земледѣлія условій, Якутская область можетъ служить мѣстомъ правильной эксплуатаціи ея естественныхъ богатствъ, которыми природа одарила этотъ угрюмый и холодный край".

Если весь результатъ цитируемой работы сводится только къ этимъ ея заключительнымъ выводамъ, то новаго она даетъ очень мало, такъ какъ все изложенное выше и до выхода ея въ свѣтъ извѣстно было каждому, даже и не видавшему Сибири, читающему человѣку изъ элементарныхъ учебниковъ географіи, штудированныхъ въ первыхъ классахъ гимназіи. Нельзя не пожалѣть поэтому, что центральный статистическій комитетъ, задавшись цѣлью издать сводъ свѣдѣній объ Якутской и другихъ малообслѣдованныхъ областяхъ Сибири, вмѣсто того, чтобы тратить время на безполезныя компиляціи трудовъ по уже изслѣдованнымъ ея частямъ, не приступилъ къ организаціи спеціальнаго ихъ изслѣдованія на мѣстахъ или, по крайней мѣрѣ, къ изданію болѣе или менѣе полнаго компилятивнаго свода данныхъ, имѣющихся о нихъ въ русской и иностранной литературѣ. Даже и въ этомъ послѣднемъ случаѣ такая сводная компилятивная работа, съ указаніемъ на всѣ имѣющіеся источники и, еще лучше, съ дополненіемъ полной

библіографіи каждаго района, могла бы имѣть высокую научную цѣнность какъ въ смыслѣ серьезнаго подспорья для мѣстнаго изученія края, такъ и для составленія болѣе полнаго и яснаго представленія объ условіяхъ его жизни. Такая компиляція несомнѣнно потребовала бы не мало времени и во много разъ превысила бы своимъ размѣромъ маленькую брошюрку объ Якутской области въ 43 страницы, но за то такая работа заняла бы почетное мѣсто въ нынѣшнихъ трудахъ комитета.

Съ своей стороны мы склонны думать, что въ такой неудачной постановкѣ центральнымъ статистическимъ комитетомъ дѣла изданія „списковъ населенныхъ мѣстъ“ сибирскихъ губерній значительно виновата та непонятная спѣшность, съ которой разрабатывались включенныя въ эти брошюры свѣдѣнія: обѣ работы исполнены однимъ и тѣмъ же лицомъ, а срокъ, протекшій между изданіемъ первой и второй, равенъ всего $3^1/_2$ мѣсяцамъ, въ теченіе которыхъ составлено описаніе всей Якутской области. Какъ видно изъ введеній къ обѣимъ брошюркамъ, нѣкоторыя необходимыя для нихъ свѣдѣнія требовались даже по телеграфу.

ТЕХНИЧЕСКІЯ КНИГИ.

„Несчастные случаи съ рабочими на свеклосахарныхъ заводахъ и мѣры предупрежденія ихъ“. *Д-ра К. П. Сулимы.*—„Карты фабрикъ и заводовъ Европейской Россіи съ пояснительною запиской“. *Н. Нестерова.* — „Перемѣнные электрическіе токи“. *Т. Г. Блекслея.* — „Двигатели малой силы для промышленности и сельскаго хозяйства“. *Д. Голова.*

Несчастные случаи съ рабочими на свеклосахарныхъ заводахъ и мѣры предупрежденія ихъ (матеріалы къ фабричной гигіенѣ). Д-ра К. П. Сулимы. Спб. Авторъ, каменецъ-подольскій врачебный инспекторъ, въ небольшой брошюрѣ собралъ много интереснаго матеріала по вопросу о несчастныхъ случаяхъ съ рабочими на сахарныхъ заводахъ, пользуясь для этого почти исключительно оффиціальными источниками, т.-е. полицейскими донесеніями подлежащему начальству, которыя обыкновенно хранятся въ архивѣ губернскаго правленія. Добытыя авторомъ свѣдѣнія касаются только нѣкоторыхъ заводовъ Кіевской и Подольской губ. и обнимаютъ періодъ времени съ 1879 по 1892 г. Болѣе подробныя данныя о числѣ и характерѣ несчастныхъ случаевъ относятся, конечно, къ послѣднему времени, когда, съ учрежденіемъ фабричной инспекціи и фабричной медицины, явилась возможность болѣе точной регистраціи. Очень интересны также свѣдѣнія, сообщенныя автору инженеръ-технологомъ Толпыгинымъ. Въ концѣ брошюры приведены мѣры предупрежденія несчастныхъ случаевъ. Трудъ д-ра Сулимы представляетъ большой интересъ въ виду давно назрѣвшей, настоятельной, всѣми сознаваемой потребности— оградить жизнь и здоровье рабочаго отъ тѣхъ опасностей, которыя являются слѣдствіемъ безпечности и равнодушія заводчиковъ и фабрикантовъ.

Карты фабрикъ и заводовъ Европейской Россіи съ пояснительною запиской. Составилъ Н. Нестеровъ подъ руководствомъ инженера И. А. Лихачева. Москва, 1895 г. Цѣна 5 руб. На 4-хъ большихъ картахъ, составляющихъ особый атласъ, нанесено 80 производствъ, по 20 на каждую карту (фабрики и заводы съ производ-

ствомъ менѣе 3 тысячъ не показаны). Изъ пояснительной записки видно, гдѣ именно находятся тѣ или другіе заводы и фабрики (губернія, уѣздъ, городъ) и въ какомъ количествѣ, причемъ для наиболѣе крупныхъ фабрикъ указаны и фирмы. Было бы желательно, конечно, имѣть также свѣдѣнія, наприм., о размѣрахъ производства, о числѣ рабочихъ и т. под.

Подобнаго рода карты давно существуютъ за границей. Составители указываютъ интересный фактъ, что на нѣмецкомъ языкѣ изданы даже карты нѣкоторыхъ промышленныхъ районовъ Россіи, наприм., Привислянскаго края и нѣкоторыхъ сахарныхъ заводовъ, расположенныхъ въ бассейнахъ Днѣпра, Буга, Вислы и Нѣмана. О пользѣ такихъ изданій нечего, конечно, распространяться. Къ сожалѣнію, карты г. Нестерова составлены по устарѣвшимъ свѣдѣніямъ. Нѣкоторыхъ фабрикъ, отмѣченныхъ на картахъ, давно не существуетъ, многія фабрики совсѣмъ не отмѣчены, такъ что пользоваться собраннымъ г. Нестеровымъ матеріаломъ нужно съ большою осмотрительностью.

Перемѣнные электрическіе токи. Руководство для студентовъ и техниковъ. Т. Г. Блекслея, проф. королевской морской коллегіи въ Гринвичѣ. Перев. подъ редакціей В. К. Лебединскаго. Спб. Изд. Риккера. Ц. 1 руб. 60 коп. Переводъ сдѣланъ съ французскаго изданія, но свѣренъ съ 3-мъ изданіемъ англійскаго оригинала и дополненъ нѣкоторыми другими статьями. Небольшая книжка Блекслея представляетъ серьезный, строго-научный трактатъ о перемѣнныхъ электрическихъ токахъ, весьма интересный для электротехниковъ и физиковъ, обладающихъ достаточною научною подготовкой, но по характеру изложенія мало доступный для обыкновеннаго читателя.

Двигатели малой силы для промышленности и сельскаго хозяйства (паровые, газовые, керосиновые, водяные и вѣтряные). Практическое руководство для владѣльцевъ двигателей. Состав. инженеръ-механикъ Д. Головъ. Спб., 1894 г. Изд. Риккера. Ц. 2 р. Малосильные двигатели имѣютъ весьма важное значеніе для народнаго хозяйства, такъ какъ въ значительной степени облегчаютъ конкурренцію мелкой промышленности съ крупной. Ручной трудъ не можетъ соперничать съ механическою работой, когда каждая лошадиная сила двигателя замѣняетъ работу 7 человѣкъ. Слѣдовательно, мелкая промышленность можетъ существовать на ряду съ крупной только при условіи примѣненія малосильныхъ двигателей. Двигатели эти, кромѣ того, находятъ примѣненіе въ нѣкоторыхъ отрасляхъ крупной промышленности, гдѣ спросъ на механическую работу незначителенъ или гдѣ, вслѣдствіе разбросанности отдѣльныхъ операцій, передача отъ одного общаго двигателя неудобна.

Авторъ даетъ подробное и весьма обстоятельное описаніе паровыхъ, газовыхъ и керосиновыхъ двигателей, удобныхъ и примѣнимыхъ въ сельскомъ хозяйствѣ и въ мелкой промышленности. Съ особенною полнотой разсмотрѣны керосиновыя машины, которыя, по всей вѣроятности, въ недалекомъ будущемъ, съ ихъ удешевленіемъ, получатъ весьма широкое распространеніе. О водяныхъ и вѣтряныхъ двигателяхъ, утилизирующихъ даровыя силы природы, сообщаются также достаточныя свѣдѣнія. Прекрасно составленная и изданная книжка инженеръ-механика Голова при своей недорогой цѣнѣ смѣло можетъ быть рекомендована вниманію всѣхъ интересующихся даннымъ вопросомъ.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

„Дѣдушкины разсказы о лошади-кормилицѣ и объ уходѣ за нею въ сельскомъ быту". *П. Лодыгина.* — „Сахарная свекловица и ея культура". *Ф. Г. Куделька.* — „Труды экспедиціи, снаряженной лѣснымъ департаментомъ подъ руководствомъ проф. Докучаева".

Дѣдушкины разсказы о лошади-кормилицѣ и объ уходѣ за нею въ сельскомъ быту. П. Лодыгина. Изд. Девріена. Спб., 1895 г. Ц. 20 к. Бóльшую часть брошюры составляютъ нѣсколько слащаво написанныя поученія нѣкоего дѣдушки Ермолая, обращенныя къ малолѣтнему внуку Васѣ на тему о томъ, какъ устраиваются случные пункты и какъ выращиваются жеребята. Намъ представляется, что авторъ свободно могъ обойтись безъ Ермолая, безъ Васи и безъ витіеватаго описанія села Долгаго, въ которомъ встрѣчается даже паръ, поднятый съ осени. Проще самихъ „разсказовъ" написаны два приложенія къ нимъ, составленныя по Шмулевичу, Кулешову и Кривенко; въ первомъ даются правила ковки, во второмъ вкратцѣ описываются болѣзни, наичаще встрѣчающіяся у рабочихъ лошадей. Едва ли брошюра г. Лодыгина найдетъ себѣ непосредственное распространеніе въ той средѣ, для которой она, повидимому, назначается, т.-е. между грамотными крестьянами, но при крайней бѣдности нашей зоотехнической литературы она можетъ иногда принести нѣкоторую пользу, какъ справочное пособіе для преподавателей низшихъ сельско - хозяйственныхъ школъ и для другихъ лицъ, которымъ приходится бесѣдовать съ крестьянами по коневодству.

Сахарная свекловица и ея культура. Сочиненіе Ф. Г. Кудельки. Изд. Девріена. Спб., 1895 г. Ц. 75 к. Хотя трактатъ г. Кудельки и печатался въ видѣ статьи на страницахъ лучшаго изъ нашихъ сельскохозяйственныхъ журналовъ (*Сельское хозяйство и лѣсоводство* 1894 г.), но по характеру изложенія онъ болѣе всего приближается къ учебнику. Авторъ разсматриваетъ экстерьеръ свекловицы, разновидности, сорта, отношеніе къ климату и почвѣ, мѣсто въ сѣвооборотѣ, удобреніе и обработку подъ свеклу, посѣвъ, уходъ, уборку, храненіе, выращиваніе сѣмянъ, утилизацію отбросовъ и заболѣваніе свекловицы черною гнилью. Книжку г. Кудельки нельзя назвать полною монографіей свекловичной культуры: здѣсь недостаетъ, напримѣръ, свѣдѣній о пораженіи свекловицы врагами изъ животнаго міра. Въ книгѣ много свѣжихъ фактическихъ данныхъ изъ недавней практики привислянскихъ и приднѣпровскихъ хозяйствъ; многіе отдѣлы изложены довольно обстоятельно, но этимъ не устраняется необходимость и для пользующагося книгою г. Кудельки обращается къ классическому изложенію воздѣлыванія свекловицы въ *Основахъ полевой культуры* проф. И. А. Стебута.

Труды экспедиціи, снаряженной лѣснымъ департаментомъ подъ руководствомъ профессора Докучаева. Спб., 1894 — 95 гг. Широко задуманныя работы особой экспедиціи при лѣсномъ департаментѣ, возникшей по иниціативѣ и подъ руководствомъ неутомимаго почвовѣда, проф. В. В. Докучаева, явились послѣдствіемъ неурожая, постигшаго Россію въ 1891 г., и, главнымъ образомъ, по причинѣ засухи. Для предотвращенія засухъ имѣется въ виду въ степной Россіи регулировать верховья большихъ рѣкъ, мелкія рѣчки, овраги и балки, регулировать пользованіе снѣгами и дождями на водораздѣлахъ и уста-

новить общія основанія степной культуры въ зависимости отъ возможныхъ наличныхъ запасовъ влаги. Эти задачи примыкаютъ къ общей постановкѣ „водяного вопроса“, который признается теперь существеннѣйшимъ вопросомъ агрономіи и за границею (школа мюнхенскаго профессора Вольни) и даже тамъ заслонилъ собою работы агрикультуръ-химиковъ.

Вышедшія къ концу 1894 года изданія особой экспедиціи посвящены какъ разсмотрѣнію научныхъ, такъ и описанію лѣсокультурныхъ и гидротехническихъ работъ. Къ первой категоріи, кромѣ упоминавшейся уже нами (*Русская Мысль* 1894 г., кн. XI) и вышедшей также отдѣльно магистерской диссертаціи Г. И. Танфилова, принадлежатъ работы профессоровъ Н. М. Сибирцева, К. Д. Глинки и П. А. Земятченскаго и гг. Выдрина и Отоцкаго по орогидрографіи, геологіи, почвамъ и грунтовымъ водамъ на устроенныхъ особою экспедиціей участкахъ; кромѣ того, Н. П. Адамовымъ и Г. Н. Высоцкимъ подробно разработаны метеорологическія наблюденія, исполненныя на тѣхъ же участкахъ (въ губерніяхъ Воронежской, Харьковской и Екатеринославской); проф. Бараковымъ дана программа сельско-хозяйственныхъ опытовъ, проф. В. В. Докучаевымъ программа особыхъ изслѣдованій на дѣвственной степи и, наконецъ, уже въ началѣ 1895 г. А. А. Силантьевымъ опубликована программа наблюденій надъ животными. Гидротехническія работы экспедиціи ведутся и описываются профессоромъ Дейчемъ, лѣсокультурныя—О. И. Ковалевымъ и Г. Н. Высоцкимъ.

Крайне желательно, чтобы результаты этой корпоративной работы, затронувшей массу интереснѣйшихъ вопросовъ, не прошли безплодно для удовлетворенія различныхъ нуждъ нашего степного хозяйства; эти *Труды* должны служить основою многочисленныхъ мѣропріятій государства, земства и отдѣльныхъ хозяевъ.

МЕДИЦИНА.

„Сифилисъ мозга и его леченіе“. *Проф. П. И. Ковалевскаго.*—„Половая гигіена и ея нравственныя послѣдствія“. *Севеда Риббинга.* — „Горе отъ любви“. *Штаркенбурга.*

Сифилисъ мозга и его леченіе. Проф. П. И. Ковалевскаго. Харьковъ. Ц. 2 руб. Изд. 2-е дополненное. Предлагаемая книга заключаетъ въ себѣ рядъ статей автора, появлявшихся въ различное время въ издаваемомъ имъ *Архивѣ психіатріи* и проч. Въ предисловіи и введеніи авторъ говоритъ, что онъ склоняется болѣе къ химической теоріи сущности сифилиса, что онъ „исповѣдываетъ“ убѣжденіе о важности знанія сифилидологіи для невропатолога и что неуспѣшность нашей борьбы съ сифилисомъ зависитъ отъ недостаточности нашихъ знаній. Первая глава книги посвящена сифилису головного мозга вообще. Тутъ приводится очень интересный, даже сценичный діалогъ между докторомъ и паціентомъ; комическая роль выпадаетъ на долю паціента: послѣдній, несмотря на всѣ увертки, излавливается остроумнымъ докторомъ и уличается во лжи; въ дальнѣйшемъ изложеніи этому паціенту приходится не разъ испытывать на себѣ остроуміе профессора, состоящаго „исповѣдникомъ“ золотой середины въ дѣлѣ леченія, но не остроумія; такъ, наприм., въ Пятигорскѣ всѣ часы дня больного разсчитаны профессоромъ довольно подробно: тогда-то вставать, тогда-то пить чай, принимать ванну и т. д. до 3 час., когда онъ

долженъ „появляться на бульварѣ для созерцанія себѣ подобныхъ и критическаго обсужденія собратовъ", въ четвертомъ часу онъ можетъ читать *Новое Время,* но „не писать корреспонденціи въ газеты о докторахъ", въ 5 часовъ онъ „можетъ предаваться благочестивымъ размышленіямъ на тему объ изгнаніи врачей". Къ чему это злое гаерство надъ людскимъ горемъ, да еще въ книгѣ, претендующей на серьезность? Иллюстрирующія изложеніе исторіи болѣзней заканчиваются часто такими фразами: „больной обратился ко мнѣ и... вскорѣ оправился...", „больной явился ко мнѣ и черезъ 3 недѣли былъ вполнѣ свободенъ отъ болей", „послѣ тщательнаго леченія у проф. Ковалевскаго больной свободно могъ исполнять свои обязанности" и т. п.; вообще, о „я" автора мы получаемъ очень подробныя свѣдѣнія: „я прописываю", „я указалъ", „я считаю", „я настаиваю", „по моему указанію"—встрѣчаются чуть не на каждой страницѣ; нѣсколько рѣже пестрятъ страницы именами Попова, Мухина и др.; о второмъ даже докладывается читателю, что онъ былъ при профессорѣ ассистентомъ, нынѣ онъ приватъ-доцентъ, что онъ (Мухинъ) „присоединяется" къ ученію Erb'а, но съ нѣкоторыми оговорками (освѣдомленъ ли объ этомъ Erb?), а что авторъ „присоединяется" къ ученію Erb'а и Мухина. Въ научномъ отношеніи трудъ автора страдаетъ большими недостатками: патологическая анатомія различныхъ проявленій сифилиса мозга очерчена очень общими штрихами; такъ, первая глава содержитъ описаніе отдѣльныхъ признаковъ проявленія сифилиса: сифилитической головной боли, дурноты, головокруженія, злокачественнаго коматознаго состоянія, частичныхъ скоропреходящихъ параличей и парезовъ, безсонницы, и почти ни слова не сказано о патолого-анатомической основѣ страданія. Параличи авторъ объясняетъ временною закупоркой мозговыхъ сосудовъ, а не разрывомъ и не спазмомъ ихъ, такъ какъ „сосуды для этого (спазма) являются слишкомъ измѣненными". Что это за опредѣленіе и степень—„слишкомъ измѣненные" для спазма и не слишкомъ, значитъ, измѣненные для разрыва?

Слѣдующая затѣмъ глава содержитъ описаніе сифилитической эпилепсіи: авторъ дѣлитъ ее на наслѣдственную, благопріобрѣтенную и эпилепсію при энергичномъ леченіи разлитаго гуммознаго сифилиса, послѣдняя мимолетная корковая эпилепсія вслѣдствіе аутоинтоксикаціи продуктами обратнаго метаморфоза.

Душевныя заболѣванія при сифилисѣ могутъ протекать подъ видомъ различныхъ типическихъ формъ: меланхоліи, маніи, сумасшествія, чаще всего слабоумія; особенно подробно разобранъ paralysis progressiva и dementia paralitica, гдѣ авторъ приводитъ и дифференціальную діагностику между типическимъ прогрессивнымъ параличомъ и такъ называемымъ ложнымъ прогрессивнымъ параличомъ.

Функціональныя нервныя разстройства на почвѣ сифилиса оказываются въ формѣ неврастеніи, истеріи, хореи, angina pectoris. Первую авторъ дѣлитъ на четыре вида: прирожденную, пріобрѣтенную, инаниціонную и психотравматическую. Послѣдняя возбуждаетъ нѣкоторое недоумѣніе: неизвѣстно, чѣмъ долженъ руководиться врачъ при опредѣленіи и леченіи второго и четвертаго вида: обязана ли неврастенія сифилису, или же той травмѣ, которую онъ наноситъ психикѣ? Авторъ не даетъ по этому поводу никакихъ указаній.

Глава: *Сифилисъ спинного мозга* содержитъ довольно краткое описаніе болѣзней спиннаго мозга, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ сифилису; на первомъ планѣ, конечно, tabes, затѣмъ сифилитическій

спинной параличъ Erb'a; myelitis chronica c. compressione почему-то выдѣлена въ особую главу.

Послѣдняя глава содержитъ разсужденія автора по поводу леченія сифилиса мозга. Вопреки распространенному мнѣнію о noie me tangere ртутью мозговаго сифилиса, авторъ совѣтуетъ и настаиваетъ на героическомъ антисифилитическомъ леченіи (гдѣ же „золотая середина?"). Если обыкновенное антисифилитическое леченіе не помогаетъ, то только потому, что оно примѣняется недостаточно энергично; нужно пустить въ ходъ все разомъ: ртуть, іодъ, цитмановскій декоктъ, сѣрныя ванны, фарадикацію, подвѣшиванія, прижиганія. Конечно, для того, чтобы высказаться опредѣленно въ этомъ отношеніи, нужно имѣть очень большую статистику, которою, однако, едва ли кто обладаетъ въ достаточной степени. Выводы, основанные на единицахъ и десяткахъ наблюденій, рѣшительно ничего доказать не могутъ, или, вѣрнѣе, могутъ доказать что̀ угодно.

Половая гигіена и ея нравственныя послѣдствія. Севеда Риббинга. Переводъ съ нѣмецкаго д-ра мед. Н. Лейненберга. Изд. Лейненберга. Одесса, 1893 г. Ц. 1 р. — Горе отъ любви. Штаркенбурга. Перев. съ нѣмецкаго. Изд. Н. Лейненберга. Одесса, 1894 г. Ц. 50 к. На обложкахъ обѣихъ книжекъ перечислены изданія Н. Лейненберга. Изъ 24 книжекъ, изданныхъ имъ, около половины носятъ подходящія къ выше упомянутымъ заглавія. Очевидно, издатель тяготѣетъ къ популяризаціи гигіены „брака" и „цѣломудрія". Это, конечно, его вкусъ или фантазія. Первая изъ названныхъ книжекъ состоитъ изъ трехъ лекцій Риббинга, посвященныхъ анатоміи и физіологіи половыхъ органовъ, браку и болѣзнямъ, сопровождающимъ половую жизнь. Въ общемъ книжка, не страдая ни педантизмомъ, ни шарлатанствомъ, прочтется не безъ пользы. Вторая брошюрка представляетъ какія-то изступленныя выкрикиванія, порою мало понятныя и завершающіяся, въ концѣ-концовъ, требованіемъ помочь злу, которое причиняетъ любовь, но какъ эту помощь должно устроить, съ какого конца приняться—остается неизвѣстнымъ. Языкъ обѣихъ книжекъ плоховатъ, особенно второй: „Что развѣ такого выдающагося могутъ доставить намъ дѣвицы высшихъ классовъ"... „Но только таки тотъ..." Интересно и весьма многозначительно слѣдующее мѣсто: говоря о книжкѣ д-ра Ретау (?) (вѣроятно, Реутъ) *Самохраненіе*, что она разошлась въ количествѣ 300,000 экземпляровъ и что послѣ появленія ея къ автору въ теченіе 6 мѣсяцевъ явилось 778 больныхъ, да 5,009 стали пользоваться письменно, Штаркенбургъ восклицаетъ: „Эти цифры, я полагаю, молчатъ довольно краснорѣчиво!"

ИСКУССТВО.

„60 офортовъ проф. Ив. Ив. Шишкина". *Изд. А. Ф. Маркса.*

60 офортовъ профессора Ив. Ив. Шишкина. Собственность и изданіе А. Ф. Маркса, въ С.-Петербургѣ. (Soixante eaux-fortes du professeur I. I. Chichkine. Proprieté et édition de A. F. Marcks. St.-Pétersbourg). Въ Россіи гравированіе на мѣди „офортомъ" (про травой) долгое время было въ пренебреженіи, и лишь съ недавних поръ оно начало входить въ употребленіе, да и то у немногихъ художниковъ. И теперь нельзя не порадоваться появленію въ свѣтъ большого альбома нашего знаменитаго пейзажиста, сдѣлавшаго со своих

этюдовъ и картинъ превосходные снимки этимъ сильнымъ способомъ гравированія, всего лучше передающимъ характеръ и тоны подлинниковъ. На первомъ мѣстѣ въ альбомѣ мы находимъ замѣчательно художественно исполненный портретъ самого уважаемаго профессора И. И. Шишкина. Затѣмъ лучшими считаемъ листы, воспроизводящіе нижеслѣдующія картины: *Ручей въ лѣсу*, *Гурзуфъ*, *Сосны* (№ 27), *Ночь* (№ 29), *Первый снѣгъ* и *Берега Камы*, а также *Сѣни* (№ 38), *Скала надъ моремъ*. Всѣхъ, впрочемъ, мы не беремся перечислить, такъ какъ намъ пришлось бы переписать половину оглавленія, чтобы назвать наиболѣе выдающіяся изъ коллекціи, которая можетъ почитаться образцовою не только въ нашемъ отечествѣ, но и въ чужихъ краяхъ, гдѣ офортное искусство достигло большого совершенства. Многія изъ произведеній профессора Шишкина необыкновенною силой и тонкостью напоминаютъ старинныя гравюры знаменитѣйшихъ мастеровъ, и мы думаемъ, что изданіе г. Маркса встрѣтитъ со стороны любителей гравюры равно горячій пріемъ въ Россіи и за границей. Къ изданію приложенъ текстъ на русскомъ и французскомъ языкахъ, изъ котораго видно, между прочимъ, съ какими техническими затрудненіями приходится считаться русскимъ художникамъ, желающимъ работать надъ воспроизведеніемъ своихъ картинъ. По справедливому замѣчанію издателя въ предисловіи, и въ этой борьбѣ съ препятствіями И. И. Шишкинъ напомнилъ собою старыхъ мастеровъ, надѣвавшихъ фартукъ рабочаго и собственноручно печатавшихъ свои чудныя произведенія.

КНИГИ ДЛЯ ДѢТЕЙ И УЧЕБНИКИ.

„Астрономическіе вечера“. *Клейна.* — „Русская азбука“. *К. Шельцеля и И. Непокойчицкаго.* — „Deutsche Fibel oder Erstes Lesebuch“, *von K. Schölzel.*—„Les aventures de Télémaque fils d'Ulysse“, *par Fénelon.*—„Хронологія“. *Л. М. Платьева.*— „Вертикальное письмо“. *А. Прохорова.*

Астрономическіе вечера. Клейна. Перев. съ нѣмецкаго. Изд. журнала „Міръ Божій“. Ц. 2 р. Съ особеннымъ удовольствіемъ рекомендуемъ эту книгу, написанную директоромъ Кельнской обсерваторіи. Она украшена портретами знаменитѣйшихъ астрономовъ, многочисленными рисунками и картами звѣзднаго неба. По *Астрономическимъ вечерамъ* можно составить себѣ достаточно ясное и полное понятіе о развитіи и современномъ состояніи этой великой науки. Изложеніе живо, доступно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, серьезно. Біографіи великихъ ученыхъ въ связи съ ихъ открытіями полны интереса. Переводъ вполнѣ удовлетворителенъ и цѣна книги не дорога.

Русская азбука. Составили К. Шельцель и И. Непокойчицкій.— Deutsche Fibel oder Erstes Lesebuch. Herausgegeben von K. Schölzel. Одесса, 1894 г. Изъ двухъ учебниковъ, заглавія которыхъ только что выписаны и изъ которыхъ первый составленъ г. Шельцелемъ и г. Непокойчицкимъ, а второй г. Шельцелемъ, особеннаго вниманія заслуживаетъ первый, такъ какъ онъ примѣненъ къ интересному методическому руководству г. Шельцеля для первоначальнаго обученія русскому языку въ инородческихъ школахъ по реальному методу. Объ этомъ руководствѣ намъ приходилось два раза давать отзывы въ *Русской Мысли*: въ первый разъ по поводу перваго его изданія („Библіогр. отд.“ *Русской Мысли* 1893 г., кн. IX) и другой по поводу второго изданія („Библіогр. отд.“ *Русской Мысли* 1894 г.,

кн. I). Если въ своемъ руководствѣ съ изложеніемъ реальнаго метода для инородцевъ г. Шельцель высказывается за непосредственное ознакомленіе учащихся съ извѣстнымъ предметомъ, его свойствами и дѣйствіями на томъ языкѣ, который преподается, безъ малѣйшаго содѣйствія родного нарѣчія, то и въ своей *Русской азбукѣ* для инородческихъ школъ онъ придерживается именно этого способа преподаванія. Вся азбука полна у него картинокъ, и такимъ образомъ учащіеся инородцы, учась говорить, читать и писать на русскомъ языкѣ, могутъ вовсе не обращаться къ содѣйствію родного языка. Картинки эти, въ большинствѣ случаевъ, выполнены прекрасно, подчасъ даже художественно, причемъ онѣ изображаютъ не только предметы, но даже и дѣйствія предметовъ (плавать—стр. 52, рис. 13; ловить—стр. 38, рис. 1 и т. д.). При прохожденіи буквъ, соблюдена необходимая постепенность перехода отъ легкаго къ трудному, печать во всей азбукѣ чрезвычайно четка и разборчива, кое-какія задачи для учащихся вполнѣ цѣлесообразны, книга переплетена въ прочный переплетъ, очевидно, во избѣжаніе возможности со стороны дѣтей скоро истрепать ее, и только предложенія и фразы для чтенія и письма, къ сожалѣнію, далеко не вездѣ отличаются выразительностью и большимъ смысломъ.

Что касается *Erstes Lesebuch*, то этотъ учебникъ не представляетъ изъ себя чего-нибудь настолько оригинальнаго, чтобъ о немъ стоило много распространяться. Правда, съ внѣшней стороны онъ не уступаетъ первому, но онъ и не заключаетъ въ себѣ никакихъ особенностей, которыя бы не встрѣчались въ другихъ учебникахъ того же рода.

Les aventures de Télémaque fils d'Ulysse par Fénelon. Первыя пять книгъ снабдилъ біографіей Фенелона, примѣчаніями, словарями, подстрочнымъ и алфавитнымъ, и статьями для обратнаго перевода на французскій языкъ Ф. Крейсбергъ. Третье изданіе, исправленное и дополненное. Тифлисъ, 1894 г. Свое третье изданіе первыхъ пяти книгъ *Приключеній Телемака* для чтенія съ учениками гимназіи III и IV классовъ г. Крейсбергъ переработалъ весьма удачно. Какъ грамматическія, такъ и „реальныя“ примѣчанія въ этомъ изданіи измѣнены къ лучшему, и число ихъ значительно увеличено; тексту предшествуетъ краткая біографія Фенелона; кромѣ того, приложенъ русскій пересказъ содержанія первыхъ трехъ книгъ для устнаго и письменнаго перевода на французскій языкъ. Подобный обратный переводъ является какъ нельзя болѣе умѣстнымъ для провѣрки того, насколько ученики усвоили обороты и слова французскаго текста, и можетъ послужить вѣрнымъ средствомъ для хорошаго изученія языка, а такъ какъ *Приключенія Телемака* занимательны для учениковъ III и IV классовъ, то книжка г. Крейсберга въ третьемъ изданіи вполнѣ соединяетъ въ себѣ полезное съ пріятнымъ.

Хронологія. Пособіе для учащихся при прохожденіи и повтореніи курса всеобщей и русской исторіи. Съ введеніемъ, примѣчаніями и приложеніемъ двухъ чертежей на отдѣльныхъ листахъ и краткаго историческаго словаря. Составилъ Л. М. Платѣевъ. Кишиневъ, 1894 г. Цѣна 80 коп., съ перес. 1 руб. Г. Платѣевъ находитъ, что одной изъ главныхъ причинъ, препятствующихъ учащимся вполнѣ усвоить себѣ предметъ исторіи, служитъ хронологія, которая, по его мнѣнію, составляетъ „камень преткновенія“ для учащихся, почему и предлагаетъ предварительное ознакомленіе учениковъ

въ общихъ чертахъ съ хронологіей, „какъ главною вспомогательною наукой исторіи“ (предисл.). Неизвѣстно, что собственно разумѣетъ г. Платѣевъ подъ словомъ *ознакомленіе*. Въ длинномъ введеніи, заключающемъ въ себѣ 30 слишкомъ страницъ, составитель много толкуетъ о необходимости хронологіи, о задачахъ и цѣли исторіи, о значеніи хронологіи въ исторіи и тому подобныхъ вещахъ. Но неужели же этими разсужденіями и должно, на его взглядъ, обусловливаться предварительное „ознакомленіе съ хронологіей, какъ съ наукой“? Правда, въ томъ же введеніи мы находимъ нѣкоторыя небезполезныя свѣдѣнія, какъ, напримѣръ, объ эрѣ, о календарѣ; но не понимаемъ, къ чему понадобилось г. Платѣеву перечислять тѣ эры, которыя ученику никогда не встрѣтятся при прохожденіи курса исторіи, равно какъ не понимаемъ и того, зачѣмъ нужно было ему съ такою кропотливостью рыться на страницахъ ученическаго пособія въ исторіи календаря.

Впрочемъ, такіе недостатки можно скорѣе отнести къ добросовѣстности г. Платѣева,—качества, въ которомъ ему дѣйствительно никоимъ образомъ нельзя отказать и которое составляетъ главное, если не единственное, достоинство его книги. Чѣмъ же другимъ, какъ не добросовѣстностью, руководствуется онъ, когда начинаетъ свою хронологическую таблицу съ 5508 года до Р. Х., т.-е. года сотворенія міра? Точно также, чѣмъ еще, какъ не добросовѣстностью, слѣдуетъ объяснить въ синхронистической таблицѣ, которая представляетъ изъ себя, по словамъ составителя, „краткій обзоръ выдающихся явленій и главнѣйшихъ фактовъ всемірной исторіи по вѣкамъ“, нижеслѣдующіе факты и явленія, строго пріуроченные къ опредѣленному времени: LXVI вѣкъ—сотвореніе міра и человѣка, LXV вѣкъ—блаженная жизнь перваго человѣка въ раю, XXXIII вѣкъ—истребленіе нечестиваго рода человѣческаго посредствомъ всемірнаго потопа и т. д. (стр. 124 и слѣд.)?

Отдавъ, однако, должную дань г. Платѣеву и отмѣтивъ такое почтенное его качество, какъ добросовѣстность, мы принуждены сознаться, что одного этого качества недостаточно, и что его *Хронологія* могла бы и не появляться въ свѣтъ. Всѣ учащіеся среднихъ учебныхъ заведеній обыкновенно составляютъ свои собственныя хронологическія и даже чисто-синхронистическія таблицы, года и событія которыхъ запомнятся несравненно скорѣе хотя бы уже потому, что они записаны ими собственноручно.

Вертикальное письмо. Руководство-дневникъ для городскихъ, начальныхъ и сельскихъ учителей, составленное по дневнику преподавателя чистописанія городского начальнаго училища. А. Прохорова. Москва, 1894 г. Цѣна 25 коп. Вопросъ о вертикальномъ письмѣ въ настоящее время представляетъ изъ себя своего рода злобу дня въ миніатюрѣ. О немъ говорятъ, пишутъ, отрицаютъ или, чаще, утверждаютъ его пользу,—словомъ, нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что и г. Прохорову, брошюра котораго лежитъ сейчасъ передъ нами, пришло въ голову заявить и свое мнѣніе на этотъ счетъ. Жаль только, что г. Прохоровъ опоздалъ. Его брошюра не заключаетъ въ себѣ ровно ничего такого, о чемъ бы не говорилось уже въ печати и, какъ на образчикъ литературы такого рода, мы можемъ указать хотя бы, напримѣръ, на брошюру г. Гогебашвили, которая появилась недавно и отзывъ о которой былъ данъ въ свое время въ нашемъ журналѣ. Г. Прохоровъ, какъ видно, между прочимъ, и изъ заглавія, кромѣ теоріи, намѣревался указать практическое примѣненіе метода прямого письма, но его руководство-дневникъ приводитъ читателя въ полное

недоумѣніе. Въ дневникѣ этомъ почти нѣтъ намековъ на вертикальное письмо, кромѣ указаній на позу ученика, пишущаго этимъ письмомъ. Всѣ пріемы, рекомендуемые г. Прохоровымъ при обученіи письму, обыкновенно и давнымъ-давно практикуются въ школахъ, гдѣ учатъ писать косымъ шрифтомъ; если же въ разбираемой брошюрѣ и встрѣчаются кое-какія уклоненія отъ общихъ правилъ, то они слишкомъ незначительны и, во всякомъ случаѣ, г. Прохоровъ ничѣмъ не доказываетъ обязательность ихъ именно для прямого письма.

Въ заключеніе мы должны прибавить, что въ руководствѣ-дневникѣ г. Прохорова нѣтъ даже ни одного образца прямого шрифта. Правда, самъ г. Прохоровъ указываетъ на то, что, „желая удешевить изданіе своего руководства, онъ не могъ предложить иллюстрированныхъ образцовъ“ (стр. 15), но безъ такихъ образцовъ брошюра его не стóитъ и тѣхъ 25 копѣекъ, въ которыя онъ ее оцѣнилъ.

ИЗДАНІЯ ДЛЯ НАРОДА.

Изданія М. Ледерле и К⁰ и Г. М. Пеккатоcосъ.

Изданія М. Ледерле и К⁰: Ричардъ Кобденъ. П. Г. Мижуева. Ц. 20 к. Авраамъ Линкольнъ. А. П. Валуевой-Мунтъ. Ц. 20 коп. Петръ Пахтусовъ. Н. Борисова. Ц. 30 к. Св. Елизавета Тюрингенская. Л. Черскаго. Ц. 10 к. „Моя библіотека“. Фритіофъ, излож. П. Борисова. Ц. 60 коп. Путешествіе. Ч. Дарвина, въ передѣлкѣ М. Ляпиной. Ц. 80 к.—Изданія Г. М. Пеккаторосъ: „Общедоступная библіотека“. Серія I. Природа. № 1. Физическая географія. Ц. 25 к. № 2. Міръ животныхъ. Ц. 25 к. № 3. Явленія въ атмосферѣ. Ц. 25 к. Законы вселенной. Ц. 25 к. Мы уже имѣли случай указывать на то въ высшей степени замѣчательное явленіе, что классъ читателей изъ народа, не удовлетворяющихся уже листовками, а ищущихъ болѣе солидной и содержательной пищи, увеличивается въ настоящее время чрезвычайно быстро. Поразительна въ этомъ явленіи быстрота наростанія читателя, — такого читателя, который въ гимназіяхъ и даже школахъ никогда не бывалъ, никакихъ „програмныхъ предметовъ“ не изучалъ, а только *думалъ*, — думалъ надъ тѣми самыми вопросами, которые такъ или иначе отражаются на его собственной спинѣ. Когда этого рода читатель воочію увидѣлъ и убѣдился, что книга-то не такъ ужь далека отъ жизни,—отъ *его* жизни, тогда онъ сразу понялъ, гдѣ онъ можетъ и долженъ искать отвѣтовъ на эти „проклятые вопросы“, свободно разгуливающіе по его спинѣ. И онъ принялся за поиски.

Изъ предъидущаго слѣдуетъ, что обозрѣватель изданій для народа, по мѣрѣ того, какъ подвигается впередъ россійское просвѣщеніе, необходимо долженъ обращать все больше и больше вниманія на литературу общую, не спеціально предназначенную для народа, но достойную вниманія этого послѣдняго. Изданія М. М. Ледерле и Г. М. Пеккатороса, о которыхъ мы намѣрены говорить, принадлежатъ именно къ этой категоріи книгъ.

Объ изданіяхъ г. Ледерле мы уже имѣли случай говорить неоднократно и обращали вниманіе нашихъ читателей на изящно изданныя и со вкусомъ выбираемыя книжки, входящія въ составъ обширной серіи *Моя библіотека*. Изъ числа этихъ книгъ укажемъ нижеслѣдующія, которыя, по нашимъ наблюденіямъ, читались съ интересомъ и съ поль-

зой читателями изъ фабричныхъ рабочихъ: *Деревенскіе разсказы* Ауэрбаха (2 кн. по 40 коп.), *Гетцъ фонъ-Берлихингенъ* Гёте (40 коп.), *Парижъ въ Америкѣ* Лабулэ (1 р. *), *Айвенго* В. Скотта (80 к.), *Ганъ Исландецъ* В. Гюго (80 к.), *Избранныя новеллы* Д. Боккачіо (20 к.), *Векфильдскій священникъ* Гольдсмита (40 к.), *Спиноза* Ауэрбаха (80 к.), разсказы Святополка Чеха (60 к.), *Эмилія Галотти* Лессинга (20 к.), притчи Круммахера (40 к.), разсказы Фр. Коппе (60 к.), повѣсти и разсказы Бьернсона (2 т., по 60 к.), стихотворенія Лонгфелло (40 к.), *Мои темницы* С. Пеллико (60 коп.). Передавать содержаніе всѣхъ этихъ книжекъ мы не будемъ, такъ какъ онѣ уже разобраны въ другомъ отдѣлѣ нашего журнала. Мы отмѣчаемъ лишь пригодность и желательность ихъ для той группы читателей, которую имѣемъ въ виду мы. Изъ другой серіи изданій г. Ледерле (*Разсказы о хорошихъ людяхъ*), прежде всего, слѣдуетъ отмѣтить біографію Ричарда Кобдена, весьма недурно составленную г. Мижуевымъ. Какъ извѣстно, имя Кобдена тѣснѣйшимъ образомъ связано съ отмѣной тягостныхъ для англійской народной массы „хлѣбныхъ законовъ". Знаменитый общественный дѣятель стоялъ во главѣ движенія, направленнаго противъ этихъ законовъ. Г. Мижуевъ описалъ эту борьбу довольно обстоятельно, хотя и недостаточно ярко. Яркости изложенія мѣшаетъ неумѣнье автора излагать свои мысли и его страсть къ длиннымъ фразамъ и отвлеченнымъ выраженіямъ. Тѣмъ не менѣе, мы рекомендуемъ книжку г. Мижуева нашимъ читателямъ, какъ книжку хорошую и содержательную. Есть еще одна сторона въ ней, заслуживающая полнаго вниманія и очевидная изъ нижеслѣдующихъ словъ Джона Морлея о Кобденѣ: „Невѣжественный и грубый патріотизмъ, — пишетъ Морлей, — радуется всякому доказательству военнаго могущества своей родины. Кобденъ старался развить въ своихъ соотечественникахъ болѣе благородный и болѣе разумный видъ патріотизма,—такого, который гордится добродѣтелью и просвѣщеніемъ своихъ соотечественниковъ, благоустройствомъ общественной жизни, благотворнымъ вліяніемъ ея на менѣе цивилизованные народы, живущіе въ предѣлахъ родного государства, высокою справедливостью всѣхъ дѣйствій родной страны при ея сношеніяхъ съ другими народами". Такого рода патріотизмъ, очевидно, предполагающій опредѣленное отношеніе и къ темнымъ сторонамъ жизни своей родины,—явленіе весьма желательное въ народной книжкѣ **). Къ сожалѣнію, наши патентованные издатели патріотическихъ книжекъ для народа еще до такого патріотизма не дошли, такъ какъ до сего дня издаютъ, главнымъ образомъ, книжки о патріотическихъ мордобитіяхъ на общеизвѣстныя квасныя темы: „смерть врагамъ", „мы-ста, да вы-ста", да „шапками закидаемъ". Очень недурна книжка г-жи Мунтъ-Валуевой *Авраамъ Линкольнъ*. Въ позапрошломъ году эта книжка была издана г-жей Калмыковой и мы отмѣтили ее, говоря объ изданіяхъ этой послѣдней фирмы. Небезполезна книжка г. Борисова, входящая въ ту же серію и содержащая біографію Петра Пахтусова и описаніе его двукратнаго путешествія на Новую Землю. Но цѣна книжки непомѣрно высока (30 к.). Что касается книжки г. Черскаго *Св. Елизавета Тюрингенская*, то она хотя и не содержитъ въ себѣ той проповѣди терпѣнія, смиренія и непротивленія, чѣмъ отличается

*) Новое изданіе, сильно сокращенное сравнительно со старымъ.

**) Напомнимъ кстати читателю о другой недурной книжкѣ г. Мижуева, изданной тѣмъ же г. Ледерле: *Біографія Гладстона*, ц. 10 к.

изданіе *Посредника*, о которомъ мы недавно говорили, но все же оставляетъ желать многаго. Г. Черскій захламостилъ свою книжку такою массой собственныхъ именъ, которыя, въ сущности, ровно ничего не говорятъ читателю, еще не знакомому съ исторіей, что въ этихъ именахъ трудно даже разобраться. Значеніе такой личности, какъ св. Елизавета, совершенно не выяснено и въ книжкѣ г. Черскаго, который оставляетъ совершенно въ сторонѣ вопросъ: „почему же Елизавета такъ много посвящала себя дѣламъ филантропіи и *личной* благотворительности и такъ мало сдѣлала для облегченія жизни своего *народа?*“ Если бы книжка давала отвѣтъ и на этотъ вопросъ, мы охотно бы рекомендовали и ее нашимъ читателямъ. Этотъ отвѣтъ даетъ г. Мижуевъ въ своей книжкѣ. На страницѣ 46 онъ говоритъ слѣдующую старую, но весьма важную истину, которая въ народной книжкѣ, быть можетъ, желательна еще больше, чѣмъ въ другой: „недостаточно быть *хорошимъ* человѣкомъ, чтобы дѣлать добро людямъ: прежде всего, надо имѣть много ума, чтобы разобрать, что полезно и что вредно для общества; иначе же при самыхъ *добрыхъ* намѣреніяхъ можно не только не сдѣлать *добра*, но даже причинить людямъ много *зла*“. Эту святую истину и не мѣшало бы г. Черскому разъяснить подробнѣе на примѣрѣ св. Елизаветы. Исторія ландграфини тюрингенской даетъ для этого достаточно матеріала. Изъ другихъ изданій г. Ледерле отмѣтимъ еще какъ болѣе или менѣе подходящее для народной библіотеки *Путешествіе Дарвина вокругъ свѣта* въ передѣлкѣ г-жи Ляпиной, иллюстрированное многими рисунками, заимствованными изъ книги Hirt'a: *Geographische Bildertafeln*. Къ сожалѣнію, къ книгѣ не приложено карты, которая весьма бы облегчила чтеніе книги. Но еще больше можно упрекнуть г-жу Ляпину въ томъ, что она не познакомила читателя ни съ личностью Дарвина, ни съ тѣмъ значеніемъ, какое имѣло для этого послѣдняго путешествіе вокругъ свѣта. Обо всемъ этомъ г-жа Ляпина не должна бы была молчать. Къ той же серіи изданій г. Ледерле, какъ и *Путешествіе Дарвина*, принадлежитъ книга г. Борисова *Фритіофъ*, представляющая изъ себя передѣлку извѣстной поэмы Исаіи Тегнера *). Эта книжка можетъ быть тоже введена въ народную библіотеку, такъ какъ въ ней есть кое-что интересное и полезное и для этого круга читателей. Но то, что въ этой книжкѣ есть хорошаго, должно быть отнесено на счетъ И. Тегнера, но отнюдь не на счетъ г. Борисова, который, очевидно, не умѣетъ не только передѣлывать, но и просто писать. Его слогъ представляетъ не то стихи, не то рубленую прозу, напоминающую въ иныхъ мѣстахъ незабвеннаго Нестора Кукольника. Герои г. Борисова говорятъ не иначе, какъ высокимъ штилемъ, напримѣръ: „Теперь приспѣлъ мой часъ! Мой добрый мечъ, скорѣе выходи на свѣтъ!“ (стр. 36). Г. Борисовъ не прочь и выдумывать новыя слова: „убѣдитель“ (стр. 51), „стально-головый“ (стр. 26), „свѣтло-мудрый“ (стр. 95). Но рядомъ съ высокимъ штилемъ онъ заставляетъ говорить своихъ героевъ и чисто по-русски, напримѣръ: „ладно!“ (стр. 57). Мѣстами г. Борисовъ философствуетъ, напримѣръ: „нерѣдко, когда человѣкъ остается съ собою одинъ-на-одинъ, приходятъ ему въ голову разныя мысли (sic), и не всегда добрыя и благоразумныя“. Это изреченіе, достойное Кифы Мокіевича, особенно хорошо звучитъ рядомъ съ высокимъ шти-

*) Поэма эта существуетъ на русскомъ языкѣ въ двухъ переводахъ: Головина и Я. Грота.

лемъ. Въ общемъ, неумѣнье г. Борисова сильно попортило прекрасную поэму Тегнера, кстати сказать, уже существующую на русскомъ языкѣ въ удовлетворительной передѣлкѣ В. Авенаріуса (см. его книгу *Васильки и колосья*). Вообще, фирма Ледерле и К° сдѣлала ошибку, включивъ „передѣлку" г. Борисова въ число своихъ изданій, въ общемъ производящихъ столь пріятное впечатлѣніе.

Г. Пеккаторосъ (въ Одессѣ) предпринялъ весьма полезное изданіе *Общедоступной библіотеки*, въ которую должны войти небольшія книжечки in 32°, каждая въ 160—200 страничекъ, съ рисунками, по самымъ разнообразнымъ отраслямъ знанія. По мысли издателя, книжки эти должны быть доступны читателю съ образованіемъ *ниже* средняго. *Библіотека* распадается на нѣсколько серій (*Природа*, *Человѣкъ*, *Исторія религіи*, *Исторія*, *Искусство* и пр.). Каждая книжечка представляетъ или переводъ, или компиляцію по 2—3 хорошимъ источникамъ. Правда, кое-гдѣ мы замѣтили въ этихъ компиляціяхъ нѣкоторые промахи, но, въ общемъ, онѣ сдѣланы довольно удачно и въ небольшомъ объемѣ даютъ много свѣдѣній. До сего времени вышло 4 книжки: *Физическая географія*, *Міръ животныхъ*,— общая зоологія, сост., главнымъ образомъ, по *Zoologie générale* Борегара, *Явленія въ атмосферѣ* (метеорологія, всѣ 3 составлены подъ редакціей г. Пеккатороса) и *Законы вселенной*, соч. Э. Амига. Достоинство этихъ изданій заключается въ томъ, что они стараются развернуть передъ читателемъ *общую* картину тѣхъ или иныхъ явленій. Они не вдаются въ систематику, не заваливаютъ читателя фактами, они, прежде всего, расширяютъ его кругозоръ, поражаютъ грандіозностью описываемыхъ явленій, даютъ матеріалъ для критическаго мышленія. Изложеніе книжекъ настолько доступно, что читатели изъ фабричныхъ одолѣютъ ихъ безъ большого труда и съ большою пользой. Нельзя не пожелать предпріятію г. Пеккатороса полнаго успѣха. Объ его изданіяхъ намъ еще придется говорить подробнѣе.

СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ.

„Практическій путеводитель по Черному морю". *Г. Москвича.*

Практическій путеводитель по Черному морю, съ приложеніемъ: карты Чернаго и Азовскаго морей и плановъ Одессы, Севастополя, Ялты и Батума. Григорія Москвича. Одесса, 1895 г. Цѣна 40 коп. *Путеводитель* г. Москвича вполнѣ оправдываетъ свое названіе *Практическій*,—пускающійся въ путь по Черному морю найдетъ въ этой небольшой, карманной книжкѣ всѣ нужныя для путешественника указанія, короткія, обстоятельныя и дѣльныя. Жаль, что составитель въ двухъ случаяхъ нѣсколько отступилъ отъ своей хорошо намѣченной программы и увлекся восхваленіями Ново-Аѳонскаго монастыря и Сухума. Будучи знакомы съ этими мѣстами, мы во многомъ не можемъ согласиться съ г. Москвичомъ. Относительно Псыртскаго монастыря, переименованнаго въ Новый Аѳонъ со времени водворенія въ этой мѣстности аѳонскихъ монаховъ, мы ограничимся замѣчаніемъ, что составитель ошибается, указывая на „малую извѣстность" этой „юной обители" и на недостаточность будто бы усердія жертвователей на огромныя сооруженія, предпринятыя энергическимъ ея настоятелемъ, архимандритомъ о. Іерономъ. Ошибается г. Москвичъ, называя этотъ монастырь „крошечнымъ аѳонскимъ гнѣздышкомъ",—

было бы съ истиною болѣе сообразно назвать его „большимъ гнѣздомъ“, свитымъ пришедшими съ Аѳона монахами, получившими обширныя и богатѣйшія угодья отъ нашего правительства и пользующимися огромными пожертвованіями отъ усердія русскаго народа и, кромѣ того, даровымъ трудомъ множества богомольцевъ. Самъ же составитель на стр. 147 говоритъ о „величіи“ Ново-Аѳонскаго монастыря и его грандіозномъ хозяйствѣ, возможномъ только при множествѣ даровыхъ рабочихъ. Но такая ошибка въ *Путеводителѣ* не представляетъ настолько серьезной важности, какъ другой промахъ, состоящій въ утвержденіи, будто „Сухумъ — самое подходящее мѣсто для климатической станціи, лучше котораго нѣтъ въ Россіи“, и что „при должномъ благоустройствѣ городокъ этотъ, *несомнѣнно*, далеко могъ бы оставить за собою Ялту“. Вслѣдъ за симъ г. Москвичъ говоритъ о „сухумскихъ лихорадкахъ“, умалчивая, впрочемъ, о томъ, какъ онѣ ужасны и нерѣдко убійственны. Что будетъ „при должномъ благоустройствѣ“, когда таковое благоустройство явится и наступитъ ли когда-нибудь, этого никто не знаетъ, что „выдающіеся медики“ посылаютъ сюда больныхъ, это ничего не доказываетъ, кромѣ того развѣ, что иногда врачи сами не знаютъ, куда посылаютъ своихъ паціентовъ. Теперь же Сухумъ— гнѣздо лихорадокъ, весьма нездоровое, болотистое мѣсто, не имѣющее никакихъ удобствъ не только для больныхъ, но и для здоровыхъ людей. Средняя, сравнительно теплая, годовая температура весьма плохой указатель для опредѣленія пригодности мѣстности, какъ курорта. Составители путеводителей поступили бы лучше, еслибъ ограничивались указаніями, что въ настоящее время ни въ Сухумъ, ни въ Поти, ни въ Батумъ не слѣдуетъ ѣздить безъ особенной нужды и, тѣмъ болѣе, на продолжительное время людямъ, ищущимъ здороваго климата. А что̀ наступитъ въ далекомъ будущемъ, „при должномъ благоустройствѣ“, о томъ и оповѣстить публику надлежитъ, когда все окажется благоустроеннымъ. Помимо этихъ замѣчаній, книжка г. Москвича очень полезное, болѣе того—необходимое изданіе для путешественниковъ по черноморскому побережью Россіи.

ПЕРІОДИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ.

„Русское Богатство“, *іюнь*.—„Вѣстникъ Европы“, *іюнь* — *іюль*.—Русскій Вѣстникъ“, *іюль*.—„Сѣверный Вѣстникъ“, *іюль*.

Г. Горькій, авторъ очерка: *Челкашъ (Русское Богатство)*, писатель, если не ошибаемся, появившійся впервые въ нашей журналистикѣ, написалъ небольшой очеркъ выдающейся значительности. Для насъ въ особенности пріятно отмѣтить въ его очеркѣ ту черту, свойственную всѣмъ подлиннымъ талантамъ, что онъ для достиженія своихъ цѣлей, — дальше мы увидимъ, что авторъ писатель линейный и потому преслѣдуетъ опредѣленную цѣль, — употребляетъ простѣйшія средства, т.-е. идетъ прямымъ путемъ, путемъ наибольшаго сбереженія силъ и наименьшаго возбужденія читательскихъ нервовъ посредствомъ какихъ-либо искусственно придуманныхъ эффектовъ. Сюжетъ его очерка простъ и несложенъ, но содержателенъ. Это сопоставленіе двухъ типовъ: пропащаго человѣка, гаваньскаго вора Челкаша, и современнаго рядового мужика съ его крестьянскими стремленіями и идеалами, молодого парня Гаврилы. Сопоставленіе вышло ярко и внушительно. Прежде всего, замѣ-

чается, что идеалы вора Челкаша, пропащаго и шатущаго человѣка, въ сущности, тѣ же, что и у мужика Гаврилы, но... То же, да не то. У вора есть то, чего нѣтъ у мужика; есть высоко развитое чувство чести, личнаго достоинства и стремленіе къ независимости личности. Правдивое изображеніе заставляетъ васъ,—каковы бы ни были ваши воззрѣнія на этотъ предметъ,—признать, что Челкашъ есть прогрессивное явленіе по сравненію съ жалкимъ хозяйственнымъ мужикомъ или, вѣрнѣе сказать, парнемъ Гаврилой. У перваго идеалъ мужицкой независимости есть настоящій идеалъ со всѣми его отличительными признаками, у второго же это только стремленіе брюха, могущее привести человѣка ко всякой мерзости. „Главное въ крестьянской жизни, братъ, это—свобода!—въ порывѣ поэтическаго и идеалистическаго воодушевленія разсуждаетъ воръ Челкашъ. — Хозяинъ ты есть самъ себѣ. У тебя твой домъ,—грошъ ему цѣна,—да онъ твой. У тебя земля своя,— всего-то ея горсть, — да она твоя. Король ты на своей землѣ. И потомъ порядокъ. Утромъ всталъ—работа, весной одна, лѣтомъ другая, осенью, зимой опять иная... Король, вѣдь? Такъ ли?" И Гаврила заслушался Челкаша; онъ забылъ, что видитъ предъ собой вора, онъ видѣлъ крестьянина, „прилѣпленнаго на вѣки къ землѣ потомъ многихъ поколѣній, самовольно отлучившагося отъ нея и отъ заботъ о ней и понесшаго за эту отлучку должное наказаніе". Но не долго продолжается такое моральное торжество землероба Гаврилы. Скоро, увы, слишкомъ скоро выступаетъ обратная сторона медали. И Челкашъ, и Гаврила увлеклись, вспоминая о крестьянскихъ правахъ и преимуществахъ, и запамятовали объ обязанностяхъ. А эти обязанности скоро сказались въ самой омерзительной своей формѣ, въ формѣ необходимости добыть во что бы то ни стало денегъ и въ страстной къ этимъ деньгамъ жадности. Гаврила, случайно попавшій въ воры, разсуждаетъ такъ:

„— Самъ посуди, впервой я на такое дѣло! Вѣдь, можно было душу загубить на всю жизнь!

„— Ну, а еще разъ поѣхалъ бы? Ежели бы двѣ радужныхъ?

„— Два ста рублевъ, значитъ? Ничего... Это можно.

„— Стой! А какъ душу-то загубишь?

„— Да, вѣдь, можетъ... и не загубишь,—улыбнулся Гаврила".

Вотъ, вѣдь, какая первобытность и въ мышленіи, и въ моральномъ чувствѣ у настоящаго, невыдуманнаго народниками мужика. И слово скоро переходитъ въ дѣло: симпатичный землеробъ, преисполненный идеаловъ своего хозяйства, идеаловъ, въ сущности, брюха, мучается намѣреніемъ совершить преступленіе, а потомъ... Потомъ, какъ ползучій червь, какъ подлая собака, валяется въ ногахъ у Челкаша съ мольбой отдать ему деньги. „Вѣдь, въ одну ночь... только въ ночь,—молитъ онъ его.—А мнѣ года нужны... Вѣдь, ты ихъ на вѣтеръ, а я бы въ землю... Пропащій, вѣдь, ты!... Нѣтъ тебѣ пути... А я бы... охъ, дай ты ихъ мнѣ!"

„— На, собака, жри!—гаркнулъ Челкашъ, дрожа отъ возбужденія, острой жалости и ненависти къ этому жадному рабу.—Самъ я хотѣлъ тебѣ дать. Вспомнилъ деревню, а ты?... Эхъ, войлокъ! Нищій! Развѣ изъ-за денегъ можно такъ... истязать себя? Жадные черти! Себя не помнятъ! За пятакъ себя-то продаете, а?"

Не очевидно ли для васъ, читатель, что Челкашъ—явленіе дѣйствительно прогрессивное по сравненію съ холуемъ денегъ, смиреннымъ хлѣборобомъ-Гаврилой? Но не очевидно ли также и то, что для него,

этого гордаго въ сознаніи своего человѣческаго достоинства вора, нѣтъ уже возврата къ его мужицкому идеалу, и именно потому нѣтъ возврата, что тамъ жадные рабы, къ которымъ онъ можетъ чувствовать только острую жалость и ненависть? Челкашамъ придется искать другихъ, своихъ идеаловъ, помимо мужицкихъ. А пока... Ну, что-жъ дѣлать? Пока приходится быть „шатущими и пропащими".

Повторяемъ, произведеніе г. Горькаго, несмотря на небольшой объемъ, — а, можетъ быть, именно благодаря небольшому объему, — значительное произведеніе. Анализъ душевныхъ состояній Чалкаша и Гаврилы тонкій и глубокій; языкъ реаленъ и живъ, и, притомъ, красивъ; картины моря, ночного неба, огненнаго меча, опускающагося въ темныя морскія волны и поднимающагося изъ нихъ (свѣтъ электрическаго фонаря съ сторожевыхъ судовъ), превосходны; основная идея: борьба двухъ міровоззрѣній, образовавшихся на почвѣ общаго крестьянскаго міровоззрѣнія, общаго и вору, „шатущему и пропащему" человѣку и хлѣборобу, и, однако, существенно различныхъ, изображена ярко и реально. Однимъ словомъ, все заставляетъ думать, что и слѣдующія произведенія автора будутъ столь же или даже болѣе значительными. И, однако, кто знаетъ? Ужъ очень быстро у насъ меркнутъ вновь появившіяся звѣздочки. И, пожалуй, нѣкоторый, хотя самъ по себѣ незначительный, признакъ возможности такого исчезновенія яркости имѣется въ очеркѣ г. Горькаго. Мы говоримъ о введеніи къ очерку. Не то, чтобы это введеніе было плохо само по себѣ, — нѣтъ; но оно, во-первыхъ, лишнее, во-вторыхъ, тенденціозно, т.-е. торопится подчеркнуть то, что хочетъ сказать своимъ очеркомъ авторъ, какою идеей онъ руководится, и, наконецъ, въ-третьихъ, оно отзывается нѣкоторымъ общественнымъ пессимизмомъ, а нѣтъ червя болѣе губительнаго, который съ такимъ успѣхомъ подтачивалъ бы цвѣтущее дерево искусства, какъ общественный пессимизмъ... „Рваные, потные, отупѣвшіе отъ усталости, шума и зноя люди и могучія машины, созданныя этими людьми, — машины, которыя, въ концѣ-концовъ, приводились въ движеніе, все-таки, не паромъ, а мускулами и кровью своихъ творцовъ, въ этомъ сопоставленіи была цѣлая поэма жестокой и холодной ироніи, — говоритъ авторъ, описывая гавань. — Все кругомъ казалось напряженнымъ, назрѣвшимъ, готовымъ разразиться какою-то грандіозною катастрофой, взрывомъ, за которымъ въ освѣженномъ имъ воздухѣ будетъ дышаться свободно и легко. Но это только казалось. Это казалось потому, что человѣкъ еще не усталъ надѣяться на лучшее и желаніе чувствовать себя свободнымъ не умерло въ немъ"... Мы, можетъ быть, и ошибаемся, но намъ слышится въ этихъ словахъ какъ будто вопль отчаянія человѣка конца вѣка. Какъ будто самъ-то авторъ усталъ, какъ будто онъ уже не вѣритъ, не надѣется. Какъ будто онъ полагаетъ, что „желаніе чувствовать себя свободнымъ" — пустяки, суета сует, ибо, въ концѣ-концовъ, и оно умираетъ въ человѣкѣ. Если это такъ, то это дурной признакъ для будущаго творчества автора. Истинный художникъ всегда религіозенъ, т.-е. онъ всегда вѣритъ, надѣется и любитъ, хотя бы и ненавидя.

Мы упомянули о „прямомъ пути" искусства, объ употребленіи простѣйшихъ средствъ для достиженія художественныхъ цѣлей, объ экономіи въ эмоціональныхъ силахъ какъ самого художника, такъ и его читателя. Этотъ законъ простоты средствъ и экономіи силъ искусно примѣненъ въ повѣсти г. Сѣрошевскаго (Сирко): *На краю лѣсовъ*. Читатель, въ-

роятно, замѣтилъ, что въ нашихъ литературныхъ обозрѣніяхъ мы всегда избѣгали говорить о произведеніяхъ иностранныхъ писателей. Теперь мы дѣлаемъ исключеніе, хотя это исключеніе только кажущееся. Г. Сѣрошевскій—писатель почти настолько же русскій, насколько и польскій. Онъ одинаково хорошо владѣетъ обоими родственными языками. Повѣсть *На краю лѣсовъ* переведена самимъ авторомъ, и мы смѣло можемъ причислить ее къ нашей родной беллетристикѣ, несмотря на то, что первоначально она была написана на польскомъ языкѣ. Дѣло въ томъ еще, что г. Сѣрошевскій по манерѣ своего письма одинаково далекъ и отъ старой романтически-сантиментальной школы прежнихъ польскихъ беллетристовъ, націоналистовъ и народниковъ (школы, имѣющей и теперь талантливыхъ представителей въ польской литературѣ), и отъ современнаго психологическаго романа, гораздо болѣе международнаго, чѣмъ національно-польскаго. Г. Сѣрошевскій очень близокъ къ школѣ нашихъ реалистовъ-художниковъ.

Не помнимъ, гдѣ-то мы читали такое объясненіе появленія разныхъ символистовъ, декадентовъ и пр. въ современной французской литературѣ: что, молъ, поле изслѣдованія, подлежащее разработкѣ посредствомъ художественной литературы, эксплуатировано все безъ остатка, что ничего новаго въ немъ не найдешь, ибо при установившемся расчлененіи европейскаго общества художественныя ситуаціи всегда одинаковы и однообразны, и потому, молъ, художники и мечутся въ поискахъ новаго, еще неизвѣданнаго, и находятъ это новое или въ разныхъ чудачествахъ, или въ новыхъ методахъ изображенія. По нашему мнѣнію, трудно придумать что-нибудь болѣе ложное и болѣе роковое для судебъ искусства, какъ такое утвержденіе. Какъ? Поле изслѣдованія художественной литературы, человѣческая душа, эксплуатировано безъ остатка? Да знаете ли вы, что человѣческая душа безпредѣльна и безгранична, какъ міръ, и какъ по отношенію къ міру та эпоха, когда онъ будетъ изслѣдованъ и эксплуатированъ безъ остатка, настанетъ, можетъ быть, черезъ милліоны лѣтъ, такъ и всѣ изгибы человѣческой души будутъ изслѣдованы тоже черезъ милліоны лѣтъ? Повѣрьте, не только на нашъ вѣкъ, но и на вѣкъ отдаленныхъ нашихъ потомковъ хватитъ. А ситуаціи? Будто онѣ ужь такъ однообразны? Вѣчны, конечно, типы и ситуаціи Шекспира или Сервантеса, и даже не ими самими они, какъ вѣчные, и созданы. Но форма ситуацій и типовъ, это—текущая вода Гераклита. Нельзя два раза погрузиться въ одну и ту же рѣку, ибо она каждый разъ разная. Появленіе крупныхъ художественныхъ произведеній каждый разъ доказываетъ вѣрность этихъ взглядовъ. Кажется, все извѣстно, все изслѣдовано. Но появляется настоящій художникъ и открываетъ намъ нѣчто новое въ томъ, что̀ намъ казалось старымъ-престарымъ, извѣстнымъ-переизвѣстнымъ.

Всѣ эти соображенія вызваны произведеніями г. Горькаго и г. Сѣрошевскаго. Это не значитъ, конечно, что мы признаемъ оба эти произведенія крупными художественными произведеніями. Мы просто говоримъ, что оба автора употребляютъ настоящіе художественные методы, что они умѣютъ найти новыя ситуаціи тамъ, гдѣ другіе ищутъ и ничего не находятъ, что они умѣютъ примѣнить законъ экономіи силъ и простѣйшими средствами достигаютъ крупныхъ результатовъ Прочтите, въ самомъ дѣлѣ, повѣсть г. Сѣрошевскаго. Какъ все просто и истинно-человѣчно въ довольно необычной описываемой имъ средѣ дикарей! Въ томъ и дѣло, что эти дикари (сюжетъ повѣсти взятъ

изъ жизни якутовъ) такіе же люди, какъ и мы съ вами, только находящіеся въ иномъ положеніи; ситуація иная, своеобразная, повидимому, намъ вполнѣ незнакомая, и, однако, родственная разнымъ ситуаціямъ, въ которыхъ и мы иногда пребываемъ въ теченіе нашей жизни, въ нашемъ обществѣ. Г. Сѣрошевскій далеко вышелъ за предѣлы простого этнографическаго изображенія массъ и среды, — предѣлы, въ которыхъ остается большинство нашихъ беллетристовъ, этнографовъ и народниковъ. Онъ достигаетъ умѣнья индивидуализировать. Въ послѣдніе годы Сибири и въ особенности Якутской области посчастливилось въ нашей литературѣ вообще и въ беллетристикѣ въ особенности. Очерки и разсказы изъ жизни населенія этихъ странъ появляются массами. И, однако, до сихъ поръ авторы всѣхъ почти этихъ разсказовъ, съ одной стороны, не выходятъ изъ предѣловъ этнографіи, а съ другой (не говоря уже о многихъ русскихъ авторахъ, укажемъ на сверстника г. Сѣрошевскаго въ польской литературѣ, на г. Шиманскаго) изъ предѣловъ романтически-сантиментальной школы, занимающейся гораздо больше настроеніями субъективными, т.-е. настроеніями самого описывающаго (у Шиманскаго, наприм., настроеніемъ ссыльныхъ въ Сибирь), чѣмъ настроеніемъ и типами описываемой среды. Г. Сѣрошевскій, наоборотъ, обладаетъ искусствомъ объективированія, перевоплощенія, какъ говорилось въ старыхъ эстетикахъ, т.-е. онъ описываетъ дѣйствительно людей изученной имъ среды. Мѣсто внѣшняго наблюденія у него замѣняетъ художественное проникновеніе. Г. Сѣрошевскій не сразу, конечно, достигъ такой объективности творчества. Первые его разсказы изъ якутской жизни, очень талантливые, страдаютъ, однако, нѣкоторымъ сантиментализмомъ и безсознательною, вѣроятно, погоней за эффектами (наприм., его повѣсть *Хайлакъ*). Той высокой простоты, которою отличается его повѣсть *На краю лѣсовъ*, у него еще не было, не было и яркой индивидуализаціи типовъ, хотя уже и въ *Хайлакѣ* онъ проявилъ выдающіяся творческія способности (типъ преслѣдуемой поселенцемъ якутки). Въ новой повѣсти эти способности достигаютъ значительнаго развитія; авторъ даетъ общечеловѣческіе и потому какъ бы знакомые намъ типы въ своеобразной, оригинальной и совершенно незнакомой намъ средѣ. Напримѣръ, старый тунгусъ, разорившійся и вспоминающій о пирахъ, которые онъ задавалъ своимъ гостямъ... Вы читаете и вамъ вспоминается что-то знакомое. Ба, да это вашъ знакомый, бывшій предводитель дворянства, у котораго отъ прежняго великолѣпія остались только двѣ борзыя собаки и который любитъ вспоминать о былыхъ пирахъ. Веселый, жизнерадостный якутъ Джянга, пѣсенникъ и сказочникъ, любитель и любимецъ дѣвушекъ и страстный игрокъ,—да это вашъ знакомый, симпатичный и безпутный офицеръ. Молодой писарь (суруксутъ) Уйбанчикъ, скромный, застѣнчивый, деликатный и къ чему - то лучшему, къ какимъ - то идеаламъ справедливости и братства тяготѣющій якутъ, — да это семинаристъ Крестовоздвиженскій, впервые озаренный лучомъ просвѣщенія и готовый принести всю свою юную душу на служеніе людямъ. И, однако, какъ онѣ оригинальны, всѣ эти фигуры, какъ онѣ своеобразны, несмотря на свою общечеловѣчность, какъ онѣ чужды вамъ, несмотря на то, что вы ихъ знаете!

Въ тѣхъ случаяхъ, когда у беллетриста не хватаетъ настоящей творческой силы, умѣнья достигать величайшихъ эффектовъ при наименьшой тратѣ силы, онъ обыкновенно прибѣгаетъ къ очень простому, но ложному методу: употребленію лишнихъ, ненужныхъ и часто не имѣв-

шихъ никакой внутренней связи съ содержаніемъ его произведенія эффектовъ. Дѣлается ли это сознательно, или безсознательно, это все равно, — результатъ получается одинаковый: чувствуется фальшь... Г. Гаринъ, какъ намъ кажется, дѣйствовалъ сознательно, вводя въ свою чрезмѣрно затянувшуюся и чрезмѣрно скучную и безсодержательную семейную хронику *Студенты* совершенно лишній эффектъ трагической смерти нѣкоей дѣвицы Шурки. Никакого внутренняго отношенія къ содержанію *Студентовъ* этотъ эпизодъ не имѣетъ. А эпизодъ эффектный; почему бы его и не вставить, не оживить имъ произведеніе, которое, вѣроятно, и самому автору кажется изрядно скучнымъ и безсодержательнымъ? Такъ, намъ думается, размышлялъ авторъ, вводя этотъ эпизодъ, и, конечно, не достигъ цѣли, а, напротивъ, возбудилъ въ читателѣ досадливое чувство. Въ самомъ дѣлѣ, что мнѣ до Шурки, до этой легкомысленной дѣвицы, забавлявшейся съ животнымъ Ларіо, а потомъ за его отсутствіемъ перешедшей въ руки героя трилогіи Карташева, которому она говоритъ: „Ну, кто же, Темка, тебя уважаетъ?" Можетъ быть, эта Шурка и нужна была для изображенія Ларіо, а теперь-то она мнѣ зачѣмъ? Я хочу читать о *Студентахъ*, а не о Шуркѣ,—такъ скажетъ читатель, и онъ будетъ совершенно правъ. Шурка лишняя, Шурка не нужна. Очень возможно, что въ ея душѣ произошелъ именно такой процессъ нѣкотораго просвѣтленія подъ вліяніемъ настоящей любви; очень можетъ быть, что ее дѣйствительно при слушаніи музыки Холмскаго, который „вкуснѣе" Карташева, какой-то черный ангелъ уноситъ куда-то; можетъ быть даже и то, что въ честь ея паровозъ „подпрыгивалъ какими-то скачками", когда она, гордая своею любовью и своимъ подчиненіемъ своему „черному ангелу", стояла на площадкѣ и горѣла отъ попавшей въ складки ея легкаго платья искры,—все это, можетъ быть, такъ и было и все это, навѣрное, очень эффектно, но... зачѣмъ это для *Студентовъ* и ихъ характеристики? Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, валить все въ кучу и предоставлять въ этой кучѣ разбираться самому читателю. Вѣдь, это ужь не беллетристика будетъ, а просто бурееломъ.

Возможно, однако, что у г. Гарина умыселъ иной тутъ былъ, и умыселъ, во всякомъ случаѣ, не художественный. Ему просто по сему неудобному случаю захотѣлось метнуть громами въ наше культурное общество. Дѣло въ томъ, что когда горѣла несчастная Шурка, обществомъ, ѣдущимъ въ вагонѣ, овладѣла паника... Но предоставимъ слово самому автору: „Здѣсь ѣхали всѣ тѣ, которые, можетъ быть, никогда не пріучали себя думать ни о комъ другомъ, кромѣ какъ о себѣ или о своихъ кровныхъ. Эгоизмъ, только одинъ *ужасный эгоизмъ нашихъ дней*, способенъ былъ соединить ихъ въ одно стойкое стадо, и теперь всѣ они усердно нажимали на дверь и только и думали о томъ, а дамы въ вагонѣ громко молили все о томъ же, чтобы Господь послалъ имъ устоять противъ усилій слабой, горѣвшей дѣвушки..." Эффектно, грозно, внушительно,—и немного непонятно! Причемъ тутъ, при паникѣ-то, *эгоизмъ нашихъ дней?* Среди неэгоистовъ бываетъ паника или нѣтъ? Паника бываетъ только *въ наши дни* и среди культурныхъ людей, или она бывала и не въ наши дни и среди людей некультурныхъ? Позвольте разсказать случай, свидѣтелемъ котораго мы были. На лугу, во время покоса, загорѣлось отъ костра платье тоже на Шуркѣ. Кто знаетъ, можетъ быть, и эта Шурка тоже уносилась на крыльяхъ черного ангела? Тутъ были тоже *отцы семействъ, друзья дома* и т. д., но не было ни военныхъ, ни штатскихъ, а были только

одни мужики и бабы,—и, притомъ, давно это было, а не въ наши дни, и эти мужики и бабы не были эгоистами *нашихъ дней,*—напротивъ, хорошіе деревенскіе мужики и бабы. Однако, и ихъ охватила паника и никто не подумалъ спасти бѣгавшую въ видѣ горящаго факела по лугу дѣвушку, хотя дѣло было легче и проще. Просто надо было столкнуть ее или бросить въ протекавшую рядомъ маленькую рѣчку. Всякій мужикъ, всякая баба догадались бы сдѣлать это, если бы не эта охватившая ихъ паника. А тутъ всякая баба молилась, чтобы Господь послалъ ей силы избѣжать бѣгающаго по лугу горящаго факела. Такъ и сгорѣла бѣдная. Паника, какъ массовое чувство,—дѣло страшное и могучее. Но не припомнитъ ли г. Гаринъ, что существуютъ и другія массовыя чувства, тоже могучія и великія, но не страшныя, и что они, эти массовыя чувства, толкали этихъ же самыхъ „военныхъ и штатскихъ", этихъ эгоистовъ нашихъ дней, во время голода и холеры, наприм., совершать тысячи подвиговъ самоотверженія?

Вообще наше интеллигентное и культурное общество—это тотъ самый бѣдный Макаръ, на котораго всѣ шишки валятся. Только одинъ лѣнивый его не обижаетъ. У бѣднаго Макара, конечно, много, очень много грѣховъ, и метать въ него громы бываетъ и справедливо, и не безполезно, но когда на него начинаютъ валиться даже и тѣ шишки, въ произращеніи которыхъ онъ совершенно неповиненъ, то наше естественное чувство справедливости возмущается. Вотъ, наприм., недавно фельетонистъ *Новаго Времени* призналъ виновными въ томъ, что у насъ не устраивается „бродячаго университета", „профессорскихъ гастролей", никого иного, какъ нашихъ молодыхъ ученыхъ, которыхъ перестала привлекать общественная дѣятельность и т. д., которые, однимъ словомъ, превратились будто бы въ *эгоистовъ нашихъ дней*... „Обобщеніе, дѣлаемое фельетонистомъ, до крайности несправедливо,— совершенно резонно замѣчаетъ хроникеръ *Вѣстн. Европы* (іюль).—Неужели ему не извѣстны хотя бы такіе факты, какъ публичныя чтенія, устроенныя прошлою зимой въ Нижнемъ-Новгородѣ? Еслибъ онъ о нихъ слышалъ, онъ долженъ бы знать, что главная причина, мѣшающая осуществленію бродячаго университета, заключается отнюдь не въ индифферентизмѣ нашихъ ученыхъ, молодыхъ и старыхъ". Почтенный хроникеръ дѣлаетъ маленькую наивность, допуская, что фельетонистъ не слышалъ. Навѣрное, онъ слышалъ и о публичныхъ лекціяхъ, и о г-жѣ Штевенъ, наприм. (которая тоже, вѣроятно, окажется виновной въ индифферентизмѣ или въ чемъ-нибудь подобномъ), и о многомъ другомъ, но... бѣдный Макаръ подъ рукой,—это такой удобный объектъ для метанія въ него шишками. Какъ же тутъ воздержаться? И летятъ эти шишки, въ произращеніи которыхъ общество неповинно, въ его побѣдную головушку. А бѣдный Макаръ знай себѣ помалкиваетъ, да отдувается и не смѣетъ крикнуть всѣмъ этимъ громовержцамъ: о, лицемѣры и фарисеи! Вѣдь, вы же сами все знаете. знаете, что не я ростилъ эти шишки,—зачѣмъ же вы бьете ими мою неповинную, и безъ того черезъ-чуръ забитую голову?

Г. Боборыкина можно упрекать въ чемъ угодно, но его нельзя упрекнуть въ пессимистическомъ отношеніи къ культурному обществу. Онъ твердо вѣритъ въ него и въ его будущее. И, право, за одну эту вѣру почтенному беллетристу простятся многія изъ его беллетристическихъ и эстетическихъ прегрѣшеній. Въ наши дни нѣтъ ничего столь настоятельно-нужнаго, какъ именно поддержаніе этой вѣры въ общество и въ его силы... Какъ бы плохи ни были иногда беллетристиче-

скія произведенія г. Боборыкина (а законченный въ іюньской книгѣ *Вѣстника Европы* романъ его: *Ходокъ*—одно изъ самыхъ плохихъ его произведеній), авторъ всегда кончаетъ ихъ громкими, яркими и бодрящими аккордами... Правда, часто выходитъ несоотвѣтствіе, ужъ черезъ-чуръ большое, даже доходящее до комическаго, между самымъ ходомъ романа и его героями, съ одной стороны, и заключительными аккордами автора—съ другой... Но Богъ съ нимъ, съ этимъ несоотвѣтствіемъ! Эстетическое чувство читателя не удовлетворяется, иногда даже возмущено, но моральное его чувство торжествуетъ, а съ общественной точки зрѣнія это безспорно важнѣе. Никто, конечно, не повѣритъ г. Боборыкину, будто его пошловатые герои, всѣ эти Лыжины, Кострицыны и Таманцевы, всѣ эти жалкіе *однолюбы*, у которыхъ, въ сущности говоря, имѣется только одно подлинное, задушевное стремленіе,—стремленіе къ „бездѣлицѣ",—и которые при этомъ настолько безсильны, что даже и въ этомъ стремленіи оказываются плоховаты, что всѣ его героини, разныя тамъ жрицы любви Иды, полудѣвы Кэтъ и проч. и проч.,—никто не повѣритъ, чтобы всѣ они были настоящими представителями культурнаго общества, чтобы такіе нравственные уроды были даже особенно частымъ явленіемъ, характернымъ для нашего „эгоистическаго" времени. Но за то почтенному беллетристу нельзя не повѣрить, когда онъ констатируетъ тотъ крупный фактъ нашей общественности, что при извѣстныхъ условіяхъ, при извѣстной комбинаціи обстоятельствъ, въ нашемъ культурномъ обществѣ всегда готова подняться громадная волна возвышеннаго общественнаго настроенія и что эта волна захватываетъ и ведетъ въ „станъ погибающихъ за великое дѣло любви" даже такихъ пошляковъ, какъ Таманцевы. Ему повѣрятъ, когда онъ разсказываетъ, какъ докторъ Домашневъ и другіе разночинцы, только что вырвавшіеся изъ рукъ обезумѣвшей толпы, несчастной и голодной, съ сердцемъ, полнымъ негодованія, злобы и любви къ этой толпѣ, снова спѣшатъ ей на помощь, когда эта помощь нужна. Ему повѣрятъ, когда онъ говоритъ, что культурному человѣку убѣжать отъ этой толпы некуда и нельзя.

А въ этомъ и все дѣло, что убѣжать некуда и нельзя, и это „некуда и нельзя" кладетъ особый отпечатокъ на основную мысль романа г. Боборыкина, выраженную имъ въ словахъ Таманцева: „Народъ мы не поднимемъ, пока люди высшей культуры не станутъ создавать себѣ *своей* жизни, конечно, на общее благо, но своей, съ своими интересами и цѣлями, а не съ однимъ полумистическимъ культомъ мужика". Г. Боборыкинъ, или его герой Таманцевъ, можетъ быть, ломится въ открытую дверь, говоря о полумистическомъ культѣ мужика (кто, въ самомъ дѣлѣ, теперь имѣетъ такой культъ?); можетъ быть, онъ не вполнѣ ясно высказываетъ свою мысль, а, можетъ быть, и не вполнѣ додумываетъ ее до конца. Но сама-то мысль по существу вѣрная и плодотворная. Да, надо создать *свою* жизнь, съ своими интересами и цѣлями, хотя и некуда уйти. И въ этомъ наше счастье, что уйти некуда, потому что это гарантируетъ намъ полное, т.-е. болѣе или менѣе полное, совпаденіе нашей жизни и нашихъ интересовъ съ жизнью и интересами массы. Создавая свою жизнь, мы не можемъ создать ничего, не создавая одновременно и для этихъ массъ. Тутъ въ измѣненной формѣ тотъ же историческій процессъ, въ силу котораго французская буржуазія конца прошлаго вѣка могла требовать своей жизни только при условіи требованія жизни и для народной массы. Мы говоримъ: „въ измѣненной формѣ" потому, что въ силу особаго эконо-

мически-соціальнаго строя нашего общества и народа требованія нашего культурнаго общества не только юридическія, а и экономическія... въ данномъ случаѣ правовые и экономическіе интересы культурнаго общества и народныхъ массъ не находятся въ противорѣчіи, какъ бывало въ другихъ странахъ. Да, много эстетическихъ прегрѣшеній простится г. Боборыкину за то, что онъ въ своихъ произведеніяхъ защищаетъ эту плодотворную мысль о „своей жизни".

Въ *Современной хроникѣ Русскаго Богатства* мы встрѣчаемъ такую, довольно любопытную, оцѣнку государственной и ученой дѣятельности покойнаго Бунге: „Бунге, сходя съ исторической сцены, вмѣстѣ съ собой окончательно (?) сводитъ съ этой сцены все поколѣніе финансистовъ, многія десятилѣтія руководившее экономическою жизнью Россіи въ одинъ изъ критическихъ періодовъ ея исторіи..." Далѣе хроникеръ называетъ Бунге теоретикомъ и доктринеромъ, признавая, однако, что онъ имѣлъ мужество признать ошибки той доктрины, которую *защищалъ съ каѳедры*. Упомянутое „поколѣніе финансистовъ,—продолжаетъ хроникеръ,—вышло изъ ученыхъ кабинетовъ въ то время, когда переложеніе классической политической экономіи Ж.-Б. Сэемъ на уличные мотивы, на потребу толпы предпринимателе и грюндеровъ считалось серьезною наукой; эта яко бы „наука", спеціально служившая всяческимъ аппетитамъ наживы и эксплуатаціи, *наивно* принималась нашими экономистами-финансистами за подлинное знаніе. Всѣ эти банковые крахи, вся эта концессіонная горячка, все это невниманіе къ народной нуждѣ и къ земледѣлію, пренебреженіе интересами большинства, широкое отчужденіе государственнаго достоянія, вся эта поистинѣ печальная экономическая политика была дѣломъ этого нынѣ сошедшаго со сцены (?) поколѣнія финансистовъ. Вся экономическая неурядица нашего времени коренится въ политикѣ того времени, славнаго на многихъ поприщахъ, но не на поприщѣ экономіи и финансовъ". Далѣе хроникеръ воздаетъ покойному государственному человѣку должную хвалу за сознаніе сдѣланныхъ ошибокъ.

Нарисованная хроникеромъ общая картина нашей экономической политики, какъ видите, совершенно вѣрна и поучительна; но въ нее вкралась одна очень важная ошибка и, притомъ, именно по отношенію къ Бунге. Дѣло въ томъ, что именно Бунге всего менѣе былъ „доктринеромъ" и чистымъ теоретикомъ (любопытно, что тотъ же упрекъ въ доктринерствѣ и въ приверженности къ теоріи покойному дѣлаютъ и *Московскія Вѣдомости*). *Русскій Вѣстникъ*, защищая память покойнаго, справедливо замѣчаетъ, что „такая приверженность къ теоріямъ много выше тупого самомнѣнія или увѣренности въ собственной непогрѣшимости, обыкновенно прибѣгающей къ помощи quasi-научныхъ парадоксовъ". Съ другой стороны, хроникеръ *Вѣстника Европы* (іюль), возражая *Московскимъ Вѣдомостямъ*, замѣчаетъ, что „изъ того, что Бунге никогда (къ счастію) не былъ дѣльцомъ, вовсе еще не слѣдуетъ, чтобъ онъ не былъ практическимъ дѣятелемъ"... Но сущность дѣла не въ этихъ замѣчаніяхъ. По поводу упрека Бунге въ доктринерствѣ извѣстнаго рода, въ сэизмѣ, что ли, который, будто бы, онъ „защищалъ съ каѳедры", заимствуемъ изъ некролога *Вѣстн. Европ*ы справку объ его статьѣ *Монополія желѣзно-дорожнаго царства*, написанной двадцать лѣтъ тому назадъ, по поводу извѣстной книги г. Чупрова (значитъ, тогда, когда Бунге былъ еще на каѳедрѣ и не былъ государственнымъ человѣкомъ). Уже тогда Бунге былъ убѣжденнымъ защитникомъ мысли о необходимости выкупа государствомъ желѣзныхъ

дорогъ (причемъ же тутъ приверженность къ доктринамъ Сэя?). Но онъ и тогда не скрывалъ отъ себя и отъ публики всѣхъ затрудненій этого выкупа. „Утвердительный отвѣтъ на всѣ эти вопросы (объ удобствахъ выкупа),— писалъ онъ,— можно дать только въ такой странѣ, гдѣ въ бюрократіи существуетъ строгая дисциплина и сознаніе долга, а еще болѣе, гдѣ существуетъ контроль общественный, не ограничивающійся одною только обличительною литературой, подчиненною административнымъ карамъ". Резюмируя свои разногласія съ г. Чупровымъ, Бунге писалъ: „Наши разногласія сводятся къ вопросу: составляютъ ли ученія о цѣнности, завершенныя изслѣдованіями Маркса (это ли *наивное* признаніе ученій Сэя за настоящую науку?), аксіомы или же воззрѣнія, въ значительной степени пережитыя наукой? Рецензентъ (Бунге) склоняется въ пользу второго взгляда... Открытіе законовъ хозяйственныхъ явленій составляетъ достояніе будущаго; въ настоящемъ самыя главныя и драгоцѣнныя пріобрѣтенія человѣческаго ума, это—знанія, данныя намъ опытомъ". Развѣ теоретики и доктринеры такъ разсуждаютъ? Можно, конечно, не соглашаться съ Бунге, но ужь въ доктринерствѣ-то его упрекнуть трудно... И, однако, Бунге былъ „доктринеромъ", если хотите, потому что признавалъ извѣстныя аксіомы. Какія же именно? Заимствуемъ изъ *Русскаго Вѣстника* одну выписку изъ его *Очерковъ:* „Я далекъ отъ мысли,—писалъ онъ,—что все познаваемое нами условно, имѣя значеніе лишь для извѣстной эпохи и при извѣстныхъ обстоятельствахъ; въ каждой наукѣ есть незыблемыя истины. Такъ, указанія нравственнаго достоинства человѣка, его личности, понятіе о долгѣ и связанной съ нимъ отвѣтственности принадлежатъ къ числу тѣхъ аксіомъ, которыя облегчаютъ намъ вѣрное пониманіе явленій общественной жизни"... Вотъ въ чемъ заключалось „доктринерство" Бунге.

Заниматься ошибкой хроникера *Русскаго Богатства,* можетъ быть, и не стоило бы, но... дѣло-то въ томъ, что о государственныхъ людяхъ мы очень рѣдко, только въ тѣхъ случаяхъ, когда они были вмѣстѣ съ тѣмъ и писателями, можемъ составлять болѣе или менѣе вѣрное сужденіе. И когда можемъ, тогда и должны составлять такое сужденіе. Мы вполнѣ согласны съ хроникеромъ, что та эпоха не была славной на поприщѣ экономическомъ и финансовомъ; мы даже выразили бы эту мысль посильнѣе, но... зачѣмъ же все валить въ одну кучу, предоставляя потомству разбираться въ этихъ наваленныхъ нами кучахъ? Право, ужь и безъ того въ нашемъ обществѣ такъ много путаницы въ мысляхъ, что увеличивать эту путаницу, пожалуй, и лишнее.

Хроникеръ *Вѣстника Европы* (іюнь), обсуждая проектъ новаго продовольственнаго устава, мелькомъ вспоминаетъ о необходимости созданія постоянно существующей, самоуправляющейся земской единицы (всесословной волости или всесословнаго прихода). Вопросъ этотъ чрезвычайной важности и, къ сожалѣнію, недостаточно разработанъ и публицистикой, и земствомъ (конечно, мы тутъ говоримъ о старомъ земствѣ). Въ качествѣ журнальнаго обозрѣвателя мы должны ограничиться только этимъ напоминаніемъ, показывающимъ, что идея о необходимости созданія такой единицы не умерла въ сознаніи лучшихъ людей общества. И въ самомъ дѣлѣ, если дѣятельность стараго земства, такъ много потрудившагося на пользу народную во всѣхъ почти сферахъ народной жизни, была не всегда удовлетворительна въ нѣкоторыхъ изъ этихъ сферъ, то самая существенная и основная причина этого состояла въ отсутствіи именно мелкой земской единицы,

какъ естественной *народной* основы земскихъ учрежденій. Скажемъ больше: если старыя земскія учрежденія оказались не вполнѣ прочными и устойчивыми, если они не сдѣлались такими же чисто-народными институтами, какимъ былъ и остается, наприм., судъ присяжныхъ, то это именно въ силу отсутствія мелкой земской единицы, непосредственно связующей земскія учрежденія, уѣздныя и губернскія, съ жизнью всего населенія, цензоваго и нецензоваго.

Созданіе такой мелкой земской единицы необходимо не для одного только упроченія земскихъ учрежденій и гарантіи ихъ отъ всякихъ поползновеній къ ихъ полному упраздненію; оно необходимо для всѣхъ отправленій мѣстной жизни, для всѣхъ цѣлей мѣстнаго управленія и суда. Только ихъ существованіе дало бы возможность, наприм., создать тотъ „близкій къ населенію“ судъ, о которомъ говорилъ въ своей извѣстной рѣчи г. министръ юстиціи. Такой близкій къ народу судъ можетъ быть пріуроченъ только къ мѣстной земской единицѣ. Мы вполнѣ убѣждены, что рѣшеніе этого настоятельнѣйшаго вопроса нашей общественной жизни сниметъ съ вышеупомянутаго бѣднаго Макара несправедливые упреки въ апатіи, индифферентизмѣ, эгоизмѣ и т. п., что оно вскроетъ въ нашемъ обществѣ и въ нашемъ народѣ присутствіе богатыхъ умственныхъ и нравственныхъ силъ, теперь пропадающихъ втунѣ, а тогда имѣющихъ быть направленными на служеніе благу какъ отдѣльныхъ мѣстностей, такъ и всей страны. Къ сожалѣнію, при существующихъ условіяхъ только отъ публицистики и можно ждать разработки этого вопроса (хотя попытки въ этомъ направленіи, если не ошибаемся, дѣлались даже реформированнымъ земствомъ). Тѣмъ бо́льшая обязанность и отвѣтственность лежитъ на публицистикѣ.

Въ печати не только ежедневной, но и ежемѣсячной очень много толковали въ теченіе прошлаго мѣсяца объ извѣстномъ циркулярѣ тамбовскаго губернатора. Мнѣнія о замѣчательномъ документѣ были высказаны довольно единогла́сныя; мы приведемъ мнѣніе *Русскаго Вѣстника*, какъ журнала, который, кажется, до сихъ поръ еще не возбуждалъ противъ себя обвиненій въ либерализмѣ, въ подрывѣ власти, въ измѣнѣ „истинно-русскимъ основамъ“. Именно поэтому мнѣніе этого журнала представляется намъ особенно компетентнымъ. „Никогда въ теченіе нашей многолѣтней дѣятельности обозрѣвателя внутренней жизни,—говоритъ хроникеръ,—не приходилось намъ знакомиться съ примѣненіемъ на практикѣ такихъ экономическихъ, финансовыхъ и административныхъ соображеній. Мы впервые слышимъ, что взысканіе недоимокъ можетъ быть мѣрою, побуждающею къ производительному труду, обогащающему населеніе. До сихъ поръ мы знали, что только свободный трудъ, не изъ-подъ палки, приводитъ къ такому результату; циркуляръ же самъ называетъ предлагаемую имъ мѣру *принудительною*. Циркуляръ, видимо, не желаетъ знать собственнаго крестьянскаго хозяйства и объявляетъ *безпечнымъ* и *лѣнивымъ* всякаго крестьянина, уклоняющагося отъ заработка, словно крестьянинъ иначе и трудиться не можетъ, какъ идти въ батраки или поденщики. Ближайшіе къ народу представители власти, земскіе начальники, на которыхъ лежитъ *обязанность заботиться о развитіи народнаго благосостоянія*, административнымъ распоряженіемъ превращаются въ простыхъ агентовъ *частныхъ иниціаторовъ*, затрудняющихся въ пріисканіи для своихъ *предпріятій* дешевыхъ рабочихъ. Вотъ до какого извращенія обязанностей доводитъ стремленіе править въ области

отношеній совершенно чуждыхъ кругу дѣятельности власти, не соотвѣтствующихъ ни ея призванію, ни ея силамъ. Нигдѣ въ законѣ не дозволяется обращать гражданскія обязанности въ орудіе экономической политики по усмотрѣнію мѣстныхъ властей. Какъ бы ни были глубоки экономическія цознанія представителей мѣстной администраціи, имъ не предоставлено произвольное распоряженіе фискальными мѣрами и притомъ для достиженія цѣлей совсѣмъ не фискальныхъ“. Къ такому отзыву намъ прибавлять, кажется, нечего.

Г-жа Трачевская разсказываетъ кое-что любопытное о житьѣ-бытьѣ нашихъ студентокъ въ Швейцаріи и объ отношеніи къ нимъ мѣстнаго населенія („Письмо изъ Швейцаріи“, *Сѣверный Вѣстникъ*): „Студенткамъ отдаютъ комнаты неохотно, часто отказываютъ только догадавшись, что вы студентка. Иногда провожаютъ васъ презрительнымъ взглядомъ, задаютъ обидные вопросы и, наконецъ, оскорбляютъ. Нечего и говорить, что студенткѣ нѣтъ доступа въ женевское общество. Если вы войдете въ одинъ изъ буржуазныхъ домовъ въ Женевѣ, вы услышите о студенткахъ вообще и о русскихъ въ особенности такіе отзывы и возгласы, которые въ нашемъ отечествѣ давно отошли въ область преданія. Стремленіе женщинъ къ образованію возбуждаетъ въ милыхъ дамахъ мѣстнаго общества самое искреннее недоумѣніе. А профессора и студенты думаютъ о студенткахъ, можно сказать, еще милѣе. Одинъ талантливый профессоръ до сихъ поръ понять не можетъ, зачѣмъ это понадобилось женщинѣ учиться. Другой пришелъ къ заключенію, что женщина, занимающаяся медициной, не женщина. Большинство же профессоровъ того мнѣнія, что образованіе женщинѣ не нужно. Заговорите съ товарищемъ-студентомъ объ университетскомъ и особенно медицинскомъ образованіи для женщины, онъ вамъ съ самою любезною улыбкой и очень просто возразитъ: „Но, вѣдь, если женщины будутъ сидѣть за книгами, то кто же будетъ заниматься нашимъ хозяйствомъ?“

Не удивительно, что, несмотря на недостатокъ средствъ, почти всѣ студентки на лѣто ѣдутъ домой; ѣдутъ онѣ въ третьемъ классѣ со всѣми неудобствами, иногда имѣютъ непріятныя столкновенія, но ѣдутъ съ невыразимою радостью въ душѣ, ѣдутъ, чтобъ, *отдохнувъ* среди своихъ (среди „эгоистовъ нашихъ дней“, такъ сказать, на груди у бѣднаго Макара), къ осени снова возвратиться въ свою „милую каторгу“.

„Странное роковое противорѣчіе!—восклицаетъ г-жа Трачевская.— Двери университета широко раскрыты для женщины вездѣ за границей, къ ней относятся еще до сихъ поръ съ такимъ обиднымъ предубѣжденіемъ. А у насъ... тоже странное противорѣчіе—выходитъ какъ разъ наоборотъ!“ Дѣйствительно, странное противорѣчіе. И оно до значительной степени, по нашему мнѣнію, объясняется безтолковымъ (какъ это бывало у народниковъ), а часто и дипломатичнымъ метаніемъ всѣхъ шишекъ въ сторону бѣднаго Макара. Плохая это дипломатія. Было бы гораздо практичнѣе и умнѣе направить часть этихъ шишекъ по другому адресу... ну, хоть по адресу того же буржуазнаго европейскаго общества; вотъ, молъ, какіе тамъ, съ позволенія сказать, паскудники, а всѣми благами культуры пользуются, а у насъ...

Повѣсть г-жи Дмитріевой: *Не по правдѣ* еще не закончена въ разбираемой книгѣ *Сѣвернаго Вѣстника;* но когда она будетъ закончена, наврядъ ли она внесетъ что-нибудь новое и любопытное въ нашу беллетристику. Вообще говоря, г-жа Дмитріева — писательница умная, опытная и, главное, правдивая, но не глубокая и не

особенно талантливая. Ея разсказы и повѣсти изъ народной жизни всегда правдивы, въ нихъ нѣтъ ничего выдуманнаго, нѣтъ никакой подражательности, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, нѣтъ и ничего оригинальнаго. И это потому, что, несмотря на полную самостоятельность ея наблюденій деревенской жизни, она, такъ сказать, скользитъ по ея поверхности, не захватывая настоящей сущности этой жизни; ея наблюденія почти всегда остаются анекдотическими и исполненіе почти всегда не соотвѣтствуетъ задачѣ автора. Наприм., въ новой повѣсти г-жи Дмитріевой задача состоитъ въ указаніи, какъ въ деревенской жизни неправда, совершенная хоть разъ въ жизни человѣкомъ, роковымъ образомъ влечетъ за собою цѣлый рядъ еще худшихъ неправдъ. Крестьянинъ, суровый и нѣсколько эгоистичный хозяинъ, но при этомъ человѣкъ строгій и справедливый, совершаетъ неправду только разъ въ своей жизни, отдавъ вмѣсто сына въ солдаты своего пріемыша. Происходитъ цѣлый рядъ неправдъ и наказаніе быстро слѣдуетъ за преступленіемъ: дочь старика, невѣста пріемыша, умираетъ съ горя, самъ старикъ мучается совѣстью и, замученный ею, въ тоскѣ умираетъ, а, главное, пріемышъ-солдатъ возвращается испорченнымъ, бездѣльнымъ лодыремъ и вноситъ въ честную и зажиточную крестьянскую семью бездну распутства и развращенія. Ужь очень все какъ по писанному совершается у г-жи Дмитріевой. Жизнь куда посложнѣе бываетъ. Да и не въ томъ дѣло. Мы говоримъ, что тутъ исполненіе не соотвѣтствуетъ задачѣ. Предположите въ самомъ дѣлѣ, что неправда не была бы совершена, что въ солдаты ушелъ бы не пріемышъ, а, какъ и слѣдовало, сынъ. Что же произошло бы, или что могло бы произойти? Развѣ у сына не могло быть невѣсты, которая тоже могла бы умереть съ горя? Развѣ строгій отецъ не могъ затосковать и, главное, развѣ сынъ вернулся бы менѣе испорченнымъ, меньшимъ лодыремъ и распутникомъ, и развѣ онъ внесъ бы въ эту семью меньшую дозу распутства? Очевидно, что во всемъ происшедшемъ въ семьѣ дѣло не въ совершенной неправдѣ, что зло лежитъ гдѣ-то глубже и совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ. Вотъ это-то мы и называемъ наблюденіемъ поверхностныхъ фактовъ деревенской жизни и неуловленіемъ ея сущности. Во всякомъ случаѣ, впрочемъ, повѣсть г-жи Дмитріевой прочтется съ интересомъ, въ особенности деревенскимъ читателемъ; ее смѣло можно рекомендовать издателямъ народныхъ книжекъ.

Гораздо интереснѣе обѣщаетъ быть романъ г. Соллогуба *Тяжелые сны*. Авторъ принадлежитъ къ школѣ символистовъ. Это именно одинъ изъ тѣхъ писателей, которые, какъ мы говорили выше, руководятся ложною мыслью, что въ современномъ обществѣ для художественнаго изысканія и изображенія не остается почти ничего новаго и неизслѣдованнаго, и потому мечутся въ поискахъ за оригинальными, смутными и неясными душевными движеніями,—причемъ, понятно, такіе поиски легко вырождаются въ оригинальничанье, — и за новыми формами изображенія, даже рѣчи. У г. Соллогуба „вкусъ жизни—приторный, а цвѣтъ ея—зеленый и желтый“. „Старые вязы наклоняютъ вѣтви, прислушиваясь къ разговору, и съ темныхъ вѣтвей ихъ *падаетъ*, как роса, отрясаемая вѣтромъ, *прозрачная грусть*“. Такихъ стилистическихъ чудачествъ очень много въ произведеніи г. Соллогуба. Даже въ самом выборѣ героевъ и героинь, въ построеніи романа та же погоня за симв-лами—не тѣми настоящими символами-образами, безъ которыхъ нѣтъ и-кусства и которые составляютъ естественное средство художественна- изображенія, а за символами придуманными и вымученными. Герої,

учитель Логинъ, изломанный, больной и разочарованный человѣкъ, живетъ въ мірѣ символовъ, онъ окруженъ ими. Его душевная жизнь-разорванная на куски, колеблющаяся между разнообразными стремленіями: между стремленіемъ къ чисто-животнымъ, чувственнымъ наслажденіямъ, которыя онъ, однако, презираетъ, между стремленіемъ прожить свою жизнь во всю, въ бурѣ и вихрѣ страстей, горя, какъ свѣчка, съ обоихъ концовъ, на что, однако, его малокровная, худосочная натура неспособна, и, наконецъ, между стремленіемъ ко всему благородному, чистому, естественному и идейному,—на что онъ опять-таки совершенно не способенъ въ силу крушенія идеаловъ и, главное, испорченности натуры,—его душевная жизнь, говоримъ мы, воплощается въ личностяхъ трехъ героинь. Первое стремленіе къ животной жизни и къ животнымъ наслажденіямъ—въ образѣ разбитной бабы Ульяны, влѣзающей къ нему въ окошко (причемъ, впрочемъ, для читателя остается неяснымъ, дѣйствительно ли она была у Логина, или это ему почудилось въ пьяномъ бреду—характерная подробность для творчества символистовъ). Второе стремленіе, къ бурямъ жизни,—въ образѣ Клавдіи, родственной ему натуры, которая тоже хочетъ горѣть какъ свѣча съ обоихъ концовъ, которая не знаетъ, любитъ она или ненавидитъ любовника своей матери, у которой „дѣтство холодное, безъ любви, озлобленное; юность—муки зависти, невозможныхъ желаній. Крушеніе надеждъ... идеаловъ“, у которой надъ всѣмъ этимъ „кипѣніе страсти и освобожденная дерзость“, также какъ и у Логина. И, наконецъ, третье стремленіе Логина воплощается въ чистой, хорошей и идейной дѣвушкѣ Нютѣ. Какъ видите, построеніе страшно искусственное. Что же такое, однако, самъ Логинъ? Съ одной стороны, это человѣкъ конца вѣка, которому тошна и противна жизнь, какъ нѣчто однообразное и скучное, а съ другой, что-то отзывается старымъ, престарымъ типомъ москвича въ байроновскомъ плащѣ. Ему мерещится по временамъ нѣкоторый свѣточъ, „что-то неожиданное, неизъяснимое очарованіе вѣяло. Что-то не русское, чуждое, но ничего не случилось, и я нашелъ въ себѣ все ту же дерзость, задорную и безсильную“. „Я жажду не любви, не богатства, не славы, не счастья,—говоритъ онъ о себѣ,—живой жизни жажду, безъ клейма и догмата, такой жизни, чтобъ ярко сіяла *цѣль недостижимая* (?). Въ жизни должно быть невозможное (?) и только оно одно имѣетъ цѣну (?). Я ходилъ по всѣмъ путямъ возможнаго въ жизни, и вездѣ жизнь мнѣ ставила ловушки. Красота приводила къ пороку, стремленіе къ добру заставляло дѣлать глупости, стремленіе къ истинѣ заводило въ дебри противорѣчій. Безвѣріе, порокъ, мелкій, трусливый, потаенный; разочарованіе въ чемъ-то—и безсиліе. Есть запрещенное, къ нему и тянешься. Мы слишкомъ рано узнали тайну—и несчастны. Мы растеряли старые рецепты жизни и не нашли новыхъ“. Выслушавъ это признаніе, вы сразу понимаете, съ кѣмъ имѣете дѣло: это одинъ изъ тѣхъ глупыхъ сыновъ, кому не въ помощь богатство, одинъ изъ тѣхъ англизированныхъ щенковъ, которые воютъ и визжатъ, когда имъ немного придавятъ лапу, точно весь міръ рушится. И лгутъ эти щенки отчаянно, нахально и безстыдно. По какимъ такимъ путямъ они ходили? Логину не посчастливилось въ гимназіи,—встрѣтилъ равнодушіе къ дѣлу и его за усердіе начальство не похвалило. Ну, какъ же щенку не завыть? Онъ и завылъ, и запилъ, и въ плащъ непризнаннаго генія облекся. И какую такую тайну они, Логины, узнали, какіе такіе рецепты растеряли? Ничего-то эти современные щенки никогда не знали, ничего они и не

теряли, потому что ничего никогда не старались пріобрѣсти. Препротивныя, визжащія фигуры, обладающія необычайною наглостью и лѣзущія въ первые ряды жизни, всѣ эти сверхъ-человѣки, полные дерзости. А и всего-то въ нихъ только и есть, что самомнѣнія и наглости гибель и ни на грошъ внутренняго, настоящаго человѣческаго содержанія. Вскрытіе основныхъ чертъ этого, теперь, къ сожалѣнію, довольно таки распространеннаго, типа составляло бы серьезную заслугу. Но наврядъ ли такого вскрытія можно ожидать отъ г. Соллогуба. Наврядъ ли—не по отсутствію у него таланта, а просто по отсутствію правильнаго взгляда на явленіе и по ложной манерѣ изображенія.

Если у нашего читателя по временамъ бываетъ потребность въ искреннемъ, задушевномъ, веселомъ смѣхѣ, то мы совѣтуемъ ему иногда заглядывать въ книги *Русск. Обозр.* Развеселый это журналъ. Куда веселѣе всякихъ *Развлеченій*, *Осколковъ* и какъ они тамъ еще называются. Впрочемъ, писатели *Русскаго Обозрѣнія* по большей части не признаютъ себя комиками и буфонятъ съ самымъ серьезнымъ видомъ. Такъ, напримѣръ, г. Розановъ (*Смѣна міровоззрѣній*) самымъ серьезнымъ образомъ увѣряетъ насъ, что произошла смѣна міровоззрѣній, что дарвинизмъ былъ „временная и великолѣпная нелѣпость, которой отдалась Европа", что онъ былъ „отдыхъ ея александрійскаго періода" и что теперь г. Страховъ и Данилевскій его вполнѣ опровергли. Онъ увѣряетъ, что „лучи свѣта напрасно били въ помутнѣвшую ретину Бокля и онъ видѣлъ только тупыя книжныя построенія своего заламаншскаго учителя" (Конта). Однимъ словомъ, трубы и тимпаны. Откуда весь этотъ шумъ? Да просто оттого г. Розановъ его поднялъ, что книги его знаменитаго учителя и предшественника (вѣдь, у этихъ господъ все свои знаменитости) г. Страхова въ теченіе тридцати лѣтъ выдержали два, а нѣкоторыя и три изданія. Отъ сего и шумъ. А г. Страховъ, видите ли, сталъ славенъ и сердцу русскому пріятенъ тѣмъ, что онъ „въ критикѣ вернулся къ пріемамъ толкованія Ап. Григорьева (т.-е. къ стрижамъ), въ зоологіи—къ идеямъ Кювье, въ морфологіи—къ идеямъ Каспара Вольфа, въ философіи къ принципамъ Декарта и къ категоріямъ Гегеля". „И какое онъ слово ни скажетъ, тому слову не меньше тыщи лѣтъ будетъ". А самъ г. Розановъ все только „дивуется", какъ дивуется какой-нибудь бурятъ, въ первый разъ попавшій въ городъ,—все-то у него тайна, все то для него чудо. Онъ, напримѣръ, недоумѣваетъ, почему это „стволъ дерева есть вертикаль",—великое и необъяснимое чудо природы, обманывающее человѣческія ожиданія. „Исторія въ изъянахъ своихъ и просвѣтлѣніяхъ, въ паденіяхъ и высокомъ торжествѣ, въ рытвинахъ, низинахъ, прогалинахъ, шумящемъ борѣ (это въ исторіи-то шумящіе боры, прогалины и пр.?) есть чудо творенія Божія, предъ которымъ мы можемъ трепетать и дивиться. Быть вѣчно удивленнымъ—это есть удѣлъ человѣка на землѣ".

Серьезный комикъ, очень серьезный, этотъ „вѣчно удивленный" г. Розановъ! Не беремся рѣшить, смѣется ли онъ самъ, встрѣчаясь на улицѣ съ другимъ такимъ же удивленнымъ жрецомъ; но читатель, навѣрное, отъ души и добродушно надъ его „удивленными" рѣчами посмѣется. Но пойдемъ, однако, дальше. Есть въ *Русскомъ Обозрѣніи* нѣкій писатель г. Суворовъ. Намъ уже случалось указывать на его комическія воспоминанія. И тогда, право, мы искренно думали, что человѣкъ умеръ и это его посмертное произведеніе печатается, и добродушно посмѣялись надъ маіоромъ. Оказалось, что онъ живъ. И не только живъ, а даже публикѣ жалуется на зарайское земство

(Рязанской губерніи), гдѣ онъ „имѣетъ честь" состоять гласнымъ. А зарайское земство, „въ которомъ много интеллигентныхъ лицъ среди дворянства", отвергло предложеніе г. Суворова о пособіи церковнымъ школамъ. „Изъ двадцати восьми гласныхъ,—печалуется г. Суворовъ, — за мое предложеніе высказалось пять". И по сему удобному случаю г. Суворовъ говоритъ о безбожникѣ Ферри, изгнавшемъ изъ школъ иконы (это во Франціи-то?) и о столь же безбожныхъ русскихъ либералахъ, которые якобы *преслѣдуютъ* церковно-приходскія школы, да еще (о, верхъ злодѣйства!) проповѣдуютъ, что и школы грамотности должны быть изъяты изъ вѣдѣнія духовенства. Экіе, подумаешь, злокозненные люди—эти либералы! Вы такъ и рѣшаете, что злокозненные, и вдругъ г. Суворовъ огорошиваетъ сообщеніемъ, что священники не посѣщаютъ школъ грамотности и потому ихъ (эти школы) лучше бы закрыть (да ужь всякія школы не закрыть ли? Вѣдь, у священниковъ и на другія школы времени не хватаетъ!) Ну, какъ же не комикъ г. Суворовъ? „Въ безнадзорныхъ школахъ можетъ явиться разсадникъ нигилистическихъ ученій",—пугаетъ онъ читателя. Но, вѣдь, читатель себѣ на умѣ,—онъ отлично знаетъ, что въ школахъ грамотности попадаются пьяные дьячки и солдаты, а нигилистамъ откуда тутъ взяться? „Я сознаю,—скромничаетъ г. Суворовъ,—что мои мысли не найдутъ сочувствія въ либеральныхъ органахъ". Ну, почему же, г. Суворовъ? Вѣдь, и въ „либеральныхъ органахъ" пишутъ люди и, какъ люди, не прочь иногда посмѣяться. Какого же еще сочувствія нужно для писателя *Русскаго Обозрѣнія?*

Столь же интересенъ г. Палимпсестовъ. Это человѣкъ уже убѣленный сѣдинами. До того онъ убѣленъ, что иногда свои годы забываетъ: когда скажетъ семьдесятъ, а когда восемьдесятъ. Почтенный, однимъ словомъ, старецъ и даже какъ-то жалко, что онъ свои сѣдины на посмѣшище отдаетъ. Было у него 28 писемъ покойнаго историка Костомарова; отдалъ онъ ихъ какимъ-то издателямъ сборника и написалъ воспоминанія. Сборникъ не состоялся и г. Палимпсестову вернули воспоминанія, а изъ писемъ только четыре. Кстати, и письма-то совсѣмъ не содержательныя—просто записки о здоровьѣ, о томъ, когда говѣлъ и причащался покойный. По поводу невозвращенія писемъ г. Палимпсестовъ жалобится и подозрѣваетъ. Я, говоритъ, политикой никогда не занимался, а, можетъ быть,—продолжаетъ онъ, — подумали, что для памяти историка обидна будетъ дружеская связь съ какимъ-нибудь кротомъ; но, вѣдь, и я трудился не мало. Доживая восьмой десятокъ, услаждаюсь воспоминаніемъ, что 17 лѣтъ служилъ безкорыстно и безсмѣнно въ качествѣ секретаря и редактора *Записокъ общества сельск. хозяйст. южной Россіи.* И всѣ воспоминанія почтеннаго старца сводятся съ тому, что Костомаровъ былъ отнюдь не безбожникъ, а, напротивъ, человѣкъ религіозный. Такъ усердствуетъ г. Палимпсестовъ доказать то, что и безъ него всѣмъ извѣстно, что разсказываетъ такіе курьезы. Разсуждалъ Костомаровъ о догматѣ троичности и заговорилъ что-то такое, чего г. Палимпсестовъ и понять не могъ, и самъ черезъ нѣсколько минутъ забылъ свое объясненіе догмата. И сіе именно, т.-е. забвеніе-то, и было чудо, откровеніе, наитіе свыше. Чтобы не остаться въ долгу у Костомарова, и г. Палимпсестовъ тоже подвергся наитію и откровенію по вопросу о существованіи зла. И тоже изрекъ нѣчто, оба впали въ восторгъ и оба сейчасъ же объясненіе забыли. Поучительно! Но всего поучительнѣе заключительное обращеніе г. Палимпсестова къ молодому поколѣнію, „желающему просвѣтить себя свѣтомъ наукъ". „Хотя въ

Писаніи и сказано: почти лицо старче, но я, доживающій восьмой десятокъ, встаю передъ тобой и позволяю себѣ сказать: не увидишь ли ты въ лицѣ незабвеннаго ученаго свидѣтельства неопровержимаго, что вѣра православной церкви не можетъ идти въ разрѣзъ съ наукой?" И къ чему, подумаешь, такое униженіе лица старча, да кстати и молодого поколѣнія! Неужели оно, не вѣря (если только оно не вѣритъ), руководится только ложнымъ представленіемъ, будто всѣ ученые невѣрующіе? Неужели оно, это поколѣніе, только изъ обезьянъ и состоитъ? Въ томъ-то и дѣло, что для его убѣжденія въ чемъ-нибудь необходимы аргументы посильнѣе вставанья передъ нимъ.

Далѣе... Но, пожалуй, и довольно. Пора и выйти изъ этого смѣхотворнаго, но удушливаго мѣста.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 іюля по 1 августа 1895 г.

Монигетти, В. И. Современная биржа. М., 1896 г.

Проектъ устава международнаго отдѣла общества русскаго земскаго развитія „Да возвысимся!“ по предметамъ искусствъ, художественныхъ и полезныхъ изданій и педагогическихъ пособій для нагляднаго обученія. Кіевъ, 1895 г.

О расширеніи круга предметовъ земскаго обложенія и о привлеченіи къ обложенію земствомъ прибылей торговыхъ и промышленныхъ предпріятій, кредитныхъ учрежденій и желѣзныхъ дорогъ. Полтава, 1895 г.

Отчетъ по Конь-Колодезской низшей сельско-хозяйственной школѣ 1 разряда.

Статистика болгарскихъ училищъ въ Европейской Турціи. Учебный годъ 1893—1894.

Каутскій, Карлъ. Возникновеніе брака и семьи. Спб., 1895 г. Ц. 50 к.

Путеводитель по желѣзнымъ дорогамъ и курортамъ. Изд. контрагентства россійскихъ желѣзныхъ дорогъ М. Л. Раломинскаго. Кіевъ, 1895 г. Ц. 35 к.

Вологжанинъ. Литературно-научный сборникъ. Изд. П. Дилакторскаго. Вологда, 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.

Бурды, М. К. Откуда берется въ человѣкѣ рабочая сила, какъ онъ ее расходуетъ и какъ пополняетъ. Одесса, 1895 г. Ц. 6 к.

Отчетъ Императорской публичной библіотеки за 1892 годъ. Спб., 1895 г.

Загнеръ, Ю. Н. Мой акваріумъ. Изд. журн. „Игрушечка“. Спб., 1895 г.

Веригинъ, Н. Краткій историко-географическій словарь. Тверь, 1895 г. Ц. 50 к.

Тейхмюллеръ, Г. Дарвинизмъ и философія. Пер. А. Николаева. Юрьевъ, 1894 г. Ц. 1 р.

— Безсмертіе души. Философское изслѣдованіе. Юрьевъ, 1895 г. Цѣн. 1 руб. 50 к.

Соколовскій, Н. В. Мысли объ основахъ житейской нравственности. Ирбитъ, 1895 г. Ц. 60 к. съ пер.

Бесѣды дѣдушки Андрея объ уходѣ за домашнимъ скотомъ. Казань, 1895 г. Ц. 5 к.

Отчетъ о дѣятельности орловской городской публичной библіотеки за 1894 г. Вятка, 1894 г.

Евсѣенко, С. Молочные продукты, пороки ихъ и методъ изслѣдованія. М., 1895 г. Ц. 75 к.

Виды на урожай въ Полтавской губ. въ 1895 г. Полтава, 1895 г.

Исаковъ, М. А. Какъ и въ чемъ можно быть обманутымъ при покупкѣ лошадей. Казань, 1895 г. Ц. 5 к.

Гебель, В. Краткій курсъ алгебры. Ч. I. Теорія. Ц. 30 к. Ч. II. Задачи. Ц. 25 к. Изд. автора. Москва, 1895 г.

Э. С. Жизнь и сочиненія главнѣйшихъ нѣмецкихъ поэтовъ XVIII в. Изд. Тихомирова. М., 1895 г. Ц. 25 к.

Мурашкинцевъ, Н. А. Ветеринарія въ примѣненіи къ сельскому хозяйству. Изд. Тихомирова. Москва, 1895 г. Ц. 6 к.

Михайловъ, А. А. Учебникъ ариѳметики для низшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Изд. Тихомирова. Москва, 1895 г. Ц. 50 к.

Вертоградскій, I. Сборникъ диктантовъ. Пособіе къ практическому курсу элементарной грамматики. Изд. Тихомирова. Москва, 1895 г. Ц. 25 к.

— Практическій курсъ элементарной грамматики. Изд. Тихомирова. М., 1895 г. Ц. 20 к.

— Сборникъ статей и отрывковъ изъ художественныхъ произведеній. Изд. К. И. Тихомирова. М., 1895 г. Ц. 45 к.

— Краткій учебникъ грамматики. Изд. К. И. Тихомирова. Москва, 1895 г. Ц. 40 к.

Сборникъ статей по вопросамъ, относящимся къ жизни русскихъ и иностранныхъ городовъ. Вып. I. Москва, 1895 г.

Золотаревъ, Л. А. Что говоритъ наука о половой потребности. Изд. В. Н. Маракуева. Москва, 1895 г. Ц. 30 к.

— Практическое значеніе сельско-хозяйственной литературы. Изд. „Народной библіотеки". Москва, 1895 г. Ц. 20 к.

Левицький, Иванъ. Кайдашева симъя. Повисть. Харьковъ, 1894 г. Ц. 15 к.

Карышевъ, И. А. Богъ неопровержимъ наукой. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Линдеманъ, К. Э. Насѣкомыя плодовыхъ деревьевъ и ягодныхъ кустовъ. Изд. К. И. Тихомирова. Москва, 1895 г. Ц. 15 к.

Масловичъ, Н. Неудачи на дачѣ. Шутка въ одномъ дѣйствіи. Харьковъ, 1895 г. Ц. 25 к.

Евсѣенко, С. Бездымный порохъ и огнестрѣльныя раны будущихъ войнъ. Варшава, 1895 г.

Зелинскій, В. А. Справочникъ по русскому правописанію. Вып. I и II. Москва, 1895 г. Ц. каждому вып. 50 к.

Отчетъ иркутскаго отдѣленія попечительства о слѣпыхъ. Иркутскъ, 1895 г.

Козловъ, А. Н., архитект. Проекты плановъ и фасадовъ. Изданіе А. Д. Ступина. Москва, 1895 г. Ц. 50 к.

Лащенковъ, Н. А., прот. Христофоръ, первый епископъ слободско-украинскій и харьковскій. Харьковъ, 1895 г. Ц. 1 р.

Чистовичъ, И. А. Руководящіе дѣятели духовнаго просвѣщенія въ Россіи. Спб., 1894 г. Ц. 2 р.

Сборникъ свѣдѣній по культурѣ цѣнныхъ растеній на Кавказѣ. Вып. I. Тифлисъ, 1895 г.

Красновъ, А. Какъ живутъ китайцы. Изд. харьков. общ. распр. въ нар. грам. Харьковъ, 1895 г. Ц. 3 к.

Липранди, А. (А. Волынецъ). Зачатки раскатоличенія западнаго славянства. Спб., 1895 г. Ц. 40 к.

Велизарій, Е. Стихотворенія. Изд. 3-е, дополненное. Кіевъ, 1895 г.

Радакова, Е. Голландія. Изд. харьк. общ. распр. въ нар. грам. Харьковъ, 1895 г. Ц. 4 к.

Драгомировъ, М. Разборъ романа „Война и миръ". Изданіе Н. Оглоблина. Кіевъ, 1895 г. Ц. 50 к.

Кенигъ, Францъ, д-ръ. Руководство къ частной хирургіи для врачей и учащихся. Т. II. Изд. К. Риккера. Спб., 1895 г.

Таренецкій, А., проф. Император. военно-медицинск. академіи. Каѳедра и музей нормальной анатоміи при Императорской военно-медицинской академіи, за сто лѣтъ. Изд. К. Риккера. Спб., 1895 г. Ц. 3 р.

Александровъ, А. Феодальное земство. Спб., 1895 г. Ц. 60 к.

Борисовскій, П. Чего надо желать для нашего общественнаго воспитанія. Могилевъ н/Днѣпрѣ, 1895 г. Ц. 60 к.

Ньюкомбъ, С., и Энгельманъ, Р. Астрономія въ общепонятномъ изложеніи. Вып. III. Изд. К. Риккера. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 40 к.

Гебель, В. Дополненіе къ краткому курсу алгебры. Геом. прогрессія и логариѳмы. Москва, 1895 г. Ц. 30 к.

Статистическія свѣдѣнія по скотоводству Вятской губ. за 1894 г. Изд. вят. губ. земства. 1895 г.

Обзоръ дѣятельности вятскаго губернскаго земства за трехлѣтіе 1892—94 гг. Изд. вят. губ. зем. Вятка, 1895 г.

Журналъ вятскаго губ. земскаго собранія XXVIII очередной сессіи (1 — 19 дек. 1894 г.). Вятка, 1895 г.

Санитарное состояніе земскихъ школъ Ананьевскаго уѣзда. Ананьевъ, 1895 г.

Касторскій, Ф. Врачебная помощь въ Ананьевскомъ уѣздѣ, Херсон. губ., въ 1894 году. Ананьевъ, 1895 г.

Краткій обзоръ дѣятельности министерства земледѣлія и госуд. имущ. за первый годъ его существов. Спб., 1895 г.

Сусловъ, А. Первые уроки пѣнія. Тифлисъ, 1895 г. Ц. 40 к. съ пер.

Дворжицкій, К. Сказки Фемиды. Спб., 1893 г. Ц. 2 р. 50 к.

Базилевскій, М. Донъ Іосифъ Наси. Изд. кн. маг. Шермана. Одесса, 1895 г. Ц. 15 к.

— Донъ Исаакъ Абраманель. Изд. Я. Шермана. Одесса, 1895 г. Ц. 15 к.

ОГЛАВЛЕНІЕ

„Библіографическаго отдѣла".

I. Книги.

II. Періодическія изданія.

III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 іюля по 1 августа 1895 г.

Народныя изданія редакціи журнала „Русская Мысль".

Что такое подати и для чего ихъ собираютъ? (3-е изданіе). Цѣна 1 коп.

Сенкевичъ, Генрикъ. Янко музыкантъ. Цѣна 1 коп.

— Пойдемъ за нимъ! Переводъ В. Лаврова. М., 1895 г. Ц. 4 коп.

Разсказъ про смутное время на Руси. Цѣна $1^1/_2$ коп.

Немировичъ-Данченко, Вас. И. Счастье Ивана Непомнящаго. Цѣна 5 к.

Короленко, В. Г. Убивецъ. Цѣна $1^1/_2$ коп.

Абламскій, Д. Всенощное бдѣніе, вечерня и утреня, и Божественная литургія св. Іоанна Златоустаго, св. Василія Великаго и Преждеосвященныхъ Даровъ св. Григорія Двоеслова. Первый выпускъ круга обычнаго православнаго церковнаго пѣнія, положеннаго на ноты на 3 голоса партитурою для хора, фисгармоніи и фортепіано. Кіевъ, 1888 Ц. 1 руб. 75 коп.

Агаповъ, Д. В. Новая тригонометрія. Оренбургъ, 1894 г. Ц. 85 к.

— Подробное рѣшеніе и объясненіе типическихъ задачъ по ариѳметикѣ. Ц. 50 к.

— Искуственные способы рѣшенія уравненій второй степени со многими неизвѣстными. Ц. 60 к.

— Рѣшеніе нѣкоторыхъ геометрическихъ задачъ помощію теоремы Агапова. Ц. 35 к.

Аданъ, Юлія. Дурнушка. Романъ. Спб., 1894 г. Ц. 60 к.

Алексѣевъ, А. А. Воспоминанія актера. М., 1894 г. Ц. 1 р.

Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ, его жизнь и сочиненія. Чтеніе для юношества. М., 1877 г. Ц. 75 к.

Альбомъ. Русскіе типы, М. ф. ц. 50 к.; сред. ф. ц. 60 к.; больш. ф. ц. 75 к.

Альбомъ. Русскіе народы, съ текстомъ. 3 в. М. Ц. по 60 к.

Альбомъ копій съ картинъ русскихъ художниковъ. 2 вып. М. Ц. по 2 р.

Альгренъ. Деньги. Романъ. Пер. со шведскаго. Москва, 1893 г. Ц. 60 к.

Альмедингенъ. Химія. Спб., 1885 г. Ц. 2 р.

— Домашній опредѣлитель поддѣлокъ питательныхъ и др. веществъ. Спб., 1891 г. Ц. 60 к.

— На всякій случай. Научно-популярные совѣты. 2 ч. Спб., 1892 г. Ц. 50 к.

Аммонъ, д-ръ. Обязанности матери. Гигіена беременности. Уходъ за маленькимъ ребенкомъ. Золотая книжка. Переводъ съ 32 нѣмецкаго изданія. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.

Амниторъ, Г., фонъ. За правду и за честь женщины. Противъ Крейцеровой сонаты Л. Н. Толстого. Спб., 1893 г. Ц. 50 к.

Амфитеатровъ. Психопатъ. Правда и вымыселъ. М., 1893 г. Ц. 1 р.

Анго, А. Физика. М. 1894 г. Ц. 2 р. 50 ко[illegible]

Андрэ, М. Ф. Упражненія въ тригонометріи. Сборникъ задачъ съ подробными рѣшеніями. М., 1895 г. Ц. 35 к.

Андерсенъ, Гансъ. Повѣсти и сказки. Новый полный пер. съ датскаго подлинника. 7 в. М., 1894 г. Ц. по 25 к.

Андерсенъ, И. Иллюстрированныя сказки въ 6 томахъ. Спб., 1894 г. Ц. 60 к. за томъ.

Анне, Ж. П. Практическое руководство къ устройству электрич. освѣщенія. М., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Анурьевъ, Іоаннъ. Столяръ-самоучка, опытъ, наставленія грамотныхъ поселянъ въ столярномъ ремеслѣ. Ц. 15 к.

— Какъ дѣлаютъ простую мебель. Цѣна 45 к.

— Домашній переплетчикъ. Ц. 10 к.

— Вспомогательная книга при возведеніи каменныхъ и деревянныхъ зданій. Вологда, 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Ардовъ, Е. И. Эскизы. М., 1893 г. Ц. 1 р.

Арендтсъ и Брандтъ. Атласъ естественной исторіи. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Арнгеймъ. Математическая географія. Изд. 5-е. Спб., 1893 г. Ц. 50 к.

Арсеньевъ. Изъ жизни и исторіи. Сборникъ разсказовъ для дѣтей. Спб., 1883 г. Ц. 1 р. 50 к. въ переплетѣ.

Бажина. Блуждающіе огоньки. Сборникъ дѣтскихъ разсказовъ, съ 44 картинками. Спб., 1891 г. Ц. 1 р.

Баранцевичъ, К. С. Родныя картинки. М., 1895 г. Ц. 1 р.

— Картинки жизни. 39 разсказовъ Сармата. М., 1895 г. Ц. 1 р.

Баратынскій, Е. А. Полное собр. соч. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.

— Полное собраніе сочиненій. Съ портретомъ автора, біографіей и его письменами. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.

Бахтіарова, А. По роднымъ краямъ. Валаамская обитель, съ 3 отдѣльными рисунками. Спб., 1893 г. Ц. 10 к.

Безобразовъ, П. В. Историческія статьи (вып. I). М. 1893 г. Ц. 1 р. 80 к.

— Женихъ двухъ невѣстъ. Историческій романъ. М. 1894 г. Ц. 40 к.

— О правахъ женщины. М. 1895 г. Ц. 50 к.

— Публичныя лекціи о современномъ положеніи женщины (3-е изд.). М. 1893 г. Ц. 20 к.

— О назначеніи женщины (2-е изд.). Ц. 20 к.
— Сборникъ государственныхъ знаній, 8 томовъ. Спб., 1880 г. Ц. 24 р.
Безэ, д-ръ. Построеніе деревянныхъ лѣстницъ. 1890 г. Ц. 1 р.
Бендціулъ, Альбертъ. Къ вопросу о школьныхъ скамьяхъ. Оффиц. докладъ, съ 22 рис. Пер. А. Ѳедорова. Москва, 1893 г. Ц. 25 к.
Беръ, Альфредъ. Гигіена сифилиса. Общедоступное изложеніе, какъ предохранить и лечить себя отъ сифилиса. Кіевъ, 1893 г. Ц. 50 к.
Бергергофъ, Г. Руководство для драпировщиковъ, обойщиковъ и декораторовъ. М., 1891 г. Ц. 2 р.
Бернетъ, Френсисъ. Исторія маленькаго лорда. Повѣсть для юношества. Спб., 1892 г. Цѣна въ переплетѣ 1 р. 50 к.
Бергеръ, Поль. Спутникъ малокровныхъ. Одесса, 1895 г. Ц. 30 к.
Бернксенъ, А. Краткій учебникъ химіи (органической). Спб., 1892 г. Ц. 3 р.
Бессонъ, А. Г. О нефтяномъ отопленіи паровыхъ котловъ. Спб., 1888 г. Ц. 1 р. 20 к.
Библіотека ремесленниковъ и кустарей. Окрашиваніе металловъ. М., 1892 г. Ц. 40 к.
— Золоченіе и серебреніе деревян. издѣлій. М., 1890 г. Ц. 1 р. 80 к.
Библіотека экономистовъ. Адамъ Смитъ. Изслѣдованіе о богатствѣ народовъ. М., 1895 г. Ц. 1 р.
Библіотека-крошка. Миніатюрное изданіе, роскошно-отпечатанное, содержащее въ себѣ отдѣльныя произведенія лучшихъ русскихъ писателей: Пушкина, Лермонтова, Грибоѣдова, фонъ-Визина, Кольцова, Карамзина, Богдановича и мн. др. Кіевъ. Изданіе Ф. А. Іогансона. Цѣна 5, 10, 15 и 20 к. за книжку.
Бичеръ-Стоу. Хижина дяди Тома. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 75 к.
Благовѣщенскій. Винкельманъ и позднія эпохи греческой скульптуры. Спб., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.
Блекслей, Т. Т. Перемѣнные электрическіе токи (Руководство для студентовъ и техниковъ). Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 60 к.
Блекки. Самовоспитаніе. Изд. 3-е. Спб., 1891 г. Ц. 75 к.
Блекловъ. За фактами и цифрами. М., 1894 г. Ц. 1 р.
Блокъ, Морисъ. Матери великихъ людей. Пер. съ франц. Н. М. Дементьевой, съ 33 рис. Москва, 1893 г. Ц. 60 к.
Блокъ, Ю. Велосипедъ, его значеніе для здоровья, практическое примѣненіе, уходъ за машиною и пр. Изд. 2-ое. М., 1893 г. Ц. въ переплетѣ 2 р.
Боборыкинъ, П. Д. Трупъ. Разсказъ. Москва, 1893 г. Ц. 20 коп.
Богдановъ, профессоръ. Сельско-хозяйственный словарь. Кіевъ, 1895 г. Ц. 8 р.
Богдановъ, И. Счетоводство и денежная отчетность земскихъ начальниковъ, городскихъ и мировыхъ судей. М., 1895 г. Ц. 70 к.
Бокль. Исторія цивилизаціи въ Англіи. Переводъ Буйницкаго (въ 2-хъ томахъ). Спб., 1895 г. Ц. 2 р.
Бородинъ, И. Весна, русская жизнь и природа. Сборникъ для дѣтскаго чтенія. М., 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.
— Краткій учебникъ ботаники. (изд. 3-е). Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
Боровичъ, Л. А. Практическое руководство къ построенію динамо-машинъ съ постояннымъ токомъ (Изд. 2-е). Спб., 1894 г. Ц. 3 р.
— Фабричные паровые котлы, устройство ихъ и уходъ за ними. Съ 172 политипажами въ текстѣ. М., 1893 г. Ц. 2 р. 75 коп.
Боттонъ. Электрическіе звонки. Практическое руководство для любителей. Спб., 1890 г. Ц. 1 р.
— Какъ сдѣлать простой фонографъ и микрофонъ. Руководство для любителей ремесла, искусства и научныхъ приложеній. М., 1895 г. Ц. 35 к.
Брайсъ, Джемсъ. Американская республика. Пер. Невѣдомскаго. Часть I. Ц. 3 р. 50 к. М. 89; часть II. Ц. 3 р. 50 к. М. 90 г.; часть III. Ц. 3 р. 50 к. М. 90 г.
Браунъ, М., проф. Какъ заражается человѣкъ паразитами. Кіевъ, 1893 г. Ц. 15 к.
Брикнеръ. Потемкинъ. Спб., 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.
Бриксъ. Гидравлика. Спб., 1892 г. Ц. 2 р.
Брусиловскій, Е. Одесскіе лиманы и ихъ лечебныя средства 1895 г. Одесса, Ц. 50 к., на веленевой бум. 60 к.
Брюкке, Эрнестъ. Красота и недостатки человѣческихъ формъ. Кіевъ, 1894 г. Ц 1 р.
Брэмъ, А. Жизнь животныхъ. 130 выпусковъ. Одесса, 1893 г. Ц. 25 к. за вып.
— Жизнь на сѣверѣ и югѣ (Дополненіе къ соч. „Жизнь животн.). Спб., 1891 года. Ц. 2 р.
Брэмъ. Комнатныя пѣвчія птицы. М., 1876 г. Ц. 75 к.
Буанъ, Эмиль. Гальванопластика, никелированіе, золоченіе, серебреніе и электрометаллургія. Съ 26 рис. Спб., 1895 г. Ц. 90 к.
Буасье, Гастонъ. Римская религія отъ Августа до Антониновъ. Перев. М. Корсакъ. Ц. 5 р. М., 1878 г.
— Цицеронъ и его друзья. Пер. М. Корсакъ. Ц. 2 р. М., 1880 г.
— Паденіе язычества. Пер. подъ ред. и съ предисл. М. С. Корелина. Ц. 4 р. М., 1892 г.

Бугаевъ, Н. Задачникъ къ ариөметикѣ цѣлыхъ чиселъ. М., 1876 г. Ц. 25 коп.
— Задачникъ къ ариөметикѣ дробныхъ чиселъ. М., 1877 г. Ц. 30 к.
— Руководство къ ариөметикѣ. Цѣлыя числа. М., 1895 г. Ц. 40 к.
— Ариөметика дробныхъ чиселъ. Ц. 50 к.
Бузольтъ, Георгъ. Очеркъ государственныхъ и правовыхъ греческихъ древностей. Харьковъ, 1894 г. Ц. 1 р. 75 к.
Бутовскій, В. И. Русское искусство и мнѣнія о немъ Е. Віоле-ле-Дюка и Ө. И. Буслаева. М., 1879 г. Ц. 1 р.
Бутсъ, Вильямъ. Въ трущобахъ Англіи. Спб., 1891 г. Ц. 1 р.
Бьернстьерне-Бьернсонъ. Новыя вѣянія. Въ 2-хъ ч. Кіевъ, 1893 г. Ц. каждой части 35 к.
— Леонарда (драма). Новая система (драма). Кіевъ, 1894 г. Ц 35 к.
— Новобрачные (комедія). 1865 г. Сигурдъ крестоносецъ (драма). 1872 г. Банкротство (драма). 1874 г. Кіевъ, 1894 г. Ц. 35 к.
— Повѣсти и разсказы. Кіевъ, 1893 г. Ц. 35 к.
— По Божьему пути. Романъ. Кіевъ, 1894 г. Ц. 35 к.
Бѣлецкій, И. Почвовѣдѣніе. Образованіе почвы, ея составъ и свойства. М., 1895 г. Ц. 3 р.
Бэръ, Адольфъ. Исторія всемірной торговли. Пер. Э. Циммермана. М., 1876 г., 3 части, цѣна за нихъ 7 руб. 50 к.
Бэръ, Поль. Первыя понятія о зоологіи. (3-е изданіе). Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
Бюрстенбиндеръ. Раздѣлка и улучшеніе земель. Руководство для практическихъ хозяевъ. Кіевъ, 1895 г. Ц. 60 к.
В. В. Артель въ кустарномъ промыслѣ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
— Очерки теоретической экономіи. Спб., 1895 г. Ц. 2 р.
— Наши направленія. Спб., 1893 года. Ц. 1 р. 50 к.
— Прогрессивныя теченія въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Спб., 1892 г. Цѣна 1 р. 35 к.
— Итоги экономическаго изслѣдованія Россіи по даннымъ земской статистики. Т. I Крестьянская община. М., 1892 г. Ц. 3 р. 50 к.
Вагнеръ. Химическая технологія. Спб., 1892 г. Ц. 8 р.
— Какъ пріобрѣтаются болѣзни желудка. Спб., 1893 г. Ц. 40 к.
Вальтеръ-Скоттъ. Иллюстр. романы: 1) Замокъ Кенильвортъ; 2) Легенда о Монтрозѣ; 3) Аббатъ; 4) Антикварій; 5) Астрологъ; 6) Пресвитеріане; 7) Монастырь; 8) Ламермурская невѣста; 9) Черный карликъ; 10) Певериль Пикъ; 11) Пиратъ; 12) Обрученные; 13) Веверлей; 14) Карлъ Смѣлый; 15) Квентинъ Дорвардъ; 16) Персская красавица; 17) Робъ-Рой; 18) Ричардъ Львиное Сердце; 19) Вудстокъ. Спб. 1892 г. Ц. каж. кн. 40 к.
— Квентинъ Дорвардтъ. Романъ. М. 1885 г. Ц. 2 р.
Ванковъ. Полный карманный техникъ. Спб., 1893 г. Ц. 2 р. 50 к.
— Турбины. Практическое руководство для техниковъ, сельскихъ хозяевъ (съ 46 рис.). Спб., 1895 г. Ц. 2 р.
Ванъ-Тигемъ. Общая ботаника (морфологія, анатомія и физіологія растеній). Подъ редакціею, съ примѣчаніями и дополненіями Ростовцева, съ предисловіемъ Тимирязева. 477 политип. М., 1895 г. Ц. 3 р. 75 к.
Ванклинъ, Альфредъ. Химія каменноугольно-газоваго производства. М., 1895 г. Ц. 60 к.
Варіо, Ж. Дѣтскій докторъ. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
Вармингъ, д-ръ. Систематика растеній. М., 1893 г. Ц. 5 р.
Вахтеровъ, В. П. Всеобщее начальное обученіе. М., 1894 г. Ц. 15 к.
Веберъ, Георгъ. Всеобщая исторія. Т. 1. Переводъ Андреева. Ц. 4 р. М. 90 г. Т. 2. Перев. Андреева. Ц. 5 р. 50 к. М. 91. Т. 3. Перев. Андреева. Ц. 5 р. 50 к. М. 92 г. Т. 4. Пер. Андреева. Ц. 5 р. М. 92. Т. 5. Пер. Андреева. Ц. 4 р. 50 к. М. 93. Т. 6. Пер. Андреева. Ц. 4 р. 50 к. М. 93. Т. 7. Пер. Андреева. Ц. 5 р. М. 94. Т. 9. Пер. Андреева. Ц. 4 р. 50 коп. М. 1888. Т. 10. Пер. Андреева. Ц. 4 руб. М. 1888 г. Т. 11. Пер. Андреева. Ц. 5 руб. 50 коп. М. 1889 г. Т. 12. Пер. Андреева и Невѣдомскаго. Ц. 4 р. 50 к. М. 90. Т. 13. Пер. Циммермана. Ц. 5 р. 50 к. М. 91. Т. 14. Пер. Невѣдомскаго. Ц. 6 р. М. 92 г. Т. 15. Часть 1-я. Пер. Невѣдомскаго. Ц. 5 р. М. 92 г. Т. 15. Часть 2-я. Пер. Невѣдомскаго. Ц. 5 р. М. 93 г., съ портретомъ автора.
Веберъ, К. К. Практическое руководство по производству кирпича, черепицы и проч. лицевого товара съ атласомъ. Спб., 1893 г. Ц. 5 р.
— Двигатели и приводы. Практ. руководство къ постройкѣ вѣтрен. и водян. двигателей съ атласомъ. Спб., 1894 г. Ц. 5 р.
— Канатное и веревочное производство (съ 58 рис. въ текстѣ). Спб., 1895 г. Ц. 75 к.
Вегеле, Францъ. Дантъ Алигьери, его жизнь и сочиненія. Пер. А. Веселовскаго. Ц. 3 р. М., 1881 г.
Вегетаріанская кухня. Наставленіе къ приготовленію болѣе 800 блюдъ, хлѣбовъ и напитковъ для безубойнаго питанія, съ вступительною статьей о значеніи вегетаріанства. Изд. 2-е. Москва, 1894 г. Ц. 70 к.
Вейнбергъ, Павелъ. Новые р

сказы и сцены. Второе изданіе. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.

Вейсъ, Германъ. Внѣшній бытъ народовъ съ древнѣйшихъ до нашихъ временъ (съ 1945-ю рис. въ текстѣ). Пер. В. Чаева и И. Васильева. Т. I, часть 1-я. Москва, 1873 г.; часть 2-я, Москва, 1874 г. Т. II, ч. 2-я. Москва, 1876 г. Т. III, ч. 1-я и часть 2-я. Москва, 1879 г. По 4 р. за каждую часть.

Верещагинъ, В. В. Литераторъ. М., 1894 г. Ц. 1 р.

— Дѣтство и отрочество. Т. I. М. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Веселовскій, Ал. Этюды и характеристики. М., 1894 г. Ц. 2 р. 75 коп.

— Мизантропъ. Этюды о Мольерѣ. М., 1881 г. Ц. 2 р.

— Старинный театръ въ Европѣ. Историческіе очерки. М., 1870 г. Ц. 2 р.

Викторовъ, П. Ученіе о личности, какъ нервно-психическомъ организмѣ. Вып. I. Ц. 1 р. М. 1887 г.

Винкельманъ, I. I. Исторія искусства древности. Ревель, 1890 г. Ц. 3 р.

Виноградовъ. Extemporalia съ рус. яз. на латинскій. Кіевъ, 1892 г. Ц. 60 к.

Виноградовъ, Н. Федонъ. Діалогъ объ идеѣ „безсмертіе" философа классической древности Платона. М., 1892 г. Ц. 60 к.

Виноградовъ, Павелъ. Учебникъ всеобщей исторіи. Часть II. Средніе вѣка. Изд. 2-ое. М., 1894 г. Ц. 90 к.

Виргилій, Маронъ. Энеида, книги 2, 4, 5, 6, 7, 8, 9. Кіевъ, 1887 г. Ц. 40 к.

— Книга 8-я. Кіевъ, 1892 г. Ц. 35 к.

— Книги 10, 11 и 12. Кіевъ, 1888 г. Ц. 1 р. 25 к.

Вирховъ. О питательныхъ веществахъ. Спб., 1891 Ц. 50 к.

Владимірова, А. К. (А. Европеусъ). Сказки, преданія и легенды всѣхъ временъ и народовъ. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 75 к.

Водовозовъ, В. И. Книга для первоначальнаго чтенія. Ч. I Ц. 45 к. Ч. II. Ц. 80 к.

— Книга для учителей. Ц. 60 к.

— Русская азбука для дѣтей. Ц. 30 к.

— Руководство къ русск. азбукѣ. Ц. 20 к.

— Дѣтскіе разсказы и стихотворенія съ картинками. Ц. 75 коп.

— Разказы изъ русской исторіи Вып. I. Ц. 40 к. Вып. II. Ц. 60 к.

— Предметы обученія въ народной школѣ (для учителей). Ц. 70 к.

— Словесность въ образцахъ и разборахъ. Ц. 1 р. 25 к.

— Новая русская литература. Ц. 1 р. 25 к.

— Очерки изъ рус. исторіи XVIII в. Ц. 1 р. 50 к.

— Русскія сказки въ стихахъ съ картинками въ переплетѣ. Ц. 1 р. 50 к.

— Переводы въ стихахъ и оригинальныя стихотворенія. Ц. 1 р. 50 к.

Водовозова, Е. Н. Жизнь европейскихъ народовъ. Ч. I. Жители юга (съ 26 рисунк.). Изд. 4-е. Ц. 3 р. 75 к., въ переплетѣ 4 р. 55 к. Ч. II. Жители сѣвера. (съ 24 рис.). Изд. 3-е. Ц. та же. Ч. III. Жители средней Европы. Спб.

— На отдыхъ. Иллюстрирован. разсказы для мал. дѣтей. (40 рис.). Ц. 1 р.; въ папкѣ 1 р. 35 к. Спб.

— Изъ русской жизни и природы. Разсказы для дѣтей (изд. 6-е). Ц. 1 р. 50 к., въ переплетѣ 2 р. Спб.

— Умственное и нравственное развитіе дѣтей отъ перваго проявленія сознанія до школьнаго возраста (Изд. 4-е совершенно переработаное). Спб. Ц. 2 р.

— Одноголосныя дѣтскія пѣсни. (Музыка Рубца). Изд. 5-е. Спб., Ц. 1 р.

— Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ. Англичане. Ц. 40 к.

— Турки. Спб., Ц. 40 к.

Войнаровскій, П. Устройство въ домахъ электрическаго освѣщенія, телефоновъ, электрическихъ звонковъ и другія примѣненія электричества въ домашнемъ быту. М., 1892 г. Ц. 1 р. 35 к.

Войславъ, С. Развѣдки пластовыхъ мѣсторожденій полезныхъ ископаемыхъ посредствомъ шурфованія. Спб., 1886 г. Ц. 2 р. 40 к.

— Разсчетъ и построеніе частей машинъ и передаточныхъ механизмовъ. Текстъ съ атласомъ въ 76 таблицъ. Спб., 1885 г. Ц. 4 р.

— Уходъ за паровыми котлами. Спб., 1893 г. Ц. 1 р.

Волкенштейнъ, П. Е. Садовый словарь. Спб., 1889 г. Ц. 4 р.

Ворисгоферъ, С. Сказочная страна. Пер. съ нѣмецк. Ц. 2 р. 75 к. въ роскошн. переплетѣ.

— Образовательное путешествіе (изд. 2-е). Спб., 1892 г., съ рисунками въ текстѣ. Ц. 2 р. 25 к.

— Черезъ дебри и пустыни. Скитанья молодого бѣглеца. Спб., 1894 г. (2-ое изд.). Ц. 1 р. 50 к.

— Приключеніе контрабандиста. Спб., 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

Вундтъ, Вильгельмъ. Лекціи о душѣ человѣка и животныхъ (Пер. со 2-го нѣмец. изд.). Спб., 1894 г. Ц. 5 р.

— Душа и мозгъ. Одесса. 1895 г. Ц. 20 к.

Гаварре, Ж. Теорія Гаусса, примѣненная къ сферическимъ зеркаламъ и стекламъ. М., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

Гавкинъ, Н. Я. Карманный словарь иностранныхъ словъ. Изд. 4-е. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.

Гаймъ, Р. Гердеръ, его жизнь и сочиненія. Перев. В. Н. Невѣдомскаго. Т. I. ц. 5 р. и Т. II ц. 5 р. М., 1888 г.

— Романтическая школа въ Германіи. Пер. В. Невѣдомскаго. Ц. 5 р. М., 1891 г.

Гамбурцевъ, В. Архитекторская команда. Очеркъ московскихъ учрежде-

ній по строительному дѣлу. Москва, 1894 г. Ц. 40 коп.

Гано, А. Полный курсъ физики (въ 2 ч.). Спб., 1892 г. Ц. 4 р.

— Магнетизмъ и электричество. Спб., 1885 г. Ц. 1 р. 50 к.

Гарейсъ, Карлъ. Германское торговое право. Краткій учебникъ дѣйствующаго въ Германіи торговаго, вексельнаго и морского права. Съ четвертаго, вновь переработаннаго и значительно измѣненнаго нѣмецкаго изданія 1892 г., перев. Н. И. Ржондковскій, товар. предсѣд. московскаго коммерческаго суда, подъ редакціей проф. Московскаго университета Н. О. Нерсесова. Вып. первый. М., 1893 г. Ц. 2 р.

Гаринъ, Н. Дѣтство Тёмы. Москва, 1894 г. Ц. 60 к.

Гартманъ, Эдуардъ. Сущность мірового процесса или философія безсознательнаго. Пер. А. А. Козлова. Вып. 2-й. Ц. 2 р. 50 к. М., 1875 г.

Гартвигъ. Воздухъ и его жизнь. М., 1875 г. 2 р. 50 к.

Гаспари, Альфредъ. Исторія итальянской литературы. Т. I. Итальянская литература среднихъ вѣковъ. М., 1895 г. Ц. 3 р.

Гегаръ-Альфредъ. Половое влеченіе. Одесса, 1895 г. Ц. 75 к.

Гейнце, Н. Э. Коронованный рыцарь. Историческій романъ изъ временъ царствованія императора Павла I. Въ 3 частяхъ. Спб., 1895 г. Ц. 2 р.

— Князь тавриды. Историческій романъ. Въ 3 частяхъ. Спб., 1895 г. Ц. 2 р.

— Аракчеевъ. Историческій романъ XIX столѣтія. Въ 2 томахъ и 6 частяхъ. Изданіе второе. Спб., 1895 г. Ц. за оба тома 2 р.

Гервинусъ. Автобіографія (съ 4 портретами) Москва, 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Герценштейнъ, М. Кредитъ для земствъ и городовъ. М., 1892 г. Ц. 75 к.

Герценъ, А. Общая физіологія души (2 изд.). 1894 г. Ц. 75 г.

Гердеръ. Нѣмецко-русскій словарь важнѣйшихъ техническихъ терминовъ употребляемыхъ при описаніи и опредѣленіи растеній. Спб., 1881 г. Ц. 50 к.

Германъ, Ф. Л., д-ръ. Какъ лѣчились московскіе цари. Медико-историческій очеркъ. Кіевъ, 1895 г. Ц. 45 к.

Гертвигъ, Оскаръ. Клѣтка и ткани. Основы общей анатоміи и физіологіи (168 рис. въ текстѣ). Спб., 1894 г. Ц. 3 р.

Геттнеръ, Г. Исторія всеобщей литературы XVIII в. Т. III, кн. 1. Пер. А. Пыпина и А. Плещеева. Ц. 2 р. М., 1872 г.

Гефдингъ, Г. Очерки психологіи. М., 1892 г. Ц. 2 р. 50 к.

Гиббонъ, Эдуардъ. Исторія упадка и разрушенія Римской имперіи (съ портретомъ автора). Пер. Невѣдомскаго. Часть I. Ц. 4 р. М. 83 г.; часть II. Ц. 4 р. М. 83 г.; часть III. Ц. 4 р. М. 84 г. часть IV. Ц. 3 р. 50 к. М. 84 г.; часть V. Ц. 3 р. 50 к. М. 85 г.; часть VI. Ц. 3 р. 50 к. М. 85 г.; часть VII. Ц. 3 р. 50 к. М. 86 г.

Гизо. Исторія цивилизаціи во Франціи. Т. III и IV. Пер. М. Корсакъ. Ц. 4 р. М., 1881 г.

Гильти, К. Счастье. Популярные очерки по нравственной философіи. Изд. 2-е Спб., 1894 г. Ц. 50 к.

Гинтервальднеръ. Руководство къ составленію естественно-научныхъ коллекцій. Спб., 1892 г. Ц. 3 р.

Гиршъ Вильямъ, д-ръ. Геніальность и вырожденіе. Пер. со 2 нѣм. изд. Одесса, 1895 г. Ц. 1 р.

Глинскій, А. Г. Руководство къ частной патологіи и терапіи внутреннихъ болѣзней. Т. I. Вып. I. Инфекціонныя болѣзни. Съ двумя таблицами рис. Харьковъ, 1895 г. Ц. 2 р. 25 к.

Глинскій, В. Біографическій очеркъ о Николаѣ Мих. Ядринцевѣ. М., 1895 г. Ц. 50 к.

Гнейстъ, Рудольфъ. Исторія государствен. учрежд. въ Англіи. Перев. подъ редак. С. А. Венгерова. Ц. 4 р. 50 к. М., 1885 г.

Говсѣева, А. А. Симуляція душевныхъ болѣзней и патологическое притворство. Харьковъ, 1894 г. Ц. 2 р. 50 к.

Гоголь, Н. В. Сочиненія въ 5-ти том. Изд. двѣнадцатое. Спб., 1894 г. Ц. 6 руб. Въ переплетѣ. Ц. 8 р. 50 к.

Головачевъ. Десять лѣтъ реформъ. Спб., 1872 г. Ц. 3 р.

— Исторія желѣзно-дорожнаго дѣла. Спб., 1881 г. Ц. 2 р. 50 к.

— Вопросы государственнаго хозяйства. Спб.. 1873 г. Ц. 1 р.

Головачева-Панаева. Русскіе писатели и артисты 1824—1870 гг. Спб., 1890 г. Ц. 1 р. 35 к.

Гольдсмитъ, Оливеръ. Векфильдскій священникъ. М., 1890 г. Ц. 1 р.

Гольцендорфъ, Ф., проф. Общественное мнѣніе. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.

Головъ, Д. Двигатели малой силы для промышленности и сельскаго хозяйства (съ 95 рис. въ текстѣ). Спб., 1894 г. Ц. 2 р.

Гоніондзскій, З. А. Краткій очеркъ добыванія и обработки каучука и гуттаперчи. М., 1895 г. Ц. 40 к.

— Машины и станки для обработки картона. Съ 40 рис. М., 1894 г. Ц. 15 к., съ пер. 25 к.

Горацій Сатиры. Переводъ съ подстрочн. словаремъ. 2-е изд. Кіевъ, 1891 г. Ц. 60 к.

— Оды. Переводъ I-й и II-й книги. Изд. 2-е. Кіевъ, 1894 г. Ц. 60 к.

— III и IV книги. Изд. 2-е, сост. Сахаровъ. Кіевъ, 1893 г. Ц. 60 к.

Горбуновъ. Програмы мужскихъ гимназій и прогимназій. Изд. 2-е. М., 1893 г. Ц. 55 к.
— Програмы городскихъ училищъ. Изд. 4-е. М., 1893 г. Ц. 35 к.
— Програмы реальныхъ училищъ. Изд. 2-е. М., 1894 г. Ц. 35 к.
Горкевичъ, Л. Руководство къ переводамъ съ русскаго языка на латинскій Гай Саллюстій Криспъ. Югуртинская война. Борисоглѣбскъ, 1893 г. Ц. 45 к.
Горнъ, Винкель. Исторія скандинавской литературы. Пер. К. Бальмонта. Ц. 2 р. 50 к. М., 1894 г.
Госпиталье, Э. Электричество въ домашнемъ быту (со многими рисунками). Спб., 1886 г. Ц. 2 р.
— Главнѣйшія приложенія электричества (2 изд.). Спб., 1886 г. Ц. 2 р. 50 к.
Гофштеттеръ, И. Доктринеры капитализма (по поводу книги г. Струве: „Критическія замѣтки къ вопросу объ экономическомъ развитіи Россія). Спб., 1895 г. Ц. 30 к.
Грабинъ, А. Т. Воздушные замки. Комическій этюдъ. 2-е изд. М., 1895 г. Ц. 40 к.
Гравинкель. Справочная книга для электротехниковъ. Спб., 1893 г. Ц. 4 р. 80 к.
Гранатъ, А., и К°. Настольный энциклопедическій словарь, 8 т. или 108—115 вып. М., 1894 г. Ц. вып. на обыкновенной бумагѣ ц. 30 к., на лучшей бумагѣ ц. 40 к. Тому въ изящ. колен. пер., ц. 5 рублей, безъ переплета п. 4 р. 50 к., на лучшей бумагѣ безъ переплета ц. 5 р. 60 к., въ изящн. колен. пер. 6 р.
Грегуаръ, Л. Исторія Франціи въ XIX вѣкѣ. Пер. подъ редакціей Лучицкаго. Т. I. Ц. 4 р. М., 1893 г. Т. II. Ц. 4 р. М., 1894 г.
Григоровичъ, И. И. Очерки новѣйшей исторіи (6-е изданіе). Спб., 1892 года. Ц. 2 р.
Гриммъ. Книжки I и II въ переплетѣ. М., 1893 г. Ц. 50 к.
— Книжки III и IV въ переплетѣ. М., 1893 г. Ц. 50 к.
— Книжка I млад. возр., безъ пер. М. 1893 г. Ц. 20 к.
— Книжка II млад. в., б. пер. М., 1893 г. Ц. 20 к.
— Книжка III, IV и V-я сред. воз. М., 1893 г. Ц. по 20 к.
Гриммъ, братья. Сказки. 13 вып. М., 1894 г. Ц. по 20 к. вып.
Гриммъ, Д. Очерки по ученію объ обогащеніи. Спб., 1893 г.
Гринъ, Джонъ. Исторія англійскаго народа. Пер. П. Николаева. Т. I. Ц. 3 р. М., 91 г. Т. II. Ц. 2 р. 50 к. М., 92 г. Т. III. Ц. 2 р. 50 к. М., 92. Т. IV. Ц. 2 р. 50 к. М. 1892 г.

Громека М. С. О Л. Н. Толстом Изд. 5-е. М., 1894 г. Ц. 80 к.
Гротъ, Н. Я. Основные моменты въ развитія новой философіи. Москва, 1894 г. Ц. 60 коп.
Грэхэмъ. Ж. Ж. Русо. Его жизнь, произведенія и окружающая среда. М., 1890 г. Ц. 1 р.
Губеръ. Механика. Изд. 2-е. Спб.,
Гулишамбаровъ. Нефтяное отопленіе пароходовъ, паровозовъ, котловъ и проч. (3-е исправлен. и дополнен изд. съ 150 рис.). Спб., 1894 г. Ц. 3 р. 1891 г. Ц. 3 р.
Гурляндъ. Римскій юристъ Гай и его сочиненія. Ярославль, 1894 г.
Густафсонъ, Р. Сказки. Переводъ съ нѣмецк. изданія. Спб., 1885 г. Ц. 1 р. 25 к., въ роск. перепл—1 р. 75 к.
Густавсонъ. Двадцать лекцій агрономической химіи. Курсъ читанный въ Петровской земледѣльческой академіи. Второе изд. М., 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.
Гюббаръ, Гюставъ. Исторія современной литературы въ Испаніи. Переводъ Ю. В. Допельмайеръ. М., 1892 г. Ц. 2 р.
Гюго, Викторъ. Сочиненія въ двухъ томахъ. Спб., 1895 г. Ц. 2 р. 50 к. за оба тома.
— Собраніе стихотвореній въ переводахъ русскихъ писателей. Вып. II. Центральная книжная торговля въ Тифлисѣ, 1895 г. Ц. 20 к. за каждый выпускъ.
— Отважный предводитель негровъ Бюгъ-Жаргаль. Спб., 1893 г. Ц. 60 к.
— Собраніе стихотвореній, въ переводахъ русскихъ писателей. Вып. III. Тифлисъ, 1895 г. Ц. каждаго выпуска 20 к.
— Стихотворенія. Вып. IV. Тифлисъ, 1895 г. Ц. 20 к. за вып.
Данилевскій, Г. П. Сочиненія въ 9-ти томахъ. (Изд. 7-е). Спб., 1892 г. Ц. 15 руб.
Данилевскій, Александръ. Основное вещество протоплазмы и его видоизмѣненія жизнью. Спб., 1894 г. Ц. 60 к.
Данте, Алигьери. Божественная комедія. Адъ. Съ 68 рис. французскихъ художниковъ. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
— Божественная комедія. Чистилище. Съ 72 рис. франц. худож. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
— Божественная комедія. Рай. Съ 74 рис. франц. худож. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
Дебо, Эмиль. Чудесное въ наукѣ. (Популярная физика). М., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.
Декандолль, Альфонсъ. Мѣстопроисхожденіе воздѣлываемыхъ растеній. Спб., 1885 г. Ц. 3 р. 60 к.
Деминевъ, В. М. Краткій курсъ электрической телеграфіи по программѣ техническихъ желѣзно-дорожныхъ учи-

лицъ, съ отдѣльнымъ атласомъ чертежей. Спб., 1894 г. Ц. 60 к.

Деппъ, Г. Ф. Бездымное сожиганіе топлива въ топкахъ паровыхъ котловъ. Съ прилож. 254 чертежей въ отдѣльномъ альбомѣ изъ 39 таблицъ. Спб., 1895 г. Ц. 3 р. 50 к.

Дерюжинскій, В. Ф. Habeas Corpus Актъ и его пріостановка по англійскому праву. Юрьевъ, 1895 г. Ц. 2 р. 50 к.

Демосѳенъ. Олинѳскія рѣчи. Первая рѣчь противъ Филиппа. Изд. 3-е. Кіевъ, 1893 г. Ц. 65 к

— Рѣчи противъ Филип. (2, 3 и 4). Кіевъ, 1889 г. Цѣна 60 к.

Дефоэ. Робинзонъ Крузо, 1 и 2 ч. М., 1888 г. Ц. за обѣ ч. 4 р.

Джабадари, И. С. Смертная казнь въ связи съ правомъ наказанія. Спб., 1895 г. Ц. 50 к.

Джеромъ, К. Праздныя мысли лѣнтяя. Кіевъ, 1893 г. Ц. 50 к.

Диккенсъ, Чарльзъ. Пол. соб. соч. 6 т. Спб., 1894 г. Ц. каждаго тома 1 р. 50 к.

Длусскій. Стенографія. Спб., 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.

Добкевичъ, В. Конспектъ по уголовному процессу. Составлъ примѣнительно къ программѣ юридической коммиссіи по судебнымъ уставамъ императора Александра II. Кіевъ, 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.

Доброе дѣло. Сборникъ повѣстей и разсказовъ К. Баранцевича, А. Барыковой, Н. Гарина, П. Засодимскаго, В. Короленка, Н. Лѣскова, Д. Мамина-Сибиряка, Н. Минскаго, И. Потапенка, Н. Рубакина, А. Стернъ, С. Филиппова. Москва, 1894 г. Ц. 90 к.

Добротворскій, П. Разсказы, очерки и наброски. Спб., 1888 г. Ц. 1 р.

Додоновъ, А. М. Руководство къ правильной постановкѣ голоса и изученію искусства пѣнія. М., 1891 г. Ч. I. Ц. 50 к. Ч. II, практическая, М., 1895 г. Ц. 1 р. 80 к. Одобрено Петербургской и Московской консерваторіями.

Дройзенъ, И. Г. Исторія эллинизма. Пер. М. Шелгунова. Т. I, ц. 3 р. 50 коп. М., 1891 г.; т. II, ц. 3 руб. М., 1893 г.; т. III, перев. Э. Циммермана. Ц. 4 р. 50 к. М., 1893 г.

Дрэперъ, Дж. В. Исторія умственнаго развитія Европы, въ 2-хъ томахъ. Кіевъ, 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Дѣтское Чтеніе. XXV. Юбилейный номеръ. 1869—1894. Редакторъ П. В. Голяховскій. Спб., 1894 г.

Дювернуа, А. Словарь болгарскаго языка въ 9 т. М., 1889 г. Ц. 18 р.

— Объ историческомъ наслоеніи въ славянскомъ словообразованіи. М., 1867 г. Ц. 2 р.

— Станиславъ Зноемскій и Янъ Гусъ. М., 1871 г. Ц. 1 р. 60 к.

— Блаженный Меѳодій, первоучитель славянскій. Рѣчь, произнесенная въ университетѣ на празднествѣ тысячелѣтія дня кончины бл. Меѳодія. М., 1894 г. Ц. 40 к.

— Матеріалы для словар. древне-русскаго языка. М., 1894 г. Ц. 3 р.

Дюмуленъ. Цвѣтная фотографія. Воспроизведеніе красокъ фотографіей. М., 1895 г. Ц. 70 к.

Дюрсенъ, А., д-ръ. Спутникъ гинеколога. Руководство для студентовъ и врачей. Пер. съ третьяго дополненнаго и исправленнаго изданія, съ 105 рис. въ текстѣ. Спб., 1894 г. Ц. 2 р.

Евневичъ. Гидравлика. Изд. 2-е. Спб., за два тома 6 р.

Европейская библіотека. Генрихъ Ибсенъ. Счастливецъ. Спб. 1894 г. Ц. 40 к.

— Избранныя мысли Сафира. Спб., 1894 г. Ц. 30 .

— Коппе, Франсуа: „Генріетта". Спб., 1894 г. Ц. 25 к.

— Тэнъ, Ипполитъ: „Бальзакъ". Спб., 1894 г. Ц. 30 к.

— Золя, Эмиль: „Завѣтъ матери". Спб., 1894 г. Ц. 40 к.

Ежегодникъ. Обзоръ книгъ для народнаго чтенія и народныхъ картинъ 1893 г. М., 1895 г. Ц. 50 к.

Елпатьевскій, С. Я. Очерки Сибири. М., 1893 г. Ц. 1 р.

Ечинацъ, А. Методика новыхъ языковъ и американскій разговорный методъ. Для учителей, родителей и учениковъ. Спб., 1892 г. Ц. 45 к.

Жакье, Э. Сборникъ физическихъ задачъ. М., 1893 г. Ц. 2 р.

Желанскій, А. Скамья и каѳедра. Разсказы изъ гимназической жизни семидесятыхъ годовъ. М., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.

Женэ, Рудольфъ. Шекспиръ, его жизнь, сочиненія. Переводъ А. Н. Веселовскаго, съ примѣчан. Н. Стороженка. М. 1877 г. Ц. 2 р. 50 к.

Жоржъ-Зандъ. Замокъ Вильпрэ. М., 1892 г. Ц. 1 р. 75 к.

Жуковъ, Николай. Электрометаллургія и обработка металловъ электрическимъ токомъ. Москва, 1895 г. Ц. 3 р.

Жюль Вернъ. Гекторъ Серваданъ, путешествіе въ солнечномъ мірѣ. Пер. Самойловичъ. Москва, 1887 г. Цѣна 2 р. 50 коп.

Жэ. Задачи по физикѣ. М., 1892 г. Ц. 2 руб.

Заблудовскій и Таненбаумъ. Другъ кочегара. Спб., 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.

Забѣлинъ, И. Кунцево и древній Сѣтунскій станъ. М., 1873 г. Ц. 2 р.

Замысловатый квадратъ. (Головоломка). Изд. Вл. А. Попова. Цѣна 25 к., пересылка за 1 ф. по разстоянію.

Записки желудка. Переводъ съ 10-го англійскаго изданія. Спб., 1891 г. Ц. 50 к.

Засодимскій, П. В. Задушевные разсказы въ 2-хъ томахъ (изд. 2-е). Спб., 1894 г. Ц. 1 т. 1 р. 50 к., II т. 2 р. въ роскошномъ перепл.

Затруднительное путешествіе. (Игра-задача для дѣтей). Изд. Вл. А. Попова. Спб., 1894 г. Цѣна 15 коп., съ пересылкой 25 коп.

Законы о векселяхъ и упрощенный порядокъ судопроизводства. (Изданіе неоффиц.). М., 1894 г. Ц. 80 коп.

Зелинскій, В. Собраніе критическихъ матеріаловъ для изученія произведеній И. С. Тургенева. Изд. 2-е. М., 1895 г. Ц. 2 р.

— Справочникъ по русскомъ правописанію. Вып. I, изд. 7-е. М., 1893 г. Ц. 50 к.

— Справочникъ по русскому правописанію. Вып. II. М., 1892 г. Ц. 50 к.

— Грамматическій задачникъ для письменныхъ и устныхъ упражненій. Изд. 8-е. М., Ц. 25 к.

— Зрительный диктантъ. Ч. I, изд. 5-е. М., 1893 г. Ц. 50 к.

— Зрительный диктантъ. Ч. II, изд. 3-е. М., 1894 г. Ц. 40 к.

— Справочный словарь буквы Ѣ. Изд. 3-е. М., 1892 г. Ц. 25 к.

— Корнесловъ русскаго языка. М., 1891 г. Ц. 50 к.

— Хрестоматія для объяснительнаго чтенія. М., 1892 г. Ц. 25 к.

— Методическія указанія и образцовые уроки по преподаванію русской элементарной грамматики. М., 1891 г. Ц. 1 р.

— Методическія указанія и примѣрные уроки по объяснительному чтенію. М., 1891 г. Ц. 1 р.

— Обученіе грамотѣ по звуковому способу. М., 1893 г. Ц. 1 р.

— Критическій комментарій къ сочиненію Ѳ. М. Достоевскаго, три части. М., 1894 г. Цѣна по 1 руб.

— Сборникъ критическихъ статей о Н. А. Некрасовѣ, три части. М., 1887 г. Цѣна по 1 руб.

— Русская критическая литература о произведеніяхъ С. Пушкина, три части. М., 1888 г. по 1 руб.

— Русская критическая литература о произведеніяхъ Л. Н. Толстого, три части. М., 1888 г. по 1 руб.

— Русская критическая литература о произведеніяхъ Н. В. Гоголя, двѣ части. М., 1889 г. Ц. по 1 руб.

— Критическіе разборы романа Тургенева „Отцы и дѣти". М., 1894 г. Ц. 35 к.

— Критическіе разборы романа Достоевскаго „Братья Карамазовы". М., 1894 г. Ц. 50 к.

— Критическіе комментаріи къ соч. А. Н. Островскаго. Ч. I. М., 1894 г. Ц. 1 р.

— Критическіе комментаріи къ соч. А. Н. Островскаго. Ч. II. Ц. 1 р. М., 1895 г.

Земперъ, Генрихъ. Чай, разведеніе его въ Китаѣ, Индіи, Японіи и на Кавказѣ. М., 1890 г. Ц. 75 к.

Земмерфельдъ, Т., д-ръ. Какъ предохранить себя и своихъ дѣтей отъ скарлатины, дифтерита, чахотки, тифа и друг. заразныхъ болѣзней. Врачъ въ домѣ. Одесса, 1895 г. Ц. 30 к.

Зиберъ, Н. И. Очерки первобытно-экономической культуры. Ц. 4 р. 50 к. М., 1883 г.

Златовратскій. Новые разсказы. М., 1895 г. Ц. 1 р.

Золя, Эмиль. Серія романовъ Ругоны-Маккаръ. Кіевъ, 1894 г. Ц. 21 р.

Зонтагъ. Болѣзни желудка и кишекъ. Одесса, 1895 г. Ц. 30 к.

Зудерманъ, Г. Честь. Комедія въ 4-хъ д. М., 1891 г. Ц. 50 к.

— Родина. Драма въ 4-хъ д. М., 1893 г. Ц. 50 к.

— Свадьба Іоланти и др. разсказы. М., 1895 г. Ц. 40 коп.

Зутнеръ, Берта. Долой оружіе. Спб., 1893 г. Ц. 80 к.

Ибсенъ, Генрикъ. Привидѣнія (Драма въ 3 актахъ), переводъ Бальмонта. М., 1894 г. Ц. 50 к.

Ивановъ, Ив. Политическая роль французскаго театра въ связи съ философіей XVIII-го вѣка. М. 1895 г. Ц. 3 р. 50 к.

Иванюковъ, И. Паденіе крѣпостного права въ Россіи. Спб., 1882 г. Ц. 3 руб.

— Политическая экономія. Изд. 3-е. М., 1891 г. Ц. 3 р.

— Основныя положенія теоріи экономической политики съ Адама Смита до настоящаго времени. Изд. 3-е. М., 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.

Игерингъ, Рудольфъ. Борьба за право. Пер. Волкова. М., 1874 г. Ц. 75 к.

Изъ дневника Амієля. Пер. съ фр. М. Л. Толстой. Спб., 1894 г. Ц. 35 к.

Иллюстрированная сказочная библіотека. 30 сказокъ Андерсена, въ переводѣ Порозовской, со множествомъ рисунковъ. Цѣна каждой книжки отъ 5 до 20 коп. 6 сказокъ Гауфа. Ц. та же. Спб., 1894/5 года.

Иллюстрированная пушкинская библіотека (Изд. Павленкова), состоящая изъ 40 книжекъ со многими иллюстрац., цѣною отъ 2 к. и дороже (изд. 2). Спб., 1891 г.

Иллюстрированная Лермонтовская библіотека (изд. Павленкова), состоящая изъ 30 книжекъ, цѣною отъ 2 коп. и дороже. Спб., 1891 г.

Ингремъ, Джонъ. Исторія политической экономіи. Пер. подъ редакціей Янжула. Ц. 1 р. 50 к. М., 1891 г.

Кадіа. Электричество. Изд. 3-е. Спб., 1894 г. Ц. 5 р.

Казотъ. Влюбленный дьяволъ. М., 1894 г. Ц. 80 к.
Камаровскій, Л., проф. Война или миръ? Одесса, 1895 г. Ц. 15 к.
Канониковъ. Руководство къ химическимъ изслѣдованіямъ питательныхъ и вкусовыхъ веществъ. Спб., 1891 г. Ц. 3 р.
Канторовичъ, Я. Литературная собственность. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.
Кантъ, Иммануилъ. Пролегомены ко всякой будущей метафизикѣ. Изд. 2-е. М., 1893 г. Ц. 1 р. 20 к.
Кандезъ, Ѳ. Приключеніе сверчка. Спб., 1889 г. Цѣна въ роскошн. переплетѣ 2 р. 50 к.
Карасевъ. А. Музыкальная хрестоматія. Ч. I. Дѣтскій возрастъ. М. Ц. 40 к. Тоже часть II. Ц. 60 к.
Каронинъ (Петропавловскій). Разсказы. 3 т. М., 1890 г. Ц. каждаго тома 1 р. 50 к.
Каро, Э. Пессимизмъ въ XIX в. Изд. 2-ое. М. 1893 г. Ц. 1 р.,
— Современная критика и причины ея упадка. М. 1883 г. Ц. 30 к.
Карышевъ, Ив. А. Православно-христіанскій взглядъ на основанія, принятыя гр. Л. Н. Толстымъ для своего лжеученія, изложеннаго въ его сочин. „Въ чемъ моя вѣра". М., 1891 г. Ц. 60 к.
— Духовно-нравственный міръ въ человѣкѣ по ученію св. православной вѣры. М., 1891 г. Ц. 1 р. 25 к.
Каррьеръ, Морицъ. Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры и идеаловъ человѣка. Пер. Е. Корша. Т. I, ц. 3 р. Москва, 1870 г. Т. II, ц. 3 р. 50 к. Москва, 1871 г. Т. III, ц. 5 р. 50 к. Москва, 1874 г. Т. IV, ц. 4 р. Москва, 1874 г.
Карѣевъ, Н., проф. Роль идей, учрежденій и личности въ исторіи. Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.
Кацолино, Пр. Гигіена уха. Кіевъ, 1893 г. Ц. 15 к.
Квикъ. Реформаторы воспитанія. Перев. и передѣлка З. Перцовой. Москва, 1893 г. Ц. 2 р.
Квитка-Основьяненко. Панъ Халявскій. Миніатюрное изданіе Ѳ. А. Іогансона. Кіевъ, 1893 г. Ч. 1-я и 2-я. Ц. 50 к.
— Драм. соч. Кіевъ, 1893 г. Ц. 35 к.
— Малороссійскія повѣсти, разсказанныя Грыцкомъ Основьяненкомъ. Кіевъ, 1894 г. Ц. 35 к.
Кенигсбергъ, М. М., д-ръ медиц. Главныя основы анатоміи, физіологіи и гигіены въ научно-популярныхъ бесѣдахъ. Съ предисловіемъ профессора Эрисмана и 38 рисунками въ текстѣ. Оренбургъ, 1893 г. Ц. 2 р.
Кенигъ, Ф., д-ръ. Руководство къ частной хирургіи для врачей и учащихся. Въ 2 томахъ, съ 278 рис. Русское изд. третье. Спб., 1894 г. Ц. 10 р.
Кесслеръ. Синтаксисъ латинскаго языка для гимназій. Изд. 6-е. 1888 г. Ц. 1 р. 25 к.
Киландъ, Александръ. Ядъ. Фортуна (два романа). М., 1895 г. Ц. 1 р.
Кингсфордъ, Анна, докт. мед. Научныя основанія вегетаріанства. Пер. съ англ. М., 1893 г. Ц. 30 коп.
Кистяковскій, А. Ѳ. Элементарный учебникъ общаго уголовнаго права. Третье изданіе. Кіевъ, 1891 г. Часть общая. Цѣна 4 р.
Кнейппъ, Севастьянъ. Мое водолеченіе. Изд. 3-е. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р.
Кобеко. Цесаревичъ Павелъ Петровичъ. Изд. 3-е. Спб., 1887 г. Ц. 3 р.
Кобеллъ. Таблицы. Изд. 2-е. Спб 1894 г. Ц. 1 р.
Ковалевская, Софія, и Лефлеръ, А. Борьба за счастье. Кіевъ, 1892 г. Ц. 1 р.
Ковалевскаго, М. Очеркъ происхожденія семьи и собственности. Лекціи, читанныя въ Стокгольмскомъ университетѣ. Спб., 1895 г. Ц. 60 к.
Козловскій, С. А. Полныя рѣшенія и объясненія всѣхъ ариѳметическихъ задачъ И. П. Верещагина. Ч. III. Отношенія, пропорціи и правила тройныя (простое и сложное), простыхъ процентовъ, учета векселей, цѣнное, пропорціональнаго дѣленія, смѣшенія и уравненія сроковъ платежей (съ № 2466—3288 включительно). Минскъ, 1895 г. Ц. 75 к.
Коломбо, маркиза. Красавица. Разсказъ. Перев. съ итальян. М., 1894 г. Ц. 35 коп.
Коломбъ, Ж. Дѣдушкина внучка. Съ французскаго. Спб., 1894 г. Ц. 2 руб. въ роскошн. переплетѣ.
Кольбе. Введеніе къ ученію объ электричествѣ. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 20 к.
Колэ, Л. Дѣтство и юность великихъ людей (Важнѣйшіе эпизоды и выдающіяся приключенія въ ихъ жизни). Съ 57 рис. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
Корелинъ, М. С. Ранній итальянскій гуманизмъ и его исторіографія. Вып. 1 и 2. М., 1892 г. Ц. за оба выпуска 6 р.
Коренблитъ, А. И. Нѣмецко-русскій техническій словарь. 25 выпусковъ. Ц. каждаго вып. 40 к. М. 1892—1895 гг. (всего будетъ 35—40 выпусковъ).
Корнетъ, Г. Какъ уберечь себя отъ чахотки. Кіевъ, 1893 г. Ц. 15 к.
Коропчевскій, Д. А. Люди. Этнографическіе очерки. Съ картой Аф ики. М., 1886 г. Ц. 65 к.
Короленко. Голодный годъ. Изд. -е. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
— Въ дурномъ обществѣ. Москва, 1 94 г. Ц. 35 к.
Корсакъ, Марія. Первоначаль ые уроки русской грамматики. Ц. 60 к п. М., 1878 г.

Коршъ. Всеобщая исторія литературы. Томъ III. Спб., 1888 г. Ц. 5 р.
— Томъ IV. Спб., 1888 г. Ц. 6 р. 50 к.

Кореноблитъ, А. И. Нѣмецко-русскій техническій словарь 5 вып. (1 т.). Ц. каждаго вып. 40 к. М., 1892—1895 года (всего будетъ 35—40 выпусковъ).

Корнигъ. Нервный вѣкъ и нервное поколѣніе. Одесса, 1894 г. Ц. 40 к.
— Гигіена цѣломудрія. Одесса, 1894 г. Ц. 50 к.

Корфъ, Н. А. Нашъ другъ, книга для чтенія въ школѣ и дома (16 изд.). Спб., 1894 г. Ц. 75 к.

Костычевъ, П. Общедоступное руководство къ земледѣлію (Изд. 2). Спб., 1894 г. Ц. 75 к.
— Обработка и удобреніе чернозема. Спб., 1892 г. Ц. 2 р.
— Ученіе объ удобреніи почвъ. (Изд. 2). Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.

Котельниковъ, М. Г. Справочная книжка по винокуренію для лицъ акцизнаго надзора. М., 1894 г. Ц. 1 р.

Котельниковъ. Начальныя свѣдѣнія по скотоводству (Изд. 3). Спб., 1893 г. Ц. 40 к.
— Бесѣды по земледѣлію. Вып. I. О почвѣ. 1893 г. Вып. II. Объ удобреніи почвы. 1894 г. Вып. III. Травосѣяніе 1894 г. Вып. IV. О сѣменахъ и посѣвѣ, 1895 г. Вып. V. О воздѣлываніи хлѣбовъ. 1894 г. Вып. VI. Широколиствен. мучнистыя растенія. 1892 г. Вып. VII. О воздѣл. картофеля и корнеплодовъ. 1894 г. Спб. Цѣна кажд. вып. 30 к.

Коченовскій. Краткое руководство къ простому изслѣдованію сельско-хозяйственныхъ матеріаловъ и продуктовъ. Кіевъ, 1894 г. Ц. 80 к.

Краткій курсъ кожныхъ и венерическихъ болѣзней. Составленный примѣнительно къ программѣ испытательной медицинской коммиссіи. Кіевъ, 1895 г. Ц. 1 р.

Краффтъ-Эбингъ. О здоровыхъ и больныхъ нервахъ. М., 1885 г. Ц. 75 к.
— Судебная психопатологія (Перевелъ Ал. Черемшанскій). Спб., 1895 г. Ц. 5 руб.

Крестовскій, В. (псевдонимъ). Альбомъ, группы и портреты. Спб., 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.

Кривенко, Н. Бесѣды о рогатомъ скотѣ. М. 1892 г. Ц. 70 к.

Криста, М. Конецъ крейцеровой сонаты Льва Толстого. Спб., Ц. 30 к.

Криницкій, Маркъ. Въ туманѣ. Москва, 1895 г. Ц. 40 к.

Крихлеръ, Францъ. Породы собакъ. Описаніе всѣхъ породъ собакъ: охотничьихъ, сторожевыхъ, защитныхъ и комнатныхъ. Дрессировка собакъ. Лѣчебникъ собакъ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.

Кругловъ, А. В. Свои-чужіе. Романъ. Кіевъ, 1893 г. Цѣна 1 р.
— Подъ колесомъ жизни. Повѣсти и разсказы. Кіевъ, 1894 г. Цѣна 1 р.
— Незабудки. Разсказы и стихотворенія для дѣтей. Спб. 1885 г. Ц 1 р. 50 к., въ роскошн. перепл.—2 р.
— Вечерніе досуги. Сборникъ дѣтск. разсказ. и стихотвореній, съ 45 рисунк. въ текстѣ. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
— Добрымъ дѣтямъ иллюстрированные разсказы въ прозѣ и стихахъ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.

Крыловъ, И. А. Избранныя басни для школъ и народа. М., 1895 г. Ц. 8 к.

Ксенофонтъ. Анабазисъ. Подстрочн. пер. Кремера. Книга I-я, изд. 3-е. Кіевъ, 1892 г. Ц. 40 к.
— Книга II-я, изд. 3-е. Кіевъ, 1892 г. Ц. 40 к.
— Книги III-я, и IV-я, изд. 2-е. Кіевъ, 1892 г. Ц. 60 к.
— Книги V-я, VI и VII. Кіевъ, 1892 г. Ц. 1 р.

Куглеръ, Францъ. Руководство къ исторіи искусства, обработан. Любке. Пер. Е. Корша. Ч. I, съ 320 рисунк. въ текстѣ, ц. 5 р. М. 1869 г.; т. II, ц. 5 р. съ 167 рис. М. 1870 г.
— Руководство къ исторіи живописи со временъ Константина Великаго. Перев. И. К. Васильева, съ портрет. автора. Ц. 7 р. М., 1872 г.

Кузьминскій, К. Н. Устройство сцены для любительскихъ спектаклей. М., 1893 г. Ц. 50 к.

Кулагинъ Н. Насѣкомыя, вредныя для сада и огорода въ средней и сѣверной Россіи (Изд. 2-е). Спб., 1894 г. Ц. 50 к.

Кулешовъ, П. Свиноводство. М. 1893 г. Ц. 1 р.
— Коневодство. М., 1892 г. Ц. 1 р. 30 к.
— Научныя и практическія основанія подбора племенныхъ животныхъ въ овцеводствѣ. М. 1890 г. Ц. 2 р.

Куно-Фишеръ. Лессингъ, какъ преобразователь нѣмецкой литературы. Пер. И. П. Разсадина. Ц. 1 руб. 25 к. М., 1882 г.
— Артуръ Шопенгауэръ. М., 1894 г. Ц. 1 р.

Курбскій, А. С. Русскій рабочій у сѣверо-американскаго плантатора. Спб., 1875 г. Ц. 2 р.

Курціусъ, Эрнстъ. Т. II, пер. А. Веселовскаго. Ц. 5 р. М., 1883 г. Т. III, пер. М. Корсакъ. Ц. 4 р. М., 1880 г.

Лабрюйеръ, Жанъ. Характеры или нравы этого вѣка (съ предисловіемъ Прево-Парадоля и Сентъ-Бёва). Спб., 1890 г. Ц. 2 р.

Лабулэ, Эдуардъ. Голубыя сказки. Въ роскошномъ переплетѣ съ 150 рисунк. Спб., 1894 г. Ц. 3 р.

Лавелэ, Эмиль. Балканскій полуостровъ. Пер. Н. Е. Васильева. Ц. 6 р. М., 1889 г.

Лависъ, Э. Общій очеркъ политической исторіи Европы. М., 1891 г. Ц. 50 к.

Лампрехтъ, Карлъ. Исторія германскаго народа. Пер. П. Николаева. Т. I (части 1 и 2). Ц. 4 р. М., 1894 г.

Ландцертъ, В. П. Спутникъ по Россіи. Лѣтнее движеніе. М., 1895 г. Ц. 50 к.

Леббокъ, Дж. Красота природы и чудеса міра. Пер. подъ ред. А. М. Павлова, съ 36 политип. Ц. 1 р. 50 к. М., 1893 г.

— Радости жизни. Второе исправленное и дополненное изданіе. Спб., 1895 г. Ц. 90 к.

Лёбе, В. Молочное хозяйство, молочный скотъ, маслодѣліе и сыровареніе. Съ 42 рис. въ текстѣ. Спб., 1895 г. Ц. 90 к.

Лёвенфельдъ. Л. Половая нейрастенія. Одесса, 1892 г. Ц. 1 р.

Левицкій, В. Н. Временныя правила о волостномъ судѣ, преобразованномъ по закону 12 іюля 1889 года. М., 1894 г. Ц. 1 р.

Левитовъ. Собраніе сочиненій, съ портретомъ автора и статьей о его жизни Ф. Д. Нефедова. Т. I. Ц. 1 р. 50 к. Т. II. Ц. 1 р. 50 к. М., 84.

Ле-Бонъ, Густавъ. Эволюція цивилизацій. Одесса, 1895 г. Ц. 50 к.

Ладвезъ. Фото-сепія и фото-сангвинъ. Руководство для фотографовъ-любителей. М., 1895 г. Ц. 35 к.

Лейбницъ, Г. В. Избранныя философскія сочиненія. Съ портретомъ. М., 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

Лейненбергъ, Н. Берегите дѣтей отъ вина, пива и водки! Мнѣнія 45 выдающихся ученыхъ о вліяніи спиртныхъ напитковъ на тѣлесное, духовное и нравственное здоровье дѣтей. Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.

Леонтьевъ, Н. І. Указатель пьесъ для любительскихъ спектаклей. М., 1893 г. Ц. 50 к.

Лермонтовъ, М. Ю. Пол. собр. сочиненій. Спб. 1893 г. Ц. 1 р.

Лессингъ, Г. Мина фонъ-Барнгельмъ. Перев. Гомберга. Кіевъ, 1893 г. Ц. 25 к.

— Эмилія Галотти. Кіевъ, 1892 г. Ц. 25 к.

— Натанъ Мудрый. Кіевъ, 1893 г. Ц. 25 к.

— Молодой ученый. Кіевъ, 1893 г. Ц. 25 к.

— Гамбургская драматургія. Пер. И. П. Разсадина. Ц. 3 р. М., 1883 г.

— Дрататич. соч.: Минна фонъ Барнгельмъ. Эмилія Галлотти, Натанъ Мудрый. Спб. 1886 г. Ц. 2 р.

Лесгафтъ, Ф. Хлѣбопекарное производство (по Бирнбауму) и описаніе производства сухарей и проч. на русскихъ заводахъ. Спб., 1880 г. Ч. I. Ц. 3 р.

Ливій, Титъ. Подстрочный переводъ 30-й книги сдѣл. Румянцевъ и Подгурскій. Кіевъ, 1894 г. Ц. 60 к.

— Исторія Рима отъ основанія города. Книги I и II. Кіевъ, 1892 г. Ц. по 75 к.

— Римская исторія Кн. XXI, XXII. Изд. 2-е. Кіевъ, 1892 г. Цѣна 60 к.

Липпертъ, Ю. Исторія культуры. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 60 к.

Ли, Іонасъ. Осужденный на вѣкъ. Разсказъ, съ норвежск. М., 1894 г. Ц. 40 к.

Лихіе наѣздники. (Шутка-задача для дѣтей). Изд. Вл. А. Попова. Цѣна 10 к.

Лодыгинъ, П. Дѣдушкины разсказы о лошади—кормилицѣ и объ уходѣ за нею въ сельскомъ быту. Спб., 1895 г. Ц. 20 к.

Лотце, Германъ. Микрокозмъ (мысли о естеств... ной и бытовой исторіи человѣка, опытъ антропологіи). Пер. Е. Корша. Часть I. Ц. 2 р. М., 64 г. Часть II. Ц. 2 р. М., 66 г. Часть III. Ц. 2 р. 50 к. М., 67 г.

Луговой, А. Добей его! (Pollice verso). Параллели. Москва, 1893 г. Ц 50 к.

— Соч. Т. 1. Спб., 1894 г. Ц. 2 р.

— Сочиненія. Т. II-ой. Спб., 1894 г. Ц. 2 р.

Лункевичъ, В. Наука о жизни. Общедоступная физіологія человѣка. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

Лучицкій, И., проф. Проповѣдникъ религіозной терпимости въ XVI вѣкѣ. М., 1895 г. Ц. 30 к.

Льюисъ, Георгъ Генри. На берегу моря (зоологическіе этюды). М., 1876 г. Ц. 1 р. 50 к.

Лѣтневъ, П. Невидимый бичъ. Ром. Вмѣсто хлѣба, камень. Ром. Кіевъ, 1894 г. Цѣна въ одномъ томѣ 1 р. 50 к.

— Бархатные когти. Ром. въ 2-хъ ч. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р.

— На волоскѣ. Ром. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р.

— Современный недугъ. Ром. въ 3-хъ ч. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р.

— Поперекъ дороги. Повѣсть. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р.

— На смѣну прошлаго. Ром. Безъ воли. Повѣсть. Кіевъ, 1894 г. Цѣна въ одномъ томѣ 1 р.

— Бѣшеная лощина. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.

— Волчья яма. Кіевъ, 1895 г. Ц. 1 р.

— Сочиненія. 10 томовъ. Кіевъ, 189 г. Ц. 8 р.

Любке, Вильгельмъ. Исторія пластики съ древнѣйшихъ до нашихъ временъ. Перев. В. Чаева, съ 231 рис. въ текстѣ. Ц. 6 р. М., 1870 г.

Магаффи, Дж. Исторія классическаго періода греческой литературы. Пер. А. Веселовской. Т. I (поэзія). Ц. ? р. М., 1882 г. Т. II (проза). Ц. 3 р. М., 1883 г.

Магнусъ Блаубергъ. Русское виноградное вино и хересъ. М., 189[illegible] г. Ц. 2 р.

Маевскій, П. Флора средней Россіи. Иллюстрированное руководство къ опредѣленію растенія. М., 1895 г. Ц. [illegible] р. 50 к. Изд. 2-е исправлен. и дополн.

Майеръ, Викторъ. Задачи химіи нашего времени. Спб., 1890 г. Ц. 50 к.
Мазуринъ, К., и Высоцкій, В. Формулы по ариеметикѣ, алгебрѣ, геометріи, тригонометріи, высшей алгебрѣ, дифференціальному и интегральному исчисленіямъ для рѣшенія задачъ по чистой математикѣ. М., 1887 г. Ц. 50 к.
Макарова, С. Отголоски старины. Историческіе разсказы для дѣтей. М., 1894 г. Ц. въ папкѣ 1 р., въ коленкоровомъ переплетѣ 1 р. 30 к.
Македонскій. Права и обязанности подсудимаго предъ военнымъ судомъ. М., 1886 г. Ц. 1 р.
Маклеодъ, Д. Г. Основанія политической экономіи. Спб.. 1865 г. Ц. 2 р. 50 к.
Максимъ Ковалевскій. Происхожденіе современной демократіи. Т. I. М., 1895 г. Ц. 2 р. 50 к.
Максимовъ, С. В. Годъ на сѣверѣ. М. 1890 г. Изд. 4-е. Ц. 3 р.
— Куль хлѣба и его похожденія. Четвертое иллюстрированное изданіе. Спб., 1894 г. Ц. р. 50 к.
Мальтусъ, Т. Р. Опытъ закона о народонаселеніи. Вып. III. М., 1895 г. Ц. 1 р.
Маминъ-Сибирякъ, Д. Дѣтскія тѣни. М., 1894 г. Ц. 80 к.
— Разсказы и сказки для дѣтей младшаго возраста. М., 1895 г. Ц. 60 к., въ папкѣ 75 к.
— Акъ-Бозатъ. Разсказъ. М., 1895 г. Ц. 30 к.
Мантегацца, П. Физіологія любви. Второе исправленное изд. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
— Физіологія женщины. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
Мартыновъ. Anciens monuments des environs de Moscou. М., 1889 г. Ц. 10 р.
Мартъ, Констанъ. Философы и поэты-моралисты во времена Римской имперіи. Переводъ М. Корсакъ. Ц. 2 р. М., 1879 г.
Матеріалы для біографіи Добролюбова, собран. въ 1861—1862 гг. Т I. Ц. 2 р. М., 1890 г.
Маракуевъ, Н. Н. Элементарная алгебра въ 2-хъ ч. М., 1887 г. Ц. 4 р.
— Галилей, его жизнь и ученые труды. М., 1888 г. Ц. 35 к.
Масперо, Ж. Древняя исторія народовъ Востока. Москва, 1895 г. Ц. 3 р.
Массе. Исторія кусочка хлѣба. Спб., 1877 г. Ц. 1 р. 50 к.
Масловичъ, Н. Татьянинъ день 12 января. Харьковъ, 1895 г. Ц. 20 к.
Маудсли, Генри. Сонъ и сновидѣнія. Спб., 1895 г. Ц. 30 к.
Мауреръ, Людвигъ. Введеніе въ исторію общиннаго, подворнаго, сельскаго и городского устройства и общественной власти. Пер. В. Корша. Ц. 2 руб. 75 к. М., 1880 г.
Мачтетъ, Григорій. Баба и другіе разсказы. (Силуэты. Т. I.). Изд. 2-ое. М., 1895 г. Ц. 1 р.
— Блудный сынъ. Повѣсть. (Силуэты. Т. I). Изданіе 2-ое. Москва, 1895 г. Ц. 1 р.
Между прочимъ. Сбор. разсказовъ. Изд. 2-е. М., 1894 г. Ц. 80 к.
Международная библіотека. № 1. Ферд Брюнетьеръ. Источники пессимизма, 2-е изд. Ц. 15 к. № 2. Кеттлеръ. Что такое женская эмансипація. 2-е изд. Ц. 15 к. № 3. Вундтъ. Связь философіи съ жизнью за послѣднія 100 л. 2-е издан. Ц. 15 к. № 4. Леметръ. Этюды о русскихъ писателяхъ: Достоевскій, Островскій. 2-е изд. Ц. 15 к. № 5. Шенбахъ. Государственный строй С.-Амер. Соедин. Штатовъ. 2-е изд. Ц, 15 к. № 6. Брюнетьеръ. Отличительный характеръ французской литературы. Ц. 15 к. № 7. Шарль Рише. Геніальность и помѣшательство. Ц. 15 к. № 8. фонъ-Шеля. Самоубійство и современная цивилизація. Ц. 15 к. № 9. И. Тэнъ. Шекспиръ. Ц. 15 к. № 10. Рене Думикъ. Литература и вырожденіе. Ц. 15 к. № 11. Луйо Брентано. Причины экономическаго разстройства въ Европѣ. Ц. 15 коп. № 12. Брандесъ. Звѣрь въ человѣкѣ. Ц. 15 к. № 13. Лесли Стефенъ. Этика и борьба за существов. Ц. 15 к. № 14. Отто-Генне-амъ-Ринъ. Законы культуры. Ц. 15 к. № 15. Ф. Штрайслеръ. Происхожденіе семьи. Ц. 15 к. № 16—17. А. Фулье. Психологія мужчины и женщины и ея физіологическія основанія. Ц. 25 к. № 18. А. Шопенгауэръ о возростахъ человѣка. Ц. 15 к. № 19. По Лабанду. Государственный строй германской имперіи. Ц. 15 к. № 20. Густавъ Шенбергъ. Новая политическая экономія. Ц. 15 к. № 21. Альфредъ Бинэ. Механизмъ мышленія. Ц. 15 к. № 22. Ф. Паульсенъ. Гамлетъ, какъ трагедія пессимизма. Ц. 15 к. Рюмелинъ. Что такое соціальный законъ № 23. Ц. 15 к. Фердинандъ Лагранжъ. Реформа физическаго воспитанія № 24. Цѣна 20 к. Шарля Ферре. Наслѣдственность болѣзненнаго предрасположенія № 25. Ц. 15 к. Миттермайеръ. Судъ присяжныхъ и его значеніе № 26. Ц. 15 к. № 27. Сила и право. Меркеля. № 28. Основы государственной критики. А. Гапфельдта. № 29. Государственный строй Франціи, по Лебону. № 30. Исторія народнаго образованія въ Англіи, Л. Флейшнера. Ц. 15 к. № 31. Нервная система человѣка. Д-ра П. Мебіуса. Ц. 15 к. № 32. Эмиль Золя. Георга Брандеса. Ц. 15 к.
Мёбіусъ, д-ръ. Гигіена, діэта и леченіе нервныхъ людей. Спб., 1894 г. Ц. 75 к.
Мейеръ. Основанія теоретической химіи. Спб., 1894 г. Ц. 2 р.

Мекензи, Уоллэсъ. Россія. Т. I и II. Спб., 1880. Ц. 5 р.
Мензбиръ, М. Дарвинизмъ въ біологіи и близкихъ къ ней наукахъ. М., 1886 г. Ц. 75 к.
Мессеръ. Звѣздный атласъ. Изд. 2-е. Спб., 1891 г. Ц. 5 р.
Металлодавильное дѣло (выдавливаніе полыхъ металлическихъ издѣлій) съ 8 табл. М., 1893 г. Ц. 1 р. 35 к.
Микуличъ, В. Зарницы. М., 1895 г. Ц. 65 к.
Миллеръ, В. П. Аквaріумъ. Краткое руководство къ уходу за аквaріумомъ и его населеніемъ. Описаніе водяныхъ растеній и рыбокъ. Съ 37 рис. въ текстѣ. Спб., 1894 г. Ц. 75 к.
Милль, Джонъ-Стюартъ. Основанія политической экономіи. Вып. IV. М., 1895 г. Ц. 1 р.
Мильтонъ. Потерянный и возвращенный рай. Спб., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.
Милюковъ, П. Н. Государственное хозяйство въ Россіи и реформа Петра Великаго. Спб., 1892 г. Ц. 3 р. 50 к.
— Спорные вопросы финансовой исторіи Московскаго государства. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.
Михайловъ-Викторовъ. Собраніе анекдотовъ изъ жизни замѣчательныхъ людей. Т. 2. Спб., 1888 г. Ц. 1 р. 50 к.
Михайловскій, Н. К. Литература и жизнь. Спб. 1892 г. Ц. 1 р.
— Критическіе опыты. Иванъ Грозный въ русской литературѣ. Герой безвременья. Спб.. 1895 г. Ц. 1 р.
Михеевъ, В М. Художники. Очерки и разсказы. М., 1894 г. Ц. 1 р.
Мольеръ, Собр. соч. въ 3-хъ т. Спб., 1884 г. Ц. 7 р. 50 к.
Молло, М. Правила адвокатской профессіи во Франціи. М., 1894 г. Ц. 80 к.
Момсенъ, Ѳ. Римская исторія. Перев. Невѣдомскаго. Т. I, ц. 6 р. М., 1887 г. Т. II и III, ц. 7 р. М., 1887 г. Т. V, ц. 3 р. 50 к. М., 1885 г.
Мопассанъ, Гюи. Монтъ-Оріоль. Москва, 1894 г. Ц. 70 коп.
— Сочиненія, избранныя Л. Н. Толстымъ. 1 т. М 1893 г. Ц. 1 р. 25 к. Т. 2-й. М., 1894 г. Ц. 1 р.
— На водѣ, сборникъ разсказовъ. Пер. съ фр. Никифорова, съ предисловіемъ Л. Толстого. М., 1894 г. Ц. 60 к.
Морлей, Джонъ. Вольтеръ. Переводъ съ 4-го англ. изд. М., 1889 г. Ц. 2 р.
— Руссо. Перев. съ англ. В. Н. Невѣдомскаго. Ц. 2 р. 50 к. М., 1881 г.
— Дидро и энциклопедисты. Пер. В. Н. Невѣдомскаго. Ц. 2 р. 50 коп. М., 1882 г.
Моръ. Краткая этимологія греческаго языка. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
— Книга упражненій по греческому языку. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
Москвичъ. Путеводитель по Крыму (4 изд.). 1895 г. Ц. въ коленк. пер. 1 р.
Мостовскій М. Этнографическіе очерки Россіи. М., 1874 г. Ц. 1 р.
Мотлей, Д. Л. Исторія Нидерландской революціи. 3 т. Спб., 1865 г. Ц. 7 р. 50 к.
Мункъ, I., д-ръ мед. Руководство къ кормленію больныхъ, для врачей, студентовъ и завѣдующихъ больницами, пріютами и пр. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 80 к.
Мусселіусъ, В. Русско-латинскій словарь. Спб., 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.
Мудреный кругъ. (Головоломка). Изд. Вл. А. Попова. Цѣна 25 коп., пересылка за 1 ф. по разстоянію.
Мятлевъ, И. П. Полное собр. сочиненій. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р.
— Полное собраніе сочиненій. Изданіе иллюстрированное. М., 1894 г. Три тома. Ц. 1 р. 20 к.
Мясницкій, Ив. Замоскворѣцкія сказки. Юмористич. разсказы. М., 1895 г. Ц. 1 р.
— „На добрую память" изъ русскихъ писателей. Книга для семейнаго чтенія. М., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к., составл. Никифоровымъ.
Надсонъ, С. Я. Литературные очерки (1883—1886 гг.). Спб., 1887 г. Изд. 2-е Ц. 1 р.
Наединѣ. Сборникъ переводныхъ повѣстей, разсказовъ и стихотвореній Матильды Серао, Альфонса Додэ, Бьернсонъ-Бьернстерна, Генри Лонгфелло, Гюи де-Мопассана, Уйда, Поля Маргеритъ, Франсуа Коппэ, Пьера Лоти, Жана Ришпена, Поля Бурже. М., 1894 г. Ц. 70 коп.
Народныя русскія сказки и загадки. Собраны сельскими учителями Тульск. губ. въ 1862 и 1863 годахъ. Редакція А. А. Эрленвейна. Изд. 2-е. М., 1892 г. Ц. въ папкѣ 1 р.
Неверъ, Эмилія. Искусство быть красивой. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
Немировичъ-Данченко. В. И. Гроза. Ром. въ 2-хъ ч. Изд. седьмое. Кіевъ, 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.
— Бѣломорье и Соловки. Изд. 4-е. Кіевъ, 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.
— Ѳедька-рудокопъ. Повѣсть для дѣтей старшаго возраста. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р.
— Контрабандисты. Романъ. Кіевъ, 1892 г. Ц. 2 р.
— На краю свѣта. Другъ за друга. Изъ жизни на крайнемъ сѣверѣ. Повѣсть д[illegible] дѣтей. Въ трехъ частяхъ. Москва, 1893 [illegible] Ц. 1 р., въ переплетѣ 1 р. 30 к.
— Большое сердце. Повѣсть. Моск[illegible] 1894 г. Ц. 20 коп.
Немировичъ-Данченко, Вла[illegible] Ив. Старый домъ (Мертвая ткань[illegible] М., 1895 г. Ц. 1 р.
Нетыкса, М. А. Краткое руков[illegible]

ство кузнечнаго дѣла. М., 1894 г. Ц. 1 р. 75 к.
— Крат. руков. слесарнаго дѣла. М., 1894 г. Ц. 1 р. 60 к.
— Техника черченія (о томъ, какъ и чѣмъ чертить). Съ 433 политипаж. въ текстѣ и 4 литогр. табл. М., 1893 г. Ц. 2 р. 75 к.
— Способы воздухонасыщенія комнатныхъ акваріумовъ. Съ 37 политипаж. въ текстѣ. М., 1895 г. Ц. 75 к.
Нефедовъ, Ф. Д. Сочиненія. Т. I. Ц. 1 р. 50 к. М., 1894 г.
— Томъ II. М., 1805 г. Ц. 1 р. 50 к.
Нивеллирный планъ города Москвы, съ указаніемъ раздѣленія города на судебно-мировые участки и съ описаніемъ ихъ. М., 1894 г. Ц. 75 к.
Никитинъ, В. Н. Обломки разбитаго корабля. Сцены у мировыхъ судей шестидесятыхъ годовъ. Спб., 1891 г. Ц. 1 р.
Николаевъ, П. Активный прогрессъ и экономическій матеріализмъ. Соціологическій этюдъ. Ц. 1 р. 50 коп. М., 1892 г.
Николаевъ, Н. Стихотворенія. М., 1894 г. Ц. 40 к.
Нордау, Максъ. Вырожденіе. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
— Въ поискахъ за истиной (парадоксы, изд. 3-е. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.
Нотнагель, Г. д-ръ. Руководство къ фармакологіи, въ 2 частяхъ. Спб., 1895 г. Ц. 4 р.
Новѣйшая исторія Англіи 1865—1895 гг. Краткій очеркъ событій. Изд. „Международной библіотеки“. Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.
Новѣйшая исторія Германіи 1866—1895 гг. Краткій очеркъ событій. Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.
Нурокъ. Ключъ къ русскимъ упражн. грам. англійскаго языка. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.
Ньюкомбъ, С., и Энгельманъ, Р. Астрономія въ общепонятномъ изложеніи. Спб., 1894—1895 гг. Ц. I и III вып. по 1 р. 40 к., подписная цѣна за все соч. (4 вып.) 5 р. 60 к.
Нюренбергъ, А. М. Городовое положеніе (изд. 2-е). М., 1893 г. Ц. 80 к.
— Правила о раздробительной торговлѣ крѣпкими напитками (изд. 2). М., 1894 г. Ц. 1 р.
Общедоступный лечебникъ домашнихъ животныхъ при участи Э. К. Брандта составленъ Я. Н. Шмулевичемъ (Изд. 2-е). Спб., 1891 г. Ц. 3 р.
Объ устройствѣ водяныхъ клозетовъ (16 рис. въ текстѣ), изд. „Ремеслен. Газеты“. М., 1894 г. Ц. 20 к.
Овидій, Назонъ. Избранныя басни изъ „Метаморфозъ“. Изд. 2-е. Кіевъ, 1894 г. Ц. 60 к. Пер. 8-й, 11-й, 12-й и 15-й книги „Метоморфозъ“.
— Переводъ 1-й и 2-й книги съ прилож. біографіи автора. Кіевъ, 1894 г. Ц. 60 к.
— Пер. 6-й, 7-й и 13-й книги. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.
— Переводъ 3-й, 10-й, 14-й книги. Кіевъ, 1894 г. Ц. 40 к.
Огородниковъ, П. Въ странѣ свободы. Библіотека современныхъ писателей. Въ 2-хъ т. Спб., 1882 г. Ц. 2 р. 50 к.
Оже, Люсьенъ. Семь чудесъ свѣта. Путешествіе къ семи чудесамъ свѣта съ научною цѣлью. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
Ольденбергъ, Германъ. Будда, его жизнь, ученіе и община. Перев. П. Николаева. Ц. 2 р. М., 1891 г.
Оржешко, Элиза. Дикарка. Повѣсть. Пер. съ польскаго. М., 1894 г. Ц. 75 к.
Орловъ, К. В., д-ръ мед. Основы діагностики искусственныхъ и притворныхъ болѣзней у призываемыхъ къ военной службѣ солдатъ. Изд. 2 исправленное и дополненное. Спб., 1894 г. Ц. 2 руб.
Оровичъ, Я. Женщина въ правѣ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 60 к.
О свободѣ воли. Рефераты и статьи членовъ психологическаго общества. М., 1889 г. Ц. 2 р.
Освальдъ, Фридрихъ. Лягавая собака. Руководство къ уходу за лягавою собакой. Ея воспитаніе, содержаніе и дрессировка безъ побоевъ. Лечебникъ собакъ. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.
Острогорскій, Викторъ. Письма объ эстетическомъ воспитаніи. 1894 г. Ц. 40 к.
— Выразительное чтеніе. Пособіе для учащихъ и учащихся. Изд. 3-е. М., 1894 г. Ц. 50 к.
— Изъ міра великихъ преданій. Разсказы для юношества. Изд. 5-е. Москва, 1894 г. Ц. 1 р.
— Этюды о русскихъ писателяхъ. IV. Художникъ русской пѣсни А. В. Кольцовъ. Москва, 1893 г. Ц. 50 к.
— Родные поэты. Для чтенія въ классѣ и дома. Изд. 2-е. Москва, 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
— Хорошіе люди. Сборникъ разсказ. съ 45 рисунк. (изд. 2-е). Спб., 1891 г. Ц. 1 р., въ роскошн. перепл.—1 р. 60 к.
П., Г. Стихотворенія. М., 1894 г. Ц. 35 к.
Павленковъ, Ф. „Жизнь замѣчательныхъ людей“ (Біографическая библіотека). Аввакумъ, Андерсенъ, Аристотель, Бальзакъ, Бахъ, Байронъ, Бентамъ, и Беккаріа, Берне, Бэконъ, Бѣлинскій, Карлъ Бэръ, Беранже, Бетховенъ, Богданъ Хмѣльницкій, Боккачіо, Бомарше, Боткинъ, Джіордано Бруно, Рихардъ Вагнеръ, Леонардо-да-Винчи, Волковъ, Вольтеръ, Воронцовы, Галилей, Гарвей, Гарибальди, Гаррикъ, Гегель, Гейне, Гёте, Гладстонъ, Глинка,Говардъ, Гоголь, Гракхи, Грибоѣдовъ, Григорій VII, А. Гумбольдъ, Гусъ, Гутенбергъ, Гюго,

Дагерръ и Ніэпсъ, Даламберъ, Дантъ, Дарвинъ, Даргомыжскій, Дашкова, Демидовы, Державинъ, Дефо, Дженнеръ, Диккенсъ, Добролюбовъ, Достоевскій, Жоржъ-Зандъ, Жуковскій, Ивановъ (художн.), Іоаннъ Грозный, Кальвинъ, Канкринъ, Кантъ, Кантемиръ, Каразинъ, Карамзинъ, Карлейль, Кеплеръ, Кетле, Ковалевская, Колумбъ, Кольцовъ, Конфуцій, Кондорсэ, Контъ, Коперникъ, баронъ Корфъ, Крамской, Кромвель, Крыловъ, Кювье, Лавуазье, Лапласъ, Лейбницъ, Лермонтовъ, Лессепсъ, Лессингъ, Ливингстонъ, Линкольнъ, Линней, Лобачевскій, Лойола, Локкъ, Ломоносовъ, Ляйелль, Маколей, Мейерберъ, Микель-Анджело, Милль, Мильтонъ, Мирабо, Мицкевичъ, Мольеръ, Монтескьё, Томасъ Моръ, Моцартъ, Никитинъ, Никонъ, Новиковъ, Ньютонъ, Робертъ Оуэнъ, Паскаль, Песталоцци, Перовъ, Пироговъ, Писемскій, Потемкинъ, Пржевальскій, Прудонъ, Пушкинъ, Рабле, Рафаэль, Рембрандтъ, Ришелье, Ротшильды, Руссо, Сакіа-Муни, Салтыковъ, Савонарола, Свифтъ, Сенковскій, Сервантесъ, Скобелевъ, Вальтеръ-Скоттъ, Адамъ Смитъ, С. Соловьевъ, Сперанскій, Стефенсонъ и Фультонъ, Струве, Стэнли, Сѣровъ, Теккерей, Толстой, Торквемада, Тургеневъ, Уаттъ, Ушинскій, Фарадей, Фонвизинъ, Франклинъ, Цвингли, Шевченко, Шиллеръ, Шопенгауэръ, Шопенъ, Шуманъ, Щепкина, Эдисонъ и Морзе, Джоржъ Эліотъ, Юмъ, Өедотовъ

Пальчикова. Двѣ сказки для дѣтей. Спб., 1893 г. Ц. 50 коп.

Парксъ, Генрихъ. 50 лѣтъ общественной дѣятельности въ Австраліи, въ 2 ч., съ 2 портр. автора, пер. В. Невѣдомскаго. Ц. 3 р. М., 1894 г.

Паульсенъ, Фр. Введеніе въ философію. Пер. Н. Титовскаго, подъ ред. В. Преображенскаго. Изд. редакціи журнала „Вопросы Философіи и Психологіи". М., 1894 г. Ц. 3 р.

Паульсонъ. Стенографія. Спб., 1892 г. Ц. за 2 части 1 р.

— Руководство для лицъ, ухаживающихъ за больными. Спб., 1893 г. Ц. 60 к.

Пель. Фальсификаціи и мѣры борьбы съ ними. Спб., 1889 г. Ц. 60 к.

Пашкевичъ, В. Культура лѣкарствен. растеній. Спб., 1894 г. Ц. 80 к.

Пекаторосъ, Г. М. Человѣческія расы. Народы Африки № 1. Серія II. Одесса, 1895 г. Ц. 25 к.

Пелисье, Ж. Французская литература XIX вѣка. М., 1895 г. Ц. 1 р.

Пергаментъ, О. Краткій историческій очеркъ развитія ученія объ электричествѣ. Кіевъ, 1890 г. Ц. 60 к.

Персональный. Учебникъ зоологіи. М., 1893 г. Ц. 85 к.

Песоцкій, Н. А. Древесная шерсть, ея употребленіе и производство (съ чертежами на отдѣльныхъ листахъ). М., 1895 г. Ц. 1 р.

Петровъ, А. Н. Русская военная сила. Т. I и II. Изд. 2-е. М. 1892 г. Ц. за оба тома 6 р.

Петрова, проф., съ продолженіемъ проф. Надлеръ. Лекціи по всемірной исторіи. Харьковъ, 1894 г. Ц. 2 р.

Петунниковъ, А. Иллюстрированное руководство къ опредѣленію растеній. М., 1890 г. Ц. 2 р. 50 к.

Пешель, Оскаръ. Исторія эпохи открытій. Пер. Э. Циммермана. Ц. 3 р. М., 1885 г.

Писаревъ, Д. И. Пол. собр. соч., въ 6 т. Спб., 1894 г. Ц. 6 р.

Платонъ. Апологія Сократа. Подстрочн. пер. Изд. 3-е. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.

— Критонъ. Изд. 2-е. Кіевъ, 1890 г. Ц. 35 коп.

Плутархъ. Александръ Великій. М., 1893 г. Ц. 30 к.

— Юлій Цезарь. М., 1890 г. Ц. 25 к.

— Жизнь и дѣла знаменитыхъ людей древности. Въ 4-хъ т. М., 1893 г. Ц. за всѣ тома 3 р. 50 коп.

Покровскій. К. Путеводитель по небу. М., 1894 г. Ц. 2 р.

Покровскій, Е. А. Дѣтскія игры и гимнастика въ отношеніи воспитанія и здоровья. Ц. 20 к.

— Площадки для дѣтскихъ игръ и физическихъ упражненій. М., 1894 г. Ц. 20 к.

— Русскія дѣтскія подвижныя игры. М. 1892 г. Ц. 75 к.

— Первоначальное физическое воспитаніе дѣтей (Популярное руководство для матерей). М., 1895 г. Ц. 1 руб. 50 коп. (изд. 2-е).

Покорни, д-ръ. Общее землевѣдѣніе. Ч. 3-я (послѣдняя). М. 1891 г. Ц. 2 р.

Политикосъ. Европейскіе монархи. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.

Полонскій, Я. П. На закатѣ. Стихотворенія. М., 1881 г. Ц. 1 р. 25 к.

Поповъ. Курсъ общаго скотоводства. Казань. 1894 г. Ц. 2 р.

Порошинъ, Ив. Разсказы. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

Потапенко, И. Н. Повѣсти. 8 т. Спб., 1893 г. Ц. каждаго т. 1 р.

Починъ. Сборникъ общества любителей россійской словесности на 1895 годъ. М., 1895 г. Ц. 2 р.

Прейеръ, В. О сохраненіи здоровья и продленіе жизни. Одесса, 1895 г. Ц. 50 коп.

Прессъ. Руководство въ борьбѣ съ огнемъ. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 75 к.

— Защита жизни и здоровья рабочихъ. Вып. I и II. Спб., 1891 г. Ц. по 2 р.

— Искусственное высушиваніе дерева съ 25 рис. 2 исправл. и дополн. изд. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.

Прёльсъ, Р. Эстетика. Подъ редакціей и съ дополнительною статьей В. В. Чуйко. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 20 к.

Приготовленіе протравъ для дерева и поддѣлка простыхъ породъ дерева. Изд. „Ремеслен. Газеты", 2-е дополнен. М., 1892 г. Ц. 40 к.

Программы домашняго чтенія на 1894—1895 г. Комиссія по организаціи домашняго чтенія. М., 1894 г. Ц. 25 к.

Проблески. Сборникъ произведеній русскихъ авторовъ. М., 1895 г. Ц. 1 р.

Пругавинъ, А. С. Запросы народа и обязанности интеллигенціи въ области просвѣщенія и воспитанія. Спб., 1895 г. Ц. 2 р.

Прудонъ, П. Искусство, его основанія и общественное назначеніе. Спб., 1866 г. Ц. 1 р. 25 к.

Птицынъ, Владиміръ. Древніе адвокаты и наши присяжные цицероны. Спб., 1894 г. Ц. 50 к.

— Адвокатъ за адвокатуру. Спб., 1895 г. Ц. 30 коп.

— Пересмотръ нашихъ судебныхъ законовъ. Спб., 1895 г. Ц. 50 к.

Путешествія В. В. Юнкера по Африкѣ. Изложен. Петри, съ 114 рисунками. Спб., 1893 г. 3. р. 50 к.

Пушкинъ, А. С. Пол. собр. сочиненій. Спб., 2 изд. Ц. 1 р. 50 к.

Радда-Бай (Е. П. Блаватская). Изъ пещеръ и дебрей Индіи. Загадочныя племена на „Голубыхъ горахъ". Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 75 к.

Раевскій, М. Н. Плодовая школа и плодовой садъ. (Изд. 4-е). Спб., 1892 г. Ц. 1 р.

Райтъ, Л. Практическое птицеводство. М., 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.

— Жизнь первобытныхъ народовъ. Эскимосы и алеуты. М., 1888 г. Ц. 15 к.

Регель. Содержаніе и воспитаніе растеній въ комнатахъ. Изд. 2-е. Спб., 1890 г. Ц. 5 р. 50 к.

— Однолѣтнія и двухлѣтнія цвѣтущія растенія. Изд. 3-е. Спб., 1885 г. Ц. 3 р. 50 к.

Рейтцъ, В. Лекціи по патологіи и терапіи дѣтскаго возраста. Спб., 1895 г. Ц. 3 р. 50 к.

Рейхъ. Оптическая гигіена глазъ. Спб., 1893 г. Ц. 1 р.

Рекламъ, Карлъ. Ключъ къ здоровью. Популярная гигіена. Кіевъ, 1893 г. Ц. 60 к.

Реклю, Э. Современные политическіе дѣятели. Спб., 1876 г. Ц. 2 р.

Рембольдтъ, д-ръ. Школьная гигіена. Пер. съ нѣмецкаго д-ра И. М. Рахманинова. М., 1890 г. Ц. 1 р. 25 к.

Ренанъ, Эрнестъ. Разореніе Іерусалима. М., 1886 г. Ц. 50 к.

— Историческіе и религіозные этюды. Изд. 3. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

Рецептура. Составлена для студентовъ-медиковъ. Кіевъ. Ц. 50 к.

Рибо, Т. Современная англійская психологія. Подъ ред. П. Д. Боборыкина. М., 1881 г. Ц. 2 р.

— Память въ ея нормальномъ и болѣзненномъ состояніяхъ. Спб., 1894 г. Ц. 80 коп.

— Воля въ ея нормальномъ и болѣзненномъ состояніяхъ. Перев. съ 8 дополн. франц. изд. Спб., 1894 г. Ц. 80 к.

Рикардо, Давидъ. Начала политической экономіи. Вып. II. М., 1895 г. Ц. 1 р.

Риль, А. Теорія науки и метафизика съ точки зрѣнія философскаго критицизма. Пер. Е. Корша. Ц. 2 руб. М., 1888 г.

Ричардсонъ, Чарльзъ. О выборѣ книгъ. М., 1889 г. Ц. 50 к.

Рише, Шарль. Черезъ сто лѣтъ. Спб., 1893 г. Ц. 50 к.

Розенбахъ. Современный мистицизмъ. Спб., 1891 г. Ц. 60 к.

Розенбергъ-Липинскій. Практическое земледѣліе (Изд. 5). Спб. 1893 г. Ц. 3 р.

Романовъ, С. И. Словарь ружейной охоты. М., 1877 г. Ц. 3 р. 50 к.

Ромашкевичъ, П. А. Полный русскій ореографическій словарь. Настольная книга для всякаго, пишущаго порусски. Составленъ по „русскому правописанію" академика Як. Грота. Изд. третье исправл., дополн. и вновь обработанное. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.

Рони, Ж. До потопа. Спб., 1892 г. Ц. 50 к.

Ростовская, М. Ѳ. Звѣздочки. Повѣсти и разсказы для дѣтей. Съ раскрашенными рисун. Изд. третье. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.

— Жучка. Разсказъ для дѣтей. Съ литографированными рисунк. Изд. третье. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.

— Четыре времени года. Разсказы изъ деревенскаго быта. Съ рисун. Изданіе третье. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.

— Сельцо Лебяжье. Повѣсть для дѣтей. Съ хромолитографированными рисунк. Изд. третье, исправлен. Сбп., 1895 г. Ц. 1 р.

— Пони. Приключенія эмскаго осла. Повѣсть для дѣтей съ хромолитографированными рисунками. Изд. третье. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.

Рохау, А. Л. Исторія Франціи. Ч. I и II. Спб., 1866 г. Ц. 3 р. 50 к.

Рудзкій, Ал. Лѣсная таксація. Пособіе для лѣсничихъ и лѣсопромышленниковъ. (Изд. 2). Спб., 1890 г. Ц. 3 р.

Руководство для метеорологическихъ наблюденій. Изд. харьковскаго календаря. Харьковъ, 1894 г. Ц. 30 к.

Руссо, Жанъ-Жакъ. Юлія или Новая Элоиза. М., 1892 г. Ц. 2 р.

Русскій сельскій календарь. Годъ II. М., 1895 г. Ц. 20 к.

Ручныя тѣни. (Любимая дѣтская забава). Изд. Вл. А. Попова. Спб., 1894 г. Ц. 15 к., съ перес. 25 к.

Рѣшетниковъ, Ѳ. М. Собраніе сочиненій, въ 2-хъ т. Спб., 1890 г. Ц. за 2 т. 2 р. 50 к.

Рябининъ. Элеваторы и наше увлеченіе ими. Спб., 1894 г. Ц. 60 к.

Саади-Ширази. Гюлистанъ, „Цвѣтникъ розъ". Пер. съ персидск. подлин. И. Холмогорова. Ц. 1 р. М., 1882 г.

Сабатье, П. Жизнь Франциска Ассизскаго. Перев. съ франц. М., 1895 г. Ц. 90 к.

Салтыковъ (Щедринъ). Полное соб. соч. 12 т. (Изд. 3-е). Ц. 18 р. Спб., 1894 г.

Саловъ, И. Уютный уголокъ. М., 1894 г. Ц. 80 к.

— Суета мірская. М., 1894 г. Ц. 1 р.

— Съ натуры. Очерки и разсказы. М., Ц. 1 р.

Саллюстій Криспъ. Пособіе къ изученію и чтенію „Заговора Катилины". Состав. Логвиновъ. Кіевъ, 1886 г. Ц. 60 коп.

Сборникъ рисунковъ токарныхъ издѣлій. М., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Сборникъ рисунковъ мебели и столярныхъ издѣлій. М. Ц. 2 р.

Сборникъ общества любителей россійской словесности на 1891 г. М., 1891 г. Ц. 4 руб.

Свифтъ, Джонатанъ. Путешествія Лемьюэля Гулливера. Ч. I и II. М., 1889 г. Ц. за обѣ части 4 р. 40 к.

Святловскій, В. В. Фабричная гигіэна (153 рис.). Спб., 1891 г. Ц. 4 р.

Северъ, Риббингъ. Половая гигіена и ея нравственныя послѣдствія. Одесса, 1893 г. Ц. 1 р.

— Бракъ. Совѣты и предостереженія врача. Одесса, 1894 г. Ц. 30 к.

Сёлли, Джемсъ. Геніальность и помѣшательство. Спб., 1895 г. Ц. 15 к.

Семеновъ, С. Т. Крестьянскіе разсказы, съ предисловіемъ Л. Н. Толстого. М., 1894 г. Ц. 60 к.

Серао, Матильда. Прощай, любовь! Романъ. М., 1895 г. Ц. 60 к.

Сервантесъ. Славный рыцарь Донъ-Кихотъ Ламанчскій. Т. I. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Сигеле. Преступная толпа (опытъ коллективной психологіи). Спб., 1893 года. Ц. 30 к.

Сикорскій. Заиканіе. Спб., 1889 г. Ц. 3 р.

Симсонъ, Э. О невыдачѣ собственныхъ подданныхъ. Спб., 1892 г. Ц. 4 р.

Сиповскій, В. Д. Сократъ и его время. Историческій очеркъ. П. Короленко, В. Г. Тѣни. (Фантазія). М., 1894 г. Ц. 85 коп.

Скабичевскій, А. М. Исторія новѣйшей русской литературы. 1848—1892 гг. 2-е изд. Спб., 1893 г. Ц. 2 р.

— Очерки исторіи русской цензуры (1700—1863 г.). Спб., 1892 г. Ц. 2 р.

— Сочиненія: критическіе этюды, публицистическіе очерки, литературныя характеристики (въ 2-хъ томахъ). Спб. 1895 г. Ц. 3 р. Изданіе 2-ое.

Скворцовъ. Гигіена. Спб., 1881 г.

Сковронская, Марія. Изъ жизни и фантазіи. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Скоровъ, А. Сборникъ узаконеній и распоряженій правительства о крестьянахъ. Т. I (изд. 3-е). Уфа, 1891 г. Ц. 5 р. Т II. М., 1893 г. (изд. 2-е). Ц. 4 руб.

— Уставъ горный. Т. I (изд. 3-е). М., 1895 г. Ц. 4 р. Т. II. Уставъ о частной золотопромышленности. М., 1893 г. Ц. 3 р. 50 к.

— Уставъ лечебныхъ заведеній вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ. М., 1894 г. Ц. 70 к.

Скоровъ. Русскіе судебные ораторы въ извѣстныхъ уголовныхъ процессахъ. М., 1895 г. Ц. 1 р. 75 к.

Скоровъ, А., и Богдановъ. Руководство для волостныхъ старшинъ, сельскихъ старостъ и сборщиковъ податей. М., 1895 г. Ц. 60 к.

— Формы приговоровъ сельскихъ и волостныхъ сходовъ. М., 1895 г. Ц. 1 р. 60 коп.

Скоровъ и Полянскій. Сводъ уставовъ о службѣ гражданской. Т. I. Уставъ о службѣ по опредѣленію отъ правительства. М., 1895 г. Ц. 2 р. Т. II. Уставы о пенсіяхъ. М., 1895 г. Ц. 2 руб.

Сказки русскихъ писателей для дѣтей. Изд. 3-е. Кіевъ, 1894 г. Ц. 35 к.

Сказки русскаго народа. 7 в. М., 1894 г. Ц. кажд. выпуска 25 к.

Сказка про лису да про волка. М., 1892 г. Ц. 25 к.

Складныя картинки, служащія иллюстраціями къ произведеніямъ русскихъ авторовъ, съ приложеніемъ портретовъ писателей, краткихъ ихъ біографій и самихъ произведеній: 1) „Цыгане" Пушкина; 2) „Мазай и зайцы" Некрасова и 3) „Дѣдушка" Никитина. Изд. В. А. Попова. Цѣна каждой картинкѣ, заключенной въ изящную коробку, 45 коп.; пересылка за 1 ф. по разстоянію.

Слезскинскій, А. Бунтъ военныхъ поселянъ въ холеру 1831 г. Новг., 1891 г. Ц. 1 р.

Словарь юридической терминологіи къ источникамъ римскаго права. Кіевъ, 1894 г. Ц. 60 к.

Смайльсъ, Самуэль. Путешествіе мальчика вокругъ свѣта. Спб., 189 г. Ц. 1 р. 25 к.

— Характеръ. Воспитаніе и образованіе. Изд. шестое. Спб., 1889 г. Ц. 90 к.

— Саморазвитіе, умственное, нравственное и практическое. Съ дополнительною статьей „Русскіе дѣятели". Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
— Умъ и энергія. Характеристики изъ жизни великихъ людей. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
— Долгъ (Нравственныя обязанности человѣка). Изд. второе, исправлен. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.
Смирновъ. А. Живыя картинки сборникъ разсказовъ съ 50 рис. Спб., 1885 года. Ц. 1 р. 50 к., въ переплетѣ 2 р.
— Москва-Самаркандъ. (Путевыя впечатлѣнія. М., 1895 г. Ц. 40 к.
Соболевскій, А. И. Фонетика церковно-славянскаго языка. М., 1891 г. Ц. 1 р.
— Лекціи по исторіи русскаго языка. Спб., 1891 г. Изд. 2-е. Ц. 2 р.
Соболевскій, Н. И. Собраніе алгебраическихъ задачъ. М., 1892 г. Ц. 40 к.
Соважо, Давидъ. Реализмъ и натурализмъ въ литературѣ и искусствѣ. Пер. А. Серебряковой. Ц. 2 р. М., 1891 г.
Совѣтовъ. Итальянско-русскій словарь. М., 1894 г. Ц. 2 р.
Соколовъ, В. Д. Прошлое и настоящее земли. М., 1890 г. Ц. 50 к.
Соннэ. Геометрія теоретическая и практическая. М., 1878 г. Ц. 4 р.
Софоклъ. Эдипъ въ Колонѣ. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.
— Эдипъ-царь. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.
— Филоктетъ. Кіевъ, 1888 г. Ц. 60 к.
— Электра. Кіевъ, 1888 г. Ц. 40 к.
Спенсеръ, Гербертъ. Начала соціологіи (обрядовыя учрежденія). Кіевъ, 1880 г. Ц. 1 р. 50 к.
— Основныя начала. Пер. Алексѣева. Кіевъ, 1886 г. Ц. 2 р. 50 к.
Сперанскій, Сергѣй. Нѣкоторыя изъ учрежденій общественнаго благоустройства въ Западной Европѣ. Отчетъ по заграничной командировкѣ оставленнаго при Императорскомъ московскомъ университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію по каѳедрѣ полицейскаго права. М., 1895 г. Ц. 75 к.
Спиноза, Бенедиктъ. Этика, съ приложеніемъ портрета. М., 1892 г. Ц. 2 р.
— Трактатъ объ усовершенствованіи разума. Одесса, 1893 г. Ц. 75 к.
Справочная книга для ремесленниковъ. М., 1894 г. Ц. 1 р.
Ставровскій, Л. Жизнь и солнце. Х., 1892 г. Ц. 1 р.
Станюковичъ. Безшабашный. (Изъ современныхъ нравовъ). Разсказъ. Москва, 1894 г. Ц. 20 к.
Степовичъ, А. Очерки изъ исторіи славянскихъ литературъ. Кіевъ, 1893 г. Ц. 75 к.
Стенинъ, П. А. Востокъ. Историко-географическое и этнографическое обозрѣніе левантскаго міра. Спб., 1892 г. Ц. въ роскошномъ переплетѣ 6 р., съ 200 рисунками.
Стэнли, Г. Какъ я отыскалъ Ливингстона. Спб., 1874 г. Ц. 3 р.
Стернъ, А. В. Бракъ по любви. Повѣсть. Москва, 1893 г. Ц. 50 коп.
— Очнулась. (Изъ дневника Натальи Сергѣевны). Повѣсть. Москва, 1893 г. Ц. 30 коп.
Стокгэмъ, Алиса В., д-ръ медицины. Токологія или наука о дѣторожденіи. Гигіена беременныхъ и новорожденныхъ. Изд. 2-е, съ предисловіемъ гр. Л. Н. Толстого. Кіевъ, 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
Столповская, Анна. Очеркъ исторіи культуры китайскаго народа. Ц. 3 р. М., 1891 г.
Стороженко, Н. И., проф. Поэзія міровой скорби. Одесса, 1895 г. Ц. 15 к.
Страбонъ. Географія (въ 17 кн. въ I томѣ). Пер. съ греч. Ѳ. Г. Мищенко. Ц. 10 р. М., 1874 г.
Строковскій, В. Токарное и слесарное ремесла. М., 1893 г. Ц. 1 р. 30 к.
Струве, П. Критическія замѣтки къ вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
Судебныя драмы. Жанъ Делаклонжъ. Ц. 30 к.
— Грекъ Кетоло. Поэтическое сумашествіе. Ц. 30 к.
— Убійство Маріи Аниза и ея дѣтей. Ц. 20 коп.
— Убійство Бефани. Ц. 40 к.
— Шайка Лемэра. Ц. 30 к.
— Сборникъ процессовъ всѣхъ странъ. Ц. 30 к.
— Дуэль Пушкина. Ц. 40 к.
Сундквистъ, Оскаръ, и Марія Лазарева. Учебникъ новой практической и первой научной методы кройки дамскаго, дѣтскаго и верхняго платья всѣхъ фасоновъ. М., 1892 г. Ц. съ атласомъ 3 р.
Суриковъ, И. З. Стихотворенія. М., 1884 г. Ц. 2 р.
Сюзевъ, А. Луженіе, цинкованіе и освинцованіе. М., 1894 г. Ц. 60 к.
Тайный порокъ. Выпускъ I и II. М., 1895 г. Ц. 20 к. и 15 коп.
Талдыкинъ, М. Объяснительный текстъ къ атласу чертежей слесарно-токарныхъ работъ, составленному примѣнительно къ программамъ ремесленныхъ училищъ. М., 1892 г. Ц. атласа съ текстомъ 6 р.
Тардъ, Ж. Законы подражанія. Спб., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.
Тардъ, Г. Сущность искусства. Спб., 1895 г. Ц. 30 к.
Таренецкій, А., проф. Каѳедра и музей нормальной анатоміи при императорской военно-медицинской (бывшей медико-хирургич. академіи) въ Петер-

бургѣ, за сто лѣтъ. Историческій очеркъ. Съ 11 рис. въ текстѣ и съ 4 планами. Спб., 1895 г. Ц. 3 р.

Терешкевичъ. Дядя Чернышъ. М., 1891 г. Ц. 60 к.

Тикноръ. Исторія испанской литературы. Пер. Н. И. Стороженко. Т. I. Ц. 3 р. М. 83 г. Т. II. Ц. 3 р. М., 1886 г. Т. III. Ц. 3 р. 50 к. М., 1891 г.

Тимирязевъ, К. Чарльзъ Дарвинъ и его ученіе. М., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Земледѣліе и физіологія растеній. Ч. I. Борьба растенія съ засухой. М., 1893 г. Ц. 50 к. Ч. II. Происхожденіе азота растеній. М., 1893 г. Ц. 50 к.

Тиндаль, Джонъ. Теплота, разсматриваемая какъ родъ движенія. Изд. 2-е М., 1888 г. Ц. 3 р. 75 к.

Тихомировъ, Д. И. Опытъ плана и конспекта элементарныхъ занятій. Методическое пособіе для преподавателя элементарной школы. Изд. 8-е. М., 1889 г. Ц. 55 к.

— Азбука правописанія. Ч. I. Сборникъ для диктовки примѣровъ и статей на главнѣйшіе случаи употребленія буквъ, съ приложеніемъ краткаго ороографическаго указателя. Семнадцатое изданіе. Ц. 40 к. Ч. II. Сборникъ для диктовки примѣровъ и статей на главнѣйшіе случаи употребленія знаковъ препинанія. Девятое изданіе. Ц. 40 к. М., 1892 г.

— Книга для церковно-славянскаго чтенія. Руководство для преподавателей начальныхъ училищъ. Изд. 3-е. М., 1892 г. Ц. 1 р.

— Азбука церковно-славянская для первоначальныхъ упражненій въ церковнославянскомъ чтеніи. Изд. 6-е. М., 1892 г. Ц. 6 к.

— Какъ жить по слову Божію? Русскій сборникъ статей и изреченій, содержащихъ въ себѣ нравственное ученіе изъ книгъ Ветхаго и Новаго Завѣта. М., 1892 г. Ц. 5 к.

— Школа грамотности. Книга для первоначальнаго обученія русскому и церковно-славянскому чтенію, письму и ариѳметикѣ. Изд. 2-е. Москва, 1893 г. Ц. 30 к.

— Какъ учить читать, писать и считать на первой ступени обученія. Общедоступное руководство для учащихъ по букварю. Изд. 12-е. М., 1893 г. Ц. 40 к.

— Изъ исторіи родной земли. Очерки и разсказы для школъ и народа. Ч. I. Древняя Россія. Ц. 50 к. Ч. II. Новая Россія. Ц. 40 к. М., 1893 г.

— Чему и какъ учить на урокахъ родного языка въ начальной школѣ. Методика обученія грамотѣ, объяснительному чтенію, толковому изложенію мыслей, грамматикѣ, правописанію и церковно-славянскому чтенію. Руководство для учителей подготовительной и народной школы. Изд. 3-е. М., 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.

— Книга для церковно-славянскаго чтенія. Ч. I. Руководство для учениковъ начальныхъ училищъ. Изд. 8-е. Ц. 30 к. Ч. II. Руководство для учениковъ двуклассныхъ и городскихъ училищъ. Изд. 3-е. Ц. 20 к. М., 1894 г.

— Элементарный курсъ грамматики для городскихъ и двуклассныхъ училищъ. Изд. 45-е. М., 1894 г. Ц. 20 к.

— Начатки грамматики. Руководство для начальныхъ сельскихъ училищъ и другихъ элементарныхъ школъ. Изд. 8-е. М., 1894 г. Ц. 15 к.

Тихомировъ, Д., и Зенгбушъ, И. Начатки географіи. Руководство для народныхъ училищъ и другихъ элементарныхъ школъ. Изд. 5-е. М., 1894 г. Ц. 30 к.

Тихомировъ, Д., и Тихомирова, Е. Букварь для совмѣстнаго обученія письму, русскому и церковно-славянскому чтенію и счету. Для народныхъ школъ. Изд. 60-е. М., 1894 г. Ц. 20 к.

Тодгентеръ, И. Алгебра (съ обширнымъ собраніемъ примѣровъ). Спб., 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.

Токарскій, А. А., приватъ-доцентъ императорскаго московскаго университета. Психическія эпидеміи. Рѣчь, произнесенная на четвертомъ годичномъ засѣданіи общества невропатологовъ и психіатровъ, состоящаго при императорскомъ московскомъ университетѣ,— 24 октября 1893 г. М., 1893 г. Ц. 25 к.

— Происхожденіе и развитіе нравственныхъ чувствъ. Рѣчь произнесенная на пятомъ годичномъ засѣданіи 24 окт. 1894 г. М., 1895 г. Ц. 25 к.

Токвиль, Алексисъ. Воспоминанія. Пер. В. Невѣдомскаго. Ц. 2 руб. М., 1893 г.

Толстой, Л. Н. Плоды просвѣщенія. Комедія въ 4-хъ д. Кіевъ, 1892 г. Ц. 15 к.

— „Ходите въ свѣтѣ“ и другія произведенія, вошедшія въ XIV томъ полнаго собранія сочиненій. М., 1895 г. Ц. 60 к.

— Смерть Ивана Ильича. Кіевъ, 1891 г. Ц. 10 к.

Торминъ. Опытный маляръ и живописецъ. Подробное руководство къ исполненію всякаго рода домовыхъ и комнатныхъ малярныхъ работъ по камню, штукатуркѣ, дереву и металламъ. Различные способы разрисовки и раздѣлки. Составленіе различнаго рода лаковъ и всевозможныхъ красокъ. Бронзировка. Писаніе вывѣсокъ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.

Траутшольдъ, Г. Основы геологіи. Ч. II. Палеонтологія. М., 1875 г. Ц. 2 р. 75 к.

— Часть III. Стратиграфія. М., 1877 г.

— Хозяинъ и работникъ. М., 1895 г. Ц. 20 к.

Трачевскій. Древняя исторія. Изд. 2-е. Спб., 1889 г. Ц. 2 р.

— Новая исторія. Спб., 1889 г. Ц. 2 р. 50 к.

— Русская исторія, второе, исправленное и расширенное изданіе съ указателями именъ, годовъ и предметовъ, съ 96 рисунками, 6 картами, 6 планами и 3 раскрашенными картинами. Въ 2 частяхъ. Спб., 1895 г. Ц. 8 р.

Тренделенбургъ, Адольфъ. Логическія изслѣдованія. Пер. Е. Корша. Ч. I, ц. 2 р.; ч. II, ц. 2 р. М., 1868 г.

Трефолевъ, Л. Н. Стихотворенія (64—93 г.). М., 1894 г. Ц. 2 р.

Трояновскій. Первая помощь у себя дома и на полѣ битвы въ отсутствіи врача. Изд. 2-е. Спб.,1893 г. Ц. 1 р. 30 к.

Трубецкой, Евгеній. Религіозно-общественный идеалъ западнаго христіанства въ V-мъ вѣкѣ. М., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Тумскій, К. И. Алюминій и сплавы съ нимъ. М., 1894 г. Ц. 2 р.

— Противуваразныя средства и дезинфекція. М., 1893 г. Ц. 50 к.

Тургеневъ. Стихотворенія. Изд. 2-е. Спб., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

Турскій, М. Лѣсоводство. М., 1892 г. Ц. 3 р. 80 к.

— Лѣсоводственные орудія и инструменты. М., 1893 г. Ц. 60 к.

— Сборникъ статей по лѣсоразведенію. М., 1894 г. Ц. 70 к.

Турскій, М., и Яшновъ, Л. Опредѣленіе древесины, вѣтвей и сѣмянъ главнѣйшихъ древесныхъ и кустарныхъ породъ по таблицамъ. 2-е изд. М., 1893 г. Ц. 75 к.

Тьюкъ, Хэкъ. Духъ и тѣло, дѣйствіе психики и воображенія на физическую природу человѣка. Пер. П. Викторова. М., 1888 г. Ц. 2 р. 50 к.

Тѣневые портреты русскихъ писателей. (Для вырѣзыванія и отраженія на стѣнѣ). Пушкинъ.—Лермонтовъ.—Гоголь.—Грибоѣдовъ.—Кольцовъ.—Крыловъ.—Тургеневъ.—Некрасовъ.—Гр. Л. Толстой. Изд. В. А. Попова. Цѣна 40 к.

Тэнъ, Г. Титъ Ливій, критическое изслѣдованіе. Пер. А. Иванова и Е. Щепкина. Ц. 1 р. 50 к. М., 1885 г.

Тэнъ, И. Чтеніе объ искусствѣ. Пять курсовъ лекцій. Изд. третье, исправлен. Спб., 1889 г. Ц. 1 р. 75 к.

Тэнъ. Критическіе опыты. Спб., 1869 г. Ц. 1 р. 75 к.

Уерингъ, Рудольфъ. Объ основаніи защиты владѣнія. М., 1883 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Гражданско-правовые казусы безъ рѣшеній (перев. съ 4-го нѣмецкаго изд.). М., 1883 г. Ц. 1 р. 50 к.

Уильямсъ, Х. Этика пищи или нравственные основы безубойнаго питанія. Перев. съ англійск. Со статьей Л. Н. Толстого „Первая ступень". М. 1893 г. Ц. 2 руб.

Урусовъ. Полицейскій урядникъ. М., 1894 г. Ц. 60 к.

Усовъ, С. А. Сочиненія. Томъ I Статьи зоологическія. М. 1888 г. Ц. 3 р. 50 к.

Успѣнскій, П. П. содержаніе растеній въ комнатахъ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. (изд. 3-е).

Уставъ акціонерныхъ земельныхъ банковъ съ разъясненіемъ вопросовъ, возникшихъ на практикѣ при его примѣненіи. Изд. 4-е. Спб. 1894 г. Ц. 2 р.

Файфъ, Ч. А. Исторія Европы 19 в. Т. III, пер. подъ ред. Лучицкаго. Ц. 2 р. 50 к. М., 1890 г.

Файнштейнъ, С. Что такое мнемоника. Искусство укрѣпленія памяти (четвертое изданіе). Одесса, 1894 г. Ц. 25 к.

Фарраръ, Ф. В. Жизнь Іисуса Христа. Пер. съ англійскаго Ѳ. М. Матвѣева. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Въ 2-хъ частяхъ. М., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пересылкою 2 р.

Фаусеттъ. Популярная политическая экономія. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.

Федоровъ, П. А., техн. Иллюстрированный, домашній ремесленникъ. Школа работъ: плотничныхъ, изъ сучьевъ. Столярныхъ. Окрашиваніе дерева. Выпиловочныхъ и мозаики. Токарныхъ. Рѣзныхъ. Корзинныхъ. Кузнечныхъ. Слесарныхъ. Щеточныхъ. Гипсовыхъ и папьемаше. Картонажно-футлярныхъ и переплетныхъ. Съ 406 рисунк. въ текстѣ. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.

Федоровъ. Зубы и ихъ сохраненіе. Спб., 1889 г. Ц. 60 к.

Федоровичъ, Флоріанъ. Сельскохозяйственная архитектура. Спб., 1893 г. Ц. съ атласомъ 5 р.

Федосѣевъ, П. А. Выборъ, установка и уходъ за фабричными паровыми котлами, машинами и приводами. Съ приложеніемъ новаго закона 30 іюля 1890 г. объ устройствѣ, установкѣ и содержаніи паровыхъ котловъ и о порядкѣ ихъ освидѣтельствованія. М., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

Фейгинъ, Ф., д-ръ мед. Привычные запоры и геморрой, причины ихъ развитія и средства къ исцѣленію. Спб., 1895 г. Ц. 50 к.

Фельзбергъ, Матильда. Химическая чистка платья и стирка бѣлья. М., 1894 г. Ц. 50 к.

Ферьеръ, Э. Дарвинизмъ (общедоступное изложеніе теоріи Дарвина), изд. 2-е. Спб., 1894 г. Ц. 60 к.

Филипповъ, Сергѣй. Подъ лѣтнимъ небомъ. М., Ц. 1 р.

Финлей, Георгъ. Греція подъ римскимъ владычествомъ. Пер. Софьи Никитенко. Ц. 4 р. М., 1877 г.

Филипповъ, Ал. Исторія сената въ правленіе верховнаго тайнаго совѣта и кабинета. Юрьевъ, 1895 г. Ц. 3 р. 50 к.

Фиске, Джонъ. Открытіе Америки, съ краткимъ очеркомъ древней Амери-

ки и испанскаго завоеванія. Пер. Николаева. Т. I. Ц. 2 р. М., 1892 г. Т. II. Ц. 2 р. М., 1893 г.

Фишеръ, Г. Практическій мыловаръ. Практическое руководство къ фабрикаціи всѣхъ сортовъ мыла по новѣйшимъ усовершенствованнымъ пріемамъ. Съ 44 рисунк. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 35 к.

Фламмаріонъ, К. По волнамъ безконечности. Спб., 1893 г. Ц. 80 к.

— Въ небесахъ. 2 изд. Спб., 1892 г. Ц. 75 к.

— Разсказы о небѣ. Спб., 1893 г. Ц. 50 к.

— Конецъ міра. 1895 г. Ц. 60 к.

— Общедоступная астрономія. Спб., 1894 года. Ц. 80 к.

Флеровъ, А. Грамматика древняго церковно-славянскаго языка сравнительно съ русскимъ. Одесса, 1894 г. Ц. 60 к.

— Грамматика древн. церковнаго язык. Одесса 1894 г. Ц. 50 к.

Фойгтъ, Георгъ. Возрожденіе классической древности или первый вѣкъ гуманизма. Переводъ И. П. Расадина. Т. I. Ц. 3 р. 50 к. М., 1884 г. Т. II. Ц. 3 р. М., 1885 г.

Фонвизинъ, С. Конецъ дневника. Разсказъ. 1894 г. Ц. 30 к.

Фортунатовъ, А. Сельско-хозяйственная статистика Европейской Россіи. М., 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.

— Урожаи ржи въ Европейской Россіи. М., 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.

Французы и русскіе въ Крыму. Письмо франц. офицера къ своей семьѣ во время восточной войны. Пер. съ фр. Халютина. Минскъ, 1894 г. Ц. 1 р.

Фрикенъ. Римскіе катакомбы и памятники первоначальнаго христіанскаго искусства. Часть I. Ц. 1 р. М. 72 г. Часть II. Ц. 1 р. 50 к. М. 77 г. Часть III. Ц. 1 р. 50 к. М. 80 г. Часть IV. Ц. 2 р. 50 к. М. 85 г.

Фрикенъ, А. Итальянское искусство въ эпоху возрожденія, ч. I. Ц. 2 руб. М., 1891 г. Итальянское искусство въ эпоху возрожденія, ч. 2-я. М., 1895 г. Ц. 2 р.

Фриманъ, Эдуардъ. Историческая географія Европы. Пер. подъ редакц. профес. И. К. Лучицкаго. Т. I. (текстъ). Т. II (карты). Цѣна 6 р. за оба тома. М., 1892 г.

— Методы изученія исторіи. Пер. П. Николаева. Ц. 2 р. М,. 1893 г.

Фуллье, Альфонсъ. Исторія философіи. Пер. П. Николаева. М., 1894 г. Ц. 3 р.

— Отрывки изъ сочиненій великихъ философовъ. М., 1895 г. Ц. 3 р.

Фулье Альфредъ. Декартъ. Пер. подъ редакціей профес. Грота. М., 1894 г. Ц. 80 коп.

— Страданіе и удовольствіе и о выраженіи душевныхъ волненій. Спб., 1895 г. Ц. 25 к.

Фурнье, Альфредъ. Леченіе сифилиса. Переводъ Говсѣева. (изд. 2-е) Харьковъ, 1894 г. Ц. 2 р. 50 к.

Фэйе. Происхожденіе міра. Космогоническія теоріи, древнія и современныя, критика гипотезы Лапласа и собственная теорія автора. Съ добавленіемъ: космогоническія гипотезы К. Вольфа. Пер. со 2 дополнен. изд. Изд. второе. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 35 к.

Фюстель-де-Куланжъ. Древняя гражданская община. Изслѣдованіе о культѣ, правѣ, учрежденіяхъ Греціи и Рима. М., 1895 г. Ц. 2 р.

Хвольсонъ, О. Докторъ физики. Популярныя лекціи объ электричествѣ и магнетизмѣ (2-е изд.). Спб., 1886 г.

Хиггинсонъ, Т. Здравый смыслъ и женскій вопросъ. М., 1895 г. Ц. 1 р.

Христіановичъ, П. Опытъ устройства общеобразовательной школы съ цѣлью большей подготовки учащихся къ жизни. М., 1894 г. Ц. 40 к.

Художественная Россія. Т. I-й Спб. 1885 г. Изд. П. И. Полевого. Ц. вмѣсто 5 р.—2 руб.

Цвѣтковъ, А. А. Новѣйшіе русскіе писатели (для старшихъ классовъ гимназій и домашняго чтенія), съ 27 портретами. Спб., 1883 г. Ц. 3 р.

— Электрическое освѣщеніе въ примѣненіяхъ къ жизни и военному искусству, (151 рис.). Спб., 1885 г. Ц. 2 р. 50 к.

— Курсъ государственной науки, ч. I. М., 1894 г. Ц. 3 р.

Цвѣтковъ, Н. Практическій курсъ русскаго правописаніе (согласованъ съ „Руководствомъ Я. Грота"). Ч. I и II. Ц. по 50 коп. Тула, 1895 г.

Цигенъ, Т. Физіологическая психологія. Спб., 1893 г. Ц. 75 к.

Цицеронъ. Рѣчь за царя Дейотара. Кіевъ, 1892 г. Ц. 40 к.

— Рѣчь противъ Верреса (о казняхъ). Ц. 60 к.

— Рѣчь за Архія. поэта 1891 г. Ц. 30 к.

— Рѣчь къ судьямъ за Т. Аннія Милона. 1892 г. Ц. 60 к.

— Первая филиппика противъ Марка-Антонія. Ц. 30 к.

— Вторая филиппика противъ Марка Антонія. Ц. 50 к.

— Рѣчь въ защиту Секста Росція Америйскаго. Ц. 60 к.

— Рѣчи противъ Катилины. Ц. 50 к. Рѣчь за Луція Мурену. Ц. 40 к. Рѣчь за Квинта Лигарія. Ц. 30 к.

— Рѣчь о назначеніи Гнея Помпея полководцемъ. Ц. 50 к.

— Тускуланскія бесѣды. Книга I. О презрѣніи къ смерти. Кіевъ, 1888 г. Ц. 60 к.

— Книги 2 и 3-я. О перенесеніи боли и объ утѣшеніи печали. 1889 г. Ц. 75 к.

— Книга 4-я. Объ остальныхъ душевныхъ волненіяхъ. Книга 5-я. О добродѣтели. 1889 г. Ц. за обѣ книги 75 к.

Частный почин въ дѣлѣ народнаго образованія. М., 1895 г. Ц. 1 р.

Чеховъ, Ант. П. Жена. Разсказъ. М., 1894 г. Ц. 25 к.

— Именины. Разсказъ. М., 1893 г. Ц. 20 коп.

— Палата № 6. Разсказъ. М., 1893 г. Ц. 35 коп.

— Въ сумеркахъ. Изд. 7-е. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

— Разсказы. Изд. 8-е. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

— Палата № 6. Изд. 3-е. Спб., 1893 г. Ц. 1 р.

— Каштанка. Изд. 3-е. Спб., 1893 г. Ц. 50 к.

— Дуэль. Изд. 4-е. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

Чешихинъ, Евграфъ Вас. Краткая исторія прибалтійскаго края. Изд. 2-е. Рига, 1894 г. Ц. 35 к.

Чижъ, В., проф. Криминальная антропологія. Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.

Чиколевъ, Д. Руководство къ приготовленію и сжиганію фейерверковъ съ описаніемъ устройства электрическаго освѣщенія. М., 1884 г. Ц. 2 р.

Чичеринъ, Б. Н. Положительная философія и единство науки. М., 1892 г. Ц. 3 р.

— Основанія логики и метафизики. М., 1894 г. Ц. 2 р. 50 к.

Чмыревъ, Н. Кобзарь Т. Г. Шевченка. М., 1874 г. Ц. 1 р.

Чудиновъ, А. Н. Словарь иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ составъ русскаго языка. Спб., 1894 г. Ц. 3 р. 50 к.

Чукмасовъ, К. А. Практическое руководство по мыловаренію. М. 1893 г. Ц. 40 к.

Шамуринъ - Макарьевскій, Н. В. Сельское хозяйство. Съ 110 рис. Четвертое дополнен. изд. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 35 к.

Шараповъ. По русскимъ хозяйствамъ. М., 1893 г. Ц. 2 р.

Шаховъ, А. Очерки литературнаго движенія въ первую половину XIX вѣка. Лекціи по исторіи французской литературы, читанныя на высшихъ женскихъ курсахъ въ Москвѣ. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Швейеръ-Лерхенфельдъ, А. Ф. Женщина. Ея жизнь, нравы и обществен. положеніе у всѣхъ народовъ земного шара. Переводъ съ нѣмец. Спб., 1892 г. Ц. въ роскошномъ переплетѣ съ 200 рисунк. 3 р. 75 к.

Швингаммеръ и Кикъ, Вильгельмъ. Простѣйшая школа кройки для драпировщиковъ и декораторовъ. Съ рисунками на 10-ти отдѣльныхъ листахъ. М., 1895 г. Ц. 1 р.

Шекспиръ. Драматическія сочиненія, въ пер. Кетчера, въ 9 част. Ц. первыхъ 8 част. по 1 р.; ц. 9 ч. 2 р. М., 1862 г.

Шелли. Сочиненія. Вып. I и II. Спб., 1894 г. (изд. 3-е). Цѣна кажд. вып. 50 коп.

— Вып. III. Спб., 1895 г. Ц. 50 к.

Шелгунова, Л. П. „Звѣздочка". Разсказы для маленькихъ дѣтей. Съ рисунк. Спб., Ц. 1 р. 25 к.

Шенланкъ, Бруно. Промысловые синдикаты. Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.

Шенрокъ, В. И. Матеріалы для біографіи Гоголя. М., 1895 г. т. I ц. 2 р., т. II ц. 2 р., т. III ц. 3.

Шербюлье, Викторъ. Искусство и природа. Новая теорія изящныхъ искусствъ. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Шерръ, Іоганнъ. Шиллеръ и его время. М., 1875 г. Ц. 2 р. 50 к.

— Всеобщая исторія литературы. Т. I и II. Спб., 1879 г. Ц. 4 р.

Шервинскій, М. Образцы архитектурныхъ деталей (15 листовъ образцовъ). Спб., 1891 г. Цѣна 1 р. и атласъ 6 рублей.

Шиллеръ, Ф. Вильгельмъ Телль. Пер. Гомберга. Кіевъ, 1893 г. Ц. 25 к.

— Заговоръ Фіеско въ Генуѣ. Кіевъ, 1892 г. Ц. 25 к.

— Орлеанская дѣва. Пер. Шереметевскій. Кіевъ, 1892 г. Ц. 25 к.

— Коварство и любовь. Пер. Гомберга. Кіевъ, 1892 г. Ц. 25 к.

— Разбойники. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.

— Племянникъ-дядя. Пер. Гомберга. Кіевъ, 1893 г. Ц. 15 к.

Шилтовъ, А., проф. Среди безбожниковъ. (Посмертныя записки врача-философа). Харьковъ, 1895 г. Ц. 40 к.

Шильдбахъ. Дѣтская гимнастика. Изд. 2-е. Спб., 1887 г. Ц. 75 к.

Шимко. Патріаршій казенный приказъ. М., 1894 г. Ц. 1 р.

Шишкинъ, А. Н. Сельско-хозяйственная экономія. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.

Шлоссеръ, Ф. К. Исторія XVIII столѣтія и XIX-го до паденія Французской имперіи. 8 томовъ. Спб., 1868 г. Ц. 10 р.

Шмейдлеръ. Желѣзно-дорожное дѣло. Спб., 1880 г. Ц. 1 р. 50 к.

Шмидтъ, Карлъ. Исторія педагогики, изложенная во всемірно-историческомъ развитіи и въ органической связи съ культурною жизнью народовъ. Пер. Э. Циммермана. Т. I, ц. 5 руб. М., 1890 г.; т. III, ц. 5 р. 50 к. М., 1880 г., т. IV, двѣ части, цѣна имъ 7 р. М.; 1881 г.

Шольцъ, Фридрихъ. Ненормальности дѣтскихъ характеровъ. Пер. съ нѣмецкаго Л. Л. Сченсновича. М., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Шредеръ, В., д-ръ. Половыя болѣзни. Одесса, 1895 г. Ц. 30 к.

Шредеръ, Р. И. Хмѣль и его разведеніе въ Россіи и заграницей (изд. 4-е). Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Штаркенбургъ. Горе отъ любви. Одесса, 1894 г. Ц. 50 к.
Шопенгауэръ, Артуръ. Лучи свѣта его философіи. Извлечено изъ его соч. Юліусомъ Фрауенштедтомъ. М., 1887 г. Ц. 1 р. 50 к.
Шперкъ, Ѳ. Система Спинозы. Спб., 1893 г.
Шредеръ, Р. И. Русскій огородъ, питомникъ и плодовой садъ. Спб., 1893 г. Ц. 2 руб. 50 к. (Изданіе 5-е).
Штолль, Г. В. Великіе греческіе писатели. Спб. 1880 г. Ц. 2 р.
— Миѳы классической древности. М., 1880 г. Ц. 2 р. 50 к.
— Герои Греціи въ войнѣ и мирѣ. Спб., 1879 г. Ц. 2 р.
— Великіе римскіе писатели. Спб., 1889 г. Ц. 2 р.
— Герои Рима въ войнѣ и мирѣ. Спб. 1877 г. Ц. 2 р. 50 к.
Шулинъ, Фридрихъ. Учебникъ исторіи римскаго права. Въ 2-хъ вып. М., 1893 г. Ц. 3 р. 50 к.
Шумковъ, И. В. Верблюдъ какъ сельско-хозяйственное животное въ Россіи. Оренбургъ, 1893 г. Ц. 1 р. съ пересылкою.
Шутце, Фр. Училищевѣдѣніе. Практическое ученіе о воспитаніи и обученіи для семинарій и учителей народныхъ школъ. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.
Ш., Л. Неизбѣжное зло. Разсказъ. М., 1894 г. Ц. 20 к.
Щепкина, А. В. Родныя мѣста. Чтеніе для дѣтей. Изд. 2-е. М., 1882 г. Ц. 1 р.
Эдвинсонъ, Г. Руководство спайки и луженія. Съ 66 политипажами въ текстѣ. М., 1894 г. Ц. 85 к.
Эдвинсонъ, Д. Какъ дѣлается маленькій электродвигатель. М., 1895 г. 2 изд. Ц. 40 к.
— Какъ сдѣлать маленькую динамо-электрическую машину. М., 1895 г. Второе исправлен. изд. Ц. 50 к.
Эйдамъ, Сохраненіе здоровья. (Общая гигіэна въ примѣненіи къ обыденной жизни). Сбп., 1891 г. Ц. 40 к.
Экштейнъ, І., проф. № 1. Честь въ философіи и въ правѣ. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.
Экштейнъ, Ф. А. Преподаваніе латинскаго и греческаго языковъ. Ревель, 1889 г. Ц. 3 р.
Элерсъ, Отто. Популярная политическая экономія. Одесса, 1895 г. Ц. 50 к.
Энгельгардтъ, А. Н. Фосфориты и сидерація. Спб., 1891 г. Ц. 2 р.
Энцлеръ, К. Уходъ за больными въ семьѣ. Спб., 1893 г. Ц. 50 к.
Эртель, А. И. Двѣ пары. Повѣсть. М., 1894 г. Ц. 60 к.
— Записки степняка. Очерки и разсказы. I и II. Спб., 1883 г. Ц. 3 руб.
Эсмархъ. Первая помощь. Спб., 1890 г. Ц. 80 к.
Эспинасъ, А. Соціальная жизнь животныхъ. Спб. 1882 г. Ц. 2 р. 50 к.
Южаковъ., С. Н. Афганистанъ и сопредѣльныя страны. Политико-историческій очеркъ. Спб., 1885 г. Ц. 1 р. 50 к.
Юровъ, А. Систематическій курсъ логики для среднихъ учебныхъ заведеній. Спб., 1895 г. Ц. 60 к.
Юрьевъ, Мих. Мои письма (4 дек. 1893 г. — 15 мая 1894 г.). М., 1895 г. Ц. 50 к.
— Карлъ Пятый и его время. Этюдъ. М., 1894 г. Ц. 2 р.
— Спорные вопросы западно-европейской исторической науки. М., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
Юлій Цезарь. Записки о междоусобной войнѣ. Кіевъ, 1895 г. Ц. 75 к.
Якимовъ, Н. М. Бѣдный Тунгатай. Разсказъ изъ жизни киргизскихъ дѣтей, для дѣтей младшаго возраста. Тифлисъ. 1894 г. Ц. 15 к.
Яковлевъ, Е. Французско-русскій карманный словарь. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.
Янжулъ, И. И., проф. Изъ психологіи народовъ. Одесса, 1893 г. Ц. 20 к.
Янъ. Термохимія. Спб., 1893 г. Ц. 2 р.
Ѳедоровъ. Стихотворенія. М., 1894 г. Ц. 1 р.

Bow, R. H. Графическія данныя раціональнаго разсчета рѣшетчатыхъ фермъ. М., 1895 г. Ц. 3 р.
Cornelii Nepotis. Vitae excellentium imperatorum cum vita Catonis et Attici. Переводъ. Кіевъ, 1889 г. Ц. 75 к.
C. Julii. Caesaris commentarium de bello Gallico. Liber quintus. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.
— Записки о Гальской войнѣ. Книга 1-я Кіевъ, 1890 г. Ц. 85 к.
— Книги 2, 3, 4, 5, 6 и 7 по 50 к.
Donjean, A. Офортъ. Руководство травленія крѣпкой водкой на мѣди, цинкѣ и стали. М., 1893 г. Ц. 75 к.
Hager'a, H., д-ръ. Руководство къ фармацевтической и медико-химической практикѣ, съ 7 по 25 выпускъ, съ алфавитнымъ указателемъ. Спб., 1895 г. Ц. 25 р.
Häusser. Исторія реформаціи. М., 1882 г. Ц. 5 р.
Herodoti historiarum. Книга первая. Кіевъ, 1893 г. Ц. 75 к.
— Книги 4, и 9. Ц. по 50 к.
— Книги 5, 6, 7 и 8. Ц. по 60к.
Heitzmann, C., Dr. Анатомическій атласъ съ 625 рѣзанными на деревѣ рисунками. Переводъ съ 7-го нѣмецкаго изданія. Вып. I. Кіевъ, 1895 г. Ц. 60 к.
Iordan, Dr. W. Руководство высшей геодезіи. М., 1881 г. Ц. 8 р.
Joward, Alfred. Домашніе фильтры для очищенія воды, ихъ приготовленіе и уходъ за ними. М., 1894 г. Ц. 75 к.

Jul Parreidt. Зубы и уходъ за ними. Популярная гигіена зубовъ. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.

Kercoff A. G. Cours gradué de langue française. Parties I, II. M., 1880 г. Ц. 1 р. 25 к. III и IV parties. M. 1892 г. Ц. 1 р. 25 коп.

Lehner, S. Клей и замазки. М., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

Lenhartz. H., проф. Микроскопическія и химическія изслѣдованія у постели больного. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.

Marissiaux, L., et. Nomdrah, C. R. Простое устройство электрическихъ часовъ и будильниковъ. Руководство для электротехниковъ любителей. Съ 15 рисунками на отдѣльной таблицѣ. М., 1895 г. Ц. 35 к.

Moscou et ses environs, rues et monuments. Nouveau guide du voyageur. M., 1891 г. Ц. 40 к.

Mörius, Paul, Dr. Гигіена нервныхъ людей. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.

Paul Julius Moebius. Общая діагностика нервныхъ болѣзней. Пер. съ нѣмец. подъ ред. Минора. М., 1886 г. Ц. 2 р. 50 к.

Ribot, Th. О чувственной памяти. Казань, 1895 г. Ц. 40 к.

Roux, D-r и его сотрудниковъ. Матеріалы для изученія дифтеріи. Бактеріологическія и клиническія изслѣдованія. М., 1895 г. Ц. 3 р. 25 к.

Schrader, W. Гимназіи и реальныя училища воспитаніе и обученіе. Ревель, 1892 г. Ц. 3 р.

Sell, д-ръ. Спиртъ и его добываніе, свойства и примѣси. Спб., 1889 г. Ц. 2 р.

Schamaus, Hans. Основы патологической анатоміи. М., 1895 г. Ц. 6 р. (199 рис. въ текстѣ).

Tedeschi, V. Пища маленькихъ дѣтей. Кіевъ, 1893 г. Ц. 25 к.

Tillaux, P. Руководство къ топографической анатоміи въ примѣненіи къ хирургіи. Пер. съ 7 франц. изданія, под. ред. и съ примѣчаніями д-ра С. Таубера, проф. варшавскаго университета. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к. Подписная цѣна за все сочиненіе (6 выпусковъ) 9 р.

Unwin. Основы построенія частей машинъ или изложеніе законовъ и условій, отъ которыхъ зависятъ размѣры и форма частей машинъ. Руководство для инженеровъ, механиковъ, строителей, фабрикантовъ для техническихъ и реальныхъ училищъ. М., 1887 г. Ц. 3 р. 50 к.

Weil-Mantou, d-r. Руководство для врачей по страхованію жизни. М., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.

Иностранныя книги, доставленныя книжнымъ магазиномъ Гросманъ и Кнебель въ Москвѣ.

Французскія дѣтскія книги.

Французскія азбуки:

L'Abc des tout petits. Couveture en couleurs. Av. 6 grav. col. *Цѣна 8 коп.*

L'Abc du premier âge. Couvert. en coul. Av. 24 grav. col. *Цѣна 30 коп.*

L'Alphabet usuel. Av. 24 grav par Adrien-Marie. *Цѣна 65 коп.*

L'Album Alphabet. Av. 27 illust. en coul. et de nombreuses grav. en noir. *Цѣна 1 р. 25 к.*

—

Французскія книжки съ раскрашенными карт. для маленькихъ дѣтей.

Первая серія.

Цѣна по 5-ти коп.

6 gravures en couleurs et 8 pages de texte. Couverture en couleurs.

La Fête de Jeanne, ill. par Bouisset.
Le Mariage de Toto, ill. par Bouisset.
La Première Poupée, ill. par Bouisset.
Le Voyage de Lucie, ill. Godefray.
Le Jardin de Juliette, ill. par Godefray.
La Semaine de Noël, ill. par Bouisset.
Le Bain de Minet, ill. par Godefray.
La petite fermière, ill. par Bouisset.
La petite Ménagère ill. par Bouisset.

—

Вторая серія.

Цѣна по 8-ми коп.

6 gravures en couleurs et 8 pages de texte. Couverture en couleurs.

Monsieur Dumolet, ill. par Vogel.
Mon père m'a donné un mari, ill par Bouisset.
Saint-Nicolas et Guilleri, ill. par Vogel.
Gribouille, ill. par Steinlen.
Il était une bergère, ill. par Bouisset.
Le Chevalier du Roi, ill. par Vogel.
M. de la Palisse, ill. par Chovin.
Malb'raugh, ill. par Clérice.
Cadet Rousselle, ill. par Faria.
La Mère Michel, ill. par Faria.
Le Roi Dagobert, ill. Chovin.
Abc des tous petits, ill. par Bouisset.
Le Renard et le Corbeau, ill. par Gélibest.
Sur le pont du nord, ill. par Bouisset

—

Третья серія.
Цѣна по 13-ти коп.

6 gravures en couleurs et 8 pages de texte. Couverture en couleurs.
Cendrillon, ill. par Grivaz.
Tome Pouce, ill. par Vogel.
Folle journée, ill. par Steinlen.
Barbe bleue, ill. par Vogel.
Pierrot, ill. par Jozet.
L'assaut du moulin, ill. par Tofani.
Le Chat botté, ill. par Myrbach.
Le prince Saphir, ill. par Gumery.
Riquet à la houppe, ill. par Vogel.

—

Четвертая серія.
Цѣна по 20 коп.

6 gravuresen couleurs te 8 pages de texte. Couvrture en couleurs.
Jean le Chanceux, ill. par Chovin.
La Semaine de Julie, ill. par Martin.
Guignol, ill. par Job.
Jean L'ours, ill. par Massé.
Paul dans la lune, ill. par Job.
L'oiseau bleu, d'apres M-me d'Aulnoy, ill. par Clérice.
Sept d'un coup! D'après Grimm, ill. par Poirson.
Le Baron de Krack, ill. par. Chovin.

—

Пятая серія.
Цѣна по 40 коп.

16 pages mprimées en gros earactères sur papier fort. 8 gravures en couleurs. Couverture en carton souple avec or et couleurs.
Frère et soeur, ill. par Vogel.
Gargantua, ill. par Myrbach.
Petite Poucette, ill. par Job.
Don Quichotte, ill. par Myrbach.
Robinson Crusoé, ill. par Myrbach.

—

Шестая серія.
Цѣна по 65 коп.

16 pages imprimées en gros caractères sur papier fort. 8 gravures très fort. 7 gravures en couleurs. Couverture en carton souple avec or et couleurs.
Le dormeur éveillé, ill. par Chovin.
Les animaux domestiques, ill. par. Gambard.
Ali-Baba ou les 40 voleurs, ill. par. Myrbach.
Au Pays des fleurs, ill. par. Gambard.

—

Седьмая серія.
Цѣна по 1 руб.

Contenant vers 30 ill. en couleurs, cartonnage en couleurs.
Le voyage de M-lle Rosalie, ill. par T. Marie.
Bambins et bambines, ill. par Harding.

—

Восьмая серія.
Цѣна по 1 руб. 75 коп.

Les jardins de Paris. 32 ill. de Grigny. Texte par Bonhomme.
La journée de Bébé. 32 illustrat. de Bouisset. Texte par Arnaud.
Album des enfants sages. Illust. par Harding.
Heureux âge, ill. par Harding.

—

Книги для чтенія для дѣтей отъ 5—8 лѣтъ.
Напечатанныя крупнымъ шрифтомъ съ многочисленными иллюстраціями въ текстѣ.
Цѣна каждаго тома безъ перепл. 40 коп. въ перепл. 65 коп.

Les histoires de tante Rose, par M-me de Bosguérard.
Mémoires de Cigarette, par Théo-Sritt.
Contes aux tout petits, par. P. Andriveau.
Bébés en vacances, par M-me Gameau.
La chatte de M-lle Ilda, par M-me de Paloff.
Petits amis, par M-me de Bosguérard.
Les Bonspoints de Bébé, par M-me de de Sobol.
Mignonnettes, par M-me Noémi Balleyquier.
Scènes enfantines, par M-me de Bosguérard.
Le petit monde, par M-me A. de Wailly.
Moi et mes ponpées, par M-me de Bosguérard.
L'histoire d'une troupe de marionnettes, par M A. de Bréville.
Aimé pour son bon coeur, par M-lle Eva Gatouil.
Les plage de Wimeraux, par Noéme Balleyguier.
Les enfants de cigarette, par Theodor Cahu.

—

Книги для дѣтей отъ 9—12 лѣтъ.
Bibliothèque blanche illustrée.
Каждый томъ въ переплетѣ 1 руб.

Bertin, M. Les deux côtés du mur
Bignon. Un singulier petit omme.
Chewille, de. Histoire d'un trop bon chien.
Dickens Ch. L'Embranchement de Mugbiy.
Dumas, A. La Bouillie de la comtesse Berthe.
Durand, H. Histoire d'une bonne aiguille.
Feuillet (Octave). La vie de Polichinelle.
Lackroy, S. Les Fées de la famille.
Mayne-Reid. Les Exploits des jeunes Boërs.
Muller, Eugéne. Récits enfantins.
Musset, P. de. M. le Vent et M-me la Pluie.
Ourliac, E. Le Prince Coqueluche.
Perrault. Les Lunettes de Grand'Maman.
Sand, George. Gribouille.
Stahl. P.—J. Les Aventures de Tom Pouce.
„ „ Contes de la tante Judith.
Verne, Jules. Un Hivernage dans les glaces.

—

Книги для дѣтей отъ 10—13 лѣтъ.
Bibliothèque de l'éducation maternelle illustrée.

Каждый томъ безъ перепл. 1 р. 15 к., въ перепл. 1 р. 75 к.
Anfosti. Le secret de sir William.
„ Jacques l'abandonné.
Balleygièr. Aux garennes.
„ Les Rogimbot.
„ M-lle Trimbalmouche.
Bellaigue. La vengeance d'un haut coeur.
Bonhomme. Récis de l'oncle Paul.
Boret. Histoire d'un garçon.
Carnoy. La nuit de Noël.
„ Hans Mertens.
Dumont. Fables pour les petits.
Le Conte. Ce bon Loff.
Jane. Le 28 jours de Suzanne.
Le Roy. Le fils de l'amiral.
Mesureur. Voyage à la mer.
„ Histoire d'un enfant de Paris.
Mirzel. Notre ami Polly.
Monceau. Mon petit frère.
„ L'enfant des Vosges.
Paloff. Echos des vacances.
Quantin. Histoire de Germaine.
Sobol. Bouton d'or.
Verne. Aventures d'enfants.
Witt. L'hiver à la campagne.
„ Les héros modestes.

—

Книги для дѣтей отъ 12—14 лѣтъ.

Bibliothèque de la famille. In 8°. **illustrée.**

Каждый томъ въ переплетѣ 3 руб.

Carnoy. Les légendes de France, ill. par Zier.
Graffigny. Contes d'un vieux savant. Ill. par Nac.
Rochemont, Au pays des fées, ill. par. Mès
Cooper. Bas de cuir, arr. par Dubois, ill. en couleurs.
Mille et une nuits de la jeunesse Arr. par Dubois, ill. en couleurs.

Нѣмецкія дѣтскія книги.

Крупная печать, хорошая бумага, изящныя иллюстраціи.

Новая изящная коллекція съ раскрашенными картинками по англійскому способу

отъ 25 коп. до 90 коп.

1. Serie à Band 25 kop.

Glückliche Reise. — Tromm, Tromm, Dremm.—Puck—Mein Miezi.—Nach Helgoland.— Mutter Glaus und ihre Lieblinge—Frau Mieze — Eichhörnchen. — Müller Klaus—Fürs Herzblättchen—Das Haus das Haus, baute—Der Kinderomnibus—Im Freien.

2. Serie à Band 80 kop.

Des Lieblings Bilderbuch — Kasperltheater.—Kätzchen zu Hause—Die En ten familie.—Tick-Tack für kleine Leute.

8. Serie à Band 45 kop.

Am Strande—Noahs Arche — Durch Flur und Hain—Ringel, Ringel, Rosenkranz—Puppen-Gesellschaft — Die wunderliche Kutsche.

4. Serie à Band 60 kop.

Feierstündchen — Von Nah und Fern.—Kleine und grosse Freunde—Allerlei Gesellschaft.

5. Serie à Band 90 kop.

Gute Bekannte—Laterna Magica—Lustiger Reigen—Lieblings Kurzweil—Comitshe clowns—Unsere Lieblingsthiere.

—

Нѣмецкія дѣтскія книги по удешевленнымъ цѣнамъ.

Sturm, J. Neues Fabelbuch. Mit. Jll. nach Originalzeichnungen von F. Flinzer cartonnirt statt 1 R. 20 K., nur 75 K.
Hey, Fabeln für Kinder. In Bildern gezeichnet von Otto Speckter (Original-Ausgabe des weltbekannten, klassischen Kinderbuches) 2 Bände („50 Fabeln" und „Noch 50 Fabeln") cartonirt zusammen statt 3 R. 60 K., nur 1 R. 50 K.
Scharz, 101 neue Fabeln. Mit Beiträgen von Bodenstedt. Lohmeyer, Sturm etc. Zahlreiche Illustrationen v. Flinzer. eleg. gebunden, statt 2 R. 50 K., nur 1 R. 50 K.
Biller, Im Reich der Heinzelmännchen oder Reiseabenteuer einer Puppe und eines Nussknackers. Mit vielen bunten Bildern, statt 3 R. 50 K, nur 1 R. 50 K.
Deutsche Jugend. Gediegenste, Auswal, von Bildern, Märchen, Reisegeschichten, Gedichten, Fabeln. statt 3 R. 50 K., nur 2 R.
Die Kinderlaube, Erzählungen, Märchenr Schilderungen, Lebensbeschreibungeel Gedichte etc. bearb. von. Th. Schäfnl (Dresden). Mit zahlreichen bunten Volbidern und Textillustrationen. Jeder Band in 4° (über 380 Seiten). In elegantem Leinenband. Bd. 27, 28, 29. Jeder Band statt 3 R. 60 K., nur 2 R. 50 K.
Biller, E. Lieschens kluge Einfälle Hänschens Reise durch die Stube. Mariele und die sieben Puppen. Wie es Fritzchen auf seiner Schwester Hochzeit ging. Mit vielen farbigen Illustrationen v. Kleinmichel. 4 kurze Geschichten in einem Bande gebunden, statt 2 R., nur 85 K.
Frey, A. Schweizersagen. Mit Holzchnitten nach Original-zeichnunden deutscher Künstler, cartonnirt. statt 1 R. 80 K., nur 1 R.
Lottka, Kinderträume. Mit zahlreichen prächtigen Illustrationen von Claudius, eleg. geb, statt 3 R., nur 1 R. 50 K.
Krüger, Märchen aus Heimat und Fremde. Mit 50 Original-Illustrationen, darunten 4 Buntdruckbilder, 246 Seiten) in eleganten Einband, statt 1 R. 50 K., nur 85 K.
Bern, M., Anthologie für die Kinderstube Eine Auswahl der besten Ammenscherze, Spielverse, Puppengedichte, Räthsel, Fabeln, Neckmärchen Kindergebete altberkömmlichen Reime, sowie fier neuesten Kinderlieder. Mit zahlreichen Illustrationen von Flinzer. Pletsch, Rich-

ter, Thumann und A. eleg. gebunden, statt 2 R. 50 K., nur 1 R. 50 K.

Kletke, Hermann. Die Kinderwelt. In Märchen und Liedern. Mit zahlreichen Holzschnitten nach Original zeichnungen deutscher Künstler Eleg. gebunden, statt 1 R. 80 K. nur R.

Strässle, Franz, Kleine illustrierte Naturgeschichte für die Jugend. sechste vermehrte und vielfach verbesserte Auflage Mit 179 Holzschnitten und 15 Tafeln Abbildungen in Farbendruck. Elegant gebunden, statt 3 R., nur 1 R. 80 K.

—

Нѣмецкія азбуки.

Eisenbahn A. B. mit vièlen dunten Aildern. 25 K.

Bilder A. B. C., oder der fleissige Leseschüler (mit bunten Bildern) cartonnirt. 25 K.

Das goldene A. B. C., für kleine fleissige A. B. C. Schützen (mit vielen bunten Bildern) cartonnirt. 30 K.

Haestors, A. Fibel oder der Schreib-Lese-Unterricht. 35 K.

Gurcke, J. Schreib—und Lese Fibel. Mit Holzschnitten von Q. Speckter cartonnirt. 45 K.

Dietlen, R. Des Kindes erstes Lesebuch. Illustrirte Fibel mit farbigen Bildern. Auf Grundlage des mit dem Anschauungs unterrichte verbundenen ersten Sprech., Schreib, u. Lese-Unterrichtes bearb. für Schule und Haus, cartonnirt. 60 K.

Списокъ періодическихъ изданій, на которыя принимается подписка въ книжномъ магазинѣ журнала „Русская Мысль" В. М. Лаврова.

Русскія.

Афиши театральныя. Ц. съ достав. 5 р., на лучшей бумагѣ 10 р.

Биржевыя Вѣдомости. Газета биржи, финансовъ, торговли, политики и обществ. жизни. Ц. съ доставк. и перес. на 1-е изд. 15 р., на 1/2 г. 9 р., на 2-е изд. 4 р. въ годъ.

Будильникъ. Журналъ сатирическій съ каррикатурами. Москва. Еженедѣльно. Ц. съ пер. и дост. 10 р.; на 1/2 г. 6 р.

Варшавскій Дневникъ. Еженедѣльная газета. Ц. съ пер. и дост. 12 р., на 1/2 г. 6 р.

Вокругъ Свѣта. Еженед. иллюстр. журналъ 4 р. съ пер.

Волгарь. Ежеднев. газ. Н.-Новгородъ. Ц. 8 р.

Волжскій Вѣстникъ. Еженедѣльный журн. съ прилож. сборника научно-беллетристическаго содерж. Казань. Ц. съ пер. 7 р.

Волынь. Газета; 3 раза въ недѣлю. Житоміръ. Ц. съ дост. и пер. 5 р.

Воскресенье. Иллюстрированный еженедѣльный журналъ для народа. Ц. съ дост. и пер. 3 р.

Восточное Обозрѣніе. Литературно-политическая газета. Иркутскъ. Ц. съ пер. 6 р.

Восходъ. Ежемѣсячный журналъ съ приложеніемъ „Еженедѣльной хроники" Ц. съ дост. и пер. 10 р.; на 1/2 г. 6 р.

Всемірная Иллюстрація. Большой иллюстрированный журналъ. Выходитъ еженедѣльно съ ежемѣс. л.—н. прилож. „Трудъ". Ц. съ дост. 17 р. съ пер. 18 р.

Вѣдомости Спб. Градоначальства. Ц. съ дост. 5 р.; съ пер. 7 р.

Вѣстникъ Европы. Журналъ исторіи, политики и литературы. 12 нумер. въ годъ. Ц. 15 р. 50 к., съ дост. 16 р., съ пер. 17 р.

Вѣстникъ иностранной литературы. Ежемѣсячный журналъ. Ц. 4 р.

Вѣстникъ Кавказа. Газета ежедневная. Тифлисъ. Ц. съ пер. 10 р.

Гражданинъ. Ежедневная газета. Ц. 12 р. съ ежемѣс. прилож., съ дост. и пер. 15 р.

Донская Пчела. Газета; два раза въ недѣлю. Ростовъ-на-Дону. Ц. съ пер и дост. 7 р.

Досугъ и Дѣло. Журналъ для солдатъ и народа. 6 выпуск. въ годъ. Ц съ дост. и пер. 4 р.

Екатеринбургская Недѣля. Еженедѣльная газета. Екатеринбургъ. Ц. съ перес. 6 р.

Живописное Обозрѣніе. Иллюстрированный беллетристическій журналъ. Еженедѣльно, съ ежемѣсяч. литер. прилож. Ц. съ дост. и пер. 8 р., на велен. бум. 15 р.

Journal de St.-Pétersbourg. Ежедневная газета. Ц. съ дост. 18 р., съ пер. 22 р., 1/2 года: 10 р., съ пер. 12 р. 25 коп.

Journal d'Odessa. Ежедневная газета. Одесса. Ц. съ дост. и пер. 14 р.

Зодчій. Художественно - техническій журналъ ежемѣсячный. Ц. съ дост. 12 р., съ пер. 14 р.

Историческій Вѣстникъ. Ежемѣсячн. журн. Ц. съ дост. и пер. 10 р.

Кавказъ. Газета политич. и литерат. Ежедневно. Тифлисъ. Ц. съ дост. и пер. 13 р.

Кіевлянинъ. Газета юго-западнаго края. Ежедневно, выходитъ въ Кіевѣ. Ц. съ достав. и пер. 12 р., 1/2 г. 7 р.

Книговѣдѣніе. Цѣна съ дост. и перес. 6 руб.
Край („Kraj"). Ежемѣсячная политическая и общественная газета на польскомъ языкѣ. Ц. съ дост. 10 р., 1/2 г. 5 р., съ пер. 12 р., 1/2 г. 6 р.
Кронштадтскій Вѣстникъ. Морская газета. Ц. съ доставк. и перес. 8 руб.
Лучъ. Газета. Три раза въ недѣлю. Ц. съ дост. и пер. 6 р., съ приложеніемъ еженедѣльнаго журнала „Иллюстрированный Міръ". Безъ прилож. 3 р.
Московскія Вѣдомости. Газета политическая и литературная. Ц. съ дост. и пер. 17 р., 1/2 г. 10 р. 50 к.
Moscauer deutsche Zeitung. 6 разъ въ недѣлю. Ц. съ дост. и перес. 10 р.
Московскій Листокъ. Ежедневная газета. Ц. съ дост. и пер. 10 р.
Наблюдатель. Литературно-политич. журналъ. Ц. съ дост. 13 р., съ перес. 14 р.
Недѣля. Еженедѣльная газета съ приложеніемъ ежемѣсячнаго „Журнала романовъ и повѣстей". Ц. съ пер. и дост. 9 р.
Нива. Иллюстрир. журналъ для семейнаго чтенія. 52 №№ въ годъ, съ ежем. литер. прилож. Ц. безъ дост. 5 р., съ дост. 6 р. 50 к., съ перес. 7 р.
Новое Время. Газета политическая и литературная. Ежедневно. Ц. съ дост. 16 р., съ перес. 17 р.; 1/2 г. съ дост. 9 р., съ перес. 10 р.
Новороссійскій Телеграфъ. Газета политич., литер. и эконом. Ежедневно. Одесса. Ц. съ перес. и дост. 14 р.; 1/2 г. 8 р.
Новости. Ежедневн. политич. и литературн. газета. I-е изд.: съ дост. 16 р., 1/2 г. 9 р.; съ перес. 17 р., 1/2 г. 10 р.— II-е изд.: съ дост. 9 р., 1/2 г. 6 р.; съ перес. 10 р., 1/2 г. 6 р.
Новости Дня. Ежедневная газета. М. Ц. съ перес. 10 р., 1/2 г. 5 р. 50 к.
Новь. Иллюстрированный двухнедѣльн. вѣстникъ. Годовая подписная цѣна 14 р.
Нувеллистъ. Музыкальный журналъ, съ музыкально-литературнымъ прибавл. 12 книгъ въ годъ. Ц. съ дост. и перес. 6 р.
Осколки. Еженедѣльн. иллюстр. журн. Ц. съ дост. и перес. 9 р.
Петербургская Газета. Газета обществен. жизни и литерат. Ц. съ дост. 9 р., 1/2 г. 5 р.; съ перес. 10 р., 1/2 г. 6 р.
Петербургская Жизнь. Иллюстр. еженедѣльн. журналъ. Ц. 6 р. съ дост. и перес.
Петербургскій Листокъ. Газета общественной жизни и литерат.; ежедн. Ц. съ дост. 9 р., 1/2 г. 5 р. 50 к.; съ перес. 10 р., 1/2 г. 6 р.
Природа и люди. Журналъ путешествій. Еженедѣльно. Ц. 5 р.
Правительственн. Вѣстникъ. Ежедневная газета. Ц. съ дост. и пер. 12 р., 1/2 г. 8 р.
Развѣдчикъ. Журналъ библіографическій и научно-литературный, отъ 20 до 40 №№ въ годъ. Ц. съ дост. и пер. 6 руб.
Развлеченіе. Журналъ литературн. и юмористич., съ политипажами. Выходитъ еженедѣльно. Ц. съ пер. и дост. 6 р.
Ребусъ. Еженедѣльно. Ц. съ дост. и пер. 5 р.
Родина. Еженедѣльный иллюстрированный журналъ съ приложеніемъ романовъ. Ц. съ пер. 5 р. 60 к.
Русское Богатство. Ежемѣсячный журналъ. Ц. съ дост. и пер. 9 р.
Русскій Вѣстникъ. Журналъ литературный и политическій. 12 кн. въ годъ. Ц. съ дост. 16 руб., съ пер. 17 р.
Русскій Инвалидъ. Газета военная, ежедневная. Ц. съ дост. и пер. 9 р., вмѣстѣ съ „Военнымъ Сборникомъ" 13 р.
Русское Обозрѣніе. Ежемѣсячный литературно-политич. журналъ. М. Ц. съ пер. 15 р. 50 к.
Русскія Вѣдомости. Газета политическая. Ц. съ дост. и пер. 11 р., 1/2 г. 6 р.
Русь. Газета политич. и литерат. Ежедневно. Ц. съ дост. и пер. 8 р., съ еженедѣльными и ежемѣсячными приложеніями; ц. 8 р.
С.-Петербургскія Вѣдомости. Газета политическая и литературная; выходитъ ежедневно. Ц. съ дост. 17 р., съ пер. 18 р.
St.-Petersb. Herold. Ежедневно. Политическая и литературная газета. Ц. съ дост. 13 р., съ пер. 14 р.; за 6 м. 7 р. 50 к. съ дост. и пер.
St.-Petersburg.Zeitung. Газета политическая, ежедневная. Ц. съ дост. 13 р., съ пер. 14 р.
Свѣтъ. Газета политическая и литературная. Ежедневно. Ц. съ дост. и пер. 4 р., съ приложеніемъ романовъ и повѣстей 8 р.
Сельскій Вѣстникъ. Еженедѣльная народная газета. Ц. съ дост. 2 р., съ пер. 2 р. 60 к.
Сенатскія Вѣдомости съ собраніемъ указовъ. Ц. съ дост. и пер. 9 р. 55 к.
Стрекоза. Художественно-юмористич. журналъ. Еженедѣльно. Ц. съ дост. 9 р., съ пер. 10 р.; 1/2 г. 6 р.
Судебная Газета. Еженедѣльная газета. Ц. въ годъ 7 р.
Сѣверный Вѣстникъ. Литературно-научный и политическій журналъ. 12 №№ въ годъ. Ц. съ дост. 12 р. 50 к., съ пер. 13 р. 50 к.

Сѣверъ. Литературный иллюстрированный журналъ. 52 №№ въ годъ. Ц. съ дост. и пер. 7 р.
Сынъ Отечества. Газета политич., ученая и литерат. Выходитъ ежедневно. Ц. съ дост. и пер. 8 р.
— Второе изданіе безъ приложен. 4 р.
Тифлисскій Листокъ. Ежедневная газета. Ц. съ дост. и пер. 6 р.
Чтеніе для солдатъ. 6 книгъ въ годъ. Ц. съ дост. и пер. 4 р.
Шахматы. Выходитъ 2 раза въ мѣсяцъ Ц. 5 р.
Школьное Образованіе съ приложеніемъ „Сборника". Еженедѣльная общепедагогическая газета. Ц. съ пер. и доставкой 5 р.
Шутъ. Художественно-юмористическій журналъ каррикатуръ. Еженедѣльно. Ц. съ дост. и перес. 7 р., съ преміею 7 р. 65 к.

Польскія.

Atheneum. Pismo naukowe i literackie. Rocznie 12 zeszytów, rs. 12.
Biblioteka najcelniejszych utwcrow literatury europejskiej. 12 zeszytòw, rs. 6.
— romansów i powiesci. 52 numera, rs. 6 kop. 80.
— Warszawska. 12 zeszytów, rs. 10.
Biesiada literaska. Pismo literackie illustrowane. 52 num, rs. 6 z dodatkiem powieści, rs. 8.
Bluszez. Pismo tygodniowe illustr. dla kobiet. 52 num., rs. 10. Z dodatkiem mód kolorowanych i krojów. Wydanie II rs. 13; wydanio III rs. 16.
Czasopismo Techniczne, miesięczne Kraków. Rs. 6 kop. 80.
Echo Muzyczne i Teatralne. Tygodnik literasko-artystyczny, zawiera utwory zagranieznych i krajowych kompozytorów. Z bezpłatnym dwutygodniowym dodatkiem not, rs. 10.
Gazeta Handlowa, codziennie, rs. 11.
Gazeta Lekarska. 52 numera. rs. 6.
Gazeta Polska, dziennik polityczny, rs. 12.
Gazeta przemyslowo - rzemieslnicza, pismo tygodniewe, rs. 5 k. 20.
Gazeta Rolnicza, rs. 9. Z Kurjerem rolniczym, rs. 13.
Gazeta Sadowa Warszawska. 52 numera, rs. 8.
Gazeta Swiateczna. 52 numera, rs. 3.
Gazeta Warszawska codziennie, rs. 12.
Izraelita. Organ poświęcony sprawom religii i oświaty. 22 numera. rs. 8.
Kolce. Tygodnik humorystyczny, rs. 8.
Kosmos. Czasopismo polskiego Towarzystwa przyrodników imienia „Kopernika". Lwów, 21 reszytów, rs. 6.
Kraj, tygodnik polityczno-społeczny w Petersburgu, rs. 12.
Kronika Lekarska. Dwutygodnik naukowy, poświęcony przeglądowi postępów nauk lekarskich, rs. 6.
Kronika Rodzinna. 52 numera, rs. 5.
Kurjer Codzienny, dziennik, rs. 9.
Kurjer Poranny. Wychodzi codzień, rs. 8.
Kurjer Bolniczy. 52 numera, rs. 5.
Kurjer Swiateczny. Wychodzi co niedziela i święta, rs. 4.
Kurjer Warszawski, dziennik, rs. 12.
Kwartalnik Historyczny. 4 numera, rs. 6.
Medycyna, Tygodnik lekarski, pod redakcya d-ra Benni, rs. 6.
Mucha. Tygodnik humorystyczny illustrowany, rs. 5.
Niwa. Dwutygodnik naukowy, literacki i artystyczny, rs. 9.
Ogrodnik Polski. Dwutygodnik illustrowany, rs. 8.
Prawda. Tygodnik polityczny, społeczny i literacki. Pod redakcyą Aleksandra Swiętochowsckiego. 6. rs. 10.
Przegląd tugodniowy życia społecznego, literatury i sztuk pięknych, rs. 10; z dodatkiem rs. 12.
Przyjaciel dzieci. Pismo tygodniowe, rs. 5.
Przyjaciel zwierząt domowych i pożytecznych. Miesięcznik, rs. 3.
Rola. Tygodnik poświęcony sprawom społecznym, ekonomicznym i literackim, rs. 8.
Rolnik. Czasopismo dla gospodarzy wiejskich (Lwów). Rocznie 24 numerów, rs 6.
Romans i Powiesc. 52 numera, rs. 4.
Słowo. Gazeta codzienna, rs. 12.
Sylwan piśmo poświęcone leśnictwu, rs. 5.
Tygodnik illustrowany, pośw. literaturze, nauce i sztukom pięknym, z tygodniowym dodatkiem powieści, rs. 12.
Tygodnik mód i powiesci. Z dodatkiem illustrowanych ubrań i robót kobiecych, rs. 5.
Tygodnik powiesci. Poznań, rs. 4.
Tygodnik Romansów i Powieści, rs. 4.
Wędrowiec. Pismo illustr., obejmujące podróże, rs. 8.
Wiadomosci farmaceutyczne (tylko rocznie), rs. 5.
Wieczory rodzinne. Czasopismo tygodniowe illustrowane dla dzieci, rs. 5.
Wiek, dziennik polityczny i społeczny. rs. 12.
Wszechswiat. Tygodnik popularny, poświęcony naukom przyrodniczym. Pod redakcyą B. Znatowicza, rs. 10.
Zdrowie, miesięcznik poświęcony hygjenie, rs. 5.
Zorza. Pismo dla miast i wiosek. Rocznie 52 Nr., rs. 4.

„Русская Мысль“.

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Условія подписки на 1895 годъ

(шестнадцатый годъ изданія).

	Годъ.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста Россіи	12 р.	6 р.	3 р.	1 р.
За границу	14 „	7 „	3 „ 50 к.	—

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка; при подпискѣ, къ 1 апрѣля, 1 іюля и 1 октября по **3** руб.

Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 50 коп. съ каждаго годоваго экземпляра. Кредита и разсрочекъ по доставляемымъ ими подпискамъ не допускается.

За перемѣну адреса взимается слѣдующая плата: при переходѣ городскихъ подписчиковъ въ иногородніе, а равно иногороднихъ въ городскіе уплачивается по 50 коп. За перемѣну адреса на адресъ той же категоріи уплачивается 25 коп. При перемѣнѣ адреса на заграничный доплачивается разница подписной цѣны на журналъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Москвѣ: въ конторѣ журнала—уголъ Леонтьевскаго пер. и Большой Никитской ул., д. № 2—24.

Въ Петербургѣ: въ отдѣленіи конторы журнала—при книжномъ магазинѣ Н. Фену и К°, Невскій просп., домъ Армянской церкви.

Въ Кіевѣ: въ книжномъ магазинѣ Л. Идзиковскаго.

При книжномъ магазинѣ «Русская Мысль» В. М. Лаврова принимается **подписка на всѣ издающіеся въ Россіи журналы и газеты.**

Редакторъ-издатель В. М. ЛАВРОВЪ.